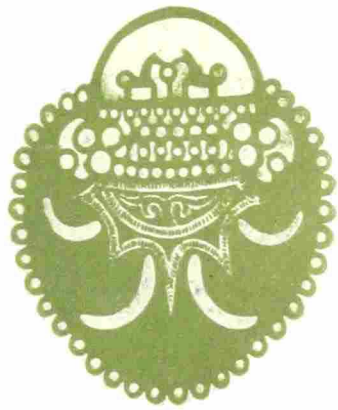
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



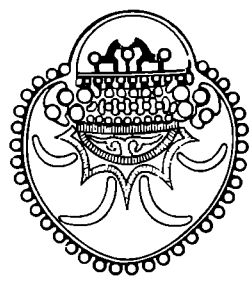
4

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский (главный редактор)
О. Н. Бадер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

В. Ф. ФИЛАТОВА

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ С КЕРАМИКОЙ СПЕРРИНГС В КАРЕЛИИ

О роли каменных орудий в изучении прохождения и этнической принадлежности населения определенной области существуют самые различные мнения. Одни исследователи считают привлечение орудий в качестве этнического показателя вполне правомочным и необходимым [1]. Другие, не отрицая наличия местных типов, отводят им роль источника, способного дать лишь картину хозяйственно-культурных отношений [2]. Ареалы распространения однородных типов орудий определяются, таким образом, шире ареалов, выделяемых по керамике, и охватывают группу этнически однородных или неоднородных племен.

Безусловно, что орудия, в отличие от керамики,— источник менее ценный и достаточно своеобразный. Более тесная связь с географическими условиями и сырьевыми ресурсами, зависимость от рода хозяйственных занятий, известная консервативность форм снижают достоверность выводов, опирающихся на орудия. Тем не менее нельзя отрицать существование для каждой отдельной этнической группы населения специфичных черт в типах орудий, которые проявляются в деталях формы — традиционных или декоративных. В силу своего своеобразия каменные орудия требуют особого подхода. Прежде чем привлекать их в качестве источника для определения любой археологической общности, следует составить типологические ряды орудий для каждого типа керамики. Сопоставление таких комплексов орудий, одновременно существовавших на одной территории, позволит выявить сходство или различие форм орудий для каждого типа керамики и в какой-то степени решить вопрос о роли каменных орудий как источника в этнических и культурно-исторических процессах.

Особенно остро стоит вопрос о роли каменных орудий в разрешении спорных проблем этногенеза в Карелии, неолит которой характеризуется двумя типами керамики и несколькими одновременными керамическими комплексами. Комплекс орудий для неолита этой области выделен давно [3]. В последующие годы он не раз уточнялся и дополнялся [4]. Однако эта типология носит характер суммарного обзора каменного инвентаря всех памятников и считается общей для обоих типов керамики, которые, по мне-

---

[1] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 6; его же. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956; А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, 4.

[2] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 69; ее же. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. КСИИМК, 75, 1959, стр. 38; В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья, МИА, 131, 1965, стр. 222.

[3] А. Я. Брюсов. История древней Карелии.

[4] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951; ее же. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964.

нию исследователей, не имеют преемственности, этнически разнородны и неодновременны [5]. Возможно, что в неолите Карелии формы орудий действительно были общими. Но прежде чем сделать окончательный вывод, необходимо посмотреть, существует ли какая-нибудь взаимосвязь типов орудий с типами керамики. Для этого следует составить типологические ряды орудий отдельно для каждой группы памятников с чистым комплексом одного типа керамики или керамического комплекса.

В данной работе предпринята попытка выделения типов орудий, характерных для группы памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс.

Керамика Сперрингс появляется в Карелии в среде местных племен раньше, чем ямочно-гребенчатая [6], и занимает одно из основных мест, охватывая всю территорию республики. Из 287 памятников, датированных эпохой неолита, она обнаружена на 108. Однако не все стоянки содержат чистый ее комплекс. На 42 памятниках керамика Сперрингс встречается вместе с ямочно-гребенчатой и асбестовой; на 33 — с ямочно-гребенчатой. В тех и других случаях она составляет смешанные одновременные или неодновременные комплексы. Только 33 памятника содержат чистый комплекс, причем из них раскопано 21.

Из последней группы памятников наиболее полно изучены 10. Остальные 11 стоянок исследованы с помощью шурфов или содержат неопределимые обломки орудий [7].

Рассматриваемые десять стоянок расположены в центральной части республики, вокруг озер и рек, на древних береговых террасах: стоянки Пески III [8], Пески II [9], Ялгуба [10] и Деревянное [11] — по бровкам древних берегов западного побережья Онежского озера в районе г. Петрозаводска, Вой-наволок XXVIII [12] и Коч-наволок I [13] — на островах, примыкающих к древней линии берега северного побережья этого озера, Сулгу II [14], Сулгу III [15], Сулгу XI [16] и Малая Суна XIII [17] — также по берегам одноименных речек, неподалеку от места впадения их в Сямозеро (рис. 1).

Все поселения имеют площадь 2—5 тыс. $м^2$. Культурный слой — красноватого цвета песок, толщиной до 40 *см* — перекрыт небольшим слоем дерна (5—10 *см*) и подстилается желтым или белым песком. На некоторых поселениях культурный слой прорезан небольшими хозяйственными

---

[5] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 83, 93, 94, 96; ее же. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 50, 53, 62; М. Е. Фосс. Древнейшая история Северо-Европейской части СССР, стр. 83; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 53—55, 60; его же. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. В кн. Новые памятники истории древней Карелии. М.— Л., 1966.

[6] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений, стр. 40; его же. Неолитические стоянки с керамикой типа Сперрингс в Карелии и Финляндии. Скандинавский сборник. Таллин, 1967, XII; Н. Н. Гурина. Ответ А. Я. Брюсову. СА, 1963, 3.

[7] Подсчет и классификация памятников сделаны по отчетам Карельской археологической экспедиции за 1955—1967 гг. (Руководитель Г. А. Панкрушев, Архив ИА, Р. 11). Памятники, изученные другими исследователями, содержат смешанные керамические комплексы, не разделенные стратиграфически: стоянка Пушсовхоз 2 и Медвежьегорская III — ямочно-гребенчатую и Сперрингс (Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 93). Сунские стоянки — ямочно-гребенчатую, Сперрингс и асбестовую (А. Я. Брюсов. История древней Карелии).

[8] Архив Р11, 1956, д. 1320, стр. 25; Р11, 1957, д. 1510, стр. 10—15; Р11, 1958, д. 1812, стр. 7—12, Р11, 1959, д. 1988, стр. 5—9.

[9] Там же, 1956, д. 1320, стр. 25; Р11, 1957, д. 1610, стр. 6—10.

[10] Там же, 1956, д. 1320, стр. 26—28; Р11, 1957, д. 1610, стр. 19.

[11] Там же, 1957, д. 1610, стр. 17; Р11, 1958, д. 1812, стр. 17—18.

[12] Там же, 1962, д. 2529, стр. 62—65.

[13] Там же, 1956, д. 1320, стр. 41—43.

[14] Архив ИА, Р11, 1957, д. 1610, стр. 33; Р11, 1958, д. 1812, стр. 23; Р11, 1959, д. 1988, стр. 13—14; Р11, 1960, д. 2176, стр. 78—82.

[15] Там же, 1962, д. 2529, стр. 11—12.

[16] Там же, 1961, д. 2309, стр. 26—27.

[17] Там же, 1961, д. 2309, стр. 39; Р11, 1962, д. 2529, стр. 42—43.

ямками и кострищами. Одинаково размещенные по древним береговым линиям поселения имеют отличия по удаленности от современных берегов и высоте расположения над уровнем воды: одни стоянки дальше от берега и выше, другие ближе к воде и ниже. Эта закономерность лучше всего прослеживается на берегах Онежского озера (Пески III удалена от берега на 180 *м*, высота над озером 6,5 *м*; Пески II — на высоте 3,7 *м*, расстояние до воды 140 *м*) и означает хронологическую последовательность возникновения поселений [18].

Общая площадь раскопов на всех стоянках равна 4560 $м^2$ (3,5 тыс. $м^2$ — сборы на распаханной стоянке Ялгуба I).

Меньше всего исследована стоянка Малая Суна XIII (12 $м^2$); наибольшая площадь расцвета (Сулгу II, Сулгу III, и Пески III (по 208 $м^2$); Вой-наволок XVIII и Пески II (по 160 $м^2$). Раскопы на остальных равны — 120 $м^2$ (Сулгу XI), 88 $м^2$ (Деревянное I), 80 $м^2$ (Коч-наволок I), 24 $м^2$ (Сулгу III^г).

Инвентарь поселений состоит из чистого комплекса керамики Сперрингс и каменных изделий.

Сравнительно хорошая изученность карельской керамики Сперрингс позволила наметить основные этапы ее развития [19]. В рассматриваемой группе памятников она представлена наиболее ранней стадией (стоянки Пески III и Ялгуба I), стадией расцвета (Сулгу II, Сулгу III^г, Вой-наволок XXVIII, Коч-наволок I) и начальным этапом периода упадка (Пески II, Деревянное I, Малая Суна XIII). Пережиточный тип этой керамики относится уже к началу II тысячелетия до н. э. и встречается в едином культурном комплексе с ямочно-гребенчатой и асбестовой керамикой [20].

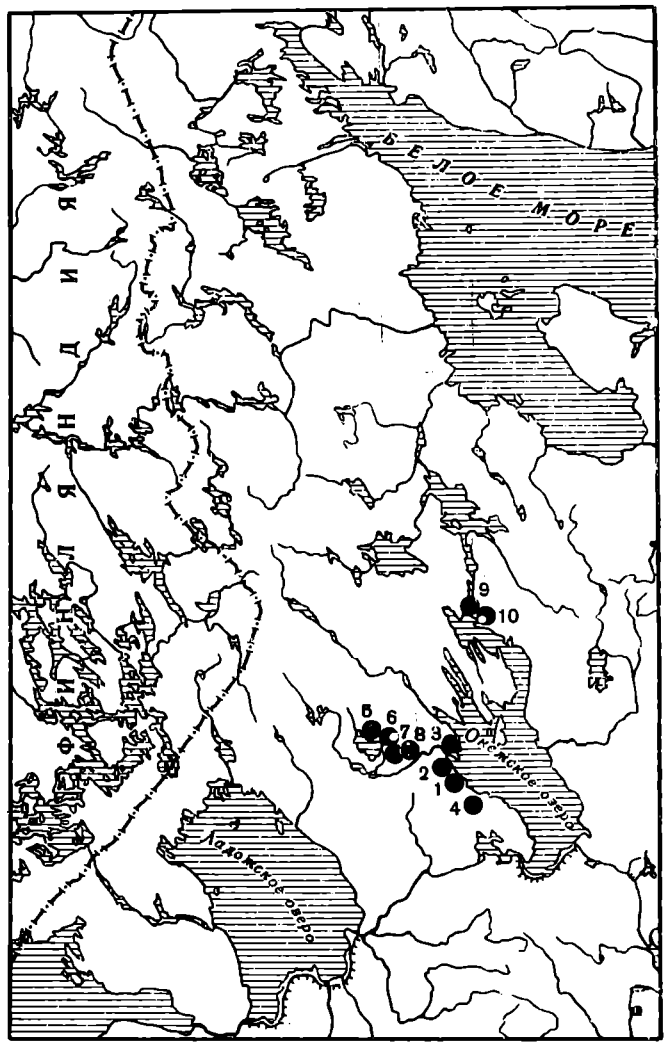


Рис. 1. Карта поселений с керамикой Сперрингс

1 — Пески III; *2* — Пески II; *3* — Ялгуба I; *4* — Деревянное I; *5* — Сулгу III^г; *6* — Сулгу II; *7* — Сулгу XI; *8* — Малая Суна XIII; *9* — Вой-наволок XXVIII; *10* — Коч-наволок I

Каменный инвентарь стоянок состоит из орудий и отходов производства (табл. 1).

К числу отходов относятся обломки изделий, по которым невозможно определить их назначение. Значительное число обломков объясняется

---

[18] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений.

[19] Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки с керамикой типа Сперрингс в Карелии и Финляндии; его же. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 25, 26; 51, 52.

[20] Там же.

Таблица 1

Группа	Орудие	Сланец	Кварц	Кремень	Роговик	Песчаник	Кварцит	Шифер	Прочие	Всего	В % от общего числа орудий
I	Пилы	6	—	—	—	36	7	1	—	50	7,1
	Шлифовальные плиты	82	—	—	—	179	3	—	5	269	38,2
	Точильные бруски	7	—	—	—	15	2	6	—	30	4,2
	Отбойники	3	4	1	1	—	—	—	—	9	1,2
	Всего	98	4	1	1	230	12	7	5	358	50,8
II	Топоры	22	—	—	—	—	—	—	—	22	2,9
	Тесла	8	—	—	—	—	—	—	—	8	0,9
	Долота прямые	12	—	—	—	—	—	—	—	12	1,7
	Долота желобчатые	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,1
	Стамески	22	—	—	—	—	—	—	—	22	3,1
	Всего	65	—	—	—	—	—	—	—	65	8,9
III	Наконечники стрел	1	—	3	3	—	—	—	—	7	0,9
	Наконечники копий	—	—	—	—	—	2	—	—	2	0,2
	Всего	1	—	3	3	—	2	—	—	9	1,2
IV	Грузила для сетей	8	—	—	—	1	—	—	1	10	1,4
	Грузики для лесок	2	—	—	—	—	—	4	—	3	0,4
	Всего	10	—	—	—	1	—	1	1	13	1,8

Группа	Орудие	Сланец	Кварц	Кремень	Роговик	Песчаник	Кварцит	Шифер	Прочие	Всего	В % от общего числа орудий
V	Скребки	14	104	36	7	—	—	—	1	162	23,0
	Скребла	4	5	—	1	—	—	—	—	10	1,4
	Скобели	—	—	—	1	—	—	—	1	2	0,2
	Резцы	—	17	3	4	—	—	—	—	24	3,4
	Ножи	3	—	6	—	—	—	—	—	9	1,2
	Ножевидные пластины	5	9	20	4	—	—	—	1	39	5,5
	Всего	26	135	65	17	—	—	—	3	246	34,9
	Кирки	12	—	—	—	—	—	—	—	12	1,4
	Киркообразные орудия	4	—	—	—	—	—	—	—	4	0,6
	Пешни	2	—	—	—	—	—	—	—	2	0,2
	Всего орудий	218	139	69	21	231	14	8	9	709	
	% от общего числа	30,2	19,6	9,8	2,9	32,8	1,9	1,1	1,2	100	
Прочий инвентарь	Обломки орудий	434	—	—	7	—	—	—	—	441	
	Нуклеусы	1	3	2	4	—	—	—	1	11	
	Камни с надпилом	11	—	—	—	—	—	—	—	11	
	Осколки и отщепы	1068	2556	159	81	—	—	—	—	3864	
	Всего инвентаря	1732	2698	230	113	231	14	8	10	5036	

хрупкостью сланца. Немногочисленные нуклеусы неопределенных форм и камни с надпилом (свидетельствующие о применении пиления на сланце) тоже входят в число отходов. Очень многочисленны осколки и отщепы, в первую очередь кварцевые. Все они случайных форм, различны по размерам, чаще всего небольшие, непригодные к дальнейшей обработке.

Количество целых орудий сравнительно невелико. Это характерно не только для описываемых поселений, но и для большинства других неолитических памятников Карелии. В рассматриваемой группе обнаружено 709 изделий, различных по назначению. В зависимости от выполняемых ими функций орудия разделены на 22 категории. Неясными по функции остаются киркообразные орудия и пешни [21].

В категориях наблюдается неравномерность распространения (табл. 1, графа процентного соотношения категорий).

Чаще других встречаются шлифовальные плиты и скребки; реже — пилы, топоры, стамески, резцы, ножевидные пластинки. Единичными экземплярами представлены наконечники копий, грузики для лесок, скобели «пешни». Остальные орудия распределяются сравнительно равномерно.

Количественное соотношение категорий дает возможность охарактеризовать общий уровень развития каменной индустрии описываемой группы поселений. Широкое применение шлифовальных плит и пил свидетельствует о развитости определенного вида работ по камню — шлифования и пиления. Возможно, что некоторое число этих орудий использовалось для работ с другими видами сырья — кость, дерево и т. д., в условиях Карелии не сохраняющихся.

Большой процент мелких орудий (скребков, резцов) свидетельствует о значении их в производстве и хозяйственной деятельности, а число ножевидных пластин говорит о развитой вкладышевой технике.

Распределение ножевидных пластинок по стоянкам в отличие от всех прочих категорий неравномерно. 24 экземпляра из общего числа 39 обнаружены на стоянке Пески III, причем 16 пластинок этого памятника — кремневые. На всех других поселениях ножевидные пластинки встречаются единицами; на некоторых же их нет совсем (Деревянное I, Сулгу XI, Сулгу III^{г}).

Все пластинки аморфны по своим очертаниям, не имеют вторичной обработки и невелики по размерам (3—5 *см*). Возможно, что какая-то их часть, в особенности кремневые, могла служить вкладышами, но большой роли в хозяйстве и технике они не играли.

Сравнительно небольшое число крупных орудий не говорит, однако, о редком их применении. Этому противоречит огромное число обломков и шлифовальных плит. Тем не менее наиболее специализированные орудия (тесла, долота) широкого применения, по-видимому, не нашли.

Число наконечников стрел, копий, грузиков и грузил свидетельствует о небольших по объему работах с применением этих категорий, хотя на их численности, безусловно, сказалась специфика применения, так как основная часть этих орудий оставалась за пределами поселений.

В зависимости от вида обрабатываемого сырья и хозяйственного назначения категорий орудий их можно объединить в группы (табл. 1, графа групп). Всего намечается пять групп: I — орудия для обработки камня; II — для работ по дереву; III — орудия охоты; IV — рыбной ловли; V — объединяет мелкие орудия со скребущими и режущими функциями, которыми могли работать по дереву, кости, коже и т. д. Отдельно стоят категории, неизвестные по функции [22]. Наиболее крупными группами являются I, II, V. Если учесть обломки орудий II группы, то она будет занимать господствующее место.

---

[21] Фунциональное определение является принятым для Карелии. Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 19.

[22] Распределение категорий по группам, как и сами группы, в достаточной степени условны и сделано это только для более четкой классификации.

III и IV группы, малочисленные по составу, свидетельствуют о разнообразии хозяйственных занятий, хотя и недостаточно развитых.

Различия в процентном соотношении групп говорят о преобладании в каменной индустрии крупных орудий и всех процессов, связанных с их изготовлением и применением. Мелкие орудия V группы играют второстепенную роль, имея лишь вспомогательное значение.

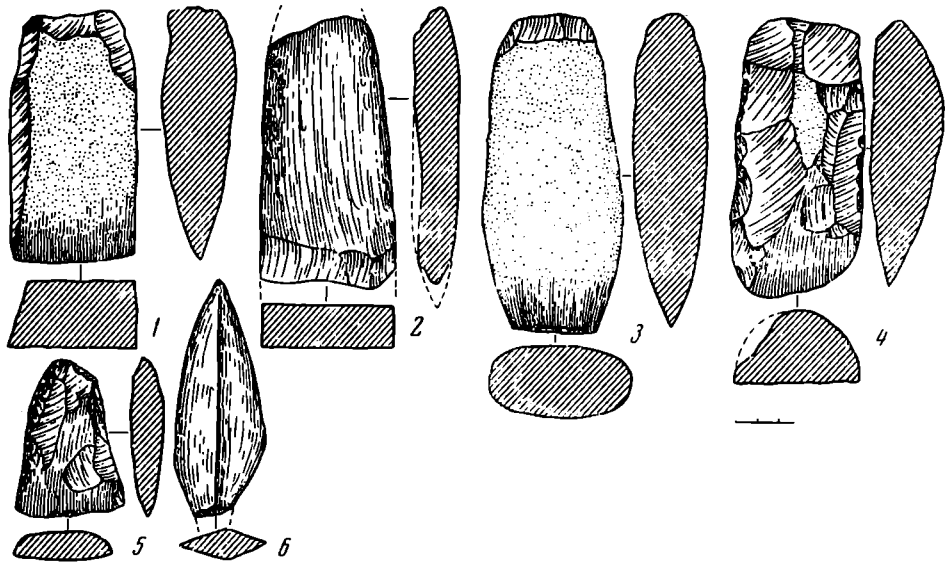


Рис. 2. Каменные орудия из Карелии

1—5 — топоры; *6* — наконечник копья (*1, 4, 5* — Пески III; *2* — Пески II; *3* — Ялгуба I, *6* — Деревянное I. *1—5* — сланец; *6* — кварцит)

Для изготовления орудий использовался довольно большой ассортимент пород камня (табл. 1, графы количества и процентного соотношения материала). Господствующее место занимают местные породы — сланец, кварц и песчаник. Роль кремня, единственного привозного материала, невелика. Он используется для выделки мелких орудий (скребки, ножевидные пластинки, ножи) и в основном встречается на наиболее южных памятниках (стоянки Пески III, Ялгуба I, Деревянное I дали 51 кремневое орудие из общего числа 69). Прочие породы — роговик, близкий по свойствам к кремню, кварцит и т. д. — широкого применения не имели.

Породы, в зависимости от свойств, дифференцированы в группах и категориях. В I группе преобладает песчаник — порода с абразивными свойствами; во II, IV группах господствует сланец. Он — единственное и наиболее пригодное в условиях Карелии сырье для изготовления крупных орудий. В V группе первенство принадлежит кварцу.

Дифференциация пород в категориях орудий не столь ярка, но и здесь чаще всего применялся тот материал, который по свойствам давал больший эффект в работе: пилы и шлифовальные плиты сделаны из песчаника; наконечники стрел, ножи, ножевидные пластинки — кремневые и т. д.

Категории характеризуются большим разнообразием форм, позволяющим составить типологические ряды общего комплекса орудий данной группы памятников.

Одной из самых разнообразных по типам является категория топоров. Сравнительно небольшое число их дает серию типов, отличающихся друг от друга по форме, поперечному сечению, форме обуха и лезвия, способам обработки и т. д. Первый тип объединяет орудия прямоугольные в плане и сечении: обух и лезвие равны по ширине, прямые. Лезвие заточено. Поверхности орудий оставлены без обработки: боковые грани оформлены пилением или длинным ровным сколом (рис. 2, *1*). Следующий тип топоров

имеет много общего с первым: они также плоски, прямоугольны в сечении; обух слегка заужен, лезвие чуть расширено; все грани зашлифованы. Такой прием обработки придал орудиям уплощенную форму по сравнению с предыдущим типом (рис. 2, *2*). Резко отличны от первых двух типов топоры, овальные в поперечном сечении, с зауженным обухом и лезвием, равными по ширине. У некоторых экземпляров поверхность боковых граней сформирована мелкими сколами; обух заужен. Широкие грани частично

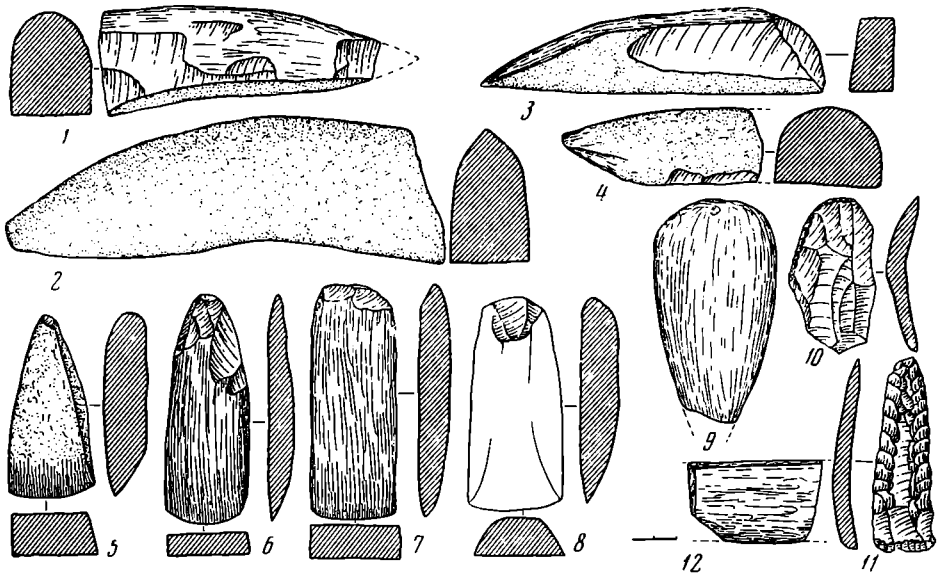


Рис. 3. Каменные орудия из Карелии

1—4 — кирки; *5—8* — тесла; *9—11* — ножи; *12* — пила (*1—2* — Вой-наволок XXVIII; *3, 6, 8* — Пески II; *7* — Деревянное I; *4, 5, 9* — Пески III; *10* — Кочнаволок I; *11* — Малая Суна XIII; *12* — Сулгу II. *1—9* — сланец; *10* — роговик; *11* — кремень; *12* — песчаник)

зашлифованы, примерно до середины от линии лезвия. Третье орудие этого типа обработано точечной ретушью (рис. 2, *3*).

Еще один тип составляют орудия с полуовальным поперечным сечением, с прямым лезвием и обухом, равными по ширине. Одна широкая поверхность прямая, частично пришлифована вместе с лезвием, другая оформлена крупными сколами, более мелкими по боковым граням (рис. 2, *4*). На одном экземпляре боковая грань оформлена пилением. Этот тип близок к первому (форма лезвия и обуха, степень шлифовки) и в то же время отличен от него округлостью сечения, не характерной для третьего типа. К последнему типу отнесены небольшие по размерам, острообушные топорики, линзовидные в сечении. Лезвие у них расширено, обух заужен. У некоторых экземпляров вся поверхность зашлифована. Другие имеют шлифовку по широким граням, а боковые оформлены мелкими сколами (рис. 2, *5*).

Выделенные типы по некоторым признакам сближаются. Большие черты сходства наблюдаются у типа топоров прямоугольных в плане и поперечном сечении и типа уплощенных, так же прямоугольных в сечении и плане. Оба типа следует рассматривать как одну форму топоров на разных ступенях развития. То же самое можно сказать о полуовальных и овальных в поперечном сечении образцах, хотя у них различий больше.

В категории тесел можно наметить следующие типы: тип острообушных, прямоугольных в поперечном сечении, расширенных к полого заточенному лезвию (рис. 3, *5*, *6*); тип плоских, прямоугольных в плане и сечении, полого заточенных по лезвию (рис. 3, *7*). По способу заточки лезвия последний тип близок к первому. Следующий тип по всем признакам, кроме лезвия, заточенного круто, идентичен прямообушным теслам. По-видимому, оба прямообушных типа тесел представляют собой одну форму на разных этапах ее развития.

Не похоже на прочих одно тесло со стоянки Пески II (рис. 3, *8*). Оно имеет трапециевидное сечение, тщательно зашлифовано и отдаленно напоминает русско-карельский тип тесел. Эта форма, единичная для всего рассматриваемого комплекса (а также совершенная техника шлифования), заставляет отнести данное орудие к пришлым не местным формам.

Категория прямых долот крайне многочисленна. Одни долота — с широким полого заточенным лезвием (рис. 4, *6*); в поперечном сечении они

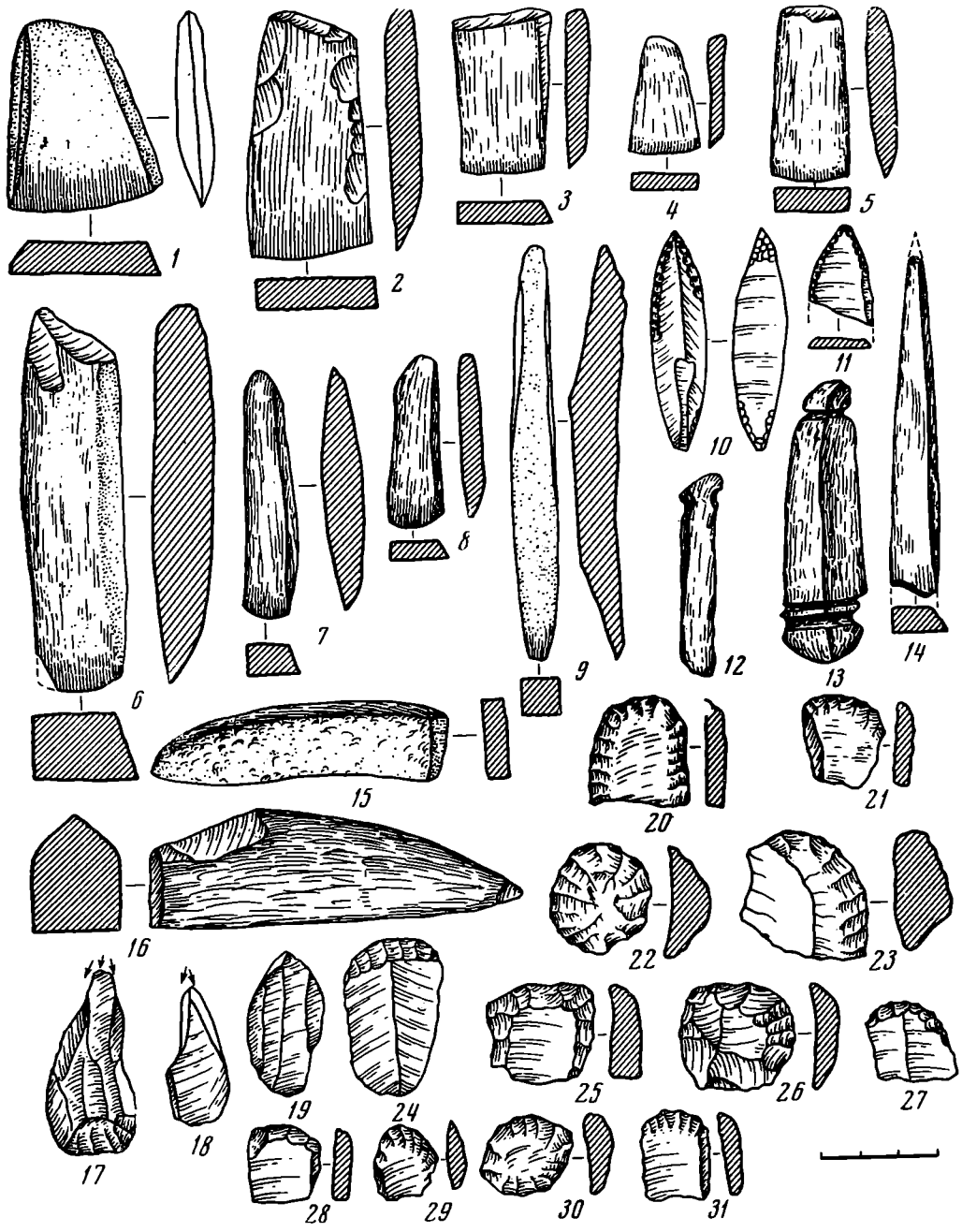


Рис. 4. Каменные орудия из Карелии

1—5 — стамески; *6—9* — прямые долота; *10, 11, 14* — наконечники стрел; *12, 13* — грузики для лесок; *15—16* — киркообразные орудия; *17—19* — резцы; *20—31* — скребки (*1, 7, 10, 11, 14, 17, 21, 22, 24—29* — Пески III; *2—4, 6, 9, 13, 15* — Пески II; *30* — Деревянное I; *8* — Сулгу III; *5, 16* — Вой-наволок XXVIII; *12, 20, 23, 31* — Сулгу II; *1—9, 13—16* — сланец, *10* — роговик, *12* — шифер, *17—23, 29—31* — кварц; *11, 24—28* — кремень)

прямоугольны, поверхности небрежно обработаны шлифованием. Внутри типа наблюдаются различия в размерах: наряду с массивными долотами встречаются небольшие (2 экз.), зашлифованные со всех сторон (рис. 4, *8*); по всем другим признакам они тождественны. Другие — узколезвийные, круто заточенные, длинные, но плоские (рис. 4, *7*, *9*). Они изготовле-

ны из плиток, обработаны преимущественно по лезвию; по боковым граням иногда следы пиления (у 2 экз.).

Желобчатые долота представлены одним фрагментом, судя по которому орудие было массивным, тщательно обработанным шлифовкой, имело широкий и длинный желобок. Это орудие напоминает долота с желобком из комплекса бескерамических стоянок Карелии. Для этого комплекса орудий желобчатые долота являются нехарактерными.

Довольно многочисленные стамески схожи между собой по формам и технике изготовления. Они плоски, прямоугольны в поперечном сечении, лезвия или расширены, или равны по ширине обуху. У некоторых орудий следы отпила — по боковым граням, поверхности зашлифованы или оставлены без обработки. По форме заточки лезвия стамески подразделяются на полого заточенные (рис. 4, *1*, *2*) и круто заточенные (рис. 4, *3*—*5*).

В категории наконечников стрел выделяются два типа. Один из них представлен сланцевыми стрелами, зашлифованными по всей поверхности с прямоугольным поперечным сечением (рис. 4, *14*). Следующий тип — стрелы из ножевидных пластинок, довольно аморфных по форме, отретушированных по краю со спинки (рис. 4, *10*, *11*).

Одним типом представлены наконечники копий: они ромбовидны в плане и поперечном сечении, достаточно массивны и хорошо отшлифованы (рис. 2, *6*).

Категория кирок[23], довольно многочисленная в этом комплексе орудий, представлена несколькими типами. Один из них составляют кирки высокие, полуовальные в поперечном сечении. Два экземпляра этого типа зашлифованы по всей поверхности: один — по выпуклой стороне (рис. 3, *1*). Другой тип — тоже полуовальные в сечении, но низкие (3 экз). Поверхность одного орудия оставлена без обработки; у другого — полностью зашлифована; а у третьего экземпляра обработана точечной ретушью. Две кирки отличаются друг от друга. Одна из них массивная, подтреугольная в поперечном сечении, с довольно четким ребром, по всем граням обработана точечной ретушью; рабочий конец тупой (рис. 3, *2*). Другая — небольшая, прямоугольная в поперечном сечении, зашлифована только по верхней грани (рис. 3, *3*). Обе они не являются типичными для рассматриваемого комплекса. Но наличие общих черт с прочими сланцевыми орудиями (прямоугольными топорами и типом высоких полуовальных кирок) заставляет считать их местными по происхождению и связывать с общим комплексом орудий группы памятников с керамикой Сперрингс.

К категориям, разнообразным по типам, относятся и скребки. Кроме типологического многообразия, в них наблюдаются различия по материалу. Для изготовления скребков применялся кварц, кремень, роговик и сланец. Скребки из кварца наиболее типологически разнообразны. Они подразделяются на следующие типы: миниатюрные скребочки (1,5—2 *см* длиной и шириной) с дугообразным рабочим краем (рис. 4, *29*—*31*); округлые, из отщепов дисковидной формы с трехсторонним или круговым рабочим краем (рис. 4, *22*); четырехугольные из плоских прямых отщепов с прямыми или трехсторонним лезвием (рис. 4, *20*); косолезвийные, также из отщепов, с дугообразным лезвием (рис. 4, *23*). Последний тип составляют скребки из тонких отщепов с дугообразным или прямым рабочим краем (рис. 4, *21*). Все прочие — из отщепов случайных форм, небрежно отретушированные — представляют собой атипичные скребки. Обычно кварцевые скребки отретушированы только по рабочему краю, со спинки. Скребки из кремня по некоторым типам одинаковы с кварцевыми. Специфичными для кремневых являются скребки из ножевидных пластинок (рис. 4, *27*). Кроме того, среди кремневых скребков отсутствует тип косолезвийных. Скребки из сланца и роговика относятся к числу атипичных.

---

[23] В отличие от кирок «олонецкого типа» (А. Я. Брюсов. История древней Карелии, прил. 7, табл. 1, *35*) они имеют один рабочий конец.

Таблица 2

Приемы обработки

Категории орудий	Типы орудий	заточка по лезвию	частичное шлифование	полное шлифование	пиление	скол длинный	скол крутой	сверление	пикетаж	количество орудий по типам
Топоры	Прямоугольные	5	—	—	2	4	—	—	—	5
	Уплощенные	—	1	4	—	—	—	—	—	5
	Овальные	2	1	—	—	—	3	—	1	3
	Подовальные	1	2	—	1	—	3	—	—	3
	Топорики	—	1	5	—	1	1	—	—	6
Тесла	Острообушные полого заточенные	1	—	2	—	1	—	—	—	3
	Прямообушные долого заточенные	—	—	2	—	—	—	—	—	2
	Прямообушные круто заточенные	—	1	2	—	—	1	—	—	3
Долота	Широколезвийные	2	2	2	—	2	—	—	—	6
	Узколезвийные	3	—	1	2	3	—	—	—	5
Стамески	Полого заточенные	3	4	5	2	2	—	—	—	13
	Круто заточенные	1	1	7	1	2	—	—	—	9
Кирки	Высокие полуовальные	—	3	—	—	—	—	—	—	3
	Высокие подтреугольные	—	—	—	—	—	—	—	1	1
	Высокие прямоугольные	—	1	—	—	—	—	—	—	1
	Низкие полуовальные	1	—	1	—	—	—	—	1	3
Прочие	Наконечники стрел	—	—	1	—	—	—	—	—	1
	Ножи	—	—	3	—	—	—	—	—	3
	Киркообразные орудия	—	4	—	—	—	—	—	—	4
	Грузики	—	—	3	1	—	—	—	—	3
	Грузила	—	—	—	—	—	—	4	—	4
	Пешни	—	—	—	1	—	—	—	—	1
	Число орудий с приемом	19	21	38	10	15	8	4	3	

Категория резцов представлена типами срединных, угловых и многогранных (рис. 4, *17—19*). Все резцы изготовлены из удлиненных отщепов и не имеют обработки по телу (за исключением многогранных) и отличаются случайностью нанесения резцового скола, очень нечеткого по технике.

В категории ножей выделяются сланцевые, подтреугольных очертаний, зашлифованные. Один экземпляр имеет маленькое отверстие (рис. 3, *9*). Прочие ножи из кремневых и роговиковых отщепов — аморфных очертаний, мелкая заостряющая ретушь идет только по краю (рис. 3, *10*). Отличен от прочих кремневый нож-скребок с поселения Малая Суна XIII. Со-

вершенной техникой и своеобразной формой он производит впечатление чужеродного (рис. 3, *11*).

Некоторые категории орудий представлены небольшим числом экземпляров, другие настолько однородны и нечетки по форме, что типологизации не поддаются. Грузила для сетей представляют собой необработанные куски камня с боковыми выемами или плоские плитки случайных очертаний (редко гальки) с пробитыми с двух сторон отверстиями (у некоторых — сверленными). Категория скребел однообразна. Все орудия сделаны из отщепов, случайных по форме, имеют округлые, грубо отретушированные лезвия. Скобели также изготовлены из отщепов, лезвие оформлено мелкой ретушью. Схожи между собой грузики для лесок. Два из них сделаны из удлиненных плиточек сланца, имеющих на одном конце неглубокие боковые выемки (рис. 4, *12*). Несколько отличен третий грузик; он трехгранный, шлифованый, с круговыми надпилами на концах (рис. 4, *13*). Киркообразные орудия неясны по функции. По форме они представляют собой уменьшенные копии кирок: одно — высокую подтреугольную (рис. 4, *16*), другое — кирку с прямоугольным поперечным сечением (рис. 4, *15*). Два других орудия напоминают последний тип, но в поперечном сечении квадратные. У всех этих орудий острые рабочие концы несут следы залощения. Орудия, названные пешнями, массивны (до 30 *см* длины, 4—5 *см* толщины и ширины). Они представляют собой бруски сланца с одним сбитым концом; поверхности не обработаны; у одного экземпляра по боковой грани — следы пиления.

Особо следует остановиться на орудиях I группы. Составить типологические ряды их не представляется возможным: почти все они представлены обломками, не позволяющими судить о форме орудия. У шлифовальных плит и точильных брусков определенной формы, по-видимому, вообще не существовало. Ими служили нужные по размерам плиты и бруски камня. На всех обломках сохранились следы работы в виде сглаженных поверхностей, иногда довольно глубоких. Форму, продиктованную назначением, имеют пилы (рис. 3, *12*). Они плоски, удлиненных очертаний, лезвие острое, иногда сохраняет штрихи, параллельные ему, поверхность пил обычно не обрабатывалась. Случайную форму, которая определялась конфигурацией куска камня, имеют отбойники. Иногда кусок грубо обкалывался. Нередко отбойниками служили окатанные гальки. На одном из концов эти орудия имеют следы работы в виде сбитостей и вмятин.

Технические приемы изготовления орудий специфичны для каждой породы камня. На сланце ими являются пиление, длинный и крутой скол, шлифование, сверление и пикетаж (табл. 2).

Пиление встречается на многих орудиях, обломках и заготовках. Им оформлялась боковая грань орудия. Надпил шел обычно до середины предмета; оставшаяся часть отламывалась. Последующей обработке эта грань не подвергалась. Для пиленых орудий характерна форма плоской плитки.

Прием скола встречается в двух видах: длинный, похожий на отлом по боковым граням или обуху — у орудий прямоугольных форм и крутой, типа отбивки,— в орудиях с мягкими очертаниями по боковым граням и обуху.

Прием шлифования применялся для более широкого круга орудий. Он встречается в виде заточки по лезвию, частичного шлифования отдельных (двух, реже трех) граней и полного шлифования всей поверхности. Три вида шлифования представляют собой три последовательных этапа овладения этим приемом. Со сменой этих этапов меняется и форма орудия: при заточке по лезвию она представляет собой плоскую плитку или кусок камня с одной плоской стороной; на этапе частичного шлифования плитка становится массивнее, чаще встречается просто кусок камня; на этапе полного шлифования — та же плитка, но уплощенная, с четким прямоугольным сечением. Орудия округлых линий полностью не зашлифовывались

(исключение составляет одна кирка). Из всех стадий шлифования чаще всего встречается последняя (табл. 3), но преобладает она у небольших орудий (стамесок, ножей) и тесел, отличающихся более совершенной техникой от всех прочих изделий.

Очень слабо было развито сверление, которое шло с предварительным двухсторонним пробиванием отверстия и последующей, тоже двухсторонней разверткой его и пикетаж, достаточно небрежный и бессистемный.

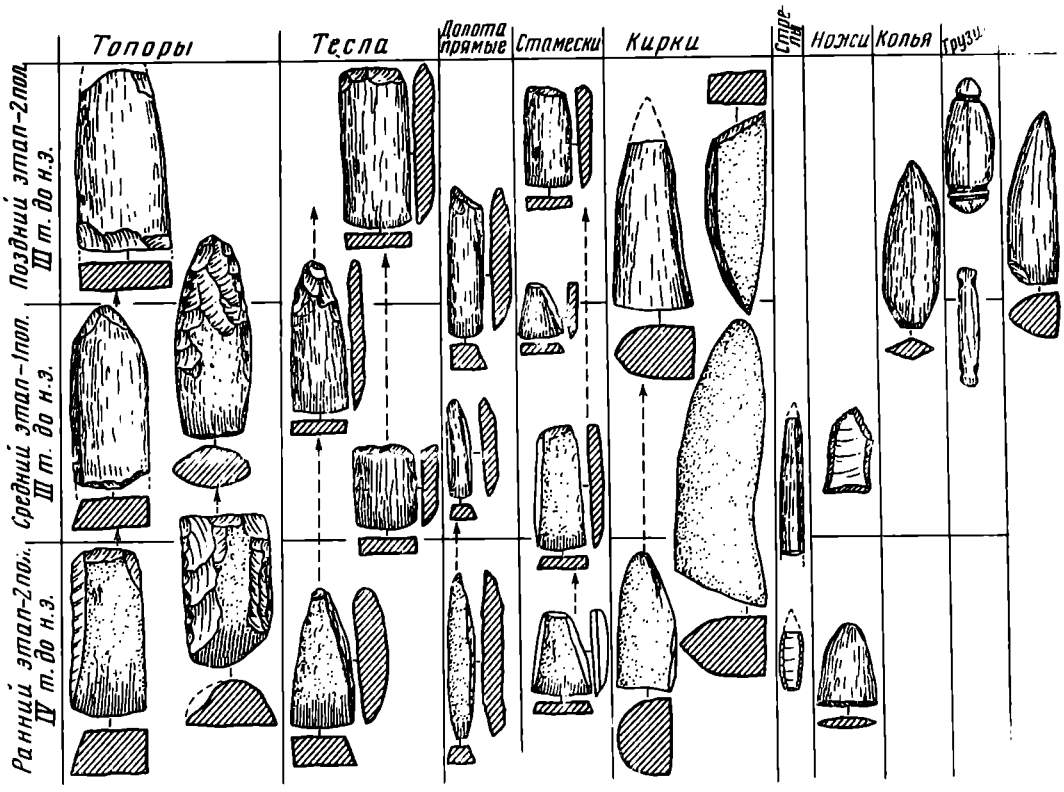


Рис. 5. Развитие основных форм орудий

Определенное сочетание приемов характеризует стадии развития техники изготовления орудий. Наиболее ранней является пиление и длинный скол с заточкой по лезвию; наиболее поздней — полное шлифование. Прием частичного шлифования занимает промежуточное время между крайними стадиями. Резкого разделения между стадиями нет. На каждой были известны все приемы, но господство того или иного сочетания было определяющим и давало картину развития техники обработки сланца для определенного отрезка времени. Многообразие приемов, несмотря на широко применяемое полное шлифование, преобладающее в мелких орудиях, свидетельствует о неустановившейся окончательно неолитической технике обработки камня.

Изотропные породы обрабатывались ретушированием. На кварце ретушь крупная, по рабочему краю орудия, редко — по телу. Кремень ретушировался также по краю, бессистемной, крупной, пологой или мелкой, заостряющей отжимной ретушью. Довольно примитивно обрабатывался роговик. В методах обработки кварца и кремня много общих черт.

Различия и сходство в деталях формы и технике изготовления орудий, а также преемственность возникновения отдельных типов орудий (рис. 5) рисуют картину их эволюции и свидетельствуют о единстве и взаимосвязанности орудий в данной группе памятников.

Общий комплекс орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс представляет собой каменную индустрию, свидетельствующую о развитии производительных сил определенной группы населения, представленной одним типом керамики. Эта индустрия характеризуется рядом

Таблица 3

Этапы	Наименование памятников	Даты, в тысячелетиях до н. э.			Всего орудий
		по высотным данным	по керамике	по выделенным типам орудий	
Ранний	Сулгу II Ялгуба I Пески III	— сер. IV сер. IV	1п. III — 2п. IV	н. III 2п. IV 2п. IV	
Средний	Сулгу XI Сулгу III г Коч-наволок I Вой-наволок XXVIII	— сер. III сер. III сер. III	2п. III 2п. III 2п. III	2п. III 2п. III сер. III	
Поздний	Деревянное I Пески II Малая Суна XIII	к. III к. III —	к. III к. III 2п. III	к. III к. III —	
Топоры	прямоугольные	1	1	1	5
	уплощенные	3	—	—	5
	овальные	1	2	—	3
	полуовальные	1	1	1	3
	топорики	1	—	1	6
Тесла	остроообушные полого заточенные	2	—	—	3
	прямообушные полого заточенные	1	1	1	2
	прямообушные круто заточенные	1	—	—	3
Долота	узколезвийные	4	—	—	5
	широколезвийные	3	1	1	6
Стамески	полого заточенные	6	—	—	13
	круто заточенные	3	1	1	9
Кирки	высокие полуовальные	2	—	—	3
	высокие подтреугольные	—	1	—	1
	низкие полуовальные	1	1	—	3
	высокие прямоугольные	—	—	1	1
Наконечники стрел	сланцевые	—	—	1	3
	на ножевидных пластинках	—	—	—	3
Скребки кварцевые	миниатюрные	—	—	1	20
	округлые	2	1	—	19
	подчетырехугольные	—	—	1	13
	косолезвийные	1	1	1	16
	концевые на отщепах	2	1	—	12
	атипичные	2	1	2	24
Скребки кремневые	на ножевидных пластинках	—	—	—	9
	концевые на отщепах	—	—	1	6
	округлые	—	—	2	6
	четырехугольные	1	—	1	8
	миниатюрные	—	—	—	4
	атипичные	—	—	—	3
Резцы	срединные	—	—	6	13
	многогранные	2	1	—	8
	угловые	4	2	1	3
Ножи	сланцевые	—	—	—	3
	на отщепах	1	—	1	4
	наконечники копий	1	—	1	2
	грузики для лесок	—	1	—	3
	киркообразные орудия	3	—	1	4
	пешни	—	—	2	2

общих черт: 1) она основана на местном сырье (наиболее широко применяемыми породами были сланец и кварц); 2) основную роль в хозяйстве и производстве играли крупные орудия; 3) по технике изготовления основных орудий эта индустрия представляла собой переходный этап к развитому полному шлифованию; 4) важнейшие категории орудий, составляющие данную каменную индустрию, разнообразны по типам и дают основные ступени развития по пути упрощения формы и совершенствования техники; 5) в типах сланцевых орудий преобладает прямоугольность формы и поперечного сечения, прямообушность, крутая и пологая заточка асимметричных лезвий, прямая линия лезвия, равная ширине обуха и лезвия; 6) в типах кварцевых орудий господствует отщеп; в кремневых — ножевидная пластинка.

Время существования данной каменной индустрии — вторая половина IV тысячелетия до н. э. — конец III тысячелетия до н. э. Эти границы определяются датировкой типов орудий и согласуются с датами памятников, установленными различными методами (табл. 3, графа датировки).

Возраст некоторых стоянок (Сулгу II, Ялгуба I) в зависимости от датировки орудий изменяется, но основная часть памятников подтверждает ранее сделанную схему развития памятников с керамикой Сперрингс в Карелии.

Период существования этой индустрии подразделяется на три этапа, каждому из которых соответствует группа поселений с определенными стадиями развития керамики (табл. 3) и специфичными типами орудий. Наиболее яркими типами представлены ранний и поздний этапы. Средний включает переходные формы, пережиточные по характеру или зарождающиеся, и, в известной мере, условен.

Самыми ранними типами следует считать плоские прямоугольные, полуовальные и овальные (в поперечном сечении) топоры, остробушные и прямообушные полого заточенные тесла, узколезвийные долота, низкие и высокие полуовальные кирки, наконечники стрел и сланцевые ножи. К поздним относятся уплощенные прямоугольные топоры, прямоугольные круто заточенные тесла, высокие прямоугольные кирки, киркообразные орудия, грузики. Для среднего этапа наиболее характерны наконечники копий, высокие подтреугольные кирки, а также некоторые, ставшие пережиточными формы раннего этапа и орудия, получившие окончательное развитие позднее. Прочие изделия почти не меняли своих форм и существовали на всех трех этапах.

Выделенные выше типы орудий можно связать с чистым комплексом карельской керамики Сперрингс. В некоторых из них наблюдается преемственность с более ранними типами из группы бескерамических памятников VI — первой половиной IV тысячелетия до н. э. Наличие преемственности позволяет считать керамику Сперрингс и сопровождающую ее каменную индустрию этапом развития одной культурно-исторической и, предположительно, этнической общности на территории Карелии.

V. F. Filatova

LES OUTILS EN PIERRE DES STATIONS NÉOLITHIQUES A CÉRAMIQUE DE TYPE SPERRINGS EN CARÉLIE

Résumé

Dans l'article, l'auteur fait la tentative de distinguer l'ensemble d'outils se rapportant à la céramique de type Sperrings, cosidérée comme l'une des plus anciennes du Néolithique de Carélie. Sont analysés matériaux provenant de 12 stations à ensemble pur de cette céramique. Il a été constaté que l'industrie de pierre relative à la céramique de type Sperrings était une étape de transition du point de vue de la technique de fabrication d'outils. du procédé plus ancien d'aiguisement des lames au polissage de toute la surface de l'outil. Cet ensemble se caractérise par une grande diversité

d'outils aux destinations les plus diverses. Les outils de grandes dimensions pour travailler de bois et la pierre prédominent. Les catégories essentielles d'outils formaient les séries typologiques à l'intérieur des catégories elles-mêmes ainsi que dans le temps. D'après les types d'outils, on définit les étapes de l'évolution des procédés de leur exécution, des formes des têtes et des lames, des modes d'aiguisage, etc., à partir des formes initiales jusqu'à celles tardives: des outils plats et massifs à tête droite dont on n'aiguisait que la lame élancée à ceux plus aplatis à section rectangulaire, à tête s'amincissant vers le bas, à lame de grand angle d'aiguisement à surface polie. Les cadres chronologiques de l'ensemble sont de la seconde moitié du IVe millénaire avant notre ère à la fin du IIIe millénaire avant notre ère. Cette période de divise en 3 étapes déterminées suivant les stades de l'évolution de la céramique et les formes spécifiques des outils. Un groupe de stations correspond à chaque étape. L'analyse éffectuée fait présumer l'existence d'une étape particulière du Néolithique de Carélie, celle de la céramique du type Sperrings.

В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И СЕВЕРНОГО ИРАНА

Открытие в Южном Туркменистане древнеземледельческой культуры VI—II тысячелетия до н. э. при почти полной неизученности смежной территории Северного Ирана ставит эту культуру в положение изолированного островка, затерявшегося между двумя великими пустынями: Каракум и Деште-Кевир. Однако такая картина отражает не реальную действительность; это лишь следствие недостаточности наших знаний. Уже сейчас намечаются связи, свидетельствующие об определенной общности исторических судеб двух указанных районов, которые составляли северный форпост древневосточного мира.

Еще первые исследователи культуры Анау отмечали ее связи с памятниками Ирана [1]. Эта проблема получила свое освещение в книге Д. Маккауна [2], а также в ряде журнальных статей [3].

В отечественной литературе связи Южного Туркменистана с древними культурами Ближнего Востока в общей форме рассматривались С. П. Толстовым [4] и Б. А. Куфтиным [5].

В результате накопления большого археологического материала из Южного Туркменистана эта проблема стала предметом специального исследования археологов, непосредственно занимающихся изучением древнейшего прошлого юго-запада Средней Азии [6].

Пустыни Деште-Кевир и Деште-Лут как бы разделяют Иран на три культурно-исторические зоны древнейшего земледелия. Северная зона включает Эльбурс и Туркмено-Хорасанские горы с прилегающими предгорьями. Западную зону составляют Загросские горы с Хузистаном включительно. И, наконец, третья, южная зона располагается вдоль побережья Персидского залива.

Наиболее древние поселения находятся в западной зоне (Тепе Асиаб, Тепе Сораб, Тепе Гуран), и именно они, близкие соответствующим комплексам мезолитического Карим-Шахира и неолитического Джармо [7], могут

---

[1] R. Pumpelly. Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 1908.

[2] D. M. Cown. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. SAOC, 23, Chicago, 1941.

[3] S. Piggott. Dating the Hissar Sequens. «The Indian Evidence. Antiquity», XVII, 68, 1943.

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

[5] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Аанау». ИАН ТуркмССР, 1, 1954.

[6] В. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, 1; его же, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964; И. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ, Б3-8, М.—Л., 1963; В. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3—8, М., 1965.

[7] R. Breidwood. Preliminary Investigations Concerning the Origins of Food-Production in Iranian Kurdistan. «Brit. Assoc. Advanc. Sci., 17, 67, 1960, London; его

отражать начальные этапы становления раннеземледельческого хозяйства в этом районе. В этом отношении особое значение приобретают материалы поселения Гани-Дарех (8500—7000 гг. до н. э.)[8], заполняющие существовавший до сих пор хронологический пробел после Карим-Шахира[9].

На первый взгляд долины Керманшахских гор и были тем местом, откуда шло расселение раннеземледельческих племен Ирана. Однако открытия в Хузистане предостерегают от столь поспешных выводов. Честь упорядочения культурной последовательности этого региона принадлежит Л. Ле Бретону[10].

Еще более значительные открытия сделаны в самые последние годы на юге Хузистана, в долине Дех-Луран (Али Кош, Тепе Сабз)[11]. Однако при всей их значимости следует весьма осторожно подходить к выводам авторов о приоритете аллювиальных долин перед горными районами в развитии земледельческого хозяйства. Наличие в древнейших слоях Али Кош (7000—6500 гг. до н. э.) керамики предостерегает от столь категорических выводов до получения сквозной стратиграфии до комплекса Сузиана «А».

Как бы то ни было, именно западная зона, находившаяся в непосредственной близости от Северного Ирака, является пока тем районом, где можно искать древнейший очаг земледелия в Иране. Р. Дайсон прямо предлагает видеть в материалах Тепе Сораб, Гуран и Али Кош последовательное распространение керамики типа Джармо из Северного Ирана в Хузистан[12].

В следующей, южной, зоне пока неизвестны памятники столь раннего времени. Хотя материалы нижних слоев Тали Бакуна — «В» и Тали Мушки как будто принадлежат к весьма раннему периоду[13], но, видимо, они по возрасту несколько позднее, чем поселения западной зоны. Памятники, расположенные вдоль побережья Персидского залива вплоть до Кермана-Макрана, относятся, вероятно, к еще более позднему времени[14].

Не исключено, что уменьшение возраста памятников в направлении от южного Хузистана (Али Кош) через промежуточный район Шираза (Тали Бакун) до Кермана-Макрана отражает реальный путь расселения и сложения древнеземледельческих общин южной зоны.

Однако уже раскопки на Тали Иблис дали материалы, уходящие в V тысячелетие до н. э.[15] Еще более показательны материалы нижних слоев Тепе Яхья, обнаруживающие параллели в памятниках типа Тепе Гуран и Джармо[16]. Очевидно, что если все эти памятники и отражают процесс

же, The Iranian Prehistoric Projetc 1959—1960. «Iranica Antiqua», v. 1, 1961; R. Braidwood, B. Howe, Ch. Reed. The Iranian Prehistoric Project. «Science», 133, 1961; их же, Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, 31, Chicago 1960; I. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Preliminary Report of the Danish Archaeological Expedition to Iran 1963, «Acta Archaeologica», XXXIV, Copencagen, 1964.

[8] Ph. Smith. Char-i-Khar and Ganj Dareh. Survey of Excavations in Iran during 1965—66. Iran, V, 1967, pp. 138—139; Ph. Smith, Ganj Dareh Tepe, Survey of Excavations in Iran during 1966—67, Iran, VI, 1968, pp. 158—159.

[9] L. Braidwood. First Steps towards a Food-Producing Way of Life in Late Prehistoric Iran. «Archaeol. Viva», I, 1, 1968.

[10] L. le Breton. The Early Period at Susa. «Mesopotamian Relations», Iraq, XIX, 1957, p. 2.

[11] F. Hole and K. Flannery. Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961. «Iranica Antiqua», II, 1962; F. Hole, K. Flannery, I. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran «Current Anthropology», 6, 1, 1965.

[12] R. Dyson. Problem in the Relative Chronology of Iran. В кн.: «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1966, стр. 217—218.

[13] N. Egami, S. Mesuda. Marv Dasht. I, Tokyo, 1962.

[14] A. Stein. An Archaeological Tour in Ancient Persis. Iraq. III, 1963; его же, Archaeological Reconnaissances in North Western India and South-Eastern Iran. London, 1937; L. Vanden Berghe. Archaeologie de l'ran Ancient. Leiden, 1959.

[15] Investigation at Tali Iblis, Illinois, 1967.

[16] C. Lamberg-Karlovsky. Tepe Yahya, Survey of Excavations in Iran. Iran, VII, 1969, стр. 184—186.

расселения с запада на восток, то начальные этапы его следует относить к VI тысячелетию до н. э.

Еще более сложен вопрос о характере становления земледельческих культур северной зоны. Правда, находки в районе оз. Урмия [17] и особенно открытие здесь неолитических памятников [18] отчасти приоткрывают завесу над прошлым северо-западного Ирана. Однако остается почти неисследованной северо-восточная область, представляющая для нас особый интерес. В Туркмено-Хорасанских горах, несмотря на благоприятные географические условия (в том числе на наличие до 40 видов дикорастущих злаков) [19], древнеземледельческие поселения пока вообще неизвестны, что следует объяснять только полной неизученностью этого региона. Ведь уже наличие поселений джейтунской культуры (VI—V тысячелетия до н. э.) у северных отрогов Копетдага намекает на существование в межгорных долинах Туркмено-Хорасанских гор аналогичных, если не более древних культур. В этом отношении весьма показательны единичные, но перспективные находки из Горганской долины. Эта долина расположена у подножия Туркмено-Хорасанских гор и, по существу, представляет собой юго-западную оконечность той плодородной равнины Южного Туркменистана, которая протянулась узкой полосой вдоль предгорий Копетдага. До самого последнего времени на северном фланге древнеземледельческих культур Передней Азии были известны, с одной стороны, памятники прикаспийского мезолита (Хоту, Гари, Камарбанд, Дам Дам Чашме, Джебел) [20], а с другой — древнеземледельческие поселения джейтунской культуры. Открытия в долине Горгана как бы заполняют этот пробел.

Первый памятник, дающий некоторые основания для такого заключения, — это Тюренг-Тепе. Его возникновение относится, по-видимому, к V тысячелетию до н. э. Хотя культурные слои этого времени из-за близости грунтовых вод не вскрыты, тщательный анализ и профессиональное чутье позволили Ж. Дейе по мелким фрагментам керамики, найденным в кирпичах более поздних построек, выделить ранний комплекс Тюрен-Тепе I [21]. Можно полностью согласиться с автором, что данная керамика находит вполне ощутимые параллели в материалах джейтунской культуры, а не в Сиалке-I. Правда, опубликованные образцы соответствуют скорее поздней фазе джейтунской культуры, что, разумеется, не исключает наличие на Тюренг-Тепе и более раннего материала.

Другое раннее поселение, Ярим-Тепе [22], находится около Гумбеди Кабуса. Хотя пока имеется лишь предварительная его публикация, благодаря любезности директора Британского института в Иране Д. Стронач, я имел возможность ознакомиться с общей керамической последовательностью Ярим-Тепе. Нижние слои содержат материал, типичный для джейтунской культуры, а посуда вышележащих слоев полностью соответствует керамическим комплексам Намазга I—IV, выделенным для Южного Туркменистана. Сходство настолько идентично, что не вызывает никаких сомнений в принадлежности Ярим-Тепе, вместе с южнотуркменистанскими па-

---

[17] T. Bourton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951; R. Dyson, T. Young. The Solduz Valley, Iran. «Antiquity», 1960, 133.

[18] T. Young. Survey in Western Iran. INES, XXV, 4, 1966.

[19] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. тр. II, М., 1960.

[20] C. Coon. Excavations in Hotu Cave. «Proc. Amer. Philos. Soc.», 96, 3, 1952; C. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад; 1956; Г. Е. Марков, Грот Дам Дам Чашме 2 в Восточном Прикаспии, СА, 1966, 2.

[21] I. Deshayes. Ceramiques Peintes de Tureng Tepe. Iran, V, 1967.

[22] V. Crowford. Beside the Kara Su, «The Metropolitan Museum of Art», Bulletin, april, 1963; Впервые Ярим-Тепе был кратко описан в кн.: T. I. Arne. Excavations at Shah Tepe. Stocholm, 1945, стр. 12.

мятниками, к одному культурному кругу. Лишь с периода Намазга V намечается некоторое расхождение, и на Ярим-Тепе распространяется серая керамика, более характерная для собственно иранской культуры астрабадского бронзового века.

Очевидно, мы имеем здесь первое несомненное свидетельство распространения поселений джейтунской и анауской культур вплоть до подножия Туркмено-Хорасанских гор и Каспийского моря в районе Горганской долины.

Особого внимания заслуживает факт использования в строительстве глиняных «булок» и наличие на Ярим-Тепе каминов-очагов. Оба этих признака — характернейшие черты джейтунской культуры. Хотя камины подобной конструкции отмечены пока лишь в слоях эпохи бронзы [23], есть основания предполагать наличие таких очагов-каминов и в самых нижних слоях Ярим-Тепе, что, в свою очередь, может свидетельствовать о длительной и устойчивой преемственности в развитии местной культуры [24].

Очевидно, что нижние слои Ярим-Тепе и Тюренг-Тепе, а возможно, и ряда других памятников Горганской долины, с одной стороны, демонстрируют наличие здесь земледельческих поселений весьма раннего времени, а с другой — указывают на вхождение их в ареал культур южнотуркменистанского круга. Таким образом, Туркмено-Хорасанские горы, вдаваясь острым треугольником в пределы Туркменистана, оказываются охваченными с севера цепочкой древнеземледельческих поселений. Крайний юго-западный пункт составляют памятники Горганской долины, крайний юго-восточный — джейтунские поселения типа Чагыллы и Чакмаклы, а вершину — неолитические поселения около г. Кизыл-Арвата. Основание этого «треугольника плодородных земель» составляет Кучано-мешхедская долина, памятники которой в виде достойного приза за энергию и настойчивость еще ждут своего первооткрывателя.

Считается, что наиболее ранние поселения джейтунской культуры располагались в центральном районе (Джейтун, Чопан-Тепе, Тоголок-Тепе), откуда позднее шло расселение джейтунских племен на восток (Чагыллы, Монжуклы) и на запад (Бами) [25].

Такое предположение, основанное на большом фактическом материале, вполне вероятно. Однако, видимо, это была не самая ранняя стадия в истории сложения джейтунской культуры. Ей должна была предшествовать более ранняя ступень докерамического земледелия, памятники которой следует ожидать в непосредственной близости к горам. Процесс первоначального расселения также вряд ли был связан с одним центральным районом Южного Туркменистана. От Горганской долины, через Кизыл-Арват и до юго-восточного пункта, на протяжении в 700 *км* располагаются поселки джейтунской культуры, что вряд ли можно объяснить простым расселением. Огромное количество древних поселений, отмеченное для Горганской долины [26], в том числе и небольших по размеру, дает право предполагать наличие здесь еще более древних памятников.

Высказано предположение в пользу генетической связи джейтунской культуры с мезолитическими культурами Туркмено-Хорасанских гор, а не Прикаспия [27], что представляется вполне обоснованным. Местный процесс становления земледелия мог стимулироваться частичным расселением западноиранских племен из района Керманшахских гор. И, вероятно, неслучайно на Чагыллы-Тепе найдены бирюзовые бусы и даже обсидиа-

[23] V. Crowford. Ук. соч., рис. 10.

[24] Показательно, что в противоположность этому в Южном Туркменистане камины-очаги не известны позже времени Анау I-«А». В Сариниди. Керамические горны восточноанаусских поселений. КСИА АН СССР, 1963, 93, рис. 31.

[25] О. Бердыев. Стратиграфия Тоголок тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, 3; В. Массон. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии. Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966.

[26] T. I. Arne. Excavation at Shah Tepe.

[27] В. Массон. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии..., стр. 90.

новое орудие[28] — свидетельство далеких связей уже в столь раннее время.

В середине V тысячелетия до н. э. неолитическая, джейтунская культура в Центральной части Южного Туркменистана сменяется раннеэнеолитической (комплекс Анау I А). Соответствующие материалы обнаружены на северном холме Анау[29], каушутском поселении, и Гавуч-Тепе. Этот период характеризуется появлением первых медных изделий и большими новшествами в керамическом производстве. Если керамика джейтунской культуры, как правило, имеет растительную примесь, то теперь представлены и тонкостенные изящные сосуды без видимых примесей. Довольно широко распространяются новые геометрические орнаменты с сетчатым заполнением. Еще Д. Маккаун отмечал аналогии с Сиалком II и предлагал относить керамику Анау I А к «культуре Чешме Али»[30], хотя существует и иное мнение о сложении этого комплекса под влиянием керамики типа Сиалк — I[31]. К сожалению, из-за ограниченности материала трудно судить с уверенностью о точных соответствиях комплекса Анау I А с Сиалком I—II. Вместе с тем два фрагмента с поселения Анау[32], составленные вместе, образуют рисунок в виде ромба с отходящими от него двумя треугольниками (рис. 1) — мотив, типичный для росписи посуды «культуры Чешме Али». Более того, этот орнамент является ведущим не только в Чешме Али, но и в Исмаилабаде и Кара-Тепе[33]. Видимо, с подобными поселениями тегеранского оазиса и связано сложение комплекса Анау IА. Сходство наблюдается не только в мотивах росписи, но и в антропоморфной пластике. По всей вероятности, в пору Анау I А имела место инфильтрации части иранских племен вплоть до плодородных долин Южного Туркменистана. В этом отношении показательны материалы Гиссар I а и особенно, Шир и Шайн. Керамика последнего полностью соответствует росписи посуды Анау IА[34].

Занимая промежуточное положение между тегеранским оазисом и предгорьями Копетдага, указанные памятники намечают направление исторических связей, реконструируемых на основании археологических данных. Не об этом ли свидетельствуют и весьма тонкие культурные слои Гиссар I А и Шир и Шайн, керамика которых к тому же имеет явно пришлый характер[35]. Показательно, что керамика Гиссар IВ уже вся сделана на гончарном круге, как бы намекая на заимствование пришельцами более прогрессивной техники в изготовлении посуды. Есть основание думать, что предполагаемое расселение шло вдоль юго-восточных склонов Эльбурса и, минуя Горганскую долину, заканчивалось в предгорьях Южного Туркменистана.

Иная картина наблюдается в V тысячелетии до н. э. в юго-восточной Туркмении (Монджуклы, Чагыллы, Чакмаклы), где раннеэнеолитические слои, достигая мощности до 3,5 *м*, в ряде случаев непосредственно пере-

---

[28] Д. Бердыев. Чагыллы депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 20, 27.

[29] R. Pumpelly. Exploration in Turkestan; С. А. Ершов. Северный холм Анау. «Тр. ИИАЭ», II, Ашхабад, 1956.

[30] D. McCown. The Comparative Stratigraphy of Early Iran, стр. 12.

[31] В. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 126; И. Хлопин. Дашлыджи Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. «Тр. ЮТАКЭ», X, Ашхабад, 1960, стр. 165—167.

[32] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv, в кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, табл. 22, 2 и 3; О правомерности подобной реконструкции свидетельствует широкое распространение этого мотива в следующий период Анау I-В, что уже тонко подметил Г. Шмидт. См. там же, стр. 132.

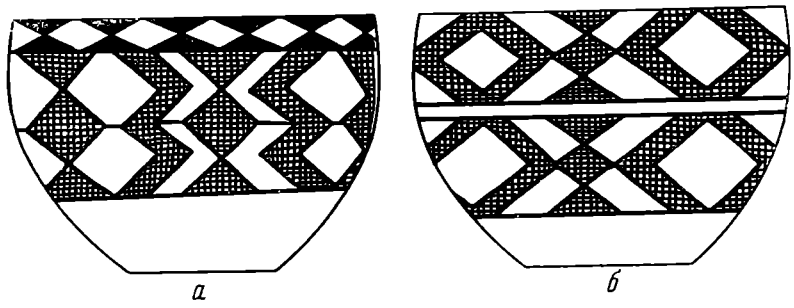
[33] T. Burton-Brown. Excavations in Shahrigar, Iran, «Archaeology», 15, 1, 1962; I. Maleki. Abstract Art and Animal Motifs, 2, «Archaeological Viva», I, 1, 1968.

[34] E. Schmidt. Excavation at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. II.

[35] Там же, стр. 42.

крывают материалы джейтунской культуры. Теперь в росписи посуды преобладают геометрические орнаменты с сетчатым заполнением внутри, напоминающие аналогичные мотивы керамики Сиалка и Хассуны (рис. 2). Сходство не ограничивается лишь сходными орнаментами, но находит дополнительные потверждения и в типах каменных мотыг [36].

Керамика периода Хассуна IV—V находит довольно четкие параллели в слоях Сиалк I, что свидетельствует, по мнению Р. Дайсона, о хассунском влиянии, идущем из Месопотамии через Загросские горы вплоть до



а *б*

Рис. 1. Расписная керамика типа Анау I-А

а — чаша из Анау (реконструкция), *б* — чаша из Кара-Тепе (Тегеранский оазис)

центрального Ирана [37]. Наличие хассунских памятников в Хузистане, если только они не имеют местного происхождения [38], может указывать на достаточно широкое распространение их на территории Ирана. Очевидно, что в V тысячелетии до н. э. в Иране наблюдаются довольно значительные передвижения населения, связанные с миграциями племен хассунского круга. Далекие отзвуки этого процесса доходят до плодородных долин Южного Туркменистана. Есть основания предполагать, что по времени это влияние предшествует появлению собственно комплекса Анау IA. Действительно, в тех случаях, когда соответствующие слои непосредственно перекрывают джейтунские (Монджуклы, Чагыллы), их керамика находит аналогии в материалах типа Хассуна IV—V, а не в «культуре Чешме Али». В истории развития местных племен этот комплекс можно условно выделить как монджуклинский период [39].

Несколько позднее в подгорной полосе Копетдага складываются поселение типа Анау I А — свидетельство инфильтрации племен «культуры Чешме Али».

Следующий период Намазга I — Анау I Б характеризуется дальнейшим прогрессом южнотуркменистанских племен во всех областях хозяйства и культуры. Разрастаются старые поселения, достигая по площади 10—15 *га*, и возникают новые. Памятники этого времени образуют три географические зоны: западную — от г. Кизыл-Арвата до Анау, центральную — от Анау до Улуг-Тепе у Душака и восточную — от Душака до г. Серахса. В поздний период в восточной области, в древней дельте р. Теджен, складывается геоксюрский оазис энеолитических поселений.

Все три зоны отличаются некоторыми второстепнными деталями и в первую очередь особенностями керамического исскуства. Однако они представляют единую культурную общность. Так, в восточной области более

---

[36] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. INES, IV, 4, 1945.

[37] R. Dyson. Problem in the Relative Chronology of Iran. «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965.

[38] P. Mortensen. Additional Remarks on the Chronology of Early Village. «Farming Communites in the Zagros Area, Sumer», XX, 1—2, 1964.

[39] В. Сарианиди. Земледельческие племена юго-восточной Туркмении, Автореф. канд. дис., М., 1963. Следует отметить, что по радиоуглеродному методу позднеолитический слой на Чагыллы датируется 5050±110 гг. до н. э. Таким образом, выделенный монжуклинский период может быть отнесен к середине, если не к первой половине V тысячелетия до н. э.

распространена в период Намазга I — Анау IB посуда со светлым фоном, а в центральной и западной зонах — с красным. В целом же мотивы росписи их сходны и представляют собой дальнейшее развитие орнаментов предшествующего времени Анау IA. Некоторые новшества отмечаются лишь в появлении единичных зооморфных рисунков. Существует мнение, что восточная область возникла в результате расселения племен из центрального района [40]. Однако в свете новых данных не исключено их местное

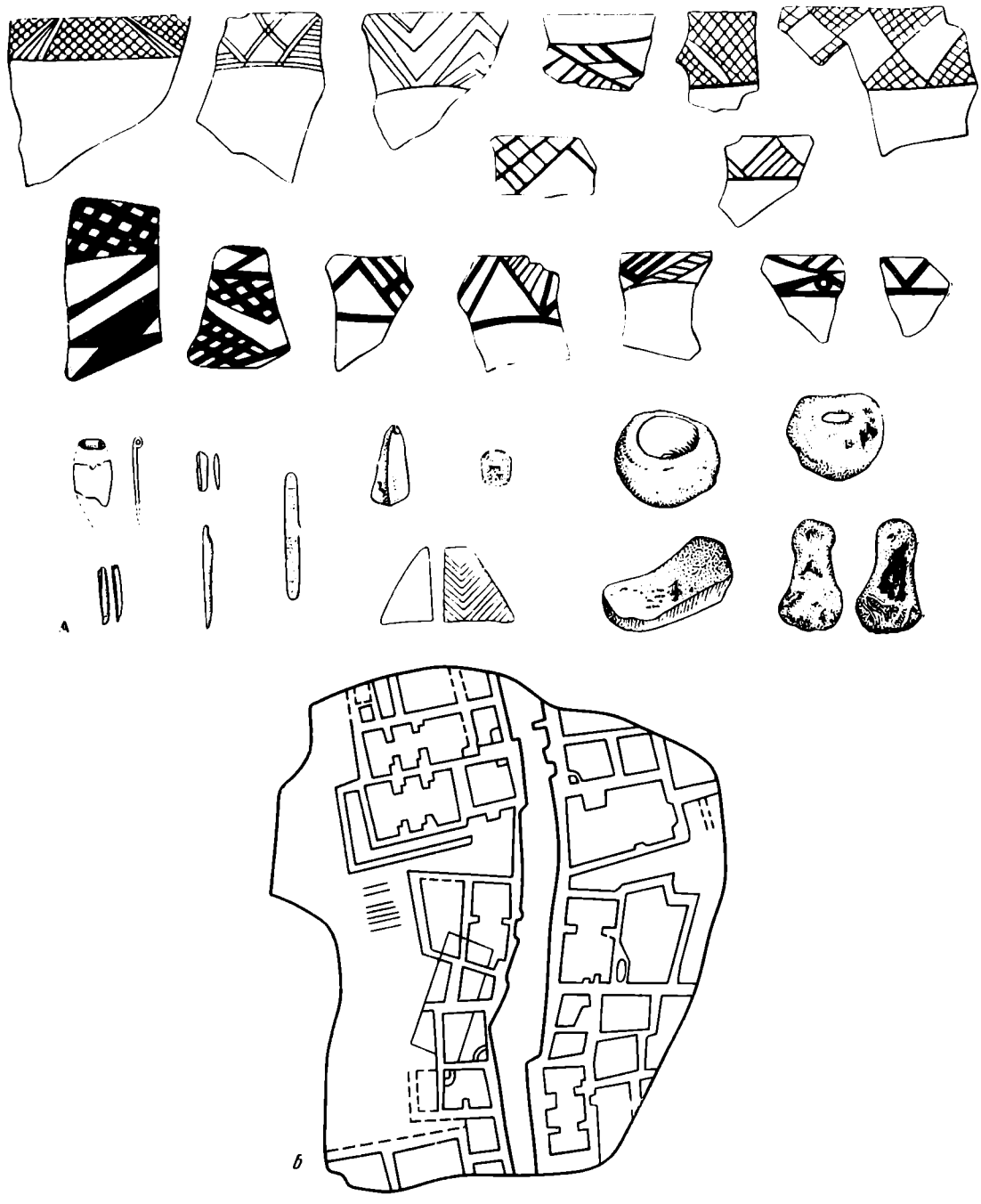


Рис. 2. Комплекс типа Чакмаклы

происхождение на основе неолитических (Чагыллы) и раннеолитических (Монжуклы) комплексов юго-восточной Туркмении.

Поселки, как и в джейтунское время, по преимуществу состоят из однокомнатных домов. Получает дальнейшее развитие земледелие. Скотоводство окончательно вытесняет охоту. Кремневые орудия практически исчезают. Родовые святилища украшаются настенными полихромными фрес-

[40] Г. Лисицина, В. Массон, В. Сарианиди, И. Хлопин. Итоги археологического и палеографического изучения геоксюрского оазиса. СА, 1965, 1.

ками (Анау, Яссы-Тепе). Этот период не находит видимых параллелей в известных материалах Древнего Ирана.

В следующий период Намазга II — Анау II намечаются различия в культурном облике племен восточной и центральной областей. Так, в центральной области на смену монохромной керамике Намазга I приходят яркие полихромные фризы из мелких геометрических фигур, нанесенных по желтоватому фону. Изредка встречаются изображения животных и людей. Аналогичный керамический комплекс получен на Ярим-Тепе, где он не имеет местных прототипов, и совершенно отсутствует на поселениях типа Гиссар Сиалк. Предполагается, что комплекс Намазга II имеет местные, пока еще не обнаруженные истоки — в пределах юго-западной Средней Азии, включая сюда и Иранский Хорасан [41]. Вместе с тем существуют и определенные параллели в орнаментах посуды типа Джови из юго-западного Ирана, свидетельствующие о направлении древних культурных связей, минуя оазисы центрального Ирана [42]. Действительно, имеющиеся данные свидетельствуют в пользу именно такой осторожной формулировки, хотя, как кажется, ответ скорее могут дать районы Иранского Хорасана, чем Южного Туркменистана, так как здесь комплекс Намазга II в целом не находит местных прототипов. Как бы то ни было, отмеченные аналогии с керамикой типа Джови протягивают линию связи, идущую из Древнего Ирана, в сильной степени повлиявшую на формирование комплекса Намазга II. В восточной области, в этот же период Намазга II, наблюдается бесспорно местная линия развития керамики предшествующего комплекса типа Намазга I. Незначительные изменения отмечаются лишь в сторону упрощения орнаментальных схем [43]. Однако и здесь отмечаются культурные связи, уводящие в более южные области. Это прежде всего касается круглых в плане сооружений и немногочисленной, но с характерным орнаментом керамики, убедительные аналогии которым отмечаются в убейдской культуре далекой Месопотамии [44].

Причем эти связи с югом никак не могли миновать территории древнего Ирана. Здесь показательны те изменения, которые отмечаются в пору позднего Намазга II в восточной области. В это время получает распространение во многом новый керамический комплекс с полихромными геометрическими орнаментами, нанесенными на красный или оранжевый фон сосудов. Эта так называемая керамика геоксюрского стиля находит преимущественные аналогии в керамике из Южного Ирана, а погребальные камеры-толосы обнаруживают достаточно близкие соответствия в аналогичных по конструкции склепах древнего Элама [45].

Еще более убедительны параллели в антропоморфной пластике, указывающие на связи с Южной Месопотамией [46], если не с юго-западным Ираном [47].

В самом начале следующего периода, Намазга III — Анау III, в центральной области распространяется керамика с разнообразными зооморфными мотивами, происхождение которой связывается с прямой инфильтрацией части иранских племен с поселений типа Сиалк-Гиссар [48]. На это указывают, по-видимому, и данные антропологии, во всяком случае — для поселения Кара-Тепе у Артыка [49] (рис. 3).

---

[41] В. Массон. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. САИ, М.— Л., 1962, стр. 21.

[42] Там же, стр. 21.

[43] Г. Лисицина, В. Массон, В. Сарианиди, И. Хлопин. Ук. соч., стр. 10.

[44] В. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, 91, 1962.

[45] В. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении.

[46] В. Массон. Восточные параллели..., стр. 9.

[47] В. Сарианиди. Памятники позднего энеолита..., стр. 37.

[48] В. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 429—430.

[49] Т. Трофимова, В. Гинзбург. Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960.

Аналогичный материал хорошо представлен и на Ярим-Тепе, что сильно расширяет ареал расселения центральноиранских племен в подгорных оазисах Южного Туркменистана, исключая лишь восточную область, где в это же время была распространена керамика геоксюрского стиля. Таким образом, на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. (период Джемдет Наср) на территории Ирана наблюдаются несомненные передвижения племен, достигавшие и плодородных оазисов Туркменистана. Причем если в восточной области эта предполагаемая инфильтрация связывается с Южным

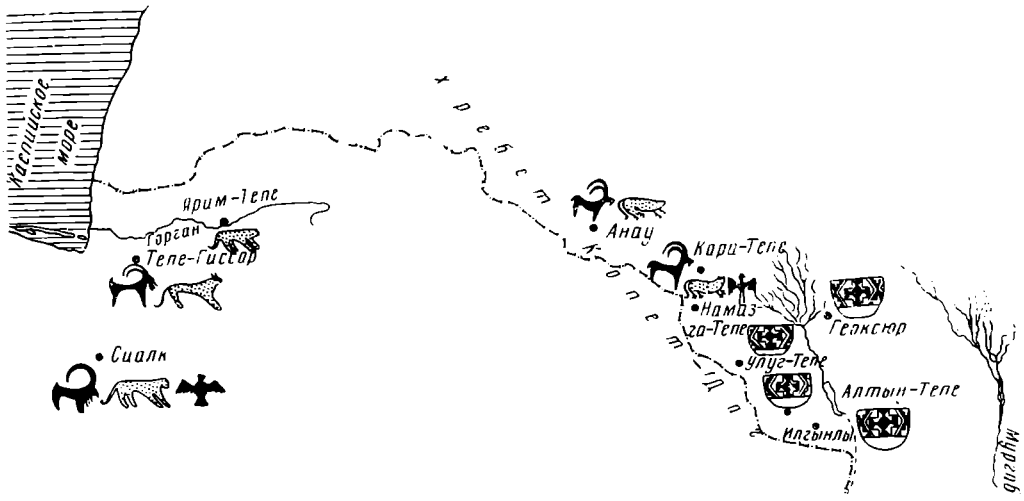


Рис. 3. Распространение сходных мотивов орнаментов на рубеже IV—III тысячелетий до н. э.

Ираном, то в остальной части Южного Туркменистана заметно сказывается влияние со стороны центральноиранских племен. Учитывая уже отмеченные месопотамо-иранские аналогии в среднеазиатских материалах, можно предполагать, что эти передвижения были как-то связаны с общеисторической ситуацией в Месопотамии периода Джемдет Наср.

Известно, что в это время в Месопотамии наблюдается процесс объединения городов типа Ур и Урук в государство [50], пытающееся включить в свою орбиту новые соседние области. В этом отношении Иран с его богатыми месторождениями металлов и поделочных камней представлял особый интерес. Возросшие потребности классового общества и, особенно жречества и аристократии, могли стимулировать экспансию в восточном направлении. Одновременную инфильтрацию иранских племен на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. в пределы подгорных районов всего Южного Туркменистана вряд ли можно объяснить простой сегментацией. Оставляя окончательное решение этого вопроса до дешифровки протоэламских табличек, можно допустить, что данное переселение племен было связано с извечным соперничеством Шумера и Элама [51]. Так вряд ли создание эламской фактории на руинах поселения Сиалк III [52] носило вполне мирный характер, а о военных столкновениях между Шумером и Эламом около XXVIII в. до н. э. мы знаем из письменных источников.

Этот предполагаемый толчок подобно цепной реакции мог привести в движение огромный мир земледельческих общин, что не могло не найти отражения на археологическом материале Северного Ирана и Южного Туркменистана. Вместе с тем ни одно из соответствующих южнотуркменистанских поселений не обнаруживает следов военного вторжения. Очевидно, что на северной периферии древневосточного мира эта инфильтра-

[50] M. Mallowan. Early Mesopotamia and Iran. London, 1965.
[51] G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936.
[52] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.

ция носила в целом довольно мирный характер, так что пришельцы постепенно ассимилируются в местной среде.

Так, в период Намазга IV — Анау III практически исчезают зооморфные мотивы и распространяется керамика, восходящая к орнаментации посуды глокэюрского типа, хотя и в сильно переработанном виде. Рисунки становятся более измельченными и выполнены преимущественно в монохромной технике. Этот «ковровый» стиль орнаментации становится общим для всего Южного Туркменистана. Второстепенные вариации отмечаются лишь в том, что на юго-востоке роспись наносится на красный фон, а в центральном — те же орнаменты выполнены по зеленовато-белому фону. Точно так же на крайнем юго-западе больше серой лощеной посуды, отражающей слабое влияние керамики типа Шах-Тепе II и в меньшей степени Гиссар IIa. Показательно, что даже на Ярим-Тепе серая посуда составляет незначительный процент в массе расписной керамики, типичной для комплекса Намазга IV. В целом весь облик материальной культуры второй половины III тысячелетия до н. э. (керамика, антропоморфная пластика, погребальные обряды) убедительно свидетельствует о глубоко местной культурной основе южнотуркменистанских племен эпохи бронзы. Отдельные североиранские параллели [53] не выходят за рамки обычных культурных контактов, естественных для племен, живших на смежных территориях.

В следующий период Намазга V — Анау III наблюдается дальнейший прогресс в культуре местных племен. Гончарный круг, появившийся еще в предшествующее время, практически полностью вытесняет лепную посуду. Совершенно исчезает роспись. Зато сосуды теперь выгодно отличаются стройными, четко профилированными формами. Наряду с этим на поселениях, расположенных между г. Кизыл-Арватом и Горганской долиной, заметно увеличивается количество серой посуды [54], более характерной для поселения северо-восточного Ирана (рис. 4).

В связи с существующим мнением о появлении серой керамики в Иране из Средней Азии необходимо отметить, что новые материалы скорее свидетельствуют об обратном направлении. В этом отношении показательны результаты раскопок на Тюренг-Тепе, где в пору Тюренг II (рубеж IV—III тысячелетий до н. э.) широко распространяется серая керамика [55]. Очевидно, что районы северо-восточного Ирана, а точнее Горганская долина, были тем местом, где раньше всего входит в моду серая посуда. В таком случае скорее можно предполагать распространение ее (в пору Намазга V) отсюда на смежную территорию юго-западного Турменистана вплоть до г. Кизыл-Арвата и в меньшей степени дальше в восточном направлении.

Хотя для периода Намазга V можно показать отдельные, порой выразительные соответствия в иранских комплексах типа Гиссар III, слабая разработанность внутренней хронологии все еще препятствует каким-либо конкретным заключениям. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. в юго-западной Азии отмечаются широкие культурные и торговые связи. К тому же в это время достигает расцвета харапская культура долины Инда, что значительно раздвинуло рамки подобных контактов. Связи гиссарской культуры с харапской общеизвестны [56]. Южная Туркмения, занимая промежуточное положение между северо-восточным Ираном и Пакистаном, также играла в этом отношении немаловажную роль. Высказано предположение, что если в период энеолита племена Южного Туркменистана были больше связаны с шумеро-эламским миром, то в эпоху брон-

[53] H. Frankfort. Studies in Early Pottery of Near East, I, табл. VII, *2*.

[54] А. Ганялин. Археологические памятники северо-западного Копетдага. ИАН ТуркмССР, 1953, № 5.

[55] J. Deshaye. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, «Archaeology», 22, I, 1969, стр. 10—14.

[56] S. Piggott. Dating the Hissar Sequens. «The Indian Evidence. Antiquity», XVII, 68, 1943, London.

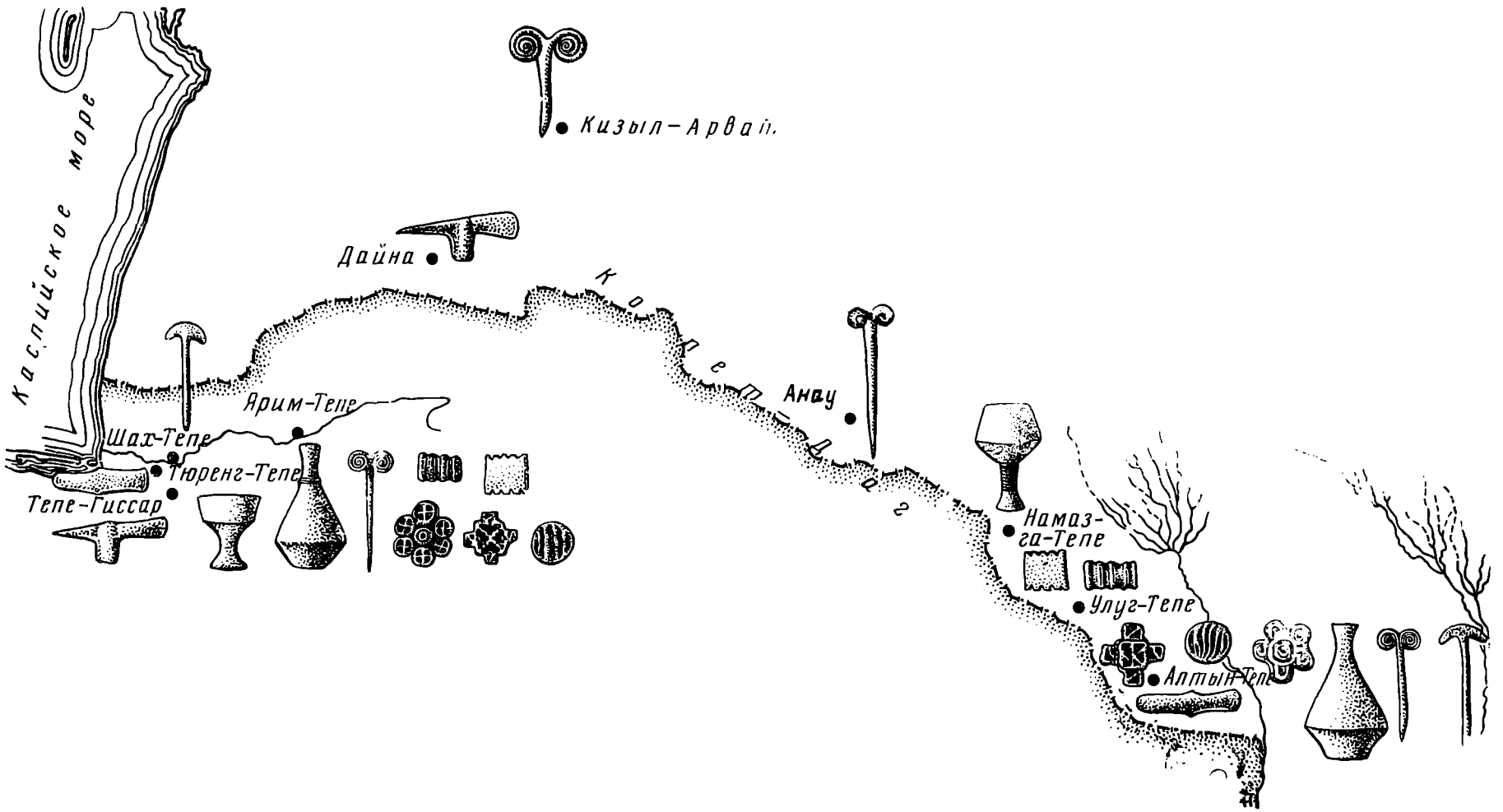


Рис. 4. Сходные типы изделий

зы происходит переориентация в направлении культурных связей в сторону хараппской культуры [57]. Такое заключение правомерно в том смысле, что лишь с середины III тысячелетия до н. э. складывается городская цивилизация долины Инда, которая стала играть существеную роль в истории соседних областей. Красноречивое свидетельство тому — импортные предметы, найденные на Алтын-Тепе [58], и особенно печать в виде трехглавого хищника [59]. Однако, как кажется, не следует преувеличивать и хараппские влияния, поскольку на том же Алтын-Тепе известны привозные предметы с поселений типа Гиссар III (например, серый графин и бронзовый сосуд) [60]. Больше того, вместе с игральными палочками найдены квадратные пластинки из слоновой кости с вырезанными на них кружками, сходные с такими же изделиями из Гиссар III *с* [61]. Если к этому добавить найденные на Алтын-Тепе тесло с цапфами (точная аналогия ему имеется в Тюренг-Тепе), крестовидную и круглую печати, прямо копирующие гиссарские [62], миниатюрный «жезл» (аналогия ему имеется в Шах-Тепе) [63], то указанные соответствия представляются весьма показательными. Вместе с тем некоторые предметы находят себе аналогии в древних культурах Пакистана, что заставляет более осторожно подходить к оценке наблюдаемых связей. Очевидно, что в пору Намазга V отмечается не столько переориентация культурных связей южнотуркменистанских племен, сколько расширение их географического диапазона. Связи с северо-восточным Ираном более всего должны проявляться в юго-западной Туркмении, и случайная находка топора [64] — первое, но далеко не единственное свидетельство подобного рода. Возможно, что юго-восточная Туркмения в большей степени находилась в сфере воздействия древнеиндийской городской цивилизации. Однако в целом иранские связи предстаавляются пока наиболее показательными.

Протогородская цивилизация, сложившаяся к этому времени в южном Туркменистане, является продуктом дальнейшего развития местных земледельческих общин, возросший культурный уровень которых стимулировал все более широкие связи с соседними странами. И недаром богатая антропоморфная пластика (этот чувствительный индикатор развития культуры) времени Намазга V из Южного Туркменистана дает особый иконографический тип, отличный и от хараппского и от североиранского [65] (рис. 5).

К середине II тысячелетия до н. э. наблюдается упадок многих поселений северо-восточного Ирана, Южного Туркменистана и городов долины Инда, причины чего до сих пор остаются не вполне ясными. Вместе с тем ряд данных ставит под сомнение существующее предположение о прямой взаимосвязанности этих событий. Так, например, применительно к Горганской долине, хотя и отмечается запустение большинства поселений во второй половине II тысячелетия до н.э., причины этого Ж. Дейе склонен объяснять наступлением прогрессивного засушливого периода [66].

---

[57] В. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 189.

[58] А. Ганялин. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын депе. СА, 1967, 3, рис. 6. В. Массон. Протогородская цивилизация..., стр. 176.

[59] Там же, стр. 183.

[60] А. Ганялин. Ук. соч..., стр. 217.

[61] E. Schmidt. Ук. соч..., стр. 223, табл. LXV, *н 2797*.

[62] T. I. Arne. Ук. соч.

[63] E. Schmidt. Ук. соч... рис. 118, *н 2697*; табл. LXIX, *н 1782*.

[64] А. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копетдага. ИАН Туркм. ССР, 5, 1953.

[65] В. Массон, В. Сарианиди. О знаках на южнотуркменистанских статуэтках эпохи бронзы. БДИ, 1968, 3.

[66] J. Deshayes. Tureng Tepe and the Plain of Gorgan in the Bronze Age. «Archaeologica Viva», 1, 1, 1968, Tehran. Отметим, что и в Гиссаре имеются следы обживания в раннежелезном веке, так что жизнь на этом конкретном этапе памятника

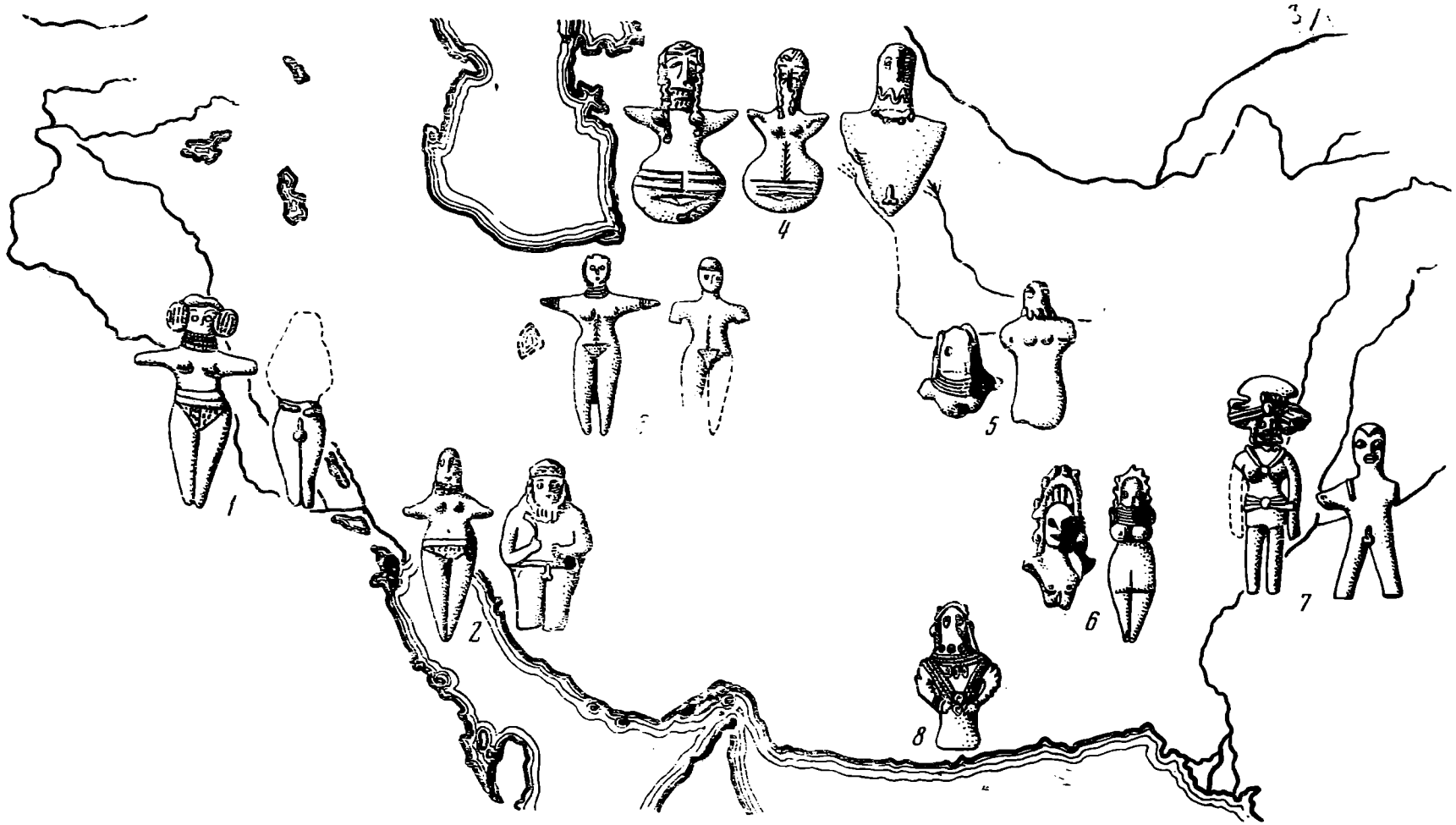


Рис. 5. Основные типы антропоморфной пластики эпохи бронзы

1 — Месопотамия; *2* — Сузиана; *3* — северо-восточный Иран; *4* — Южный Туркменистан; *5* — южный Афганистан; *6* — северный Белуджистан; *7* — Хараппа; *8* — южный Белуджистан

Точно так же, в пору Намазга VI в Южном Туркменистане совершенно забрасываются такие гиганские поселения, как Алтан-Тепе, и резко сокращается жизнь на Намазга-Тепе, вместе с тем рядом появляются новые поселения (Теккем-Тепе), продолжают существовать старые (Улуг-Тепе) и даже происходит освоение дельты р. Мургаб (Аучин, Тахирбай). Столь же проблематичен вопрос о характере и времени гибели городской цивилизации Инда [67].

Как видно, в целом затронутая проблема еще далека от окончательного решения. Во многом своеобразный комплекс времени Намазга VI известен на крайнем юго-западе Туркмении (культура архаического Дахистана). Последний имеет близкие аналогии в Северном Иране, так что было высказано мнение о генетических связях керамики архаического Дахистана с посудой типа Шах-Тепе [68].

В настоящее время круг подобных параллелей еще более расширился за счет обнаружения новых комплексов в Калар Дашт и Курвине [69].

В таком случае практически одновременное запустение памятников типа Шах-Тепе — Тюринг-Тепе и сложения культуры архаического Дахистана, как кажется, отражает прямое расселение племен Горганской долины на Мисрианское плато.

Таким образом, во II тысячелетии до н. э. северо-восточный Иран и юго-западная Туркмения входят в единую культурно-историческую зону, связанную общими историческими судьбами начиная уже с эпохи неолита. В то же время на юге Туркменистана и в Мургабском оазисе отчетливо прослеживается местная независимая линия развития культуры, корни которой уходят в глубины тысячелетий.

V. I. Sarianidi

ANCIENS RAPPORTS ENTRE LA TURKMÉNIE DU SUD ET I'IRAN DU NORD

Résumé

C'est la culture néolithique de Djeitoun (la Turkménie du Sud) qui revèle les rapports les plus anciens remontant au VIe millénaire avant notre ère avec les monuments de la vallée de Gorgan à l'Iran du Nord-Est (couches inférieures de Tureng-Tépé et de Yarim-Tépe). Une culture archéologique unique existait sur ces territoires voisins.

On revèle des affinités les plus rapprochées entre les stations du type d'Anaou I A et Gavoutch-tépé au Ve millénaire avant notre ère et celles de l'oasis de Téhéran du type de culture de Tchechmé-Ali. Les stations du Turkménistan du Sud-Est datant de la même époque ont plus de traits communs avec les matériaux provenant des couches inférieures de Sialk et, probablement, de ceux de Khassoun IV—V.

On peut supposer qu'au IIe millénaire avant notre ère eut lieu une invasion directe d'une partie de tribus peuplant la vallée de Gorgan en territoire du Turkménistan du Sud-Ouest. A la suite de ces événements, les stations de la culture du Dahistan archaïque y apparaissent.

A cette époque là, les rapports avec l'Iran ancien restent prédominants vis-à-vis des autres liens, notamment, avec la culture de Harappa.

полностью не прекращается в эпоху поздней бронзы. См. T. C. Young. The Iranian Migration into the Zagros, Iran, V, 1967, 24, 76.

[67] R. Raikes. The End of the Ancient Cities of the Indus. «American Anthropologist», v. 66, (2), 1964; G. Dales. Civilization and Floods in the Indus Valley, «Expedition», 7, 4, 1965; G. Dales. The Mythical Massacre at Mohenjo — Daro, «Expedition», 6, 3, 1964.

[68] В. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, 1956, стр. 431.

[69] L. Vanden Berghe. Archeologie de l'Iran Ancient, табл. 43 153.

Н. А. ФРОЛОВА

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ БОСПОРА В III в. до н. э.

Кризису денежного обращения на Боспоре в первой половине III в. до н. э. и его причинам в нумизматической литературе было уделено довольно большое место [1]. В виду многообразия материала мы считаем необходимым кратко изложить все предыдущие объяснения причин кризиса.

Так, В. Ф. Гайдукевич причиной кризисных явлений считает напряженное состояние экономики и упадок внешней торговли Боспора, что безусловно, отразилось и на денежном обращении государства [2]. Подобное же мнение по поводу причин кризиса III в. до н. э. было высказано В. Д. Блаватским [3], К. В. Голенко [4] и В. М. Брабичем [5]. Политическими событиями последней трети IV в. до н. э. (войнами со скифами и междуусобными войнами боспорских царей) и совокупностью всех названных причин объясняет кризисные явления в денежном хозяйстве Боспора Д. Б. Шелов [6]. П. О. Карышковский, посвятивший этому вопросу целый ряд статей, оставляет в стороне все соображения, высказанные другими исследователями, и считает одной из главных причин денежного кризиса III в. до н. э. переход функции меры стоимости от серебра к золоту [7].

Данная работа имеет своей целью уточнение относительной и абсолютной хронологии отдельных этапов клеймения и перечеканки медных монет этого времени, а также установление смены некоторых типов монет.

Одним из основных типов медных монет, послуживших материалом для ряда перечеканок в начале III в. до н. э., является номинал, несущий

---

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 177—179; его же. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья. АГСП, М.— Л., 1955, стр. 155.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 64 сл., 87—95, 103 сл., 139 сл.; его же. История античных городов Северного Причерноморья. АГСП, I, стр. 118.

[3] В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСП, М.— Л., 1956, стр. 96, 97.

[4] К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II в. до н. э. КСИИМК, 58, 1955, стр. 138.

[5] В. М. Брабич. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. КСИИМК, 66, 1956, стр. 67.

[6] Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до нашей эры с надчеканками. КСИИМК, 43, 1952; его же. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, 33, 1954; его же. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, 1; его же. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э., 1956, стр. 107 сл., 124 сл., 148 сл.

[7] П. О. Карышковский. К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. ВДИ, 1957, 2, стр. 145—146; его же. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. ВДИ, 1960, 3; его же. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. ВДИ, 1961, 4; его же. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э. ВДИ, 1964, 1.

на лицевой стороне изображение безбородого сатира влево, а на оборотной — изображение головы льва и осетра, надпись HAN [8] (рис. 1. *1*).

А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов установили, что монеты этого типа были сначала надчеканены на лицевой стороне изображением двенадцатилучевой звезды, а на оборотной — лука в горите [9] (рис. 1, *2*), а затем перечеканены тем же типом лицевой стороны и изображениями лука и стрелы с легендой ΠΑΝ на оборотной [10] (рис. 1, *3*).

П. О. Карышковский дополнил изложенную выше схему клеймения и перечеканки медных монет Пантикапея начала III в. до н. э., опубликовав медную монету Пантикапея с изображением на лицевой стороне безбородой головы сатира влево в венке из плюща. В центре монеты помещено круглое клеймо в виде двенадцатилучевой звезды, которое вырезано непосредственно в штемпеле монеты, а на обороте — львиная голова влево, осетр под ней, с легендой ΠΑΝ и горит в вертикальном положении, поперек львиной головы, который также вырезан в штемпеле монеты [11].

Данный экземпляр определяется автором как попытка боспорского монетного двора выпускать монеты с привычными для населения дополнительными изображениями, вырезая их непосредственно в штемпелях лицевых и оборотных сторон, что, в свою очередь, свидетельствует о достаточно длительном обращении подобного рода монет с надчеканками.

В первой четверти III в. до н. э. начинается выпуск нового типа монет с изображением головы молодого сатира, лука со стрелой и надписью ΠΑΝ под ними [12] (рис. 1, *4*). По времени он совпадает с упомянутой выше перечеканкой прежних монет с изображением головы льва и осетра [13]. Это полностью подтверждается одной очень редкой монетой того времени [14] (рис. 1, *5*).

Лицевая сторона: голова безбородого сатира влево в венке из плюща, почти совершенно перекрытая двумя клеймами — двенадцатилучевой звездой и венком.

Оборотная сторона: лук и стрела, ΠΑΝ, надчеканенные на изображении львиной головы и осетра, сверх которого положено клеймо в виде лука в горите. Медь, вес 5,58 *г*, размер 20—21 *мм*. Монеты типа сатир — лук — стрела ΠΑΝ имеют две характерные особенности, одной из которых является их довольно длительное обращение, а другой — деградация веса и ухудшение как стиля, так и фактуры монет. Поэтому резкому падению веса монет предшествовали неоднократные попытки правительства удержать твердый курс монеты путем надчеканок и перечеканок их.

---

[8] П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. I, Одесса, 1884, табл. XX, *70*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, 1, 2.

На рис. 1 даны прорисовки медных монет Боспора периода кризиса денежного обращения. На рис. 2 помещены фотографии с этих же монет. Исключение составляют: № 3, который представлен другой монетой лучшей сохранности; отсутствуют № 5, фото которого дано П. О. Карышковским (П. О. Карышковский. К истории денежного кризиса на Боспоре...). Фотографии монет 10, 11, из которых перечеканены экземпляры с типом Аполлон-треножник, и наконец монеты № 26 и 27 представлены лишь оборотными сторонами, так как лицевые их стороны чеканены одним штемпелем. Таким образом, считаем целесообразным в тексте давать ссылки только на рис. 1.

[9] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178, табл. XLI, *3*; Д. Б. Шелов. Чеканка монеты..., стр. 159.

[10] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XX, *75*, *76*.

[11] П. О. Карышковский. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре, стр. 140, табл. I, *19*, *20*.

[12] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XX, *73*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *4*, *5*.

[13] Д. Б. Шелов. Чеканка монеты, стр. 59.

[14] П. О. Карышковский. К истории денежного кризиса на Боспоре, стр. 145, 146, рис. в тексте.

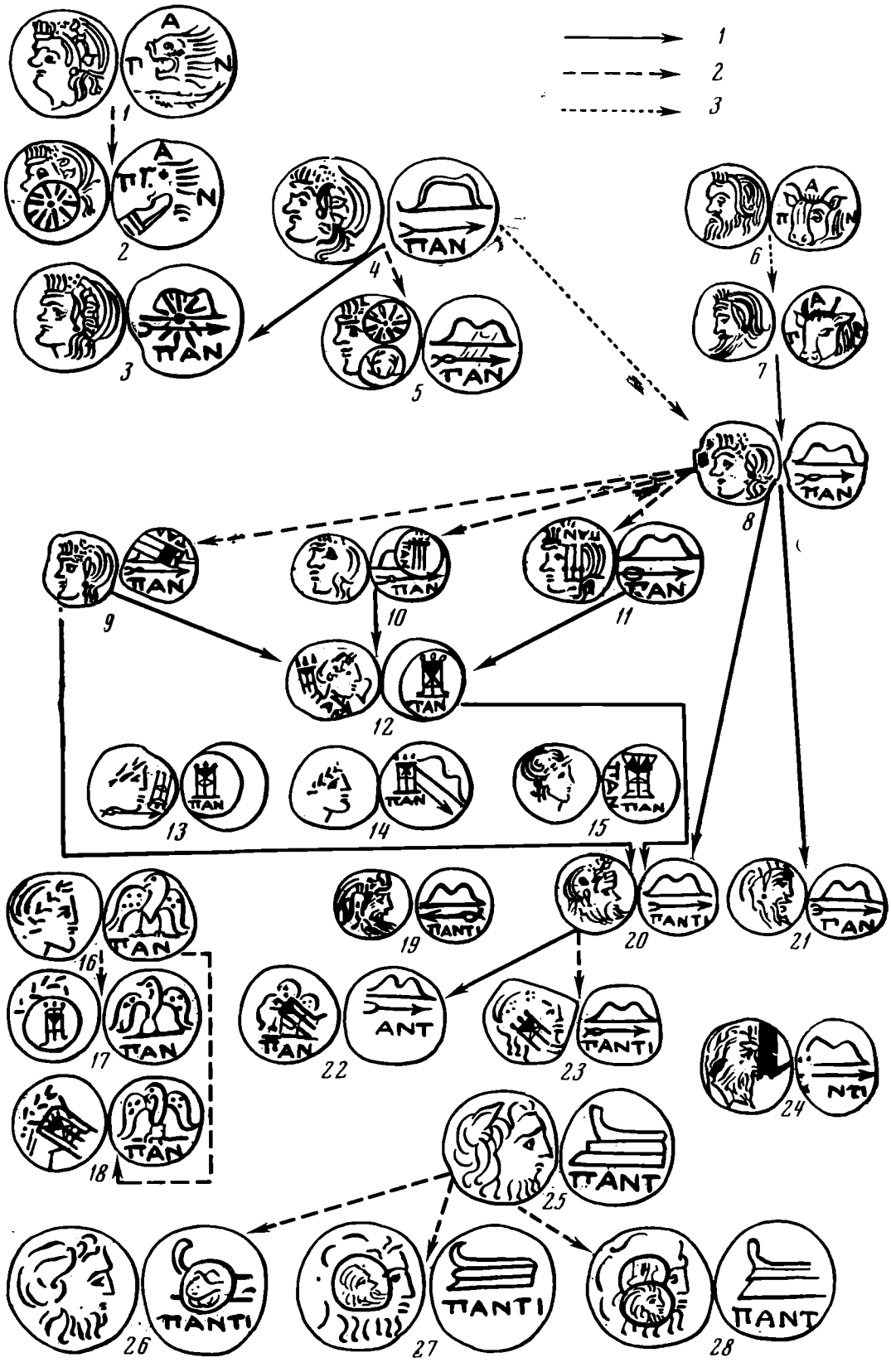


Схема пантикапейской монетной чеканки в период кризиса денежного обращения (первая половина III в. до н. э.)

1 — перечеканка, *2* — надчеканка, *3* — деградация монетного типа

Д. Б. Шелов установил, что во второй четверти III в. до н. э. одновременно с чеканкой монет с луком и стрелой происходит перечеканка этим же типом монет с изображением головы бородатого сатира влево и головы быка влево [15] (рис. 1, *6—7*). Видимо, из-за резкого падения веса монет с изображением лука и стрелы оказалось возможным перечеканить этим типом меньшие монеты с головой быка [16]. Об этом свидетельствуют перечеканенные монеты, найденные в Анапском кладе, опубликованном Е. О. Прушевской, и монеты из Анапского клада 1954 г. [17]

Следует заметить, что монеты типа бородатый сатир — бык по стилю изображения и фактуре монетного кружка делятся на две группы. Еще А. Н. Зографом была отмечена близость в трактовке типа лицевой стороны монет первой группы к крупному номиналу IV в. до н. э. (с изображением бородатого сатира и грифона с осетром под ними) [18]. Монеты же второй группы отличаются низким качеством и стиля и техники чеканки, что говорит об их более позднем выпуске и о более длительном обращении. Одна из монет второй группы была найдена в анапском кладе [19], датированном третьей четвертью III в. до н. э.

Монеты, относящиеся ко второй группе, и были перечеканены типом лук — стрела ΠΑΝ. Состав обоих Анапских кладов свидетельствует о том, что перечеканки одновременны совсем уже деградировавшим монетам с луком и стрелой [20] (рис. 1, *8*). Последнее полностью подтверждает мнение А. Н. Зографа о том, что чеканка их в значительной мере заходит в III в. до н. э. [21]

В течение своего длительного обращения монеты типа сатир — лук и стрела, в свою очередь, трижды подвергались надчеканке.

Первый тип надчеканки — клеймо в виде венка. Единственная монета с этим клеймом без каких-либо заметных следов прежних типов или надчеканок была издана П. О. Карышковским [22].

Второй тип — надчеканка в виде треножника с надписью имени города ΠΑΝ, сбоку, слева, в круглом или прямоугольном углублении (рис. 1, *9—10*). Монеты типа сатир — лук и стрела, ΠΑΝ — с вышеназванным клеймом обнаружены в раскопках Мирмекия в 1946 и 1948 гг. [23]

Надчеканка третьего типа представляет собой изображение несколько иного вида треножника с надписью имени города ΠΑΝ под ним (рис. 1, *11*). Наше предположение о том, что первоначально монеты данного типа надчеканивались треножником с надписью имени города сбоку от него, исходит из наличия на монетах следующей серии (Аполлон-треножник) [24] изображения треножника, полностью идентичного изображению надчеканок третьего типа с надписью ΠΑΝ под ним.

В середине III в. до н. э. правительством была сделана попытка восстановить курс меди путем выпуска монет с новыми типами. Этой новой серией и были монеты с изображением головы Аполлона вправо на лице-

---

[15] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XIX, *35—37*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *7*.

[16] Д. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г. НЭ, I, М., 1960, стр. 209.

[17] Е. О. Прушевская. Анапский клад пантикапейских медных монет. Тр. ОНГЭ, 1, стр. 20, 21, рис. 5.— 13 экземпляров; Д. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г. табл. II, *33*, *35* — 4 экземпляра.

[18] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XL, *18*.

[19] Д. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г., табл. II, *32*.

[20] Там же, стр. 209, примеч. 4.

[21] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия, 1932—1934 гг., МИА, 4, 1941, стр. 159.

[22] П. О. Карышковский. К истории денежного кризиса на Боспоре..., стр. 146, рис. 2.

[23] Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 гг. МИА, 85, 1958, стр. 33, № 115, 157, 159, 269. 5 экземпляров подобных монет хранится в ГИМе.

[24] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XXI, *123*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *9*.

вой стороне и треножника с надписью имени города под ним на оборотной (рис. 1, *12—15*). Они найдены в достаточно большом количестве при раскопках Тиритаки, Мирмекия[25] и Гермонассы[26].

Материалом для чеканки монет этой серии послужили монеты типа юный сатир — лук и стрела, ΠΑΝ[27] (рис. 1, *8*), а также монеты такого же типа, но с надчеканками треножником, с надписью ΠΑΝ под ним или сбоку, слева[28] (рис. 1, *12—15*). Надо еще отметить, что монеты с Аполлоном биты двумя штемпелями лицевых сторон. Один из них имеет схематичное изображение головы Аполлона во все поле монеты (рис. 1, *13*); но изображение головы божества на другом штемпеле отличается маленьким размером и высокой прической с локонами, спускающимися на плечи (рис. 1, *15*). При этом какой-либо хронологической последовательности в чекане монет тем или иным штемпелем установить невозможно, потому что монеты битые и первым штемпелем и вторым, перечеканены из одной массы монет типа сатир — лук и стрела, как с надчеканками, так и без них. Единственное, что можно сказать более определенно, это то, что монеты, имеющие схематичное изображение головы Аполлона во все поле монеты, более редки, нежели монеты, битые вторым штемпелем.

Те же тщетные усилия боспорского правительства преодолеть или хотя бы ослабить падение в цене медной монеты ясно видны в новом спешном выпуске меди с изображением головы Аполлона на лицевой стороне, орла и молнии — на обороте[29] (рис. 1, *16*). Монеты этого типа найдены при раскопках Тиритаки и Мирмекия[30]. Но для подтверждения их курса эти монеты снова и снова подвергаются надчеканке типом треножника, как круглой, так и прямоугольной форм[31] (рис. 1, *17—18*). Несколько монет с прямоугольной надчеканкой треножником найдены при раскопках Тиритаки и Мирмекия[32], а клеймо круглой формы известно только на одном экземпляре, который хранится в ГИМ и происходит из коллекции П. О. Бурачкова[33].

Возвращение к чеканке монет с привычными для населения типами: голова бородатого сатира вправо — лук — стрела, ΠΑΝΤΙ[34] свидетельствует о неудаче боспорских правителей в попытках нормализовать денежное обращение путем выпуска монет с новыми типами[35]. Можно считать, что монеты с бородатым сатиром вправо, ΠΑΝ — были выпущены в два приема. Наиболее ранними надо признать те, на оборотной стороне которых острие стрелы направлено влево[36] (рис. 1, *19*). Все эти монеты чеканены на новых, гладких, хорошей фактуры кружках и без каких-либо заметных следов перечеканки. Монеты, на оборотных сторонах кото-

---

[25] Л. Н. Белова. Ук. соч., стр. 330, № 41, 160, 161; А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 363, № 50, 158, 162, 2391, 2466.

[26] Л. Н. Казаманова. Монеты из раскопок Гермонассы в 1955—1956 гг., НЭ, II. М., 1960, стр. 53, № 54.

[27] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XX, *79*, *80*.

[28] Там же, табл. XXI, 124.

[29] Там же, табл. XXII, *163—164*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, 10.

[30] А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия 1935—1940 гг., стр. 363, № 2288, 2312, 2423.

[31] П. О. Бурачков. Укр. соч., табл. XXII, *165*, *166*.

[32] Л. Н. Белова. Ук. соч., № 41; А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, 4, ср. 152, 156; его же. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия 1935—1940 гг., № 118, 2386.

[33] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XXII, *166*; ГИМ — вес 3,51 *г*, размер 17 *мм*.

[34] Там же, табл. XIX, 51.

[35] Д. Б. Шелов. Чеканка монеты..., стр. 162.

[36] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XXIII, 183; ГИМ; 1) вес 4,54 *г*, размер 16 *мм*; 2) вес 4,21 *г*, размер 16 *мм*; 3) вес 3,86 *г*, размер 17,4 *мм*; 4) вес 3,51 *г*, размер 15 *мм*.

рых стрела направлена острием вправо (рис. 1, *20—21*), подразделены А. Н. Зографом на три группы [37].

Первая группа — монеты чеканены на плотных кружках, без следов отруба литников.

Вторая группа — монеты меньшего размера, с надписью ΠΑΝ, отчеканенные на специально изготовленных для них кружках, со скошенным краем и следами отруба литников. Правда, иногда они чеканятся и на старых, предварительно обработанных кружках. Так, монета бородатый сатир — лук — стрела, ΠΑΝ перечеканена из монеты типа молодой сатир влево — лук и стрела — ΠΑΝ [38] (рис. 1, *21*).

Третья группа — самая многочисленная. В нее входят монеты, отчеканенные на монетных кружках без предварительного уничтожения прежних типов. Эту группу необходимо разобрать более детально.

1. Самыми ранними монетами, которые были перечеканены типом бородатый сатир — лук и стрела вправо ΠΑΝΤΙ, являются монеты деградированного веса с изображением молодого сатира влево — лука и стрелы с надписью ΠΑΝ [39].

2. Одновременно монеты типа сатир — лук и стрела, ΠΑΝΤΙ были биты из тех же маловесных монет, но носящих уже на себе клеймо в виде треножника с надписью ΠΑΝ сбоку слева.

3. Следом за вышеописанными монетами, послужившими материалом для чеканки разбираемого нами типа, идут монеты с изображением на лицевой стороне головы Аполлона вправо и треножника с надписью ΠΑΝ под ним [40].

4. Кроме того, для чеканки монет этого типа были использованы монеты типа голова Аполлона вправо — орел — ΠΑΝ, с прямоугольной надчеканкой в виде треножника [41] (рис. 1, *22*).

Вызывает интерес и монета изучаемого типа, на лицевой стороне которой сохранилось клеймо в виде треножника [42] (рис. 1, *23*). Последний по своим очертаниям отличается как от треножников с надписями ΠΑΝ, помещенными сбоку или снизу, так и от треножников, изображенных в надчеканках на монетах голова Аполлона — орел. Наличие этого клейма на монетах с головой бородатого сатира — лук и стрела, ΠΑΝΤΙ — еще одно свидетельство их неустойчивого курса.

К третьей четверти III в. до н. э. относятся монеты с изображением головы Посейдона вправо на лицевой стороне и надписью ΠΑΝΤΙ на оборотной [43] (рис. 1, *25*). Здесь следует заметить, что для чеканки этого типа монет употреблялись не только вновь сделанные монетные кружки, но и использовались старые, с прежними изображениями. Например, одна монета (вес 3,94 *г*, размер 18 *мм*) с зеркальным изображением проры и надписи ΠΑΝΤΙ перечеканена из монетного типа бородатый сатир — лук и стрела, ΠΑΝΤΙ (рис. 1, *24*).

Монеты Посейдон — прора известны с надчеканкой в виде головы Афины [44] (рис. 1, *26*), с надчеканкой в виде головы сатира [45] (рис. 1, *27*) и с двумя надчеканками по каждой из них на той или другой стороне монеты [46], а также по две надчеканки сразу на одной стороне (рис. 1, *28*). Причем надчеканка с головой Афины перекрывается надчеканкой с голо-

---

[37] А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., стр. 152.
[38] ГИМ, вес. 2,60 *г*, размер 15 *мм*; 2) вес 1,56 *г*, размер 16 *мм*.
[39] ГИМ, вес 1,54 *г*. Подобные монеты изданы: А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., стр. 156, № 41—45, рис. 17.
[40] Там же, стр. 156, № 46, рис. 9, вес 2,31 *г*. ГИМ, вес. 2,77 *э*.
[41] Там же, стр. 152, № 38—40, рис. 5, 6.
[42] ГИМ, вес 1,91 *г*, размер 17 *мм*; следы отруба литников.
[43] П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XXII, *153*.
[44] Там же, табл. XXII, *157*.
[45] Там же, табл. XXII, *158*.
[46] Там же, табл. XXII, *155*.

вой сатира[47]. Д. Б. Шелов считает эти монеты последним звеном в цепи всех монетных выпусков периода боспорского кризиса, а надчеканки на них относит ко времени Левкона II[48].

Тщательно рассмотрев гипотезы, высказанные ранее нумизматами по поводу причин возникновения денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э., я пришла к выводу, что каждая из них, хотя и верна, но не может до конца объяснить явного и резкого проявления начала этого кризиса на боспорской меди. Почему только медь типа сатир — лев, осетр — подвергалась столь планомерной надчеканке и довольно длительное время? Что вызвало это явление?

Недавно П. О. Карышковский высказал предположение, что во втором десятилетии III в. до н. э. на Боспоре начали чеканить серебро по новой родосско-хиосской системе, которая заменила собой эгинскую[49]. Не вдаваясь в детальный разбор предположенной П. О. Карышковским новой классификации пантикапейского серебра конца IV — начала III в. до н. э., но считая идею автора о смене в начале III в. до н. э. тяжелой эгинской системы более легкой родосской — интересной и несомненно заслуживающей внимания, можно предположить, что правительство, выпустив серебро по новой весовой системе, принуждено было вместе с тем изменить и стоимость меди. Подвергнув монеты типа сатир — лев, осетр, ΠΑΝ[50] надчеканке, оно тем самым ввело их в новую счетную систему уже в качестве большего номинала, чем они были до этого. То есть, до реформы они могли быть дихалками к старшему номиналу тетрахалку, могущему быть представленным монетами типа голова бородатого сатира — лук, стрела ΠΑΝΤΙ[51], то с переходом к новой системе монеты с изображением головы молодого сатира — головы льва и осетра, ΠΑΝ должны стать тетрахалками. Таким образом, денежное обращение Боспора накануне кризиса состояло только из серебра, чеканенного по новой весовой системе, и меди. Старшим номиналом меди (оболом?) могли быть, скорее всего, монеты с изображением головы молодого сатира — головы быка, ΠΑΝ[52] (средний вес — 16 *г*). Средний номинал (тетрахалки?) представляют должно быть надчеканенные дихалки[53] прошлого выпуска, связанного с «тяжелым» серебром эгинской системы, а также монеты, где надчеканки вырезаны непосредственно в штемпеле монеты[54] (средний вес 7 *г*). Младшим номиналом (дихалком?) были монеты типа голова бородатого сатира — голова быка ΠΑΝ[55] (средний вес 3 *г*). Об их длительном обращении, заходившем далеко в III в. до н. э., было сказано выше.

Тетрахалки прошлого выпуска[56], лишь немного уступающие в весе новым оболам[57], приравнивались в обращении к этим последним, по-видимому, без особых надчеканок. В дальнейшем их реверсный тип был использован для оборотных сторон тетрахалков нового выпуска, которым, вероятно, были монеты с изображением головы молодого сатира — лука и стрелы, ΠΑΝ[58].

---

[47] К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. КСИИМК, 58. 1955, рис. 53, № 4.

[48] Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н. э. с надчеканками, стр. 148.

[49] П. О. Карышковский. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э., стр. 134, 135.

[50] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *2*.

[51] Там же, табл. XL, *30*.

[52] Там же, табл. XLI, *1*.

[53] Там же, табл. XLI, *3*.

[54] П. О. Карышковский. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре.., табл. I, *19, 20*.

[55] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *7*.

[56] Там же, табл. XL, *30*.

[57] Там же, табл. XLI, *1*.

[58] Там же, табл. XLI, *4*.

Именно этим новым типом были перечеканены и находившиеся в обращении дихалки с изображениями головы сатира — головы льва и осетра, ПАN как «чистые», так и превращенные в тетрахалки наложением на них клейм или отчеканенные со включенным уже в штемпель типом клейма. Это удвоение номинала самой распространенной монеты — наиболее яркое проявление кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.

Таблица весов монет Боспора периода кризиса денежного обращения

Типы монет	Средний вес, *г*	Максимальный вес	Минимальный вес	Кол-во взвешен. экз.
3.XL, 30	14	14,83	9,73	21
3.XLI, 2	7	8,71	3,55	176
3.XLI, 1	16	16,86	13,01	9
3.XLI, 7	4	5,69	2,31	82
3.XLI, 4	3	8,01	2,2	56
3.XLI, 5	1,7—2	3,4	1	135
3.XLI, 10	4	5,91	1,65	15
3XLI, 6	ок. 4 *г*—14 экз. ок. 2 *г*—12 экз.	5,45	0,83	33
3.XLI, 13	6	8,48	2,83	17

Но переход к новой весовой системе, повлекший за собой появление надчеканок на меди, отнюдь не улучшил состояние финансов в Боспорском государстве. Напротив, это привело к прекращению выпуска золотой и серебряной монеты, а затем уменьшению веса, ухудшению стиля и техники надчеканки монет, а также сокращению выпускаемых номиналов меди до одного. Причем почти все монеты последующих серий, выпущенные в период кризиса, носят на себе заметные следы монетных типов предыдущих серий. Это дает нам возможность представить в целом картину денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э.

N. A. Frolova

A PROPOS DU PROBLÈME DE LA CIRCULATION MONÉTAIRE AU ROYAUME DE BOSPHORE AU IIIe SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE

Résumé

L'article traite de la crise monétaire au royaume de Bosphore dans la première moitié du IIIe siècle avant notre ère.

Partant de l'analyse des monnaies de cuivre de la Panthicapée datant du III siècle avant notre ère, l'auteur brosse un tableau général de l'organisation de leur frappe au Bosphore de l'époque précise les chronologies relatives et absolues des étapes différentes du marquage et de la nouvelle frappe des monnaies de cuivre et il établit la succession des types de ces dernières pendant la période étudiée.

Compte tenu des suppositions de savants relatives à l'àchange du système de poids d'Egine dit «lourd» contre celui de Rhodes plus «léger» (début du IIIe siècle avant notre ère), la frappe des monnaies d'argent de poids réduit est tenue comme probable au IIIe siècle avant notre ère au Bosphore ce qui a pu entrainer le changement de la valeur des monnaies de cuivre. Après avoir effectué la surimpression et la frappe des pièces de monnaie de cuivre déjà frappées, le gouvernement de Bosphore, par ce fait, les introduit dans le nouveau système monétaire en leur attribuant une valeur nominale plus élevée que précédemment. Mais l'adaptation d'un nouveau système de poids ne donne pas les résultats souhaités. La cessation des émission de l'or et de l'argent, la réduction du poids et de la valeur nominale des monnaies de cuivre et l'affaiblisement du style sont les traits caractéristiques de la crise de circulation monétaire du royaume de Bosphore au IIIe siècle avant ontre ère.

А. Л. ЯКОБСОН

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ АРМЯНСКОГО И ГРУЗИНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА

Богатейший материал, оставленный нам зодчими Грузии и Армении, уже давно стал предметом научного исследования. Сейчас опубликовано уже не только множество сохранившихся памятников, но и широко представлен в литературе общий процесс развития архитектурного творчества в этих странах. И все же остается немало спорных вопросов. Наиболее острый из них — это вопрос о взаимодействии и взаимоотношении обеих архитектур, вопрос о путях формирования основных архитектурных идей, вопрос об их родине. В последнее время дискуссия эта до крайности обострилась в связи с попытками утвердить новые даты для ряда выдающихся архитектурных произведений Армении и Грузии. Но за спорами о датах скрывается разногласие не только относительно самого процесса развития зодчества Армении и Грузии, но и тенденция возвеличить одну архитектуру сравнительно с другой.

Такое предвзятое отношение к зодчеству стран Закавказья — явление не новое. Превосходство армянской архитектуры и зависимость грузинской архитектуры от армянской очень долго держалось в представлении европейских, да и русских ученых — вплоть до 20-х годов нашего столетия. В наиболее полном виде это выразил И. Стржиговский, взгляды которого в данном вопросе уже давно устарели и отвергнуты [1]. Справедливо указывалось на несостоятельность не только концепции приоритета армянской архитектуры перед грузинской, но и вообще «противопоставления армянской и грузинской архитектур для определения „преимуществ" одной из них» [2].

В современной армянской историко-архитектурной науке эта тенденция, можно сказать, целиком изжита: вопрос о художественной неравноценности армянского и грузинского зодчества или о «преимуществах» своей армянской архитектуры здесь давно снят [3]. Ощущается, правда, другой недостаток. Исследователи истории армянского зодчества слишком редко привлекают аналогичные явления в грузинской архитектуре и тем самым искусственно разобщают архитектурное творчество Армении и Грузии, в действительности тесно связанное. Такой отрыв и изоляция армянского зодчества, конечно, только мешают правильному пониманию его формирования и развития, особенно в раннее средневековье.

---

[1] В. Беридзе. Против искажения истории грузинского искусства. Тбилиси, 1949, стр. 12 сл., 20, 23, 24, 37, 41 и др.

[2] Там же, стр. 41.

[3] В этом смысле очень показательна мысль, высказанная А. Б. Еремян в отношении храмов типа Рипсиме: «Для истории грузинской и армянской архитектуры никакого решающего значения не может иметь факт возникновения этого типа впервые в той или иной стране... В цепи развития армянских и грузинских храмов она (форма храмов типа Рипсиме) является лишь одним из звеньев». А. Б. Еремян. Храм Рипсиме. Ереван, 1955, стр. 20.

К сожалению, в современной грузинской искусствоведческой литературе сказывается, и порой довольно сильно, другая тенденция: во главе архитектурного развития Закавказья поставить Грузию. Так, Г. Н. Чубинашвили, хоть и признает «общие тенденции» армянского и грузинского зодчества, считает, что в противоположность грузинским армянские строители (имеются в виду создатели зданий типа знаменитого храма Джвари близ Мцхеты начала VII в.) «не усвоили самой сути художественного решения», а потому их произведения с грузинскими «ни в какое сравнение идти не могут» [4]. В своих работах [5] Г. Н. Чубинашвили неоднократно отмечает художественную неполноценность средневековой армянской архитектуры.

Очевидно, что путем принижения армянского или грузинского зодчества нельзя понять ни их истоков, ни реальных связей того и другого. Еще Н. Я. Марр указывал на обязательность параллельного изучения армянской и грузинской культур, в том числе и зодчества, развивавшихся в тесном взаимодействии [6].

Предлагаемые читателю заметки преследуют задачу именно такого изучения. Они посвящены общим вопросам истории армянского и грузинского зодчества и мыслятся как дискуссионные. Наша цель — проследить сближения и расхождения грузинской и армянской архитектуры и исторически объяснить их. Огромный материал, уже накопленный и опубликованный, дает достаточное основание для такого исследования.

Наиболее дискуссионны взаимоотношения зодчества Грузии и Армении в раннее средневековье, в доарабское время, в V—VII вв. Эта эпоха, как известно, ознаменовалась особенно интенсивным творчеством зодчих в странах Закавказья, заложивших основы всего дальнейшего развития архитектуры в этом районе, и прежде всего в сфере культовой архитектуры. Всеобщее распространение христианства, пришедшего в Армению и Грузию из соседней Сирии, вызвало интенсивное строительство храмов.

Наиболее ранняя их форма — это базилика, еще не купольная, нередко с трехсторонним обходом-галереей. Но вскоре, уже в VI в., в базилику был введен центрический элемент в виде купола [7]. Затем появилась купольная зала — звено дальнейшего развития купольной базилики на пути

---

[4] Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов. Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936, стр. 36.

[5] См.: Г. Н. Чубинашвили. Армянское искусство с конца IX и до начала XI в. Сб. «Сасунский Давид». Тбилиси, 1939, стр. 24, 33, 44—46; его же. Архитектура Кахетии, текст. Тбилиси, 1959, стр. 230—231, 255, 415—416; его же. Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967, passim. Правда, на первых страницах «Разысканий...» Г. Н. Чубинашвили говорит о самостоятельности искусства Армении и Грузии (стр. 3), но беда в том, что вся его книга находится в полном противоречии с этим бесспорным тезисом. Кроме того, Г. Н. Чубинашвили безосновательно переносит в IX—XI вв. многие выдающиеся произведения армянского зодчества VII в. Подробнее об этих передатировках см. рецензии на книгу Г. Н. Чубинашвили (А. Л. Якобсон. Рец.: Разыскания по армянской архитектуре. СА, 1968, 3, стр. 262—270; Б. Н. Аракелян, В. М. Арутюнян и С. Х. Мнацаканян. Рец.: О некоторых вопросах истории армянской архитектуры. Ереван, 1969). «Ответ рецензентам» Г. Н. Чубинашвили («Мацне», 1969, 4, стр. 203—216; СА, 1970, 1, стр. 301) ничего нового в аргументацию автора не вносит. В дальнейшем изложении ссылки на передатировки Г. Н. Чубинашвили не приводятся.

[6] Н. Я. Марр. Ани. М.— Л., 1934, стр. 37, 38.

[7] Появление купола в монументальной архитектуре Армении и Грузии еще не прослежено. Первоначально он применялся, вероятно, лишь в мемориальной архитектуре и крещальнях, т. е. в архитектуре центрической. Но самих памятников такого рода в IV—V вв. в странах Закавказья мы пока не знаем. Возможно, что наиболее ранние купола в Грузии и Армении были подобно сирийским деревянными. Именно таким был, по-видимому, прототип купола Текорской базилики (ср.: О. Х. Халпахчьян. Архитектура Армении. Всеобщая история архитектуры, 3, М., 1966, стр. 201). Непосредственно же связывать появление купола в Грузии и Армении с архитектурой народного жилища (глхатуна-дарбази) мы не можем хотя бы потому, что в этих жилищах «купола» были ложными сводами. А. Я. Якобсон.

к центрической композиции. Таковы первые этапы процесса, основная тенденция которого заключалась в отходе от базилики с ее продольной осью и в развитии центрического принципа. Процесс этот шел весьма интенсивно.

Подкупольное пространство все более расширялось, композиционное значение купола увеличивалось. И уже в том же VI в. выработана была свойственная только Закавказью величавая композиция объединенного внутреннего пространства, с примыкающими к нему четырьмя широкими экседрами, промежуточными трехчетвертными нишами и зажатыми в углах приделами. Архитектурные компоненты слились здесь в единый и цельный массив, в котором четкому, нарастающему к центру ритму внутренних объемов полностью соответствует ясно выраженная градация устремленных кверху масс здания. Это было большим достижением средневекового зодчества, олицетворенного в храмах Джвари в Грузии и Рипсиме в Армении.

Наряду с этим развивалась и собственно центрическая концепция в виде круглого, увенчанного куполом пространства, окруженного экседрами. Развитие этой концепции завершила композиция огромного трехъярусного круглого храма с четырьмя ажурными внизу экседрами, опоясанного круговым обходом-галереей,— композиция, представленная знаменитым Звартноцем в Армении, она известна и в Грузии, но по более позднему памятнику. Можно без преувеличения сказать, что данная композиция имела такое же значение для Закавказья, какое имела София в Константинополе для зодчества Византии.

Сказанное — лишь очень сжатая схема развития. Но если обратиться к конкретным памятникам, то нетрудно убедиться, что эта схема в равной мере охватывает как архитектуру Грузии, так и архитектуру Армении. Рамки журнальной статьи вынуждают нас ограничиться лишь самыми важными памятниками [8].

Знаменитой трехнефной базилике в Болниси (Грузия) V в. с пятью парами крещатых столбов, боковыми галереями и полукруглой выступающей апсидой достаточно полно соответствуют армянские трехнефные же базилики с выступающей апсидой и также относящиеся к V в.— в Касахе и Егварте. Правда, в последних нет боковых галерей, но зато они хорошо известны в других армянских трехнефных базиликах, где апсида не вынесена за пределы прямоугольника здания (Ереруйк, Текор, первоначальная базилика в Двине).

Другая столь же ранняя трехнефная базилика в Грузии — Урбниси — с четырьмя парами крещатых столбов вполне однородна армянской базилике в Аштараке [9].

Купольная базилика представлена в Армении приблизительно одновременными храмами Гаяне в Вагаршапате (630—641 гг.), в Мрене (заложен в 623 г., окончен в 640 г.), Багаване (639 г.), в Одзуне (Узунла-

---

Рец.: Р. Я. Агабабян. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950. «Советская книга», 1952, 5, стр. 116, 117.

[8] Мы вынуждены отказаться от иллюстраций, которые легко найти в монографиях по армянской и грузинской архитектуре. Назовем лишь некоторые из них. *Армянская архитектура*: Н. Я. Марр. Ани. Л., 1934; В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951; Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961; А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков. Л.— М., 1950. *Грузинская архитектура*: Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов. Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936; Н. П. Северов. Памятники грузинского зодчества. М., 1947; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. I, Тбилиси, 1956; II, Тбилиси, 1959; Ш. Я. Чубинашвили. История грузинского искусства. I. М., 1950; В. В. Бериdзе. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX в. Тбилиси, 1967.

[9] Различие лишь в том, что в Аштараке столбы не крещатые, а Т-образные, и их не четыре, а три пары, но это нисколько не меняет сути дела. Трехнефные базилики V в. известны в Грузии в довольно большом количестве. Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, текст, гл. II.

ре) [10]. Вероятно, к VII в. относится и возведение купола над базиликой V в. в Текоре [11], в Грузии — Цроми (между 626—635 гг.). Все эти храмы являются результатом скрещения собственно базилики и центрической композиции. Купол в этих зданиях опирается на четыре массивных устоя. Переход к восьмигранному барабану везде осуществлен посредством тромпов. Но вместе с тем каждый из названных храмов наделен и индивидуальными чертами: здания различаются общими пропорциями, размером купола и соответственно шириной подкупольного объема, благодаря чему различна и степень центричности композиции. В Одзуне основной храм, как в ранних базиликах, окружен галереей; различны и некоторые детали [12]. Наиболее развито подкупольное пространство в Цроми. В армянских купольных базиликах с их приблизительно равными нефами в большей степени ощущается «базиликальность», преодоленная в Цроми. Но это вовсе не означает отсталость армянской архитектуры, ибо столь же развитый, как в Цроми, подкупольный объем мы находим в Армении в купольных залах второй половины VII в.— в Аруче и Птгни [13]. Мы вправе сказать, что основные архитектурно-художественные качества храма в Цроми были в той же мере свойственны и армянскому зодчеству той поры. Купольные залы Армении объединяет с раннесредневековым зодчеством Грузии самая сокровенная черта — синтез «базиликальности» и центральнокупольной системы, при которой боковые нефы отмирают. Цроми в Грузии и купольные залы в Армении лежат в одном русле архитектурного развития. Родственность этих произведений подчеркивается и их близким внешним обликом, общим принципом архитектурного оформления.

Правда, композиция купольной залы, в которой зодчие отказались от внутренних, отдельно стоящих устоев, расчленяющих внутреннее пространство, неизвестна в грузинском зодчестве VI и VII вв. Но зато она достаточно отчетливо представлена в зодчестве последующего времени — в конце VIII в.: я имею в виду основную часть большого купольного храма в монастыре Квела Цминда близ Вачнадзиани (в Кахетии) [14]. Что это отнюдь не первый опыт в претворении композиции купольной залы, показывает хотя бы усложненность планировки здания и его повышенные пропорции. Очевидно, зодчий этого храма хорошо знал раннесредневековые (доарабские) произведения такой композиции и уверенно следовал им. Вопрос о непосредственном источнике этой композиции на почве Грузии в VIII в. пока остается открытым: купольная зала в предшествующее время, в VII в., известна только в Армении. Но нам важно оттенить то, что архитектурная концепция купольной залы и в следующем столетии, в VIII в., оставалась близкой художественным идеалам грузинского зодчего.

С рассмотренной линией архитектурного творчества сосуществует и скрещивается другая — архитектура собственно центрическая, центрально-купольная. На основе античных, греко-восточных источников [15] к концу V в. в зодчестве Закавказья была выработана композиция прямоугольного, увенчанного куполом пространства, с выступающими с четырех сторон экседрами.

---

[10] Дата VIII в. (по новой надписи) совершенно исключена: в эпоху арабского господства в Армении там не было даже минимальных условий для сооружения такого громадного храма (ср.: Н. М. Токарский. Архитектура Армении. стр. 100).

[11] Н. Я. Марр. Ереруйская базилика. Ереван, 1968, стр. 27.

[12] Так, в Мрене и Багаване апсида выступает; в Гаяне, Одзуне и в Цроми она включена в прямоугольник.

[13] Храмы относятся именно к VII в. Неосновательность поздней датировки храма в Аруче показана В. М. Арутюняном. В. М. Арутюнян. По поводу датировки храма в Аруче. Сб. трудов Ереванского политехнического института им. К. Маркса. Ереван. 1946, 2; Реплика Г. Н. Чубинашвили (Сообщения АН ГрузССР, 1946, 8, стр. 579—586) не внесла в дискуссию ничего нового.

[14] Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. I, стр. 287 сл., особенно стр. 315—319.

[15] А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении, стр. 18. 27.

В Армении эта архитектурная тема представлена храмами в Эчмиадзине (конец V в. [16]), Багаране (630 г.) (еще с четырьмя внутренними столбами, определившими крестообразность внутренних объемов), Мастаре (середина VII в.) и Артике (также VII в.). Оба последних здания уже без внутренних столбов, поэтому внутреннее пространство объединено под куполом полностью.

В Грузии храмы такой композиции неизвестны, если не считать одну небольшую постройку, в уменьшенном виде передающую тип Мастары — Артика: речь идет о раннесредневековом храме в Дзвели Шуамта (VII в.?) [17], который Г. Н. Чубинашвили ведет от типа Джвари, хотя связующим элементом являются лишь миниатюрные промежуточные и никуда не ведущие ниши между основными экседрами. Однако по своему архитектурному существу храм Дзвели Шуамта, представляющий собой куб с четырьмя экседрами, несравненно ближе к композиции типа Мастара — Артик.

Так или иначе, но архитектурная тема Мастары — Артика, по-видимому, не была популярна в Грузии, чего нельзя сказать вообще о теме тетраконха, которую в неосложненном, т. е. в чистом виде (когда внутренние полукружия выступают и наружу, иногда гранные), воспроизводят небольшие раннесредневековые храмы как в Армении (Ирвиз [18], Аламан, Сухбеч [19], Аграк) [20], так и в Грузии (Дзвели Гавази [21]).

Правда, дальнейший этап развития, при котором тетраконх осложнен промежуточными экседрами, образующими звездчатый план (в Грузии храм Ниноцминда конца VI в. [22]), для армянского средневекового зодчества нехарактерен.

Зато позднее, во второй половине VII в., круглая композиция, окруженная экседрами, получила в Армении вполне развитое выражение: храмы Зоравар близ Егварда и близ Иринда. В обоих зданиях основной восьмигранный объем также окружают экседры, снаружи гранные; вернее сказать, в нижнюю многогранную призму здания врезаны глубокие ниши, выделяющие снаружи экседры [23].

В Грузии это звено в развитии центрической композиции нам неизвестно. Однако нельзя не признать, что в основе и тетраконха типа Дзвели Гавази, и звездчатой композиции Ниноцминды, и дальнейшего этапа развития центрической темы в виде армянских храмов близ Егварда и Иринда лежит общий принцип композиции с полностью объединяющим здание куполом.

Можно привести и еще одну композицию, общую для Армении и Грузии. Это совсем небольшие, интимные по характеру крестообразные часовни VII в., перекрытые куполом на тромпах и служившие мавзолеями. В Армении можно назвать Кармравор в Аштараке, Лмбатаванк, Арташаванк; в Грузии — Самцевриси и малую церковь в Атени [24]. Вряд ли и в от-

---

[16] А. А. Саинян. Новые данные об архитектурном облике эчмиадзинского собора. Труды XXV Международного конгресса востоковедов. III, М., 1963, стр. 568—578; Первоначально кафедрал был базиликой.

[17] Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. I, стр. 251 сл.

[18] Очерки по истории армянской архитектуры. Ереван, 1964 (на арм. яз.), стр. 142, рис. 21, *1, 5, 7.*

[19] В Тайке. Е. Такайшвили. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 81 и табл. 114, пр. вверху.

[20] Г. Н. Чубинашвили считает, что «в Армении неизвестно ни одного тетраконха древнего времени, т. е. не позже VII в.» (Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. I, стр. 224), но это неверно.

[21] Там же, стр. 216 сл.

[22] Там же, стр. 232 сл.

[23] В Иринде с западной стороны, как и в некоторых тетраконхах, экседра заменена прямоугольником входа.

[24] Ю. Яралов. Некоторые особенности памятников армянской архитектуры. «Архитектурное наследство», 3, 1953, стр. 81 сл.; Л. Рчеулишвили. Малый купольный храм в Атени. «Ars Georgica», 1, 1942, стр. 31 сл. Г. Н. Чубинашвили История грузинского искусства, I, Тбилиси, 1936, стр. 31, 64 (на груз. яз.).

ношении этой композиции можно говорить о влиянии армянской архитектуры на грузинскую или наоборот: мы вновь имеем дело с общим архитектурным явлением.

Полной зрелости и совершенства центральнокупольная архитектура достигла в Армении и Грузии к концу VI — началу VII в. в храмах типа Джвари (Грузия) и Рипсиме (Армения), в которых внутренние объемы с их сложным и богатым ритмом получили четкое и гармоничное выражение в наружных массах, строго расчлененных в соответствии с внутренней композицией. Здания эти отличают и прекрасно выработанные пропорции.

Данная композиция в сложившемся виде известна по целой серии памятников Армении и Грузии: таковы храм в Аване (конец VI в.), храм Рипсиме (618 г.), храмы в Арамусе, Торгманчац-ванке, в Сисиане (конец VII в.) — в Армении [25]; Джвари (начало VII в.) [26], Атенский Сион (VII в.), храм в монастыре Дзвели Шуамта (конец VI — начало VII в.), храм в Мартвили, восстановленный в X в., — в Грузии [27]. Общность данной группы зданий выступает предельно ясно и отчетливо. Конечно, и здесь наблюдаются некоторые различия, особенно в одном из более ранних памятников — в Аване [28]. Но имеющиеся различия не в состоянии заслонить единства всех этих зданий, знаменующих одно большое архитектурное явление. Единство это не оставляет сомнения в том, что формирование композиции Джвари — Рипсиме — дело столь же грузинских, сколь и армянских зодчих, творивших рука об руку [29]. Тот факт, что одно из названных

---

[25] А. Б. Еремян. Храм Рипсиме, стр. 91 сл.; О дате храма в Аване см.: ее же. К вопросу о датировке кафедральной церкви в Аване. Вестник общественных наук АН Арм.ССР 1969, 3, стр. 55.

[26] Г. Н. Чубинашвили относит завершение постройки храма к 90-м годам VI в. (Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948, стр. 25, 115), хотя из приведенных им же данных (там же, стр. 20) явствует, что храм, если и был заложен в конце VI в., то окончен был лишь при Степаносе II, т. е. после 634 г. Ср.: С. Н. Какабадзе, Рец.: Г. Чубинашвили. Несколько глав из истории грузинского искусства. Тифлис, 1926, В кн.: «Исторический сборник», II, Тифлис, 1928, стр. 102. Первой половиной VII в. датируют завершение постройки Джвари и другие исследователи: Н. П. Северов. Памятники грузинской архитектуры. М., 1947, стр. 171; М. А. Чхиквадзе. Архитектура Джвари. М., 1940, стр. 20; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. I, 1950, стр. 114. В статье П. М. Мурадян «Армянская надпись храма Джвари» (Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1968, 2, стр. 61—72) подробно обосновывается, что храм Джвари заложен был не раньше начала VII в., строительство было приостановлено в годы персидского владычества, возобновлено после 626—627 гг. и завершено до 642 г. при Адрнерсе.

[27] Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948. О дате храма в Мартвили — стр. 117, 118.

[28] Угловые помещения здесь круглые; в пропорциях здания еще сильно ощущается протяженность, напоминающая базилику. В храме Рипсиме в отличие от Джвари наружные ниши трапециевидные. Кстати сказать, где они впервые появились — в Грузии (в Цроми, как думает В. Беридзе. Итоги изучения грузинской архитектуры раннехристианского времени. Труды XXV Международного конгресса востоковедов, стр. 564) или в Армении,— установить трудно, да и вряд ли это важно.

[29] Некоторые историки грузинской архитектуры признают в Армении лишь «известные параллели» композиции Джвари (В. Беридзе. Ук. соч., стр. 564); в его более ранней общей работе (его же. Архитектура Грузии. М., 1948) храм Рипсиме в связи с Джвари вовсе не упоминается. Определеннее взгляд Г. Н. Чубинашвили. Он считает, что композиция Джвари создана была именно зодчими Джвари, т. е. в Грузии, откуда затем была заимствована Арменией: приоритет Грузии для целой полосы развития армянского зодчества, по мнению Г. Н. Чубинашвили, «ныне уже можно считать твердо установленным» (Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, стр. 112). Заимствование это Г. Н. Чубинашвили считает весьма неумелым. «В художественном отношении,— пишет он,— и в смысле художественного акта эти строения (храмы Джвари и Рипсиме.— *А. Я.*) несоизмеримы» (там же, стр. 112; Г. Н. Чубинашвили. Разыскания об армянской архитектуре, стр. 37). О необъективности и тенденциозности такого взгляда см.: А. Л. Якобсон. Рец.: Г. Н. Чубинашвили. Разыскания..., стр. 262 сл.; А. Б. Еремян. К вопросу о датировке..., стр. 55—60; Б. Н. Аракелян, В. М. Арутюнян, С. Х. Мнацаканян. Ук. соч., стр. 56—58.

зданий — Атенский Сион — построено на почве Грузии зодчим-армянином, лишь подтверждает эту очевидную мысль.

Венец всей раннесредневековой архитектуры Закавказья — Звартноц (около середины VII в.), в котором воплотились вековые достижения армянских зодчих. Сформировалась величественная пирамидальная композиция огромного трехъярусного храма-мемории, круглый массив которого внутри заключает тетраконх (внизу ажурный), во втором ярусе (согласно новейшей реконструкции) [30] выступающий наружу. Храм завершался многогранной призмой. Сложный ритм архитектурных объемов, градация масс, устремленных ввысь, и нарастание света доведены здесь до совершенства.

Мы знаем эту композицию только по храму Звартноц и по армянскому же храму в сел. Ишхан, построенному тем же Нерсесом в области Тайк (позднее ставшей грузинской) [31]. В Грузии эта композиция в несколько осложненном виде представлена столь же громадным храмом в Бана, хотя и более поздним. Он был построен при царе Адарнесе (888—929 гг.), т. е. в конце IX — начале X в. [32]

Однако создание такого вполне сложившегося по композиции здания, как храм в Бана, было бы необъяснимо без предположения о наличии в Грузии его раннесредневекового предшественника — ровесника Звартноца, подобно тому что имело место в самой Армении, где на рубеже X и XI столетий в Ани, в храме Гагика, была повторена архитектура Звартноца. Такой ровесник Звартноцу действительно существовал в княжестве Тао-Кларджети, притом почти рядом с Бана. Это упомянутый армянский храм в Ишхане, восстановленный в X в. грузинскими зодчими. Что раннесредневековой архитектуре Грузии и помимо того была знакома такая композиция, показывает храм в Леките (вероятно, VII в.), в древней Албании (ныне в Азербайджане) — в области, смежной с Кахетией [33], т. е. в ближайшем соседстве с Грузией, в уменьшенном виде воспроизводящий ту же архитектурную тему.

Надо сказать, что культовое зодчество Кавказской Албании, судя по немногим сохранившимся памятникам, тесно примыкает к архитектуре Армении и Грузии. Помимо Лекита следует напомнить известную Кумскую базилику (по всей вероятности, V в.) с тремя парами столбов, с выступающей полукруглой апсидой и с трехсторонней галереей [34]. По композиции здание очень близко к армянским базиликам в Касахе и Егварде (правда, лишенным галерей) и особенно к грузинской в Болниси, хотя и отличается кладкой, в основном бутовой с применением кирпича (как в Кахетии).

Мы говорим об о б щ н о с т и армянского и грузинского раннесредневекового зодчества, но отнюдь не о полном их совпадении и об отсутствии

---

[30] С. Х. М н а ц а к а н я н. Новый проект реконструкции Звартноца. Изв. АН АрмССР, 1959, 9 (на арм. яз.), табл. к стр. 74; Всеобщая история архитектуры, т. 3, 1966, стр. 220, 221.

[31] По мнению С. Х. Мнацаканяна (С. Х. М н а ц а к а н я н. Ишханский храм — памятник армянского зодчества VII в. «Литературная Армения», Ереван, 1969, 3, стр. 9—10), храм в Ишхане построен Нерсесом в период 653—659 гг.— после изгнания его из Двина и возвращения в Тайк, т. е. после Звартноца.

[32] Г. Н. Чубинашвили относит здание к VII в. («стилистически непосредственно примыкает» к памятникам VII в. Звартноцу и Ишхану). Однако нетрудно показать, что стилистически храм Бана представляет собой именно вторичное явление; к сожалению, недостаток места не позволяет нам на этом остановиться подробнее. Н. П. Северов (Н. П. С е в е р о в. Памятники грузинского зодчества. Тбилиси, 1947, стр. 190) и Ш. Я. Амиранашвили (Ш. Я. А м и р а н а ш в и л и. История грузинского искусства, Тбилиси, 1950, стр. 121, 150 сл.) придерживаются реальной даты.

[33] Но не в самой Кахетии, как утверждает Г. Н. Чубинашвили (Г. Н. Ч у б и н а ш в и л и. Архитектура Кахетии, I, 1959, стр. 226).

[34] П. Д. Б а р а н о в с к и й. Памятники в селениях Кум и Лекит. Сб.: Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. М.— Баку, 1947, стр. 29—33; М. У с е й н о в, Л. Б р е т а н и ц к и й и А. С а л а м з а д е. История архитектуры Азербайджана М., 1963, стр. 29—31.

особенностей. Существовали и такие архитектурные композиции, которые были приняты грузинскими зодчими и почему-то отвергнуты армянскими строителями (такова «звездчатая» композиция с промежуточными экседрами типа храма Ниноцминда). И, наоборот, можно назвать композиции, известные в Армении и не известные в Грузии (такова купольная базилика с боковыми экседрами — храмы в Двине, начала VII в., в Талине, второй половины VII в.). Но это обстоятельство может указывать лишь на силу творческого начала в архитектурной среде той и другой страны, а отнюдь не на отсутствие общей линии развития.

Раннесредневековое культовое зодчество Грузии и Армении объединяет и техника кладки, как правило, квадровой с чисто и тщательно тесаной поверхностью камня, более или менее выдержанными рядами, с забутовкой узкого внутристенного промежутка. Только в немногих дошедших до нас раннесредневековых зданиях Кахетии (например, Ниноцминда), как и в соседней Албании, доминирует кладка из малообработанного камня, что является местной строительной особенностью.

Общность армянского и грузинского архитектурного творчества в V—VII вв. становится еще яснее, если обратиться к оформлению здания, к пониманию зодчими его архитектурной плоскости и ее декоративной разработки. Здесь не менее отчетливо выступают не только общие принципы, одинаковый подход к проблеме архитектурного фасада, но и общие декоративные мотивы.

И для армянского, и для грузинского раннесредневекового зодчества одинаково характерна чистота архитектурных линий, которые нигде и никогда не нарушаются и не заслоняются. Гладью стены и архитектурной линией дорожили прежде всего: именно они способствовали восприятию общей композиции здания. Гладь стены, выложенной из тщательно тесаных квадров, сама становится важнейшим элементом украшения здания. Так было в V и VI вв. в Ереруйке и Болниси, в Джвари и храме Рипсиме. И лишь позднее, в VII в., декоровка фасада начала приобретать известное значение, да и то очень ограниченное: декоративными тягами подчеркивали основные архитектурные линии и пятна (карниз, аркатура фасада, глубоковрезанные ниши, окна, входы).

Выделяется богатством декора один Звартноц, где сплошной резьбой заполнены не только наличники аркатуры нижнего яруса, но и широкая полоса над ней. Внутри бросались в глаза огромные корзинообразные капители, украшенные фигурами орлов или ионическими волютами. Но и здесь самодовлеющего значения декоровка не имела. Конечно, и в декоративной разработке фасадов можно найти свои особенности. Такой особенностью является декоративная аркатура, идущая по граням боковых экседр купольной базилики в Талине. Однако эта аркатура скорее представляет собой смыкающиеся нижними концами бровки окон каждой грани. Так или иначе, она не меняет общего облика здания.

В сущности, нет ни одной принципиально важной черты в трактовке архитектурного фасада, которая бы отличала раннесредневековую архитектуру Армении и Грузии. Можно констатировать и общность самих декоративных мотивов, например мотив вьющейся виноградной лозы на бровках храма Рипсиме и Джвари или орнаменты Цроми и армянских зданий VII в. [35]

Мы вправе заключить, что в раннее средневековье зодчество Армении и Грузии (как и Албании) развивалось не только в одном направлении, но и в одном русле. В сущности, эти архитектуры создавались в одинаковой мере и армянами, и грузинами.

---

[35] G. Tschubinaschwili. Georgische Baukunst. II. Die Kirche in Zromi. Tiflis, 1934, табл. 12; Г. Н. Чубинашвили. Цроми. М., 1969, стр. 37. Ср.: Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1961, стр. 155 сл., № 12 *а*, *б*, 17, 24. 37 *б*.

Отчасти это находит себе объяснение в социальной организации строительного дела на христианском Востоке в раннее средневековье: вольнонаемные артели каменщиков во главе с зодчим свободно переходили не только из одного города в другой, но и из одной страны в другую в поисках наиболее выгодного подряда. Об этом сообщают письменные источники [36]. Это подтверждают и сами архитектурные памятники: достаточно напомнить Атенский Сион в Грузии, построенный армянским зодчим со своей артелью. Можно думать, что между Арменией и Грузией такого рода взаимосвязи были явлением не редким, а, скорее, обыденным. Они сближали архитектуру обоих народов и неизбежно способствовали созданию общего архитектурного стиля. Но эта общность отнюдь не сковывала зодчих. В своем творчестве они были достаточно самостоятельны и независимы. Доказательством этому служат те черты своеобразия и индивидуальности, которыми в большей или меньшей степени наделены все сколько-нибудь значительные произведения армянской и грузинской архитектуры. Но черты своеобразия, может быть своеобразия национального, не выходили за рамки общих архитектурно-художественных принципов, выработанных многими поколениями грузинских и армянских зодчих в процессе тесного их общения.

Не меньшее значение в создании этой общности имел и другой фактор — само христианство, распространение которого в IV—V вв. и вызвало активное строительство храмов. Христианство и в Армению, и в Грузию пришло преимущественно из Сирии. Этим объясняются и основные формы культового зодчества IV—V вв., сирийские по своим источникам, в равной мере характерные для Армении и для Грузии [37]. Глубоко прав был Н. Я. Марр, указывавший на общность источников армянских и грузинских зодчих [38]. Но это был не простой перенос сирийских архитектурных форм в Закавказье. Их восприятие явилось подлинно творческим процессом. Раннесредневековые храмы Грузии и Армении не были ни сирийскими, ни малоазийскими. Наоборот, уже на первых порах они приобрели черты глубокого своеобразия и самобытности. Достаточно сказать, что даже столь ранняя базилика, как Ереруйкская, не находит себе в Сирии достаточно полных аналогий. Это, однако, не может скрыть от нас всего значения сирийских источников, определивших начальные этапы интенсивного развития культовой архитектуры в странах Закавказья.

Общность архитектурно-художественного развития Армении и Грузии в раннем средневековье объясняется не только тесным общением самих зодчих и общими архитектурными источниками, но и всей общественной и политической жизнью Закавказья в V—XII вв., прежде всего тесной взаимосвязью армянской и грузинской церквей, разрыв между которыми произошел только в начале VII в. (608—609 гг.) — Грузия «первоначально жила одной церковной жизнью с Арменией» (Н. Я. Марр). Но церковный разрыв носил, скорее, формальный характер [39], и вплоть до VIII столетия, если не дольше, традиционная взаимосвязь обеих церквей (как и единство

[36] Письмо епископа Григория Нисского епископу Иконии Амфилохию (конец IV в.), в котором говорится о присылке мастеров для постройки мавзолея и об условиях их оплаты. См. «Творения Григория Нисского», 8. М., 1871, стр. 538, 539. Греч. текст см.: J. Strzygowski. Kleinasien. Leipzig, 1903, стр. 72 сл.

[37] Можно было бы привести множество примеров, убеждающих в близости раннесредневековой архитектуры Армении и Грузии, с одной стороны, и северосирийской, отчасти малоазийской,— с другой. Я имею в виду не только простейшие трехнефные базилики с массивными прямоугольными или Т-образными столбами, но и купольные храмы центрической композиции. Некоторые сопоставления см.: А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении..., стр. 13—14, 17—18, 27. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о сирийских архитектурных источниках, а отнюдь не о собственно византийских (архитектура самого Константинополя, западной части Малой Азии, Греции, Италии).

[38] Н. Я. Марр. Ани, стр. 124.

[39] См.: П. М. Мурадян. Армянская надпись храма Джвари. Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1968, 2, стр. 77—79.

церковно-культурной жизни Грузии и Армении) продолжала ясно ощущаться [40].

Культуру обеих стран сближали и их общие исторические судьбы, которые в V—VI вв. больше всего определялись напряженной борьбой с персами за свою независимость. Политическая разобщенность Армении и Грузии наметилась позднее.

Арабское нашествие в середине VII в. кладет важную грань в истории Закавказья. Порабощение Армении и Грузии арабами привело эти страны к состоянию застоя. Монументальное строительство почти прекратилось. Оно продолжалось лишь в окраинных районах Грузии (больше всего в Кахетии), менее пострадавших от арабов и сохранявших самостоятельность.

В дальнейшем непрерывная борьба грузинского и армянского народов с арабами-завоевателями и вместе с тем начавшееся в конце VIII в. ослабление, а затем и распад халифата привели в конце IX в. к освобождению стран Закавказья от арабской зависимости. Но в период борьбы с арабами усилились центробежные тенденции: Армения и Грузия постепенно распались на отдельные феодальные княжества. В Армении выделилось Васпураканское царство, Сюникское княжество, Дзорагетское царство и др. В Грузии множество феодальных княжеств образовалось в Картли, обособилось феодальное царство Кахети, княжество Эрети, возникло княжество Тао-Кларджети, сформировалось сильное Абхазское царство.

Объединение армянских княжеств в 875 г., во главе которых стал Ашот Багратуни, а затем, в конце X в., и грузинских княжеств под главенством Баграта III происходило уже на новой основе — в обстановке экономического подъема, последовавшего за освобождением от арабского владычества, на основе развития феодальных отношений и бурного роста городов, впервые ставших крупными ремесленно-торговыми центрами. Это было время подъема самосознания армянского и грузинского народов.

На архитектурном творчестве указанные коренные изменения сказались вполне определенно.

С IX—X вв. грузинское и армянское зодчество вступило на новый этап развития. В течение сравнительно короткого времени как в Армении, так и в Грузии были найдены свои художественные решения, породившие в каждой из этих стран новый художественный облик архитектуры. Зодчество Грузии и Армении выработало свои отличительные и специфические особенности. Правда, в Армении, как и в Грузии, и после IX в. можно наблюдать много общего, ибо общей была та традиция архитектуры классического времени (V—VII вв.), которая легла в основу архитектурного возрождения обеих стран. Продолжали разрабатываться старые архитектурные темы: композиция купольной залы (например, Вачнадзианская Квела-Цминда VIII в. в Грузии и храм в Ширакаване конца IX в. в Армении, где эта тема в некоторых районах стала особенно излюблена); крестово-купольная композиция (она получила всеобщее распространение; о ней скажем особо); композиция типа Джвари — Рипсиме (армянский храм в Алучалу IX—X вв.— в Сюнике) [41]; круглая композиция, окруженная экседрами (в Грузии: Киаглис-Алты, X в.— в Тао-Кларджети, Кацхи, X—XI вв., в крепости Бочорма, X в.— в Кахетии [42]; в Армении: храм рода Абугамренц конца X — начала XI в., храм Спасителя 1036 г., оба в Ани); даже гигантская композиция типа Звартноц (грузинский храм в Бана конца IX — начала X в., армянский Гагикашен начала XI в.). Но это

---

[40] По словам И. В. Абуладзе, «...грузинская церковь и ее литература в раннее средневековье никогда не прерывала связей с армянскими идеологически близкими кругами с раннего периода вплоть до X в.» (И. В. Абуладзе. Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна об армянской надписи храма Джвари. «Мацне», 1968, 4, стр. 188, 189).

[41] С. Х. Мнацаканян. Сюникская школа армянского зодчества Ереван, 1960 (на арм. яз. с русск. рез.), стр. 82 сл., 249.

[42] Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, текст, стр. 416—423.

был лишь фундамент, на котором и в Грузии, и в Армении возводили свою новую архитектуру. В нашу задачу отнюдь не входит сравнительное изучение монументального зодчества Армении и Грузии в эпоху Багратидов. Достаточно оттенить лишь самые характерные черты, показывающие, насколько стала различна и своеобразна архитектура в каждой из этих стран.

В области культовой архитектуры зодчие Армении и Грузии IX—XI вв. исходили из крестовокупольной системы, но на этой общей основе были созданы различные архитектурные композиции.

В Армении сформировалась композиция немного продолговатого здания с доминирующим в нем купольным пространством в центре и с крайне сжатыми угловыми частями, обычно скрывающимися за сплошными стенами. Внутренний объем вследствие этого приобрел с самого низа крестообразность, хотя и с очень узкими боковыми ветвями креста. Четырехстолбный храм стал более похож на купольную залу. Выработанная в X в. и представленная очень большим количеством памятников, эта композиция удержалась в Армении до конца средневековья.

В Грузии крестовокупольная система была трактована совершенно иначе. Для нее характерны отдельно стоящие столбы, благодаря которым угловые компартименты в нижней части здания сливаются с основным крестообразным объемом: крестообразность выступает лишь в верхней части здания и соответственно снаружи благодаря пониженным угловым частям. Отдельно стоящие столбы вносят в композицию грузинского храма отзвуки раннесредневековой базилики. Этот тип храма в Грузии также оказался очень устойчивым и держался вплоть до позднего средневековья.

Базиликальность в сочетании с крестовокупольной системой была принята и для громадных грузинских кафедралов X—XI вв.: например, храм в Ошки (958—961 гг) в Тао-Кларджети. Не менее отчетливо базиликальность выражена и в храме Баграта III в Кутаиси (1003 г.), и в храме Алаверди (первая половина XI в.), и особенно в храме Свети-Цховели в Мцхета (окончен в 1029 г.) [43]. Очень показательны в этом отношении храмы в Хахули второй половины X в. и в Цкаростави (XI — начало XII в.) [44], в которых западный рукав удлиненного крестообразного здания представляет собой трехнефную базилику. В армянском зодчестве базиликальный элемент был отброшен, если не считать Анийский собор (988—1001 гг.) с четырьмя отдельно стоящими столбами. Но собор выглядит, скорее, как исключение: зодчий Трдат, возможно, стремился воскресить овеянные славной традицией храмы Гаяне и Мрена, хотя и придал своему творению совершенно новое звучание благодаря высоко поднятому барабану с куполом. Но при всей исключительности композиции Анийского собора и здесь несомненно тяготение к купольной зале, ставшей одной из самых популярных архитектурных тем в Багратидской Армении (достаточно напомнить храм в Мармашене 1029 г.), в противоположность Грузии, где купольные залы редки.

Зато грузинские зодчие, исходя из раннесредневековых форм, создали такие своеобразные композиции, которые не находят себе параллелей в Армении. Таков храм в Кумурдо (964 г.) с двумя парами экседр, которыми заканчиваются боковые ветви креста (пятая экседра алтарная), или храм Никорцминда (1014 г.).

С другой стороны, в Армении именно в ту эпоху, как убедительно показал И. А. Орбели, была создана композиция бесстолбной залы, перекрытой взаимно перекрещивающимися арками (дворец Гагика Арцруни начала X в. в Ахтамаре) [45],— композиция, получившая широкую популярность

---

[43] В Свети-Цховели базиликальность особенно сильно выражена, может быть, потому, что храм был перестроен из базилики V в. (пользуюсь любезно предоставленной мне С. С. Какабадзе рукописью его исследования о Свети-Цховели).

[44] Карсская область. МАК, XII, М., 1909. рис. 23.

[45] И. А. Орбели. Памятники Ахтамара. Избр. труды, 1, М., 1968, стр. 39 сл.

в армянском зодчестве XII—XIII вв. (в притворах, трапезных и других зданиях).

Еще выразительнее различия в монументальной декоровке, которая, по общему признанию, получила в те времена в армянской и грузинской архитектуре богатое развитие.

Если в классическую пору армянского зодчества (особенно в VII в.) декоровка была крайне лаконична и служила лишь целям выделения основных линий и элементов архитектуры здания (так было и в Грузии), то теперь зодчие уже не удовлетворялись этим. Декоровка стала средством трактовки фасада. Таков смысл наружной аркатуры, столь излюбленной в армянском зодчестве эпохи Багратидов. Но она большей частью уже утратила связь с внутренней структурой здания и превратилась в средство создания иллюзии сложной архитектурной композиции. Вся декоративная система с ее четким ритмом призвана была усилить ощущение вертикали и тем самым создать представление о величии и парадности здания. Вместе с тем рельефная и сложно профилированная аркатура, словно богатый наряд, была накинута на фасады (и барабан) здания и благодаря своей пластичности создавала игру светотени, придавая фасадам удивительную живописность.

Зодчие Грузии того времени, возможно, ставили перед собой те же задачи, но монументальная декоровка в их руках играла значительно бóльшую роль. Она приобрела, можно сказать, самодовлеющее значение [46]. Грузинский зодчий не ограничился сложными и рельефными членениями фасада (также уже не связанными с внутренней структурой здания), а нередко использовал их как обрамления поля, заполненного сплошной драгоценной резьбой, смело и точно скомпонованной, виртуозной по рисунку и исполнению, или заполнял резьбой широкие полосы наличников, занимавших почти всю ширину архитектурного членения (этот прием был особенно развит в XI—XIII вв.). Пластическая разработка фасадов, их живописность получила благодаря этому более сильное выражение. Да и сами мотивы резьбы, выработанные и законченные по рисунку, весьма отличны от армянских.

Сравнение таких выдающихся и приблизительно одновременных памятников, как храм Мармашен, 1029 г. (в Армении) [47], и храм Самтавро первой половины XI в. в Мцхете (Грузия) [48], рельефно показывают контраст в понимании армянскими и грузинскими зодчими роли декоровки архитектурного фасада. Оба храма — шедевры архитектуры, но именно поэтому они в большей степени, чем другие, позволяют судить об устремлениях монументального искусства Грузии и Армении в эпоху Багратидов [49]. В армянском зодчестве еще сильна была связь с архитектурной классикой VII в.; в Грузии зодчие уже значительно отошли от заветов классического наследия.

В целом в IX—XI вв. сформировались две различные по стилю архитектуры — грузинская и армянская, каждая со своим композиционным строем, своей системой декоративного наряда, своим, только ей присущим, художественным обликом.

В этом процессе формирования национальной грузинской и армянской архитектур особенное значение имело интенсивное развитие городов как ремесленно-торговых центров, ставших основными очагами не только ре-

[46] В. Беридзе. Архитектура Грузии., М., 1948, стр. 48.

[47] А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении, стр. 82, 83.

[48] Р. Шмерлинг. Самтавро — памятник XI в. «Ars Georgica», 1, 1942, стр. 49 сл.

[49] Можно привести и другие сопоставления: скажем, храм Абугамренц в Ани (конец X — начало XI в.) в Армении и храм Никорцминда (1010—1014 гг.), особенно восточный фасад, в Грузии (см.: А. Якобсон. Очерки..., стр. 72, 73; Г. Н. Чубинашвили. Кумурдо и Никорцминда. Памятники грузинской архитектуры, I. М., 1947, лл. XVII, XVIII); Анийский собор (988—1001 гг.) в Ани (Армения) и собор Алаверди (первая половина XI в.), особенно южный фасад с его сложным расчленением, в Грузии (см.: А. Якобсон. Очерки..., стр. 80, 81; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, альбом, Тбилиси, 1956, табл. 282, 286).

месла и торговли, но и культуры, в том числе и художественной, а вместе с ними и рост богатых монастырей, явившихся могучими организаторами феодального строительства. Наиболее крупные из них, такие, как Галати в Грузии, Санаин и Ахпат в Армении, стали своего рода академиями художественного творчества.

Строительство в городах и монастырях способствовало созданию деятельной ремесленно-художественной среды, в которой рождался новый архитектурный стиль, свой в Армении и свой в Грузии. Общие черты армянской и грузинской архитектуры все более и более стирались.

В последующее время, в XII—XIII вв., несмотря на политическое сближение и объединение Армении с Грузией, различия в зодчестве между ними все углублялись.

Каждая из этих архитектур прославилась своими достижениями: Армения — развитием композиции бесстолбных зал со смелым перекрытием взаимно перекрещивающимися арками; Грузия — преимущественно развитием монументальной пластики. Но то и другое происходило в рамках нового архитектурного стиля, который начал складываться в предшествующее время — в эпоху Багратидов. Особенности этого стиля, представленного множеством замечательных памятников, уже достаточно выявлены [50], и нам нет необходимости на этом останавливаться.

В нашей статье мы сосредоточили внимание на раннем средневековье, ибо взаимоотношения армянского и грузинского зодчества в ту эпоху не всегда правильно и объективно изображались, а чаще противопоставлялись.

Между тем это были явления глубоко родственные, неразрывно связанные. И нет никаких оснований разъединять то, что было сплетено воедино, и тем самым вопреки истине, разобщать художественное творчество двух соседних народов, которые и в далеком прошлом находились в братском содружестве.

A. L. Yakobson

RAPPORTS DES ARCHITECTURES ARMÉNIENNE ET GÉORGIENNE DU MOYEN AGE

Résumé

Les grandes architectures créées par les peuples d'Arménie et de Géorgie sont d'une importance égale. Toute idée de supériorité de l'une sur l'autre est fausse et tendancieuse. L'architecture d'Arménie et celle de Géorgie avaient maints traits de parenté à l'époque du haut Moyen Age (V—VIIes siècles). Ceci s'est manifesté dans le sens commun de leur l'évolution (de la basilique aux compositions centriques). Les séries parallèles de monuments, tels que basiliques, basiliques à dôme (de type de Gaiané à Vagarchapat et à Cromi), compositions à dôme central et exèdres intermédiaires (type Ripsimé et Djvari), les temples en forme de tétraconques et ceux cruciformes, le confirment également, tout comme les affinités de la technique de construction, du style architectural et des motifs d'ornementation. Il est question du caractère commun des architecture armenienne et georgienne et non de leur coincidence totale ou du manque de traits particuliers. Ce caractère commun peut être expliqué non seulement par le fait que les constructions ont été réalisées par des équipes d'ouvriers salariés qui passaient d'un pays à l'autre à la recherche d'une entreprise avantageuse. Cela provient également des relations étroites des églises d'Arménie et de Géorgie qui n'out éte rompues qu en 608—609 annees, rupture formelle au depart.

La création, aux IX et X[es] siècles, de puissants Etats indépendants a provoqué des changements profonds dans le domaine de l'architecture également. La création architecturale d'Arménie et celle de Géorgie connurent une nouvelle étape d'évolution, et leurs voies de développement devinrent différentes. Aux IX—X[es] siècles, deux architectures de styles différents se formèrent, celle d'Arménie et celle de Géorgie. Leurs traits d'affinité s'effaçaient de plus en plus et les différences s'accentuaient.

[50] Для грузинской архитектуры см., например: В. Беридзе. Архитектура Грузии. М., 1948, стр. 64 сл. Для армянской архитектуры см., например: А. Л. Якобсон. Очерки..., гл. III.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ, Л. Е. КРАСНОРЕЧЬЕВ

О ДАТИРОВКЕ ВАЛА И РВА НОВГОРОДСКОГО ОСТРОГА

(в связи с вопросом о формировании городской территории)

Давний вопрос о происхождении русских средневековых городов не решен до сих пор главным образом из-за сравнительно малой изученности их культурного слоя. До сих пор ни по одному из городов не составлена, хотя бы на основании специально проведенных небольших раскопок, картограмма распространения культурного слоя по векам. Лишь в Новгороде по материалам буровых скважин можно ориентировочно судить о величине слоя в разных местах городской территории [1], но сказать, где представлен слой X в., а где этого слоя нет, где он появляется только с XI, XII или XIII вв., пока нельзя. А между тем именно от этих хронологических определений зависит вопрос о том, вырос ли город (и не только Новгород) из племенного центра, торгово-ремесленного поселения или феодального замка. Казалось бы, в Новгороде изучение этого вопроса обстоит более благополучно, чем в других городах, поскольку здесь ведутся грандиозные раскопки и систематические наблюдения за земляными работами. Экспедицией А. В. Арциховского был выяснен кардинальный вопрос о соотношении топографии городских улиц, известной нам по планам XVIII в. (до екатерининской перепланировки) и топографии улиц X—XV вв., вскрываемых археологами.

Наблюдения за земляными работами, осуществлявшиеся С. Н. Орловым, подтвердили этот вывод по отношению ко всей территории города [2]. Однако поскольку на вскрывавшихся при земляных работах мостовых не были сделаны дендро-хронологические спилы, осталось невыясненным, какие из улиц, особенно на окраинах города, появились в X—XI вв., а какие — в более позднее время. По наблюдениям П. П. Засурцева, отдельные участки Великой улицы появились разновременно, сначала ближе к Детинцу, позднее — дальше от него. Поэтому целью дальнейших наблюдений должна стать не столько регистрация направления и мест расположения улиц, хорошо известных нам по планам XVIII в., сколько регистрация спилов нижних ярусов мостовых для датировки появления той или иной улицы или ее отрезка на том или ином участке города, отдельно для его центра и окраин. Пока эта работа не проделана, судить о формировании новгородской топографии почти невозможно. Мы говорим «почти», поскольку имеется один интересный источник, позволяющий если не харак-

---

[1] И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. СА, 1960, 3; его же. О культурном слое Новогорода. СА, 1964, 4.

[2] С. Н Орлов. Топография Новгорода Великого. Автореф. докт. дис., Л., 1967. Имеется несколько интересных наблюдений о количестве ярусов мостовых на разных участках одних и тех же улиц. Так, ближе к Волхову Кузьмодемьянская улица имеет 28 ярусов (Неревский раскоп), а далее, на запад, 16 ярусов и т. п. Однако эти факты не привели наблюдателя к выводу о разновременности центральных и окраинных территорий новгородского посада. Ср. С. Н. Орлов. К топографии новгородских городских концов. СА, 1965, 4; его же. К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород». К 1100-летию города. М., 1964.

теризовать все этапы сложения территории города, то хотя бы определить, на какое время приходится последний из них. Речь идет о вале и рве Острога, окружающих основную территорию Новгородского посада. Ясно, что сооружение вала и рва могло произойти только после окончательного формирования посадской территории. Поэтому датировка вала и рва имеет большое общеисторическое значение, позволяя судить о конце интересующего нас процесса.

Земляной вал Новогородского острога сохранился до наших дней (рис. 1). Значительная протяженность вала (6,5 *км*), различные размеры

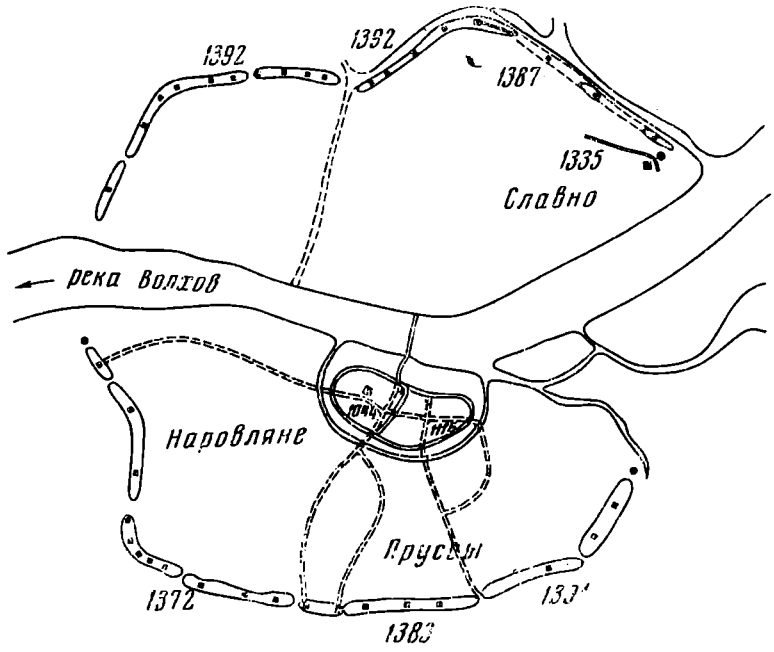


Рис. 1. Схема оборонительных укреплений, Детинца и Острога Новгорода

(черной линией обозначены раскопанные стены 1335 и 1391 гг., пунктиром — направления основных улиц, маленьким крестом — предполагаемое место деревянного Софийского собора 989 г., надписями — примерные центры предполагаемых В. Л. Яниным первоначальных поселений, черными квадратами — башни 1391 гг.)

отдельных участков его насыпи, разновременные части одной и той же насыпи привели исследователей к правильному выводу о сложности и разновременности структуры вала. Если раньше археологи датировали одним временем всю его насыпь [3], то теперь отдельно датируются ядро вала и более поздние присыпки к нему [4]. Однако раскопки вала не повлияли пока на изменение датировки его первоначальной насыпи. Все исследователи единодушно относят сооружение насыпи к XII в., преимущественно к первой его половине [5]. Эта датировка до сих пор не была сопоставлена с нашими значениями о топографии города и, быть может, поэтому и не вызвала ни у кого сомнений. Между тем сейчас хорошо известно, что в древности

---

[3] А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 158—159; М. К. Каргер. Новгородское зодчество. История русского искусства, II, М., 1954, стр. 44.

[4] С Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, стр. 33; В. В. Косточкин, С. Н. Орлов и П. А. Раппопорт. Новые данные об укреплениях Новгородского острога. Памятники культуры, 3, М., 1961.

[5] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, 31, 1952, стр. 9; С. Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления..., стр. 33; В. В. Косточкин, С. Н. Орлов и П. А. Раппопорт. Новые данные..., стр. 72. С. Н. Орлов. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. Уч. зап. Новгородского ГПИ, I, Новгород, 1965, стр. 11—34; С. Н. Орлов. К топографии...,

территория города делилась на концы[6]. А. Н. Насонов доказал, что еще в XII в. этих концов было не пять, как впоследствии, а лишь четыре — Славенский и Плотницкий на Торговой стороне и Неревский и Людин на Софийской стороне[7]. Пятый конец — Загородский, расположенный на Софийской стороне за «городом» (т. е. за Детинцем), впервые отмечен в документах лишь с 1372 г.[8] С 1218 г. в летописях начинают упоминаться «загородцы». Однако это не дает оснований относить образование Загородья как конца к началу XIII в., поскольку так могли именоваться и просто жители территории «за городом». Даже в том случае, если принять эти упоминания как свидетельство существования отдельного и самостоятельного Загородского конца в XIII в., то и тогда нельзя датировать вал Новгородского острога XII в. А. В. Арциховский показал, что посадское крепостное строительство в Новгороде и Пскове организовывалось самими концами[9] и, можно добавить, вероятно, даже отдельными улицами, если судить по тому факту, что вал Новгородского острога имеет разную конфигурацию и величину не только в каждом конце, но и на участках между отдельными улицами. Поэтому невероятно, чтобы в XII в. вал вокруг Загородья был насыпан жителями разделенных этим пустырем Неревского и Людина концов. Между тем вал охватывает и Загородский конец и хотя бы по одному этому его следует датировать временем после его образования.

Городская территория еще окончательно не сформировалась в XI — начале XIV в. не только на Софийской стороне, но и на Торговой. Об этом свидетельствует топография открытой экспедицией А. В. Арциховского крепостной стены каменного острога 1335 г.[10] (рис. 1) . Стена 1335 г. идет не по линии сохранившегося вала, относимого до сих пор к более раннему времени, а внутри территории, ограниченной этим валом. Ясно, что стену не могли построить в 1335 г. внутри территории, уже защищенной валом. Наоборот, следует предполагать, что территория Славенского конца продолжала разрастаться и после строительства каменной стены 1335 г. и впоследствии была окружена новой линией оборонительных укреплений, от которой и уцелел вал. До сооружения вала вся территория за стеной 1335 г. находилась «за городом», как обычно называли такие участки посада новгородцы. Об этом свидетельствует и топонимика XVI в.: летописец дважды упоминает «Загородскую улицу», расположенную как раз за стеной 1335 г. и шедшую от самой стены, от церкви Ильи Пророка до поля[11]. Об этом же свидетельствует и толщина культурного слоя за церковью Ильи и стеной 1335 г. По наблюдениям В. Л. Янина (1964 г.), здесь почти нет культурного слоя или же он очень тонок и не идет ни в какое сравнение с культурным слоем за стеной 1335 г. внутри города начала XIV в.[12]

---

[6] И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; П. Гусев. Новгородский детинец. Изображение на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913; А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. ИЗ, 16, М., 1945; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1955; В. Я. Янин. Новгородские посадники. М., 1962; С. Н. Орлов. К топографии новгородских городских концов.

[7] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 109, 110.

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 33. Грамота 1372 г. с упоминанием «пяти концов».

[9] А. В. Арциховский. Городские концы..., стр. 10.

[10] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 120, рис. 1, стр. 135, рис. 12 *а* и *б*.

[11] ПСРЛ, 3, Новгородская Вторая летопись. СПб, 1841, г. 1567, стр. 161 — горело в Славенском конце «на Загородцкой улице... да церковь сгорела Илья святой...», г. 1572, стр. 172 — архиепископ «шел Загородскою улицей с кресты к Илью Пророку в Славне». (Архиепископ шел с востока, с «поля»).

[12] Это не исключает наличия отдельных поселений за чертой оборонительных укреплений. (См. А. В. Арциховский. Городские концы..., стр. 6). Такие поселения существовали и в XIV—XVI вв. и даже в более раннее время. Остатком одного из таких поселений является раскопанный А. Л. Монгайтом культурный слой XII—XIII вв. в конце Первомайской улицы около существующей насыпи вала. (А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения..., стр. 9 и др.).

Ранняя датировка вала не увязана не только с топографией Новгорода, но и с фактами находки внутри существующей насыпи вала каменных стен конца XIV в. Такие стены имеются внутри вала на многих его участках по обе стороны Волхова. Один подобный участок раскопан А. Л. Монгайтом еще двадцать лет назад в районе Первомайской улицы на Торговой стороне [13]. Здесь, под каменной стеной конца XIV в., как и под более ранней стеной 1335 г., не обнаружено никакого вала XI—XII вв., насыпь же, подсыпанная к стене, датируется XV в. [14] Следовательно, и в 1335 г., и в конце XIV в., когда сооружились обе каменные стены, на их будущем месте еще не было вала. Поэтому можно предполагать, что вал XI—XIII вв. проходил еще ближе к центру Славенского конца, чем стены XIV в. и существующая насыпь вала. Однако в летописях вал X—XIII вв. ни разу не упоминается, и этот факт также остался либо незамеченным, либо не объясненным при ранней датировке существующей насыпи вала. Между тем нет никаких оснований считать, что сооружение вала огромной протяженности, во много раз превышающей протяженность кремлевских валов, могло быть не отмеченным новгородскими летописцами XII—XIII вв., всегда интересовавшимися любыми строительными работами в своем городе, отмечавшими постройки и каменных и деревянных церквей, и моста через Волхов и т. д. Все эти противоречия заставляют вновь обратиться к анализу летописных сообщений, а также имевшихся и полученных в самое последнее время археологических данных о появлении внешнего оборонительного кольца посадских укреплений древнего Новгорода.

Для XI—XIV вв. в летописях имеются два четких термина, обозначающих различные линии оборонительных укреплений Новгорода — «город» и «острог». Оба термина связаны с различными конструкциями этих укреплений. «Городом» всегда обозначаются стены Детинца, видимо, представлявшие собой рубленые городни на валах 1044 и 1116 гг. [15] Термин «острог» появился как обозначение тыновых стен с заостренными верхними концами бревен [16]. «Острогом» всегда называются в летописях укрепления вокруг новгородского посада. Термин этот настолько укрепился за посадскими стенами, что даже в 1335 г., когда возводится каменная стена, она тоже названа летописцем «острогом» [17]. В 1386 г. городни («по всну хоромы») ставятся на валу, но и эти городни называются «острогом» [18]. Так, первоначальное конструктивное значение термина заменилось чисто топографическим значением. И лишь с XV в. стены «острога» начинают называть «городом», «городовыми», поскольку в это время на валу появляются уже рубленые городни. Детинец (с начала XIV в.) называют «каменным городом», а укрепления вокруг посада — просто «городом» [19], «деревянным городом», или же по-прежнему «острогом» (с XV в.).

---

[13] Там же, стр. 20—23.

[14] Там же, стр. 22.

[15] М. Х. Алешковский. Новгородский Детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). Архитектурное наследство, 14, М., 1962. Строго говоря, Детинец Владимира Ярославича следует датировать не 1044, а 1045 г., так как в летописи под 6552 г. в конце записи сказано: «а на весну же Володимер заложи Новгород и сдела его». (НПЛ, 1, М.— Л., 1950, стр. 16). Эта весна приходилась уже на 6553 г. и, поскольку строительные работы начинались только в мае-июне, то это был конец весны. В 1044 г. Владимир не мог заложить Детинец, так как ходил в корсуньский поход. Из этого следует, что постройка Детинца была предпринята в связи и одновременно с закладкой Софийского каменного собора.

[16] Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. I. СПб., 1858, стр. 16; М. Красовский. Курс истории русской архитектуры. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916, стр. 89.

[17] НПЛ, г. 1335, стр. 346.

[18] ПСРЛ, V, Софийская Первая летопись. СПб., 1851, г. 1386, стр. 241. «И тогда новгородцы поставиша острог, по всну хоромы».

[19] «Город»: ПСРЛ, III, СПб., 1841, г. 1424, стр. 140; ПСРЛ, IV, Пг., 1915, г. 1472, стр. 449; г. 1476, стр. 450; г. 1430, стр. 451; «Деревянный город»: ПСРЛ, III, г. 1546, стр., 151; г. 1547, стр. 151—152; г. 1548, стр. 153 и др.

Все вышесказанное не позволяет относить ряд сообщений летописи о строительствах или пожарах Детинца («города») XI—XIV вв. к посадским укреплениям острога. Таково сообщение под 1113 г. о пожаре «кромьнего города». Кромом на Руси всегда называли Кремль, а не «крайний город», как иногда представляется исследователям [20]. В 1116 г. потому и строят новый Детинец, что прежний сгорел в 1113 году. Нельзя отнести к посаду и сообщение 1262 г. («срубиша город нов»), поскольку уже в 1270 г. говорится о постройке «острога», которая была бы не нужна, если бы за восемь лет до строительства 1270 г. срубили не Детинец, а посадские укрепления, как иногда считают [21]. Нельзя относить к этим укреплениям и сообщение 1302 г. о строительстве каменного города [22], поскольку в 1316 г. возводят «острог», который был бы не нужен, если бы в 1302 г. каменный город строили не в Детинце, а на посаде. Каменный «город» летописного сообщения 1302 г. нельзя отнести к посадским укреплениям и потому, что они под 1335 г. названы «каменным острогом». К тому же остатки каменной башни 1302 г. недавно найдены в Детинце [23], а не в остроге, где первые каменные башни появляются только в 1391 г. [24]

Летописные сообщения о посадских укреплениях четко делятся на две группы. Первая группа — это четыре сообщения о спешных, вызванных внезапной военной опасностью строительства «острога» [25]. Под 1270 и 1316 гг. сказано, что острог возвели по обе стороны Волхова. Под 1169 и 1224 гг. подобного указания нет. Следует предполагать, что острог возводят только на той стороне Новгорода, где ожидался приход противника. Это подтверждается и поздней иконой, изображающей осаду 1169 г. [26] Укрепления острога показаны там только на одной стороне Новгорода. Правда, иконописец изобразил их не на Торговой, а на Софийской стороне, тогда как суздальцы пришли в 1169 г. к Торговой стороне. Ошибка связана с неправильным пониманием одного летописного рассказа. В нем говорится, что архиепископ вынес чудотворную икону из церкви Спаса на Ильине к острогу на «десятину», которую иконописец связал с Десятинным монастырем на краю Софийской стороны. Под летописной же «десятиной» следует подразумевать не монастырь, а участок церковной земли, расположенный внутри острога [27].

Предположение о строительстве острога только с угрожаемой стороны подтверждается сообщением 1537 г.: «маия в 6 день бысть смятение в великом Новгороде от князя Андрея Ивановича, брата великого князя: бегали новогородцы в осаду, да город обложили того же дни Торговую сторону, а срубили город в 3 дни». [28] Такие же «скоростные» строительства подразумеваются и в четырех сообщениях XII — начала XIV в. Вал или ров в

[20] С. Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления..., стр. 31.

[21] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 21.

[22] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения..., стр. 26.

[23] М. Х. Алешковский. Новгородский Детинец..., стр. 19, 20.

[24] ПСРЛ, IV, Пг., 1915, г. 1391, стр. 270.

[25] В 1169 г. острог ставят в связи с нашествием суздальцев (НПЛ, г. 1169, стр. 33), в 1224 г.— острог «доспеша», т. е. быстро, ставят опять в связи с приходом войск суздальского князя Юрия в Торжок (НПЛ, г. 1224, стр. 64), в 1270 — в связи с ожидающимся нашествием Ярослава «со всей силою своей» (НПЛ, г. 1270, стр. 89), в 1316 — в связи с походом князя Михаила «со всею Низовскою землей» на Новгород (НПЛ, г. 1316, стр. 95). Если бы острог существовал постоянно, как Детинец, то его бы не возводили перед каждым из четырех нашествий противника на Новгород.

[26] Хранится в Новгородском музее.

[27] На более ранних иконах XV в., посвященных событиям 1169 г., еще нет изображений осады со стороны Десятинного монастыря. Новгородское войско окружено стеной острога, имеющей на иконе вертикальное членение, напоминающее тын. (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963, I, табл. 87). Слово «острог», имеющееся в более раннем Синодальном списке НПЛ, заменено в более позднем списке XV в. словом «город», что, видимо, и дало возможность изобразить постройку «города», а не тына на более поздних миниатюрах (НПЛ, г. 1169, стр. 33 и 221).

[28] ПСРЛ, III, г. 1537, стр. 200.

этих сообщениях не упоминаются. Речь, видимо, идет о временном тыне. Сооружение такого тына широко практиковалось не только в Новгороде, но и вообще на Руси. Например, москвичи, осадившие в 1375 г. Тверь только силами своего войска «град Тверь острогом обострожиша» [29].

Но, быть может, острог возводили в XII — начале XIV в. на уже существовавшем валу? Приходится ответить на этот вопрос отрицательно, поскольку летописные сообщения последней четверти XIV в. говорят о появлении вокруг посада вала. В отличие от острогов XII — начала XIV в., вал в конце XIV в. строят не в связи с временной военной опасностью, а как постоянное оборонительное укрепление. Сведения об этом строительстве отделены друг от друга не полувековыми промежутками, а идут на протяжении целых двадцати лет, потребовавшихся для возведения оборонительного вала и рва вокруг разросшегося новогородского посада [30]. Столь грандиозная оборонительная линия и не могла быть возведена в один год. В 1372 и 1383 гг. ров копается только вокруг Софийской стороны. Под 1383 г. добавлено, что ров копается «к старому валу». Это и дает исследователям возможность говорить о существовании «старого вала» еще до работ конца XIV в. [31] Однако оговорка под 1383 г. подразумевает именно вал 1372 г., поскольку слово «старый» обозначало в Новгороде «прежний» [32]. Однако возникает и другое сомнение: под 1372 и 1383 гг. в Новгородской Первой летописи говорится только о рве, а не вале. Не сооружали ли в это время только ров по линии уже существующего вала? Приходится отрицательно ответить и на этот вопрос, поскольку земля из рва одновременно шла на сооружение насыпи вала. В одной из новгородских летописей прямо так и говорится под 1383 г. о вале, а не о рве, причем приводится конкретный факт, восходящий к первоначальной записи, что вал копали шире трех сажен [33]. Негативный ответ на поставленный вопрос вытекает и из двух сообщений о строительстве вала на Торговой стороне в 1387 и 1392 гг. Здесь, наоборот, говорится о вале, а не рве. Следовательно, после сооружения вала и рва на Софийской стороне в 1372 и 1383 гг. вал и ров сооружаются и на Торговой стороне в 1387 и 1392 гг. Деревянная стена по новому валу тоже появилась не сразу. В 1386 г. ее сооружают на Софийской стороне. Речь идет о городнях («хоромах»). В 1413 г. Гильбер де Ланнуа уже видел деревянные стены и каменные башни на валу вокруг посада [34]. Поскольку в 1424 и 1430 гг. имеются сообщения о строительстве в Новгороде «города», то следует предполагать, что окончание стен вокруг посада относится только к двадцатым годам XV в., а Гильбер де Ланнуа видел только часть этих стен, решив, что они идут вокруг всего посада. Виденные им каменные башни построены, по летописи, в 1391 г.

Итак, в летописных сообщениях XII — начала XIV в. говорится только о быстрых строительствах временных острогов, а в летописных сообщениях конца XIV — начала XV в.— о постепенном возведении постоянных вала, рва, башен и стен на валу. Но летопись важна не только, когда она о чем-то говорит, но и в тех не менее показательных случаях, когда она упорно о чем-то молчит. Ее молчание о постоянных посадских укреплени-

---

[29] НПЛ, г. 1375, стр. 373.

[30] НПЛ, г. 1372, стр. 372; г. 1383, стр. 379; г. 1387, стр. 381; г. 1392, стр. 385.

[31] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 22.

[32] В 1338 г. в договоре со шведами межа, установленная Ореховецким договором 1323 г., названа «старой», т. е. прежней (промежуток — 15 лет); В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 63—68. Много примеров словоупотребления «старый» в значении «прежний» сообщено И. И. Срезневским (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1903, III, стр. 499). «Старыми» (прежними) называются здесь грамоты и договоры, отдаленные десятком-другим лет от момента их квалификации как «старых».

[33] ПСРЛ, III, г. 1383, стр. 232.

[34] Путешествие Гильбера де Ланнуа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 гг. Университетские известия. Киев, 1873, стр. 22, 24.

ях на протяжении всего периода XI — начала XIV в. тем интереснее, что летописцы имели много случаев упомянуть об этих укреплениях в связи с бесчисленными новгородскими пожарами. В рассказах об этих пожарах всегда имеются подробные описания новгородской топографии, сгоревших построек и границ пожара. Среди сгоревших построек ни разу не упоминаются стены острога. Границы же пожаров описываются так, будто этих стен и не существует. Вместо того, чтобы сказать, что пожар дошел «до вала» или «до рва», или «до острога», летописцы, наоборот, говорят, что пожар дошел «до Гзеня», «до поля» [35], поскольку в XII—XIII вв. постоянной линии обороны как городской границы еще не существовало. Надо полагать, что если бы эти искусственные рубежи существовали, то они упоминались бы в описаниях пожаров, тем более, что сгоревшие стены острога представляли для города не меньшую ценность, чем сгоревшие церкви или дворы, постоянно фигурирующие в такого рода описаниях. Интереснее же всего, что сразу после появления постоянных стен вокруг посада они начинают упоминаться и в описаниях пожаров, а границы пожаров и города теперь определяются линией этих стен [36]. Не упоминаются в описаниях пожаров XI — начала XIV в. не только вал и стены на нем, но и ров («гребля»). Единственный случай упоминания «гребли» на Торговой стороне, на который иногда ссылаются [37], объясняется отсутствием источниковедческого подхода к письменному источнику. «Гребля» упомянута в описании пожара 1181 г. в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи [38]. В более раннем, Синодальном, списке той же летописи имеется и первоначальное чтение, по которому пожар двинулся не «по гребле и до Ручья» (Федоровского), а «по брегу оли и до Ручья» [39]. О первоначальности чтения Синодального списка свидетельствует не только его древность, но и сама топография пожара: во время последнего сгорели находящиеся на берегу Волхова церковь Михаила (на Торгу) и церковь святых Отец (на княжем дворе). Естественно, что с Торга и княжего двора пожар мог пойти только по берегу Волхова, а не по «гребле», которой здесь никогда вообще не существовало. К тому же «греблей» в летописях называется только ров вокруг Детинца [40], а вокруг посада «гребля» летописцам неизвестна.

Выше уже говорилось, что под стеной 1335 г. вала не оказалось. Вала нет и под стеной конца XIV в. [41] в раскопе А. Л. Монгайта. Может возникнуть вопрос, не врезана ли стена конца XIV в. в вал, поскольку со стороны города, вдоль этой стены, А. Л. Монгайт тщательно раскопал насыпь вала с деревянными камерами, рубленными «в режь» [42]. Однако эти камеры лежат на культурном слое второй половины XIII—XIV вв. с характерной для этого времени керамикой с треугольным зубчатым орна-

---

[35] НПЛ, г. 1134, стр. 23 «до конца Холма»; г. 1202, стр. 45 — «...на Холме, коньц Славна»; г. 1231, стр. 71 — «оли и до конца Холма мимо святого Или», г. 1252, стр. 80— «от святого Ильи и до Нутной улицы»; г. 1255, стр. 80 пешьцы встали «от святого Ильи противо Городище»; г. 1326, стр. 97 погорела. «Славкова улица от Дмитрия святого и до поля»; г. 1340, стр. 351 — «погоре вся сторона от Федорова ручья в Славно и до поля и церкви каменыи и деревяные и домове....»; г. 1348, стр. 361 — «Чудинцева улица и до поля».

[36] ПСРЛ, IV, г. 1472, стр. 449 — «...городной стене погоре от берега полтора прясла»; г. 1476, стр. 450 — «...и городнои стена выгоре полтретья прясла»; г. 1508, стр. 460— «...и згоре вся, мало же некотораа часть стены градныя остася». ПСРЛ, III, г. 1546 — «...и за городом за Деревянным...»; г. 1547, стр. 151 — «от Дмитрия святого до Деревяной стены» и т. д. (еще пять упоминаний стены в описаниях пожаров).

[37] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 22.

[38] НПЛ, г. 1181, стр. 227.

[39] НПЛ, г. 1181, стр. 37.

[40] НПЛ, г. 1215, стр. 54; г. 1311, стр. 334; г. 1340, стр. 351; г. 1342, стр. 355.

[41] Мы датируем стену в раскопке А. Л. Монгайта концом XIV в. на том основании, что по технике кладки, затирки швов и величине квадров ракушечника она резко отличается от стены 1335 г. и абсолютно идентична с башнями 1391 г.

[42] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения..., стр. 97. рис. 51.

ментом [43]. Под культурным слоем найден деревянный помост, усыпанный обломками того самого ракушечника, из которого сложена и стена конца XIV в. Это и дало возможность А. Л. Монгайту высказать предположение, что помост служил для подвозки камня при строительстве стены. При наблюдениях за земляными работами в районе каменной башни на Софийской стороне, к сожалению, не мог быть изучен характер соотношения кладки башни и насыпи вала [44]. В 1968 г. при археологических раскопках Центральных Научно-Реставрационных мастерских на Торговой стороне

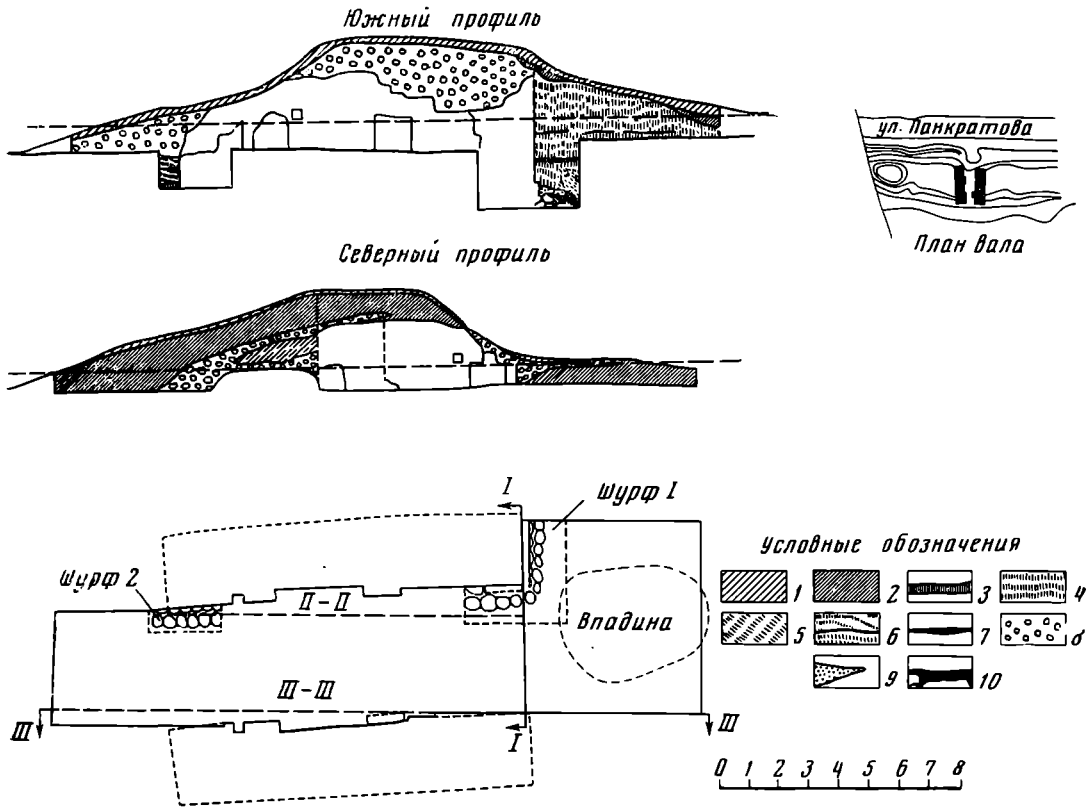


Рис. 2. План и разрезы Федоровской башни 1391 г. На южном профиле видна прослойка ракушечника от строительства 1391 г. под насыпью вала 1392 г.

1 — серая земля; *2* — земля с глиной и камнем; *3* — культурная прослойка в валу; *4* — красная глина; *5* — темно-серая глина; *6* — прослойка земли в валу; *7* — культурный слой под валом; *8* — темный щебень; *9* — щебень под валом; *10* — материк

такое соотношение было изучено. Раскопкам подверглись две башни 1391 г. по обе стороны бывшего Федоровского ручья (теперь здесь проходит проспект Ю. Гагарина). Это — Славкова и Федоровская башни, стоявшие соответственно в начале Славковой и Федоровской улиц Плотницкого конца. Обе башни покоятся на фундаментах, верхний обрез которых идет с материка. Остатков вала, который существовал бы здесь до строительства башен в 1391 г., не найдено. Наоборот, на Федоровской башне вал насыпан после окончания строительства башни, вместе с подсыпкой внутри проезда (обе башни проездные), предназначенной для преграждения доступа воды в город во время половодий. И под подсыпкой внутри проезда и под валом, у стены башни, найдена прослойка красного ракушечника и известкового раствора, оставшаяся после строительства башни (рис. 2). Поверх этой

---

[43] Там же. Определение керамики сделано Г. П. Смирновой, которой приносим глубокую благодарность.

[44] В. В. Косточкин, С. Н. Орлов, П. А. Раппопорт. Новые данные..., стр. 73—76.

прослойки лежит темно-серая материковая глина, попавшая сюда при выбросе из котлована для фундамента башни. В месте примыкания стены башни к валу швы каменной кладки тщательно затерты, что нельзя было бы сделать, если бы башню «врезали» в более ранний вал. Найдено и гнездо в каменной кладке для пальца от строительных лесов, стоявших вокруг башни во время ее строительства, чего также не могло быть, если бы башня была «врезана» в более ранний вал. Эти наблюдения хорошо согласуются с прямым указанием летописи, что в 1392 г., т. е. на следующий год после сооружения башни, на Торговой стороне насыпали вал. Но вал на

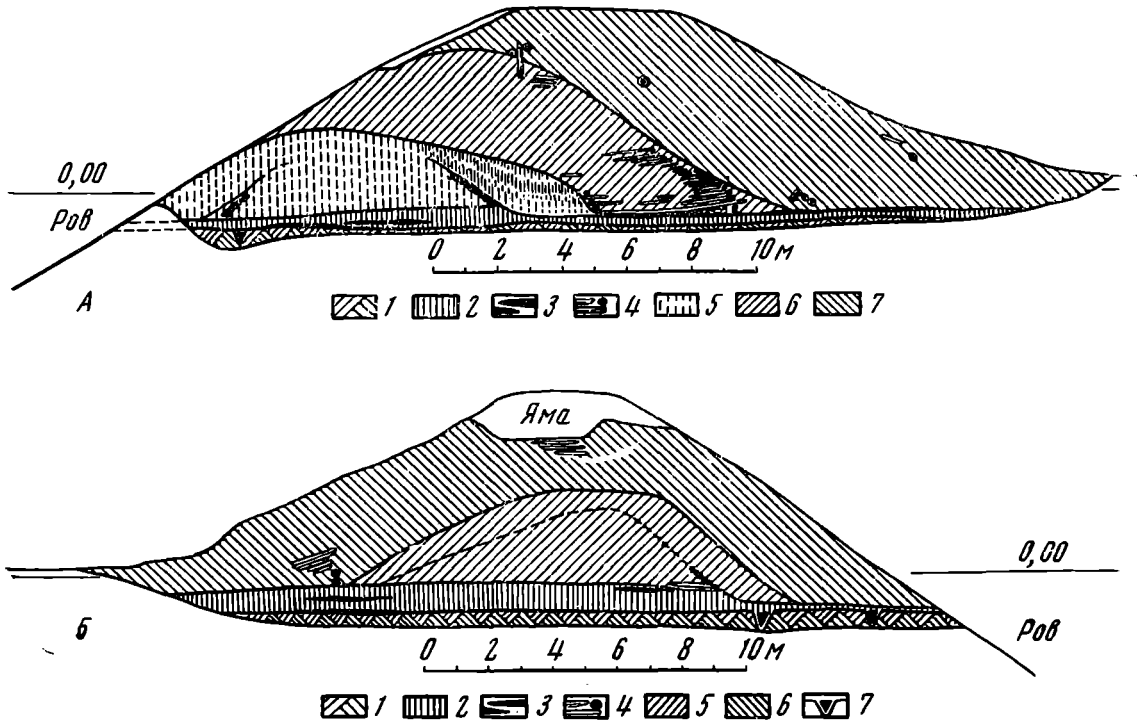


Рис. 3. Северный и южный профили вала у Прусской башни 1391 г.

А. *1* — материк (красная глина); *2* — культурный слой; *3* — прослойка золы, угля; *4* — городни, дерево; *5* — ядро вала (глина); *6* — первая подсыпка (глина, песок, черная земля); *7* — вторая подсыпка (песок, черная земля, глина).
Б. *1* — материк (красная глина); *2* — культурный слой; *3* — прослойки золы, угля; *4* — городни, дерево; *5* — ядро вала (песок, черная земля); *6* — подсыпка (песок, черная земля, глина); *7* — древесные остатки предполагаемого острога

Торговой стороне строили и в 1387 г., что тоже хорошо согласуется с археологическими фактами. В районе проспекта Гагарина в валу найдено только три ряда срубных стенок, идущих по продольной оси вала, а в районе Боровицкой улицы этих стенок — шесть [45]. Следовательно, оба участка вала на юге Торговой стороны и в ее центре возведены не одновременно. Видимо, в 1387 г. строительство начато, как и в 1335 г., с южной окраины более богатого Славенского конца, а в 1392 г. оно, после сооружения башен, продолжено и в Плотницком конце. В XV в. вал продолжали подсыпать, поскольку у ядра вала на Боровицкой улице прослежена большая подсыпка со стороны города [46]. Возможно, она сделана в 1587 г., когда, по летописи, «начали копати в Новгороде, около Торговой стороны» [47]. Это сообщение ускользнуло от внимания всех исследователей. Присыпка же вала

[45] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 31.
[46] Там же, стр. 29, 30.
[47] ПСРЛ, III, г. 1587, стр. 174.

к каменной стене конца XIV в., раскопанной А. Л. Монгайтом, относится, скорее всего, к 1502 г., когда были разрушены обветшавшие каменные башни 1391 г., а на месте некоторых из них и по всему валу были возведены деревянные башни [48].

Не менее интересны наблюдения над соотношением каменной кладки башни 1391 г. и насыпи вала около этой башни на Прусской улице, на Софийской стороне. Здесь земляные работы велись Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в 1961 г. К северу от Прусской башни четко прослежено ядро вала и две подсыпки к нему со стороны города (рис. 4,*а*). В ядре вала и первой присыпке обнаружены городни, рубленные «в режь» и не встречающиеся в валах XI—XII вв. Строительный щебень, оставшийся после работ 1391 г., прослежен под обеими присыпками к ядру вала. Под ядром вала его не найдено. Следовательно, ядро относится ко времени до 1391 г., а присыпки сделаны уже после строительства башни. Судя по Торговой стороне, присыпки сделаны в XVI в. Остается только более точно датировать ядро вала. Если его отнести к XII в., то окажется, что работы 1372—1383 гг., о которых сообщает летопись, никак не отразились в структуре насыпи, что невероятно. Поэтому ядро вала следует отнести к этим работам 1372—1383 гг. (рис. 4, *б*) [49].

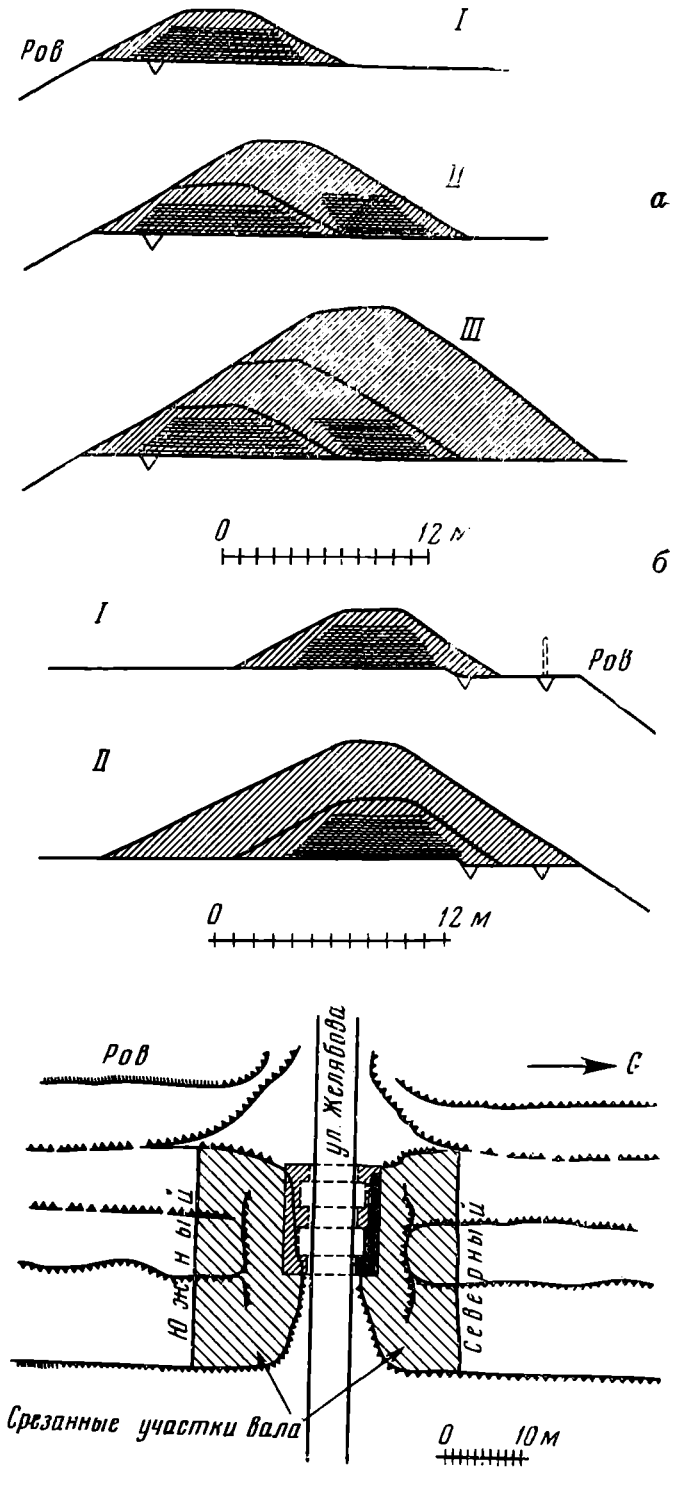


Рис. 4. Реконструкция ядра вала и присыпок к нему: *а* к северу и *б* к югу от Прусской башни

Разрез вала был осуществлен и к югу от Прусской башни (рис. 4,*б*). Здесь найдены ядро вала и одна присыпка к нему, сделанная, однако, не только со стороны города, но и сверху, и со стороны рва. В ядре обнаруже-

[48] ПСРЛ, XII, СПб., 1901, г. 1502, стр. 266.

[49] На публикуемых разрезах вала не показаны слои ракушечника 1391 г., так как разрезы сделаны в 10—12 *м* от башни, а строительная прослойка 1391 г. распространялась от стен башни на 1—1,5 *м*, а отдельные скопления ракушечника — на ширину до 4 *м*, почему они и не попали на разрезы. Л. Е. Красноречьев. Отчет по исследованию остатков башни и участка вала в конце улицы Желябова (бывшей Прусской). Архив НСНРПМ.

ны городни, весьма схожие с городнями из первой присыпки к ядру вала к северу от башни (рис. 4). В присыпке же городней нет. Выходит, что ядро вала и присыпка к нему появились к югу от башни тогда же, когда к северу от нее появились обе присыпки к ядру вала, т. е. после 1391 г. И действительно, под ядром вала и присыпкой к нему, на юге от башни, прослеживался характерный ракушечниковый щебень от строительства 1391 г. Следовательно, вал к югу от Прусской улицы появился только после 1391 г., где-то в XVI в. До этого необходимости в нем, видимо, не было, так как здесь находилось болото, достаточно хорошо закрывавшее противнику доступ в город. Наша датировка противоречит летописному сообщению о строительстве вала в 1372 г. не только вокруг Неревского конца и Загородья, но и у Людина конца. Возможно, поэтому, что в 1372 г. вал не возвели только в той части Людина конца, которая примыкала к болоту около Прусской улицы. Не исключено и другое предположение: вал здесь не возвели, рассчитывая поставить каменную стену. Ее поставили в 1391 г. и тогда же насыпали вал. Действительно, наличие на многих участках существующей насыпи вала каменных стен, которые, судя по раскопу А. Л. Монгайта, ставились в тех местах, где вала не существовало, заставляет признать, что во время работ 1372—1383 гг. на Софийской стороне вал был возведен не всюду, как и на Торговой стороне во время работ 1387 г., и лишь впоследствии, в 1391 г. на участках, где вал отсутствовал, появились каменные стены, присыпанные землей лишь в XVI в. [50]

В разнохарактерности укреплений вокруг отдельных участков посада, в разновременности сооружения отдельных отрезков вала и каменных стен как нельзя лучше сказалась социальная топография Новгорода. Какие-то улицы нашли средства для возведения каменных стен, другие ограничились насыпкой земляного вала. Средства же на строительство каменных башен в конце каждой улицы в 1391 г. были взяты из общегородской казны, почему, быть может, летописец и нашел нужным сообщить об этом факте. С другой стороны, об этой казне ничего не говорится в сообщениях о строительстве вала, сами размеры которого неодинаковы на разных участках, что и подсказывает мысль о сооружении каждого такого участка отдельными концами и даже улицами в разное время на протяжении двадцати лет (1372—1392 гг). При этом рвы, валы и участки каменных стен сооружали не только в те четыре раза, которые упомянуты в летописи (1372, 1383, 1387 и 1392 гг.), а и в другие годы двадцатилетнего промежутка 1372—1392 гг. Об этом свидетельствует наличие каменных стен на многих участках обороны посада, строительство которых осталось не отмеченным летописцем. Об этом же говорит и упоминание «копаницы» — рва под 1386 г. у Плотницкого конца [51], хотя о насыпке вала вокруг Торговой стороны говорится только под 1387 г.

Вал на Софийской стороне был прорезан и при раскопках П. А. Раппопорта в 1959 г. Было выявлено ядро вала и две присыпки к нему XIV и XV — XVI вв. Присыпка XIV в. чрезвычайно мала (3 *м* в основании), к тому же нижняя часть второй присыпки, по словам такого тщательного исследователя, как П. А. Раппопорт, «почти однородна» со слоем первой присыпки [52]. Поэтому у нас нет полной уверенности в наличии в месте раскопа П. А. Раппопорта двух, а не одной присыпки. Точно так же нет у нас полной уверенности и в том, что присыпки к ядру вала у Прусской башни — разновременны. Основой для разграничения присыпок служит различие в материале, из которого они сложены. Однако в процессе одного строительства могли использовать и совершенно разный материал. К тому же

---

[50] Многочисленные выходы каменных стен XIV в. из-под насыпи XVI в. зафиксировал еще до войны Б. К. Мантейфель.

[51] ПСРЛ, V, г. 1386, стр. 242.

[52] В. В. Косточкин, С. Н. Орлов, П. А. Раппопорт. Новые данные..., стр. 70 и рис. 1 на стр. 69; П. А. Раппопорт. Отчет о прорезке вала Новгородского Острога в 1959 г. (рукопись и чертежи). Архив ИА АН СССР, Р-1, 1862.

в раскопе П. А. Раппопорта этот материал двух присыпок мало отличим, а у Прусской башни крупные массивы песка есть и в обеих присыпках к северу от башни и в ядре и присыпке к югу от нее. Об этом же говорит и соотношение внутривальной конструкции со всей насыпью. В обоих кремлевских валах 1044 и 1116 гг. внутривальная конструкция занимает лишь нижнюю часть всей насыпи, верхняя часть которой не имеет такой конструкции и состоит только из глины или песка [53]. Точно так же и деревянные конструкции присыпок вала Острога составляют лишь их ядро, поверх которого можно было подсыпать чистый грунт. К тому же исследование обоих кремлевских валов и вообще древнерусских валов показывает, что внутривальная конструкция на краях насыпей была далека от поверхности склона вала, тогда как деревянная конструкция первых присыпок в раскопе П. А. Раппопорта и у Прусской башни почти выходит на эту поверхность. Поэтому мы и предполагаем, что в раскопе П. А. Раппопорта найдена одна, а не две присыпки. И в таком случае датируется эта присыпка XV—XVI вв. по кирпичам XV—XVI вв., найденным под второй присыпкой, на тыльном склоне первой присыпки. Поэтому, если датировать ядро вала в этом раскопе XII в., а присыпку XV—XVI вв., то окажется, что работы по возведению вала 1372—1383 гг. не отражены в структуре существующей насыпи. Они почти не отражены и в том случае, если П. А. Раппопорт прав, так как первая присыпка необычайно мала. Это противоречие заставляет особенно внимательно отнестись к керамике, найденной П. А. Раппопортом под ядром вала и в самом ядре. П. А. Раппопорт датирует ее XI—XII вв., хотя большинство этих немногочисленных венчиков, судя по их прорисям и при сравнении с керамической шкалой Новгородской экспедиции, относится к XII—XIV вв. [54] Среди керамики присыпок к валу имеются и венчики XIV в., и венчики XV—XVI вв. Если наша датировка верна, то она объясняет структуру насыпи в полном соответствии с летописью и всей суммой остальных археологических данных; ядро вала относится к 1372 г., а присыпки (или одна присыпка) — к XVI в.

Вал на Софийской стороне датируется XII в. на основании керамических находок под его ядром и С. Н. Орловым, который пишет, что среди них «встречаются архаические формы. Кроме керамики здесь найдены три обломка синих стеклянных браслетов», или в другом месте: «Собрано много обломков гончарной керамики, среди которых имеются архаические формы горшков XI—XII вв» [55]. Ясно, что датировать ядро вала по архаическим, а не поздним образцам керамики — нельзя, что же касается стеклянных браслетов, то общеизвестно, что они бытовали в Новгороде и в первой половине XIV в. [56]

Датировать вал Острога XII в. нельзя и по величине насыпи. Для валов XI—XII вв., защищавших даже значительно меньшие города, чем Новгород, характерна большая высота и сравнительно небольшая ширина насыпи в поперечном разрезе. Высота и узость насыпи этих валов объясняется тем, что на них стояли не городни, а тын, для которого достаточна была узкая ходовая площадка. Валы с городнями на их вершине делались

---

[53] М. Х. Алешковский. Новгородский Детинец... Выявление присыпок в валу Острога позволило С. Н. Орлову предположить, что и в кремлевских валах есть присыпки к их тыльным сторонам, сделанные в конце XV в. (С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 5—7). Это неверно. Ссылаясь на разную толщину культурного слоя под внутренней частью и ополиной вала, С. Н. Орлов считает, что это свидетельствует о наличии присыпки с тыльной стороны. В действительности это говорит только о том, что на краю кремлевского мыса культурный слой (под ополиной вала) тоньше, а вдали от этого края, где было жилье, толще.

[54] Определение Г. П. Смирновой. Керамики XI в. под валом нет, остальная же керамика встречается в Новгороде с 1134 по 1315 гг.

[55] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 14 и 18.

[56] М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963, стр. 176, табл. 4.

более широкими и соответственно более низкими. Именно таковы новгородские валы — и Детинца, и вокруг посада. Они сделаны для широких массивов городней. Для тына новгородского острога XI — начала XIV в. нужен был бы совершенно другой вал, более узкий. Именно таково первоначальное ядро вала 1372 г. на Софийской стороне. Оно, видимо, было рассчитано на тын. Когда же было решено ставить на валу срубные стены-городни, то понадобилось расширить насыпь вала, почему к «старому» валу на Софийской стороне сделали в 1383 г. подсыпку, а вал вокруг Плотницкого конца в 1392 г. сразу сделали более широким. Этой же причиной вызваны и более поздние подсыпки в других частях города. Именно они превратили насыпь вала в удобное для строительства срубных городен сооружение (см. рис. 4).

Предлагаемая датировка существующего вала новгородского острога подтверждается и еще одной археологической находкой. В северном и южном разрезах вала у Прусской башни, под ополиной его ядра, найдены нижние части вертикально стоявших бревен (рис. 4). Бревна прорезают культурный слой и заглублены в материк на 0,5—0,6 *м*. Книзу они заострены. Это и есть, видимо, остатки тыновой стены одного из спешно возведенных острогов XI — начала XIV в., хотя об этом можно говорить, конечно, только предположительно [57].

Датировка вала Новгородского Острога концом XIV в. позволяет отнести окончательное сложение территории посада только к этому времени. Рост территории продолжался и после строительства каменной стены 1335 г., почему линия вала конца XIV в. и была отодвинута до естественного водного рубежа — р. Тарасовец. Это — на Славенском конце. На Софийской же стороне вал начали воздвигать только после появления Загородского конца. Город рос от центра к окраинам, а не наоборот, от окраин к центру, как полагает С. Н. Орлов. Вслед за В. Л. Яниным [58] С. Н. Орлов пришел к мысли о существовании на месте будущего Новгорода нескольких обособленных поселков, впоследствии сомкнувшихся в единое целое. Однако в противоположность В. Л. Янину С. Н. Орлов предполагает, что таких поселков было много. На одной Софийской стороне он насчитал по крайней мере четырех таких поселения. «Эти поселения возникали около водных источников (? — *М. А.* и *Л. К.*) при подъезде к городу. Жители поселков, очевидно, обслуживали проезжих людей (водой? — *М. А.* и *Л. К.*) и занимались ремеслом. Позднее поселки расстраивались вдоль проезжих дорог и сомкнулись в единое целое» [59]. Надо полагать, однако, что водные источники играли гораздо меньшую роль в древнем Новгороде. Город вырос не вокруг ручейков, а на берегах важной магистрали — полноводного Волхова и рос сначала вдоль его берегов и только затем в сторону от них [60]. Не случайно поэтому Великая и Славная улицы идут вдоль реки, хотя и не ведут ни в Псков, ни в Киев. В Неревском раскопе прослежено, что город рос от ядра Неревского конца между Кремлем и Кузьмодемьяновской улицей, к северу, вдоль берега от этой улицы [61].

Итак, передатировка вала Новгородского острога позволяет утверждать, что городская территория, охватываемая этим валом, сформирова-

---

[57] Остатки тыновой стенки найдены и А. Л. Монгайтом (А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения..., 9. 10). Отдельные участки острога были тыном даже в середине XVII в. См. Дополнения к Актам историческим, 3, СПб, 1848, № 48, стр. 161; в 1238 г. татары «оступиша Рязань и острогам оградиша» — НІІЛ, г. 1238, стр. 75. Что это был за «острог» выясняется из последующих слов об осаде Торжка: «оступиша Торжок... и отыниша тыном все около, якоже инии грады имаху», там же, стр. 76. «Столпье», т. е. тын окружал Киев еще в 1161 г. ПСРЛ II, М., 1962, г. 1161, стлб. 515 «Острог тын стоячий» упоминается в документах XVII в. по Пскову.

[58] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 370—374.

[59] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 19 .

[60] В 1959 г. С. Н. Орлов тоже так считал. С. Н. Орлов и А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления..., стр. 32.

[61] Наблюдение П. И. Засурцева. В. Л. Янин. Новгородские посадники..., стр. 373.

лась только в XIV в. В связи с этим возникает вопрос о происхождении Новгорода.

Существует два летописных варианта происхождения Новгорода. По первому из них, город основали пришельцы словене, по другому — Рюрик. В первом случае город вырос из племенного центра, в другом — вокруг княжеской крепости, поставленной на необитаемом месте. «Княжеский» вариант имелся уже в предшествующем Повести временных лет летописном тексте 1070-х годов [62]. Словенский вариант появился в летописи на почве какой-то устной, весьма устойчивой традиции только в авторском тексте Повести временных лет. Представляется, что оба варианта отражают действительность, только действительность эта была сложнее, чем представлялась пересказчикам. Вопрос о происхождении Новгорода не идентичен вопросу о появлении городского поселения на месте будущего Новгорода. Рассмотрим сначала вопрос о Новгороде. «Новгородом» в летописи назван только Детинец, построенный Владимиром Ярославичем в 1045 г., когда городское поселение существовало по крайней мере сто лет, вернее и больше того. Однако Новгород упоминается в летописи за сто и больше лет до 1045 г. В середине X в. его упоминает Константин Багрянородный, причем в отличие от Смоленска и Саркела, не говорит о крепости в Новгороде. Из этих фактов можно сделать два вывода: либо упоминание Новгорода в летописных рассказах конца XI в. о событиях IX — начала XI в. является ретроспекцией автора, записавшего эти рассказы впервые в 1070-х годах, когда Новгород уже существовал, либо же, что представляется более вероятным, «Новгород» существовал и в X — начале XI в. В. Л. Янин справедливо предположил, что Новгород был новым городом не по отношению к «Старой» Руссе, «Старой» Ладоге, «Рюрикову» городищу или Киеву, а по отношению к тем первоначальным трем поселкам (Славно, Пруссам и Наровлянам), которые существовали еще до постройки Детинца («Новгорода»). Летописное сообщение 1116 г. прямо говорит, что Мстислав «заложи Новгород болии первого» [63]. «Первым» Новгородом он назвал здесь крепость 1045 г. Впрочем, слово «первый» означало в древней Руси и «прежний», поэтому настаивать на его буквальном значении в летописном сообщении 1116 г. нельзя [64]. Остатков Детинца, современного деревянному Софийскому собору в Кремле, пока не найдено. Трудно предполагать, что первый христианский храм могли выстроить не внутри хотя бы небольшой крепости. С другой стороны, наличие в Новгороде на Торговой стороне двора Ярослава показывает, что Ярослав в начале XI в. не жил в этой крепости. Наоборот, владычный двор всегда находился на территории Детинца, причем на том же месте, что и Владычный двор XIV—XV вв. Характерно, что вся территория Детинца за владычным двором называлась околотком (а не только южная часть Детинца XII—XV вв., как думает М. К. Каргер) [65]. Об этом свидетельствует летопись, называющая территорию в северной части Детинца около Владимирской надвратной церкви «околотком» [66]. Видимо, уже в XI в. Детинец делился на Владычный двор и околоток. Само название «околоток», аналогичное такому термину, как «окольный город», показывает, что он сформировался после

---

[62] М. Х. Алешковский. Первая редакция Повести временных лет. Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.

[63] НПЛ, г. 1116, стр. 20.

[64] И. И. Срезневский. Материалы.., II, СПб., 1766.

[65] М. К. Каргер. Новгород Великий. Л.— М., 1962, стр. 90.

[66] НПЛ, г. 1339, стр. 350. Под 1432 г., говоря о пожаре Детинца, летописец также делит его территорию на две части — Владычный двор и околоток: «В лето 6940... Там где осени погоре околоток весь и владычень двор» (НПЛ, г. 1432, стр. 416). В описании семи новгородских соборов церкви «в околотке» упоминаются и на северной территории Детинца. Описание составлено до 1508 г. См. А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по об. списку XVI в. в Санкт-Петербургской библиотеке св. Синода. Вестник Археологии и истории, X, СПб., 1898, стр. 77—80.

строительства первого Владычного двора. И в Черникове, по Б. А. Рыбакову, окольный город охватывал небольшую территорию, непосредственно примыкающую к Детинцу, а основная территория города охватывалась, как в Новгороде, «острогом».

В кремлевской топонимике отсутствуют данные о княжем дворе. Это показывает, что Детинец был по своему происхождению владычным, а не княжеским. Здесь же, в пределах северной части Кремля, в границах Детинца 1045 г., происходила и Пискупля (епископская) улица, которую до недавнего времени помещали в южной части Кремля[67]. В «конце Пискуплей улицы» стоял деревянный Софийский собор, о чем прямо сообщает летопись, добавляя при этом, что на его месте «ныне» (т. е. в 1167 г.) поставлен Борисоглебский собор купцом Сотко Сытиничем[68]. Но Борисоглебский собор стоял не в северной части Детинца, не в конце Пискупли, а в стороне от нее, за глубоким оврагом, в южной части современного Кремля, не входивший в Детинец 1045 г. При его раскопках не было найдено слоя от сгоревшего деревянного Софийского собора 989 г., поэтому его остатки следует искать в юго-восточном конце Детинца 1045 г. Вряд ли этот Детинец стали бы строить в стороне от деревянного собора в 1045 г. Таким образом, деревянный Софийский собор стоял у самого главного въезда в Детинец. Это подтверждается и интереснейшим наблюдением В. В. Косточкина, отметившего, что церкви в новгородских крепостях всегда стоят у самого въезда в крепость[69]. Этот обычай привел впоследствии к возведению у всех проездных башен новгородского Детинца надвратных церквей. К тому же территория центральной части Детинца 1045 г. называлась новгородцами Буевищем — от Буи (старое кладбище, место, где было кладбище, пустое место около церкви — см. И. И. Срезневский. Материалы..., т. I, стб. 191—192), которое действительно находилось на месте старого, языческого кладбища и, видимо, капища, где стояла деревянная София. Возможно, что и само слово «Детинец» связано не с детскими князя, а с софьянами, этими владычными детьми, жившими во владычном дворе, а впоследствии и на Чудинцевской улице, соединявшейся с Пискуплей улицей Кремля[70]. В. Л. Янин предполагает, что летописные сообщения о строительствах 1044 и 1116 гг. Владимиром Ярославичем и Мстиславом Владимировичем следует понимать так, что эти строительства были при князе таком-то, а осуществлялись владыками на свои деньги[71]. Такие владычные строительства широко практиковались в более позднее время. Возможно, они имели место и в XI — начале XII в. Экстерриториальность князя по отношению к владычному Детинцу была для XII в. явлением не новым, восходящим, видимо, к тем временам, когда Детинец еще не существовал, на его месте собиралось вече, а князь жил на свободной от городской застройки

---

[67] М. К. Каргер. Новгород Великий, стр. 91; С. Н. Орлов. Топография..., стр. 15.

[68] НПЛ, г. 1049, стр. 181.

[69] В. В. Косточкин. Древние русские крепости. М., 1964, стр. 57—58. Владычный и княжий дворы, видимо, строили в X в. на пустырях, в стороне от древних поселков. На территории Ярославова дворища в X в. был языческий могильник, и слоя X в. здесь не найдено. Деревянная же София, видимо, была поставлена тоже на пустыре или на месте древнего капища. Об этом свидетельствует символика ее архитектурных форм: она была «о тринадцати верхах» — центральный «верх» символизировал Христа, а остальные двенадцать — его апостолов. Каждый «верх» должен был завершать какую-то самостоятельную конструктивную часть всего сооружения. Это могло быть только в том случае, если деревянный собор представлял восьмигранник с четырьмя прирубами (апсиды и притворов). Такие соборы «о двадцати стенах» были распространены на севере Руси (еще в XIV в. в Устюге Великом стоял такой собор). По своей форме такой восьмигранник был связан еще с языческой деревянной храмовой архитектурой, о чем свидетельствует восьмилепестковая форма раскопанного В. В. Седовым Перунова святилища под Новгородом.

[70] М. Х. Алешковский. Новгородский Детинец..., стр. 13. «Дети» владыки упоминаются в источниках. НПЛ, г. 1331, стр. 344.

[71] В. Л. Янин. Новгород X—XV вв. Доклад на сессии ЛОИИ АН СССР, посвященной средневековому городу. Л., 1968.

территории правого берега Волхова, где впоследствии располагались Ярославово дворище, Торг и Готский двор [72].

Чем же объясняется первоначальная экстерриториальность князя по отношению к Детинцу? Видимо, дело в том, что территория, впоследствии охваченная стенами Детинца — сначала в 1045 г., а потом в 1116 г., с самого начала принадлежала Неревскому и Людину концам. Об этом свидетельствуют два факта: 1) топография Детинца в обеих его частях сложилась одновременно с топографией всей Софийской стороны и улицы Детинца есть не что иное, как отсеченные его стенами прибрежные части улиц городских концов; 2) отзвуком этого периода является то, что церкви Детинца входили в соборное подчинение Людину и Загородскому концам [73]. Поэтому-то князь сначала не мог поселиться на левом берегу Волхова среди пруссов и наровлян и обосновался на «славянском» берегу, на пустыре около Волхова, занятом могильником. С введением христианства часть территории Неревского конца. возможно, занятая капищем, была отвоевана под Софийской собор и Владычный двор, где и появился «новый город».

Таким образом, отсутствие на территории Детинца следов оборонительных укреплений ранее 1045 г., связь происхождения Детинца с владычным двором, который мог появиться не ранее конца X в., заставляют отрицать «княжеский» вариант происхождения Новгорода из феодального замка, построенного Рюриком или кем-либо из его потомков. Остаются два других варианта происхождения города — из племенного (или межплеменного) центра или из торгово-ремесленного поселения.

Обратимся теперь к вопросу о поселениях, существовавших на месте будущего Новгорода [74]. Прежде всего несколько слов о так называемых «новгородских словенах» [75]. На Волхов пришло, видимо не какое-то отдельное и самостоятельное племя «словен», а просто какая-то часть днепровских славян. Попав в инородное окружение, они так и стали прозываться не по имени отдельного племени, а по имени славян вообще. Если бы это было отдельное племя, то оно, подобно полянам, древлянам, северянам, имело бы свое специфическое название, отличное от имени славян вообще. Наиболее древние типы височных колец «словен» — ромбощитковые завязанные — датируются XI в. и найдены в верховьях Днепра, а не в Новгородской земле [76]. Это предположение, отрицающее существование какого-либо отдельного племени «новгородских словен», находит полное подтверждение в летописном рассказе о расселении славян. Вот этот рассказ: «...бысть язык словенск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозе же времянех сели суть словены по Дунаеви... и от тех словен разидошася по земле и прозвашеся именами своими, где седша на котором месте...Тако же и ти словени пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне.... Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород... И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская» [77]. Следовательно, на Ильмень пришло не отдельное племя «словен», а просто какая-то часть всех восточных «словен». Это наблюдение заставляет нас вернуться к давнему спору о характере и времени появления племенных названий восточных славян. Когда-то С. М. Середонин считал эти названия чисто местными,

---

[72] В. Л. Янин. Новгород X—XV вв. Такая топография княжего двора не была исключением. В Пскове и Смоленске XI—XIII вв., «Княж двор» тоже находился с самого начала вне стен Детинца. В Пскове около Торга, как и Ярославово дворище, в Смоленске — на Смядыни, вне основной территории города. Князья появились в этих городах, как и в Ростове, когда их городские общины уже сформировались.

[73] В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 374, прим. 3.

[74] Там же, стр. 374.

[75] Летопись называет их просто «словенами».

[76] В. П. Левашова. Височные кольца. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» М., 1967, стр. 24.

[77] ПВЛ, I, М.— Л., 1950, стр. 11.

появившимися после прихода славян на Днепр[78]. Впоследствии его точка зрения была оспорена учеными, ссылавшимися на наличие ряда племенных названий, таких как поляне, древляне и дреговичи на Балканах. Эту точку зрения сейчас поддержал И. И. Ляпушкин, хотя, по его признанию, она не находит никакого соответствия в археологическом материале VI — середины IX в.[79] Славянская культура VI—VII вв. на правобережье Днепра, так же как культура VIII—IX вв. на его левобережье, поразительно едины и никаких местных вариантов в них не наблюдается — единственный вариант — памятники типа Пеньковки (VI—VII вв.). Едина эта культура и в X в., хотя тогда появляются уже признаки имущественной и социальной дифференциации славянского населения. И лишь с конца X — начала XI в. можно говорить о сложении «племенных» различий. Между тем летописец говорит о «племенных» различиях уже к середине IX в. Это противоречие между археологическим материалом и летописным рассказом общеизвестно, однако оно не поставлено в связь с прямым указанием летописи о приходе на Днепр не ряда отдельных славянских племен, а просто «словен». При такой постановке вопроса это противоречие снимается. Пришедшие славяне сначала осваивают все пространство между Днестром и Днепром (VI—VII вв.), затем переходят на левобережье Днепра (возможно в это же время) и постепенно осваивают территорию верхнего Поднепровья и более северные области (X—XI вв.). В процессе этого расселения отдельные части славянской народности обособляются друг от друга, у них появляются собственные политические организации и имена. Сначала эти организации и имена малоустойчивы, что хорошо видно на примере наиболее древней территории расселения — юго-запада, где сначала местное славянское население называется дулебами, затем волынянами и бужанами. Неустойчивость этих племенных организаций и их имен видна из того, что отпочковавшиеся от них группы, двинувшиеся на восток, называются здесь новыми именами полян и древлян. Но наряду с процессом оседания и консолидации действует и центробежная сила: расселение продолжается, причем уходящие группы населения продолжают осознавать себя не полянами или древлянами, а просто славянами. О том, что расселяются не отдельные восточнославянские племена, а «словене» вообще, видно на примере перстнеобразных височных колец XI—XII вв.[80] Огромное их количество найдено на многих окраинах карты племенных типов височных колец. Это прежде всего Ростово-Суздальское ополье и Костромское Поволжье. Ясно, что пришедшие сюда носители этих колец были не какими-то отдельными восточнославянскими племенами, а населением южной Русской земли, бежавших от первых признаков появления классового гнета на свободные или малозаселенные территории к северу и востоку от Днепра. Это — самый поздний этап расселения славян (а не отдельных их племен). Если на более ранних этапах это расселение происходило при отсутствии сильной центральной власти в среднем Поднепровье, то на этом позднем этапе такая власть существует. И южнорусское население, попавшее на новые земли, в той или иной степени эту власть вынуждено признавать. Это видно по структуре отчин трех Ярославичей конца XI в. Каждая из этих трех отчин имеет земли в «Русской земле» со столицами в Киеве, Чернигове и Переяславле и в то же время имеет земли на окраинах расселения восточных славян, иногда отделенные от метрополии неподвластными ей племенами, а иногда смыкающиеся с метрополией. Первый случай — это Ростов по отношению к мономаховскому Переяславлю, или

---

[78] С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 124, 136 сл.

[79] И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 120.

[80] М. Х. Алешковский. Структура отчин трех Ярославичей (по данным археологии и «Повести временных лет»). Тезисы докладов на научной сессии Государственного Эрмитажа к 50-летию Октября. Л., 1967.

Тьмутаракань по отношению к Чернигову. Второй случай — это Новгород по отношению к Киеву, Муром по отношению к Чернигову, Берестье по отношению к Турову. Прочность структуры этих отчин, состоящих из удаленных друг от друга земель, свидетельствует о прочности этнических и политических связей окраинного населения с территориями, откуда оно стало расселяться. Именно поэтому в Новгороде поначалу правят только киевские князья, в Ростове — переяславские, в Муроме и Тьмутаракани — черниговские. В то же время удаленность от места расселения позволяет жителям новых районов расселения сохранить в несколько видоизмененной форме все основные черты докняжеского политического устройства. По источникам VI—VIII вв. известно, что это устройство базировалось на триумвирате: народном собрании, совете старейшин и военачальнике-князе. Именно такой триумвират существует в Новгороде — вече, совет господ и военачальник-князь. Конечно, триумвират претерпел естественные изменения, он существует уже в условиях классового общества, его существо по сути дела новое, но старая форма все еще бытует и восходит к политическому устройству славян в эпоху их появления на Днепре. Эта форма прослеживается и на примере раннего этапа киевской истории, ее пережитки хорошо известны и на более позднем ее этапе. Именно в этой форме следует искать истоки восточнославянской государственности, а не в приходе варягов, которые использовали эту форму и по сути дела подчинились ей. Поэтому структуру политической власти Новгорода ни в коем случае нельзя возводить к «революции» 1136 г., о которой писал Б. Д. Греков [81], а следует связывать с началом существования городского поселения (или поселков славян, кривичей и мери). На протяжении всей новгородской истории до событий 30-х годов XII в. шла ожесточенная борьба между князем и местной властью, кончившаяся победой новгородцев, но сама структура, внутри которой шла эта борьба, существовала с самого начала. Иначе, было бы трудно объяснить ее появление в княжеском городе, где она была ненужна и опасна князю. Наоборот, зная о приглашении князя из легенды о призвании варягов и зная о славянской колонизации Ильменя, гораздо естественнее относить происхождение веча и совета старейшин (бояр) не к периоду XI в., а к самому начальному периоду существования городского поселка, когда в нем еще не было никакого князя. Об этом свидетельствует и доказанное В. Л. Яниным наличие самостоятельного городского землевладения (наряду с княжеским) еще до событий 1136 г. [82] Когда возникло это землевладение? Во всяком случае, не позднее появления владыки (988 г.). Владыка, видимо, заменил своих предшественников, языческих жрецов. Его имя стоит в грамоте Изяслава Мстиславича на первом месте. Исходя из этого, следует сопоставить структуру власти с вопросом о формировании городской территории, с двумя вариантами летописной легенды о происхождении города. Княжеский вариант на основе приведенных материалов о появлении «Новгорода» должен отпасть. «Словенский» же вариант предопределяет топографию раннего Новгорода. Вече этого межплеменного центра, видимо, должно было находиться там же, где и впоследствии — на Софийской стороне. Естественно, что приглашенный князь не мог поселиться на территории веча — поэтому он устроил свой «двор» на Торговой стороне. Вече, по всей видимости, было связано с языческим жречеством, с культом Перуна, с его капищем. Поэтому когда капище было уничтожено, а идол Перуна сброшен в Волхов, то на его месте появился деревянный Софийский собор с небольшим поначалу владычным двором. Теперь вече стало собираться не у капища, а у Софии, и под эгидой не жрецов, а владыки. Как видим, и теперь князь не мог претендовать

---

[81] Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. Уч. зап. Института истории РАНИОН, IV, М., 1929.

[82] В. Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. Сб. «Культура древней Руси» (к 60-летию Н. Н. Воронина). М., 1966, стр. 313—323.

на перемещение своего двора на вечевую территорию. Наоборот, в его интересах было всячески способствовать закреплению проводника его власти — владыки на этой территории. Поэтому-то он строит здесь «Новгород», но сам остается на прежнем своем дворе. Однако владыка из ставленника князя постепенно превращается в опору веча, и хоть «Новгород» и его Софийский собор были построены князем, они постепенно стали «владычными», т. е. новгородскими, вечевыми. Видимо, Детинцу 1045 г. предшествовала небольшая ограда владычного двора конца X в., на территории которого и следует искать остатки «Новгорода», существовавшего до 1045 г. Поэтому-то происхождение городского поселения надо связывать с появлением на Волхове славян, а не варяжского Рюрика.

Днепровские славяне попали на севере в окружение кривичей, а на северо-востоке — в окружение мери. Легенда о призвании варягов отличает кривичей от славян («словен»). Материальная культура длинных курганов также не принадлежит славянам[83]. Летопись не упоминает того, что кривичи произошли от «словен», пришедших с Дуная. Имя кривичей восходит к имени балтского бога Криве. Не следует ли заключить из этого, что кривичи не были славянами или, если они ими и были, то благодаря длительному проживанию с балтами сильно ими ассимилированными? Скорее всего кривичи — это потомки поморских славян. О связях населения Новгородской земли с полабскими славянами свидетельствует масса этнографических, лингвистических и топонимических данных, давно обращавших на себя внимание русских ученых, начиная с М. В. Ломоносова, а в 1922 г. подкрепленных блистательным исследованием Н. М. Петровского[84]. С полабскими славянами связана по своему происхождению и конструкция кремлевского вала 1116 г.[85] и самая существенная деталь городен вала 1045 г.— «курицы».

Приведенные наблюдения позволяют в предварительном порядке обрисовать картину возникновения и формирования территории Новгорода. Первые поселения сельского типа сложились на левобережье Волхова и представляли собой отдельные «хутора», объединявшиеся в «концы». По своему происхождению население состояло из выходцев с балтийского Поморья, смешавшихся и с балтами и с финно-уграми. Пришедшие с юга «словене» поселились на правобережном Холме, упоминаемом в XII—XIII вв. летописями и давшим название «Холмгород» (или «Холмгард» скандинавских источников).

По отношению к этому Холмгороду и была названа «Новгородом» небольшая крепость на левом берегу вокруг Буевища, на котором собиралось объединенное вече нескольких поселков, где было капище, на месте которого впоследствии поставили деревянную Софию. До 1045 г. в «Новгороде» жил христианский владыка, сменивший языческих жрецов. Вокруг него разрастался «околоток», впоследствии включенный сначала в рамки крепости 1045 г., а потом и в крепость 1116 г. Территория города росла сначала вдоль берегов Волхова, а затем и в сторону от него и окончательно сформировалась только к концу XIV в., когда и была окружена земляными валами и каменными стенами острога (1372—1392 гг.). Постоянных посадских укреплений до этого времени в городе не было. В Пскове они тоже появились только в начале XIV в., а в Москве — в его конце[86]. Таким образом, Новгород возник из вечевого центра северной федерации словен, кривичей и мери. Из вечевых центров возникли, как можно предполагать, и Смоленск, Псков, Чернигов, Ростов и Киев, чему должна быть посвящена

---

[83] Е. А. Шмидт. О смоленских длинных курганах. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 224—229.

[84] Н. М. Петровский. О новгородских «словенах». Изв. ОРЯС, 25, Пг., 1922. Литературу вопроса см. В. Б. Виллинбахов, Балтийские славяне и Русь. «Slawia occidentalis», 1962, 22, стр. 254—277.

[85] М. Х. Алешковский. Новгородский Детинец..., стр. 15.

[86] ПСРЛ, 25, М.— Л., 1949, г. 1394, стр. 221.

особая статья. В таких вечевых центрах или погостах оседала местная знать, концентрировавшая в своих руках продукты дани, требовавшие ремесленной обработки и торговой реализации, почему в них стали бурно развиваться торговля и ремесло, находившиеся поначалу целиком в руках местной знати, постепенно становившейся единой землевладельческой корпорацией. Этим, между прочим, объясняется отсутствие в Новгороде цехов, слабость торговой гильдии при церкви Ивана на Опоках и главенство феодальной знати во всей общественной жизни города. Этим же объясняется и своеобразное положение князя в структуре городской власти, сложившейся до приглашения первого из князей.

Передатировка укреплений новгородского острога, думается, серьезно изменит отношение исследователей к вопросу о происхождении Новгорода. Пока вал и ров острога датировался первой половиной XII, а то и XI вв., нам представлялось, что с самого начала город имел такую большую территорию, что неосознанно связывалось с теорией его основания переселенцами и из другого «старого» города (Ладоги, Руссы, Городища или Киева). Видимо, ранний Новгород был невелик и состоял из нескольких впоследствии слившихся ядер. Название одного из них уцелело — это Холм, Холмград. Но остатков его, равно как и двух других, пока не обнаружено. Древнейшая мостовая датируется 953 г., но лежит, видимо, вне территории одного из таких ядер. Передатировка вала и рва и позволит теперь осознанно поставить полевые поиски первоначального культурного слоя возникавшего города на Волхове. В ходе этих поисков уточнится картина фортификационных укреплений города, представляющая сейчас лишь небольшой эскиз.

M. Kh. Aléchkovsky, L. E. Krasnorétchiev

SUR LA DATATION DU REMPART ET DU RAVIN DE LA FORTIFICATION DITE «OSTROG» A NOVGOROD (EN RAPPORT AVEC LE PROBLÈME DE LA FORMATION DU TERRITOIRE DE VILLE).

Résumé

Les données obtenues font présumer que les villes russes appraissaient à partir des pogosts du vetché, où les notables s'installaient petit à petit. Le tribut qui s'amassait entre leurs mains demandait à être traité et, ensuite, utilisé. Cela favorisait le développement de l'artisanat et du commerce. Cette conclusion est tirée du fait que l'exterri orialité de la cour du prince est constatée par rapport à l'aire de vetché de Détinetz à Novgorod tout comme à Pskov, Smolensk et Kiev. Novgorod est né à la base de plusieurs sites de type villageois, et son nom (qui veut dire «ville nouvelle») lui fut attribué pour le distinguer du site slave de Kholmogorod ville située sur une colline). Au départ, Novgorod comprenait le territoire du futur Vladytchny Dvor (où habitaient les sacrificateurs de Péroun); à son voisinage, le vetché tenait ses réunions à Bouïévichtché (cimetière païen) où se dressait un temple paien, remplacé par la suite par la cathédrale en bois de St-Sophie. Authour du premier Novgorod surgit une ville périphérique appelée plus tard «okolotok» (ce que veut dire «ville située autour») et qui, après la construction de Novgorod en 1045 et 1116, se trouva dans le cadre des murs du Détinetz. Les rues sur l'aire du Détinetz futur furent planifiées avant l'apparition de la forteresse même de Novgorod. Aux XIIe — début XIVe siècles, le territoire urbain s'étand rapidement. En 1335, on fit la première tentative d'entourer une de ses parties d'un mur de fortification en pierre. En 1372—1392, une ligne de fortifications permanentes fut construite autour de tout le territoire de la ville. Par endroits, c'étaient des murs et pierre, en d'autres un rempart en terre. Au XVI siècle, les murs de pierre tombant en ruines, ils furent recouverts de terre, c'est pourquoi, à l'heure actuelle, on ne voit autour de Novgorod qu'un rempart en terre. Auparavant, on rapportait ce rempart au XII ciécle, ce qui donnait une idée erronée sur l'étendue du territoire de l'ancien Novgorod.

И. В. ТРОФИМОВ

О ПРИНЦИПАХ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

В развитие декрета от 20 апреля 1920 г., подписанного В. И. Лениным, по решению Советского правительства с 1938 г. проводится планомерная реставрация уникального комплекса памятников архитектуры и живописи Троице-Сергиевой лавры в Загорске.

С 1938 по 1950 г. все работы по восстановлению этого ансамбля велись по утвержденному правительством генеральному плану под контролем Ученого совета Загорского историко-художественного музея-заповедника, основанного упомянутым Ленинским декретом. В состав постоянной реставрационной комиссии Ученого совета, утвержденной Комитетом по делам искусств при СНК РСФСР, входили известные советские архитекторы, историки, археологи, инженеры, искусствоведы: академики — И. В. Рыльский, И. В. Жолтовский, И. Э. Грабарь, С. В. Бахрушин; профессора — А. В. Арциховский, П. В. Щусев, В. Н. Кононов, В. И. Лебедев, Н. Н. Соболев, В. П. Зубов; представитель заказчика — Н. Д. Виноградов и руководитель работ — главный архитектор И. В. Трофимов [1].

С 1951 г. реставрация памятников лавры проводится в основном на средства и по заказу Московской патриархии. Причем Загорский государственный музей и его Ученый совет постепенно были отстранены от всякого контроля за работами на территории «заповедника». Все попытки музея изменить это поистине парадоксальное положение пока не увенчались успехом. Так, вопреки протестам музея, была возведена на площади перед Успенским собором аляповатая сень над «святой» водой (наподобие бывшей здесь в XIX в. и в свое время убранной раставрaторами); разобран «кавалерский» корпус середины XVIII в.; проведено замощение всей территории белым камнем и даже забелено находящееся в пользовании самого музея красно-белое здание Больничных палат.

В феврале 1969 г. дирекцией Музея был собран расширенный Ученый совет для обсуждения мероприятий по реализации постановления Совмина РСФСР от января 1969 г. о Загорске — центре туризма. Присутствовавшими на этом совете многочисленными представителями центральных и городских официальных, общественных и научных организаций резко критиковались как выполненные за последние годы по памятникам Загорска реставрационные работы, так и «программа» их дальнейшего осуществления. Однако именно эта «программа» через некоторое время была утверждена Мособлисполкомом и Министерством культуры РСФСР.

Поэтому необходимо с полной серьезностью поставить вопрос о принципах реставрации всемирно известного архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры.

---

[1] В качестве консультантов постоянно привлекались также: инженеры — С. Н. Бобин, Б. А. Смоляк, Н. А. Бруханский, И. Г. Сенатов; профессора — Д. И. Киплик, Г. А. Новицкий, А. Г. Габричевский; генерал-лейтенант Д. М. Карбышев; специалист по прикладному искусству проф. Ф. Я. Мишуков.

Существует точка зрения, согласно которой задачи реставрации должны сводиться только к «охране существующего». Эту точку зрения с большой решительностью сформулировал более 100 лет назад англичанин Джон Рёскин [2].

Имея перед глазами примеры произвольной научно необоснованной реставрации, Рёскин писал: «Реставрация означает самое полное разрушение, которое только способно испытать здание, разрушение без остатка, разрушение, сопровождаемое фальшивым описанием разрушенной вещи». «Мы не имеем права прикасаться к ним,— писал Рёскин о памятниках прошлого,— они не наши». Ограждать от разрушения то, что есть,— единственная задача реставратора. «Проявите больше заботы о ваших памятниках, и вам не нужно будет их раставрировать... Несколько листов свинца, положенных вовремя на крышу, несколько сухих листьев и веток, удаленных вовремя из водосточного желоба, спасут и крышу, и стену от разрушения. Охраняйте старое здание с сердечным участием, оберегайте его, как можно лучше и любой ценой, от всякого влияния времени. Пересчитывайте его камни, словно драгоценности в короне; поставьте около него охрану, как у ворот осажденного города; связывайте его железом там, где оно распадается; поддерживайте его подпорками там, где оно валится; не смущайтесь незначительностью помощи: лучше костыли, чем потерянная нога».

Из этих и подобных высказываний иногда делали вывод, что реставратор не имеет права удалять с памятника ни одного исторически сложившегося пласта. В последнее время более распространено мнение противоположное, согласно которому древние памятники обязательно должны быть возвращены к своему изначальному виду.

Имея ввиду реставрационную деятельность известного архитектора и художника Виоле ле Дюк, французский прогрессивный писатель Анатоль Франс писал: «Когда-то они (архитекторы) разрушали, чтобы омолодить, а ныне разрушают, чтобы состарить. Памятник восстанавливают таким, каким он был при возникновении. Больше того: строению придают тот вид, какой он должен был бы иметь... Ставят себе задачу, поистине превышающую человеческие силы: восстановить какой-нибудь замок или собор согласно их первоначальному плану, хотя этот план на протяжении веков подвергался изменениям, а чаще всего вовсе не осуществлялся. Жестокое намерение!» [3].

При составлении генерального плана реставрации Троице-Сергиевой лавры в 1938 г. вопросы о том, что подлежит сохранению, а что следует восстановить или разрушить и можно ли вообще разрушать, встали перед нами вплотную. Необходимо было наметить основные принципы этой реставрации.

Архитектурный комплекс лавры развивался длительное время на протяжении нескольких столетий. Вместе с развитием всего ансамбля менялся и облик его отдельных сооружений. Каждый памятник жил своей особенной жизнью, проходил свои периоды расцета и упадка.

Идея ансамбля и легла в основу генерального плана реставрации лавры 1938—1950 гг. Задачей ее было восстановление замечательных памятников русского зодчества не как отдельных изолированных сооружений, а как элементов единого архитектурного целого [4].

Реставратору требовалось найти в истории каждого памятника его художественный «оптимум» — момент наивысшего художественного расцвета. И этот «оптимум» не мог быть найден по механическому принципу «чем древнее, тем лучше». Ярким примером того, что оптимальная форма

[2] J. Raskin. Seven Lamps of Architecture, 1849.

[3] Анатоль Франс. Пьер Нозьер. Собр. соч. 3, М., 1960, стр. 637.

[4] Описание реставрационных работ по лаврскому ансамблю 1938—1950-х годов и основные принципы их проведения изложены в книге: И. В. Трофимов. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследования и реставрация. М., 1961.

не всегда является первоначальной, может служить лаврская колокольня. Вначале трехъярусная, она лишь с надстройкой двух верхних ярусов обрела стройность и легкость, сделавшие ее одним из драгоценнейших сооружений всего ансамбля.

Реставратору необходимо проявлять ту же чуткость, которая была свойственна самим создателям ансамбля Троице-Сергиевой лавры. Талантливейшие из них считались не с второстепенными постройками и антихудожественными наслоениями, а с тем лучшим и наиболее совершенным, что они умели видеть вокруг себя. Иными словами, реставрация — дело не только археолога, но и художника. Но не в одном интуитивном такте или чутье заключается решение вопроса. В основе всегда должен лежать художественный анализ целого и частей, раскрытие их внутренней логики. Реставратор не должен быть рабом случайности: реставрировать здесь деталь XVI в., а рядом деталь XVIII в. только потому, что случайно сохранились именно эти остатки, такая реставрация без связи с целым есть искажение памятника и его истории. Это одинаково справедливо в большом и в малом — в реставрации деталей одного памятника и в реставрации ведущих сооружений всего ансамбля.

Лишь насильственно, вопреки логике его развития, ансамбль может быть возвращен к определенному году или моменту своего прошлого. Нельзя «повернуть колесо истории вспять». Обязанность реставратора заключается в другом — сохранить все ценное, но не в виде бессвязного набора элементов, а в виде частей органического целого, т. е. по существу продолжить традиции древних мастеров, бережно хранивших основную идею ансамбля.

Иллюстрацией только что сказанного могут служить Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия. Они как бы повторяют основной принцип всего ансамбля: подобно ему, они были наделены способностью исторического развития, роста, сложились не сразу, а постепенно. Так, первый этаж южного крыла палат и церковь были построены в 1635—1637 гг., а северное крыло (кроме более древней крайней палаты) и вторые этажи относятся ко второй половине XVII в.[5]

Но эти разновременные элементы XVII в. составили настолько органический и цельный комплекс, что возвращение памятника к 1637 г. было бы неверным.

Задача реставратора заключалась здесь в удалении напластований, искажавших эту цельность и в сохранении всего, что не нарушает художественную гармонию произведения. И главное — памятник должен быть возвращен ансамблю, должен, как говорится, «вписаться в него».

С самого начала в реставрации 1938—1950-х годов был отвергнут принцип возвращения памятника к его первоначальному виду «во что бы то ни стало». Критерием в данном случае являлся не век и не год, взятые как таковые, а художественная логика произведения и художественная логика ансамбля.

Соглашаясь с высказыванием Джона Рёскина о необходимости неустанной заботы о памятниках старины, что в ряде случаев делает ненужным «хирургическое» вмешательство реставратора, нельзя в то же время принять его положение о том, что «мы не имеем права прикоснуться к ним» вообще; ибо переделки и пристройки позднейших времен очень часто являются не безобидными «приклейками» к зданию, они въедаются в его тело, угрожая нередко самому его существованию. Так, безграмотные перестройки XVIII—XIX вв. тех же Больничных палат довели их, в конце концов, до катастрофического состояния. Уже из чисто инженерных соображений с них надо было снять третий этаж XIX в., легший непосильной нагрузкой на древнюю конструктивную основу здания.

Охрана огромных оконных растесов в четверике и восьмерике церкви, сохранение позднейших, не только художественных, но и конструктив-

[5] И. В. Трофимов. Ук. соч., гл. VII.

ных уродств и нелепостей лишь ускорили бы гибель памятника в целом. Более того, для обеспечения статического равновесия восстанавливаемой конструктивной системы Больничных палат и церкви с западного, подвергшегося наибольшим перестройкам, фасада потребовалось возведение утраченных опорных частей здания, которые погасили бы распор восстановленных сводов. Нежелание следовать примерам XIX в. когда в подобных случаях устраивали тяжелые контрфорсы, часто являвшиеся, как известно, причиной дальнейших деформаций, выдвинуло проект архитектурной докомпоновки воссоздаваемых конструктивных систем. Он был осуществлен в натуре на западной паперти церкви и юго-западном крыльце палат XVII в. К началу реставрации от них полностью сохранились основания (планы), а также остатки сводов, срубленных в плоскость со стеной, что достаточно характеризовало их конструкцию и древние контуры. Претензии могут быть предъявлены лишь к чисто внешней стороне — к архитектурной трактовке деталей, но это уже претензии к художественному почерку реставратора.

Не только художественным, но и конструктивно-инженерным уродством являлись приделы Духовской церкви, к середине XIX в. окружившие ее с трех сторон — с севера, запада и юга. В 1938 г. при обследовании памятников лавры было обращено внимание на аварийное состояние этих приделов.

Выявилось очень неглубокое заложение их фундаментов (всего на 80 *см* ниже современного уровня прилегающей площади, являющейся, по сути дела, наросшим культурным слоем). Спешность постройки приделов и отсутствие при этом грамотного технического надзора привели к просадкам фундаментов, заложенных на насыпном грунте. Осели и стены приделов, потянувшие за собой заанкерные в древние стены церкви железные связи и затяжки, устроенные для уничтожения распора кирпичных сводов над приделами. Таким образом, оказалось, что с трех сторон к стенам церкви был подвязан железными связями груз, стремившийся изогнуть стены во внешнюю сторону. По северному фасаду памятника это еще усугубилось тем, что в 1832 г. для устройства отопительного калорифера из-под одной трети церкви был вообще удален древний фундамент, и белокаменный цоколь со всем грузом покоящихся на нем стен более ста лет висел над калориферной камерой.

Только исключительная прочность древних конструкций, толщина и монолитность стен церкви не привели при таких переделках к катастрофе. Такое напластование, угрожавшее устойчивости и дальнейшему существованию памятника, безусловно, не подлежало охране. Приделы были разобраны, а испорченные ими стены, порталы и резной белокаменный цоколь отреставрированы.

Так, художественно-архитектурные задачи реставрации смыкаются с конструктивно-инженерными требованиями. На протяжении всего периода 1938—1950 гг. конструктивно-инженерные требования и определяли основной, ведущий профиль реставрационных работ по памятникам лавры.

Большинство этих памятников вследствие безграмотного приспособления их под жилье (даже крепостных стен и башен), перенаселенности и отсутствия систематического ремонта находилось в аварийном состоянии. При таких условиях особенное значение имела очередность объектов, подлежащих реставрации. Решающим признаком для этого служило сочетание большой историко-художественной значимости памятника с аварийностью его технического состояния. Однако ведущее конструктивно-инженерное начало в определении профиля работ этого периода отнюдь не умаляло художественно-архитектурных задач реставрации, ибо в памятниках древней архитектуры оптимальная художественная форма всегда находилась в гармонии с конструктивной целесообразностью.

Решение инженерных вопросов только обогащало архитектурно-художественные достоинства реставрации. Иначе это не была бы научная

реставрация, а обычный, может быть очень сложный и капитальный, но всего лишь технический ремонт. Только острый недостаток необходимых строительных материалов и транспортных средств в послевоенные годы не позволил по некоторым памятникам выполнить в тот период всей суммы намеченных конструктивно целесообразных реставрационных работ, основных по существу, но неэффектных внешне, зачастую скрытых от глаз.

Какое же направление получили реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре после 1950 г. и почему они вызвали столь резкую критику Ученого совета музея в феврале 1969 г.?

Прежде всего, непонятны сами принципы этих работ. С одной стороны, наблюдается стремление вернуть отдельные памятники к их первоначальному виду. Однако не имея для этого в большинстве случаев обоснованных данных, подобное стремление не получает убедительного выражения в натуре. Так, были переделаны четырехскатные кровли на всех церквах и соборах лавры в позакомарные, хотя происхождение четырехскатных кровель на некоторых памятниках восходит к XVII в. или связано с такими капитальными изменениями верха (сводов и глав), как это имело место на Введенской церкви в середине XVIII в. Первоначальное сводчатое перекрытие здания (1547 г.), покоившееся на четырех несущих пилонах, заменил в 1740 г. новый сомкнутый свод (уже в силу своей конструкции имевший значительно бóльшую стрелу подъема) и декоративная глухая глава с чуждой памятнику декорировкой в виде узких пилястр, фальшивых широких окон и филенок. В результате памятник обрел отличный от первоначального, новый силуэт. И вот в 1969 г., сохраняя сомкнутый свод и главу XVIII в., с него снимают четырехскатную кровлю, разбирают межзакомарные закладки и надкладку абсид, т. е. значительно понижают этим высоту четверика и алтарной части, а позакомарное покрытие устраивают по лоткам сомкнутого свода. При четырехскатной кровле, выходившие на чердак лотки этого свода теперь обнажились и «некиим куполом» сели на коньки закомар. Чтобы выйти из положения, реставраторы подняли коньки закомар к основанию главы. Получилось нечто вроде сильно приплюснутого шатра с тонкой, высокой шеей главы, т. е. новый тип покрытия верха храма образца 1969 г.

Если рассматривать реставрацию отдельного памятника, даже изолированно от ансамбля, и только чисто с внешней стороны, откинув конструктивно-инженерную целесообразность, то после удаления позднейших наслоений памятник должен быть понятен. Понять же Введенскую церковь сейчас, после реставрации 1969 г., даже специалисту трудно: памятник не раскрыт, а «разрушен без остатка».

Увлечение восстановлением позакомарных покрытий и на других уникальных памятниках лавры поднимает вопрос — а выиграли ли они, хотя бы тот же Успенский собор, в чисто художественно-архитектурном отношении? Присоединяюсь к мнению многих — не только не выиграли, а сильно проиграли.

Серьезные переделки верха Успенского собора, связанные с устройством четырехскатной кровли (надложенная центральная глава, замена первоначальной шлемовидной формы куполов на луковичную, бóльшую по силуэту), значительно увеличили архитектурную массу верхнего строения храма, что художественно закономерно, так как столь же значительно увеличилась архитектурная масса четверика собора благодаря закладке межзакомарных промежутков и увеличению высоты четверика на высоту закомар. Изменения, внесенные в архитектуру собора при устройстве четырехскатного покрытия, делают честь зодчему — автору этих изменений. Переделывая покрытие в середине XVIII в., он принял меры к сохранению гармоничных отношений между нижним и верхним строением храма, к сохранению художественной выразительности, монументальности здания.

А реставраторы в 1969 г. сохранив поправки XVIII в. верху собора, четверик постарались вернуть к первоначальному облику, разобрав межзакомарные закладки. При этом не было учтено то обстоятельство, что при перестройках XVIII в. архивольты закомар утратили один, а может быть, и два верхних профиля. Поэтому при их больших выносах, соответствующих выносу перекрываемых ими могучих пилястр, они кажутся бутафорски картонными. Итак, на облегченную архитектурную массу четверика теперь уже давит измененная в XVIII в. архитектурная масса верха храма. Гармоничное соотношение между нижним и верхним строением собора утрачено, художественная выразительность памятника изменилась к худшему.

Казалось бы, лучше должно обстоять дело с реставрацией верха Духовской церкви. Здесь все было ясно — под четырехскатной кровлей сохранились необходимые для восстановления древние фрагменты; а рядом — живой пример системы перехода покрытия от четверика к основанию главы — Троицкий собор. Последний послужил в этой части здания несомненным прототипом при сооружении «другой» церкви Троицы, как названа она в Типографской летописи под 1476 г. Но именно этим-то примером реставраторы верха Духовской церкви и пренебрегли.

Если диагональные закомары Троицкого собора по своим размерам меньше других закомар его верха, то на Духовской церкви по непонятной причине реставраторы сделали их самыми большими. Эта произвольная гипертрофия, не говоря уже об уроне художественному впечатлению от верха памятника, идет вразрез с лучшими приемами русской монументальной архитектуры — убавления меры верхнего ряда в однотипных деталях. Непонятна также допущенная здесь разнотипность форм кровли — на средних (с каждого фасада) закомарах кровля идет к основанию главы без перепадов по высоте, а на угловых с уступом вниз. Таким образом, кровельные коньки средних закомар имеют в профиль прямую линию, а коньки угловых ломаную, ступенчатую. Почему?

Приведенные примеры говорят не только о несостоятельности идеи возврата каждого памятника к своему изначальному виду «во что бы то ни стало», без учета привнесенных временем изменений; но свидетельствуют также о полном пренебрежении к конструктивным и художественным особенностям этих памятников.

Наряду со стремлением к «древности» в эти же годы восстанавливаются такие сооружения, как упоминавшаяся уже сень XIX в. на лаврской площади и новомодная стеклянная галерея над зубцами южной крепостной стены между Водяной и Луковой башнями; покрываются золотом купола Введенской, Пятницкой и Зосимовской церквей, никогда не имевших позолоты.

Отсутствием принципиальных установок отличается и доложенная на Ученом совете «Программа».

Прежде всего, эта «Программа ремонтно-реставрационных работ...» не соответствует своему названию, так как является, по существу, перечнем строительства *новых* сооружений, для возведения которых нет никакой конструктивной необходимости, и в большинстве случаев полностью отсутствуют документальные данные, позволяющие считать эти работы научной реставрацией.

Например, проектируется *уничтожение* башни «Святых ворот» — постройки начала XIX в. (главный вход в лавру) — и возведение на ее месте новой башни — заведомой подделки «под семнадцатый век» [6]; сооружение четырех глав на Надвратной церкви; крылец по южному фасаду «Чертогов»; деревянных верхов (с изменением их силуэта на

[6] Об отсутствии принципиальности в реставрационных решениях этих лет свидетельствуют представленные в 1959 г. автором данного проекта В. И. Балдиным четыре различных варианта его, два из которых были выполнены в духе XVIII в., не с шатровыми, а с полусферическими верхами.

всех крепостных башнях, устройство многочисленных деревянных лестниц жилых монастырских корпусов и деревянных же переходов между ними) [7].

«Программа» говорит о «восстановлении древнего облика лавры» и, одновременно, предлагает устроить земляные, далеко не древние — эпохи Петра Первого — бастионы.

Вдоль восточной крепостной стены намечено вырыть ров и перекинуть через него мост. Какой? Древний подъемный или позднейший? «Программа» ничего не говорит на этот счет, что и понятно, так как никаких документальных данных о мосте не сохранилось. Постройка его будет никому не нужной подделкой под старину. Что же касается рва, то еще в 1823—1836 гг. он был засыпан, так как стал «отхожим местом для богомольцев», а в наши дни несомненно станет мусоросборником.

Цветовое решение ансамбля, предложенное «Программой», также вызывает серьезные возражения. Лаврский ансамбль, сложившийся окончательно к концу XVIII в. (с постройкой колокольни), не раз менял окраску отдельных своих строений, но никогда не терял любимой в древнерусской архитектуре полихромности, особенно характерной для Троице-Сергиевой лавры.

Предложеннное «Программой» и уже начатое «замазывание зубным порошком» зданий и башен лавры вызывает недоумение и протест людей, знающих и любящих этот неповторимый по своей живописности архитектурный ансамбль.

Антихудожественна и необоснованна, например, нелепая окраска Утичей башни: нижняя половина белая, верх — красно-белый. Каличья башня (на которую имеется авторский проект XVIII в. с расколеровкой) раскрашена минувшим летом, как деревянная «матрешка» — еще более безвкусно и нелепо (даже черепица окрашена масляной краской!).

Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия, типичные красно-белые здания XVII в., летом 1969 г. полностью забелены и много потеряли в своей художественной выразительности.

Зато, по-видимому, из желания придать бóльшую выразительность памятнику, предусматривается обработка в ордерные капители белокаменных блоков, венчающих пилястры Смоленской церкви, простоявших два с лишком столетия так, как их оставили строители в 1740-е годы.

Проведенные после 1950 г. и намеченные «Программой» дальнейшие работы по памятникам лавры поражают полным отсутствием чувства ансамбля, пренебрежением к его историческому развитию, сочетанием произвольных «композиций» из разрозненных элементов различных эпох, которые рассчитаны на чисто внешнее воздействие на неподготовленного туриста.

Проектируя постройку новых сооружений, «Программа» ни одним словом не упоминает о ряде инженерных проблем, связанных с обеспечением устойчивости и сохранности древних зданий.

Так, под угрозой перехода в аварийное состояние находится Успенский собор, его центральная глава. Впервые устойчивость его конструкций была нарушена в 1881 г., когда под собором устроили крипту. До сих пор под центральной главой внутри собора видны следы противоаварийных работ, вызванных этим устройством. Переделка в 1969 г. четырехскатной кровли собора на позакомарную привела к значительному снижению нагрузки по всему периметру наружных стен, к перераспределению нагрузок на конструкции древнего сооружения и к увеличению нагрузки на

[7] Вызывает тревогу то, что многие из этих новоделов — деревянные верха башен, деревянные кровли на всех стенах, вместо существующих железных, деревянные лестницы и переходы — могут оказаться опасным горючим материалом, огромным костром в центре нового промышленного города, в непосредственной близости с коллекциями искусства мирового значения, хранящимися в Загорском музее.

центральную подкупольную часть здания, и без того уже однажды потревоженную.

Конструкция Водяной башни — явно в аварийном состоянии. Существует эскизный проект ее реставрации, составленный в 1940-х годах профессором П. В. Щусевым. «Программа» о Водяной башне и ее плачевном состоянии не упоминает вообще.

Троицкий собор и Духовская церковь катастрофически сыреют. Их северные стены весной и осенью покрываются плесенью; внутри гибнут фрески. Сырость сказывается уже и на ценнейших иконах иконостаса работы Рублева. Все это — результат сплошного замощения территории вокруг зданий белокаменной стеновой плитой, нарушившего естественный воздухообмен и испарение грунтовой влаги.

Следует отметить, что лавра никогда не знала такого замощения белокаменной плитой, что и сохранило древние соборы от сырости. На шестом столетии своего существования они подвергаются опасности разрушения в силу непродуманных, неквалифицированных, «волевых» решений [8].

Лавра имеет сложное подземное хозяйство — возникшие в разное время коммуникации так называемой арочной канализации. Они значительных сечений, местами обветшали; возможны обрушения с неминуемыми деформациями поверхности территории лавры и периметра вокруг крепостных стен. Вместо изучения этого подземного хозяйства и составления комплексного совмещенного проекта новых инженерных сетей водопровода, канализации, отопления, электросетей, как для освещения, так и силовых, для приточно-вытяжной вентиляции (а в некоторых, особо ценных помещениях, и кондиционирования воздуха) проектируется дальнейшее бездумное замощение всей территории белым камнем, с полным игнорированием последствий этого новодела, уже гибельно сказывающегося на Троицком соборе и Духовской церкви и ставшего серьезным барьером для осуществления работ по коммуникациям.

В «Программе» отсутствует проект вертикальной планировки всей внутренней и прилегающей к стенам лавры территории. Здесь необходим единый проект, а не локальные планировочные работы у отдельных сооружений. Этот проект должен быть увязан с комплексным проектом инженерных сетей, должен быть составной частью проектов архитектурной реставрации памятников лавры, подчиненным единому реставрационному плану и графику выполнения.

В Загорском музее хранится эскизный проект планировки территории лавры, составленный в свое время тем же профессором П. В. Щусевым. Составители «Программы» знают, несомненно, о данном проекте, но игнорируют его, полагаясь, очевидно, на собственную эрудицию, к сожалению, как показывают факты, явно недостаточную.

Создается впечатление, что архитекторов, работающих в настоящее время в лавре, совершенно не заботит сохранность ее памятников. Недаром ради исследований, необходимых для создания «штабелей» проектной документации, большая часть которой не нужна при производстве работ, оставляли на долгое время незакрытыми зондажи и шурфы. Такие вырытые еще в 1950-х годах шурфы сохранились до сих пор у подошвы западной крепостной стены.

«Выдумываются» эффектные и дорогостоящие работы, благо имеется богатый заказчик. Этим заказчиком (Московской патриархией) прикрываются обычно реставраторы, стремясь уйти от ответственности в наиболее вопиющих случаях.

Известно, что для духовенства, как прежде, так и теперь, главным было «благолепие» и «благоукрашение» храмов. Но ведь на то и существу-

[8] О вредности для памятников лавры сплошного замощения этой плитой указывалось много раз. (См., напр., заключение Комиссии Министерства культуры РСФСР от 8.IX.69 г.).

ют в Советском государстве органы охраны памятников и обученные специалисты-архитекторы, чтобы поставить дело восстановления известного всему миру архитектурного комплекса Троице-Сергиевой лавры на научную основу.

Основным автором реставрационных проектов и работ в лавре после 1950 г., как и «Программы» их дальнейшего осуществления, является архитектор В. И. Балдин. Примечательно, что в своих литературных трудах он проповедует, по существу, те же принципы реставрации, которые проводились в работах по лаврскому ансамблю в 1938—1950 гг.— принципы, резко расходящиеся с действительной практикой его работ [9].

В юбилейный ленинский год особенно больно говорить о порче уникального русского архитектурного ансамбля, декрет об охране которого был подписан рукой Владимира Ильича.

Для ликвидации ненормального положения в Загорском музее-заповеднике следует незамедлительно восстановить юридические права Государственного музея, присвоенные ему Ленинским декретом и постановлением Правительства от 1940 г. Ученому совету музея должны быть возвращены права контроля и veto в отношении всех реставрационно-восстановительных и ремонтных работах на территории заповедника, что устранит практикуемые ныне волевые решения отдельных должностных лиц из органов охраны памятников. К обсуждению перспективных планов реставрационных работ должно быть привлечено широкое общественное мнение. Авторитет самого Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника необходимо укрепить переводом его в первую категорию и восстановлением его подчиненности Министерству культуры СССР.

L. V. Trofimov

SUR LES PRINCIPES DE LA RESTAURATION DES MONUMENTS DU MONASTÈRE DE TROITZKO-SERGUIYEVSK

Résumé

L'article traite des questions portant sur les principes de la restauration et sur la nécessité d'augmenter la surveillance des travaux concernant l'ensemble architectural unique en son genre du monastére de Troitzko-Serguiyevsk, muséeréserve d'Etat à Zagorsk. En vertu de l'arrété du Gouvernement Soviétique, les travaux de restauration ont été commencés en 1938 aux frais de l'Etat. Jusqu'à 1951, ils ont été effectués à partir des principes uniques sous le contrôle du conseil scientifique du Musée de Zagorsk. Depuis 1951, les travaux de restauration se font pour l'essentiel sur commandes de la Patriarchie de Moscou et à ses frais. Les collaborateurs du Musée de Zagorsk et son conseil scientifique sont soustraits à tout contrôle. Les travaux de restauration sont effectués sans observation des principes uniques. l'état technique de certains monuments et l'aspect artistique de cet ancien ensemble architectural sont endommagés par suite de travaux mal conçus, effectués sans qu'il soit tenu compte du caractére rationnel de construction, et aussi du manque de connaissances spéciales techniques. Tout en analysant les fausses solutions prises pour la restauration de l'ensemble en question l'auteur donne plusieurs propositions pratiques.

---

[9] См., например, главу «Архитектура» в книге — «Троице-Сергиева лавра». Художественные памятники, М., 1968.

Публикации

В. И. МАРКОВИН

СКЛЕПЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛ. ЭГИКАЛ В ИНГУШЕТИИ

В кавказской археологии до сих пор совершенно слабо изучены два вопроса: связь дольменов эпохи бронзы со средневековыми гробницами и время возникновения первых склеповых сооружений. Оба вопроса так тесно переплетены, что отделить один от другого почти невозможно.

Е. Д. Фелицын, один из первых обративший серьезное внимание на памятники Прикубанья, считал невозможным связывать дольмены и средневековые склепы. Он писал: «Все сходство между ними ограничивается только отверстиями в передней стене, тогда как в самой форме, размерах и способе сооружения замечается настолько существенное различие, что отождествлять эти два разнородные вида памятников древности решительно невозможно» [1]. Однако В. А. Кузнецов, исследуя средневековые склепы в тех же районах, в которых проводил свои работы Е. Д. Фелицын (бассейны рек Кривой, Индыш, Кяфар на юге Ставрополья), отмечает их сходство с дольменами. По его наблюдениям, каменные блоки этих гробниц снабжены, как и дольмены, не только отверстиями — лазами, но и пазами, каменными цоколями, а возле двух склепов были даже найдены каменные пробки, некогда закрывавшие входные отверстия. В. А. Кузнецов называет описанные им сооружения «дольменообразными гробницами», датирует их от VIII по XII вв. и связывает с носителями западного варианта аланской культуры [2]. Совсем недавно Е. П. Алексеева исследовала склеп в ауле Коба-Баши (Карачаево-Черкесия), относящийся к позднему этапу меотской культуры — III—IV вв. По ее мнению, данный подземный памятник, близкий средневековым дольменообразным гробницам, «является как бы связующим звеном между древнейшими памятниками адыгов» и памятниками средневековья [3]. Таким образом, по наблюдениям В. А. Кузнецова и Е. П. Алексеевой, дольмены эпохи бронзы не исчезали бесследно, они, видоизменяясь, доживают до средневековья в виде гробниц. Однако интересен тот факт, что непосредственно в районах, изобилующих дольменами (Абхазия, Причерноморье, Адыгея, отдельные районы Прикубанья), дольменообразные гробницы не встречаются. Это подмечено А. П. Смирновым. На основе такого наблюдения он считает, «что дольмены существовали до весьма позднего времени, во всяком случае и в первые века н.э.», а упоминавшиеся выше гробницы рассматривает как типологически близкие им и в пределенной степени одновременные сооружения [4]. Таким образом,

[1] Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, стр. 84, табл. XIII, *25, 26*.

[2] В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году. «Материалы по изучению Ставропольского края», 6. Ставрополь, 1954, стр. 346, 347; его же. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, 76, 1959, стр. 83 сл.; его же. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 52—56.

[3] Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. Карачаево-Черкесского НИИИЯЛ, V, сер. истор. Ставрополь, 1966, стр. 143—158, 175, 178—181.

[4] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Уч. зап. КНИИ, IV. Нальчик, 1948, стр. 66, 67.

единства взглядов на происхождение средневековых склепов нет. Напомню, что до сих пор речь шла о памятниках Западного Кавказа. Однако существует иное мнение, по которому на дольменных — мегалитических сооружениях можно проследить и «зафиксировать, как постепенно огромные плиты уступали место плитам все меньших размеров». Такая эволюция длилась «много тысячелетий» вплоть до нашего времени и привела к появлению склеповых сооружений Чечено-Ингушетии и Хевсуретии. Автор этой теории В. Н. Худадов считает, что упомянутые поздние

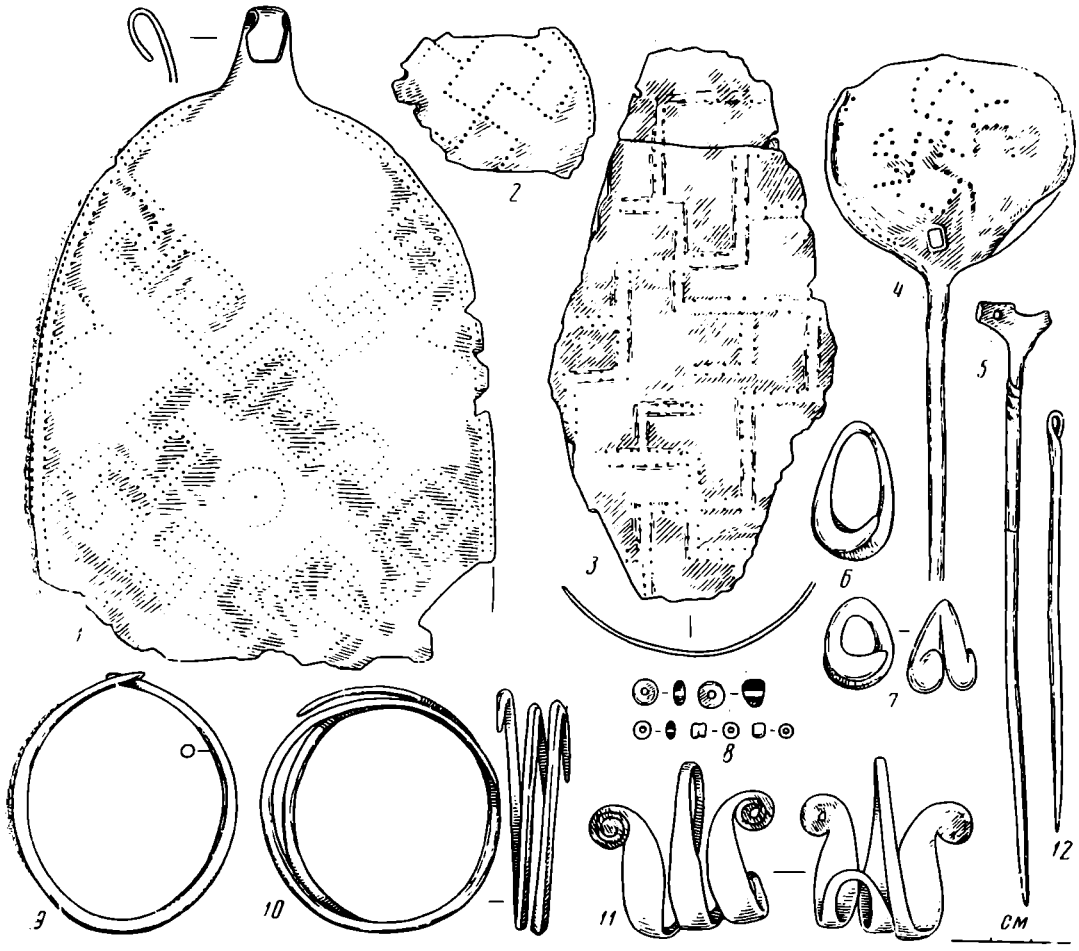


Рис. 1. Различные предметы из склепов сел. Эгикал

1, 3 — бляхи с пунсонным орнаментом. Находка М. Х. Ошаева (из разрушенного склепа); *2* — обломок подобной бляхи; *4, 5* — булавки; *6, 7, 11* — височные подвески; *8* — пастовые бусы; *9, 10* — браслеты; *12* — швейная игла; *2, 4—12* — предметы из склепа № 2; *1—7, 9—12* — бронза; *8* — стеклянная паста различных оттенков

склепы «являются непосредственным продолжением склеповых сооружений, находящихся на хребте, окаймляющем ущелье р. Кяфар, и в ущелье р. Индыш» [5], т. е. эволюция дольменов Западного Кавказа через дольменообразные гробницы приводит к появлению надземных склепов на территории Восточного Кавказа [6].

Совершенно иной точки зрения придерживается Л. Г. Нечаева. По ее мнению, подобные склепы, широко распространенные в Сев. Осетии и Чечено-Ингушетии, ничего общего не имеют с дольменами. Они связаны с катакомбами алан и являются «теми же катакомбами, только выполненными в камне», архитектура надземных склепов идентична устройству катакомб и первые из них — «подземные склепы появляются в горах поч-

[5] В. Н. Худадов. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, 1937, 1, стр. 197, 198.

[6] В. Н. Худадов почему-то не упоминает аналогичные склепы Северной Осетии.

ти одновременно с катакомбами»[7]. В. А. Кузнецов полностью отвергает построение Л. Г. Нечаевой и, основываясь в основном на трудах Л. П. Семенова[8], создает довольно стройную картину последовательного сложения различных типов склеповых построек. Он пишет: «Сначала это были подземные и полуподземные склепы, затем наземные осетинские «западзы» и «обаи», ингушские и чеченские «каши», кабардинские и балкарские «кешене», получившие распространение по всему горному Северному Кавказу и бытовавшие до XIX в.[9]». Так, совершенно справедливо были отделе-

Рис. 2. Эгикал. Полуподземный склеп № 1. Эпоха бронзы

ны дольмены и гробницы Западного Кавказа от памятников остальной его части. И однако, до последнего времени оставался открытым самый интересный вопрос: когда же появились первые прототипы грандиозных склеповых построек, так гармонично слившихся с ландшафтом горной части Кавказа?

Новейшие археологические исследования в горной Ингушетии позволили уточнить время и пути появления склеповых построек на Кавказе.

* * *

В 1966 г. во время разведок в районе сел. Эгикал был обнаружен склеповый могильник эпохи бронзы. Он находится у въезда в аул, рядом с тропой, ведущей к сел. Нижнее Хули. Здесь, справа от дороги, в крутом спаде горы к реке, М. Х. Ошаев нашел среди камней древнюю керамику, украшенную налепами, и предметы из бронзы.

1. Слегка выгнутая полуовальная бляха, снабженная крючком (16,5 × 11,5 *см*). Покрыта точечным пунсонным (выбитым) узором в виде меандровых полос, образующих ромб с кружком в центре (рис. 1, *1*).

2. Обломок подобной бляхи, покрытый точечным пунсонным узором в виде прямоугольных зигзагов (рис. 1, *3*).

---

[7] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дис. Л., 1956, стр. 18. С таким же правом можно было выводить архитектуру надземных склепов, исходя из устройства катакомб эпохи бронзы. (Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 24, М., 1955, стр. 140—143; В. А. Фисенко. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока. Археологический сборник. Саратов, 1966, стр. 64—66).

[8] Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии. Изв. Северо-Осетинского НИИ, XII, Дзауджикау, стр. 51 сл.; его же. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1952, стр. 25; его же. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.

[9] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 107, 108.

В дальнейшем в срезе склона обнаружены два полуподземных склепа, принятые первоначально за средневековые (рис. 2)[10].

Склеп 1 сложен насухо из 14 рядов сланцевого плитняка, сверху перекрыт обломком скалы серого песчаника (2,35 × 1,45 *м* при толщине в 0,35—0,25 *м*). Второй монолит перекрытия уходит в склон. Южная часть склепа выступает наружу. Ширина ее 1,96 *м*. В этой стене сразу же под перекрытием устроен входной проем — лаз, ведущий в склеп. Он имеет квадратную форму (0,48 × 0,48 *м*). Камера склепа вытянута с севера на юг, северо-западный угол ее немного скошен и в плане образует не совсем правильный прямоугольник (1,52 × 1,24 *м*), толщина стен: фасада —0,32 *м*, боковых — 0,50—0,40 *м*. Высота камеры 1,40 *м* (рис. 3). Камера склепа была заполнена глинистой почвой, образовавшей над полом слой в 0,35 *см*. При расчистке обнаружены керамика и останки пяти человек, лежавшие на дне склепа — плотном глинистом материке с галькой. В центральной части находились обломки черепа I и кости рук и ног (бедренные, берцовые, плечевые). За ними у восточной стены обнаружен череп II. Возле него найдена кость лошади. У юго-западного угла склепа расчищены кости левой руки, сильно согнутые в локте, череп III (глазницами обращен на Восток, лежал на правом виске) и челюсть барана. Вдоль почти всей восточной стены, начиная от юго-восточного угла, лежал целый скорченный костяк человека (череп его обозначен на чертеже цифрой IV). Он лежал на левом боку, головой к югу, левая рука, согнутая в локте, была обращена к лицу, правая отброшена вперед, ноги поджаты. Под плечевым отделом этого костяка найдены обломки черепа V. В центральной части склепа собраны обломки женского таза, плечевая кость и нижняя челюсть. Напротив входа, у северной стены расчищены два сосуда. Между ними находилась каменная плита, подобная плита имелась также и у южной стены, под лазом.

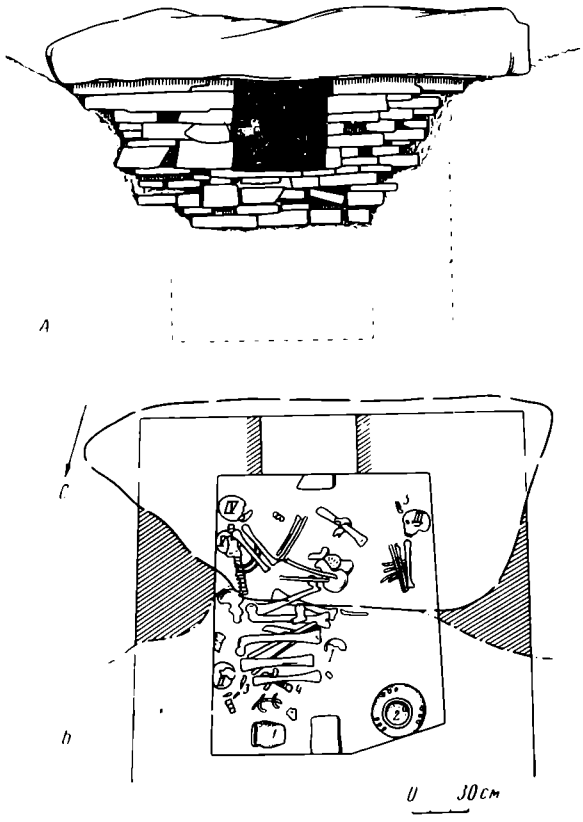


Рис. 3. Эгикал. Склеп № 1

А — фасад; *Б* — план (*I*—*V* — черепа; *1*, *2* — сосуды; *3*, *4* — кости лошади; *5* — челюсть овцы)

Керамика, обнаруженная в склепе:

1. Горшок высотой 18,3 *см* с четко выделенным дном, округлым туловом, суженной шейкой и ровным обрезом устья. Сохранился полулунный налеп с тремя вмятинами (вероятно, имелось четыре налепа; высота 18,3 *см*) (рис. 4, *1*). Поверхность сосуда красная, бугристая, но гладкая. Глина содержит шамот.

2. Обломки сосуда с диаметром дна около 5,5—6 *см*. Найдены в заполнении камеры.

3. Крупный сосуд — котел. Дно широкое, бока выпуклые, шейка сужена, с ровным обрезом устья. По плечикам украшен параллельными желобками и выпуклым тяжем, опоясывающим переход к тулову. От тяжа

[10] В расчистке склепов принимали участие С. Ц. Умаров и Х. П. Ментуев.

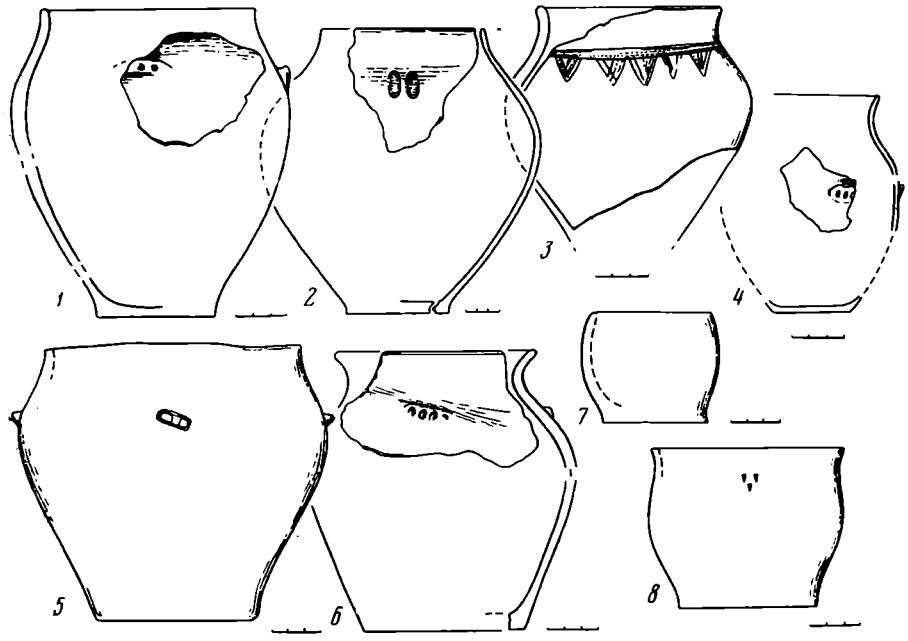


Рис. 4. Эгикал. Сосуды из склепов

1 — из склепа № 1; *2—8* — из склепа № 2 (*1—6* — сосуды второго типа; *7, 8* — сосуды четвертого типа)

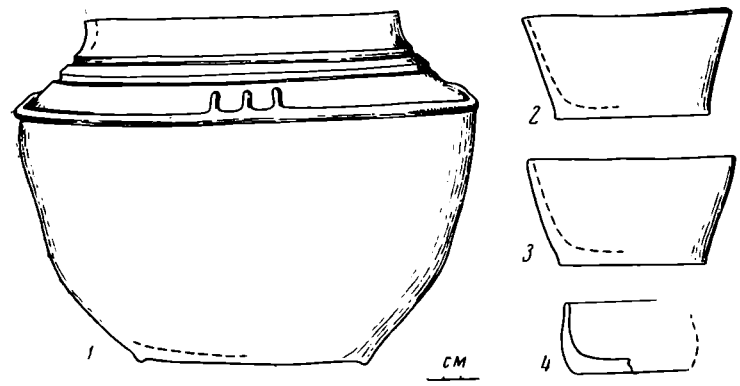


Рис. 5. Эгикал. Сосуды из склепов

1 — из склепа № 1; *2—4* — из склепа № 2 (*1* — сосуд первого типа; *2—4* — сосуды пятого типа)

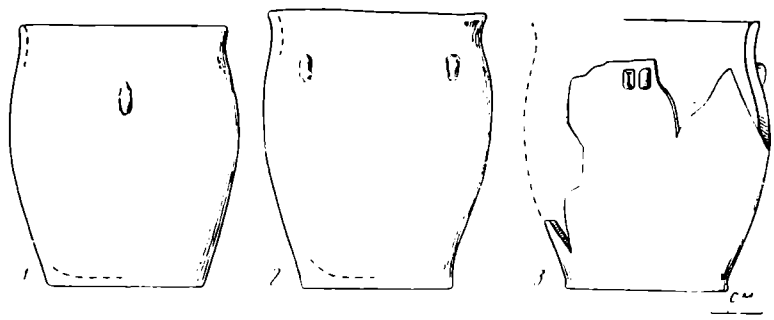


Рис. 6. Эгикал. Сосуды третьего типа из склепов

1 — из склепа № 1; *2, 3* — из склепа № 2

трижды отходят строенные короткие налепы; высота 20,4 *см* (рис. 5, *1*). Поверхность красная, гладкая, в тесте шамот. Стоял в северо-западном углу склепа.

4. Сосуд баночной формы со слегка отогнутым устьем. Украшен горизонтальными налепами; высота 15,4 *см* (рис. 6, *1*). Поверхность сосуда была обмазана жидкой глиной и заглажена. Глина черная, содержит частицы сланца.

Склеп 2 сложен из плит темного сланцеватого песчаника и кусков мергеля (рис. 7). Кладка без определенной системы, насухо. Передняя часть его перекрыта плитой — обломком скалы светлого песчаника (2 × × 1,20 × 0,20—0,18 *см*). Сооружение ориентировано с юга на север. Кладка южной стены (фасада) несколько нарушена (ширина ее 1,80 *м*); в ней под плитой перекрытия устроен лаз (0,80 × 0,70 *м*). Толщина кладки различна: боковых стен 0,35 *м*, передней стены 0,15 *м*. Внутренние размеры камеры: 1,80 × × 1,11 *м* при высоте в 1,75 *м*. Склеп был заполнен упавшими плитами и рыхлым суглинком, проникшим в щели кладки. После расчистки удалось установить, что вдоль северной (узкой) стены и вдоль восточной (широкой) стены проходила Г-образная полка, сделанная из обломка песчанистого плитняка. Узкая часть полки (на чертеже обозначена буквой *а*; рис. 7) в северо-западном углу склепа опиралась на упор — плиту *б* правильной формы, врытую в пол камеры (внешние размеры 0,76 × 0,30 × 0,06 *м*). В северо-восточном углу эта часть полки покоилась на камне *в* (0,18 × × 0,17 × 0,05 *м*), выступавшем из стены на высоте 0,76 *м* от пола. Плита полки, обнаруженная в наклонном положении, точно соответствовала ширине склепа (размеры плиты 1,10 × ×0,50 × 0,05 *м*). Другая часть полки *е*, проходившая вдоль восточной стены, упала и была найдена близ лаза. Длина ее 1,60 *м*, ширина 0,46 *м*, толщина 0,04 *м*. Данная плита также опиралась на два упора и сланцевый выступ *ж* (расположены в юго-восточном углу, на высоте 0,75 *м* от пола). Первый упор *г* представляет собой брусок песчаника прямоугольного сечения, врытый возле плиты *а* (внешние его размеры 0,76 × × 0,12 × 0,08 *м*). Второй песчаниковый упор *д* обнаружен близ лаза (замерен целиком: 0,91 × 0,09 × 0,04 *м*). Можно думать, что огромная плита *е* могла опираться не только на выступ *ж*, но и на камень *в*, находящийся в северо-восточном углу склепа (рис. 8). В этой части гробницы имеется еще один выступающий камень, который образует подобие ниши.

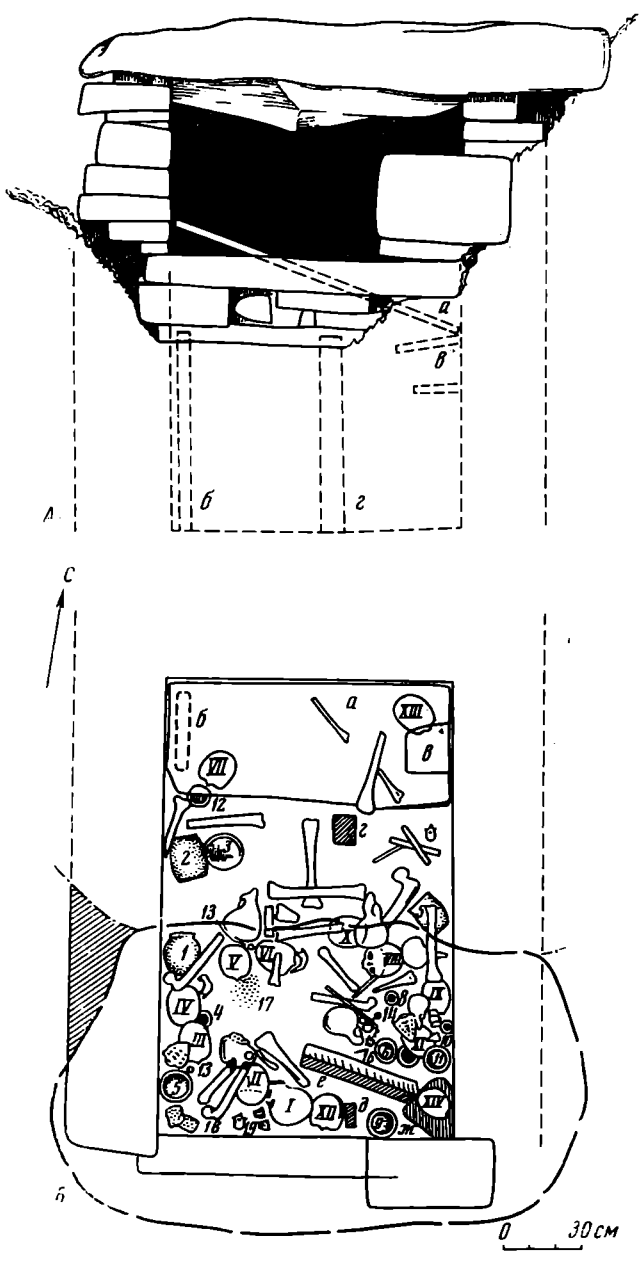


Рис. 7. Эгикал. Склеп № 2

А — фасад; *Б* — план. Условные обозначения: *а*, *е* — каменные плиты полок; *б*, *г*, *д* — каменные упоры; *в*, *ж* — каменные выступы; *I*—*XIV* — черепа; *1*—*12* — сосуды; *13* — подвески; *14* — булавка; *15* — браслеты; *16* — игла; *17* — бусы; *18*, *19* — обломки сосудов

В результате расчистки склепа обнаружены останки 14 человек и большое количество находок; лишь в центральной части камеры (близ упора *г*) обнаружены следы грабительской ямы и вещи здесь не встречались.

Максимальная толщина глинистого слоя с предметами достигает 0,80 *м* (юго-восточный угол склепа). Несомненно, все вещевые находки некогда принадлежали определенным покойникам, а в дальнейшем, в результате медленного сползания длинной полки *е* с упоров, костяки и предметы переместились. Тогда же приподнялась и узкая плита *а*, расположенная вдоль северной стены. Очевидно и то, что склеп заполнялся постепенно, при очередных похоронах часть костей сбрасывали на пол, расчищая место для нового захоронения. В этом склепе ни одного целого костяка нами найдено не было, предметы приходилось фиксировать, приурочивая их к отдельным черепам, находившихся в самых различных положениях. Ниже дано описание находок [11].

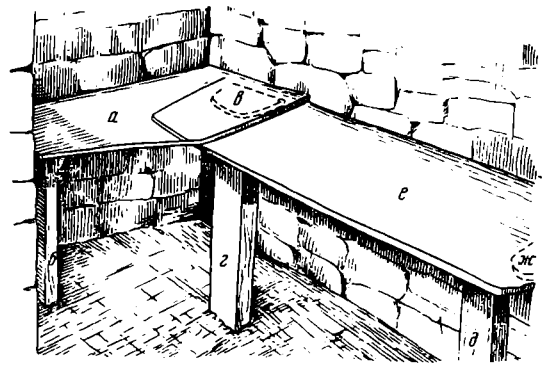


Рис. 8. Эгикал. Каменные полки в склепе № 12 (реконструкция; буквенные обозначения соответствуют рис. 7)

1. Сосуд № 1 найден у черепа IV, на полу склепа. Форма баночная, венчик отогнут. Украшен небольшими горизонтальными налепами (повторяются 4 раза); высота 16,4 *см*. Поверхность темная, гладкая (рис. 6, *2*).

2. Сосуд № 2 находился возле черепа VII на полу склепа. Это горшок со слегка выпуклыми боками, украшенный по тулову сдвоенными налепами; высота 16 *см*. Поверхность серая, гладкая (рис. 6, *3*).

3. Сосуд № 3 (возле черепа VII) — приземистый горшок с выпуклыми боками и прямой шейкой. Украшен по плечикам углубленными лунками; высота 25,6 *см*. Поверхность черная, гладкая, в тесте много сланцевых частиц (рис. 4, *2*).

4. Сосуд № 4 (найден около черепов III, IV, на высоте 0,20 *м*) — небольшой горшочек с выпуклыми боками. По плечикам орнамент, нанесенный углубленной линией и мелким зубчатым штампом: треугольные фестоны, спускающиеся от линейного пояска вниз; высота 14—15 *см*. Поверхность черная, лощеная (рис. 4, *3*).

5. Сосуд № 5 (из юго-западного угла склепа на высоте 0,20 *м*) — горшок, напоминающий по форме чугунок: у него устойчивое дно, прямо обрезанное устье. Украшен четыре раза повторяющимися сдвоенными налепами. Высота 16,7 *см*. Поверхность серая, довольно гладкая (рис. 4, *5*).

6. Сосуд № 6 (найден близ черепа XI на полу склепа) — низкая коническая чашка; высота 6,2 *см*. Поверхность бугристая (рис. 5, *2*).

7. Сосуд № 7 (найден близ черепа XI на дне склепа) — низкая коническая чашка; высота 6,4 *см*. Поверхность черная, бугристая, глина сланцеватая (рис. 5, *3*).

8. Сосуд № 8 (найден близ черепа IX на дне склепа) — миниатюрный горшочек с четко выделенным дном; высота 6,6 *см*. Поверхность серая, бугристая. Глина отслаивается (рис. 4, *7*).

9. Сосуд № 9 (найден близ упора *д*, на высоте 0,75 *м*) — горшок с утолщенным дном и резко отвернутым венчиком. По плечикам украшен четырьмя небольшими налепами с тремя-четырьмя вмятинами на них; высота около 16,5 *см*. Поверхность черная, гладкая; глиняное тесто комковатое (рис. 4, *6*).

10. Сосуд № 10 (найден между черепами IX и XI, на дне склепа) —

[11] Описание предметов дается в порядке их обнаружения. Высоты замерялись от дна склепа. Склеп расчищался в разных участках, так как кладка и перекрытие могли обрушиться. Возле черепов II, VI, VIII, X, XII—XIV инвентарь не обнаружен. Эти черепа находились: II — на высоте 0,50—0,40 *м*; VI — на высоте 0,30 *м*; X — на дне склепа; XII — на высоте 0,20 *м*; XIII — на полке *а* в северо-восточном углу; XIV — на каменном выступе *ж* в юго-восточном углу (рис. 7).

низкая плошка с сильно утолщенным дном; высота 4,2 *см*. Поверхность неровная, красная (рис. 5, *4*).

11. Сосуд № 11 (найден над черепом XI, на высоте 0,20 *м*) — горшок с плавно отвернутым венчиком; орнаментирован небольшими налепами с вмятинами (налепы повторялись четыре раза); высота 13 *см*. Поверхность гладкая, черно-красная. В тесте сланец и частицы камня (рис. 4, *4*).

12. Сосуд № 12 (найден близ черепа VII, на дне склепа) — баночной формы с четко выделенным дном. Близ устья четыре раза повторяются

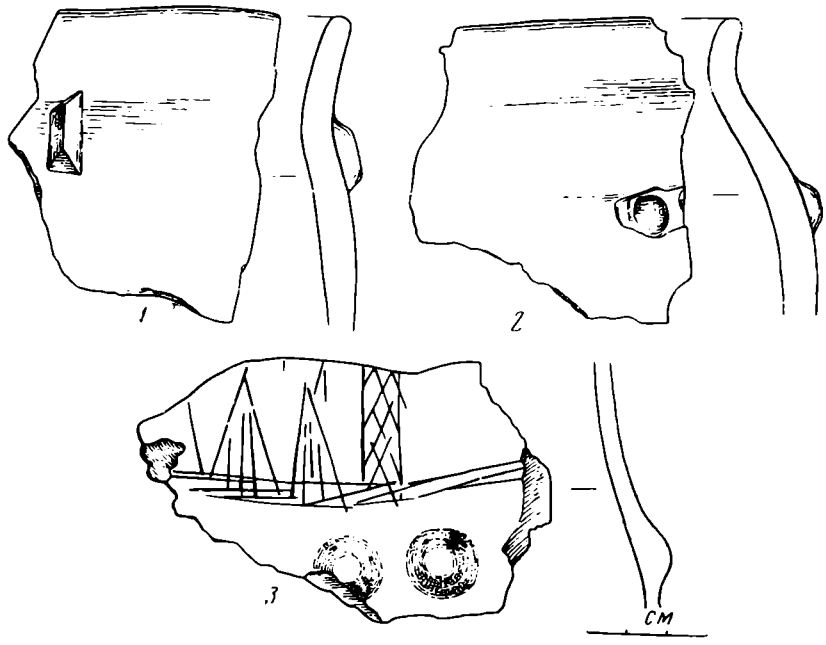


Рис. 9. Эгикал. Керамика из склепа № 2

строенные углубления нанесенные треугольным штампом (вершинами вниз). Обрез устья неровный (11,8 × 11,4 *см*); высота 9,4 *см*. Поверхность черная, лощеная (рис. 4, 8).

13. Керамика, найденная в юго-западном углу склепа (на высоте 0,30—0,50 *м*), представляет собой обломки двух сосудов: а) венчик сосуда баночного типа; украшен ребристым горизонтальным налепом. Диаметр устья 13 *см* (рис. 9, *1*); б) венчик горшка с округлыми боками; украшен небольшим вертикальным налепом с двумя вмятинами. Диаметр устья 11 *см* (рис. 9, *2*).

14. Обломки сосуда с черной, лощеной поверхностью, найденные близ черепа I (на высоте 0,50 *м*). Орнамент в виде зубцов и прямоугольника с косыми штрихами. На одном из обломков две круглые выпуклости (рис. 9, *3*).

15. Булавка с дисковидным навершием, покрытым пунсонным свастическим узором. Диск изогнут по отношению к игле. У основания диска — отверстие (диаметр диска 6 *см*). Игла обломана (рис. 1, *4*). Найдена близ черепа XI, на дне склепа [12].

16. Браслет, свернутый из прута круглого сечения. Концы его слегка утоньшены и заходят друг за друга. Размеры 6,5 × 5,6 *см* (рис. 1, *9*).

17. Браслет круглый, свернут из прута полукруглого сечения в 2,5 витка. Концы браслета приострены и обращены в разные стороны. Диаметр 6,2 *см* (рис. 1, *10*). Оба браслета найдены возле черепа XI, на дне склепа.

18. Игла бронзовая, с ушком. Длина 10,5 *см* (рис. 1, *12*). Найдена близ черепа XI, на дне склепа.

[12] В кратком отчете о Северокавказской экспедиции (сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967, стр. 58) эта булавка изображена до очистки от коррозии. Чистка металла производилась Н. М. Немноновой.

19. Массивные бронзовые височные подвески, свернутые в полтора оборота. Они однотипны, овальной формы, отличаются друг от друга величиной (от 2,1 × 1,5 до 3,6 × 2,1 *см*) и степенью округлости. Целых экземпляров — четыре (рис. 1, *6*, *7*), обломки от трех-четырех подвесок. Найдены близ черепа XI, на дне склепа.

20. Фигурная височная подвеска, концы которой завершаются спиральками. Свернута из тонкого листка металла (4,7 × 4,6 *см*, рис. 1, *11*). Найдена близ черепа III, на высоте 0,30 *м*. Обломок подобной подвески найден в засыпке.

21. Обломок булавки с неопределенным навершием, слегка перевитой в верхней части (длина 14,8 *см*, рис. 1, *5*). Найден в засыпке.

22. Бусы и бисер из стеклянной пасты, 312 шт. Бусы уплощенно-круглые, довольно крупные (диаметр 0,8; 0,6 *см*), бисер-цилиндрической формы (встречаются сдвоенные экземпляры). Преобладают тона голубые, желтые, менее всего черные (рис. 1, *8*). Найдены возле черепа V, на высоте 0,20 *м* и на дне склепа.

23. Обломок бронзовой пластины, покрытой пунсонным свастическим узором (рис. 1, *2*). Найден в засыпке. Орнамент на булавке (№ 15) и данном обломке идентичен узору бронзовых блях, обнаруженных М. Х. Ошаевым.

Посуда обоих склепов представлена пятью типами сосудов, которые в свою очередь в зависимости от характера орнамента может быть разделены на две группы: посуду с налепным узором и посуду с углубленным орнаментом.

К первому типу относится один сосуд — крупный приземистый горшок из склепа 1, украшенный валиком с выступами (рис. 5, *1*). Довольно близкие по орнаментации и пропорциям сосуды происходят из могильников Харсеной (Чечня; работы автора, 1966 г.), «Загли Барзонд» у сел. Галиат [13] и «Верхняя Рухта» близ с. Кумбулта (Северная Осетия). Рутхинский могильник Е. И. Крупнов датирует «второй половиной II тысячелетия до н. э., ближе к ее концу» [14].

Второй тип сосудов имеет более вытянутые пропорции, относительно узкое дно, широкое устье с отогнутым венчиком и четко выраженные плечики. К этому типу относятся сосуд с налепной дугой из склепа 1 и сосуды 3—5, 9, 11 из склепа 2 (рис. 4, *1—6*). Все эти сосуды украшены налепным узором, за исключением сосуда 4, покрытого углубленным орнаментом в виде зубцов. Подобный декор нанесен и на обломок сосуда, найденного близ черепа I склепа 2 (рис. 9, *3*). Аналогии данному типу можно, найти среди посуды могильника Харсеной, Гатын-Кале (Чечня) [15], Галашки (Ингушетия). Могильник у сел. Галашки (Первомайского) Е. И. Крупнов сближает с кумбултским могильником «Верхняя Рутха» и датирует «не ранее середины II тысячелетия до н. э.» [16]. Эта датировка может быть принята с уточнением в пределах середины — начала второй половины II тысячелетия до н. э. [17]

К третьему типу эгикальской посуды отнесены баночные сосуды (рис. 6, *1*) вытянутых пропорций, с широкими устьями и днищами (они имеют закраины) и едва намеченными плечиками. Такая посуда обычно украшена одиночными налепами (сосуд из склепа 1 и сосуды 1, 2 из склепа 2). Баночная посуда характерна для памятников эпохи бронзы Чечни

---

[13] Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Сборник статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, VIII. М., 1938, стр. 44, фото 1.

[14] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, стр. 47, 58, рис. 11, *6*.

[15] В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. ДЧИ, М., 1963, стр. 67, 90, 102, 103, рис. 10, *10*; 24, *5*, *7*; 31, *3*; 32, *1*.

[16] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 92—94, рис. 25.

[17] В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 132, 133; его же. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 83.

и Дагестана; она встречается почти во всех памятниках эпохи бронзы и может быть датирована лишь на основе более руководящих керамических форм.

Четвертый тип — это небольшие кубки округлых контуров с широким дном. Таковы сосуды 8 и 12 из склепа 2. Один из них, сосуд 12 (рис. 4, 8), украшен строенными углублениями, нанесенными штампом. Сосуды этого типа и аналогичная орнаментация известны среди керамических материалов Галашкинского могильника [18].

Пятый тип — низкие конические и слегка округлые чашки (рис. 5, *2—4*), также широко распространенные среди памятников эпохи бронзы [19].

Таким образом, сопоставление посуды из склепов Эгикала с датированными комплексами позволяет относить ее к середине — началу второй половины II тысячелетия до н. э. Такой датировке не противоречат ни формы сосудов, ни их орнаментация, так как, судя по ряду ранее исследованных памятников, различные виды декора часто сосуществуют. Нашей датировке не противоречат и обнаруженные изделия из металла. Так, булавка с дисковидным навершием (рис. 1, *4*) известна из могильников Гатын-Кале, Гинчи [20]. Подобный тип булавок скорее всего характерен для памятников Северо-Восточного Кавказа. Височные подвески овальной формы встречаются почти во всех погребениях Кавказа начиная с III тысячелетия до н. э. Подвески сложной конфигурации, осложненные завитками (рис. 1, *11*), уже были встречены в могильнике Гатын-Кале в погребении 7, которое может быть отнесено к самому началу второй половины II тысячелетия до н. э. [21] В памятниках эпохи бронзы часто встречаются и многовитковые браслеты, иглы и пастовые бусы тех самых форм, какие обнаружены в Эгикале. Наблюдения показывают, что начиная с середины II тысячелетия до н. э. на бронзовых изделиях литой орнамент начинает заменяться узором — выбитым пунсоном. Такова булавка с дисковидным навершием.

Обратимся теперь к погребальному обряду и конструкции склепов Эгикала.

Небольшие размеры склеповых камер (1,52 × 1,24 *м* и 1,80 × 1,11 *м*), наличие скорченного костяка в склепе 1 позволяют думать, что и на каменные полки второго склона покойников помещали также в скорченном положении. При последующих захоронениях кости ранее умерших сбрасывали с полок или отодвигали в сторону. Сейчас установлено, что начиная с III тысячелетия до н. э. могильные сооружения часто использовались несколько раз. В таких погребениях можно видеть целый костяк, занимающий главное место, и груды костей, отодвинутые к стенам могилы [22]. Особенно много таких погребений обнаружено в памятниках Чечни и Дагестана II тысячелетия до н. э. (Гатын-Кале, Гоно, Гинчи, Ирганай и др.) [23]. Даже в средневековых некрополях можно наблюдать подобные

---

[18] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде..., стр. 91, рис. 24, *2, 5*.

[19] Несомненно, дальнейшие исследования памятников, подобных склепам Эгикала, позволят увеличить количество типов посуды.

[20] В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 65, рис. 9, *3*; М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. НИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, X. Махачкала, 1962, стр. 177, рис. 24—26.

[21] В. И. Марковин. Новый памятник эпоих бронзы..., стр. 65, 133, рис. 9, *4*.

[22] Очевидно, такие груды костей не всегда являются результатом вторичных погребений. Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 158 сл.; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100. 1961, стр. 133 сл.

[23] В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 108; В. Г. Котович. Археологические работы в Горном Дагестане. МАД, II, Махачкала. 1961, стр. 30, 31; М. Г. Гаджиев. О погребальном обряде..., стр. 251; его же. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. НИИЯЛ Даг. ФАН СССР, X, стр. 168 сл.; его же. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969, стр. 111 сл.; М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. МАД, II, стр. 119.

захоронения. Таким образом, в склепах Эгикала не эта черта является новой, ранее неизвестной. В описанных склепах поражает прежде всего наличие полок и лаза — входа в склеп. Подобные детали в конструкции склепов эпохи бронзы никогда ранее исследователями не отмечались. До сих пор были известны лишь склепы в виде камер прямоугольной и округлой формы, стенки которых выложены сухой кладкой и углублены в почвенно-материковый слой. Таковы склепы уже упоминавшихся нами памятников Чечни и Дагестана. В них нет ни полок, ни специального отверстия для входа в склеп и при повторных похоронах в таких склепах вскрывали плитчатое (каменное) или деревянное перекрытие. Большинство склепов эпохи бронзы отличается конструктивно от так называемых каменных ящиков лишь тем, что плитчатые стены их заменены несколькими рядами сухой каменной кладки. Склепы, обнаруженные в сел. Эгикал, ничем не напоминают указанные примитивные ящики своей архитектурой, они близки средневековым полуподземным склепам, широко распространенным в Чечено-Ингушетии, Сев. Осетии, Хевсуретии.

* * *

Л. П. Семенов довольно детально изучил средневековые склеповые постройки горной Ингушетии. Среди них им выделены подземные, полуподземные и надземные склепы. Первые два вида склепов довольно близки друг другу, отличаются они лишь степенью углубления в склон. Среди них встречаются постройки, по которым можно проследить возникновение продольного ложного свода, увеличение камеры, усложнение перекрытий до ступенчато-пирамидальных и вынос всей постройки на поверхность склона [24]. Все эти конструкции, по Л. П. Семенову, логично вытекают одна из другой, хронологически следуют друг за другом (подземные датируются VI — IX вв., полуподземные — IX—XIV вв., надземные — XIV—XVIII вв.) и определенное время функционируют одновременно [25]. Наблюдение Л. П. Семенова близки исследованиям Г. Кокиева [26], но первый автор смело связывает конструкции склепов с подземными гробницами алан, [27] ибо Л. П. Семенов не мог даже предполагать, что истоки настоящей склеповой архитектуры (камеры с лазами и полками) надо искать во II тысячелетии до н. э.

Таким образом, склеповые сооружения появляются в эпоху бронзы, но, судя по сложности конструкций склепов у сел. Эгикал, их прототипы надо искать среди памятников еще большей древности, чем начало второй половины II тысячелетия до н. э. Возможно, они возникают лишь на территории Северо-Восточной части Кавказа.

Интересно в связи с этим отметить наблюдения М. Г. Гаджиева над одним из склепов (№ 5) могильника Гинчи в Дагестане. Перекрытие этого склепа реконструируется им «в виде невысокого ложного свода, центральные плиты которого, возможно, поддерживались четырьмя столбами, опиравшимися на ниши» [28]. Правда, этот склеп не имел входа и полок. Интересно и то, что в дальнейшем в Дагестане склепы не получают большого развития, но в Северной Осетии и особенно в Чечено-Ингушетии мы встречаем самые разнообразные варианты склеповых построек. И если обратить внимание на чечено-ингушские боевые башни и над-

---

[24] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, стр. 19, 47, 63 и др.

[25] Там же, стр. 107—109.

[26] Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.

[27] Л. П. Семенов. Из истории работы музея краеведения..., стр. 27.

[28] М. Г. Гаджиев. О погребальном обряде..., стр. 236; его же. Из истории культуры Дагестана..., стр. 103.

земные склеповые постройки, то можно легко заметить, что пирамидально-ступенчатое завершение башни подражает завершению склепа. По мере удаления на запад склеповая архитектура, не теряя выразительности, становится по количеству типов все более бедной, превращаясь на территории Кабардино-Балкарии и Карачая в мавзолеи, предназначенные в большинстве случаев для одиночных захоронений. Такие мавзолеи лишь внешне напоминают склепы, и изучение их мало что может дать для выяснения первопричины появления склеповых построек, как это пытается делать И. М. Мизиев [29].

Возвращаясь к нашему вступлению к этой статье, хотелось бы отметить, что пока невозможно проследить какие-либо связи между дольменными постройками Западного Кавказа и склепами типа Эгикала в восточной части Кавказа. Очевидно, и дольмены и склепы возникли вполне самостоятельно, хотя примерно в одно и то же время. Склепы, обнаруженные у сел. Эгикал, лишний раз подчеркивают беспочвенность научных построений, основанных лишь на поверхностном ознакомлении с архитектурой древних и средневековых сооружений.

V. I. Markovine

SÉPULTURES DE L'ÉPOQUE DU BRONZE DÉCOUVERTES AUX ENVIRONS DU VILLAGE D'EGHIKAL (INGOUCHÉTTE)

Résumé

Deux questions sont peu étudiées dans l'archéologie du Caucase: 1) les rapports des dolmens de l'époque du Bronze avec les sépultures du Moyen Age et 2) l'époque de l'apparition des premières constructions de sépultures. E. D. Félitzyne niait ces rapports. D'après V. A. Kournétzov, E. P. Alexéeva et d'autres, ils sont susceptibles d'être relevés.

Au cours des explorations effectuées en 1966 en Ingouchétie montagneuse, il a été découvert, à proximité du village d'Eghikal, des sépultures semi-souterraines datant du début de la seconde moitié du IIe millénaire avan notre ère, proches, du point de vue construction, de celles du même type remontant au Moyen Age. Elles sont posées à sec et recouvertes de débris de rochers. Deux sépultures sont déjà déblayées. Dans la première, il a trouvé les restes de quatre hommes (l'un deux est replié sur lui-même) et des céramiques. La seconde comportait les ossements de quatorze hommes, des céramiques et des objets de bronze (épingles, pendetifs de tempe, aiquille). Dans la même tomble, il a été trouvé des fragments des tablettes sur lesquels les morts étaient étendus.

Les représentations traditionnelles de la périodisation des constructions sépulturales du Caucase du Nord, proposée par L. P. Sémionov, sont ébranlées par les trouvailles des sépultures faits près du village d'Eghikal. Ces derniéres témoignent de l'apparition trés indépendante des constructions sépulturales et de leur synchronisation avec les dolmens.

---

[29] И. М. Мизиев. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая. Автореф. канд. дис. М., 1967, стр. 16, 17.

Б. В. ТЕХОВ

РАСКОПКИ ТЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА В 1966 г. [1]

После трехлетнего перерыва были возобновлены раскопки могильника второй половины II и первой половины I тысячелетия до н. э. у с. Тли в Юго-Осетинской автономной области. Археологическая экспедиция Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР [2] в июне — июле месяцах вскрыла около сорока погребений в раскопе из трех квадратов размером 4 × 4 *м*, расположенном подковообразно в соответствии с контуром обрыва, обращенного в овраг ручья, текущего с горы «Сыгътты цъупп» [3] и впадающего в Тлидон.

Верхний слой в раскопе мягкая бурая почва комковатой структуры с растительным покровом до 30 *см* толщиной. Ниже залегала довольно плотная светло-коричневая глина с редким включением щебня. В этом слое на глубине 2—2,5 *м* (в зависимости от микрорельефа) находились каменные выкладки овальной или квадратной формы (1,5×1,5 или 1× ×1,5 *м*) в центре раскопа и размером 8×4 *м* в юго-западной его части, под которыми и находились древние могилы (рис. 1).

Если в предшествующих раскопках были обнаружены грунтовые могилы и каменные ящики с костяками [4], вытянутыми на спине, то в 1966 г. вскрыты погребения только со скорченными костяками, обложенными каменными глыбами и имеющими либо овальную, либо квадратную форму.

Костяки погребенных лежали в могилах на правом боку, головой почти всегда на север, иногда с незначительным отклонением на запад.

На левом боку лежал костяк погр. № 122 и один из детских скелетов погр. № 141. В нескольких случаях отмечены парные захоронения (129, 130, 131, 138, 140, 141, 148, 159), костяки которых оказались перемешанными с сильно потревоженными последующими, более поздними захоронениями. Только в погр. 129, 138 и 141 костяки оказались сравнительно лучшей сохранности (рис. 4).

В двух погребениях (151 и 153) скелеты до тазовых костей лежали на спине с подогнутыми нижними конечностями.

Все погребения были расположены в трех ярусах — верхний, средний и нижний [5].

В 1966 г. раскопаны три погребения без инвентаря (погребения 133, 149, 157). Без инвентаря оказались также один из детских костяков по-

---

[1] Доклад, прочитанный на секции железа сессии ОИН АН СССР, посвященной полевым археологическим и этнографическим исследованиям 1966 г. в г. Кишиневе.

[2] В экспедиции участвовали Б. В. Техов, В. А. Кузнецов, С. С. Газзаев, и М. В. Любченко.

[3] Так называется вершина выше с. Тли и в переводе на русский язык означает «вершина сожжений».

[4] Б. В. Техов. К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии. Изв. ЮОНИИ, XIII, 1964, стр. 288—298.

[5] К верхнему ярусу относятся погр. 122, 131, 134, 139, 141, 144, 146, 149, 151, 152, 153, 158. К среднему ярусу — погр. 124, 125, 127, 128, 129, 133, 138, 140, 148, а к нижнему ярусу — погр. 123, 126, 130, 136, 137, 142, 145, 147, 150, 154, 155, 156, 157, 159, 160.

гребения 138 и один из скелетов погребения 141. В погребении же 142 обнаружена единственная бронзовая литая поясная пряжка с пятью отверстиями и крюком на оборотной стороне. Может быть это в какой-то степени говорит об имущественном и социальном неравенстве у племен, оставивших Тлийский могильник. Впрочем, такая же картина была засвидетельствована и при раскопках синхронных памятников Кавказа [6].

Погребальные сооружения представляли собой каменные ящики, сложенные из простого булыжника, встречались и обложенные камнями

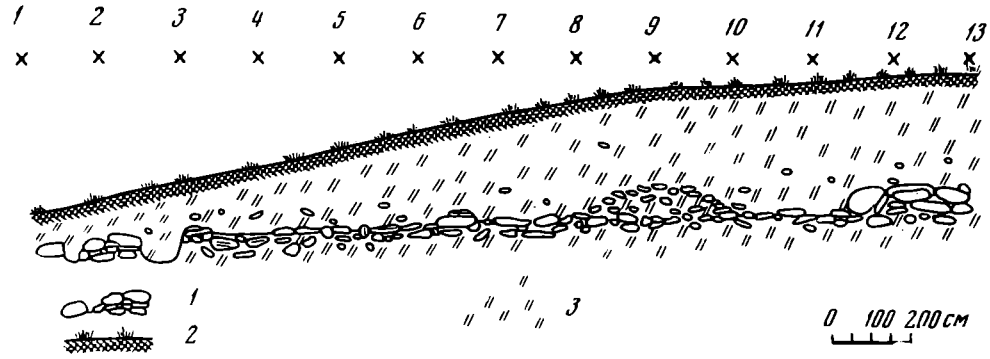


Рис. 1. Профиль раскопа в с. Тли (по линии юг-север)

1 — каменная выкладка, *2* — гумусированный дерновый слой, *3* — глина

грунтовые погребения, чуть отличавшиеся от каменных ящиков. Все могилы (и каменные ящики и грунтовые) сверху были перекрыты каменной выкладкой.

В двух погребениях (127 и 129) внутри каменных стенок (из булыжников) могилы были обложены досками, остатки которых сохранились достаточно хорошо. В одном из указанных погребений выявлены остатки дубовой доски, а во втором — сосновой [7]. В одном погребении стенки могилы были обложены обгорелым деревом. Подобные случаи наблюдались и при раскопках Лугового могильника на Северном Кавказе (Чечено-Ингушетия) [8], который в свою очередь связывается с такими памятниками скифского времени, как Моздокский, Исти-Су, Урус-Мартановский и Нестеровский могильники.

Раскопками 1966 г. было окончательно установлено, что в первой половине I тысячелетия до н. э. на территории верхнего течения р. Большой Лиахви сосуществовали и каменные ящики и обложенные камнями грунтовые погребения.

Кроме того, установлено, что захоронения в данном могильнике производились в течение долгого времени, т. е. с середины II тысячелетия до середины I тысячелетия до н. э.

Вскрытые в 1966 г. женские погребения содержали преимущественно предметы украшения в виде изображения бараньих рогов (рис. 2, *4* и *5*), бронзовых, агатовых, сердоликовых и пастовых бус, височных привесок (рис. 2, *10, 11, 20, 22*), перстней (рис. 3, *5, 6*), ножных браслетов (рис. 3, *2* и *3*; рис. 2, *1* и *2*), поясов (рис. 3, *19*), пряжек (рис. 3, *9*; рис. 2, *12*), фигурок животных (рис. 3, *8*) и т. д.

На ногах женских костяков были надеты ножные кольца-браслеты из бронзового прута круглого сечения с разомкнутыми или заходящими друг к другу концами (рис. 3, *2* и *3*; рис. 2, *1* и *2*). На концах некоторых из них имеется пунсонный орнамент в виде треугольников.

---

[6] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция (1952), КСИИМК, 55, 1954, стр. 99; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.) ДЧИ, М., 1963, стр. 201.

[7] Остатки досок были определены в лаборатории ИА АН СССР Г. Н. Лисицыной. Пользуюсь случаем выразить ей свою признательность.

[8] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 202.

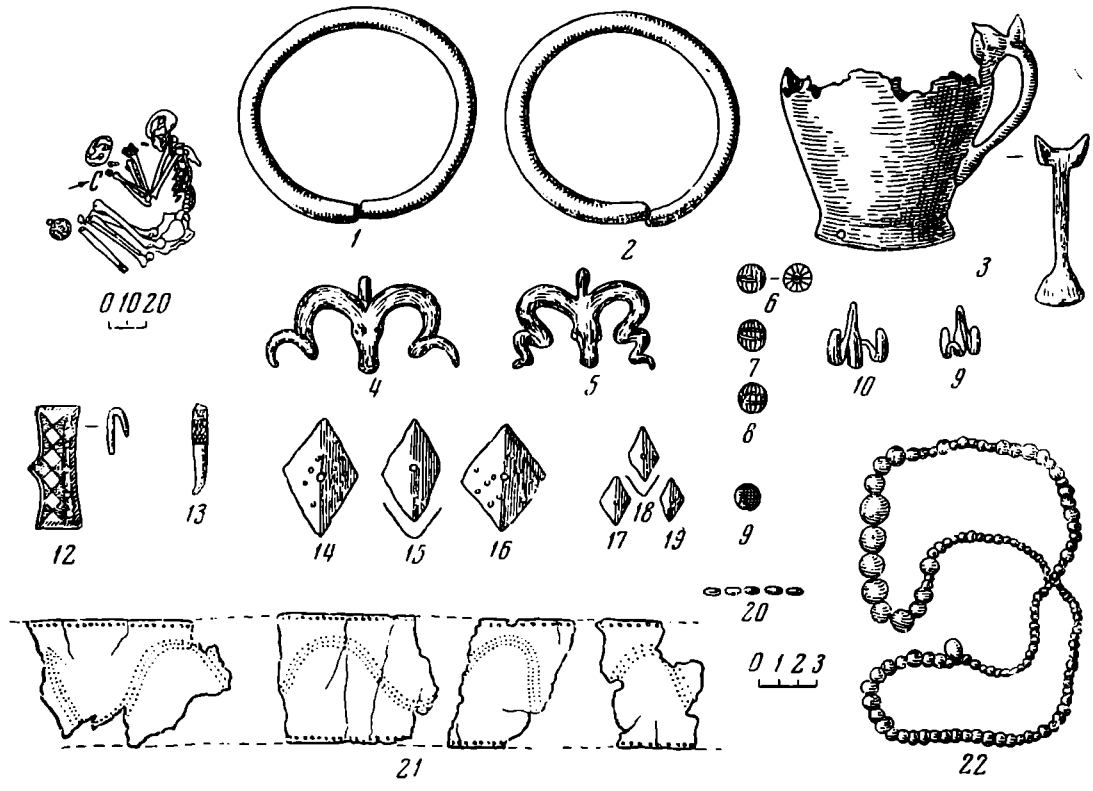


Рис. 2. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 148

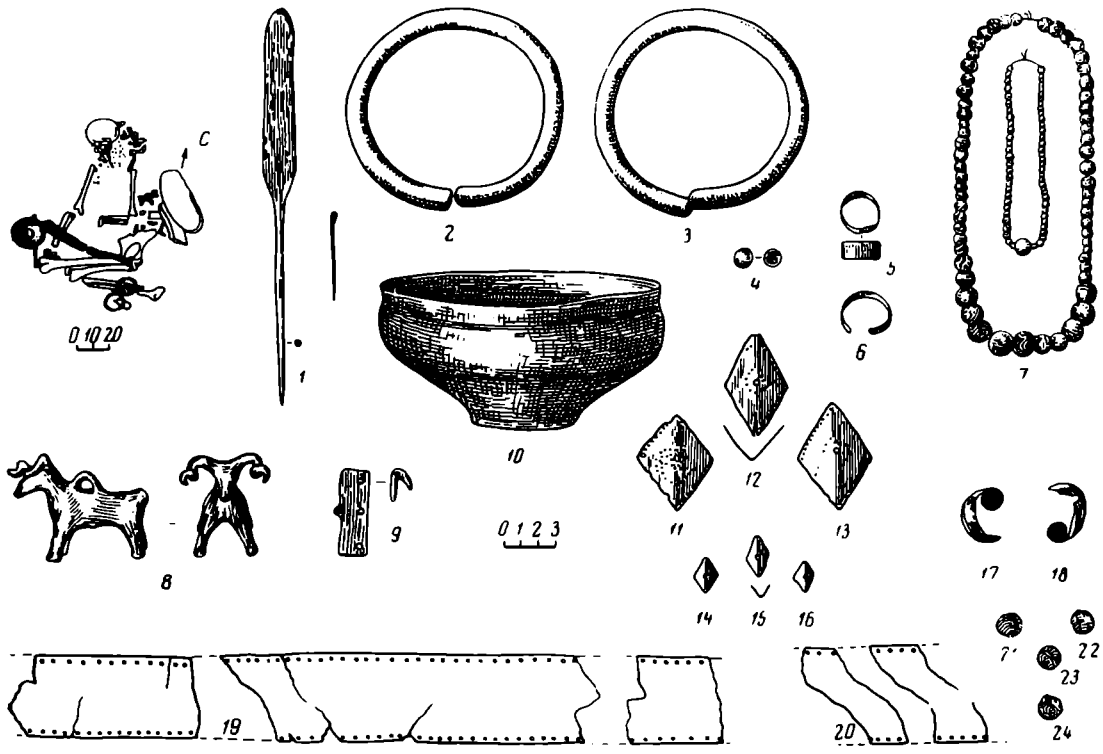


Рис. 3. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 125

В одном из женских погребений (146) на ногах погребенной были надеты по два бронзовых кольца, в то время как во всех остальных было только по одному на каждой ноге.

Ножные кольца-браслеты, являющиеся одним из наиболее ярких местных элементов, по-видимому, носились только женщинами, так как они ни разу не были найдены при мужских костяках.

Ножные кольца-браслеты известны не только из раскопок памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа, но также из некоторых скифских курганов Посулья [9].

Большой интерес представляют ромбовидные бляжки из листовой бронзы с отверстием в середине (рис. 3, *11—16*; рис. 4, *11—13*). Такими бляшками украшалась одежда в области груди или на плечах. Среди этих бляшек много с точечным орнаментом, или с изображением какого-нибудь животного (погр. 125, 129, 130, 150). В женских погребениях встречались раковины-каури (spondylus gaederopus), отдельные обрывки бронзовых цепей, спиральные трубочки-накосницы и т. д.

На фалангах некоторых костяков встречены бронзовые и железные пластинчатые перстни, на руках проволочные и пластинчатые браслеты и т. д.

Своеобразную группу составляют височные привески в полтора, три оборота из бронзы, серебра и золота. Особенно часты привески в три оборота и со спиральными завитками на концах.

С женскими костяками было много бус, из сердолика, стекла, бронзы, пасты, горного хрусталя, янтаря и т. д. В одном из погребений (129) было собрано больше 500 бус, среди которых имеются плоские треугольной формы, эллипсоидные, овальные, шаровидные и т. д. В этом большом количестве бус единственная агатовая буса, напоминающая по форме конфетку-подушечку (рис. 4, *31*). Совершенно аналогичные бусы нам известны из Минераловодского могильника скифского времени [10].

К предметам женского украшения относятся бронзовые булавки с завернутыми в петельку головками (погребения 125, 129, 146), появляющиеся с ранних этапов позднебронзовой эпохи и бытующие вплоть до VI в. до н. э. (рис. 4, *17—19*).

Подобные булавки очень характерны для позднебронзовой культуры Восточной Грузии [11]. Прекрасные экземпляры этих булавок имеются в материалах из могильника у Бешташени (Цалкинский район) [12] в Западной Грузии [13], в Абхазии [14], Азербайджане [15]. Они не чужды были и культуре племен Центрального Кавказа. На территории Южной Осетии этот тип булавки встречается как в равнинных [16], так и в горных районах. Булавки рассматриваемого нами типа имеются и в материалах Кобанского могильника [17], с той лишь разницей, что кобанские экземпляры более массивны, нежели восточно-грузинские, но зато очень близки они к Юго-осетинским экземплярам, особенно к тлийским булавкам.

Среди предметов украшения женских погребений особый интерес представляют шаровидные и зерновидные бусы, покрытые штампованной золотой фольгой (123, 124, рис. 3, *21—24*; рис. 4, *31*).

---

[9] В. А. Ильинская. Скифы днепровского Лесостепного Левобережья, Киев, 1968, стр. 145.

[10] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды. КСИИМК, 58, 1955, стр. 56, рис. 19, *1*.

[11] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 89; Н. И. Окропиридзе. Витоголовые бронзовые булавки из грунтовых погребений Самтавро. Материалы по истории Грузии и Кавказа, 29, Тбилиси, 1951, стр. 141—151.

[12] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 73, рис. 80, *1*, стр. 339.

[13] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 175, табл. 52, *2*.

[14] В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии. Изв. Абхазского научного общества, IV, Сухуми, 1926, стр. 111, рис. 13.

[15] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, 1911, стр. 94, табл. IX, *11*.

[16] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 29, рис. 9; Б. В. Техов. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении р. Большой Лиахви. Тбилиси, 1963, стр. 74, рис. 30, *4*; стр. 95—96, рис. 38, *4*, *5*.

[17] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, М., 1900, стр. 11, рис. 9; табл. XXII, *3*, *5*; XXX, *1*.

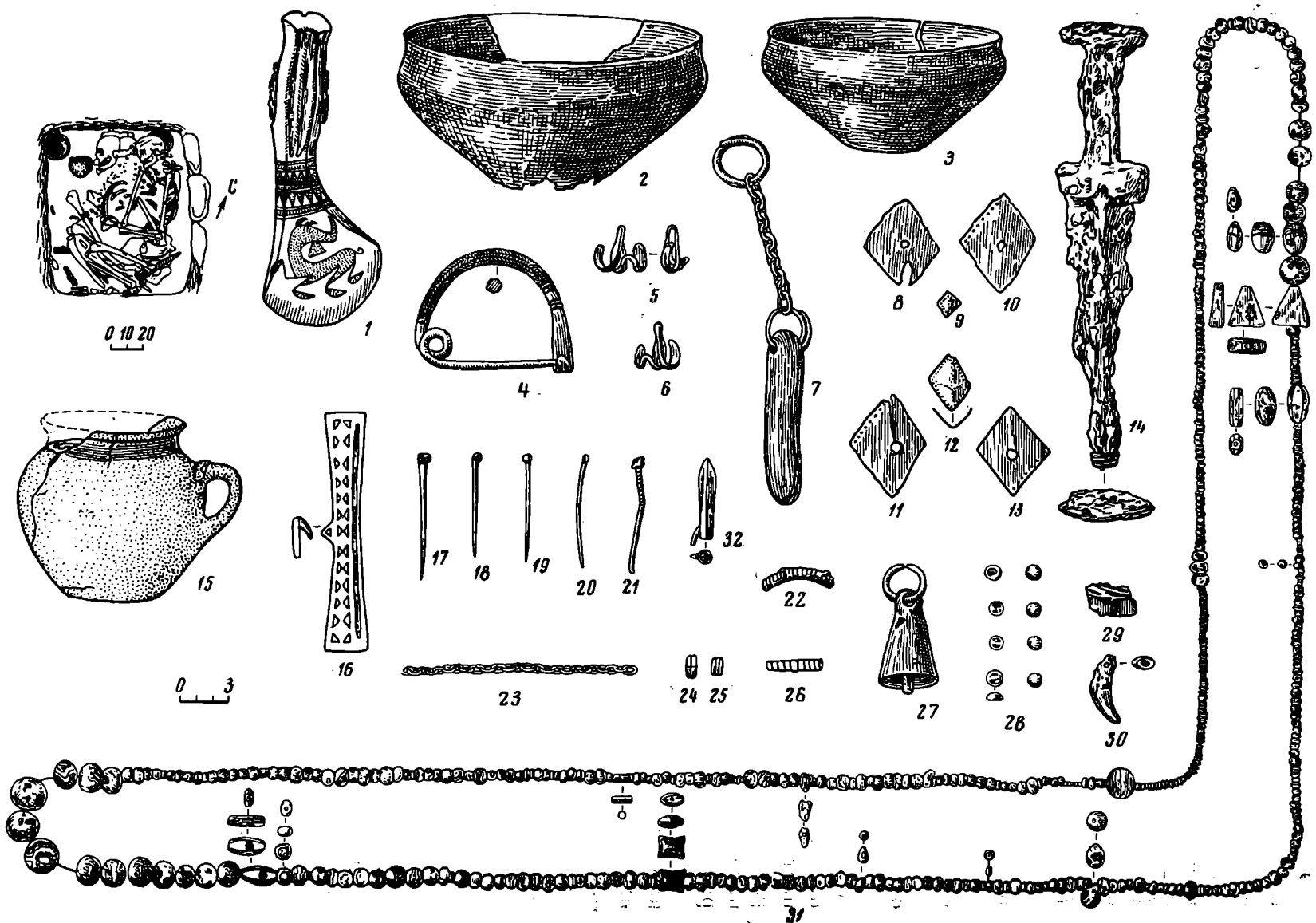


Рис. 4. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 129

В женском погр. 125, помимо других бронзовых вещей, найден ножлопаточка для растирания мази или же для размельчения лекарственных растений.

Возможно, что этот предмет служил своеобразным медицинским инструментом. Он является редким экземпляром и ему нет аналогий в материалах синхронных памятников Кавказа. Что же касается Тлийского могильника, то здесь были найдены еще два подобных предмета в 1968 г. (рис. 3, *1*).

В мог. 148 были вскрыты два погребения. Костей более раннего погребения, за исключением черепа, в могиле не оказалось, так как при последующем захоронении (костяк которого сохранился полностью) на этом же месте они были выброшены из могилы, а погребальный инвентарь полностью был сложен под черепом. Он состоял из предметов украшения, среди которых три интересные бусы в виде «глобуса». Они изготовлены из тонкой позолоченной проволоки с большим мастерством (рис. 2, *6*, *7*, *8*). Насколько нам известно, бусы подобного типа еще не известны на Кавказе.

В этом же комплексе имеются костяная ногтечистка с сетчатым узором (рис. 2, *13*), фрагменты пояса из листовой бронзы с изображением извивающейся змеи, выполненной пунсоном, пряжка с ромбиками, бусы и т. д. (рис. 2, *21*).

У колен целого костяка стояла сильно поврежденная бронзовая кружечка с зооморфной ручкой (рис. 2, *3*).

В материалах 1966 г. много бронзовых застежек дисковидной формы с палочковидными петлями на тыльной стороне.

Вскрытые в 1966 г. мужские погребения отличаются богатством бронзового и железного оружия. Это бронзовые и железные кинжалы, железные наконечники копий, бронзовые топоры с орнаментированными лопастями, топоры-секиры и кинжалы-акинаки. Последние повторяют форму ранее найденных железных акинаков. Некоторые из них с бабочковидным перекрестьем и с прямым брусковидным навершием (погр. 128, 129, рис. 4, *14*).

Из предметов украшения в мужских погребениях встречались бронзовые шейные гривны, из витой проволоки с расплющенными концами, имеющими отверстия, орнаментированные поясные пряжки с поясами из листовой бронзы, бронзовые и железные дугообразные фибулы, бронзовые пинцеты (погр. 143), бронзовые колокольчики (погр. 129, 143), оселки с короткими бронзовыми цепочками (рис. 4, *7*) и т. д.

Всего при раскопках 1966 г. было обнаружено 10 бронзовых топоров, 6 бронзовых и 15 железных кинжалов, в том числе 4 акинака, 2 железных наконечника копий, 2 железных ножа, 9 железных топоров-секир, в том числе совершенно новый тип топора с молоточным обухом и лезвием в виде листовидного кинжального клинка (погребение 142), 6 бронзовых кружек с зооморфными ручками, 3 ведра (или котлы с двумя ушками типа ситул), 8 бронзовых мисок, 2 бронзовые рифленые тарелки, 5 бронзовых шейных гривен с расплющенными и орнаментированными концами, в том числе одна с завернутыми в трубочки концами (погр. 150), 20 дугообразных бронзовых и железных фибул (в том числе две маленьких — детских в погребениях 146, 150 и одна с изображением какого-то животного на приемной части погребение 160), 20 ножных колец-браслетов (ножные кольца погребений 132, 133, 138, 141 с орнаментированными концами), 31 бронзовая пряжка, в том числе 14 не орнаментированных (две в виде кисти человеческой руки), 14 фрагментированных поясов из листовой бронзы с пунсонным орнаментом на краях (а на некоторых и посередине), 1 бронзовая фигурка барана, 1 — оленя, 1 — тура (навершие посоха, погр. 143), 2 колокольчика (один из них с боковым разрезом, погр. 143), 2 каменных оселка (погр. 129, 158), 1 крючок с двухсторонне завернутыми спиральными завитками (погр. 138), 7 бронзовых булавок,

в том числе три экземпляра с завернутыми в петельку головками и одна с двухсторонне завернутыми спиральными завитками (погр. 123), 1 бронзовая булавка с четырьмя круглыми шишечками (погр. 158), 2 бронзовых втока (погр. 128, 130), большое количество колец, браслетов, привесок, бронзовых, сердоликовых, пастовых, стеклянных, позолоченных бус, три целых и несколько фрагментированных глиняных сосудов и др.

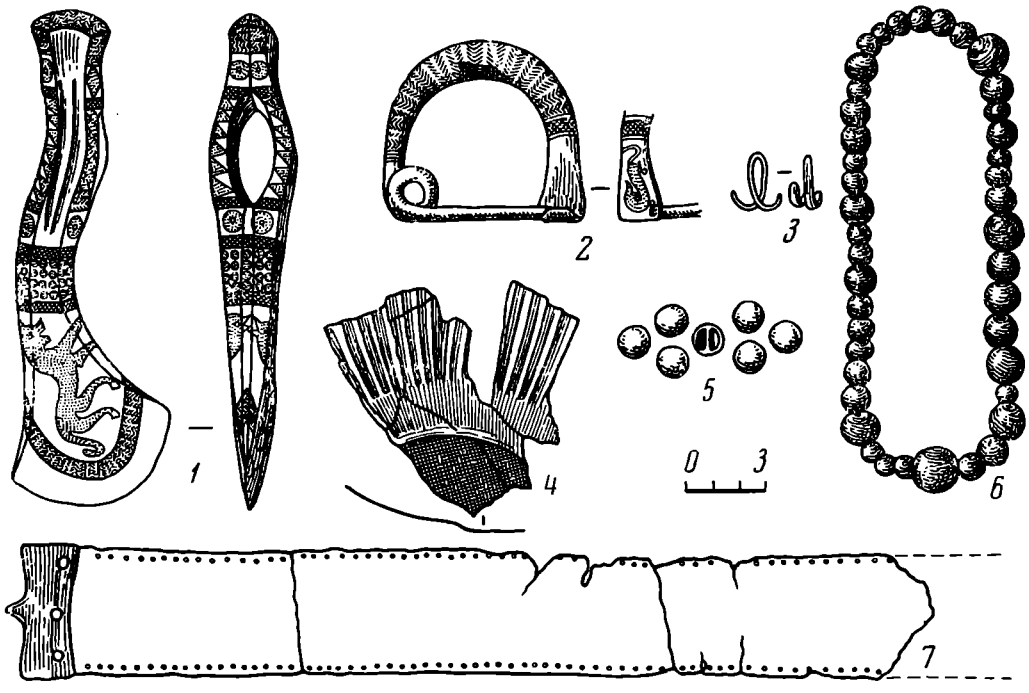


Рис. 5. Тлийский могильник. Погребальный комплекс 160

Бронзовые топоры повторяют форму ранее найденных. Бо́льшая их часть орнаментирована. Наиболее интересными являются топоры из погребений 140 и 160, на лопастях которых имеются изображения собаки или коня (рис. 5, *1*). Они выполнены с большим мастерством с точечной техникой. Один из топоров погребения 140 и топор из погр. 160 имеют двусторонне изогнутые в противоположные стороны корпуса и по два желобка (или углубления) на обушной части. Самая узкая часть корпусов украшена узорами елочным и кружковым, с заштрихованными лентами по краям. Именно этот тип бронзового топора считается характерным для кобанской культуры [18] Центрального Кавказа; на территории колхидской археологической культуры [19] он менее распространен. Неправ Д. Л. Коридзе, когда пишет, что эти топоры с территории Западной Грузии должны были распространиться как на Северный Кавказ (Кобан), так и в другие области [20].

В комплексах IX—VII вв. до н. э. Тлийского могильника встречаются топоры с прямым корпусом и орнаментированными лопастями. В этой связи надо упомянуть о топоре из (погр. 131). На его лопасти изображен олень с высоко поднятыми ветвистыми рогами (рис. 6, *1*).

Топоры из погр. 126, 127, более массивные с гранеными корпусами и лопастями, украшенными изображениями фантастического животного. Топор же погребения 137 отличается своими размерами. Он меньше других, внутренний край лезвия сильно опущен вниз, он без орнамента, что

---

[18] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, М. 1957, № 1, стр. 62—63; его же. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 83.

[19] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, 1953, стр. 285.

[20] Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965, стр. 74 и 155.

является весьма редким явлением для Тлийского могильника (рис. 7, *1*). Если в предшествующих раскопках попадались топоры с полукруглым лезвием и клиновидным обухом, то в 1966 г. их не было в погребальных комплексах (правда один топор подобного типа был найден вне погребения).

Видимо, к VII в. до н. э. подобные топоры сменили более легкие железные топоры, или топоры-секиры скифского типа. Как видно, в го-

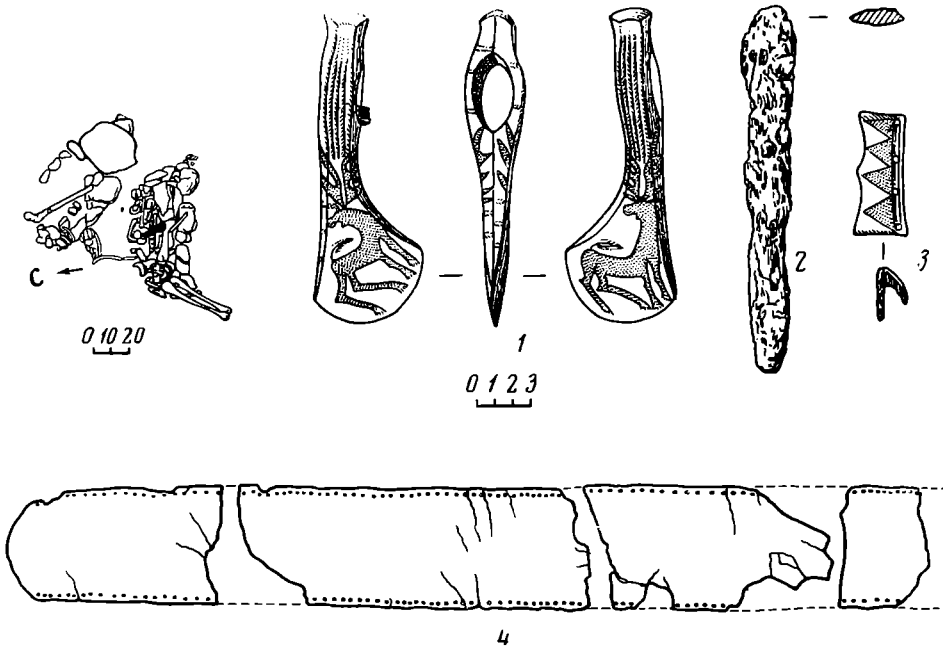


Рис. 6. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 131

рах Центрального Кавказа обыкновенные бронзовые топоры с полуовальным лезвием, граненой обушной частью и частично молоточным обухом бытовали дольше топоров, имеющих полукруглое лезвие и клиновидный обух, которые встречаются преимущественно с бронзовыми ведерками, имеющими кольцевой поддон, маленькие ушки по бокам, соединенные проволочной ручкой. У некоторых ведерок вместо бронзовой ручки бывает железная.

Имеющиеся в нашем распоряжении погребальные комплексы с достаточной достоверностью выясняют более позднее появление в горах Центрального Кавказа топора с клиновидным обухом и полукруглым лезвием.

Если этот тип топора имеется в тлийских комплексах, датируемых VIII—VII вв. до н. э., то топоры с дважды изогнутым в противоположные стороны корпусом, встречаются в комплексах XI—X вв. до н. э. Следовательно, по тлийским комплексам подтверждается более позднее проникновение в горные районы колхидского топора с клиновидным обухом и полукруглым лезвием.

Типы найденных нами топоров хорошо представлены в Кобанском могильнике [21], в синхронных памятниках южных склонов Кавказского хребта [22], в кладах, выявленных на территории Западной Грузии [23].

Бронзовые кинжалы найдены только в шести погребениях. Их можно разделить на три типа.

---

[21] П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14—20, табл. III, IV, V, VIII.
[22] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 27, рис. 6, *3*.
[23] Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры, стр. 10—44.

В первый тип выделяются кинжальные клинки с резко выступающей продольной полосой и зауженной серединой лезвийной части, столь характерных для комплексов XII—X вв. до н. э. Верхняя часть клинка выступает в виде равнобедренного треугольника, Е. И. Крупнов выделяет их во второй тип кинжальных клинков кобанской культуры [24]. Ко второму типу следует отнести кинжальные клинки, имеющие пламевидную форму, сильно выступающее узкое срединное ребро и небольшой треугольный черенок (погр. 23, 137, 159). Они, как и кинжалы первого типа, широко были распространены в XI—X вв. до н. э. и встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы по обе стороны Кавказского хребта (рис. 7, *3*).

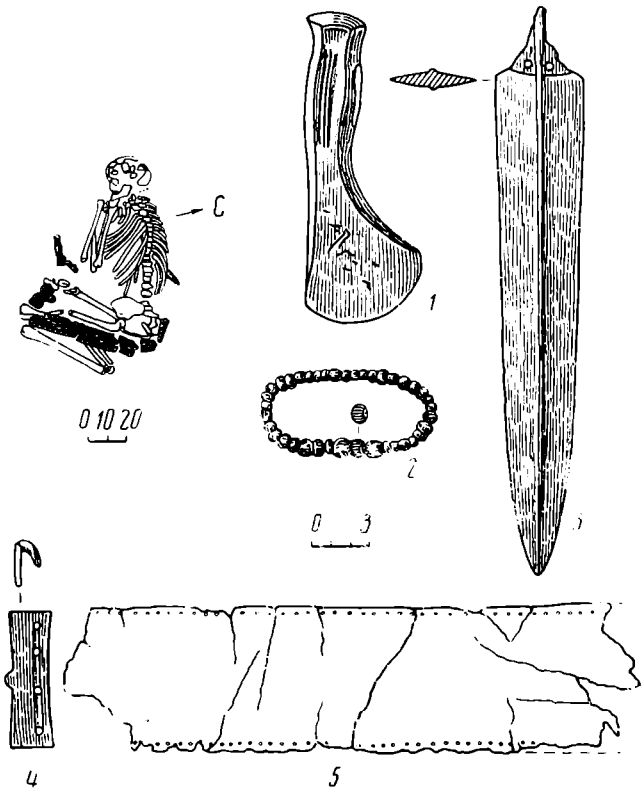


Рис. 7. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 137

Сравнительно редкой находкой в комплексах Тлийского могильника является кинжал (погр. 146) с лезвием пламевидной формы, с сильно выступающим срединным ребром и бронзовой ручкой с полуовальными вырезами по ее середине. Ручка, по-видимому, заполнялась деревом, для чего имеются специальные гнезда с обеих сторон (рис. 8, *1*).

Весьма своеобразную ручку имел кинжал из погр. 126. Она была сделана из дерева и покрыта сверху кожей. Кончик ручки постепенно расширялся, и, быть может, принимал Т-образную форму. Она от кончика ручки до отверстий в плечиках клинка была украшена бронзовыми гвоздями с зонтовидными шляпками. Кинжал с подобной ручкой был найден и в Кобанском могильнике [25]. Его лезвийная часть отличается от тлийского кинжального клинка тем, что вместо одной широкой продольной полосы на нем продольные линии сходят к кончику на нет.

Среди предметов вооружения имеются два наконечника стрелы, один из которых найден вне погребения и относится к типу так называемых «площиков». Он очень миниатюрный, с черенком и треугольной головкой. Один аналогичный наконечник стрелы был найден в 1964 г. на горе «Молочная» около Кисловодска [26], а второй — в 1967 г. на горе «Золотой курган» за Пятигорском [27]. Подобные наконечники стрел широко распространены в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа по обе стороны Кавказского хребта [28]. В комплексах Бешташенского могильника

---

[24] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 75, рис. 9, *4*.

[25] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. X, *1*.

[26] Коллекции Кисловодского народного музея.

[27] Был найден юными краеведами клуба «Кавказ» дома пионеров г. Минеральные Воды

[28] В. И. Козенкова. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. Археолого-этнографический сборник, том. II, Грозный, 1968, стр. 26.

подобные наконечники датируются XII—X вв. до н. э.[29]. Этим же периодом датируется тлийский экземпляр.

Второй наконечник (погр. 129, рис. 4, *32*) найден в ногах, под костью голени мужчины и относится к типу двулопастных с хорошо выраженной втулкой, коротким боковым шипом, столь распространенным в памятниках VII—VI вв. до н. э.

В эпоху бронзы втульчатые наконечники стрел изготовлялись по образцам одновременно существовавших бронзовых наконечиков копий. В археологической литературе наконечники стрел рассматриваемого типа считаются скифскими, хотя их появление нельзя связывать только со скифами, которые способствовали распространению этих стрел на Переднем Востоке вплоть до Египта[30].

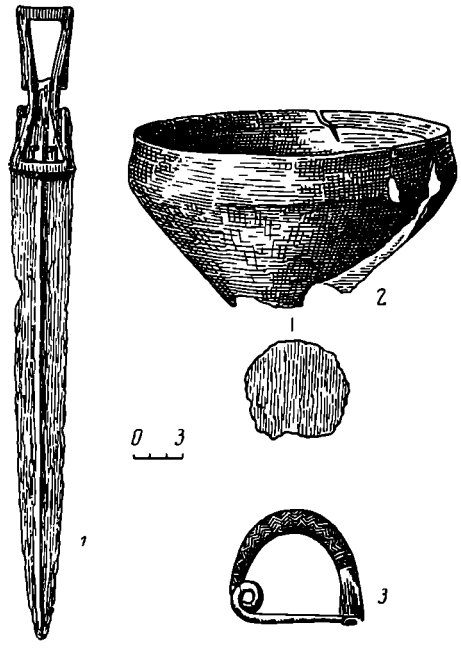


Рис. 8. Тлийский могильник. Погребальный комплекс 146

Широко распространены они на Северном Кавказе, в Средней Азии, на Украине, в Северном Причерноморье и т. д.

По классификации А. И. Мелюковой тлийский наконечник стрелы относится к ее первой хронологической группе, к типу двулопастных, с овальной или лавролистной головкой и датируются ей VII—VI вв. до н. э.[31].

Наконечники стрел данного типа хорошо известны в самтаврских материалах, в тех же хронологических рамках[32].

В погребальных комплексах, открытых в 1966 г., помимо бронзового оружия встречается и железное. Всего найдено 17 железных кинжалов, в том числе три кинжала-акинака, повторяющих форму скифских. В комплексах погр. 128 и 129 они имеют прямые брусковидные навершия и бабочковидное перекрестье (рис. 4, *14*), а акинак из погр. 139 — сердцевидное перекрестье и когтевидное навершие, что является одним из вариантов так называемого антенного навершия (рис. 9, *1*). Эти мечи-акинаки с подобными навершиями — характерное оружие скифов. Они имеются в материалах из скифских курганов Северного Причерноморья[33]. Эти акинаки выделены А. И. Мелюковой во второй тип кинжалов с простым антенным навершием и датируются VI— первой половиной V в. до н. э.[34]. Что же касается комплекса погр. 139 из Тли, то вместе с акинаком, он датируется VI в. до н. э. Этого типа акинаки характерны также и для савроматских древностей Поволжья и Приуралья[35]. Несколько акинаков близкой формы известно среди ананиньских древностей Прикамья[36].

---

[29] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1641, стр. 75, рис. 85, *2*, *3*.

[30] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, стр. 37.

[31] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, САИ, Д. 1—4, М., 1964, стр. 18 табл. V, отдел I, тип. 2.

[32] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, ВГМГ, XIX — А, и XXI — В, 1957, стр. 130 и 140.

[33] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 54.

[34] Там же, стр. 55.

[35] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 10 и сл.

[36] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 100, табл. XXI, 20; А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 54.

Железные акинаки хорошо известны из раскопок Ново-Кумского могильника близ г. Орска [37], из скифских курганов и могильников Северного Кавказа [38] и т. д.

Акинаки с прямым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем имеются в самтаврских комплексах второй половины VII—VI вв. до н. э. Так, в комплексе погр. 212 найдены акинак и секира, повторяющие форму тлийских. Кроме того, в том же комплексе имеется массивный железный наконечник копья, подобные которому встречены в тлийских комплексах периода широкого освоения железа. Много было обнаружено железных акинаков в третьем слое Брильского могильника [39].

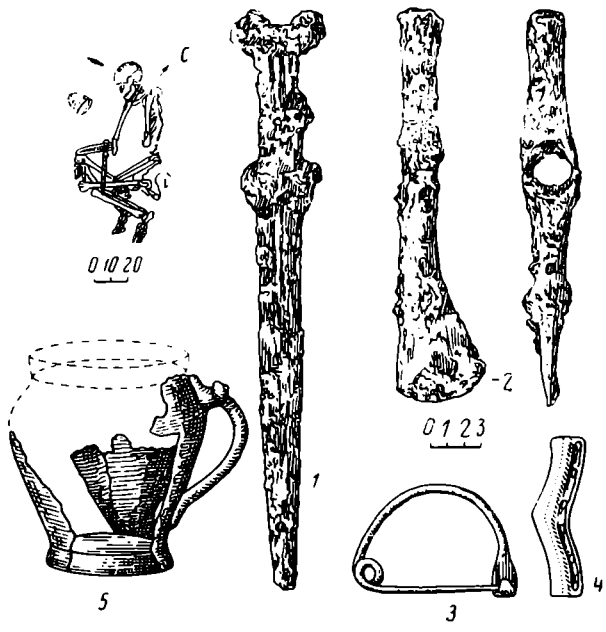


Рис. 9. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 139

Рассмотренные выше железные акинаки обнаруживаются в Тли не впервые, в ранее исследованных погребениях найдено несколько экземпляров. Говоря о мечах и кинжалах с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, А. И. Мелюкова отмечает, что именно они по своей форме ближе всего к персидским акинакам, известным по изображениям на иранских рельефах [40].

Помимо железных акинаков, в тлийских материалах 1966 г. имеются железные кинжалы, откованные вместе с ручками и без ручек. Многие из них повторяют форму бронзовых и, видимо, изготовлялись по образцам одновременно существовавших бронзовых кинжалов [41].

Железный кинжал комплекса погр. 130 аналогичен кинжалам, обнаруженным в с. Цопи и Варнаке близ озера Севан, датируемым VIII — первой половиной VII в. до н. э. [42]. В горных районах Кавказа подобные кинжалы следует датировать, по-видимому, второй половиной VII в. до н. э. Это подтверждается не только отдельными находками, но и погребальными комплексами Тлийского могильника.

Железные топоры-секиры составляют значительную часть предметов вооружения. Они были обнаружены и раньше, теперь выявлены новые формы. Они встречены в пяти погребениях (129, 136, 139, 147, 158), причем в двух из них (147 и 158) найдено по два железных топора-секиры. Они имеют удлиненную и слегка изогнутую форму, с лезвием треугольной формы и с высоким клиновидным (погр. 128, 136) или молотковидным обухом (погр. 139, 147 и 158). Длина этих топоров-секир от 17,5 до 23 *см*.

---

[37] М. Г. Мошкова. Ново-Кумский курганный могильник близ г. Орска, МИА, 115, 1962, стр. 220, рис. 13, *5*.

[38] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 203, рис. 29, *19*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 482, рис. 1; Н. М. Егоров, Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды, стр. 62, рис. 1 — *а*.

[39] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 99, табл. XLIV.

[40] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 51.

[41] Б. В. Техов. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии, СА, 1965, 2, стр. 150.

[42] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1962, стр. 27, табл. VI, *2, 3*.

В отверстиях некоторых экземпляров сохранились остатки деревянных рукояток (погр. 128, 147, 158).

Среди железных топоров-секир выделяются два экземпляра (погр. 135 и 143): один из них имеет молоточный обух и листовидное лезвие, напоминающее кинжальные клинки той же формы (рис. 10, *1*). Этот топор является новой формой в рассматриваемых комплексах и имеет аналогию в материалах Брильского могильника [43].

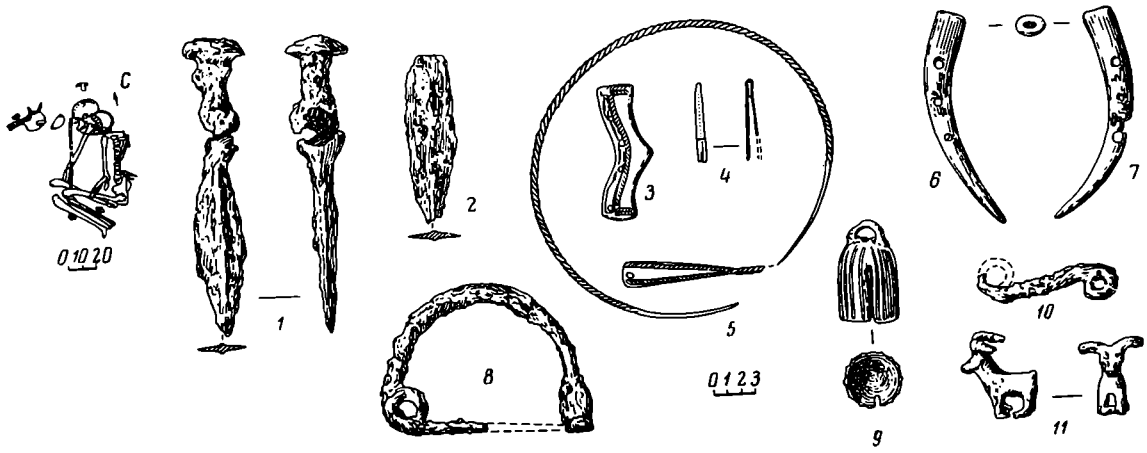


Рис. 10. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 143

Второй топор (погр. 135) повторяет форму бронзовых топоров, что является свидетельством использования местным населением при изготовлении железных предметов древних технических приемов литья бронзовых изделий. Это прослеживается не только по предметам вооружения, но также и по предметам украшения.

Железные топоры-секиры характерны для комплексов второй половины VII—VI в. до н. э. Самтаврского могильника [44], для памятников VI в. до н. э. Северного Кавказа [45]. В этих хронологических рамках следует поместить и тлийские экземпляры.

В археологической литературе эти топоры известны как скифские боевые секиры. Говоря о них, В. А. Ильинская полагает, что вхождение этих боевых топоров в состав скифского вооружения убедительно засвидетельствовано данными письменных источников, а также целой серией изображений скифов с топорами на предметах греческой торевтики и на скифских каменных стелах. «Едва ли можно сомневаться в том,— пишет она,— что во всех этих случаях изображены идеальные образы воинов-скифов, а не представителей каких-то иных, нескифских племен» [46]. Они, действительно, служили боевым оружием у скифов, но этот вид оружия,— как полагает А. И. Мелюкова,— имел лишь второстепенное значение в скифском военном быту. Они редко употреблялись скифами-кочевниками и несколько чаще воинами из оседлых земледельческих племен [47]. Может быть поэтому,—как она отмечает,— скифская секира не так часто упоминается древними авторами [48]. Геродот, например, называет скифскую секиру два раза; один раз — в числе другого скифского оружия: стрел и дротиков — секира опускалась в чашу с вином и кровью при заключении клятвенного

---

[43] Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., стр. 99, табл. XLIV, *4*.

[44] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников..., стр. 140, табл. I, *1—9*.

[45] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья, СА, 1957, № 2, стр. 161, рис. 5, *1*; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 204, рис. 27, *3*.

[46] В. А. Ильинская. Скифы днепровского Лесостепного левобережья, стр. 93.

[47] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 66.

[48] Там же, стр. 65.

договора [49]. Второй раз при описании скифского варианта легенды о происхождении скифов, согласно которой в числе священных даров, упавших с неба и доставшихся младшему брату Колаксаю, ставшему во главе скифского царства [50].

Рассматриваемые нами железные секиры, несмотря на их близкое сходство со скифскими, являются предметами местного Кавказского производства, ведь многие железные топоры полностью повторяют форму бронзовых топоров IX—VIII вв. до н. э. К такому же заключению пришла В. А. Ильинская, выделившая серию бронзовых топоров из Кавказских древностей, явившихся прототипами скифских [51]. Она полагает, что появившись в Северном Причерноморье с Кавказа, секиры распространились затем на Запад, в области лужицкой культуры, в области венгерского Потисья, а также на Восток, в Прикамье. Местное происхождение их исключается в связи с отсутствием среди бронзовых изделий предскифской поры топоров, которые могли бы служить прототипами.

Не менее важными предметами вооружения являются массивные железные наконечники втульчатых копий, найденные в погр. 130 и 140 (длина их 39 *см*, ширина лезвийных наверший 4 *см*). Подобные наконечники копий характерны для погребальных комплексов второй половины VII—VI вв. до н. э. и хорошо известны в памятниках скифского времени Северного Кавказа и Закавказья. Они имеют узкое ребро по середине пера и относятся ко второму типу по классификации А. И. Мелюковой. Наиболее ранние из них, по ее мнению, относятся к началу VI в. до н. э., наиболее поздние — к IV в. до н. э. [52]

Железные втульчатые наконечники копий в тлийских погребальных комплексах появляются в конце VIII — в VII в. до н. э. вместе с бронзовыми топорами и сосудами и продолжают свое бытование в IV в. до н. э., а на Северном Кавказе даже в V в. до н. э., как например, в Луговом и Нестеровском могильниках [53]. В тлийских же погребальных комплексах они позже VI в. до н. э. уже не встречаются.

В комплексах VII—VI вв. до н. э. имеются бронзовые сосуды (миски, кружки с зооморфными ручками, котлы, чаши). В погребениях 130, 132, 140, 144, 148 найдены бронзовые кружки, изготовленные из листовой бронзы. Все они оказались поврежденными (рис. 3, *3*; рис. 9, *5*) за исключением кружки из погребения 130, ручка которой украшена растительным орнаментом. Ручки всех остальных кружек, несмотря на их тождество с ручкой кружки из погр. 130 не орнаментированы. Эти бронзовые кружки характерны для всего Центрального Кавказа и для Тлийского могильника в особенности. Здесь они появляются в комплексах XI—X вв. до н. э. и бытуют до VI в. до н. э. Отдельные находки имеются и в Закавказье [54].

Бронзовая кружка погребения 130 (рис. 11, *2*) отличается от других кружек прежде всего формой дна: т. е. она имеет такое же дно, как и бронзовые миски — плоское, пластинчатое (все остальные кружки с кольцевыми поддонами). Кроме того, кружка из погр. 130 выше других и имеет незначительный перегиб венчика. Дно кружки отремонтировано и скреплено заклепками. Эта кружка является новой формой и пока известна в комплексах рассматриваемого могильника в единственном экземпляре.

---

[49] Геродот. IV, 70, В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 2, стр. 270—271; А И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 65.

[50] Геродот, VII, 61, В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 259; А. И. Мелюкова, Ук. соч., стр. 65.

[51] В. А. Ильінска. Скифські сокири. Археологія, XII, Київ, 1961, стр. 49—51; ее же. Скифы днепровского Лесостепного левобережья, стр. 93.

[52] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 36—38, табл. 14, *5—10*.

[53] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 203—204; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 205, рис. 27, *1*.

[54] Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в с. Квишари. ВГМГ, XV — В, Тбилиси, 1948, стр. 17, рис. 12; С. М. Казиев. Об археологических и исторических памятниках Казахского и Акстафинского районов. МКА, IV, Баку, 1962, стр. 161 и 169.

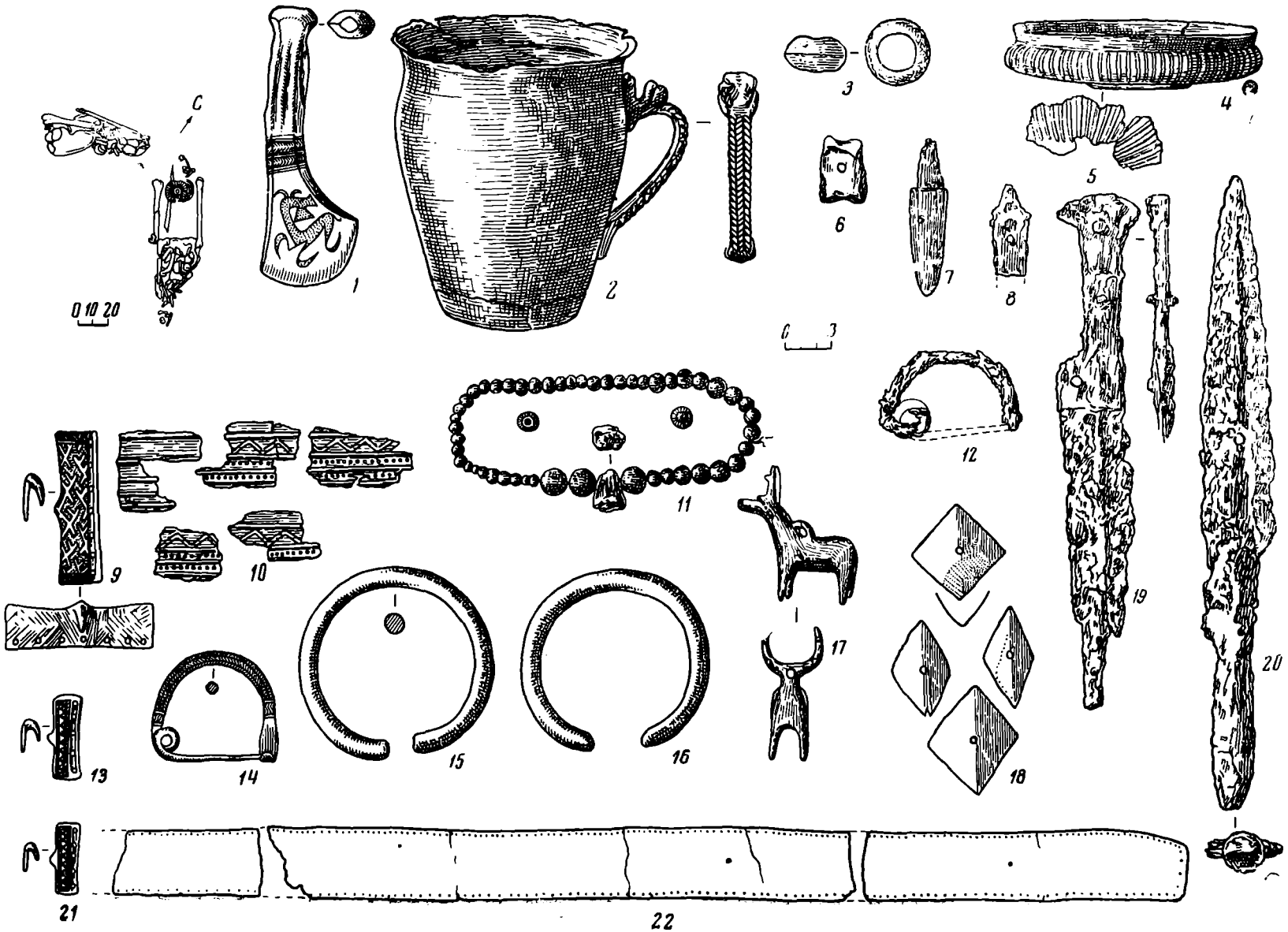


Рис. 11. Тлийский могильник. Погребение и погребальный комплекс 130

Бронзовые миски обычной формы, глубокие, с плоским дном, коротким венчиком, незначительно отогнуты наружу. Миски сравнительно лучшей сохранности. Они выявлены в погр. 123, 125, 129, 134, 138, 143, 146, 154, 158 (рис. 3, *10*; рис. 4, *2*, *3*; рис. 5, *4*; рис. 8, *2*). Миска погр. 143 оказалась настолько хрупкой, что во время зачистки погребения рассыпалась. Некоторые миски в древности были починены, особенно донные их части (миска погр. 138).

Бронзовые миски, так же как и кружки, находили в тлийских погребениях и раньше [55]. На Северном Кавказе подобные миски найдены не только в Кобанском [56], но и в других могильниках VIII—VII вв. до н. э. как например, Эшкаконский [57], погребение № 1 могильника на «Султан горе», могильник на территории Кисловодской мебельной фабрики [58], могильник у с. Кашкатау (ныне Советское) Черекского района Кабардино-Балкарской АССР [59] и т. д. Они берут свою форму от глиняных мисок конца II тысячелетия до н. э.

Следует отметить и находку трех бронзовых ведер. Одно из них найдено в погребении 128, второе — в 158, а третье — вне погребения. Изготовлены они той же клепаной техникой, что и кружки, имеют по два маленьких ушка, соединяемых проволочной ручкой, кончики которой загнуты через ушки в противоположные стороны. Они повторяют форму ранее найденных там же сосудов [60]. Два совершенно аналогичных сосуда имеются в материалах М. И. Рыбенко из Эшкаконского могильника, а одно раздавленное ведро было найдено при проведении шоссе у с. Кашкатау (Советское) Черекского района КБАССР [61]. Они так же, как и бронзовые миски, настолько близки к тлийским экземплярам, что можно усомниться в их принадлежности к разным металлопроизводственным очагам.

Находки в Тлийском и Брильском могильниках убеждают нас в том, что и местом производства бронзовых сосудов является горный район Центрального Кавказа. Именно в этом районе обнаружено наибольшее их количество. В одном только Тлийском могильнике найдено 90 металлических сосудов.

Судя по материалам Тлийского могильника, бронзовые миски и кружки с зооморфными ручками стали появляться с XI—X вв. до н. э. и бытуют до VI в. до н. э. Что же касается бронзовых ведер, то они характерны только для комплексов VIII—VI вв. до н. э.

Бронзовые сосуды настолько были распространены на Центральном Кавказе, что они проникли как в соседние с ним области, так и в более отдаленные края. Так, они найдены в курганах начала VI в. до н. э. у Канева и селения Жаботин в Киевской области, в Прикубанье [62].

Один кавказский сосуд был найден среди металлических изделий в вин-

---

[55] Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли, СА, 1960, № 1, стр. 165, рис. 2, 4; его же. Об одном погребальном комплексе из с. Тли, СА, 1961, № 4, стр. 129, рис. 4, *1*; его же. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г., СА, 1963, № 1, стр. 164, рис. 2, 5, 6; его же. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии, СА, 1965, № 2, стр. 144, рис. 2, *10*.

[56] E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, 1—11, Paris—Lyon, 1882—1887, табл. XXXII, 2.

[57] Материалы Эшкаконского могильника любезно были предоставлены мне сотрудником Пятигорского музея М. И. Рыбенко. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую признательность.

[58] Материалы Кисловодского народного музея были любезно предоставлены мне Н. Н. Михайловым. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую признательность.

[59] Выставлена в экспозиции Кабардино-Балкарского краеведческого музея в г. Нальчике.

[60] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г., стр. 164, рис. 2, 3, 4

[61] Выставлено в экспозиции Кабардино-Балкарского краеведческого музея на витрине «Ранний железный век».

[62] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад, М., 1951, стр. 29—32; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 354; его же. Древняя история и культура Кабарды, стр. 119.

ной кладовой Кармир-Блура, а другой происходит из урартского могильника у Игдыра, у подножья Арарата [63].

Среди бронзовых сосудов, найденных в 1966 г., выделяются две чаши (погр. 130 и 160), одна из которых совершенно рассыпалась, а вторая сохранилась сравнительно лучше. Она изготовлена путем глубоких рифлений (погр. 130, рис. 11, *4*) и по форме, в какой-то степени, напоминает известные серебряные чаши Казбегского клада.

Любопытно отметить, что почти во всех погребениях встречены предметы украшения — **бронзовые пояса из листовой** бронзы с пунсонными линиями на краях и изображениями извивающейся змеи (рис. 2, *19*, *20*; рис. 3, *21*; рис. 5, *7*; рис. 6, *4*; рис. 7, *5*), поясные пряжки (в женских погребениях обычно маленькие, а в мужских — большие, высокие) с орнаментами на наружной поверхности (меандровый узор, треугольники, елочки, ломаные линии, ромбы и т. д.) и без орнамента (погр. 125, 132, 134, 137, 138, 140, 142, 143, 153, 160, рис. 3, *9*; рис. 2, *12*; рис. 4, *16*; рис. 6, *3*; рис. 11, *9*, *13*). Среди пряжек несколько экземпляров изогнутой формы (погр. 139, 143, 147; рис. 9, *4*; рис. 10, *3*), они представляют собой конечный этап развития типичной формы кобанских поясных пряжек [64]. Пряжки этого типа в VII в. до н. э. распространились с Центрального Кавказа и в Закавказье. Они выявлены не только в памятниках Грузии первой половины I тысячелетия до н. э., но также и Армении (Лалвар, Хртаноц, Ахтала) [65].

Самой интересной находкой можно считать роговые трехдырчатые псалии, форма которых является весьма редкой. Аналогии им известны за пределами Кавказа, в частности, в одном из погребений кургана № 2 второй группы у с. Константиновки Мелитопольского района. Там они встречены вместе с бронзовыми удилами стремявидной формы [66]. Подобные псалии найдены в Средней Азии [67]. Более отдаленные аналогии можно привести из позднебронзового поселения Корселетт в Швейцарии [68]. Правда, швейцарские псалии изготовлены из оленьего рога, а тлийские из рогов серны (рис. 10, *6*, *7*).

С роговыми псалиями в том же погребении найдена часть железных удил (рис. 10, *10*) и посох с навершием в виде изображения тура (рис. 10, *11*). Помимо этой фигурки, в материалах 1966 г. имеются еще фигуры барана (рис. 2, *8*), оленя (рис. 11, *17*) и птичья фигурка на бронзовой уховертке (рис. 4, *21*).

Костяных привесок найдено четыре экземпляра. Две из них из медвежьего клыка (рис. 4, *30*), один из человеческого (?) зуба (рис. 11, *11*) и четвертый из когтя хищника. Последняя была найдена при женском костяке, инвентарь которого датируется концом VII в. до н. э. На Кавказе эти привески бытовали в течение нескольких веков. Точные формы тлийской привески встречены в сарматских женских погребениях Северного Кавказа, датируемых I в. до н. э. [69]. Одна такая привеска из бронзы имеется в собрании П. С. Уваровой из Саниба [70], которая, возможно, датируется

---

[63] Б. Б. Пиотровский. Урарту. Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 108; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 119.

[64] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 85.

[65] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 276—277, рис. 108, *6*; рис. 109, *4*.

[66] П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 141, рис. 45; его же. Хронология памятников Поднепровья скифского времени, ВССА, М., 1952, стр. 149, табл. 1, *21*.

[67] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 323, рис. 19.

[68] Г. К. Кларк. Доисторическая Европа, М., 1953, стр. 303, рис. 171.

[69] М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии, СА., 1968, № 3, стр. 123, рис. 6, 7 и 8.

[70] П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 101, табл. XLIX, 15.

еще более поздним временем. Отмеченные в тлийских материалах привески безусловно являлись амулетами.

В двух могилах (135, 158) найдены костяные пряслица, а в погребении 141 обрывок ткани из растительного волокна (крапива?). Еще раньше, в 1958 г. в том же могильнике были найдены обрывки шерстяной ткани [71]. Таким образом, эти незначительные данные говорят о том, что у населения, оставившего Тлийский могильник, помимо развитого скотоводства и производства металлических изделий, существовало и ткачество.

Заканчивая характеристику добытого в 1966 г. материала, отметим, что благодаря этим раскопкам значительно расширяются наши представления о социально-экономическом развитии древних племен Центрального Кавказа вообще и верховьев реки Большой Лиахви в особенности, их связях с племенами соседних и более отдаленных областей, в частности со скифами, с которыми, судя по сведениям Страбона, воинствующие племена горной полосы Восточной Грузии, в том числе и района рассмотренного памятника, находились и в соседстве и в родстве [72]. Правда, данное сведение принадлежит автору I в., но едва ли можно сомневаться в том, что оно является документом, отображающим картину более раннего периода, ведь в течение всего I тысячелетия до н. э. и даже раньше в материальной и духовной культурах племен обоих склонов Главного Кавказского хребта существовали самые тесные взаимосвязи.

B. V. Tékhov

FOUILLES DE LA NÉCROPOLE DE TLI EN 1966

Résumé

Trois ans après la suspension des travaux, les fouilles d'un ensemble de tombeaux appartenant à la culture de Koban, près du village de Tli dans la région autonome de l'Ossétie du Sud ont été reprises. Dans les 38 sépultures mises au jour, il a été trouvé maints objets de parure (tombeaux de femmes) et une riche collection d'armes en bronze et en fer (tombeaux d'hommes). Dans les tombeaux de femmes et dans ceux d'hommes, il a été trouvé des récipients en bronze tels que gobelets, écuelles, petits seaux exécutés par la technique de rivetage.

Ces matériaux témoignent de l'activité multiforme des anciennes tribus (élevage, métallurgie, filetage et autres). L'élevage et la fabrication des objets métalliques de haute qualité étaient leurs activités essentielles. Ces tribus pratiquaient, probablement, l'agriculture de montagne mais vue les conditions naturelles particulières, la culture du sol ne pouvait être intense.

La nécropole fouillée est rapportée aux XII—VI-es siècles avant notre ère. Elle nous a permis d'étendre nos connais-sances sur le développement socio-économique des anciennes tribus du Caucase Central en général et du cours supérieur de la Bolchaïa Liakhvi en particulier, sur leurs liens avec les tribus des régions voisines et de celles plus éloignées, avec les scythes entre autres. Les rapports entre les cultures matérielles et spirituelles des tribus peuplant les deux versants de la Grande Chaine du Caucase sont également perceptibles.

---

[71] Были определены зав. отделом ткани Исторического музея Москвы Л. В. Ефимовой. Пользуюсь случаем выразить ей свою глубокую признательность.

[72] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 218.

М. В. МАЛЕВСКАЯ, П. А. РАППОПОРТ, Б. А. ТИМОЩУК

РАСКОПКИ НА ЛЕНКОВЕЦКОМ ПОСЕЛЕНИИ В 1967 г.

Ленковецкое древнерусское поселение расположено на окраине г. Черновцы. Центральная часть поселения представляет собой небольшое овальное городище, половина которого уже давно уничтожена при прокладке дороги. Раскопки, проведенные на городище, показали, что жизнь здесь протекала во второй половине XII — первой половине XIII в.[1] К городищу примыкает большое одновременное селище, занимающее, судя по рас-

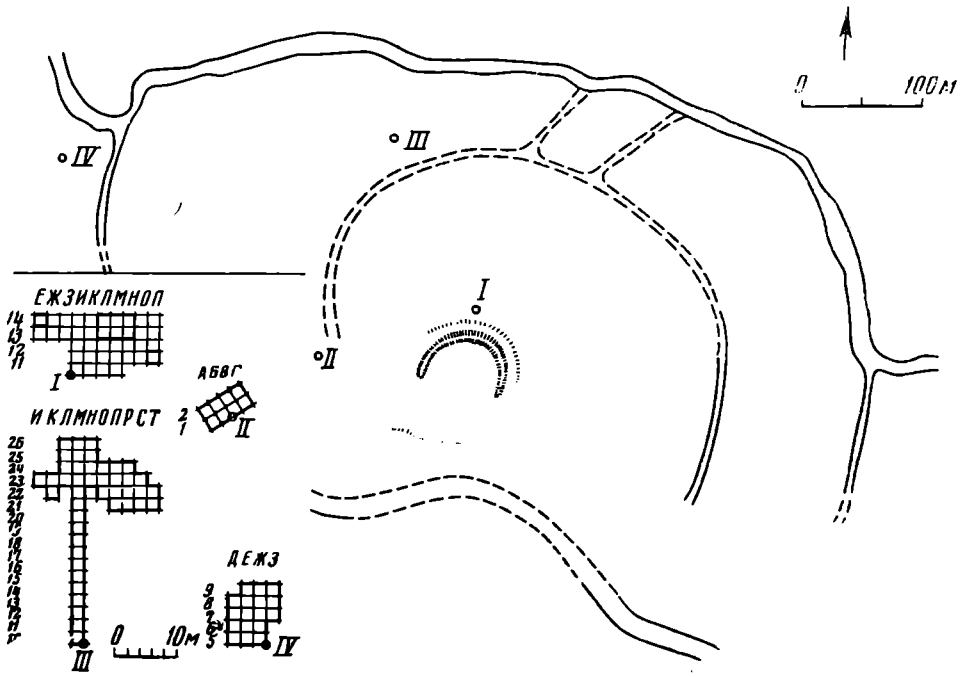


Рис. 1. Ленковецкое поселение. Расположение раскопов в 1967 г.

пространению древнерусской керамики, площадь не менее 30 *га*. Возможно, что часть этого селища также была укреплена; остатки заплывших рвов здесь сохранились до настоящего времени[2].

В 1967 г. на поселении были проведены раскопки[3]. Заложены четыре раскопа общей площадью несколько более 300 $м^2$ (рис. 1). Первый раскоп заложен к северу от городища, непосредственно за его рвом, а второй раскоп — к западу от городища, за вторым рвом. В этих раскопах древний уровень поверхности оказался задетым распашкой и все комплексы поэтому разрушены. Здесь были найдены врезанные в материк поды несколь-

[1] Б. А. Тимощук. Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, 4, стр. 250.

[2] План поселения — см. П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 26.

[3] Раскопки проведены отрядом по изучению жилищ, ЛОИА АН СССР. Состав отряда: начальник П. А. Раппопорт, научн. сотрудники М. В. Малевская и Б. А. Тимощук, лаборанты — Б. Николаев, В. Мартиров, А. Носков и Ю. Юшин.

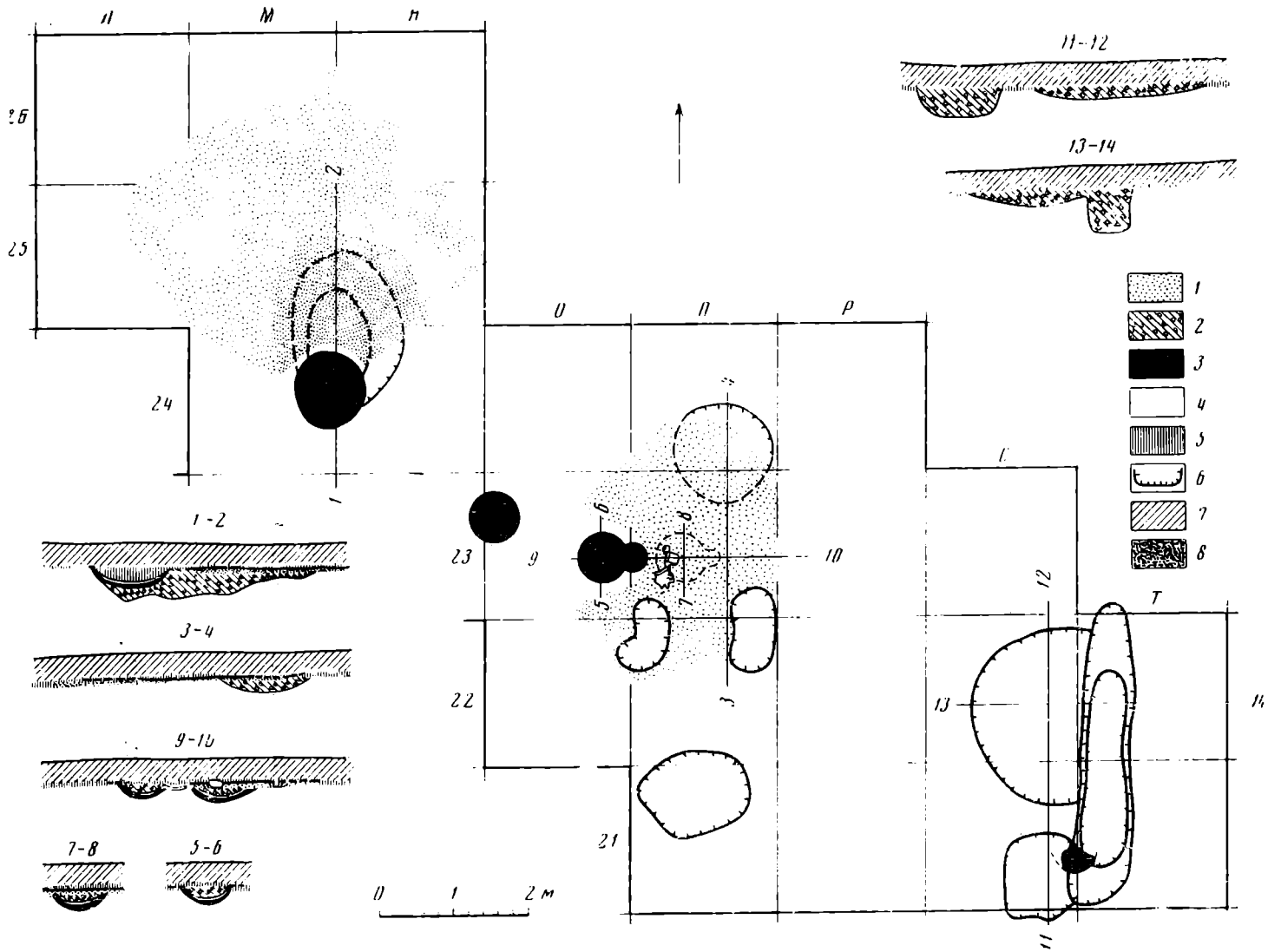


Рис. 2. Раскоп 3 (северо-восточная часть).

Условные обозначения: *1* — пол жилищ; *2* — заполнение ям; *3* — прожженный под печей; *4* — зола; *5* — гумусированный суглинок; *6* — ямы; *7* — перепаханная земля; *8* — завал печины

ких глинобитных печей наземных жилищ, но стенки печей и остатки самих жилищ оказались полностью уничтоженными.

Третий раскоп был заложен на наиболее высоком месте, приблизительно в 170 *м* к северу от городища, за вторым рвом. Земля здесь оказалась перепаханной на глубину 35 *см*, а древний уровень поверхности залегал на глубине 38—40 *см* и не был задет плугом. Здесь было вскрыто несколько хозяйственных и мусорных ям, а в северо-восточной части раскопа обнаружены жилые комплексы. Этот северо-восточный участок еще до начала раскопок выделялся значительной концентрацией древнерусской керамики на поверхности пашни. Раскоп был здесь расширен примерно до 100 $м^2$ и на этой площади обнаружены два жилища, печь, не связанная с остатками жилищ, и комплекс ям (рис. 2).

Примерно в 340 *м* к северо-западу от городища на возвышенном участке за наружным рвом был заложен четвертый раскоп. Древний уровень поверхности здесь находится на глубине 27—28 *см*, но почти не поврежден распашкой. На четвертом раскопе было обнаружено жилище 3, имевшее бóльший размер, чем жилища на третьем раскопе (рис. 3).

Контуры всех трех жилищ, обнаруженных в 1967 г., удалось определить по остаткам полов. Полы были земляные, даже не подмазанные глиной, и поэтому проследить их было чрезвычайно трудно. Полы лежат непосредственно на материковом суглинке, но суглинок этот в своей верхней части, т. е. под самых полом, несколько гумусирован. Поэтому суглинок, подстилающий пол, практически почти не отличается от того слоя гумусированного суглинка, который лежит выше полов и представляет собой нижнюю, не задетую распашкой часть культурного слоя. Разница между этими слоями состоит лишь в том, что слой, лежащий ниже пола, не имеет культурных включений и книзу постепенно светлеет, переходя в чистый желтый материковый суглинок, а слой, лежащий выше пола, имеет редкие культурные включения. Сами полы представляют собой слой несколько более темный, более пористый и менее глинистый, чем выше- и нижележащие слои. Почти такой же слой распространялся и вне жилищ и представляет собой уровень древней поверхности, но полы отличаются несколько большей насыщенностью фрагментами керамики, костями животных и особенно втоптанными в пол мелкими угольками и кусочками печины.

Полы имеют толщину в средней части жилищ около 6 *см*, а к краям утоняются. По-видимому, поверхность полов несколько поднималась к краям и особенно к углам. При каких-то срезках (видимо, при пахоте, производившейся еще в древности, когда поверх не было наросшего слоя) приподнятые углы, а возможно и края полов были задеты и частично срезаны. Этим объясняется плохая сохранность полов в углах жилищ, тонкость полов на краях, а также большое количество вещей в перепаханном слое над жилищами. Четкие границы полы имеют далеко не всюду, и в некоторых местах эти границы могли бы быть сдвинуты в ту или другую сторону до 10—15 *см*. В целом же пятно пола во всех трех жилищах определилось достаточно отчетливо [4].

На границах пола ни в одном жилище не было отмечено никаких следов стен: ни столбовых ям, ни угловых «стульев», ни завалов глины. Дерево в условиях Ленковецкого поселения совершенно не сохраняется. Естественно поэтому предположить, что стены были деревянными либо срубного типа, либо каркасной конструкции с нижней обвязкой, причем нижние бревна лежали непосредственно на земле без всякой субструкции.

В каждом жилище было по одной печи, от которых сохранились только круглые поды, несколько понижающиеся к середине, врезанные в материк на 15—22 *см* ниже уровня пола жилищ. Поды прожжены на глубину до 5 *см* и покрыты сверху слоем слежавшейся белой золы. В некото-

[4] Трудность выявления подобных полов привела к тому, что до сих пор (насколько об этом можно судить по археологической литературе) еще не были прослежены контуры ни одного древнерусского наземного жилища лесостепной зоны.

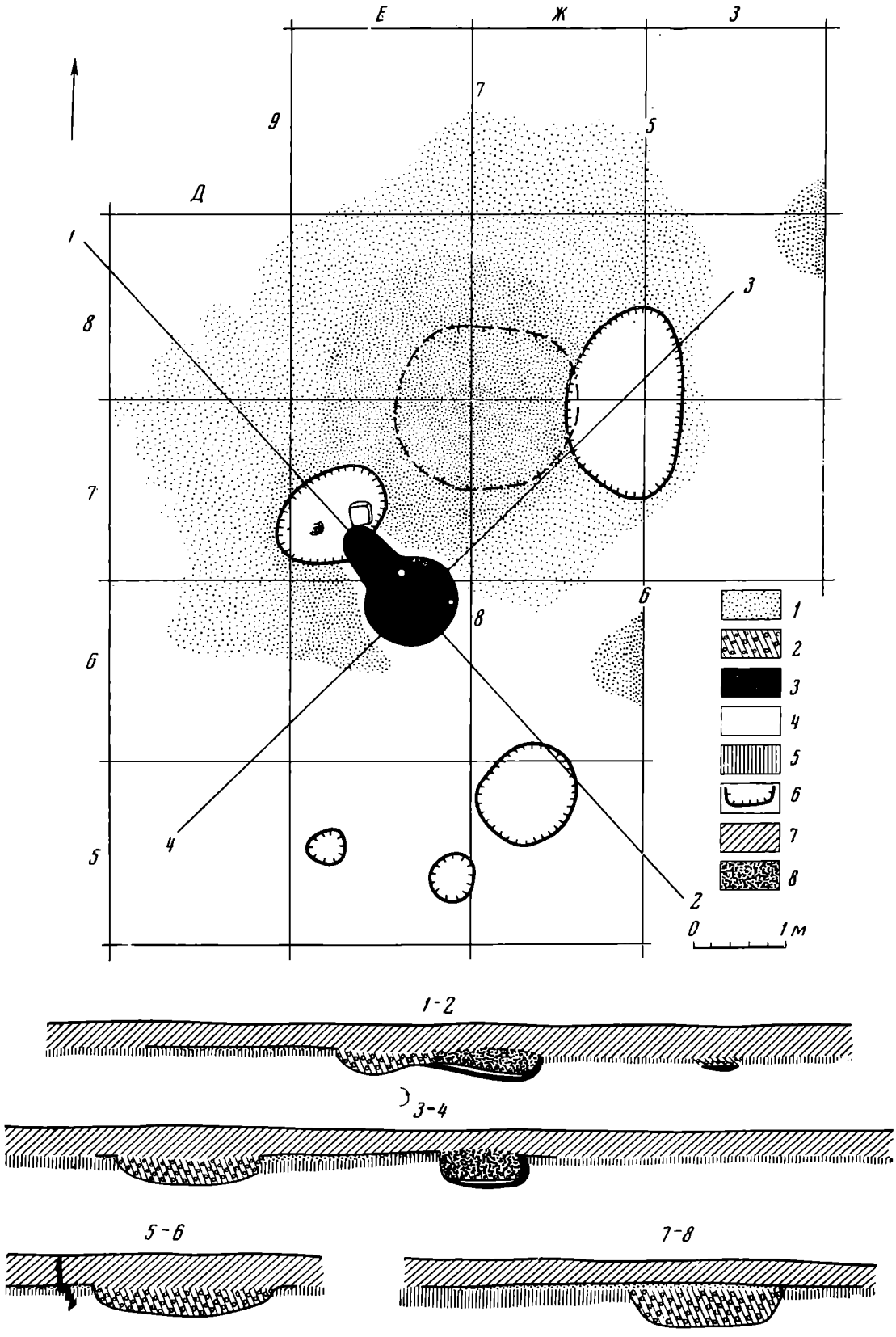


Рис. 3. Раскоп 4. Условные обозначения те же, что на рис. 2

рых печах имеются удлиненные устья, также несколько врезанные в материк.

От стенок печей сохранились кое-где лишь самые нижние части, но обломки стенок найдены в завалах печей. В завале печи жилища 3 лежал плотный слой печины, состоящий из кусков стенок и свода этой печи. Многие куски имеют с одной стороны гладкую, иногда слегка вогнутую поверхность. На некоторых кусках видны канавки и отверстия от прутьев

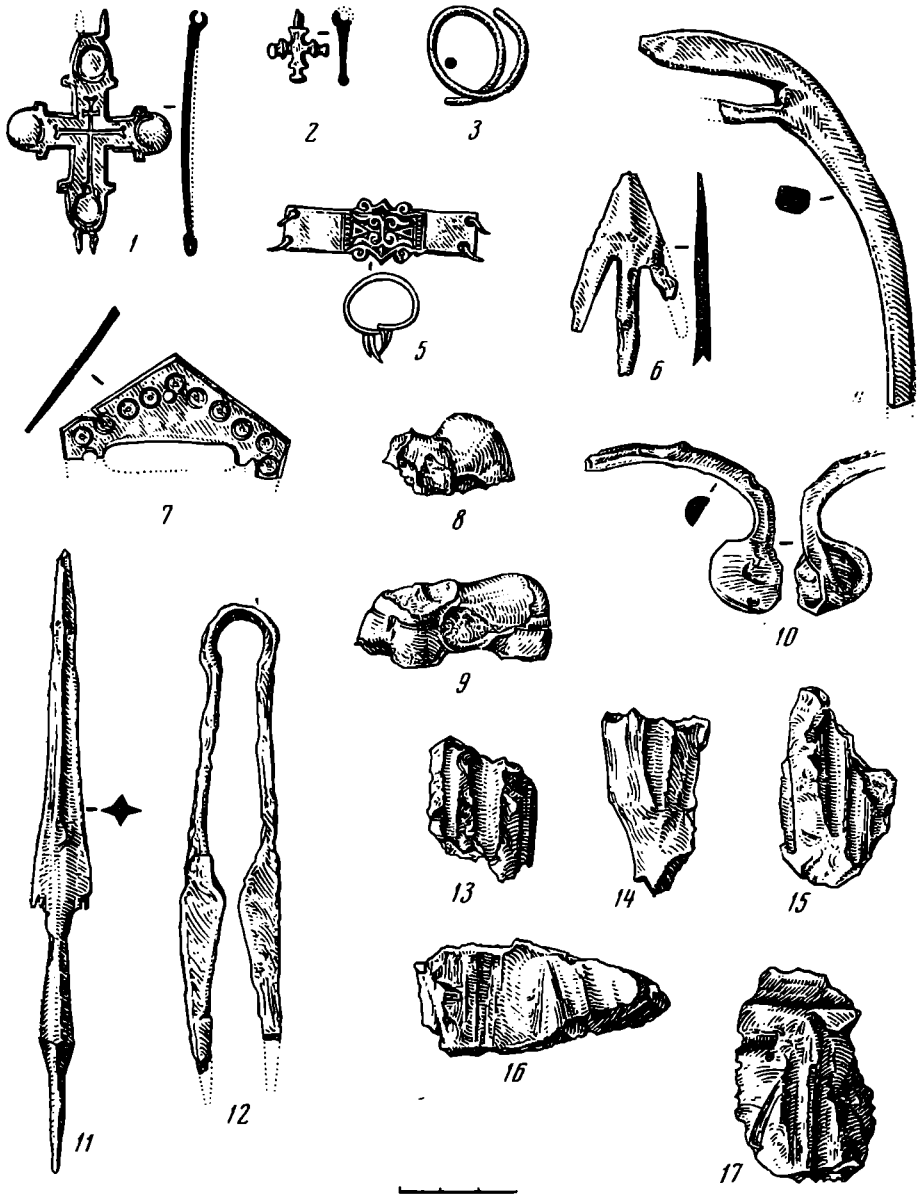


Рис. 4. Вещи из раскопок 1967 г.

1 — крест-энколпион; *2* — крест-тельник; *3* — височное кольцо; *4* — обломок стремени; *5* — бронзовая обоймочка; *6* — стрела; *7* — обломок костяной накладки; *8* и *9* — глиняные фигурки; *10* — обломок шпоры; *11* — наконечник сулицы; *12* — пружинные ножницы; *13, 14, 15, 16* и *17* — куски глиняного свода печи. Место находки: *9* — раскоп 2; *1, 5, 8* и *11* — жилище 1; *3, 4* и *7* — раскоп *3; 6, 10* и *12* — жилище 3; *2* — раскоп 4; *13—17* — печь жилища 3

каркаса, имевших диаметр от 0,3 до 1,2 *см* (рис. 4, *13—17*). Кое-где следы прутьев прослежены даже не в одном, а в двух взаимно перпендикулярных направлениях. Очевидно, что кроме прутьев, расположенных вдоль свода печи (т. е. сверху вниз), существовали и поперечные обвязки.

Следов дымоходов нигде не обнаружено [5]. Следует отметить, что вокруг

[5] Следует отметить, что в предыдущие годы при раскопках на Ленковецком городище были найдены остатки дымоходов печей двух наземных жилищ. Обе печи большого размера; одна имела прямоугольный под приблизительно 1×2 *м*, другая — овальный под, длинная ось которого равна 1,3 *м*. В завалах этих печей были обнаружены куски трехстенных глиняных желобов шириной около 40 *см* и высотой около 30 *см*. Длина желобов не выяснена, так как найдены только их куски. Наружная поверхность желобов чистая, а внутренняя сильно закопчена. Очевидно, эти желоба представляют собой части дымоотводов того типа, который до сих пор сохранился на Буковине под названием «кагла». Эта система устраивается следующим образом: между печью и стеной горизонтально укладывается доска, обмазанная глиной, а на нее, дном кверху, трехстенный глиняный желоб, по которому дым уходит из печи в отверстие, проделанное в стене.

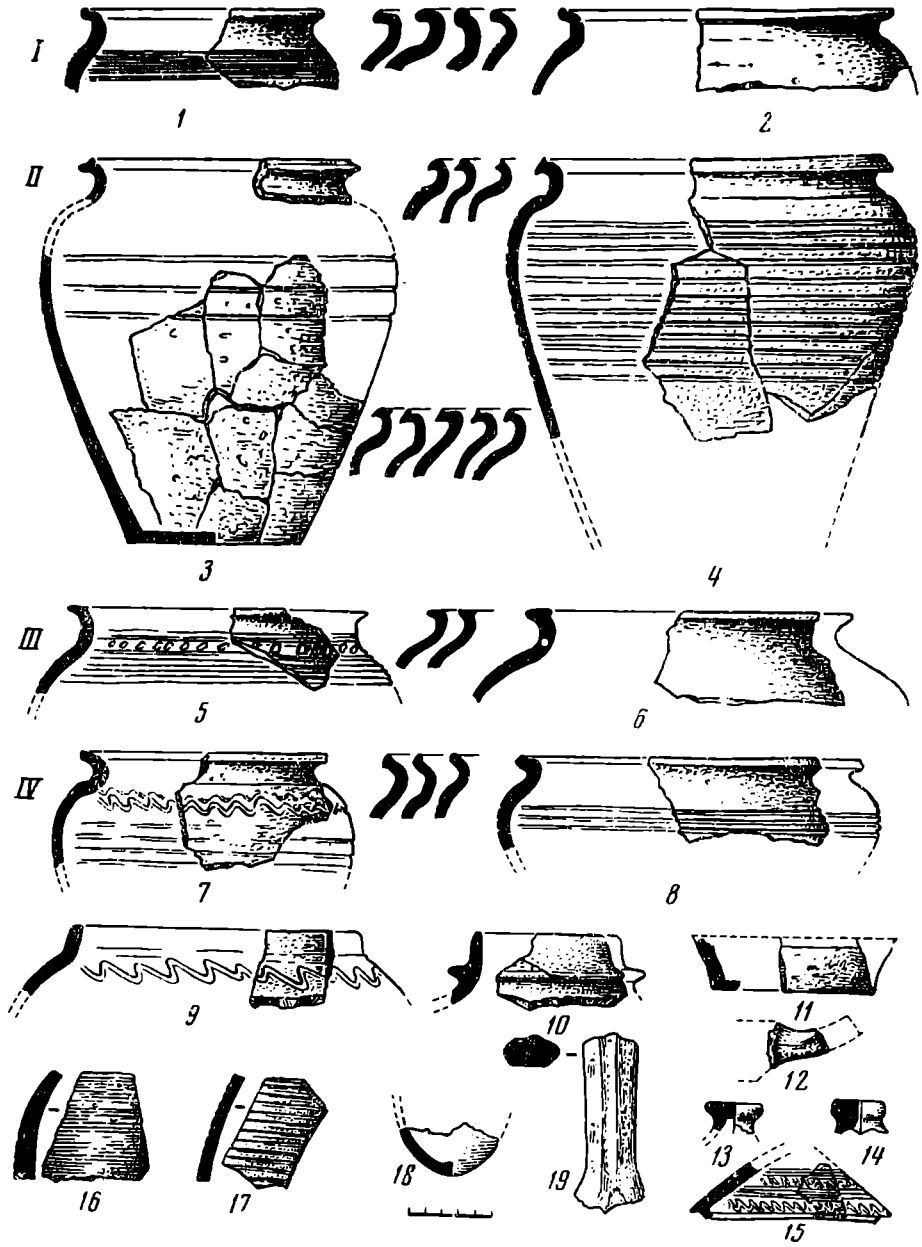


Рис. 5. Основные формы керамики

1—2 — горшки I типа, *3—4* — горшки II типа; *5, 6* — горшки III типа; *7—8* — горшки IV типа; *9* — сосуд с низким прямым горлом; *10* — кринка с валиком для веревки; *11* — миска с пазом для крышки; *12* — ручка ковша; *13—15* — крышка, *16—19* — фрагменты амфор. Место находки: *1—2, 5—6, 11* — раскоп 3; *3* — раскоп I, развал печи; *4, 7, 16—17* — раскоп 3, яма в кв. С 21—22; *8, 10* — раскоп 4; *12—15* — раскоп 2; *13* — подъемный материал; *19* — раскоп 4, жилище 3

печей всюду имеется полоса грунта без следов пола: место, где стояли стенки печи.

Прежде чем перейти к описанию жилищ и связанных с ними находок, следует дать краткую общую характеристику наиболее многочисленного археологического материала — керамики. Обломки глиняной посуды, обнаруженные при расчистке жилых построек и хозяйственных ям, а также в культурном слое, позволяют составить достаточно полное представление о керамическом комплексе Ленковецкого поселения. Вся посуда сделана из глины с примесью мелкого песка или без видимых примесей и выработана на ручном гончарном круге. Сосуды имеют тонкие стенки (0,4—0,6, реже 0,7 *см*) и такие же или еще более тонкие (до 0,2 *см*) днища с песчаной подсыпкой, ее отпечатками или совсем гладкие. Обжиг сосудов различный: черепки в изломе красные или трехслойные, реже серые.

Основная масса всех обломков, найденных на поселении, принадлежит кухонным горшкам. Почти все они имеют отогнутый наружу венчик, изо-

гнутую или почти вертикальную шейку, довольно высокие плечики и суживающееся книзу тулово. Диаметр венчика большей частью равен 11—18, реже 19—24 *см*, диаметр днища — 8—10, реже 11—12 *см*. Высота сосудов приблизительно равна максимальному диаметру тулова или незначительно превосходит его. По профилю венчика (формовка его края) все горшки подразделяются на четыре основных типа. К I типу относятся горшки с загнутым внутрь округлым краем венчика, образующим гнездо для крышки (рис. 5, *1—2*). Горшки II типа характеризуются резко очерченным венчиком с косо срезанным краем, иногда с выемкой вдоль него (реже с выступом) и с закраиной с внутренней стороны, реже без нее (рис. 5, *3—4*). Они представляют собой основной тип горшков, составляя около 80% обломков всей керамики поселения. Горшки III типа имеют горизонтально срезанный край, слегка оттянутый наружу, и почти всегда закраину с внутренней стороны (рис. 5, *5—6*); среди них преобладают сосуды большого размера с диаметром горла 16—25 *см*. Горшки IV типа характеризуются простым венчиком с округлым или срезанным краем без закраины с внутренней стороны (рис. 5, *7—8*). Они имеют несколько архаичный вид. Горшки последних двух типов составляют лишь небольшую группу сосудов. Встречаются также венчики иных профилей, но по своей малочисленности они не могут быть объединены в самостоятельные группы.

Кроме горшков на поселении найдена посуда иного назначения. Это, во-первых, обломки от сосудов с низким прямым, слегка наклонным внутрь широким горлом (д. 16—20 *см*), служившие, вероятно, для хранения запасов (рис. 5, *9*;) во-вторых, обломки сосудов с узким вертикальным горлом (д. 8—10 *см*) и сильно выступающим наружу опоясывающим его валиком с двумя пазами, через которые выводилась кверху в виде петли веревка, подвязанная под валиком (рис. 5, *10*); сосуд такой конструкции мог предназначаться для переноса жидкостей. В-третьих, небольшие миски (или плошки)с прямыми или слегка округлыми стенками, суживающимися книзу; одна из них имеет паз для крышки (рис. 5, *11*). В-четвертых, черпаки (или ковши), от которых найдена лишь одна ручка (рис. 5, *12*). В-пятых, крышки с небольшими головками (рис. 5, *13—15*).

Помимо местной посуды, на поселении найдено значительное количество обломков причерноморских амфор четырех различных типов (рис. 5, *16—19*), которые будут нами рассмотрены при описании керамики отдельных комплексов.

Ниже приводится описание раскопанных жилищ и сопровождающих их находок.

Жилище 1 (раскоп 3, кв. ОП $\overline{22—24}$). Ориентировано сторонами по странам света. Размер — приблизительно 3,6×2,9 *м*. Печь расположена у середины западной стены. Диаметр пода печи 63 *см*; с восточной стороны под имеет удлиненное устье, которое, так же как и под, было покрыто слоем белой золы. Перед устьем лежали два плоских камня и половина горшка (рис. 6, *3*). Тулово его орнаментировано параллельными линиями, нанесенными, как это хорошо видно, по спирали не отрывая руки. При расчистке пола и печи жилища были найдены несколько обломков горшков I типа (рис. 6, *1*), значительное количество фрагментов горшков II типа (рис. 6, *2—4*), к которым принадлежит и раздавленный сосуд, а также единичные венчики горшков III и IV типов (рис. 6, *7—8*). К редким по орнаментации образцам относятся две стенки, на которых линии нанесены не палочкой, а гребенчатым инструментом, образующим в одном случае сплошную рифленую поверхность (рис. 6, *6*), а в другом — пояса параллельных линий. Помимо горшков в жилище найдены единичные фрагменты посуды иного назначения. Это обломок кринки с валиком для подвязывания веревки (рис. 6, *9*), фрагмент сосуда с низким широким горлом (д. 20 *см*) и сильно вынесенными плечиками (рис. 6, *10*), а также обломки стенок и ручки одного из известных типов причерноморских амфор

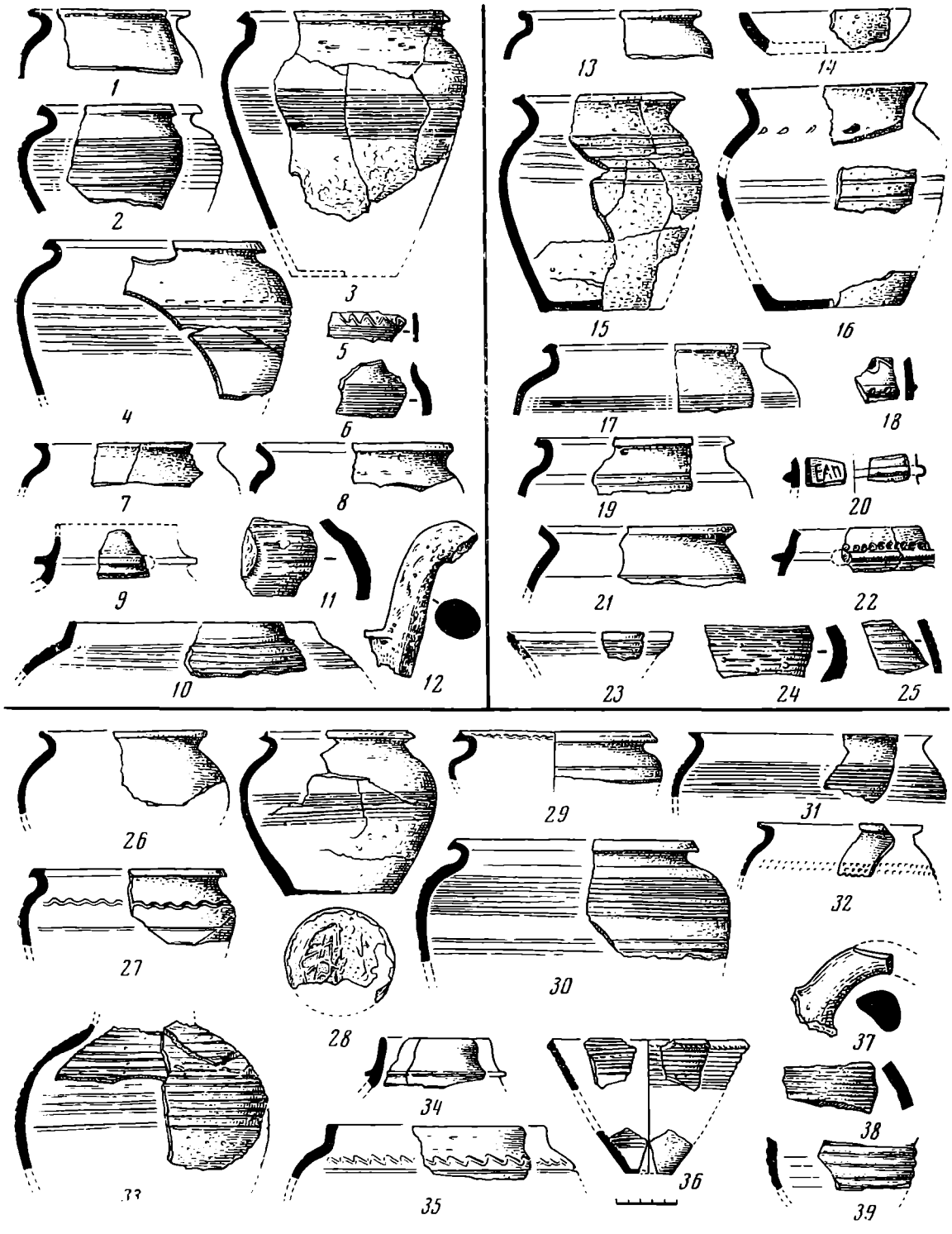


Рис. 6. Керамика из комплексов

1—12 — раскоп 3, жилище 1; *13—25* — раскоп 4, жилище 3; *26—35*; *37—39* — раскоп 3, яма в кв. С 21—22; *36* — раскоп 3, яма в кв. Т 22

(рис. 6, *11—12*). Это амфоры с высоким горлом, поднятыми над ним массивными ручками и вытянутым туловом, покрытым частыми глубокими бороздками. На полу жилища, кроме обломков керамики, найдены бронзовая обоймочка (рис. 4, *5*) и обломок фигурки животного из обожженной глины со следами желто-зеленой поливы (рис. 4, *8*). В перепаханном слое над жилищем найдены следующие предметы: оборотная сторона бронзового креста-энколопиона со следами черни (рис. 4, *1*), наконечник копья-сулицы (рис. 4, *11*), обломок шиферного пряслица, три обломка стеклянных браслетов, две бусины, два железных стерженька, обломки железного ножа, железных пружинных ножниц, оселка, кремень от огни-

ва. В соседнем квадрате 0 $\overline{24}$ найдено медное проволочное височное кольцо в полтора оборота (рис. 4, *3*).

Жилище 1 было построено на месте ранее существовавшего жилища такого же типа. Это видно из наличия к востоку от печи второй печи, уничтоженной при постройке жилища и перекрытой сверху полом этого жилища. Под разрушенной печи лежит на 4 *см* ниже пода печи жилища. В южной части жилища имеются две ямы, проявившиеся в виде темных пятен еще в уровне пола, т. е. относящиеся, по-видимому, к верхнему, более позднему жилищу. В заполнении этих ям найдены только немногочисленные угольки и небольшие вкрапления обожженной глиняной обмазки. К северо-востоку от печей расположена еще одна яма, заполненная землей с кусочками керамики и мелкими угольками. В яме найден железный нож и два куска железного шлака. Пол жилища проходил поверх ямы; очевидно, эта яма относится к первоначальному жилищу. Пол нижнего жилища был, очевидно, уничтожен при возведении второго, более позднего жилища, поскольку уровни этих полов должны были почти полностью совпадать.

Жилище 2 (раскоп 3, кв. ЛМН $\overline{24—26}$). Ориентировано углами по странам света. Размер 4,1×4,0 *м*. Печь расположена в южном углу. Диаметр пода 92 *см*. Судя по незначительной вытянутости пода, устье печи было обращено к северо-западу; здесь перед печью в неглубокой впадине найден разбитый горшок, полностью восстановленный (рис. 7, *11*). Он характеризуется вытянутыми пропорциями (диаметр венчика — 17,5 *см*, д. днища — 8,2 *см*, высота 31,5 *см*) и по профилю венчика относится к наиболее многочисленным на поселении горшкам II типа. Поверхность сосуда покрыта параллельными линиями больше чем наполовину тулова, что в это время встречается очень редко. На полу жилища найдены также фрагменты горшков других типов (I и III) и обломок горла кринки с валиком для подвязывания веревки.

Жилище 2 было построено на месте засыпанной ямы. Там, где под печи материковый, он приобрел при обжиге красно-коричневый цвет, а там, где этот под лежит на засыпке ямы, он получил после обжига черно-коричневый цвет. В яме под жилищем найдены фрагменты горшков тех же трех типов, что и в жилище, а также обломок кринки с валиком для подвязывания веревки.

Между жилищами 1 и 2 (в кв. НО $\overline{23}$) был обнаружен под еще одной печи совершенно такой же конструкции, как печи жилищ. Под этот залегал на 1 *см* выше пода печи жилища 1. Никаких следов жилища вокруг этой печи не обнаружено.

К юго-востоку от жилища 1 в кв. СТ $\overline{21—22}$ были расчищены несколько ям. Одна из них неглубокая, была почти сплошь заполнена обломками посуды. В этой же яме найдены кости животных, угли, куски печины. Здесь же найдены обломок костяной накладки (возможно, от седла — рис. 4, 7), четыре бусины, железная пряжка с насечками, железная скоба, железный ключ от цилиндрического замка, украшенный насечкой. Вторая яма — более глубокая — была заполнена землей с небольшим количеством керамики. Рядом с ямой находилось пятно обожженной глины — остатки какого-то огнища. Как ямы, так и огнище частично врезаны не в материк, а в слой засыпки более глубокой длинной ямы, в которой найдено небольшое количество керамики, обломок стеклянного браслета, оселок, железная дужка от ведра.

Из ям в кв. СТ $\overline{21—22}$ собран наиболее многочисленный и разнообразный керамический материал. Однотипность керамики во всех ямах свидетельствует об их почти одновременном существовании. Наиболее полный набор посуды, бытующей на Ленковецком поселении, получен из неглубокой ямы в кв. С $\overline{21—22}$, содержащей около 1600 обломков. Среди них обнаружены обломки от горшков всех основных типов (рис. 6, *26—32*), а также венчики от сосудов иных, редко встречающихся профилей. Как и в

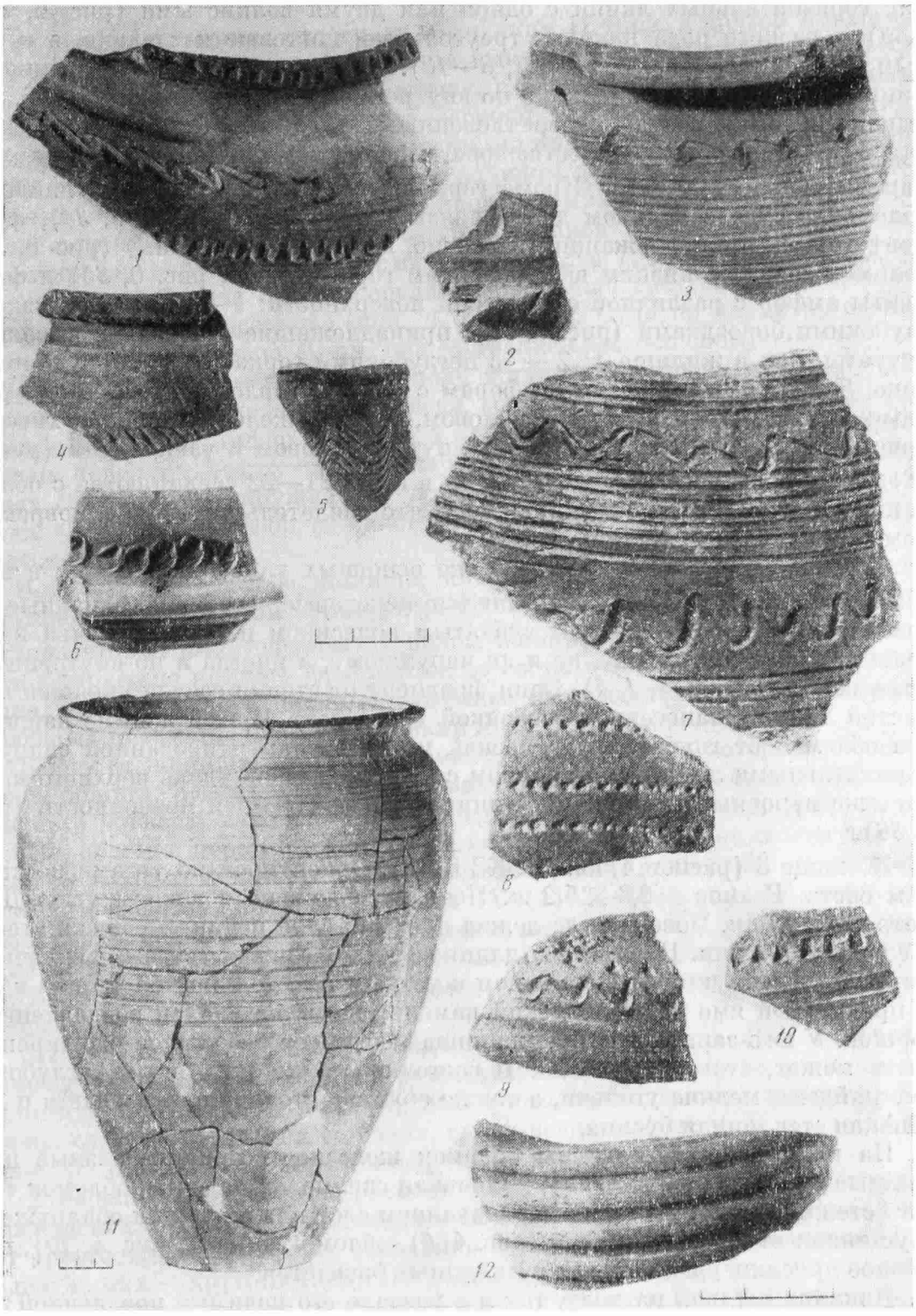


Рис. 7. Виды орнаментации керамики

1, 4—5 — раскоп 3, яма в кв. Т 22; *2, 6* — раскоп 4, жилище 3; *3, 8—10, 12* — раскоп 3, яма в кв. С 21—22; *7* — раскоп 4, яма в кв. Ж 5; *11* — раскоп 3, жилище 2

остальных комплексах, основная масса фрагментов принадлежит горшкам II типа, один из которых удалось склеить (рис. 6, *28*). Это небольшой горшок (д. горла 12 *см*, д. дна 9,5 *см*, высота 14 *см*), отличающийся от других более приземистыми пропорциями. Обращает на себя внимание очень тонкое днище (0,25 *см*) при большой толщине стенок в придонной части (до 1 *см*). На днище сохранилась часть клейма неопределенного рисунка. Многочисленные фрагменты посуды из ямы дают представление о некоторых ранее не встречавшихся приемах орнаментации. К ним относится сочета-

ние горизонтальных линий с одной или двумя волнистыми (рис. 6, *27* и 7, *3*) и разного рода наколы: треугольные, ногтевые и сделанные зубчатым колесиком (рис. 6, *32* и 7, *8—10*). На одном фрагменте волнистая линия проведена не снаружи, а по внутреннему краю венчика (рис. 6, *29*). Однако обломки посуды с перечисленными видами орнаментации теряются среди огромного количества фрагментов сосудов, украшенных только параллельными линиями. Кроме горшков в яме в кв. С 21—22 найдены: обломок сосуда с валиком для подвязывания веревки (рис. 6, *34*), фрагмент стенки, принадлежащий, вероятно, кринке или кувшину (рис. 6, *33*), обломок сосуда с низким вертикальным горлом (д-17, рис. 6, *35*) и фрагменты амфор с различной обработкой поверхности: 1 — с частыми узкими глубокими бороздками (рис. 6, *38*), принадлежащие амфорам с высокими ручками, как в жилище 1; 2 — с неглубокими горизонтальными линиями (рис. 5, *17*), относящиеся к амфорам с низким горлом, дуговидными ручками (рис. 6, *37*) и раздутым туловом, и *3*— с желобчатой поверхностью (рис. 6, *39* и 7, *12*) от амфор с вытянутым туловом и узким дном (рис. 5, *18*). Некоторые части сосудов из ямы в кв. С 21—22 соединяются с обломками, найденными на полу жилища 1, что свидетельствует об одновременном существовании жилища и ямы.

Среди фрагментов сосудов тех же основных типов, найденных в другой яме (кв. Т 21—22), выделяются некоторые, особенно нарядные по своей орнаментации. Наколы зубчатым колесиком и косая насечка нанесены не только по тулову, но и по наружному, а иногда и по внутреннему краю венчика (рис. 7, *1*, *4*). Один фрагмент от стенки сосуда украшен волнистой линией, нанесенной гребенкой (рис. 7, *5*). В этой же яме найдены два обломка от глубокой конической миски, орнаментированной снаружи параллельными линиями и валиком с косой насечкой вдоль верхнего края, а также неровными глубокими линиями по внутренней поверхности (рис. 6, *36*).

Жилище 3 (раскоп 4, кв. ДЕЖЗ 6—9). Ориентировано углами по странам света. Размер — 6,8 × 5,2 *м*. Печь расположена в южном углу. Диаметр пода 98 *см*. Поверх пода лежал плотный слой печины — куски стенок и свода этой печи. Печь имела длинное устье, а перед устьем предпечную яму, заглубленную вровень с подом и устьем, т. е. до 22 *см* от уровня пола. В предпечной яме лежал плоский камень; здесь же найден раздавленный горшок. У юго-западной стены жилища пол имеет небольшое расширение. Быть может, это следы входа. В восточной части жилища в неглубокой яме найдены мелкие угольки, а также обломок стеклянного браслета и маленькая стеклянная бусина.

На полу жилища найдены обломок железного серпа, железные пружинные ножницы (рис. 4, *12*), маленькая свинцовая палочка, обломок тонкого стеклянного браслета. В перепаханном слое над жилищем обнаружены двушипная втульчатая стрела (рис. 4, *6*), обломок шпоры (рис. 4, *10*), шиферное пряслице, два обломка стеклянных браслетов.

В жилище 3, как на полу, так и в развале его печи и в предпечной яме найдены фрагменты горшков преимущественно II типа, а также другие виды посуды (рис. 6, *13—25*).

Три сосуда из этого жилища сделаны из глиняного теста, отличающегося от других по составу. Вместо примеси мелкого песка они содержат значительную примесь крупного речного песка и по очень шероховатой поверхности покрыты оранжевым и желто-оранжевым ангобом. Один горшок из такого теста, обломки которого лежали на полу около устья печи и, частично, в ее заполнении, удалось восстановить полностью (рис. 6, *15*). Другой, обломки которого найдены в заполнении предпечной ямы, реконструирован графически (рис. 6, *16*). Оба горшка довольно приземистые, максимальный диаметр их тулова почти равен высоте сосудов, а диаметр венчика лишь незначительно превосходит диаметр днища. Один из сосу-

дов по профилю венчика относится к горшкам II типа, а другой и обломок от третьего аналогий на поселении не имеет. Из такого же грубого теста сделана небольшая миска (или плошка) с толстыми, слегка округлыми стенками (д. устья — 13 *см*, высота — около 3,5 *см*, рис. 6, *14*). В жилище 3 обнаружен также один обломок миски, но иной, чем первая, формы (рис. 6, *23*) и четыре фрагмента сосудов с валиком для подвязывания веревки. На внутренней поверхности горла одного из них сохранилось три буквы от процарапанной острым инструментом надписи (рис. 6, *20*); другой орнаментирован округлыми наколами (рис. 6, *22* и 7, *6*). Единичной находкой является обломок стенки сосуда, украшенный треугольным в сечении валиком с косой насечкой (рис. 6, *18*, 7, *2*). Судя по диаметру стенки, равному приблизительно 40 *см*, она принадлежала большому сосуду.

Помимо местной керамики на полу жилища 3 найдена ручка, принадлежащая амфоре, тип которой неясен (рис. 5, *19*). В отличие от широко распространенных амфор из хорошо отмученного теста с докрасна прокаленным черепком, эта ручка сделана из теста с примесью песка и в изломе имеет серый цвет, наружная ее поверхность красно-коричневая шероховатая. Фрагменты амфор из такого теста в древнерусских городах встречаются очень редко.

Под северной частью жилища, ниже его пола, залегает очень слабо насыщенный находками культурный слой. Очевидно, именно с этим слоем связана вторая яма, перекрытая полом жилища (в кв. ЕЖ $\overline{7—8}$). В этой яме обнаружено немного фрагментов от сосудов тех же форм, что и в жилище, кусочки угля и печины, несколько неопределенных по назначению железных предметов, очень маленький кусочек стекла.

К югу от жилища 3, в кв. Ж $\overline{5}$ расчищена яма, дно которой сохранило следы обжига. Здесь, вместе с фрагментами керамики найдены бусина из красного шифера, маленький бронзовый крест-тельник (рис. 4, *2*), медное кольцо, обломок перстня с фигурным щитком. Здесь же, на самом дне ямы лежала медная монета, представляющая собой венгерское подражание арабским монетам, времени Стефана IV (1162—1163 гг.). Обломки сосудов из заполнения ямы относятся преимущественно к II типу, в том числе один обломок с рядом треугольных наколов по внутреннему краю венчика. Интересен обломок богато орнаментированной стенки кринки или кувшина (рис. 7, *7*).

Из отдельных предметов, найденных при раскопках 1967 г., следует отметить обломок железного стремени (рис. 4, *4*, в яме на раскопе 3) и глиняную обожженную фигурку животного, по-видимому, лошади, на которой, судя по следам на ее боках, сидел всадник (рис. 4, *9*, в яме на раскопе 2). На фигурке сохранились следы желто-зеленой поливы.

В перепаханном слое на раскопе 4 обнаружено несколько обломков керамических плиток со следами желтой и коричневой поливы. Плитки имеют треугольную форму; их основание 8 *см*, высота 9 *см*, толщина 2 *см*. Одна из них — другого типа; это обломок более толстой плитки (толщина 3 *см*), фигурной формы со следами желтой поливы. Следует отметить, что в северо-восточной части Ленковецкого поселения в предыдущие годы уже были найдены подобные плитки. Судя по наличию в этой части поселения железоплавильных горнов, можно полагать, что здесь был производственный район, где могли быть изготовлены эти плитки. Находка таких плиток в западной части поселения (раскоп 4), очевидно, свидетельствует о наличии поблизости какого-то богатого здания (быть может деревянной церкви), для украшения пола которого эти плитки были использованы.

Весь материал, обнаруженный при раскопках на Ленковецком поселении, не выходит за хронологические рамки XII — первая половина XIII в. К этому времени относятся типичный для Южной Руси маленький крест-тельник, шпора, стремя. Не раньше, чем к середине XII в., относятся крест-энколпион и железный ключ. Бронзовая обоймочка, найденная на полу жилища 1, имеет точную аналогию (по-видимому, даже выпол-

Химический состав стеклянных изделий ленковецкого поселения

№ п/п	Описание изделия	Кремнезем	Окись натрия	Окись калия	Окись кальция	Окись магния	Окись алюминия	Окись железа	Окись марганца	Окись свинца	Окись меди	Окись кобальта	Двуокись олова	Двуокись титана	Пятиокись фосфора	Окись серебра	Химический тип стекла
1	Обломок поливной плитки. Полива коричневая, прозрачная.	Основа	0,3	4	1,7	Сл.	1,5	1,5	0,1	70—75	Сл.	Сл.	0,15	0,2	Есть	Сл.	
2	Обломок поливной плитки. Полива лимонно-желтая, заглушенная.	»	Сл.	4	1,5	0,3	1,5	1,2	0,1	70—75	0,5	»	4	0,3	»	»	Свинцово-кремнеземный
3	Обломок писанки. Полива желто-зеленая, заглушенная.	»	»	—	1,0	Сл.	0,8	0,3	Сл.	70—75	0,3	»	4	0,3	Сл.	»	
4	Бусина. Округлая, темно-бурая, орнаментированная капельками желтого и бирюзового стекла.	»	»	—	»	»	0,1	0,2	—	70—75	0,1	»	4	Сл.	—	»	
5	Бусина. Неправильно округлая, печеночно-красная с молочно-белым орнаментом «елочкой»	»	»	—	0,2	»	Сл.	0,3	—	70—75	0,1	—	3	»	Есть	»	
6	Бусина. Овальная, голубая, полупрозрачная.	»	1,3	20	0,5	0,3	0,7	1,0	0,2	25	0,7	Сл.	0,1	Сл.	—	»	
7	Обломок плоского бесцветного стекла (по-видимому, от сосуда)	»	0,5	16	1,5	Сл.	0,5	0,3	Сл.	22	Сл.	—	—	»	—	Сл.	Калиево-свинцово-кремнеземный
8	Обломок стеклянного браслета. Треугольного сечения, синий.	»	1,0	22	0,1	»	0,4	0,25	0,8	25	0,3	—	Сл.	»	—	Сл.	
9	Обломок стеклянного браслета. Треугольного сечения, темно-зеленый.	»	2,0	18	0,2	»	0,5	1,3	Сл.	25	Сл.	—	»	»	—	Сл.	
10	Обломок стеклянного браслета. Треугольного сечения с закругленными краями, темно-зеленый.	»	0,7	17	0,9	»	0,6	1,6	»	25	»	—	Сл.	0,1	—	Сл.	
11	Обломок стеклянного браслета. Круглый, продольно-рифленый перекрученный, темно-зеленый.	»	0,6	17	0,2	»	0,6	1,3	»	23	»	—	—	Сл.	—	»	

Продолжение

№ п п	Описание изделия	Кремнезем	Окись натрия	Окись калия	Окись кальция	Окись магния	Окись алюминия	Окись железа	Окись марганца	Окись свинца	Окись меди	Окись кобальта	Двуокись олова	Двуокись титана	Пятиокись фосфора	Окись серебра	Химический тип стекла
12	Обломок стеклянного браслета. Круглый, темно-зеленый, обвитый тонкой лентой желтого стекла.	»	0,5	21	0,6	»	0,5	1,4	»	25	»	—	Сл.	»	—	»	
13	Обломок стеклянного браслета. Треугольного сечения, темно-зеленый.	»	0,8	16	0,6	»	0,5	1,3	»	25	0,1	—	Сл.?	»	—	Сл.	
14	Обломок стеклянного браслета. Круглый, крученый, темно-зеленый	»	1,6	15	0,1	»	0,8	0,8	»	25	Сл.	—	Сл.	»	—	Сл.	Калиево-свинцово-кремнеземный
15	Обломок стеклянного браслета. Круглый, крученый, темный коричнево-зеленый	»	2	16	1,3	»	0,5	1,3	»	25	»	—	»	»	—	Сл. ?	
16	Обломок стеклянного браслета. Круглый, продольно-рифленый, слегка перекрученный, темный коричнево-зеленый	»	1	17	1,7	»	1,1	1,2	»	23	»	—	»	»	—	Сл.	
17	То же	»	3	15	2,0	0,6	1,2	1,3	0,8	23	»	—	Сл.?	»	—	»	
18	Обломок стеклянного браслета. Круглый, продольно-рифленый перекрученный, синий, полупрозрачный.	»	18	3	5	2	0,9	2	0,3	Сл.		0,2	»	»	—	Сл.	Натриево-кальц.-кремнеземный
19	То же	»	18	2	12	5	1,6	1,3	0,1	»	»	0,2	—	0,2	—	»	
20	»	»	16	3	7	3	0,8	1,0	Сл.	0,1	»	0,1	Сл.?	Сл.	—	»	

Примечание. Кремнезем — основу стекла — можно определить вычитанием из 100% суммы остальных процентов.

ненную в одной форме) в материалах из Новогрудка, также из слоя XII—XIII вв.[6]. Наконец, венгерская монета, обнаруженная на раскопе 4, относится к 60-м годам XII в. К XII—XIII вв. принадлежит и вся посуда (местная и привозная амфорная), найденная на поселении, аналогии которой известны именно в это время.

Анализ керамики из жилищ и из ям под жилищами (т. е. из разновременных комплексов) показывает, что в ней нет существенных различий. Каждый комплекс содержит почти одинаковый набор посуды, в котором ведущее место принадлежит горшкам II типа, составляющим до 80% того или иного комплекса. Поэтому расчленить жилые и хозяйственные сооружения на более ранние и более поздние, как по керамике, так и по другому материалу, не удается.

Керамический комплекс Ленковецкого поселения в целом интересен своим специфическим обликом. Если керамику из жилищ и хозяйственных ям дополнить находками из культурного слоя, то полный ассортимент посуды будет состоять из следующих изделий: кухонных горшков (около 96% всей посуды поселения), кринок с валиком для подвязывания веревки (около 1,2%), сосудов с низким широким горлом (около 0,4%), небольших мисок (около 0,4%), крышек (около 0,3%), ковшей (около 0,1%) и причерноморских амфор (около 1,8%). Именно такой ассортимент посуды характерен для поселений Галицкой Руси XII—XIII вв., к которым принадлежат и Ленковцы[7]. В Галиче, Плеснеске, Луке-Врублевецкой и других городах и поселениях Галицкой земли обнаружены те же виды и формы посуды, что и на Ленковецком поселении, и приблизительно в таком же соотношении. Отдельные виды керамики, например горшки, аналогичные ленковецким горшкам I и IV типов, крышки, миски известны почти на всей обширной территории древней Руси. Распространение других форм — кринок с валиком для подвязывания веревки — ограничивается Галицкой и Волынской землями. Самая же многочисленная группа сосудов — горшки II типа (и возможно горшки III типа) за пределы Галицкой Руси, видимо, почти не выходит, являясь специфически галицкой формой посуды.

Вещевой материал Ленковецкого поселения в целом характерен для южнорусских земель, хотя в нем, как и в керамике, чувствуется местный галицкий колорит.

Импортный материал представлен прежде всего амфорной керамикой, свидетельствующей о связях с Византией, вероятнее всего, с византийскими городами северного или северо-западного Причерноморья. По-видимому, киевскими или византийскими являются три синих стеклянных браслета, сделанные по античному рецепту (см. приложение). Связи с Венгрией проявились в находке медной монеты венгерского чекана.

До основания Ленковецкого древнерусского поселения жизнь на этой территории протекала лишь в эпоху поздней бронзы. Так, на раскопе 3 (южнее жилища 1) был обнаружен развал камней, лежащих в верхней, слегка гумусированной части материкового суглинка. Рядом с камнями найдено немного углей, куски обожженной глины и обломки сосудов эпохи поздней бронзы. Слой с древнерусскими находками явно залегает поверх этого развала камней. Обломки сосудов эпохи поздней бронзы были найдены и в раскопе I, в яме, вырытой в материке. На территории Ленковецкого поселения были обнаружены также отдельные фрагменты трипольской керамики.

---

[6] Искренне признательны Ф. Д. Гуревич за сообщенные ею сведения. См. также Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, 1, рис. 3, *6*.

[7] М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. КСИА, 120, 1969.

Д. В. Наумов

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ЛЕНКОВЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Определение химического состава 17 стеклянных изделий (3 бусин, 13 браслетов и одного обломка сосуда) и 3 образцов поливы на керамике было проведено при помощи количественного спектрального анализа. Анализ показал, что по составу все изделия относятся к трем химическим типам стекол: 1) свинцово-кремнеземному, 2) калиево-свинцово-кремнеземному и 3) натриево-кальциево-кремнеземному.

Стекло свинцово-кремнеземного состава было применено для изготовления поливных двух керамических плиток и писанки, а также двух бусин (анализы № 1—5 в таблице приложения). Главными компонентами этих стекол были кремнезем (20—25%) и окись свинца (70—75%), а второстепенным компонентом, специально введенным в состав стекла, была двуокись олова (3—4%, анализы № 2—5). Двуокись олова добавлялась в шихту для получения глухого, непрозрачного стекла. Именно двуокись олова, находящаяся в составе этих стекол, сделала их отличными от прозрачных стекол. Часто бусы из подобного непрозрачного стекла называют «пастовыми».

В многосвинцовых стеклах поливной керамики интересно отметить высокое содержание окиси калия (4%, анализ № 1, 2). Обычно окись калия в древнерусских стеклах подобного состава встречалась в количестве не более 0.5—0.7% [1]. Очевидно, окись калия была введена в стеклянную поливу для снижения температуры, при которой образуется стекло. Окись калия была введена в виде плохо очищенного поташа, полученного из золы соломы злаковых растений, или в виде необработанной золы.

Большая часть из исследованных браслетов (10 из 13), бусина и стеклянный сосуд были изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Рецепт изготовления этого типа стекла, подобно свинцово-кремнеземному, также применялся на Руси в домонгольское время. Главными компонентами этой группы стекол являются окись калия (15—22%), окись свинца (22—25%) и кремнезем (50—60%). Свинец и кремнезем входили в состав шихты в виде свинцового сурика и кварцевого песка, а окись калия — в виде поташа — продукта переработки золы, причем степень чистоты поташа была различной. Бусина (анализ № 6) и 7 браслетов (анализы № 8—14) были изготовлены из стекол, содержащих поташ лучшей очистки. Повышенное содержание окиси кальция в стекле сосуда (анализ № 7) и трех браслетов (анализы 15, 16, 16), а в одном из них и окиси магния говорит об использовании плохо очищенного поташа. Краситель (окись меди), специально введенный в состав стекла, окрасил бусину в голубой, а один из браслетов — в синий цвет (анализы № 6 и 8). Для этих двух стеклянных украшений был использован относительно чистый кварцевый песок, содержащий незначительные примеси железа. Так же мало окислов железа оказалось в бесцветном стекле сосуда. Остальные браслеты этой химической группы стекол были окрашены окислами железа, загрязнившими кварцевый песок, в темно-зеленый и коричнево-зеленый цвет — цвет бутылочного стекла.

Третий химический тип — натриево-кальциево-кремнеземный, представляющий собой античный рецепт изготовления стекол, представлен тремя синими браслетами (анализы № 18—20). Принимая во внимание соотношение компонентов стекла (окиси натрия, окиси калия, окиси кальция и окиси магния), можно предположить, что для составления этого типа стекол было использовано два вида сырья: 1) кварцевый песок и 2) зола морских водорослей или приморских растений, богатых натрием и кальцием и содержащих в меньших количествах магний и калий. Окись кобальта, прибавленная к стеклу (в количестве 0,1—0,2%), окрасила стекло браслетов в синий цвет.

M. V. Malevskaïa, P. A. Rappoport, B. A. Timochtchouk

FOUILLES EFFECTUÉES SUR LE TERRITOIRE DU SITE DE LÉNKOVTZY EN 1967

Résumé

Le site ancien russe de Lénkovtzy est situé dans les faubourgs de la ville de Tchernovtzy. En 1967, il a été effectué des fouilles sur le territoire du village attenant à la gorodichtché. Il a été pratiqué 4 fosses d'une superficie totale de 300 m³ environ. Il a été découvert des vestiges d'habitats type «sur terre» dotés des fours circulaires en pisés. Dans 3 cas, on a réussi à déterminer les plans et les dimensions de ces habitats. Ont été retrouvés de nombreux outils domestiques se rapportant tous au XIIe— première moitié du XIIIe siècles. Toutes les céramiques sont très typiques à la Russie de Galitch de cette époque. D'un intérêt particulier est une pièce de monnaie en cuivre qui n'est autre qu'une imitation hongroise des monnaies arabes.

---

[1] М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, на стр. 167, 168 приведен химический состав многосвинцовых стекол для мозаики.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

ДРЕВНЕРУССКАЯ АЗБУКА ИЗ СОФИИ КИЕВСКОЙ

В 1969 г. в ходе изучения древнерусских граффити в Софийском соборе в Киеве была обнаружена необычная азбука, состоящая из 27 букв. Граффито находится в алтарной части Михайловского придела на южной стене. Во время реставрации фресковой живописи со стен собора в этом месте было удалено два слоя масляных красок XVIII и XIX вв. Азбука выцарапана острым предметом на штукатурке XI в. в одну строку длиной в 50 *см*. Высота букв достигает 2—3 *см*. Некоторые из них были зашпаклеваны в XVIII в.[1]. Немного выше азбуки имеется ряд других граффити, которые представляют собой рисунки главным образом коней и фрагменты каких-то записей. Один из этих рисунков, изображающий корову с припиской над ней «муу», был опубликован нами ранее[2]. Находящиеся здесь надписи еще требуют расчистки и изучения, но уже и сейчас можно сказать, что одна из них, крайняя справа, была написана ранее азбуки. Об этом свидетельствует отклонение вниз последних четырех букв азбуки, которые в противном случае повредили бы указанную более раннюю запись.

Азбука читается так (рис. 1, *а*, *б* — фото и прорись):

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, Н, Ѳ, І, К, Л, М, N, ξ, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ш, Щ, ѳ.

Начальные буквы имеют несколько худшую сохранность из-за выпадов штукатурки. Кроме того, ногами нарисованных выше коней несколько повреждены буквы: Г, Е, Ж, Р. Буквы азбуки не отделены друг от друга какими-либо знаками препинания — точками, запятыми и т. д.

Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в совершенной необычности азбуки. Из 27 букв 23 соответствуют греческому алфавиту. Отсутствует только одно Ψ «пси». На близость к греческому алфавиту указывают: конечная ω, место ѳ между Н и І, ξ — между N и О, которые в кириллице обычно стоят в самом конце азбуки. К особенностям греческой письменности относится наличие двух «и» — Н, І, а также двух «о» — О, ω. Однако читающиеся Б после А, Ж (над строкой) между Е и З, Ш и Щ на месте отсутствующего «пси», т. е. буквы, необходимые для славянского письма, свидетельствуют о том, что это неизвестная ранее славянская азбука. Но прежде чем делать какие-либо выводы, рассмотрим палеографические особенности написания букв азбуки, учитывая при этом не только кирилловскую, но и греческую палеографию соответствующих памятников византийского времени.

---

[1] Шпаклевка из букв азбуки была удалена художником-реставратором Республиканских реставрационных мастерских Госстроя УССР А. Ф. Ерко. Во избежание недоразумений в буквах: Г, правой верхней части У и хвосте Щ оставлены фрагменты шпаклевки XVIII в.

[2] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., Киев, 1966, стр. 117.

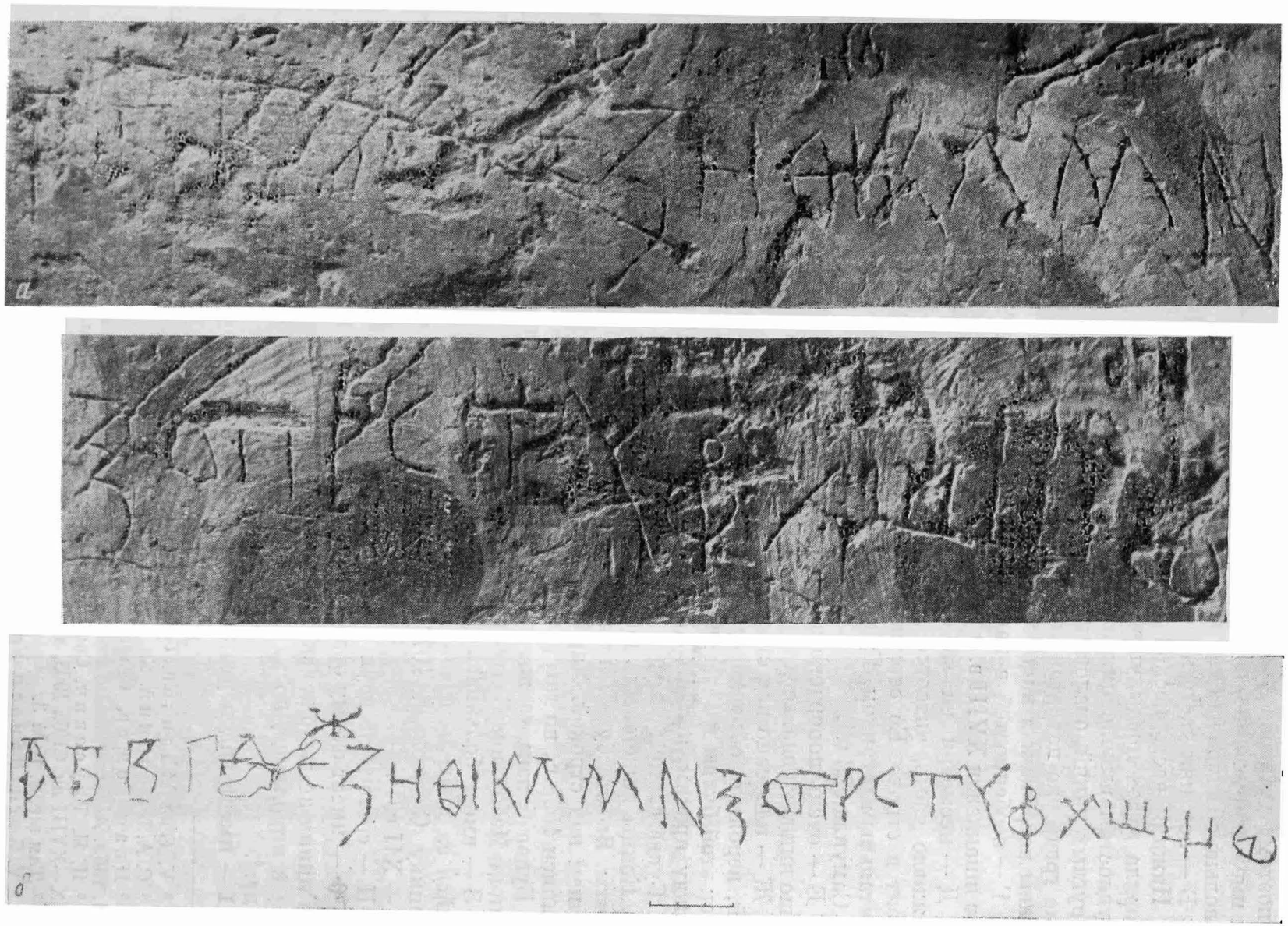


Рис. 1. Славянская азбука из Софийского собора в Киеве

а — фото, *б* — прорись

А — представляет не совсем обычное начертание (рис. 2). Она состоит из вертикальной левой и наклонной к ней правой прямых, покрытых в месте пересечения небольшим горизонтальным штрихом. Благодаря этому буква как бы стоит на острие петли. Подобное написание очень редко встречается в памятниках кирилловской письменности. Отдельные случаи были встречены нами среди софийских граффити.

Б — состоит из мачты с горизонтальным навесом и крючком (рис. 2 *а*). Левая часть навеса несколько выдается слева за пределы мачты. Кузов достигает примерно середины высоты буквы. Нижняя часть его попорчена, и поэтому установить ее форму трудно. Остатки кузова показывают, что он имел закругление, образованное ломаной линией. В целом буква имеет довольно обычное для кириллицы написание.

В — верхняя часть имеет форму острого угла, примыкающего к мачте. Нижняя часть несколько большего размера, возможно, по форме повторяла кузов предыдущей буквы Б. Если угловатость кузова отнести к трудностям выполнения на сравнительно твердой фресковой штукатурке округлых линий, овалов и т. д., то тогда буква напоминает соответствующие греческие начертания X в. [3]. Совершенно аналогичное написание этой буквы встречаем в надписи 1052 г. из Софийского собора в Киеве [4].

Г — особенностей в начертании не имеет. Читается слабо из-за остатков шпаклевки XVIII в.

Д — несмотря на выбоину в штукатурке, попортившую ее правую, нижнюю часть, читается довольно хорошо. Буква полностью с ножками стоит в строке. Ее верхняя часть заострена и покрыта небольшим горизонтальным штрихом. Буква напоминает некоторые варианты ее в надписи Самуила 993 г. [5].

Е — очень попорчено рисунком и выбоиной в штукатурке, поэтому хорошо видна только верхняя часть буквы и длинный язычок.

Ж — написано над строкой после Е (рис. 2 *б*). Расположение над строкой, вероятно, объясняется тем, что автор, написав азбуку, заметил пропуск этой буквы и затем дописал ее сверху в соответствующем месте. Это, между прочим, является свидетельством сознательности творчества автора. Буква состоит из трех пересекающихся линий и написана в три приема. Концы наклонных линий имеют небольшие изгибы в сторону средней мачты. Высота буквы ниже ее ширины, что, возможно, объясняется написанием над строкой. Характер начертания буквы близок к встреченному в надписи 1052 г., но там высота по отношению к ширине несколько больше.

Буква близка также соответствующим написаниям Остромирова евангелия и Изборника Святослава 1073 г. [6].

З — имеет большой горизонтальный навес и длинный хвост, опускающийся за пределы строки. Начертание довольно обычно. Оно близко Изборнику Святослава 1073 г., встречается и среди софийских граффити XI — XII вв. [7].

Н — состоит из двух мачт, соединенных горизонтальной перекладиной.

Ѳ — имеет форму овала с заостренной верхней и нижней частью. Средняя линия не выходит за пределы овала. Подобное начертание не встречается в кириллице, но находит аналогии в греческой письменности VII — XI вв. [8].

І — имеет вид вертикальной прямой линии. Как и стоящее далее К,

---

[3] V. Gardthausen. Griechische Palaeographie, Leipzig, 1879, табл. 2.

[4] С. А. Высоцкий. Ук. соч., стр. 17, табл. III, I.

[5] Иван Гошев. Старобългарски глаголически и кирилски надписи, София, 1961, табл. XIX.

[6] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв. СПб., 1905, л. 1, № 2, 3.

[7] Там же, л. 1, № 3.

[8] V. Gardthausen. Ук. соч., стр. 161, табл. 1, 2.

Рис. 2. Макроснимки букв азбуки

а — А, Б, В; *б* — Ж, З; *в* — Ш, Щ (увеличено в 2 раза)

буква несколько повреждена в средней части. Никаких надстрочных знаков над ней нет.

К — состоит из двух частей. Трудно судить из-за указанных повреждений штукатурки, примыкает ли вплотную правая часть буквы к левой. Буква сильно сжата с боков, и поэтому ее высота значительно больше ширины.

Л — без особенностей в начертании. Сверху буква покрыта небольшим штрихом.

М — имеет петлю заостренной формы, опущенную непосредственно с верхушек мачт, а не с горизонтальных выступов на них. Буква скорее напоминает греческие начертания VII — X вв., хотя встречается и среди кириллических написаний [9].

N — состоит из двух мачт, соединенных длинной перекладиной, опущенной с самого верха левой и достигающей самого низа противоположной части буквы. Высота ее больше ширины.

ξ — находит полную аналогию среди софийских граффити в надписи 1052 г., где она употреблена под титлом в качестве числительного 60. Если же судить о букве по количеству изломов, то она несколько напоминает греческие начертания VII в. [10].

О — левая часть в виде полукруга, а правая срезана наклонной линией. Автор, видимо, стремился написать О правильной овальной формы, но из-за соскальзывания резца правая часть буквы ему совершенно не удалась.

П — простого написания из двух мачт, покрытых горизонтальной прямой.

Р — архаичного начертания с маленькой полукруглой головкой, срезанной сверху. Мачта короткая и не выходит вниз за строку.

Буква имеет аналогии среди начертаний на Тмутараканском камне, а также в греческих памятниках письменности VII — X вв. [11].

С — имеет вид открытого полукруга, концы которого совершенно не загибаются внутрь.

Т — обычного написания. Состоит из мачты и горизонтальной прямой с крючками на концах.

У — совершенно необычно. Вниз за строку продолжается не правая верхняя часть буквы, а левая. Такое написание не встречается в кириллице. В греческой письменности в VI — VII вв. есть похожее начертание, при котором продолжается вниз левая, жирная линия [12].

Ф — напоминает скорописное греческое «фи» с петелькой в верхней части.

Х — состоит из двух пересекающихся линий. Правая в верхней части имеет крючок. Вероятно, такой же крючок был и слева в том месте, где буква повреждена.

Ш — в виде трех вертикальных линий (рис. 3, *в*), опирающихся на горизонтальную прямую. Верхние концы буквы, как будто немного утолщены. Интересно, что буква заметно приподнята над строкой, и по отношению к рядом стоящим Х и Щ. Если это не простая случайность, то тогда следует напомнить, что именно так писалась буква «шин» в самаритянской письменности [13].

Щ — особенностью буквы является длинный хвост, выступающий вниз далеко за строку [14]. Часть его оставлена зашпаклеванной. Тип написания близок Остромирову евангелию.

---

[9] V. Gardthausen. Ук. соч., табл. 1.

[10] Там же, табл. 1; С. А. Высоцкий, Ук. соч., табл. III.

[11] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. САИ Е1—44. М., 1964, табл. XIII; V. Gardthausen. Ук. соч., табл. 1, 2.

[12] Там же (в написании ОУ под 506 г.).

[13] А. М. Селищев. Старославянский язык. 1, М., 1951, стр. 50.

[14] Относительно этой буквы можно заметить: не является ли она греческим «пси»? Полагаем, что нет, так как подобная форма «пси» неизвестна греческой письменности, но характерна для кирилловского Щ.

ω — имеет начертание с довольно сильно разведенными боковыми сторонами. Нижняя часть почти горизонтальна, средняя линия в виде вертикальной прямой. Из-за повреждений штукатурки трудно сказать, достигает ли она высоты боковых сторон и есть ли над ней надстрочная буква или знак. Подобное написание изредка встречается среди софийских граффити. Оно напоминает так называемое «якорное» совершенно лежащее в строке е.

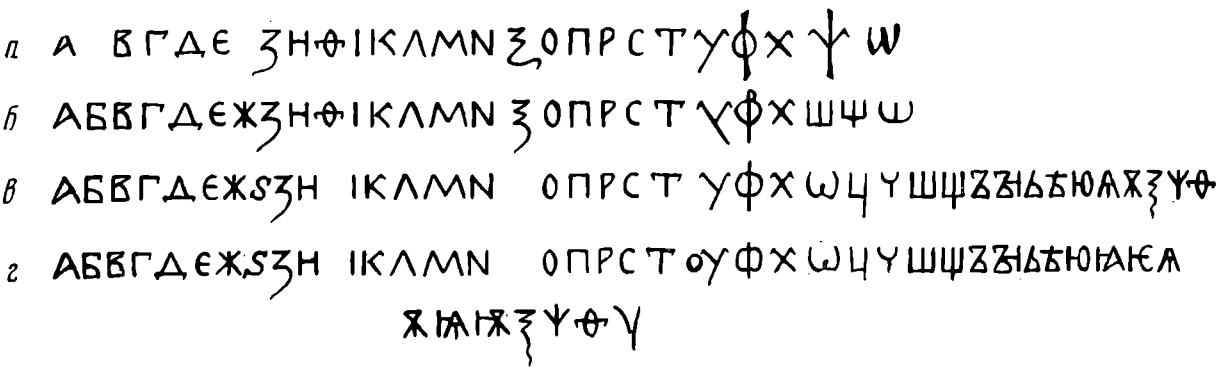


Рис. 3. Сравнительная таблица азбук

а — греческой (24 буквы); *б* — из Софийского собора в Киеве (27 букв (23+4)); *в* — начальной кириллицы (38 букв (24+14)); *г* — развитой кириллицы (43 буквы (24+19))

Относительно палеографии букв азбуки можно сделать следующие выводы. Все буквы написаны без наклона (единственное исключение составляет У, имеющее наклон влево), высота большинства из них больше ширины; таким образом, по форме они скорее приближаются к прямоугольнику, чем к квадрату, овалы остроконечны (судя по О), у Г, Д, Т — крючки. Приведенные признаки указывают на близость букв азбуки к младшему византийскому унциалу X в., который некоторые исследователи считают «главным фундаментом кирилловского письма» [15]. Отдельные буквы θ, С, У имеют еще более архаичные начертания, сближающие их с старшим византийским унциалом, буквы которого были свободны от разных добавок в виде крючков, точек и т. д.

Б, Ж, Ш, Щ не столь архаичны, как прочие буквы азбуки. Подобные начертания встречаются в памятниках книжной письменности XI в. На основании палеографии этих букв можно судить о времени написания граффито на стене собора, потому что в них автор несомненно передал особенности современной ему графики кириллицы.

Порядок букв граффито (кроме Б, Ж, Ш, Щ) вполне соответствует греческому алфавиту. Б, Ж, Ш, Щ, предназначенные для передачи особенностей славянской речи, поставлены также не в случайных местах. Их место в азбуке определено скорее по фонетическому, чем графическому признаку. Для Б и Ж оно соответствует кириллице, хотя после Ж перед З следовало бы еще ожидать *S*. Место Ш, Щ не соответствует кириллице, где после Х стоит ω.

Общее число букв открытой азбуки необычно мало. Известно, что кириллица памятников XI в., сохранившихся до нашего времени, состоит из 24 букв греческого происхождения и 19 «оригинальных» славянских, т. е. всего из 43 букв [16] (рис. 3).

Болгарский писатель начала X в. Черноризец Храбр в своем «Сказа-

---

[15] В. Гардхаузен. Греческое письмо IX—X столетий. ЭСФ, СПб., 1911, стр. 49.
[16] В. Л. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, стр. 50.

нии о письменах» насчитывал в славянской азбуке 38 букв, в том числе «по чину греческих письмен» — 24 и «по славянской речи» — 14 [17].

Так называемый «Мюнхенский абецедариум» — наиболее древняя азбука кириллицы, которая сберегласъ в латинской рукописи в Мюнхенской библиотеке, насчитывает 38 буквенных знаков [18].

Среди новгородских берестяных грамот обнаружена азбука XII — XIII вв., которая состоит из 36 букв, а также еще одна азбука из 36 букв, вырезанная на дощечке [19].

Таким образом, открытая азбука не греческая, так как она содержит буквы, не употреблявшиеся в греческой письменности. Но это и не кириллица, в которую входит большее число букв: в начальную 38, развитую — 43. Палеография, общее число букв и количество славянских, порядок их, отвечающий греческому алфавиту,— все это указывает на очень большую древность азбуки. Подтверждается это и тем, что наиболее ранние граффити Софийского собора — 1052 и 1054 гг. написаны не с помощью подобной азбуки. В них, кроме Б, Ж, Ш, Щ, есть уже S, Ѵ, Ѣ, Ь, Ъ, Ц, Ѫ, Ѧ, Ю

Прежде чем судить о том, какое письмо отражает азбука из Софийского собора, вспомним некоторые наиболее важные письменные известия, касающиеся преимущественно истории восточнославянской письменности.

Упоминавшийся выше Черноризец Храбр так представлял себе начальные этапы развития славянской письменности: «Прежде оубо словене не имеху книгъ, ноу чрътами и резами чьтехоу и гатаахоу, погани суще. Кръстивше же ся, римсками и гръчьскыми писмены ноуждаахоуся (писати) словенскоу речь безь оустроениа... и тако бешоу многа лета» [20]. Пока славяне были язычниками они не имели книг, а считали и гадали с помощью каких-то зарубок и знаков, когда же они стали христианами, то долгое время пользовались для письма латинскими и греческими буквами «без устроения». Далее Храбр говорит о том, что с помощью подобного письма нельзя было хорошо передавать особенности славянской речи: «...ноу како можеть ся писати добре гръчьскыми писмены: богъ, или животъ, или зело, или церковь, или чаание, или широта, или ядь, или оудоу, или юность, или язык и инаа подобна симь?» [21]. Примеры, приведенные Храбром на буквы Б, Ж, S, Ц, Ч, Ш, Ѭ, У, Ю, А, показывают, что он имел в виду употребление греческого алфавита без каких-либо или с минимальными дополнениями других букв. Такое письмо он называет «без устроения».

Прямое отношение к находке в Софийском соборе имеет указание Храбра об использовании славянами для письма греческих букв, которое продолжалось на протяжении долгого времени.

Задолго до того как Черноризец Храбр написал свое сказание, Константин, он же Кирилл,— изобретатель одной из славянских азбук, проездом в Хазарию побывал в Корсуне (Херсонесе) и обнаружил там евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами: «Обрете же тоу евангелие и псалтирь роусьскыми писмены писано, и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силоу речи приимъ своеи беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и к богоу молитвоу творя, въскоре начятъ чести и сказати, и мнози ся емоу дивляхоу» [22]. Кон-

---

[17] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии. 1, Л., 1930, стр. 162, 163.

[18] N. Trubetzkoj. Das Münchener slavische Abecedarium. Byzantinoslavica, II, Praha, 1930.

[19] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, 3, стр. 216.

[20] П. А. Лавров. Ук. соч., стр. 162.

[21] П. А. Лавров. Ук. соч., стр. 162.

[22] Там же, стр. 12.

стантин встретил в Корсуне и человека «глаголюща тою беседою», и у него быстро научился русской речи и чтению книг.

В отношении того, какими письменами были написаны книги, «обретеные» Константином в Корсуне, было высказано много различных мнений. Предполагалось, что это могли быть: руны, готское или славянское письмо. Наиболее вероятно последнее, это убедительно доказал еще Всеволод Миллер, который полагал, что это было славянское письмо греческими буквами [23]. Он считал, что человек, с которым разговаривал Константин, не мог быть варягом и готом, потому что, согласно жития Константина, он не знал этих языков и не смог бы овладеть ими в короткий срок пребывания в Корсуне. Скорее всего это был славянин из Руси. В. Миллер высказал мнение, что именно в Корсуне могла быть сделана попытка создания славянской письменности, за основу которой был взят греческий алфавит [24]. В наше время эту точку зрения разделяет Емил Георгиев, который полагает, что письменность книг из Корсуня была кирилловской, проникшей из южнославянских, болгарских областей, а не созданная на месте в Крыму. Беседы Константина и чтение открытых им в Корсуне книг Е. Георгиев объясняет тем, что «русьские письмена» были близки к языкам, которыми владел просветитель, а именно, к греческому и болгаро-славянскому [25].

Важнейшим доказательством существования на Руси письменности задолго до принятия христианства являются договоры Руси с греками, сохранившиеся в составе Повести временных лет. Особый интерес представляют договоры Олега 912 г. и Игоря 945 г., наличие которых само по себе является доказательством существования раннего восточнославянского письма. В договорах содержатся любопытные статьи и приписки. В одной из таких приписок говорится, что договор написан на «двою хартью», т. е. в двух списках, предназначавшихся для каждой из договаривавшихся сторон. В Византии, по свидетельству Менандра, договорные грамоты изготовлялись в двух экземплярах. Один список переводился на язык народа, с которым заключался договор, а другой написанный по гречески оставался у императора [26]. Второй экземпляр договорных грамот Олега и Игоря, следовательно, должен был быть написан на языке, употреблявшемся на Руси. Действительно, С. П. Обнорский доказал, что указанные договоры были переведены на славянский язык еще в глубокой древности. Он подчеркивает, что особенно неискусно сделан перевод договора 912 г., в нем содержится много грецизмов и нарушений требований русского синтаксиса [27]. В этом же договоре упоминается о древнерусском обычае писать завещания на случай смерти. Наконец, в договоре 912 г. есть намек на какие-то более ранние договоры с греками, которые были не просто «словесем», но «и писанием и клятвою твердою» закреплены [28].

Одна из статей договора 945 г. требует, чтобы послы и купцы, направлявшиеся по делам в Царьград, имели при себе уже не золотые и серебряные печати, как раньше, а специальные сопроводительные грамоты [29].

Особо важное значение имеет археологическая находка возле Смоленска. При раскопках Гнездовских курганов здесь была найдена корчага — большой керамический сосуд X в. с славянской надписью ГОРОУХЩА.

---

[23] В. Миллер. К вопросу о славянской азбуке. ЖМНП, СПб., 1884, стр. 27.

[24] Там же, стр. 27.

[25] Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 49—52.

[26] Там же, стр. 56.

[27] С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, М., 1936, стр. 102. С. П. Обнорский находил элементы языка самого древнейшего типа в «Русской Правде», «Слове о полку Игореве», «Поучении» Владимира Мономаха. См. Очерки по истории русского языка старшего периода. М.— Л., 1946, стр. 7.

[28] ПВЛ, 1, М.— Л., 1950, стр. 26.

[29] Там же, стр. 35.

Надпись указывала на содержимое сосуда — горчицы, горчичных зерен [30]. Эта древнейшая надпись наглядно показывает, на какой графической основе развивалась в X в. восточнославянская письменность.

Возвратимся снова к азбуке из Софийского собора. На основании всего сказанного можно сделать следующий вывод: азбука отражает неизвестное восточнославянское письмо, приспособленное с помощью 23 букв греческого происхождения и 4 специальных для передачи славянской речи. Возможно, это то письмо «без устроения», о котором писал Черноризец Храбр. Из десяти слов, перечисленных Храбром и трудных, по его мнению, для письма «без устроения» с помощью открытой азбуки, без комбинации начальных букв можно написать только: «бог», «живот», «широта», возможно, «удоу», т. е. всего четыре слова. Звуки Ч, Ц, ввиду отсутствия соответствующих букв в азбуке, приближенно, как это делали греки, можно было передать с помощью Т «тау» и З «дзеты»; У — «омикроном» с «ипсильоном» [31], ю, возможно, «йотой» с «ипсильоном» [32].

Рассмотрим теперь некоторые мнения исследователей о происхождении букв: Б, Ж, Ш, Щ. Так, В. Гардтхаузен считает, что буква Б произошла из β — литургического греческого устава IX — X вв. [33]. В это время β имела начертание, очень напоминающее то, которое встречено нами в надписи 1052 г. из Киевской Софии. Ее верхняя часть имеет форму острого угла, который согласно предположению указанного автора, постепенно превратился в горизонтальную часть славянского Б.

П. А. Лавров, а вслед за ним Е. Ф. Карский, объясняет происхождение Б из подобных начертаний, встречающихся в греческой Порфирьевской псалтыри 862 г. [34].

Что касается Ш, то большинство ученых склоняется к ее самаритянскому происхождению от буквы «шин» [35].

Буква Щ объясняется как лигатура Ш и Т, от которого сохранилась только нижняя часть мачты.

Хуже всего дело обстоит с происхождением Ж, не получившим убедительного объяснения до сих пор. Л. П. Лавров, например, полагал, что оно возникло из X путем добавления средней черты [36]. Возникает вопрос: были ли четыре славянские буквы софийской азбуки взяты из глаголицы (понятно с соответствующим изменением графики), которая была уже после 863 г., или в ходе развития докирилловского письма они были добавлены независимо от нее? Последнее представляется более правдоподобным, так как в противном случае возникает еще один неразрешимый вопрос: почему тогда из глаголицы были взяты только четыре буквы, а не все остальные необходимые для славянского письма?

Есть основания считать, что автор кроме букв азбуки знал еще некоторые, необходимые для счета. Это становится ясным, если к соответствующим буквам азбуки подставить их числовые значения [37]. При этом выясняется отсутствие четырех букв для обозначения чисел: 6, 90, 700, 900. У греков эти цифры обозначались буквами «вау», «коппа», «пси», «сампи». В кириллице «зело», близкое по начертанию к «вау», до XII в. употреблялось исключительно как цифра. В письменных памятниках XII в. она уже

---

[30] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН СССР, 1950, 4, стр. 71—79.

[31] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 225.

[32] П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. ЭСФ, Пг., 1915, стр. 6, 7.

[33] V. Gardthausen. Ук. соч., стр. 160.

[34] П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 8, рис. 3, стр. 19, рис. 12; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 164.

[35] Там же, стр 165; А. М. Селищев. Ук. соч., стр. 48.

[36] П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 9.

[37] Известно, что греческие буквы и некоторые кирилловские имели числовые значения: А-1, Б-2, Г-3, Д-4 и т. д.

передает звук «дз» (Погодинская псалтырь, Слепченский апостол, Охридский апостол и др.) [38].

Как цифра 90 в кириллице употреблялась «коппа» и только с XIV в.— Ҁ «червь» [39]. «Коппа» встречается во многих книжных памятниках Руси: Остромировом евангелии, Изборнике Святослава 1073 г., Туровском евангелии и многих других [40].

Буква Ѱ «пси» всегда в кириллице имела числовое значение 700.

Приведенные обозначения цифр несомненно знал и автор граффито, потому что без них невозможно было бы считать. Следует при этом заметить: не потому ли буквы «зело», «коппа», «вау» и «пси» не написаны среди букв открытой азбуки, что они хотя и были известны на Руси, но употреблялись преимущественно в качестве цифр? На это, кажется, указывает не только отсутствие «коппы» и «сампи», не входивших вообще в азбуку кириллицы, но и «зела» и «пси». Если это так, то тем самым подтверждается гипотеза о знакомстве восточных славян в дохристианское время с ионийской цифровой системой [41]. Любопытно также и то, что отсутствующие в азбуке Ч, Ц, хотя и в значительно позднее время имели в кириллице числовые значения 90 и 900, т. е. именно тех двух из четырех чисел, которых не достает для счета.

Проведенный выше палеографический анализ к сожалению не дает ясного ответа к какому времени следует отнести открытую азбуку. Как мы видели, Черноризец Храбр в начале X в. уже насчитывал в славянской азбуке 14 добавочных букв, что подтверждается и эпиграфическими находками в Болгарии. В этих памятниках содержатся буквы, которых нет в азбуке из Софии Киевской. Так, в Добруджинской надписи 943 г. есть буквы Ѕ, Ѣ, в надписи Самуила 993 г.— Ѕ, Щ, Ъ, Ь, Ѧ, Ѫ, в Варошской надписи 996 г.— Ѕ, Ҁ, Ѣ, [42]. Это сравнение подтверждает большую древность открытой азбуки. Однако следует иметь в виду, что 14 добавочных букв, о которых говорит Храбр, были в начале X в. в письменности Болгарии, а не Руси. Единственный эпиграфический памятник восточнославянской письменности X в.— надпись на корчаге из Смоленска — из-за краткости текста не может помочь в разрешении этого вопроса.

Становление кирилловского письма, вероятно, происходило одновременно на всех славянских территориях, но вряд ли этот процесс был везде одинаков. В Болгарии, подвергавшейся большему культурному влиянию со стороны Византии, чем Русь, несомненно, ославянивание греческого письма шло значительно быстрее. Этому способствовало и более раннее принятие христианства. Поэтому, быстро развиваясь, к началу X в. письменность в Болгарии могла уже иметь все необходимые буквы для высококачественной передачи особенностей славянской речи. Другое дело на Руси, где единственным стимулом развития письменности, по-видимому, были потребности древнерусского государства, что не могло не сказаться в более медленном развитии письменности. Открытую азбуку только по этой причине, вероятно, нельзя отнести ко времени ранее середины или конца IX в. Надо полагать, что восточнославянская письменность в X в. пополнилась еще рядом других букв.

Остается установить: почему на стене Софийского собора, сооруженного в 1037 г., появилась азбука значительно более раннего времени? Заметим, кстати, что науке известен и другой случай написания азбуки на стене храма. В 1949 г. Иваном Гошевым в древней болгарской столице —

---

[38] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 166.

[39] Р. А. Симонов. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. ИИРЯ, М., 1964, стр. 21.

[40] Там же, стр. 24.

[41] Там же, стр. 33; Л. П. Жуковская. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян. ИИРЯ, стр. 43.

[42] Ем. Георгиев. Ук. соч., стр. 91—93.

Преславе на руинах Круглой (Семеоновской) церкви были обнаружены 14 начальных букв глаголической азбуки, выцарапанной до 927 г.[43].

О находке в Софийском соборе прежде всего следует сказать, что она является результатом вполне сознательного творчества. На это указывает добавление к греческим как раз тех добавочных букв, которые необходимы в первую очередь для славянского письма. Кроме того, граффито написано на видном месте и отличается четкостью и значительными размерами букв. Расположение азбуки в апсидной части Михайловского предела указывает, что ее автор был духовной особой или каким-то лицом, близким софийскому клиру, почему он и мог свободно заходить в эту запретную часть собора. Он достаточно хорошо знал древнее письмо и поэтому смог по памяти написать его азбуку. Вполне вероятно предположить, что если была известна азбука, то были и памятники, написанные с ее помощью. Мы имеем достаточно достоверные сведения о том, что даже в начале XII в. «книжным людям» приходилось иметь дело с древними документами начала X в. Достаточно вспомнить те же договоры Руси с греками, которые Нестор внес в летописный текст. Он смог прочитать эти документы и вписать современной ему кириллицей в летопись, хотя, возможно, древнейшие из них и были написаны архаичным письмом. Особенно интересны в этом отношении грецизмы, с которыми столкнулся Обнорский при изучении языка договора 912 г. Если под рукой летописца в начале XII в. имелись подобные древние документы, то тем более вероятно предположить, что книжникам в первой половине XI в. довольно часто приходилось иметь с ними дело. Киевская митрополия была местом значительного скопления книг, не только переписанных по указанию Ярослава Мудрого, о чем говорится в летописи под 1037 г., но и внесеных в Софию в виде подарков и приношений согласно обычаю, бытовавшему на Руси. Здесь, вероятно, могли храниться важнейшие государственные документы княжеской канцелярии, написанные дохристианским письмом. Если вспомнить о находке Константина в Корсуне в 60-х годах IX в. евангелия и псалтыри, писанных «русьскими письменами», то вполне вероятно, что среди книг митрополии были и относившиеся к этому времени.

Изучение софийских граффити довольно убедительно показывает, что клирики Софии кроме своих основных дел занимались обучением грамоте. Об этом прямо пишет один из авторов граффити: «Пищан писал в дьяки ходив выучеником»[44]. Очевидно, учениками сделаны и различные рисунки: коней, зверей, с которыми постоянно приходится сталкиваться, разыскивая граффити. Есть такие рисунки и рядом с открытой азбукой. Вполне вероятно, что кроме обычной кириллицы учеников знакомили и с древним славянским письмом, необходимым для чтения некоторых богослужебных книг. Одним из таких учеников и могла быть написана на стене собора только что усвоенная им азбука.

Находка в Софийском соборе дает возможность сделать важнейшие выводы относительно происхождения и развития славянской письменности. Она свидетельствует об историческом развитии кириллицы из греческого уставного письма, глаголица же явилась в результате изобретения, сделанного Кириллом. Тем самым подтверждаются гипотезы, высказанные сторонниками эволюционного развития кириллицы, в первую очередь, упоминавшихся выше Вс. Миллера и Ем. Георгиева. Суть гипотезы Миллера о происхождении славянской письменности заключается в следующем[45]. До изобретения Кириллом глаголицы, у славян уже существовало письмо — прототип будущей кириллицы, которое развилось путем постепенного приспособления греческого устава к фонетике славянского языка. Эта азбука не была делом рук одного человека. Она возникла в результа-

---

[43] Иван Гошев. Ук. соч., стр. 174, 177.

[44] Граффито цитируется по неопубликованным материалам.

[45] Вс. Миллер. Ук. соч., стр. 24, 25.

те практических потребностей славян. Кирилл знал эту азбуку и имел под рукой ее образец, из которого он позаимствовал некоторые буквы, но изменил их порядок, детали, общее число. Изобретенная Кириллом азбука оказалась непрактичной, так как начертания ее букв были очень сложны. По этой причине она не смогла вытеснить хотя и не совсем совершенную, но простую и практичную кириллицу. Старая азбука была восстановлена в своих правах и усовершенствована по образцу глаголицы. Свои соображения относительно существования у славян докирилловской письменности, автор подкрепляет сообщением Черноризца Храбра и сведениями из Паннонского жития Кирилла. Он особо подчеркивает трудность создания письменности для народа, который никогда не имел какого-либо письма. Эта трудность заключалась прежде всего в определении числа звуков в языке, а не в изобретении той или иной формы букв [46].

Ем. Георгиев развил далее и углубил гипотезу Миллера. Кратко развитие славянской письменности он представляет себе так. Кириллица возникла историческим путем, постепенно развившись из славянизированного греческого письма. В IX в. славянский просветитель Константин — Кирилл, пользуясь этим письмом, создал для моравских славян глаголицу. Употребление глаголицы в Болгарии и на Руси — это всего лишь эпизод в славянской культурной истории. Начало славянской письменности следует отнести ко времени создания и употребления кирилловского письма [47].

Итак, можно сделать следующие обобщающие выводы. Обнаруженная в Софийском соборе в Киеве азбука из 27 букв отражает определенный этап развития восточнославянской письменности. Она является одним из вариантов письма «без устроения», упоминаемого Черноризцем Храбром, и свидетельствует о том, что процесс развития кирилловского письма происходил также и на восточнославянских территориях.

Открытая азбука — это уже вторая археологическая находка, подтверждающая существование у восточных славян докирилловского буквенного письма, которое из области гипотез становится все более реальным фактом.

Находка является убедительным доказательством правильности гипотез Вс. Миллера и Ем. Георгиева о эволюционном пути возникновения кирилловского письма из греческого. Она указывает на то, что исторический процесс становления кириллицы у славян соответствовал возникновению письменности у европейских народов (французов, немцев, англичан и др.) из латыни, а у самих греков из финикийского письма.

Софийская азбука — важнейшее свидетельство состояния древнерусской культуры, а именно — письменности в дохристианскую эпоху. Докирилловское письмо, отраженное азбукой вероятно получило значительное распространение у восточных славян. Поэтому, когда с принятием христианства возникла потребность в более совершенном письме, принесенная книжниками из Болгарии кириллица смогла быстро распространиться. Для этого уже были все условия: традиция употребления письма, построенного на основе греческого устава, близкая графика букв, необходимость пополнения существовавшей азбуки всего несколькими буквами. Это решило дело в пользу кириллицы.

Докирилловская письменность была той культурной основой, благодаря которой уже в середине XI в. смогли появиться на Руси такие выдающиеся образцы книжной письменности, как Остромирово евангелие, Изборники Святослава, литературные шедевры подобные «Слову о законе и благодати» киевлянина Илариона.

---

[46] Там же, стр. 25.

[47] Ем. Георгиев. Ук. соч., стр. 83, 84. Во всех случаях под кириллицей автор подразумевает письменность, возникшую у славян из греческой азбуки еще в докирилло — мефодиевское время. Вряд ли славянская азбука могла иметь на этом этапе своего развития все буквы, необходимые для передачи славянской речи, о чем, кстати, свидетельствует открытая в Софийском соборе азбука (см. Емил Георгиев. Ук. соч., стр. 27).

S. A. Vyssotzky

L'ALPHABET SLAVE DE LA CATHÉDRALE SAINTE SOPHIE DE KIEV

Résumé

Dans la cathédrale Sainte Sophie de Kiev, au cours de la restauration des fresques du XIe siècle, il a été découvert, sous une couche de peinture à l'huile du XIXe siècle, l'alphabet slave oriental ancien gravé sur le mur. Il comprend 27 lettres dont 23 se rapporte à l'alphabet grec, et 4 complémentaires (Б, Ж, Ш, Щ) qui sont slaves. D'après le nombre minime des lettres slaves (4), l'alphabet découvert occupe une place intermédiaire entre l'alphabet grec et cyrillique initial qui comporte 38 lettres, dont 14 complémentaires. Cet alphabet constitue l'élément manquant qui confirme l'hypothése du savant russe Vsévolod Miller, faite en 1884, et celle d'Emil Guéorguiev, chercheur bulgare actuel, sur le caractère evolutif de la formation de l'alphabet cyrillique à partir de l'écriture liturgique grecque dite «Oustav».

La trouvaille faite à la cathédrale St — Sophie témoigne de la tradition ininterrompue de l'écriture en Russie. Elle montre que le processus de la formation de l'alphabet cyrillique avait lieu également dans les terres slaves orientales et correspondait au processus de l'apparition de l'écriture chez les peuples européens à partir du latin, et chez les Grecs à partir de l'écriture des Phéniciens.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

НАДПИСИ С ИМЕНЕМ ХУДОЖНИКА СТЕФАНА ИЗ СОФИИ НОВГОРОДСКОЙ

История древнерусского искусства, особенно раннего времени, почти не знает имен художников. Полностью анонимными остаются для нас сохранившиеся произведения монументальной живописи XI—XII вв. Фрески Софийского собора в Новгороде не представляют собой исключения, хотя новгородские летописи неоднократно сообщают нам о работах по росписи Софии. Первое летописное известие относится к 1108 г. «В лето 6616. Преставися архиепископъ Новъгородскый Никита, месяца генваря в 30; а на весну почяша пьсати святую Софию, стяжянием святого владыкы» [1]. Под 1144 г. сообщается также о росписи притворов: «В то же лето испьсаша честно притворы вся въ святей Софии Новегороде, архиепископъ Нифонтъ» [2].

Фрагменты древней росписи Софии впервые были обнаружены еще в конце прошлого столетия во время ремонтно-реставрационных работ под руководством В. В. Суслова [3].

В. К. Мясоедов, опубликовавший фрески, роспись купола отнес к 1108 г., а изображение Константина и Елены в Мартирьевской паперти — к росписи 1144 г. [4] Однако дальнейшее изучение фресковой живописи, предпринятое уже в советское время, а также археологические и реставрационные работы показали, что летописи не полностью отражают историю росписи собора. Стало очевидным, что сразу же после завершения строительства (1050 г.) были выполнены отдельные композиции иконного типа. Этим временем и датируется изображение Константина и Елены [5]. Вновь открытые фрагменты стенописи на северном простенке Мартирьевской паперти были отнесены Ю. Н. Дмитриевым к росписи 1144 г., а изображения четырех святителей в арках алтаря — к росписи 1108 г. [6]

Реставрационно-археологические исследования, проведенные в течение 1961—1966 гг., дали новые материалы по истории архитектуры и росписи Софии. Композиция Деисус из Мартирьевской паперти датирована В. Г. Брюсовой эпохой архиепископа Мартирия — концом XII в. [7] Многочисленные фрагменты росписи 1108 г. были обнаружены in situ

---

[1] НПЛ, М.— Л., 1950, стр. 19.

[2] Там же, стр. 27.

[3] В. В. Суслов. Новгородский Софийский собор. Тр. X АС, III, М., 1900, протоколы, стр. 71.

[4] В. К. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи Святой Софии Новгородской. ЗОРСА РАО, X, Пг., 1915.

[5] Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.— Л., 1947, стр. 267; Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. Ежегодник Института истории искусств. М., 1954; В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. ИРИ, т. 2, М., 1954, стр. 74.

[6] Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. Сб. «Практика реставрационных работ». М., 1950. стр. 135—154.

[7] В. Г. Брюсова. К истории стенописи Софийского собора Новгорода. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 108—125.

в раскопах главного помещения храмах и его приделах. Относительно датировок фресковой живописи центральной главы нет единого мнения. Почти одновременно опубликованные работы по-разному определяют время возникновения этой росписи. В. Н. Лазарев в работе «О росписи Софии Новгородской» подтверждает прежнюю датировку росписи купола — 1108 г.[8] В. Г. Брюсова считает, что роспись центральной главы была выполнена в 1051 г., после окончания строительства собора[9], Таким образом, к настоящему времени известно несколько периодов росписи Софии древнейшего времени (XI—XII вв.), из которых упомянуто в летописи только два (роспись 1108 г. и роспись приделов в 1144 г.).

Первый период относится к середине XI в. К этому времени принадлежит изображение Константина и Елены в Мартирьевской паперти и фрагменты стенописи на цемяночном грунте из раскопов. Второй период — 1108 г. В это время были расписаны центральное помещение Софии и приделы. Из сохранившихся фрагментов живописи, кроме спорных по датировке фресок центральной главы, к этому же времени принадлежат изображения четырех святителей в алтарных арках и ряд фрагментов живописи из раскопов в главном помещении храма и его приделах. Третий период — 1144 г. К этому времени относятся, по мнению В. Г. Брюсовой, фрагменты фресок в раскопках Корсунской паперти[10]. Четвертый период — конец XII в. В это время была выполнена композиция Деисус в Мартирьевской паперти. Таким образом, сложная история росписи собора постепенно выясняется в результате длительной кропотливой работы многих исследователей, но вопрос об авторах росписей все еще может ставиться лишь в плане анализа художественных особенностей росписи и принадлежности художников к определенным живописным школам. Между тем еще во время ремонтно-реставрационных работ под руководством В. В. Суслова в Новгородской Софии одновременно с фрагментами древних фресок на древнейшей обмазке собора были обнаружены многочисленные надписи — граффити, которые представляют собой драгоценный исторический источник, возможности которого долгое время недооценивались. Незначительная часть надписей, обнаруженных на стенах Софийского собора, издана В. Н. Щепкиным[11], над изучением остальных долгое время работал профессор Петербургского археологического института И. А. Шляпкин. К сожалению, работа не была завершена, и многочисленные надписи, многие из которых к настоящему времени не сохранились, так и не были изданы. Архив И. А. Шляпкина утерян, лишь некоторое количество негативов фотографий с надписей — граффити из Софийского собора хранится в фототеке Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Среди них находится негатив фотографии участка стены с надписями, прочерченными, вероятно, по древнейшей цемяночной штукатурке[12] (местонахождение надписей не указано). В левом верхнем углу видна следующая надпись из двух строк[13] (рис. 1, *1*, *2*).

[G]тєфанъ ѱ҃лъ єгд(ы)
[п]сахж с҃тжю софию

[8] Сб. «Древнерусское искусство...», стр. 7—61.

[9] В. Г. Брюсова. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI — начала XII вв.). СА, 1968, 1, стр. 103—114. В двух вышеуказанных работах приведена подробная библиография по истории изучения росписи Новгородского Софийского собора.

[10] В. Г. Брюсова. О датировке древнейших фресок Софийского сбора в Новгороде, стр. 104, примеч. 10.

[11] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti «Древности». XIX, 3, М., 1902, стр. 26—46.

[12] Архив ЛОИА, кол. 163, нег. № III 16462.

[13] При транскрибировании дано разделение на слова, в круглых скобках — поврежденные буквы, в квадратных — утраченные.

Хотя начало надписи повреждено, восстановить ее не представляет труда, так как, по всей вероятности, отсутствует лишь по одной первой букве в каждой строке надписи. В первом слове утрачена буква **С — все** слово представляет собой имя **Стефанъ ... сахж** может быть восстановлено как **писахж** — имперфект 3 лица мн. числа глагола «**писати**», который употреблялся как в смысле «писать», так и в смысле «расписы-

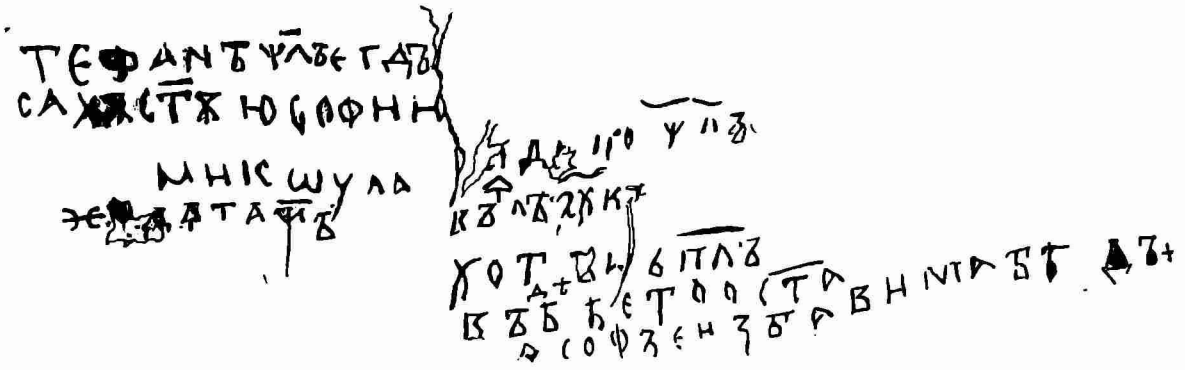


Рис. 1.

1 — надписи с именами Стефана, Микулы и Радко. Отпечаток с негатива № III, 16462. Фотоархив ЛОИА; *2* — надписи с именами Стефана, Микулы и Радко. Прорись

вать»[14]. **Єгдъı** (**єгда** — т. е. когда[15] И. И. Срезневский не указывает написание **єгдъı**, с **ъı** на конце. В чтении буквы **ъı** можно было бы усомниться, так как сохранилась лишь левая часть этой буквы (**ъ**). К тому же негатив фотографии ретуширован. Но само начертание **ъ**, аналогичное начертаниям **ъ** в этой надписи, и написание этого же слова в другой надписи Стефана, о которой будет идти речь ниже, подтверждают такое прочтение. Перевод надписи: Стефан писал, когда расписывали святую Софию. Таким образом, надпись, очевидно, является автографом художника, принимавшего участие в росписи Софии (о том, что сам Стефан был художником, а не просто присутствовал при росписи, имеются дополнительные данные, которые будут рассмотрены в данной статье). Автор надписи употребил имперфект от глагола «пьсати» (распи-

[14] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка... II, СПб., 1895, столб. 1776.

[15] Там же, I.

сывать). Имперфект обозначал длительное, неоднократно повторяющееся действие и был обязательной принадлежностью русского литературного языка «старшей поры» [16]. Следует также отметить только одно «а» вместо старославянского суффиксального элемента — аа —, что является русской особенностью [17]. В надписи дважды употреблен ѫ, который датирует надпись не позже первой половины XII в. [18] Причем, если в слове пса҂ѫ ѫ употреблен правильно, в соответствии со старославянским произношением, в слове стѫю вместо старославянского окончания ѭѫ написано ѫю, что так же, как и написание ю в слове Софню, отражает русские фонетические особенности речи Стефана: Н — с горизонтальной перекладиной датирует надпись XI—XII вв. [19], ѱ — типично для XII в., но может встречаться и в XI в. [20] ѧ — с наклонной правой чертой и остроугольной головкой. Такое начертание ѧ встречается в некоторых граффити конца XI — начала XII в. из Киевского Софийского собора (запись о княжении Святослава, запись о мире на Желяни) [21].

Характерно ъ с закругленной петлей, аналогичные начертания ъ имеются в Новгородской минее за 1096 г. [22] и в вышеупомянутой записи о мире на Желяни [23]. Написание ѯѱлъ через ѱ, предполагающее утрату слабого ь, датирует надпись эпохой падения редуцированных. Таким образом, по совокупности палеографических и фонетических признаков надпись можно отнести ко времени росписи собора, начатой по летописным известиям в 1108 г. (1109 мартовском году [24]). Эта надпись не является единственным сохранившимся автографом Стефана. В архиве ЛОИА находится еще один негатив фотографии с надписи, прочерченной, как можно судить по фотографии, по цемяночной штукатурке одного из кресчатых столбов в Софии (местонахождение не указано) [25]. На этой фотографии среди надписей и изображений крестов имеется следующая, написанная мелким, четким почерком и заключенная в рамку (рис. 2, *1*, *2*).

гн помози ра
боу своемоу
стефанъ ѱ[лъ]
нгдъı же пс[а҂ѫ]
стоую софню
гн нѯбави м(а)
т
(ѿ) . . . . . сн

В этой надписи также имеются поврежденные буквы, но наличие предыдущего автографа позволяет прочесть ее полностью. Отсутствуют буквы

---

[16] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 239—240.

[17] Там же, стр. 240.

[18] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1967, стр. 113, 114.

[19] Там же, стр. 111, 112.

[20] Там же, стр. 115.

[21] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966, табл. I, VII, VIII; табл. XI, XII; Б. А. Рыбаков. Древнерусские датированные надписи. САИЕ—1, 44, М., 1964, табл. I, II, № 12, 13, 14. (Запись о мире на Желяни С. А. Высоцкий датирует 1097 г., Б. А. Рыбаков — 1104 г.).

[22] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв. СПб., 1905, лист. 1, *7*.

[23] С. А. Высоцкий. Ук. соч., табл. VII; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., табл. I—II, *12*, стр. 24—34.

[24] Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 218, 220, 229.

[25] Архив ЛОИА, кол. 163—964, нег. № III, 16469.

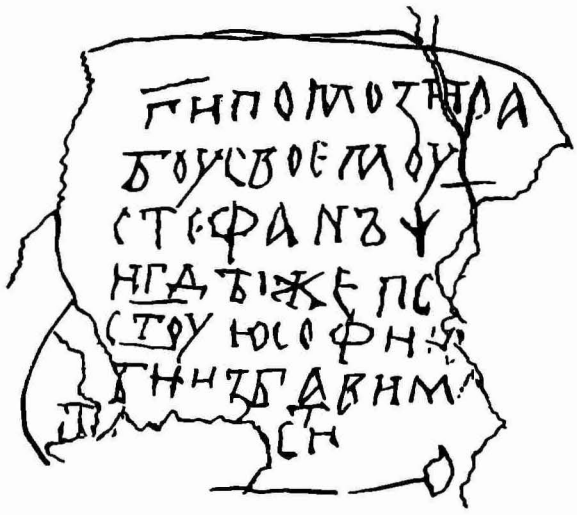


Рис. 2.

1 — автограф Стефана. Отпечаток с негатива № III, 16469. Фотоархив, ЛОИА; *2* — автограф Стефана. Прорись

ѵъ в слове ѱ҃лъ, кроме того, поврежден конец четвертой строки — сохранились лишь начальные буквы пс от слова псаχж, рядом с буквой с находится царапина, которая делает ее похожей на є. Таким образом, чтение этого слова было бы предположительным, если бы не была известна первая надпись Стефана, в которой по счастливой случайности как раз сохранились последние четыре буквы этого слова, отсутствующие во второй надписи. Подтверждается и чтение имени художника Стефанъ первая буква которого не сохранилась в предыдущей надписи. Во второй надписи повреждено также последнее слово, от него остались лишь буквы с҃н. Это слово можно прочесть прѣльстн (заблуждения, обольщения) [26]. Нгдъı же — єгдъı же. В слове «єгдъı» на конце отчетливо читается ъı. Вместо є в начале слова написано н, что ставит под сомнение чтение єгдъı же. Скорее можно было бы предположить «нгдѣ же» (где же). Однако в таком случае появляется лишняя буква і между ѣ и ж. Нельзя также предположить, что она представляет собой случайную царапину, так как тогда образуется слишком большое расстояние между вышеупомянутыми буквами. Написание єгдъı в первой надписи и контекст свидетельствуют о том, что Стефаном допущена ошибка. Возможно, он хотел написать нгдъı же.

Перевод надписи: «Господи, помози рабу своему. Стефан писал, когда расписывали святую Софию. Господи, избави мя от обольщения». Вторая надпись представляет собой расширенный вариант первой. Из палеографических признаков нужно отметить симметричное ж, написанное в три приема, характерное для XI—XII вв. [27], ѱ, аналогичное начертанию этой буквы в первой надписи, н с горизонтальной перекладиной. В слове псаχж отсутствует слабый ь, что датирует надпись эпохой падения редуцированных. По фотографии можно заключить, что надпись прочерчена по цемяночной штукатурке на одном из кресчатых столбов, что ограничивает ее дату временем до росписи 1108 (9) г., так как в это время, как показывают последние ременто-реставрационные работы, центральное помещение Софии, ее приделы были покрыты росписью [28]. Следовательно, и содержание надписи и ее датировка заставляют отнести эту надпись тому же лицу, что и первую. Вместе с тем во второй надписи имеются некоторые отличительные черты, которые на первый взгляд могут вызвать сомнение в принадлежности ее тому же Стефану, хотя существование двух Стефанов, расписывавших Софию в 1108 г., кажется маловероятным. Во второй надписи вместо ѵ употребляется оу в соответствии с русским произношением, вместо єгдъı написано нгдъı же, буква ф округла, мачта ее выступает за нижний уровень строки, буква а пишется с более округлой петлей. Однако, несмотря на эти отличия, в почерке и орфографии имеется и несомненное сходство, указывающее на то, что обе надписи выполнены одним и тем же человеком. Схожи буквы д, є, ю, почти идентичны ъı в первой и второй надписи. Характерной особенностью почерка обеих надписей является округлость нижних петель ъ и ъı, во второй надписи к ним прибавляются буквы Б и В (рис. 3). В обеих надписях употреблено ѱ в слове ѱ҃лъ и пс в слове псаχж. Таким образом, как уникальное содержание надписей, датировка, так и некоторые особенности почерка

---

[26] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, II, столб. 1662. Например, ...«и мы избавлены бых о҃м҃ прельсти дьяволя» (Лаврентьевская летопись, л. 41, об. ПСРЛ, I, 1—3. Л., 1926, стр. 119). Аналогия любезно указана сотрудницей Института русского языка АН СССР Т. А. Сумниковой. Пользуюсь случаем принести также благодарность Л. П. Жуковской за консультации.

[27] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 112.

[28] В. Г. Брюсова. О датировке древнейших фресок..., стр. 106, 114.

заставляют считать Стефана, оставившего первую и вторую надпись, одним и тем же лицом, а именно художником, принимавшим участие в росписи Софии, начатой в 1108 (9) г.

То, что Стефан был художником, подтверждается рисунком и надписью, до сих пор сохранившимися на стене лестничной башни Софии Новгородской. Рисунок (рис. 4, *1*, *2*) находится на высоте около 120 *см* от уровня четвертой (если считать снизу) лестничной площадки, с правой

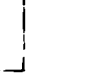
I автограф Стефана	*II автограф Стефана*	*Надпись при изображении льва*	*Надпись при изображении монаха*	*Надпись на голоснике*
				

Рис. 3. Сравнительная таблица начертаний некоторых букв из разных автографов Стефана

стороны. Рисунок, прочерченный писалом по цемяночной штукатурке, изображает льва с длинной гривой в профиль, с мордой, повернутой к зрителю. Левая передняя лапа поднята, хвост заканчивается декоративными завитками. Несмотря на трудность процарапывания по сухой штукатурке, рисунок обнаруживает руку профессионального художника. Надпись, сильно поврежденная выбоинами в штукатурке, расположена непосредственно над рисунком. Первая строка нечитаема, во второй строке можно различить і є, хорошо видна следующая за ней буква ф и остаток буквы а, третья строка читается полностью иъ ѱ҃лъ. Таким образом, нетрудно восстановить Стефанъ ѱ҃лъ. Буквы и, ъ, ѱ полностью сходны с теми же буквами 2-го автографа Стефана, остроугольная петля буквы а и начертание ф близки к аналогичным буквам первой надписи (рис. 3). Таким образом, эта надпись и рисунок выполнены тем же Стефаном и являются дополнительным свидетельством того, что Стефан, оставивший все эти надписи, был художником.

Несколько ниже рисунка льва находится схематичное изображение человека в высокой остроугольной шапке с тщательно нарисованным большим крестом на шее, висящим на веревочке. Рисунок изображает, очевидно, монаха в клобуке с энколпионом на груди. Возле правой руки видны остатки букв короткой надписи, в настоящее время нечитаемой. Несмотря на всю условность и схематичность изображения, рисунок, выполненный двойным контуром по сухой штукатурке, также прочерчен рукой человека, привыкшего к рисованию. Возможно, этот рисунок является изображением Стефана, о чем свидетельствует хорошо сохранившаяся надпись, расположенная несколько ниже и правее (рис. 4, *1*, *3*).

стє
фанъ

Конечно, этот рисунок мог быть сделан не самим Стефаном, а кем-нибудь другим, но характерное остроугольное **д, ф** очень близкие по начертанию к этим буквам первой надписи, говорят о том, что изображение монаха может быть автопортретом.

Автографы Стефана, автографы-рисунки заставляют вспомнить общеизвестный голосник из Софийского собора в Новгороде с крестообразным орнаментом и подписью **Стефанъ ѱлъ** (хранится в Гос.

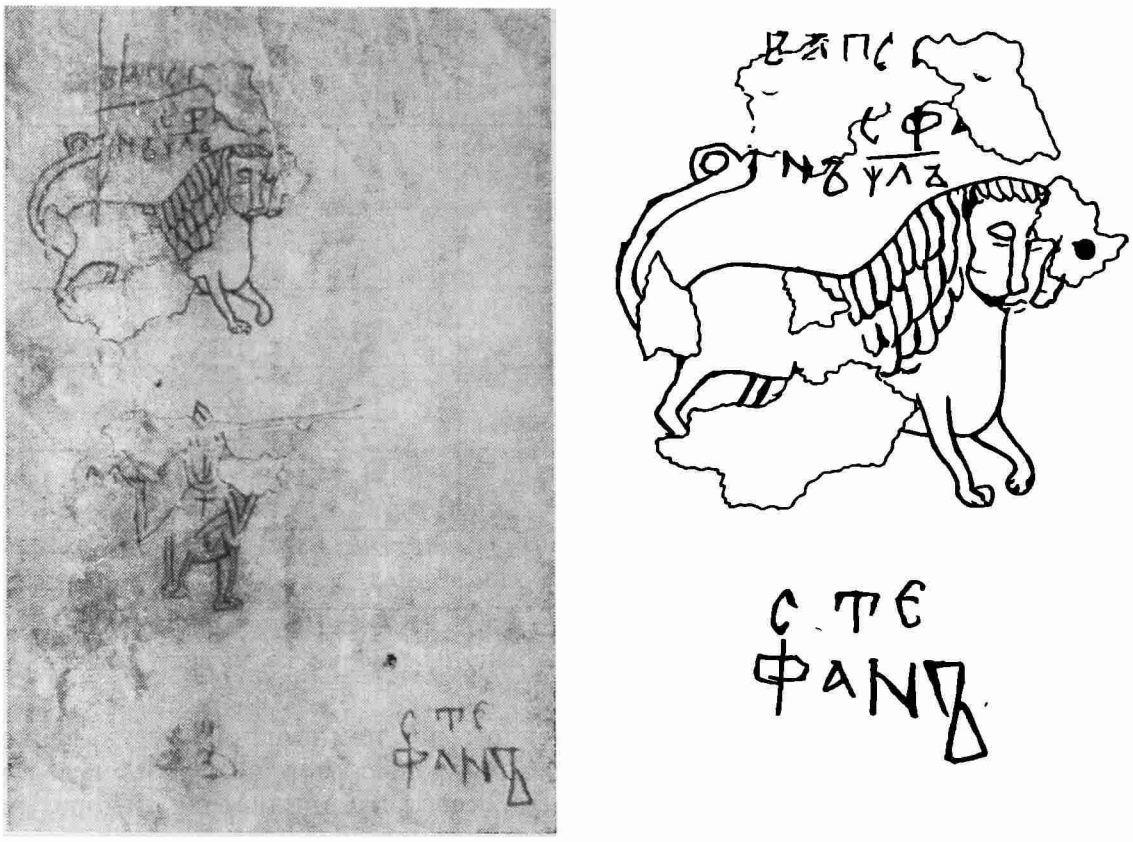


Рис. 4.

1 — рисунки и подписи Стефана, сохранившиеся на стене лестничной башни Софии Новгородской. В настоящее время этот участок стены для сохранения граффити покрыт стеклом. На рисунке представлена фотография прориси, сделанной по стеклу; *2* — изображение льва и подпись Стефана. Прорись; *3* — подпись «Стефан» при изображении монаха

Эрмитаже [29], рис. 5, *1*, *2*). И рисунок, и надпись прочерчены по сырой глине и поэтому вошли в научную литературу как подпись ремесленника-гончара. Автографы художника Стефана дают право вернуться к предположению, высказанному М. И. Михайловым, о том, что имя Стефана, начерченное на голоснике «есть не что иное, как имя мастера, который участвовал в росписи собора» [30]. И. А. Шляпкин при публикации креста, изображенного на голоснике, датировал этот крест и надпись XII в., сославшись на неопубликованную надпись (с годом) и палеографические признаки [31]. Сложный рисунок, свободно и уверенно прочерченный по сырой глине, а также надпись, выполненная уже знакомым нам почерком (рис. 3), являются автографами художника Стефана, оставившего и другие надписи на стенах Софийского собора. Очевидно,

[29] А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, 9, стр. 21, 219.

[30] М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, стр. 30.

[31] И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. 1. Кресты Новгородские до XV в. СПб., 1906, стр. 24, примеч. 2.

Рис. 5

1 — голосник из сводов новгородского Софийского собора. Отпечаток с негатива № III, 16459. Фотоархив ЛОИА; *2* — подпись Стефана на голоснике из сводов новгородского Софийского собора

одновременно с росписью были предприняты и некоторые ремонтные работы, которые потребовались после более чем полувекового существования собора.

Мастерские по производству и обжигу голосников были расположены поблизости от Софии, и Стефан, имевший пристрастие к оставлению автографов, начертил на голоснике, до обжига, крестообразный орнамент и надпись со своим именем. Этот голосник заложили в своды Софийского собора, где он и был обнаружен почти 800 лет спустя.

Все автографы Стефана выполнены твердым красивым почерком, привычной к письму рукой. Некоторые фонетические особенности его речи, отразившиеся на письме в употреблении оу вместо ж и ю вместо ѭ стяженная форма имперфекта говорят о его русском происхождении. Имя «Стефан» и рисунок человека в клобуке с крестом на шее позволяют предположить, что он был монахом, как и его современник — киевский художник Алимпий, жизнеописание которого находится в Патерике Киевско-Печерского монастыря [32]. Палеография позволяет отнести эти надписи ко времени росписи собора, начатой по летописным сведениям в 1108 г.

Совершенно очевидно, что роспись такого большого здания, как София, не могла быть выполнена одним человеком, на что указывает и множественное окончание «псахж» в первом автографе Стефана. Рядом с этой надписью Стефана имеются еще две надписи-автографа. Местоположение, палеография и дата, указанная в одной из них, заставляют считать эти надписи подписями мастеров, вместе со Стефаном расписывавшими Софию.

Первая из них расположена ниже автографа Стефана, выполнена похожим почерком и является продолжением его надписи (рис. 1, *1, 2*)

микωула

эє — (д)ѧта ψлъ

В начале второй строки несколько в стороне читается глаголическая буква эє (ѧ или ѩ), которая, по всей вероятности, относится к этой надписи, следующая за ней буква не читается из-за выбоины в штукатурке, после нее написано, очевидно, д окончание слова видно хорошо ѧта таким образом, все слово читается ІѦ — дѧта — вероятно, второе имя (языческое) Микулы. Характерно начертание а — с остроугольной головкой и наклонной правой чертой, аналогичное а предыдущей надписи Стефана. В имени «Микула» вместо оу написано ωу ω — с высокой серединой, что характерно для второй половины XI в. [33], но уже со слегка разведенными петлями. Такое начертание ω встречается в некоторых древнерусских памятниках начала XII в. (Мстиславо евангелие, Юрьевское евангелие) [34]. Слово псалъ написано через ψ, как и в надписи Стефана, ψ по определению В. Н. Щепкина, «в виде цветка лилии» типично для XII в. [35] Наличие глаголической буквы также датирует надпись XI — началом XII в. [36]

Правее надписи Микулы, как бы продолжая ее, находится второй автограф, выполненный более мелким и небрежным почерком (рис. 1, *1, 2*)

р(а)д(ь)ко ψлъ

въ͠т лѣ ѕχк

---

[32] Патерик Киевско-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 120—125.

[33] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 113.

[34] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв.

[35] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 113.

[36] А. А. Медынцева. Глаголические надписи Софии Новгородской. СА, 1969, 1.

Т. е.— Радько псал в лето 6620(1112). Радко — очень распространенное для Новгорода имя,— очевидно, уменьшительное от имени «Радослав», известное и по летописям, и по берестяным грамотам, и по надписям-графити. Надпись ретуширована, поэтому титло над датой, не подвергшееся ретуши, на фотографии видно плохо. В дате на месте единиц имеется несколько царапин, напоминающих букву ꙁ (7), но несоразмерность этой буквы с остальными и отсутствие над ней титла не позволяет считать ее буквой-цифрой. Следовательно, надпись датируется 1112 г. Вполне очевидно, что роспись такого большого храма, как София, начатая весной 1108(9) г., должна была продолжаться несколько лет, так как временем, пригодным для стенной живописи, были всего лишь 4—5 месяцев в году [37]. Известно, например, что роспись Успенского собора в Москве продолжалась три года (с 1513 по 1515 г.) [38]. Дата в надписи Радко говорит о том, что работы по росписи Софии еще продолжались в 1112 г. Возможно, что этот год и был годом окончания работ.

Ниже этой группы надписей находится надпись, исполненная с ошибками и более крупными буквами (рис. 1, *1*, *2*)

хот(є)ць п҃лъ

дѣ

въ бѣє то о ст҃а

ѧ софъє нꙁбави ма бѣдъı

По своей орфографии, содержанию (Хотець псал в беде тот. О святая Софья, избави мя от беды) эта надпись отличается от трех предыдущих и с ними не связана. По фонетике (написание **Софъє** возможно только на почве утраты слабого редуцированного ĭ, который сохранялся до конца XII в. [39], кроме того, написание **то** вместо **тъ** свидетельствует также об утрате редуцированного **ъ** [40]) надпись относится приблизительно к началу XIII в. Следовательно, в то время, когда писались первые три надписи, совершенно не было необходимости писать их в непосредственной близости одну от другой, если бы они не были связаны общим замыслом. Эти три автографа представляют собой единый комплекс надписей, связанных местоположением, манерой выполнения, временем, что позволяет считать автографами мастеров-художников не только надписи Стефана, но также и автографы Микулы и Радко. Очевидно, потому, что за подписью Стефана должны были последовать подписи Микулы и Радко, он написал **псахѫ** (расписывали) в своей первой надписи. Такие коллективные записи нередки среди граффити Новгородской Софии. Стефан, Микула и Радко составляли, вероятно, одну бригаду живописцев. Ю. Н. Дмитриев на основе анализа технических и художественных особенностей древних росписей и некоторых летописных сведений пришел к выводу, что, «как правило, росписи выполнялись небольшим числом мастеров, часто — одним, двумя, с соответствующими помощниками» [41].

Если судить по первенствующему положению надписи Стефана среди других надписей и также по большому количеству его автографов, оставленных в разных местах собора, даже на голоснике, который был заложен в своды собора, Стефан и был главным мастером. Уменьшительное имя Радко и то, что он поставил свою подпись последним, говорят о том, что он мог быть подмастерьем.

Конечно, не исключено участие и других мастеров в росписи Софии 1108(9) — 1112 (?) гг. По мнению некоторых исследователей, разница между живописными грунтами центральной главы и грунтами, обнаруженны-

---

[37] Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей, стр. 244.

[38] Владимирский летописец. ПСРЛ, XIII, М., 1965, стр. 141—142.

[39] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, М., 1965, стр. 103—104.

[40] Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 100—108.

[41] Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей, стр. 243—244.

ми в раскопах, объясняется работой различных артелей, имевших свою собственную рецептуру [42]. Поэтому было бы весьма затруднительно приписывать какие-нибудь определенные композиции Стефану и его помощникам. Сравнительный анализ надписей при изображениях святых и автографов вряд ли в настоящее время может помочь определить авторов, так как надписи при фресковых изображениях выполнялись красками в особой манере, имеющей мало общего с обычным деловым почерком, которым прочерчены автографы художников.

Возможно, дальнейшие исследования по изучению фресковой живописи Софийского собора и фресковой живописи начала XII в. некоторых новгородских церквей дадут дополнительные данные, которые позволят приписать определенные росписи художникам, имена которых займут свое место среди немногочисленных дошедших до нас имен создателей древнерусской культуры.

A. A. Médyntzéva

INSCRIPTIONS PORTANT LE NOM DU PEINTRE STÉPHAN, DE LA CATHÉDRALE ST — SOPHIE DE KIEV

Résumé

L'histoire des arts de la Russie ancienne ne connait presque pas de noms de peintres.

C'est à la fin du siècle passé, qu'il a été découvert sur le plus ancien enduit de la cathédrale Sainte Sophie de nombreuses inscriptions type graffiti.

Dans l'article sont analysées les inscriptions faites par le peintre Stéphan qui avait pris part à la décoration de la cathédrale St — Sophie au début du XII siècle.

L'auteur prouve qu'un dessin et une inscription figurant sur un récipient — résonateur encastré dans la voûte de la cathédrale sont dus au même maitre.

---

[42] В. Н. Лазарев. О росписи Софии Новгородской, стр. 34—35; Г. М. Штендер. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. Сб. «Древнерусское искусство», ..., стр. 98, примеч. 74.

Заметки

М. Н. КЛАПЧУК

СТОЯНКА КАРАГАНДА-15

Первые археологические памятники в окрестностях Караганды обнаружены в 1930 г. [1] Новые местонахождения были открыты И. Ф. Кулешовым в 1940 г. в урочище Аккудук и в 1946—1947 гг.— в Новой Тихоновке и близ шахты 26-бис [2]. В 1952 г. археологические сборы в районе Караганды производил Г. В. Григорьев. К настоящему времени на археологическую карту Караганды нанесены 65 памятников, большинство из которых были открыты автором (1958—1966 гг.). Наиболее интересным из них является неолитическая стоянка Караганда-15, расположенная на южном склоне небольшого мыса в 3 *км* южнее города.

На поверхности стоянки было собрано 2962 каменных предмета, в том числе 48 нуклеусов и их обломков, 542 ножевидных пластинки и их фрагментов, 19 скребел, 196 скребков на отщепах, 33 скребка на пластинках, 11 наконечников дротиков, 32 наконечника стрел, 5 проколок, 2 пластинки с резцовыми сколами, 7 трапеций, 12 вкладышей, 2 орудия типа каменных рал, 4 шаровидных предмета, 2 бусинки и т. д. В 1960—1966 гг. здесь были произведены раскопки, охватившие площадь в 346 $м^2$ (рис. 1). В процессе раскопок вскрыты отложения (рис. 2), представленные в табл. 1.

Отобраны 44 образца на пыльцевой анализ. Пыльца встречена в 16 образцах. Спектры результативных образцов составляют 6 пыльцевых комплексов (табл. 2).

Приведенные данные указывают на значительные колебания климата и изменения в растительном покрове на протяжение обитания первобытного человека на стоянке Караганда-15. Так, образцы глины под жилищем № 1 дали пыльцевой комплекс 6, характеризующийся невысоким удельным весом древесных пород (4,0—10,6%), а среди травянистых растений почти равновесием маревых (22,3—24,0%) и полыни (15,1—22,9%) при значительном участии осоковых (36,5—37,8%). Последнее обстоятельство указывает на господство влажного климата во время аккумуляции глины.

В образце из жилища № 1 (VI культурный горизонт) встречены 12,9% пыльцы древесных пород, что указывает на наличие, как и прежде, открытого ландшафта. Но климат стал аридным. Дно некогда существовавшего у стоянки мелководного бассейна превратилось в солончак, заросший солянками. Их удельный вес достигает 82,3% состава травянистых растений. Изредка произрастала растительность, принадлежащая семейству сложноцветных (14,4%).

Образцы V культурного горизонта пыльцы не содержали. Данные образца IV горизонта указывают на некоторое увлажнение климата. Небольшое значение пыльцы древесных пород свидетельствует о господстве от-

---

[1] Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. Вестник Центрального музея Казахстана, 1930, № 1, стр. 77—87.

[2] А. Н. Бернштам. Проблема древней истории и энтогенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, Сер. археол. Алма-Ата, 1949, 2, 67, стр. 148—150.

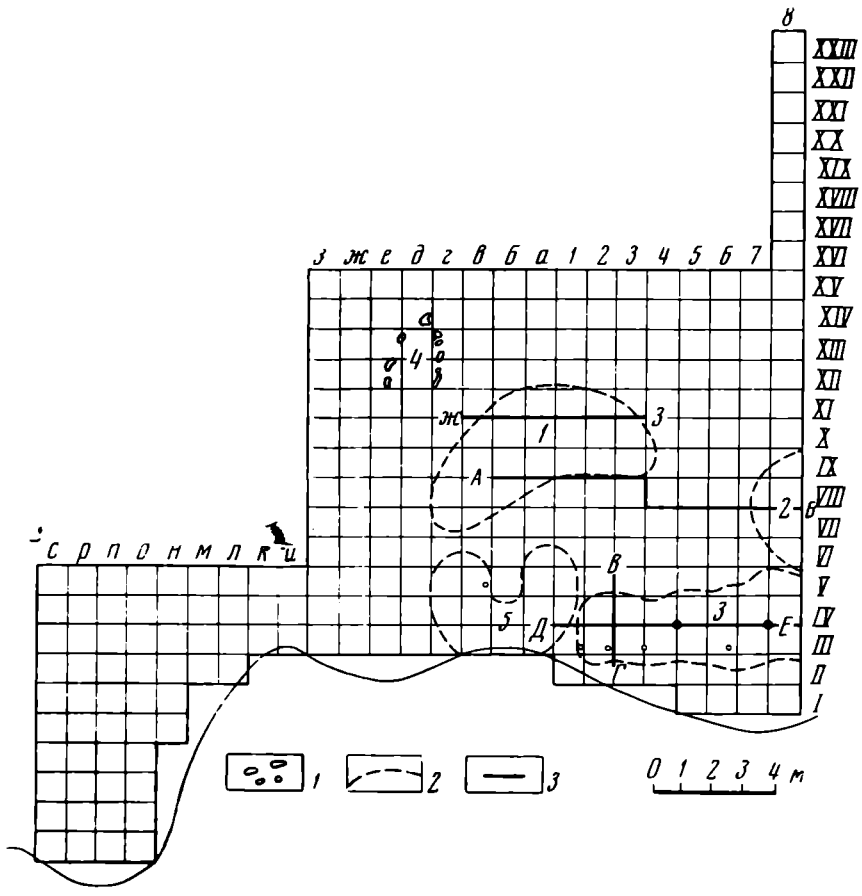


Рис. 1. План раскопа стоянки Караганда-15

1 — плоские камни; *2* — контуры жилищ; *3* — линии разрезов

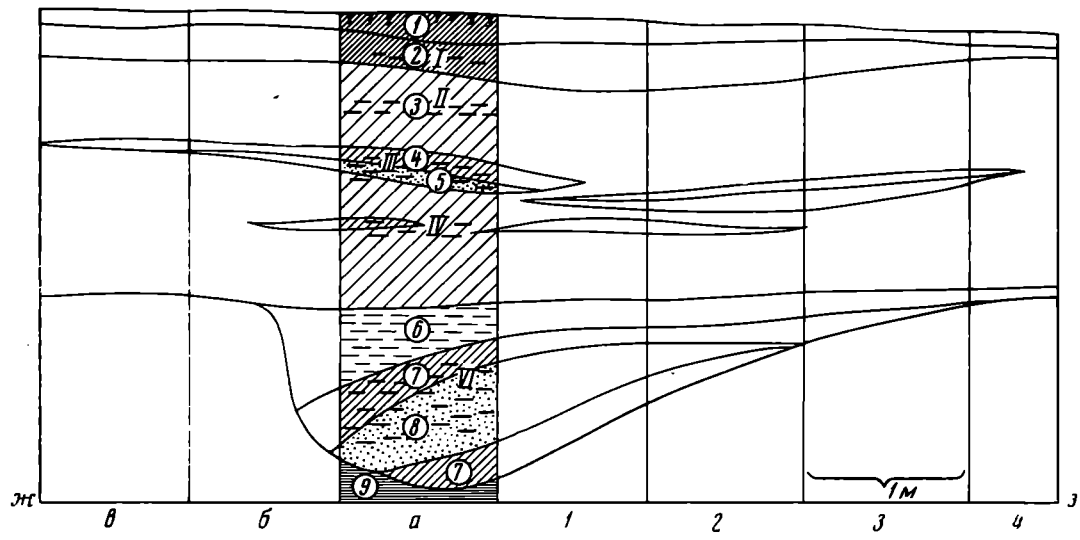


Рис. 2. Стратиграфия отложений стоянки Караганда-15 (условные обозначения приведены в тексте)

крытого ландшафта, но по сравнению с аридной фазой усилилась роль злаковых (6,6%) и полыни (43,1%). Маревых стало значительно меньше (31,1%).

Аккумуляция III культурного горизонта происходила во время голоценового климатического оптимума, характеризовавшегося значительным увлажнением климата и связанным с этим увеличением площадей лесов

Таблица 1

№ на рисунке	Глубина, *м*	Характеристика отложений
1	0,00—0,10	Почвенный слой, представленный темно-серым суглинком, рыхлым, мелкокомковатой структуры; с корневищами злаковых. Местами на глубине 0,00—0,04 встречается супесь желто-серая и ниже (0,04—0,10) бурая торфовидная масса, расчлененная трещинами на глыбы.
2	0,10—0,20	Суглинок серый, комковатый, местами рыхлый, вмещающий инвентарь I культурного горизонта и кости животных.
3	0,20—0,45	Суглинок желто-серый, комковатый, плотный, на глубине 0,25—0,40 содержащий инвентарь II культурного горизонта и кости животных.
4	0,45—0,51	Линза суглинка серого, мелкокомковатого.
5	0,51—0,58	Линза суглинка светло-желтого с белесым оттенком, мелкокомковатого; на глубине 0,48—0,55 встречаются предметы инвентаря III культурного горизонта.
3	0,58—1,02	Суглинок желто-серый, вертикально трещиноватый, плотный; на глубине 0,70—0,58 линзы серого оттенка, содержащие находки IV культурного горизонта.
6	1,02—1,16	Супесь желто-бурая, глинистая.
7	1,16—1,28	Суглинок темно-серый, вязкий.
8	1,28—1,56	Супесь темно-серая, глинистая; на глубине 1,20—1,45 встречен инвентарь VI культурного горизонта в жилище № 1.
7	1,56—1,65	Суглинок темно-серый, вязкий
9	1,65 и ниже	Глина желтая, местами синеватая, вязкая.

Таблица 2

Основные показатели пыльцевых комплексов, %

Комплекс	Горизонт	Древесные породы	Травянистые растения	Злаковые	Осоковые	Маревые	Полынь	Сложноцветные
1	Поверхность	0,5—6,0	91,0—99,5	0,0—0,7	—	80,9—88,9	1,1—3,1	1,1—8,1
2	II	6,2—25,2	74,0—93,8	0,0—6,4	—	11,1—62,8	0,9—30,7	13,1—65,8
3	III	30,0—36,0	62,0—70,0	1,7—7,5	—	14,2—56,6	3,6—9,0	25,3—69,7
4	IV	7,0	77,0	6,6	—	31,1	43,1	4,9
5	VI	12,9	87,1	1,0	—	82,3	—	14,4
6	Под слоями	4,0—10,6	88,9—95,5	4,0—5,8	36,5—37,8	22,3—24,0	15,1—22,9	1,1—1,4

Центрального Казахстана[3]. Это имело место в III тысячелетии до н. э.[4] В пыльцевых спектрах III культурного горизонта удельный вес древесных

[3] М. Н. Клапчук. Некоторые данные о палеоклиматических условиях аккумуляции четвертичных отложений Центрального Казахстана. Тезисы докладов научно-технической конференции ЦКГУ, Караганда, 1966, стр. 42.

[4] К. Брукс. Климаты прошлого. М., 1952, стр. 297—298; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 76; А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. Зап. Географ. о-ва СССР, 16, 1957; М. И. Давыдова, А. И. Каменский, Н. П. Неклюкова, Г. К. Тушинский. Физическая география СССР. М., 1966, стр. 84—85; Н. А. Хотинская, А. Л. Дервиц, Н. Г. Маркова. Абсолютная хронология голоцена Среднего Урала. ДАН СССР, 1966, 171, 5, стр. 1164—1166.

пород достиг 30,0—36,0%. Значение маревых понизилось за счет увеличения роли сложноцветных. Об усилении атмосферных осадков говорит наличие на стоянке желто-бурых суглинков с обломками пустотелой породы. Они были снесены с сопки водными потоками и перекрыли IV и III культурные горизонты, заставив обитателей стоянки временно покинуть ее.

Таблица 3

Предметы инвентаря	Удельный вес (%) по горизонтам					
	VI	V	IV	III	II	I
Скребла	4	11	8	4	5	
Скребки всех типов	78	71	79	74	70	50
В том числе на отщепах	93	85	87	85	80	67
на пластинках	7	15	13	15	20	33
Вкладыши	4		1	3	7	
Наконечники стрел	2	4	2	6	7	6
» дротиков	2		2	4	2	6
Мотыги каменные				1	2	
Шарики метательные (?)				2	2	6
Фрагменты керамики				1	1	22

Спектры II культурного горизонта указывают на аридизацию климата и сокращение площадей лесов. Удельный вес пыльцы древесных пород понизился до 6,2—25,2%. Роль маревых и сложноцветных осталась почти прежней. Но в супеси над прослойкой торфа фиксируются уже большие изменения. Аридизация климата достигает апогея. Пыльца древесных пород получила значение 0,5—6,0%. У стоянки почти исчезли полынь и сложноцветные, уступив место маревым (80,9—88,9%), достигшим голоценового максимума.

В культурном слое стоянки собраны десятки костей животных. Определение их производилось Н. К. Верещагиным, Э. А. Вангенгейм и Б. С. Кожамкуловой. Кости из культурного горизонта IV и ниже принадлежали Bos aut Bison, Bos primigenius L., Bison bonasus L., Equus caballus L. В III и II горизонтах встречены кости, принадлежавшие Bos taurus L., Ovis aries L., Equus caballus L., Equus asinus L. Из приведенных списков фауны следует, что первоначально население, оставившее стоянку, занималось охотой на диких животных. Начиная с III культурного горизонта появились прирученные животные. Следует подчеркнуть, что кости на стоянке были, как правило, расколоты и обожжены.

На раскопанной площади встречены пять жилищ (рис. 1). Древнейшие из них (жилища 1, 2) содержали инвентарь VI и V культурных горизонтов. Они представляют собой полуземлянки. Размеры первой полуземлянки 8 × 4 *м*. Вторая раскопана частично. Полы жилищ углублялись к северной стенке и были устланы супесью с золой и частично сгоревшими кусочками костей. Здесь же — большая концентрация инвентаря. Минимальная отметка полов 0,6 *м*. Следы конструкций наземных стен и крыши не обнаружены.

Жилище 3 наземного типа и относится ко второму культурному горизонту. Имеет овальную форму длиной не менее 8 и шириной около 3 *м*. На полу жилища лежали плашмя несколько плоских камней, служивших, видимо, основанием центральных опор деревянной конструкции двускатной крыши.

Четвертое жилище также наземного типа. Оно небольших размеров (3 × 2 *м*), в плане удлиненно-овальное. Следы жилища обнаружены по плоским камням, уложенным примерно на одном уровне, горизонтально, образующим подкову. На этих камнях, очевидно, покоились нижние концы деревянной конструкции крыши, не имеющей центральных опор. Меж-

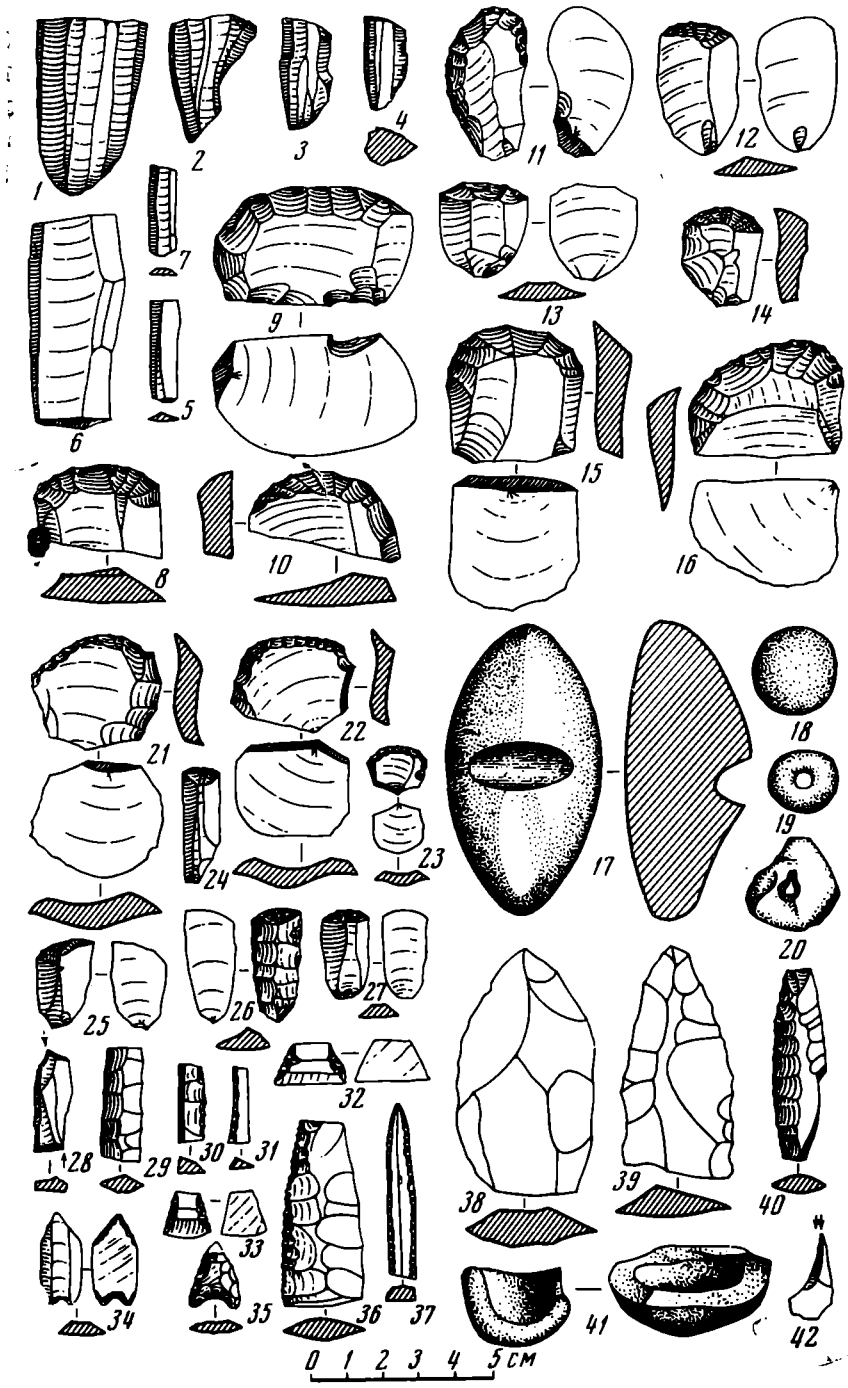


Рис. 3. Инвентарь III горизонта стоянки Караганда-15

ду камнями прослеживалось значительное утолщение III культурного горизонта, а также большая концентрация каменных находок и обугленных фрагментов костей животных.

Пятое жилище следует относить к эпохе металла. Оно представляет собой углубление (до 0,4 *м*), имеющее в плане форму подковы. На внутренней черте подковы лежали два больших плоских камня, служившие, на мой взгляд, основанием центральных опор конической крыши. В жилище найдены фрагменты керамики без орнамента и кости овцы в анатомическом порядке, а также медная проколка.

Во время раскопок найдено 6248 предметов. Анализ инвентаря указывает, что от горизонта к горизонту он становился все более разнообразным, обогащаясь новыми, более совершенными орудиями труда. Так, в IV—VI культурных горизонтах встречены 8 категорий орудий, а в горизонтах II—III — до 15 (рис. 3—4, ср. рис. 5). Изменение удельного веса отдельных предметов инвентаря стоянки показано в табл. 3.

Приведенные данные указывают на наличие тенденции к уменьшению таких видов орудий, как скребла, скребки на отщепах, которые отличались сравнительно большими размерами. В то же время значительно повысился удельный вес скребков на пластинках, несколько увеличилась роль вкладышей. Прослеживается также постепенное увеличение роли наконечников стрел и дротиков, а также метательных (?) шариков.

Наиболее полно представлен инвентарь III культурного горизонта стоянки (рис. 3—4). Здесь найдено 3442 предмета, в том числе 1379 полуфабрикатов и готовых орудий. Полуфабрикаты представлены 83 нуклеусами и 895 ножевидными пластинками и их сечениями. Соотношение нуклеусов к пластинкам примерно 1 : 9. Нуклеусы самых различных размеров и форм (рис. 3, *1—4*). Если длина больших нуклеусов достигает 10 *см*, то мелкие нуклеусы по длине не превышают 2 *см*. Понятно, что с таких нуклеусов можно было снимать только мелкие сколы и впоследствии изготовлять на них мелкие орудия труда. Наиболее часто встречаются конические и клиновидные нуклеусы. Карандашевидные формы играют подчиненную роль. Редки также призматические нуклеусы.

Готовые орудия представлены главным образом скребками, составляющими 74,5% от общего количества орудий труда. Среди скребков 84,5% изготовлено на отщепах и 15,5% на пластинках. Наиболее характерной формой скребков на отщепах является «вееровидный» скребок (рис. 3, *21—23*). Он обладает параллельными плоскостями брюшка и спинки и удлиненным рабочим краем на конце и одной из боковых краев отщепа. Менее характерна клиновидная форма (рис. 3, *14*). Противоположный рабочему краю конец этой формы обработан в виде клина, который закреплялся в держатель.

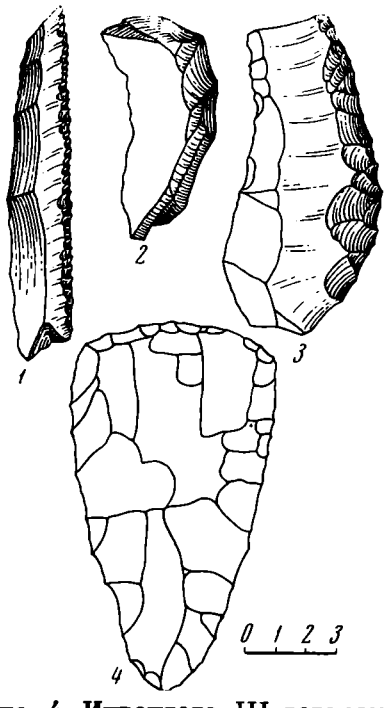


Рис. 4. Инвентарь III горизонта стоянки Караганда-15

Скребки на пластинках зачастую имеют обработанные спинки (рис. 3, *26*). Лезвия скребков прямые, образующие, как правило, прямой угол при их соприкосновении с длинными краями, или же слегка заоваленные, причем переход от лезвий к боковым краям сглаженный. Часть скребков на пластинках имеет скошенные лезвия, в силу чего один из острых углов мог исполнять роль проколки или резца (рис. 3, *25*).

Следующей по количеству группой орудий являются наконечники стрел (рис. 3, *33, 35, 40*). Их удельный вес составляет 6,0%. Длина наконечников варьирует от 7—8 до 1,5 *см*. По форме наконечники стрел сердцевидные, треугольные с черешками и без черешков (в последнем случае с прямым и с овальным основанием), а также листовидные. Встречен наконечник стрелы на ножевидной пластинке, вторично обработанной только у основания и у острия (рис. 3, *34*). Наконечники дротиков составляют 3,7% от общего количества орудий. Они представлены листовидными формами. Один из наконечников имеет зубчатый край (рис. 3, *36*).

Больше чем 3% предметов инвентаря — это вкладыши. Часть их обладает обработанными мелкой ретушью брюшком и спинкой, иные же представлены сечениями с притупленными с брюшка одной или двумя длинными краями.

Два процента готовых орудий составляют трапеции, в которых боковой ретушью со спинки обработаны косые изломы (рис. 3, *32*). Единично в III культурном слое встречены бусинки каменные (рис. 3, *19, 20*), выпрямилки (рис. 3, *17*), резцы и проколки (рис. 3, *28, 37*). Резцы тетраэдрические.

Проколки изготовлены на узких ножевидных пластинках притуплением ретушью длинных краев.

В III слое найдены каменные мотыги (рис. 4, *4*). Изготовлены они из угловатых плоских камней при помощи крупной ретуши, которая придала мотыгам треугольную, иногда слегка заоваленную форму. Острие мотыг приурочено к самому острому углу. Встречены также обломки керамики. К сожалению, они немногочисленны и представлены очень мелкими фрагментами.

На стоянке Караганда-15 первобытный человек обитал довольно продолжительное время, возможно, с конца IV до начала II тысячелетия до н. э.

Археологические памятники Караганды, изученные в большом количестве на территории в 280 *км*^{2}, являются составной частью неолитической провинции, простирающейся от Аягуза до Иргиза в меридиональном, и от

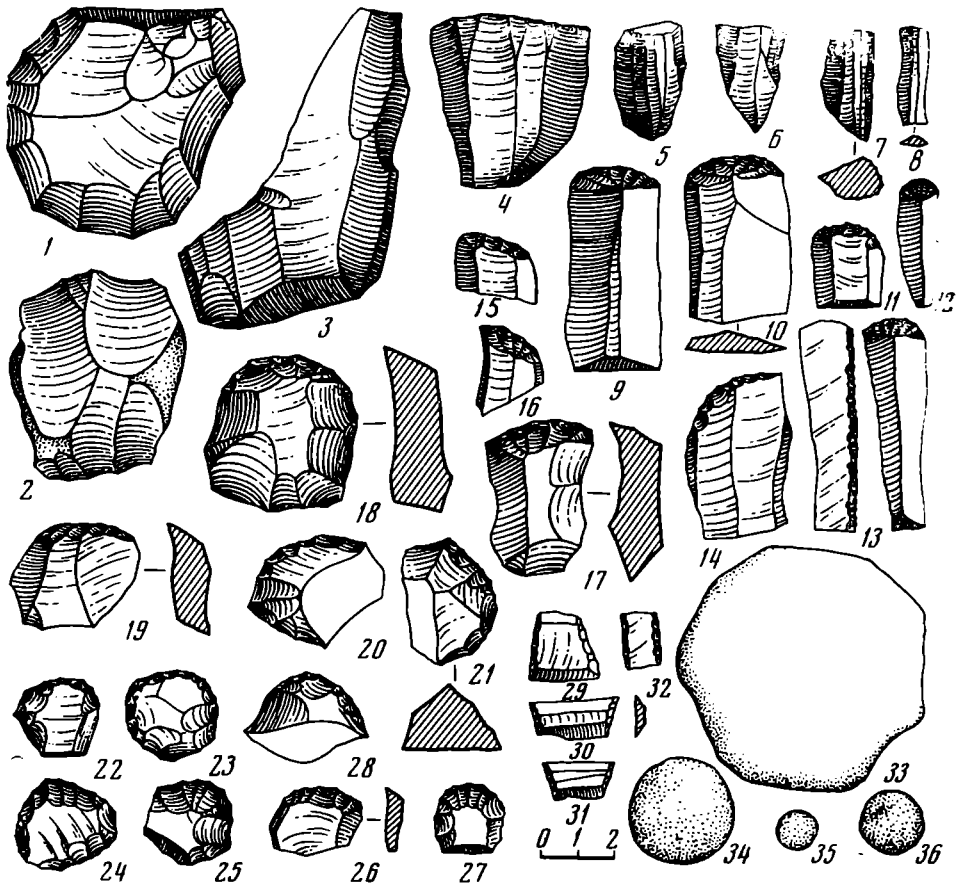


Рис. 5. Инвентарь IV горизонта стоянки Караганда-15

Кокчетава до Балхаша в широтном направлении. В пределах этой провинции встречаются крупные стоянки, обладающие зачастую культурными слоями. На большинстве стоянок и местонахождений найдены тысячи предметов. Инвентарь представлен здесь большим количеством типов орудий, колеблющимся между 7 и 17. Как правило, орудия больших размеров, преимущественно на отщепах. Впервые памятники с макролитическим инвентарем были открыты в 1940-х годах А. Х. Маргуланом[5]. А. А. Формозов выделил их в особую группу, которую назвал лесным неолитом[6]. Нам представляется, что такое название неприемлемо, ибо стоянки и местонахождения с «макролитическим» инвентарем встречаются далеко за преде-

[5] А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. ИАН КазССР, сер. археол., 1950, 2, стр. 4.

[6] А. А. Формозов. Микролитические памятники Азпатской части СССР, СА, 1959, 2, стр. 51.

лами лесостепи. Они, скорее всего, характерны для степи, даже с учетом того, что во время голоценового климатического оптимума, отвечающего концу неолита, облесение изучаемого нами региона Казахстана было значительно больше, чем в настоящий момент. В виду этого провинцию неолитических памятников с инвентарем на отщепах мы предлагаем назвать мелкосопочниковой, так как в основном она занимает территорию мелкосопочников.

Мезолитические памятники Казахского мелкосопочника пока что не обнаружены. По-видимому, это не случайность. Палеоклиматическая обстановка в мезолите была очень неблагоприятной. Сухой, холодный климат при наличии безлесных пространств не мог способствовать проникновению в пределы мелкосопочника новых человеческих групп, в данном случае с микролитической мезолитической индустрией. Следует полагать, что на территории мелкосопочника в мезолите продолжали обитать автохтонные племена, старые верхнепалеолитические насельники, приспособившиеся к трудным местным условиям. Они, по нашему мнению, в своей основной массе остались здесь до неолита, развивая старые традиции изготовления орудий в новых условиях постплейстоцена.

Г. Н. МАТЮШИН

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ПОГРЕБЕНИЕ У г. ДАВЛЕКАНОВО НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Публикуемое здесь в предварительном плане Давлекановское поселение является практически единственным исследованным раскопками неолитическим поселением в Южном Предуралье. Поселения неолитического времени в Южном Предуралье, несмотря на длительные поиски, все еще немногочисленны. Что касается Давлекановского погребения, то ценность его возрастает в связи с тем, что достоверные погребения каменного века не только на Урале, но и на прилегающей к нему территории до недавнего времени были по существу неизвестны [1]. К. В. Сальников в связи с этим считал, что «поскольку до сих пор нигде на Южном Урале неолитические могильники не встречались..., видимо, в большинстве случаев умерших хоронили способом, который исключал сохранение следов погребения до наших дней» [2].

Давлекановские поселение и погребение находятся на левом берегу р. Демы, в 300 *м* к северо-востоку от окраины г. Давлеканово — центра одноименного района БАССР. Памятник расположен на останце второй надпойменной террасы. Бóльшая часть террасы размыта р. Демой, протекающей сейчас в 150—200 *м* от памятника, и разрушена двумя песчаными карьерами (рис. 1).

Находки у г. Давлеканово были известны сравнительно давно [3]. Давлекановское поселение было открыто Южно-Уральским отрядом ИА АН СССР в 1962 г. Раскопки его начаты в 1962 г. и продолжались в 1963 и 1967 гг. В 1967 г. под неолитическим слоем этого памятника было обнаружено погребение.

Всего было вскрыто 208 $м^2$ (рис. 1). Вначале шел слой гумусированного песка с единичными находками обломков керамики эпохи железа

---

[1] С. В. Зотова исследовала неолитический могильник на Андреевском озере в Западной Сибири, Е. М. Берс открыла неолитическое погребение на Аятском озере в Зауралье, но материалы их исследований пока не опубликованы.

[2] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 38.

[3] И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна реки Камы. МИА, 27, 1952, № 418, стр. 14; Г. И. Матвеева. Отчет за 1962 год. Архив ИА АН СССР.

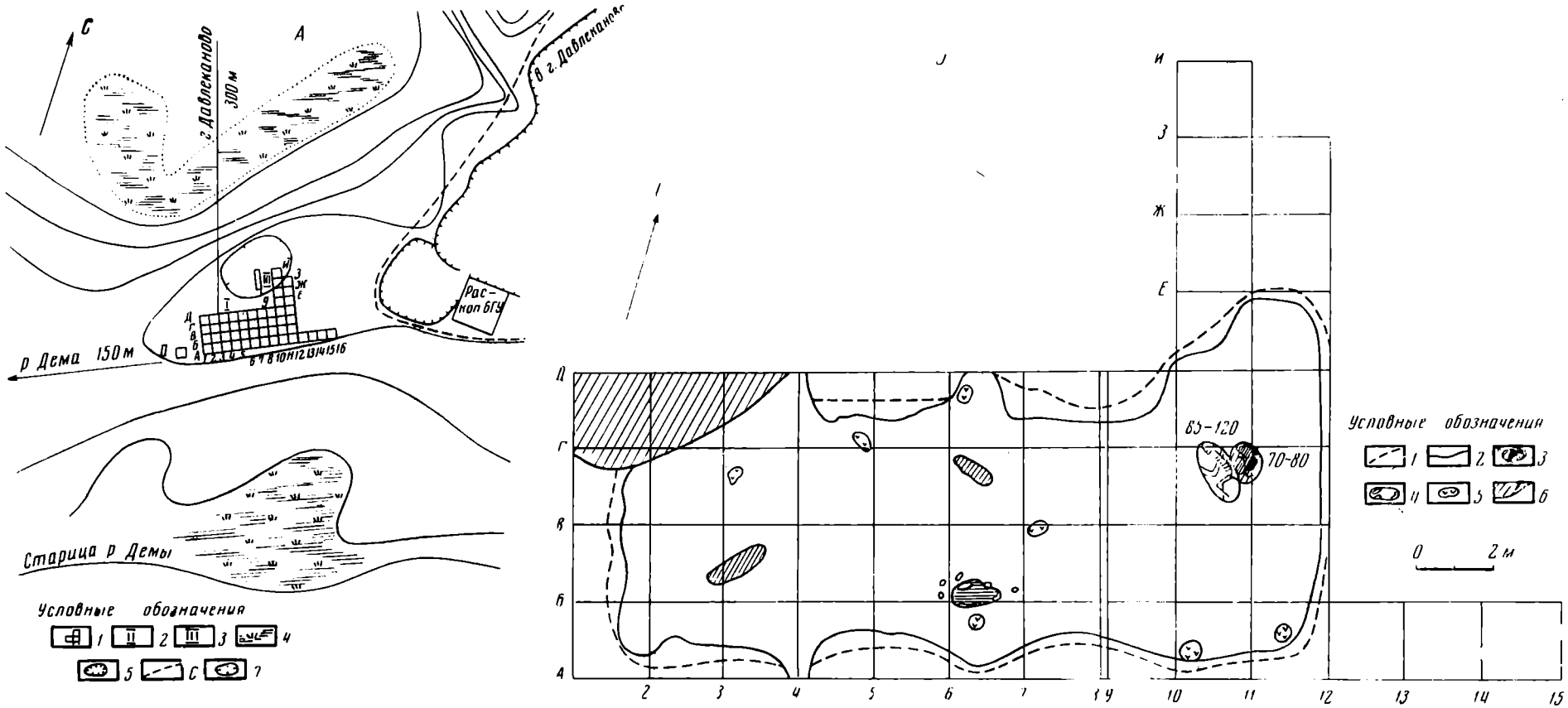


Рис. 1.

А — план поселения. *1* — раскоп 1962—1963 г.; *2* — шурф, *3* — траншея, *4* — болото, *5* — карьер, *6* — дорога, *7* — яма; *Б* — план раскопа. *1* — очертания на 3-м горизонте, *2* — очертания на 4-м горизонте, *3* — очажное пятно, *4* — очаг, выложенный камнем, *5* — скопление керамики, *6* — край землянки срубного времени

(романовско-кушнаренковского типа), а ниже — с керамикой срубной культуры. Мощность верхнего слоя от 30 до 70 *см* (рис. 2). Вместе со срубными материалами встречались единичные фрагменты керамики черкаскульского типа. Под слоем срубной культуры в более светлом песке залегали энеолитические находки, представленные сосудами с уплощенным дном, отогнутым венчиком, орнаментированные ямочным и гре-

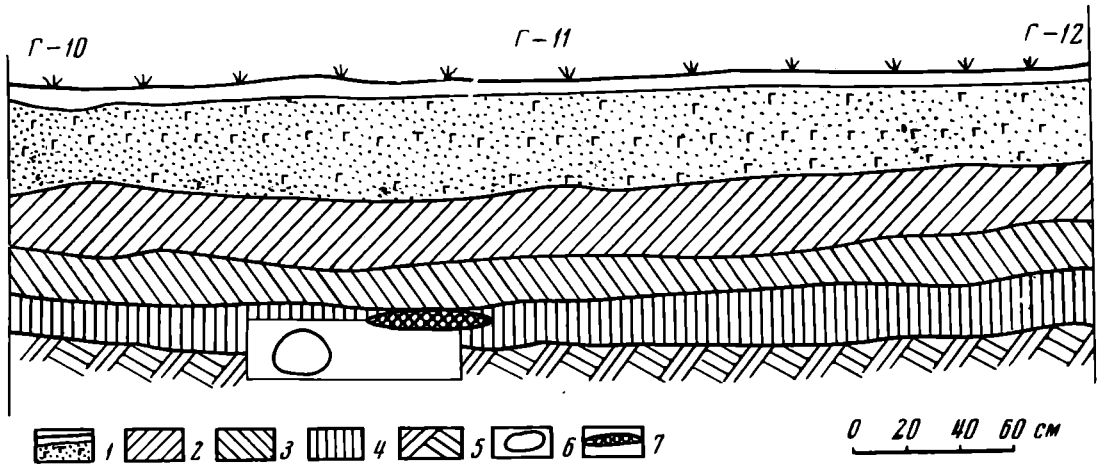


Рис. 2. Давлеканово. Профиль бровки

1 — дерн, песок гумусированный (верхний культурный слой), *2* — желтый песок (энеолитический горизонт и верхний неолитический слой), *3* — темно-бурая супесь (нижний неолитический слой), *4* — мезолитический слой, *5* — материк, *6* — погребение, *7* — очаг

бенчато-ямочным орнаментом и узорами, выполненными техникой «отступающей» палочки (рис. 3, *2*, *3*). Интересна керамика с ямочным орнаментом, идентичная керамике Усть-Юрюзанского поселения. Залегание со срубной керамикой и форма венчика позволяют относить ее к эпохе металла (рис. 3, *1*). Ниже шел слой темно-бурой супеси с неолитическими находками. Глубина залегания неолитического слоя 70—110 *см* (рис. 2). На уровне неолитического слоя обнаружено жилищное углубление, где и концентрировалась большая часть находок. Границы жилища очерчивались нечетко. Внутри прослежены остатки четырех очагов, развалы сосудов, кости животных и т. п. Керамика представлена остатками сосудов круглодонной и остродонной формы, орнаментированными оттисками шагающей гребенки (рис. 3, *6*, *7*, *10*), пятизубчатого штампа (рис. 3, *8*), вертикально расположенными оттисками длиной гребенки, чередующейся с зигзагообразно расположенными оттисками короткого гребенчатого штампа (рис. 3, *4*), горизонтальными зонами, заполненными наклонными оттисками гребенки (рис. 3, *4—13*), и т. д. Сосуды в основном остродонной формы. Слегка загнутый внутрь венчик имеет наплыв с внутренней стороны. В орнаменте преобладают оттиски тонкого длинного гребенчатого штампа (рис. 3, *9—20*). В жилище найдено несколько таких штампов, изготовленных на створках раковин Unio. Эта керамика обычна для неолитических памятников Прикамья. Она найдена при раскопках стоянок Боровое озеро 1 [4], Хуторской и Кряжской неолитических стоянок [5]. Подобная керамика встречается и в Среднем Поволжье [6]. Известна она и в Башкирии, причем не только на территории Приуралья, прилегающей к Прикамью, но и в удаленных от нее горных районах Южного Урала.

[4] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро 1 на р. Чусовой. МИА, 22, 1951, рис. 8, 9, 11, 13, 15.

[5] В. П. Денисов. Хуторская неолитическая стоянка. Уч. зап. Пермского гос. университета, XI, 1. Пермь, 1960, рис. 7, 2, *3*; 8, *2*; 10, *4*; 12, *10*; его же. Кряжская неолитическая стоянка. Отчеты Камско-Воткинской экспедиции ИА АН СССР, 2. М., 1961, рис. 5, *7*; 8, *1*.

[6] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960, табл. XVIII, *2*, *3*.

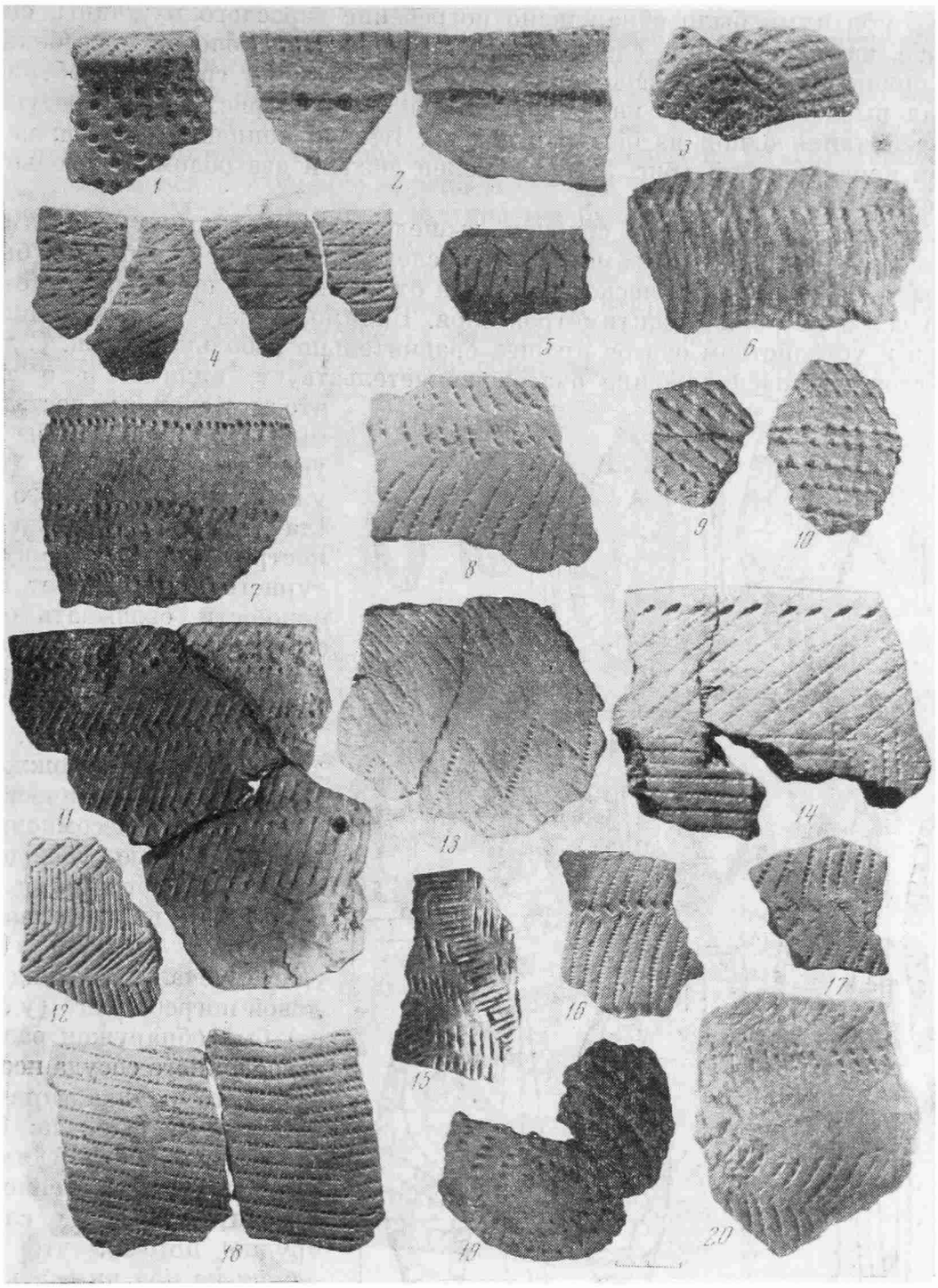


Рис. 3. Керамика

1—3 — из энеолитического горизонта, *4—20* — из неолитического слоя

Вместе с керамикой в верхних горизонтах неолитического слоя было найдено довольно значительное количество костей домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот и лошадь), изделия из кости и кремня (рис. 4). Под неолитическим слоем местами залегал слой с довольно редкой концентрацией находок мезолитического облика — костяными гарпунами, наконечниками стрел, шильями и другими изделиями из кости и рога, а также орудиями из ножевидных пластин. Раскопками 1967 г. в восточной части неолитического жилища было обнаружено скопление очагов. Несколько выше очагов, в том же неолитическом слое был найден развал сосуда остродонной формы (рис. 3, *18*) с гребенчатым орнаментом. У очагов встречены кости животных и рыб. Собраны кости щуки и сома (длина щуки около 80 *см*, сомов — 90—110 *см*). После расчистки очагов

прямо под ними было обнаружено погребение взрослого мужчины, скорченное, на правом боку, слегка присыпанное охрой. Головой погребенный был ориентирован на северо-запад. Под подбородком у груди погребенного лежал высокий скребок на ножевидной пластине (рис. 5, *1*) с ретушью по всей длине одной из боковых сторон. Второй концевой скребок находился перед головой (рис. 5, *4*). У колен лежали два обломка небольших ножевидных пластин.

Таз погребенного был сожжен вышележащими очагами неолитического времени. Следует заметить, что следов могильной ямы не было заметно, а очаг неолитического времени от костей таза погребенного отделяло всего несколько сантиметров слоя. Видимо, между временем погребения и устройством очагов прошел сравнительно небольшой срок. С другой стороны, расположение очагов свидетельствует, видимо, и о том, что этот срок был достаточным для того, чтобы их устроители забыли (или уже не знали?) точного места могилы. Положение кострищ и состояние культурного слоя не дает возможности связывать очаги с тризной, но это дает возможность датировать погребение.

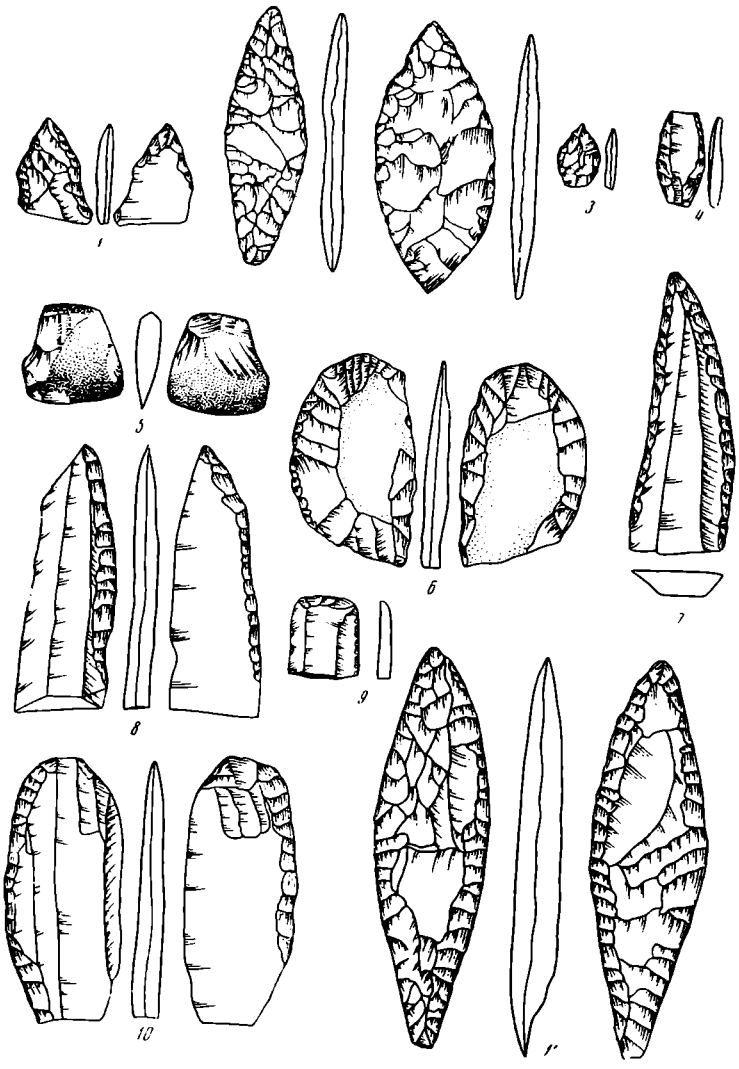


Рис. 4. Каменный инвентарь

То обстоятельство, что погребение было обожжено очагами неолитического времени, с несомненной достоверностью убеждает, что дата погребения не может быть позднее неолитического времени. Мы уже отмечали, что над головой погребенного (у очага) был обнаружен развал остродонного сосуда неолитического облика, причем культурный слой не был прорезан могильной ямой. Связывать погребение с мезолитическим слоем трудно потому, что оно лежит не под ним, а в самом нижнем культурном слое. Перекрывающая его прослойка настолько тонка, что говорить о длительном промежутке времени между погребением и разведением здесь очагов нельзя. Отличная сохранность черепа и всего костяка позволили М. М. Герасимову произвести реконструкцию портрета погребенного (рис. 6, *8*). Это длинноголовый европеоид с относительно высоким лицом и высокими орбитами, с сильно выступающим горбатым носом. Несмотря на сильную профилировку лица, можно отметить некоторый налет монголоидности. Реконструированная голова передает весь этот сложный комплекс смешанных черт, напоминающий внешне современных селькупов или, может быть, даже североамериканских индейцев. Не следует думать, что это сходство подчеркивается

прической. М. М. Герасимов полагает, что таежный охотник вряд ли мог носить распущенные волосы, а этнография дает отчетливые примеры близких или подобных причесок у таежных охотников на всем северо-востоке от Урала до Дальнего Востока. Эту прическу М. М. Герасимов воспроизвел при консультации сибироведов Б. О. Долгих и В. Н. Чернецова. Антропологическое изучение черепа и скелета в ближайшее время будет осуществлено М. С. Акимовой, и тогда мы будем иметь более отчетливое представление об антропологическом типе нашей находки.

Мы уже отмечали, что вопрос о погребениях каменного века на Южном Урале до 1967 г. практически оставался открытым. Правда, в 1937—1939 гг. С. Н. Бибиков, исследуя пещеры в верховьях р. Юрюзани на границе Среднего и Южного Урала, обнаружил остатки двух погребений:

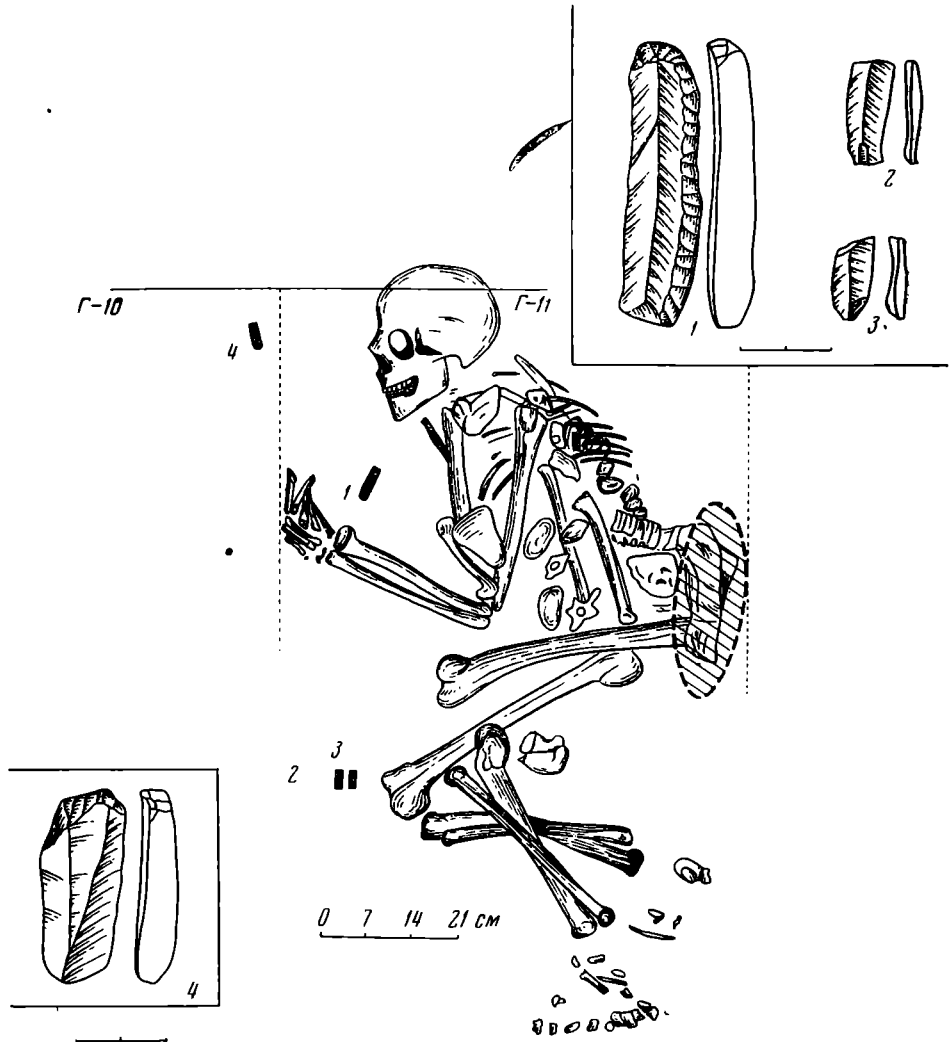


Рис. 5. Давлеканово. Неолитическое погребение

1, 4 — скребки, *2, 3* — ножевидные пластины. Пунктиром обозначены границы обожженных костей
Сплошной линией, Г-10 — Г-11 обозначена линия бровки.
Точками — границы врезки на профиле

под навесом Старичный камень и в Барановской пещере [7]. Погребение в Барановской пещере вытянутое, ориентировано головой на юг. В области таза и ног найдено 35 крупных подвесок из зеленого змеевика (офита), тщательно отшлифованных с одной стороны. Однако отсутствие в пещерах неолитического слоя, а в инвентаре памятников каменного века Южного Урала подвесок, аналогичных Барановским, затрудняет использование материалов Юрюзанских погребений для характеристики неолити-

[7] С. Н. Бибиков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, 1950.

ческого населения Южного Урала. Не совсем ясна и датировка погребений в пещерах.

К. В. Сальников относит к неолитическим погребениям череп, обнаруженный в 1892 г. в песках речки Ташкутарган в Миасском округе [8], и погребение у с. Боборыкино [9], найденное в 1951 г. Однако условия находки черепа в Миасском округе, как и Боборыкинского погребения, неясны. И то и другое погребение найдены случайно. Ни места находки погребений, ни комплексы, сопровождающие их, археологами не были обследованы, поэтому датировка их вряд ли может быть бесспорной.

Рис. 6. Портретная реконструкция черепа из Давлекановского погребения

Следует отметить и то обстоятельство, что все перечисленные выше погребения найдены в горных и зауральских районах. В районах Предуралья неолитические погребения не были известны. Правда, К. В. Сальников, ссылаясь на сообщение А. В. Збруевой, датировал неолитом погребение, найденное на срубном поселении Ахметово 1. Судя по отчету Б. Г. Тихонова, в Ахметово 1 найдено два погребения [10]. В одном из них скелет лежит на спине, руки вытянуты вдоль туловища. У темени погребенного — обломки раздавленного сосуда. Второе погребение — скорченное, на левом боку. В 20 *см* от черепа — литейная форма кинжала. Вся посуда, найденная в погребениях и в поселении, плоскодонная, срубная. Следовательно, ни одно из погребений Ахметово 1 нельзя датировать неолитом.

Таким образом, до 1967 г. мы не располагали ни одним бесспорно неолитическим погребением на Южном Урале. К сожалению, и на соседних территориях — в Прикамье, Южном Зауралье и Приуралье они также не известны. Нет их и к югу от Урала, в Казахстане.

В Западной Сибири неолитические погребения также изучены слабо. Материалы Кузнецкого могильника свидетельствуют, что для этой территории погребения обычно вытянуты на спине [11]. Еще дальше к востоку, в Прибайкалье, известно более 200 могильников, но и здесь скелеты в большинстве случаев лежат в вытянутом положении на спине. Только в китойское время появляются, и то редко, скорченные захоронения [12].

Таким образом, ни на Урале, ни на прилегающей к нему территории поиски аналогий Давлекановскому погребению не дают результата. Обратимся к более отдаленной территории. Погребения и могильники неолитического времени известны к северо-западу от Урала, в лесной полосе Восточной Европы. По мнению многих исследователей, в неолите здесь

[8] К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, 1, Уфа, 1962, стр. 36.

[9] Там же, стр. 37.

[10] Б. Г. Тихонов. Отчет Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о раскопках стоянки Ахметово 1 в Кушнаренковском районе БАССР. Архив ИА АН СССР, Р—1 № 1756, стр. 1—5.

[11] Н. А. Чернышев. Кузнецкий неолитический могильник. МИА, 39, 1952.

[12] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950.

обитало население, родственное приуральскому. Однако положение покойников в могилах здесь иное. Для лесной полосы Восточной Европы (Языково, Каравиха, Гавриловка, Волдари, Олений Остров) [13] типичны вытянутые на спине захоронения. В оленеостровском могильнике на 177 вытянутых погребений приходится всего лишь пять скорченных скелетов. Скорченные костяки изредка встречаются в неолитических могильниках Прибалтики [14]. Однако преобладают вытянутые на спине одиночные погребения.

Для погребального ритуала могильников днепро-донецкой культуры [15] типично погребение покойников также в вытянутом положении (в коллективных могилах) с небольшим количеством погребального инвентаря, при полном отсутствии в нем сосудов. Иное дело на юге. Так, для могильников дунайской культуры типичны скорченные погребения [16]. Лишь в конце неолита здесь появляются погребения в вытянутом положении. Скорченные захоронения типичны для всего Переднего и Ближнего Востока. Так, в Анатолии из десяти исследованных могильников поры неолита и энеолита (Мерсин, Алишар, Алатлибель, Бабакой и др.) 98% скорченных и только 2% вытянутых захоронений (Тетекой, Кум-Тепе) [17]. В Египте и странах Ближнего Востока (Иран, Ирак) для неолита и энеолита также характерен обряд скорченных погребений. Причем, что особенно важно для нас, здесь, как правило, покойников обычно хоронили на боку. Лишь в обеидский период (Эриду, Арапчия) отмечаются одиночные вытянутые захоронения. Скорченные погребения характерны и для неолитических погребений Средней Азии. Их, правда, пока известны единицы, но все они и в неолите и в энеолите представлены скорченными скелетами. Наиболее ранние из них найдены в основании II горизонта поселения Туткаул. Здесь обнаружены три детских и одно взрослое погребение. Детские сохранились плохо. Труп пожилой женщины был похоронен в сильно скорченном положении в неглубокой овальной яме [18].

Итак, по обряду погребения можно выделить две группы: с е в е р н у ю — Север Центральной Европы, Прибалтика, Восточная Европа, Сибирь, Прибайкалье, для которой характерны вытянутые погребения и применение охры для окраски могил, и ю ж н у ю — Центральная Европа, Балканы, Малая Азия, Кавказ, Ближний Восток, Средняя Азия, для которой типичны скорченные захоронения. Конечно, одно погребение не дает возможности делать окончательные выводы, но так как в литературе ставится вопрос о распределении типов погребений на юго-западную и северо-восточную, то можно сделать некоторые замечания по этому вопросу.

Давлекановское погребение по обряду своему относится к южному поясу. И это, собственно говоря, не удивительно, так как связи Южного Урала с южными прикаспийскими культурами прослеживаются довольно четко уже с мезолита [19]. Продолжают сохраняться они и в неолите [20].

[13] А. Я. Б р ю с о в. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, XII, 1941; И. К. Ц в е т к о в а. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947; е е ж е. Стоянка Волдари. КСИИМК, XX, 1948; Н. Н. Г у р и н а. Оленеостровской могильник. МИА, 47, 1956.

[14] L. J a a h i t s. Neue Gräberfunde auf dem spatneolitischen Wohnplatzen Tamula im Estland. SMYA, 58. Helsinki. 1957; F. Z o g o r s k i s. Kreicineolita Kapulauks. «Archeologija un ethnografia». Riga, 1961.

[15] Д. А. Т е л е г и н. Могильники днепро-донецкой культуры и их историческое место. СА, 1966, 1, стр. 3.

[16] D. K a h l k e. Die Bestattungssitten des Donauländischen kulturkreises der jüngeren Steinzeit I. Berlin, 1954.

[17] T. Ö z g ü s. Die Bestattungsbrauchhe im vorgeschichtichen. Anatolien. Ankara, 1948.

[18] Г. Ф. К о р о б к о в а, В. А. Р а н о в. Неолит горных районов Средней Азии по раскопкам поселения Туткаул. Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968, стр. 18—21.

[19] Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит Урала. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.

[20] Г. Н. М а т ю ш и н. Средняя Азия и Южный Урал в эпоху мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии, стр. 25—27.

Антропологически погребенный в Давлеканово имеет также значительное сходство с неолитическим населением Средней Азии. Напомним, что в Туткауле погребен европеоид — длинноголовый, низкоорбитный [21].

В литературе распространено иное мнение — Урал принято относить к северному поясу культур [22], для которых характерны вытянутые захоронения. Анализ Давлекановского погребения не позволяет нам согласиться с этим. Что же касается погребений в Бурановской пещере и под навесом Старичный камень, то, строго говоря, они относятся уже не к Южному Уралу, а находятся на границе со Средним Уралом. Экологически это другая зона. Пещеры, исследованные С. Н. Бибиковым, расположены в верховьях реки Юрюзани в центре горных районов, в зоне, которую сейчас занимают таежные леса. Возможно, что верхнеюрюзанские погребения и в культурном отношении тяготеют к северным лесным культурам. Однако до выявления бесспорно неолитических могильников в лесной зоне Южного и Среднего Урала вопрос о культурной принадлежности этих погребений остается открытым. Вполне вероятно, что именно здесь, где-то на севере Южного Урала и проходит граница между южным поясом неолитических культур и северным. Дальнейшие исследования покажут степень вероятности этих предположений.

[21] Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов. Ук. соч.
[22] См., например, Д. А. Телегин. Ук. соч., стр. 10.

Г. И. АНДРЕЕВ

КАМЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ТУРЫ

В 1967 г. Нижнеенисейский отряд Западно-Сибирской экспедиции продолжал свои работы на р. Енисее и его притоках. Основные исследования были проведены в пос. Туре, где продолжались раскопки поселений на р. Кочечумо у ручья Гремучего и в пункте А [1]. Поселение в пункте А — многослойное, поэтому ему было уделено особое внимание. Значительная часть верхнего культурного горизонта была повреждена при строительстве здесь эстакады. Южная, лучше сохранившаяся часть поселения, в 1966 г. подверглась раскопкам, которые были продолжены в 1967 г. На различных уровнях были открыты остатки очагов. Около них располагались многочисленные орудия, отходы, связанные с их производством (нуклеусы, пластины, отщепы, расколотые гальки), обломки посуды.

Среди большого числа разнообразных находок (нуклеусов, скребков, ножей, проколок, резцов, вкладышей, наконечников стрел и дротиков, тесел различных типов, абразивных плит и плиток, обломков керамики) особый интерес представляют два изделия. Одно из них найдено на поверхности. Оно представляет собой обломок сланцевой плитки темно-серого цвета, длина которого 35 *мм*, ширина 38 *мм* и толщина 5 *мм*. Уже при обнаружении предмета он обратил на себя внимание определенностью формы. После очистки при более внимательном осмотре обломка выяснилось, что это голова изображения каменной рыбы.

Морда рыбы закруглена и тщательно зашлифована. С обеих сторон в виде языка змеи прорезан рот рыбы. Если бы была подчеркнута лишь эта деталь, то в назначении предмета можно б было усомниться. Древний мастер, однако, не ограничился этим, а наметил жаберные крышки, причем изобразил и сами жабры. Последние выполнены в виде черточек или тре-

[1] О местоположении пос. Туры и расположенных в нем археологических памятников см. Г. И. Андреев. Исследования в Эвенкии. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 161—162.

угольничков, примыкающих основаниями к линии жаберной крышки (рисунок, *2*).

Таким образом, даже при отсутствии остальной части тела совершенно ясно, что это обломок изображения именно рыбы и никакого другого существа.

Назначение и распространение изображений каменных рыб достаточно подробно рассмотрены в ряде работ А. П. Окладникова [2]. На карте, пока-

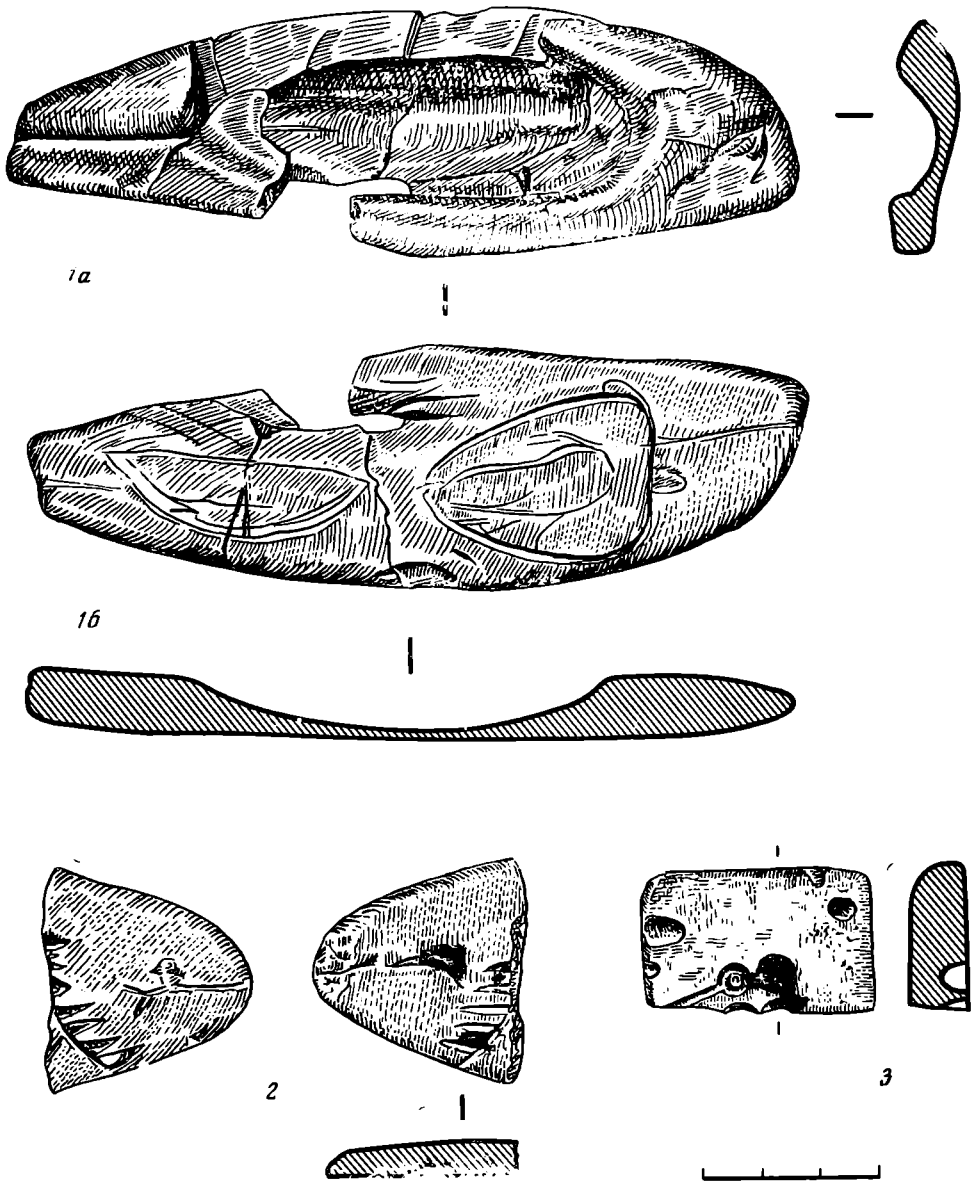


Рис. 1. Предметы изобразительного искусства и обломок литейной формы из Туры

зывающей распространение подобных находок, наиболее северными являются изображения каменных рыб, найденные на Ангаре в ее среднем и нижнем течении [3]. Важность нашей находки как раз в том и состоит, что она наиболее северная среди всех известных до сих пор не только в бассейне р. Енисей, но и других рек, так или иначе связанных с районом Прибайкалья, где аналогичные изделия наиболее многочисленны.

Отдельные части другого каменного предмета в отличие от головы рыбы, найденной на поверхности, обнаружены в культурном слое in situ.

[2] А. П. Окладников. Каменные рыбы. СА, I, 1936, стр. 215—244; его же. К вопросу о назначении каменных рыб из Сибири. МИА, 2, 1944, стр. 193—202; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 241—256.

[3] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 243, рис. 73.

В процессе разборки культурных напластований в северной части раскопа было найдено несколько обломков плиток мягкого сланца светло-малинового цвета, на которых были замечены какие-то процарапанные линии. В лаборатории кусочки стали подбираться и оказалось, что большая часть их принадлежала одному изделию, представляющему несомненный интерес.

Длина предмета 150 *мм*, максимальная ширина 40 *мм*, максимальная толщина 9 *мм*, минимальная — 1,5—2 *мм*. Одна сторона плитки ровная, слегка выпуклая. Именно на ней и процарапаны рисунки. Левое изображение (рисунок, 1, *б*) читается без труда. Все осматривавшие его высказывают одно и то же мнение о том, что это лук с наложенной на тетиву стрелой. Контуры лука довольно тщательно процарапаны двойной линией, а тетива — одной. Прямой линией намечена и стрела. Ниже этого изображения имеются многочисленные процарапанные линии, которые не составляют какой-либо определенной композиции. Понять их взаимосвязь тем более трудно, что именно в этом месте не достает кусочка плитки.

Значительно сложнее расшифровать сущность правого изображения. По всей вероятности, это рисунок личины. Об этом как будто бы свидетельствуют общие контуры и процарапанные слева и справа от наиболее широкой ее части «уши». Во всяком случае, подобное предположение позволяет нам сделать наблюдение над антропоморфными изображениями, имеющимися на керамике, обнаруженной при раскопках Кижировского городища в низовьях р. Томи[4]. Здесь можно видеть те же контуры, т. е. то же расширение с одной стороны и сужение с другой. Именно с широкой стороны процарапаны уши. На Кижировских изображениях, правда, ясно видны нос, глаза, рот, чего нет на так называемой личине из Туры. Кижировские антропоморфные изображения могут быть привлечены при сопоставлении только для понимания возможностей трактовки и не более, так как они нанесены на довольно поздней керамике, происходящей к тому же из бассейна другой большой сибирской реки.

Сравнение с личинами (и рельефными, и процарапанными) из Хакасии, где они известны теперь в большом количестве[5] и относятся к значительно более раннему времени, чем кижировские, очень мало что дает для нас. Искать аналогии в других местах, значительно удаленных от Енисея, очень рискованно. При большом желании любому предмету, изображению или наскальному рисунку можно подобрать примерную аналогию, но это, как правило, приводит к совершенно неоправданным выводам. Попытка в данном случае увидеть личину — лишь одна из возможных трактовок этого изображения.

Выше уже отмечено, что отсутствуют четкие линии, в которых можно б было видеть глаза, нос или рот. Случайно ли это? Не изобразил ли древний художник и еще какое-то орудие или приспособление, связанное с охотой? Нельзя ли видеть в нем рисунок какой-то ловушки или капкана? Во всяком случае, такая возможность не исключается, особенно если учесть, что последние до недавнего времени играли наряду с луком весьма значительную роль.

Не менее интересна и обратная сторона плитки. Значительная часть массы ее удалена вырезанием или выскребыванием, в результате чего образовалось углубление почти правильной овальной формы, с наиболь-

[4] Л. М. Старцева. Керамика городища Кижирово. Сб. «Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири». Томск, 1966, стр. 77, табл. V, *1—3*.

[5] А. Н. Липский. Раскопки 1953 г. в Хакасии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 75, рис. 24; его же. Новые данные по афанасьевской культуре. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961; Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967. Большое число миниатюрных антроморфных фигурок из камня и антропоморфных изображений на кости было представлено в материалах окуневской культуры из раскопок Красноярской экспедиции на выставке, посвященной 50-летию Советского государства, экспонировавшейся в Москве, в Институте археологии АН СССР в 1967—1968 гг.

шей глубиной у центра. От более узкого конца плитки к углублению процарапан (или прорезан) прямой желобок глубиной около 2—2,5 *мм*, который как бы связывает углубление с внешним краем плитки.

При первом взгляде на предмет кажется, что это одна из половинок литейной формочки, украшенной какими-то символическими изображениями или рисунками орудий охоты. Однако при внимательном его осмотре от этой мысли приходится отказаться, так как поверхность, окружающая углубление, не ровная, и половинки (даже если бы и была еще одна) соприкасались бы друг с другом не плотно.

Среди случайных находок, обнаруженных в районе этого же поселения на набереге, имеется обломок литейной формочки из песчаника, сделанной для отливки украшения. Предмет этот явно более поздний, но для нас важна в данном случае обработка его поверхности. Последняя отделана очень тщательно и кроме того имеет отверстия для скрепляюще-центрирующих штифтов (рисунок, *3*) [6]. Столь же тщательную обработку поверхностей можно наблюдать и на бронзовых кельтах, хранящихся в Енисейском музее [7].

Не кажется убедительным и предположение о том, что углубление образовалось на плитке в результате заточки каких-то роговых костяных или каменных орудий или украшений. Во-первых, сланцевая плитка, на которой нанесены изображения, очень мягкая и поэтому вряд ли могла служить абразивом. На поселении, в слое, где обнаружены эти обломки, найдено большое число самых разнообразных абразивов (и по величине, и по форме), включая и так называемые «выпрямители древков стрел», причем для всех этих абразивов использовался песчаник.

И, наконец, против признания плитки абразивом свидетельствует, как мне кажется, форма углубления, представляющая собой почти правильный овал. Более приемлемой представляется мысль, высказанная при осмотре плитки В. Н. Чернецовым. Он видит в этом предмете вместилище для растирания краски. Действительно, при раскопках довольно часто попадались кусочки очень мягкой, тщательно отмученной краски темно-малинового цвета. Примерно на тех же глубинах был найден и миниатюрный стерженек, очень напоминающий сердечники, образующиеся при сверлении каменных орудий трубчатой косточкой. В отличие от сердечников данный стерженек не идеально круглый и не имеет следов, остающихся обычно при сверлении; напротив, все следы говорят о том, что это миниатюрный терочник. Выполнен он из материала, очень напоминающего «белый» нефрит. Таким терочником вполне могли растираться краски в углублении плитки и при разведении водой краска легко сливалась через желобок в какой-то резервуар-хранилище.

В заключение необходимо попытаться определить время обоих предметов. При сопоставлении изображения каменной рыбы из Туры с известными экземплярами наибольшее сходство, естественно, имеют находки, сделанные на Ангаре. Одно из них опубликовано А. П. Окладниковым [8], другое П. П. Хороших [9]. Они относят эти изображения к серовскому времени, причем П. П. Хороших пишет о конце этого периода [10]. Речь следовательно идет о середине III тысячелетия до н. э. [11], так как П. П. Хороших нигде не высказывал сомнений в хронологической схеме А. П. Окладникова.

---

[6] В настоящее время находится в хранилище Института археологии АН СССР.

[7] Музей г. Енисейска Красноярского края. Коллекция № 269. Происходит из дер. Соколово на Ангаре.

[8] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 196, рис. 39, верхний (происходит из долины р. Ангары; точное место находки не известно).

[9] П. П. Хороших. Археологические находки в зоне строительства Братской ГЭС. Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1958, стр. 36, рис. 2 (обнаружено в 80 *км* ниже г. Братска).

[10] П. П. Хороших. Ук. соч., стр. 30.

[11] А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 139, табл. 8.

Важной особенностью верхнего культурного слоя поселения в пункте А на реке Кочечумо в Туре является его насыщенность орудиями из халцедона. В нижних горизонтах халцедоновые орудия не отмечены. Халцедон и орудия из него встречаются на многих стоянках Эвенкии в слоях, относящихся к III тысячелетию до н. э. и к более позднему времени. Поэтому очень существенно, что все обломки плитки с изображениями лука и личины обнаружены именно вместе с изделиями из халцедона. Не менее важно для определения возраста предмета и то, что все его составные части располагались несколько выше тесел с ушками. Большинство исследователей в настоящее время так или иначе связывают этот тип тесел с серовским и китойским временем [12], т. е. с III—II тысячелетиями до н. э. К этому же времени относится и каменное изображение рыбы, поэтому можно предположить, что оба предмета происходят из одного и того же культурного горизонта.

---

[12] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 10; А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 35; В. В. Свинин. Неолитические стоянки в бассейне р. Уды (Тасеевой). Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР, 65, Иркутск, 1967, стр. 120—121; С. А. Федосеева. Древние культуры Верхнего Вилюя, Л., 1968, стр. 38, 140—142.

Ю. Н. ВОРОНОВ

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ЦЕБЕЛЬДА В АБХАЗИИ

Описываемый памятник зафиксирован мною в 1967 г. в 5 *км* к западу от с. Цебельда на стыке между урочищем Мителевка и пос. Верхняя Лемса, на юго-восточном склоне горы Прцха. Этот открытый солнцу склон имеет небольшое ущелье, в котором находится единственный в этом районе естественный источник. Близ этого источника были найдены в разное время палеолитические орудия [1], поселение XIV—VIII вв. до н. э. и средневековое поселение с храмом XIII—XIV вв [2].

Следы неолитического поселения располагаются в 200 *м* к востоку от развалин указанного храма на слегка наклонной поляне площадью до 8 тыс. $м^2$, нижняя часть которой сильно изрезана канавами и подвергается интенсивному смыву (рис. 1). В нескольких местах выступают из-под глинистой подпочвы подстилающие ее известняки. На площади размываемого участка встречено множество отщепов и обломков кремня, среди которых удалось собрать достаточно выразительную коллекцию. Наиболее значительно скопление кремней по линии размыва в средней части площадки.

Для установления наличия культурного слоя на территории поселения, названного по имени вышележащего урочища Мителевским, была проведена шурфовка. Первый шурф (рис. 1, *а*) площадью в 3 $м^2$ был заложен на окраине верхней части площадки, второй — в нижней части размытого склона (рис. 1, *б*), где в борту канавы прослеживалась прослойка пережженной глины, указывающая на существование здесь в древности очага или пола землянки.

Первый шурф показал явное смешение культурного слоя. На глубине 30 *см*, т. е. на максимальной глубине залегания культурных остатков, был найден небольшой тонкостенный из хорошо отмученной светлой глины одноручный широкогорлый сосудик со сливом, относящийся к развитому средневековью; эту дату подтвердила находка здесь же фрагмента керамики с зеленой поливой XIII—XIV вв. Одновременно слой дал зна-

---

[1] С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, стр. 96.

[2] П. С. Уварова. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки. II, М., 1891, стр. 99—102.

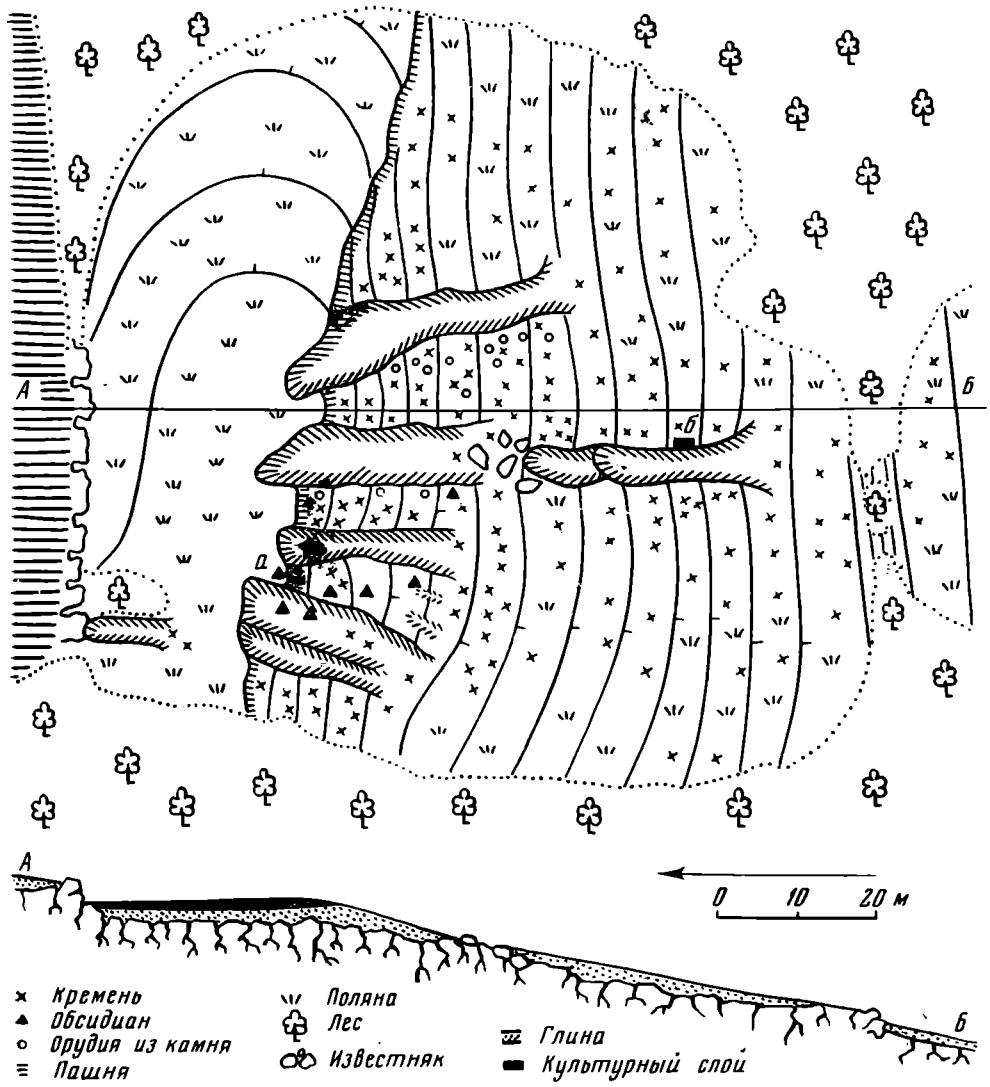


Рис. 1. Схематический план центральной части поселения у с. Цебельда (а — верхний шурф, б — нижний шурф)

1 — кремень, *2* — обсидиан, *3* — орудия из камня, *4* — пашня, *5* — поляна, *6* — лес, *7* — известняк, *8* — глина, *9* — культурный слой

чительное число кремневых поделок (рис. 2, *13*, *20—25*, *31*, *36—39*, *42*, *46*, *48*; рис. 3, *5*, *10*, *11*, *16*) и обсадиановый отщеп (рис. 3, *7*).

Второй шурф площадью 2 $м^2$ полностью обнажил на глубине 0,4 *м* округлую линзу пережженной глины, на поверхности которой были найдены характерные обломки средневековых кухонных горшочков. Здесь же на поверхности линзы найдены кремневые поделки (рис. 2, *26*, *49*) и железистая зооморфная конкреция (рис. 3, *19*). Сама линза лежит на глинистом целике, не содержащем никаких культурных остатков. Размер линзы 2 × 1,5 *м* с учетом реконструкции участка, разрушенного канавой. Толщина 5—10 *см*. Глина линзы имеет сизо-черные и грязно-красноватые оттенки, комковатая, с различными органическими примесями. Поверхность ее неровная, носит следы утрамбовки.

Нуклеусы, найденные в результате сборов и шурфовки, представлены двумя типами: прекрасно ограненный призматический нуклеус (рис. 3, *10*) и конические уплощенные (рис. 3, *9*, *11*), которые встречаются и на других неолитических памятниках Западного Закавказья[3]. В Крыму (Мурзак-Коба) подконические нуклеусы проявляются уже в позднем мезолите[4].

[3] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 138.

[4] Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СА, 1961, 4, стр. 19.

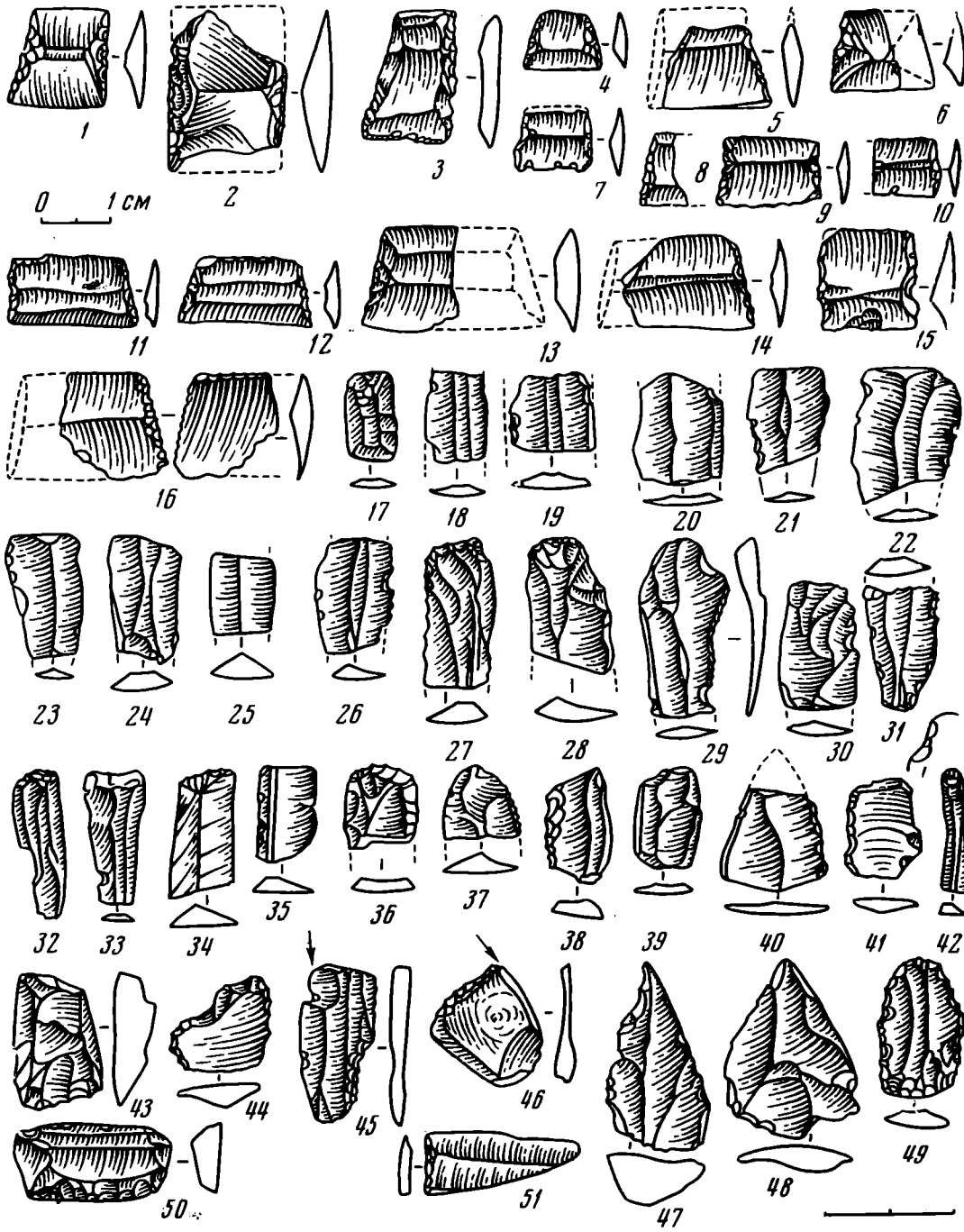


Рис. 2. Каменный инвентарь поселения у с. Цебельда

1—2, 34—35, 51 — обсидиан, *3—33, 36—50* — кремень

Кремневые поделки весьма разнообразны. Основную, самую многочисленную группу составляют орудия на пластинках, в первую очередь геометрические микролиты. Трапеции (рис. 2, *3—14*) оформлялись односторонней обработкой со стороны спинки на двускатных и трехскатных удлиненных, редко субквадратных пластинках. В одном случае отмечена слабая обработка ретушью части верхнего основания только со стороны брюшка (рис. 2, *16*). В другом случае ретушью части верхнего основания со стороны спинки образован микрорезчик (рис. 2, *11*). Во всех других случаях верхнее основание обработке не подвергалось. Последнее явление характерно для ранненеолитической стоянки Анасеули-1 из Западного Закавказья[5]. Одна трапеция имела частично подструганную спинку

[5] Л. Д. Небиеридзе. Неолит Западного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1967, стр. 6—8.

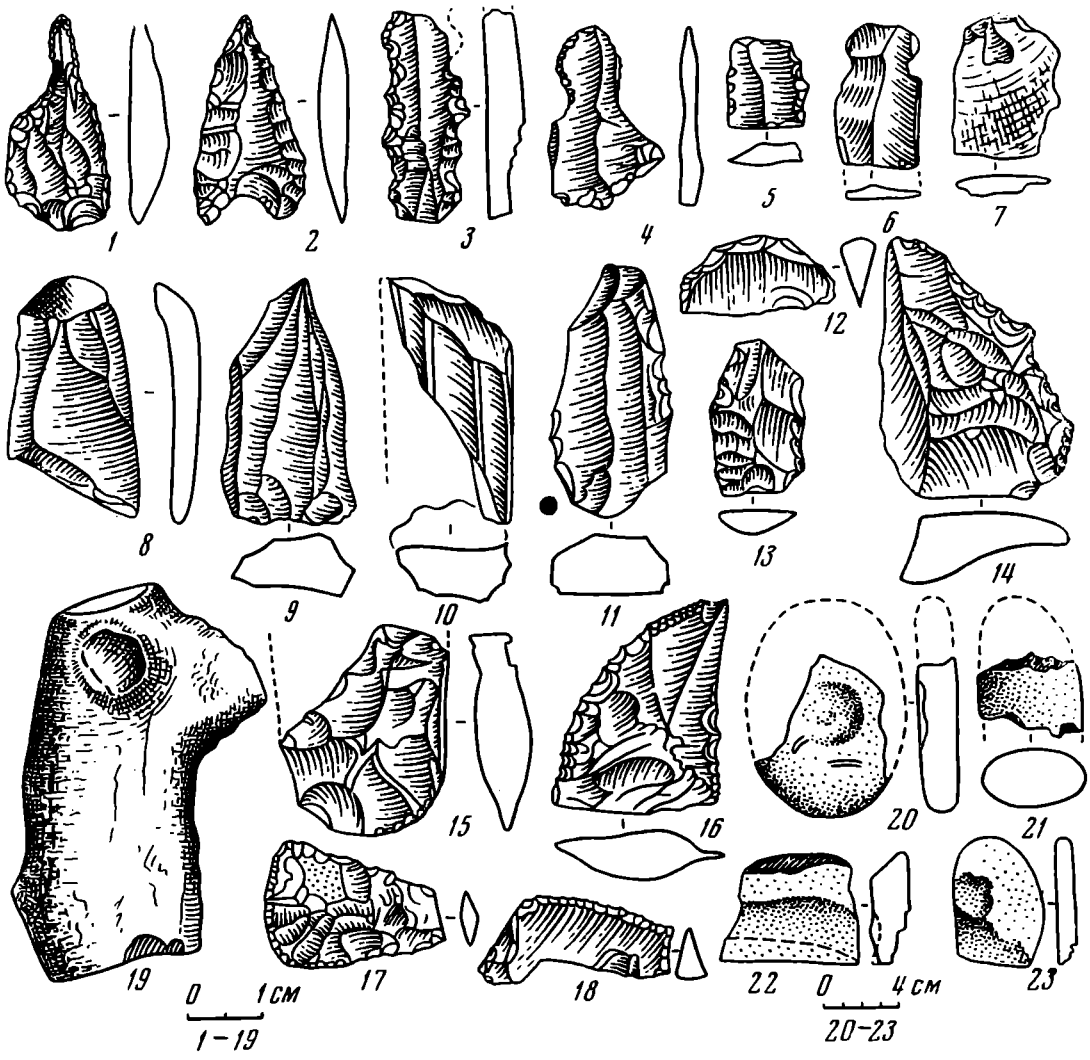


Рис. 3. Орудия с поселения у с. Цебельда

1—5, 8—18 — кремень; *6, 7* — обсидиан; *19* — железистая конкреция; *20—23* — изделия из других пород камня

(рис. 2, *6*), что находит аналогию, например, в ранненеолитических памятниках Крыма [6] и в материалах из Кистрика [7]. Прямоугольная пластинка с подструганной спинкой (рис. 2, *17*) также находит себе аналогию в Кистрике [8]. Трехскатные удлиненные трапеции типа (рис. 2, *12*) встречены на Кавказе (Бармаксыз) в позднем мезолите [9]. В Крыму (Мурзак-Коба) они найдены в ранненеолитических слоях [10], а в Нижне-Шиловской стоянке их уже почти нет [11].

Сегменты представлены одним экземпляром (рис. 3, *12*), по форме находящим ближайшие аналогии в неолитических памятниках Натуфийско-Черноморского круга [12]. Однако двухсторонность обработки дуги здесь выражена слабо, приближаясь к односторонней обработке со стороны спинки, что находит аналогии в ранненеолитическом слое Одиши [13].

---

[6] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-аир-I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, М., 1960, стр. 29—35, табл. XX, *6*.

[7] А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ г. Гудаута. СА, XII, 1950, табл. XI, *20*.

[8] Там же, табл. XI, 38.

[9] Н. О. Бадер. Ук. соч., стр., 21, рис. 2, *42*.

[10] Там же, рис. 2, *9*.

[11] Л. Н. Солобьев. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик. МАА, Тбилиси, 1967, стр. 14.

[12] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1966, стр. 57—59.

[13] Н. О. Бадер. Ук. соч., рис. 2, *37*.

Концевые скребки представлены орудиями, сделанными на пластинках (рис. 2, *28, 36, 43, 49*). Возможно, к этой группе могут быть отнесены массивные орудия на отщепах (рис. 3, *15, 17*). Скребки на пластинках имеются на Нижней Шиловке [14]. В качестве близкой по форме аналогии скребковидному орудию (рис. 3, *17*) можно привести скребки из Нижней Шиловки [15], одновременно указав в качестве возможного его прототипа на скребки из мезолитического слоя Холодного грота (Хупынипшахва) [16]. Скребок (рис. 2, *36*) находит себе аналогию в раннем неолите Крыма [17].

Резцы и резчики (рис. 2, *27, 41, 46*) отличаются разнообразием контуров и в большинстве своем изготовлены на пластинках, что сближает их с ранненеолитическими памятниками Западного Закавказья (Анасеули-1 и др.) [18] Одно орудие имеет хорошо отретушированную боковую выемку, образующую черешок (рис. 2, *45*).

Кроме этих орудий, в значительном количестве имеются разрубленные пластинки (рис. 2, *18—26, 39*) и обломки пластинок (рис. 2, *29—33, 37, 38, 44*) с частичной ретушью со спинки, назначение которых трудно определить из-за их фрагментарности. Аналогии этой группе орудий могут быть отмечены в пластинках из Кистрика [19].

Встречаются стреловидные острия, изготовленные на отщепах (рис. 2, *40, 48*). Особняком стоит прекрасно исполненный из молочного кремня двусторонне обработанный наконечник стрелы с выемчатым основанием (рис. 3, *2*). Форма и обработка его находят близкие аналогии в значительно более поздних памятниках Кавказа уже в эпоху бронзы [20]. Поверхность наконечника сильно патинизирована.

К скобелям можно отнести двухвыемчатое орудие на пластинке с отретушированной головкой (рис. 3, *4*). Близкие формы встречены на Кистрике [21]. Обращает на себя внимание отсутствие в интервале описываемого поселения такого характерного орудия для позднего неолита Западного Закавказья, как пластинчатые острия — сверла и развертки [22]. С большой натяжкой к этому типу орудий может быть отнесен один микролит (рис. 2, *42*).

Особую группу составляют ножевидные орудия (рис. 3, *14, 16, 18,*). Встречаются проколки с отретушированным острием (рис. 3, *1*). Подобные орудия, но с более длинным острием представлены в мезолитическом слое Холодного грота [23]. Пилка (рис. 3, *3*) отличается совершенством отделки и не находит прямых аналогий на неолитических стоянках Северо-Западного Закавказья. Пилки из Нижней Шиловки сработаны совершенно другим способом [24]. К этому типу орудий может быть отнесен сделанный на пластинке обломок (рис. 3, *5*). Острие (рис. 2, *47*) ближайшую аналогию по форме находит себе на Нижне-Шиловской стоянке и Кистрике [25].

В коллекцию обсидиановых поделок входят трапеции (рис. 2, *1*), прямоугольники (рис. 2, *2*), скребки (рис. 2, *34*), ножевидные пластинки (рис. 2, *35, 51*), пластинка с боковыми выемками (рис. 3, *6*), отщепы

---

[14] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., рис. 21, *4*; Л. Н. Соловьев. Ук. соч., табл. II, 25—26.

[15] А. А. Формозов. Ук. соч., рис. 21, *2*.

[16] Л. Н. Соловьев. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. Тр. АИЯЛИ, XXXII, Сухуми, 1961, табл. II, *9*—а.

[17] Д. А. Крайнов. Ук. соч., табл. XXIII, *13*.

[18] Л. Д. Небиеридзе. Ук. соч., стр. 6.

[19] А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XI, *47, 51*.

[20] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93, 1960. стр. 98—100.

[21] А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XI, *50*.

[22] А. А. Формозов. Ук. соч., рис. 19, *10—20*.

[23] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 194.

[24] Л. Н. Соловьев. Неолитические поселения..., табл. II, *27—32*.

[25] А. А. Формозов. Ук. соч., рис. 21, *14*; А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XI, *47, 51*.

(рис. 3, 7). Для неолитических памятников Северо-Западного Закавказья подобное количество (до 4%) обсидиановых поделок не характерно. На Нижней Шиловке обсидиан редок [26], на Кистрике он представлен ножевидными пластинками и мелкими отщепами [27]. Прямоугольники, изготовленные крутой ретушью со спинки, характерны для ранненеолитического слоя Одиши [28].

На территории поселения встречено значительное количество обломков валунчиков крупнозернистой фактуры, часто с пироксеновидными кристаллическими включениями (рис. 3, *21*). Подобные породы отсутствуют в окрестностях стоянки и принесены сюда либо из долины р. Келасури, либо из ущелий Джампала и Кодора. Многие обломки несут остатки стертых работой поверхностей. На одном уплощенном валунчике прослеживается округлое долбленое углубление (рис. 3, *20*). Изредка попадаются обломки светлого мелкозернистого песчаника, на одном из которых прослеживается желобообразное углубление, по-видимому, искусственного происхождения (рис. 3, *22*). В коллекцию каменных орудий входят несколько плоских галек со следами работы (рис. 3, *23*). Некоторые обломки по форме повторяют призматические терочники, встречающиеся на Нижне-Шиловском поселении [29]. Шлифованных орудий на поселении не зафиксировано.

Керамических изделий, которые с полной вероятностью могли бы быть связаны с описанным инвентарем, не обнаружено. Отдельные мелкие обломки рыхлой светлой керамики с выгоревшими примесями вряд ли могут быть отнесены к неолиту, поскольку такого же качества керамика характерна для расположенного рядом поселения XIV—VIII вв. до н. э. В инвентаре следует отметить присутствие черт, указывающих на связь с местной мезолитической культурой: односторонняя обработка большинства орудий со стороны спинки, применение пластинок как основы для изготовления большинства орудий, наличие большого числа (до 50%) трапеций, сработанных на трехскатных удлиненных пластинках, отсутствие керамики и шлифованных орудий.

Все это, наряду с другими признаками (значительный процент обсидиановых орудий и т. д.) позволяет сопоставить основной комплекс находок на поселении с ранненеолитическими памятниками Западной Грузии — Анасеули-I, Хуцубани, Кобулети [30], т. е. применительно к территории Абхазии определить его место во времени между Холодным гротом и Кистриком.

Попытаюсь более точно определить хронологическую позицию описанного поселения на основании имеющихся на сегодня данных. Отправной точкой для определения верхней даты местного неолита (в первую очередь Нижне-Шиловской стоянки) служат энеолитические памятники Черноморского побережья Западного Кавказа, в частности поселения северо-западной Абхазии с каменными мотыжками так называемого «сочи-адлерского» типа. В науке считается твердо установленной связь этих мотыжек с соответствующими орудиями из переднеазиатских памятников типа Хасунны [31], которые укладываются в рамки конца VI — рубежа IV — III тысячелетий до н. э. [32], позволяя с учетом отставания энеолитической культуры Западного Закавказья от переднеазиатских культур типа Хасунны, определять нижнюю дату местного энеолита серединой IV тыс. до н. э. [33]

[26] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 23.
[27] А. Л. Лукин. Ук. соч., стр. 276.
[28] Н. О. Бадер. Ук. соч., стр. 21, рис. 2, *32*, *35*.
[29] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., табл. V, *10*.
[30] Л. Д. Небиеридзе. Ук. соч., стр. 8.
[31] А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 59—62.
[32] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 241, рис. 40.
[33] В. В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дис. М., 1966, стр. 13.

При выяснении же нижней даты поселений типа Кистрика необходимо привлечь переднеазиатские материалы, связанные с натуфийской культурой, главные элементы которой (геометрические микролиты с двухсторонне обработанными краями, пластинки с выделенной головкой и др.) получили распространение в позднем неолите на Черноморском побережье Кавказа [34]. Поскольку нижняя хронологическая граница Хасунны, определявшаяся ранее второй половиной IV тысячелетия до н. э., в свете последних исследований сдвинулась вглубь почти на две тысячи лет и определяется теперь концом VI тысячелетия до н. э.[35], то, следовательно, время натуфийской культуры должно определяться периодом не позже VIII — первой половиной VII тысячелетия до н. э. В этом случае, с учетом длительного времени, необходимого для перемещения натуфийских элементов на Кавказ, проникновение их сюда произошло не позже середины VI тысячелетия до н. э., ознаменовав тем самым начало функционирования позднеолитических поселений типа Кистрика. Исходя из этого описанный выше комплекс из Цебельды следует отнести ко времени не позже первой половины VI тысячелетия до н. э. Тогда, если не учитывать возможность открытия новых промежуточных звеньев, можно предположить прямую преемственность ранненеолитического слоя из Холодного грота с описанным Мптелевским поселением у Цебельды. В этом случае соответствующий слой (Б) из Холодного грота может быть определен в абсолютной хронологии второй половиной VII тысячелетия до н. э.

Таким образом, мысль Л. Н. Соловьева, что эти стоянки (Нижняя Шиловка, Кистрик) отделены от Холодного грота «какими-то еще не открытыми памятниками неолитической культуры» [36], обретает с открытием новой неолитической стоянки у Цебельды материальное выражение.

---

[34] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 57—59.
[35] В. М. Массон. Ук. соч.
[36] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 7.

Д. Я. ТЕЛЕГИН, В. А. КРУЦ

ОСТАТКИ МОГИЛЬНИКА СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. ЛЮБЕЧА НА ДНЕПРЕ

Летом 1966 г. вблизи с. Любеч Репкинского р-на Черниговской обл. в ур. Высокое Поле, около озера-старицы Посеред авторами проведено обследование могильника среднеднепровской культуры. Урочище Высокое Поле представляет собою хорошо задернованное всхолмление в пойме левого берега Днепра в 4—5 *км* северо-западнее Любеча, к западу от дороги в с. Радуль [1].

Пытаясь найти первоначальное залегание культурных остатков, мы сделали у юго-восточного края промоины ряд зачисток, расширенных затем до размера раскопа. В раскопе отмечена обычная для подобных всхолмлений долины Днепра стратиграфия: дерновый слой (0,15 *м*), темная гумусированная почва (0,3—0,4 *м*) с бурой песчанистой подпочвой и материковый белый песок [2]. На площади раскопа было раскрыто погребение среднеднепровской культуры, удлиненное, овальное в плане и корытообразное в разрезе. Размеры ямы 1,8 × 0,9 *м*. Глубина от современной поверхности

[1] Местонахождение впервые было обнаружено несколько лет назад учителем Радульской средней школы Иногдой В. В. В период наших работ в этом урочище независимо от нас побывала разведочная группа под руководством И. Писларня.

[2] В раскопе, кроме находок среднеднепровской культуры, отмечено залегание находок раннеславянского времени и эпохи Киевской Руси.

1 *м*. Контуры ее четко прослеживались на поверхности белого материкового песка на глубине 0,5 *м*.

Заполнение ямы темное, песчанистое. На дне ее найдены кальцинированные косточки, около которых лежал кремневый нож (рис. 1, *8*). Зондажи, заложенные вокруг раскопа, не дали положительных результатов.

В промоине и в раскопе Любечского могильника найдены следующие материалы среднеднепровской культуры: 3 ножа из кремневых пластин, 2 кремневых наконечника стрел, 3 топора-тесла из кремня и каменный топор-молот. Здесь же собрано около 30 фрагментов среднеднепровской керамики и раздавленный сосуд. У сосуда прямой венчик, переходящий в округлые плечики. Диаметр горла 22 *см*. Изготовлен из глины с примесью мелкого песка. Цвет поверхности темно-серый. Внутри и снаружи горшок покрыт штриховкой, представляющей собой результат сглаживания «пучком травы» его поверхности перед обжигом. По горлу горшок украшен четырьмя горизонтальными рядами прямо и косо поставленных оттисков прямоугольного штампа. Ниже по плечикам идет широкая полоса, состоящая из вертикальных столбиков оттисков ногтя (?) (рис. 2, *1*).

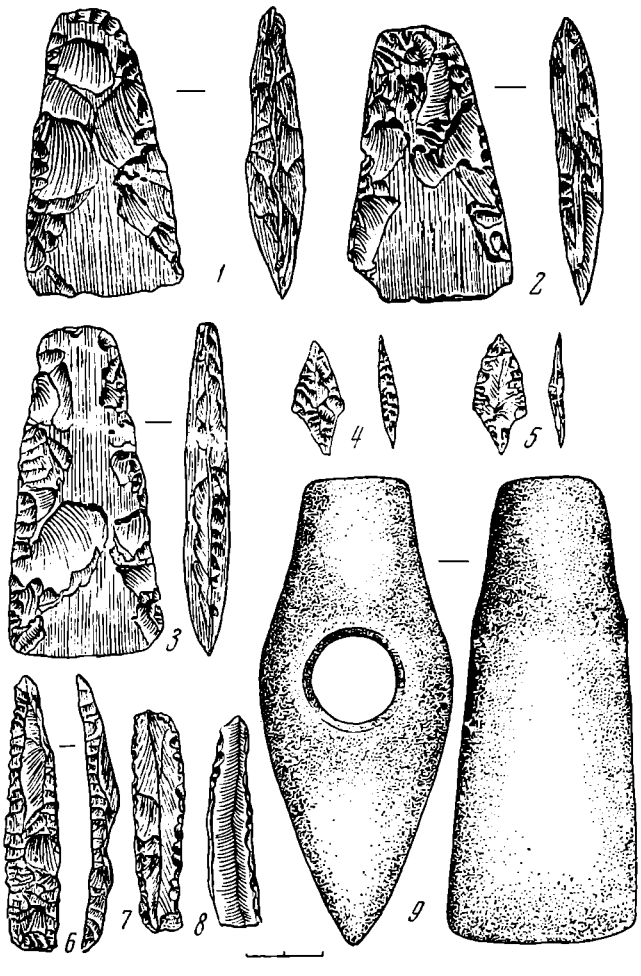


Рис. 1. Любеч. Кремневые и каменные изделия

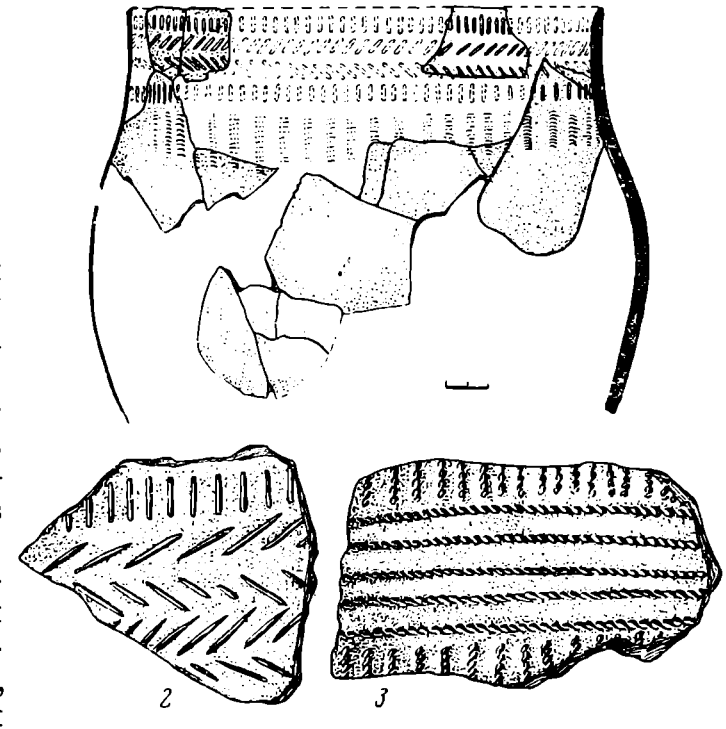


Рис. 2. Керамика Любечского могильника

Собранные на могильнике фрагменты керамики принадлежат, по-видимому, еще трем сосудам, среди которых один был украшен оттисками шнура, второй — прямоугольным штампом и насечками (рис. 2, *2*, *3*), а третий, очевидно, был без орнамента. По составу глины эти сосуды не отличаются от описанного выше. Их поверхность, однако, хорошо сглажена, без следов штриховки.

Довольно близкую аналогию керамике Любечского могильника можно

видеть в погребальных комплексах Белоруссии. По форме, элементам и мотивам орнамента наш сосуд близко напоминает находки из кург. 1 в урочище Дедное у с. Ходосовичи [3]. Сосуды этого погребения, как и Любечского, покрыты штриховкой, орнаментированы рядами прямоугольного штампа. Они близки нашей находке и по форме. На других сосудах из Ходосовичей часто встречается орнамент в виде насечек, оттисков шнура, расположенных рядами или в елочку, т. е. здесь присутствуют элементы орнамента, свойственные сосудам Любечского могильника.

Ножи из Любеча изготовлены на длинных (7,5 и 6 *см*), узких и высоких пластинах с двугранной спинкой. Края со стороны спинки обработаны плоской ретушью (рис. 1, *6—8*). Наконечники стрел треугольные с черенком (длина около 3 *см*). По периметру они обработаны плоской ретушью, покрывающей почти всю поверхность изделия (рис. 1, *4*, *5*). Кремневые топоры-тесла субтрапециевидные в плане и линзовидные в сечении. Два из них длиной 7,5 *см*, один — 9,5 *см*. Ширина лезвия у всех стрел одинакова и равна 4,5 *см*. Изготовлены они техникой оббивки с последующей шлифовкой поверхностей. Особенно старательно пришлифовано лезвие (рис. 1, *1—3*). Топор-молот изготовлен из мелкозернистого гранита (?). Он хорошо отшлифован, симметричен. Имеет цилиндрическое отверстие. Обушок топора округлый в плане, диаметром 3 *см*. Бока со стороны отверстия уплощены и параллельны друг другу. Две другие стороны округлые. Длина топора 12 *см* (рис. 1, *9*).

Кремневый и каменный инвентарь Любечского могильника, как и керамика, типологически сближается с материалами курганов у с. Ходосовичи, а также погребений у с. Юдиново Гомельской области [4] и особенно с находками из могильника ур. Стрелица у с. Рудня Шлягинская на Соже [5]. При погребениях Стрелицы очень хорошо представлены клиновидные кремневые топоры, овальные в сечении, наконечники стрел с черешком, боевые топоры-молоты, аналогичные соответствующим изделиям из Любеча.

Приведенные аналогии позволяют относить разрушенный могильник в урочище Высокое Поле близ Любеча к среднеднепровской культуре, по-видимому, к позднему этапу в ее развитии.

Обследованный нами могильник является первым на Черниговском участке долины Днепра. Новый пункт как бы связывает собою район распространения памятников среднеднепровской культуры юго-восточной Белоруссии и Киевского Поднепровья.

[3] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 60—62.

[4] Раскопки К. М. Поликарповича, 1947.

[5] Раскопки К. М. Поликарповича 1954 г. и И. И. Артеменко 1965 г.

О. Г. ШАПОШНИКОВА

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КЕРАМИКИ ИЗ ВЕРХНЕГО СЛОЯ МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

До недавнего времени представление о керамике древнеямной культуры основывалось исключительно на материалах (количественно очень небольших) погребальных памятников. Естественно, что посуда, сопровождавшая погребения, далеко не полностью характеризовала керамический комплекс, бывший в употреблении у носителей ямной культуры. К тому же, как известно, погребальная посуда отличается специфичностью.

Исследование поселений заставило коренным образом изменить наше представление о керамическом комплексе древнеямной культуры. Керамика, обнаруженная на поселениях, несравненно более разнообразна по форме и орнаментации, чем керамика, находившаяся при погребениях.

Изучение керамики из поселений имеет большое значение для отображения процесса формирования древнеямной культуры и ее взаимосвязи с другими, как синхронными, так и более ранними или поздними культурами.

Настоящая заметка ставит своей задачей дать характеристику вновь выделенной группы керамики из верхнего слоя Михайловского поселения.

Керамические находки из верхнего культурного слоя Михайловского поселения очень разнообразны [1]. Наиболее многочисленную группу составляют сосуды с яйцевидным туловом, сравнительно высокими прямыми

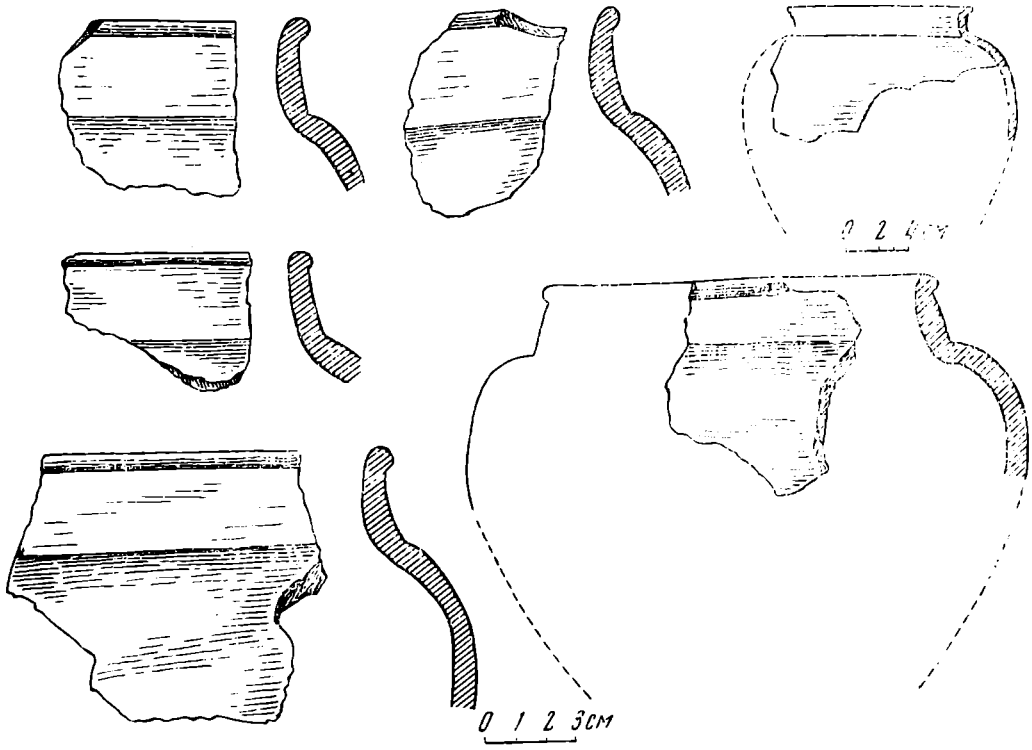


Рис. Керамика из верхнего слоя Михайловского поселения

венчиками, с округлыми или слегка уплощенными донъями. Иногда встречаются ручки. По венчику и плечам наносились оттиски шнура и гребенчатого штампа. Характерна горизонтальная и треугольная композиции орнамента. Сосуды этого типа представляют дальнейшее развитие остродонного горшка, который был ведущей формой керамики на поселениях раннего этапа ямной культуры.

Вторую группу составляют сосуды с яйцевидным туловом, прямыми короткими венчиками и высоко поставленными плечами. Наиболее распространен орнамент в виде спукающихся треугольников, а также пальцевые защипы. Эта форма сосудов часто встречается в погребениях древнеямной культуры.

Вместе с тем в верхнем слое выделяется немногочисленная, но весьма своеобразная группа керамики, очень отличающаяся от описанной выше посуды древнеямной культуры. Это сосуды с невысокими прямыми или слегка отогнутыми венчиками, с шаровидным телом и уплощенным дном. Они изготовлены из глины с примесью ракушки и песка. Внешняя поверхность сероватого цвета; она тщательно сглажена и подлощена. Характерная особенность этих сосудов — отсутствие орнаментации (рисунок).

Наиболее близкие аналогии эта группа керамики находит в материалах поздних памятников кеми-обинской культуры, известной в настоящее вре-

[1] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 80—114.

мя по многочисленным памятникам в Крыму[2]. Подобная керамика была обнаружена при погребальных памятниках в Степном Поднепровье и в Приазовье.

Исследуя курган у с. Грушевка Апостоловского района Днепропетровской области, Д. И. Блифельд выяснил следующую картину: в центре кургана находилась большая яма, состоящая из двух камер[3]. В восточной камере находилось два погребения, которые не сопровождались вещами. На расстоянии 1 *м* к северу от этой ямы находилась другая грунтовая яма. Во второй яме обнаружено погребение в скорченном положении, головой на северо-восток-восток. Скелет лежал на левом боку, слегка откинувшись на спину. В головах у него находился черноглиняный неорнаментированный сосуд с примесью раковины в керамическом тесте. По форме он представлял собой невысокий круглотелый сосуд с широким, плоским, чуть вогнутым дном, с высоким венчиком, отогнутым наружу. Эти погребения явились древнейшими в кургане, остальные, располагавшиеся по периферии курганной насыпи, относились к более позднему времени (среди них были и древнеямные).

Может быть названа еще одна находка — сосуд из раскопок Д. И. Эварницкого напротив порога Вольного на Днепре в с. Михайловке Красноармейского района Запорожской области[4]. Здесь при одном из грунтовых скорченных погребений был обнаружен сосуд серо-черного цвета, плоскодонный, с шаровидным телом, с невысокой шейкой, слегка отогнутой наружу. В глине наблюдалась примесь мелкотолченой раковины. Особого же внимания заслуживает орнамент этого сосуда. Он состоял из шести отдельных изображений, расположенных по плечам сосуда на некотором расстоянии один от другого. Д. И. Эварницкий сравнивал их с зооморфными рисунками на трипольской керамике. До открытия памятников кеми-обинской культуры Е. Ф. Лагодовская сопоставляла этот сосуд с усатовской керамикой[5].

Аналогичные погребения известны и в Приазовье[6]. В этой связи особого внимания заслуживает кург. № 3 могильника Аккермень I. Под насыпью кургана обнаружено восемь одинаковых по обряду погребений, перекрытых вымостками из камня. Большинство костяков лежит в вытянутом положении головой на север. Все они окрашены. При одном погребении (№ 13) был обнаружен черноглиняный плоскодонный сосуд с раздутыми боками. Внешняя поверхность его тщательно сглажена и подлощена.

Можно назвать еще одно погребение из этой курганной группы. В кургане № 11 основное погребение находилось в каменном ящике. Оно было разрушено еще в древности. На плитах ящика хорошо прослеживались следы красной краски. Каменный ящик окружен кромлехом диаметром 18—20 *м*, за пределами которого, к северо-востоку от центра кургана, было выявлено несколько культовых сооружений — небольших оградок.

Еще в процессе раскопок А. И. Тереножкин, анализируя эти погребения, отмечал их своеобразие и указал на отсутствие аналогий среди многочисленных погребений, исследованных в долине р. Молочной. Рассмотренные погребения как по обряду, так и по сопровождающему их инвентарю близки погребениям кеми-обинской культуры. В последние годы благодаря

---

[2] А. А. Щепинский. Памятники неолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2.

[3] Д. И. Бліфельд. Кургани епохи бронзи в с. Грушівка. АП, X, Київ, 1961.

[4] Д. И. Эварницкий. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии. Тр. XIII АС, М., 1907, стр. 112.

[5] О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу. Археология, VIII, Київ, 1953.

[6] М. И. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська, О. И. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки и радгоспу «Аккермень». АП VIII, Київ, 1960, стр. 117; там же, стр. 13.

успешным раскопкам Л. П. Крыловой в верховьях р. Ингулец исследовано несколько курганов, давших материал аналогичного типа [7].

Сероглиняные с лощеной поверхностью сосуды из верхнего слоя Михайловского поселения имеют некоторые черты сходства с керамикой нижнего слоя Михайловского поселения, что, очевидно, может быть объяснено общностью их происхождения — обе они связаны с энеолитическими культурами Северного Кавказа; вместе с тем они существенно отличаются как по форме, так и по технике обработки поверхности и способу орнаментации, что указывает на их самостоятельное существование.

Появление серолощеной керамики в верхнем слое Михайловского поселения следует относить к концу III тысячелетия до н. э., ко времени, когда Степное Поднепровье было занято племенами древнеямной культуры.

В поздний период древнеямной культуры, когда, очевидно, осуществляется экономическая стабилизация пастушеского населения и в его культуре складывается много общих черт, происходит поглощение тех многих различных культурных типов, которые существовали на раннем этапе медного века, как, например, памятники типа Средний Стог II и описанный выше комплекс Михайловского поселения (нижний слой). Истоки культуры, представленной этими памятниками, некоторые исследователи видят в кругу кавказских энеолитических культур [8]. Памятники типа нижнего слоя Михайловки, по всей вероятности, демонстрируют крупные племенные передвижения, происходившие в середине III тысячелетия до н. э.

Находки сероглиняной лощеной керамики в верхнем слое Михайловского поселения свидетельствуют о какой-то новой волне, о проникновении в поздний период ямной культуры в Среднее Поднепровье южных племен кеми-обинской культуры, которые, очевидно, были ассимилированы племенами древнеямной культуры.

Уяснение характера памятников кеми-обинской культуры и их хронологического взаимоотношения с другими степными культурами представляет важную и интересную проблему.

---

[7] Л. П. Крылова. Итоги археологических исследований на Криворожье в 1964—1965 гг. Доклад, прочитанный на секции неолита и бронзы на пленуме Ин-та археологии АН СССР в 1966 г.

[8] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики. КСИА, 4, 1965, стр. 12—128; О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 22—46.

Г. Б. АВАЛИШВИЛИ

ПОГРЕБЕНИЕ ЛИТЕЙЩИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА сел. ГАНТИАДИ (ЮЖНАЯ ГРУЗИЯ)

В январе 1966 г. в сел. Гантиади (Юго-Восточная Грузия, Дманисский район Грузинской ССР) на территории станции искусственного размножения животных во время земляных работ был обнаружен комплекс весьма интересных предметов, переданных директором станции Леваном Цихелашвили в Государственный музей Грузии.

Обследованием местности удалось установить, что предметы были найдены на глубине 1,5 *м* в каменном ящике вместе с человеческими костями, следовательно, представляли собой инвентарь погребения. Комплекс состоит из следующих предметов:

1. Каменная литейная форма топора-тесла с плечиковидными выступами по бокам. На правой боковой поверхности формы имеется форма

четырехгранного долотообразного стержня. Длина топора (по размерам формы) равна 16 *см*, ширина лезвия 6,5 *см*, ширина у выступов 6,5 *см*. Длина долотообразного стержня 19,0 *см*, ширина 2,0 *см* (рис. 1).

2. Каменная двухстворчатая литейная форма секиры восточнозакавказского типа. На спинке одной створки имеется форма плоского топора-тесла с плечиковидными выступами по бокам. Размеры секиры восточнозакавказского типа по форме равны: длина 13,0 *см*, ширина лезвия 9,0 *см*. Длина плоского топора-тесла 13,5 *см*, ширина лезвия 6,5 *см*, ширина у выступов 6,5 *см*. Одна из створок литейной формы в свое время была разбита на две части и затем закреплена медными скобами в двух местах (рис. 2).

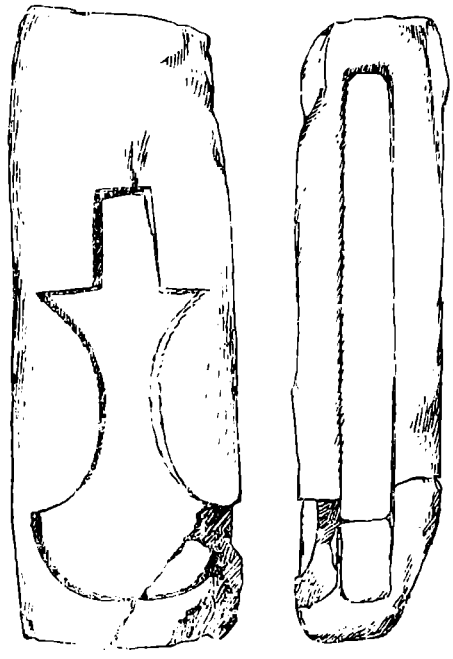


Рис. 1

3. Каменная двухстворчатая литейная форма секиры восточнозакавказского типа. Одна створка в свое время была разбита на четыре части, а затем закреплена железными скобами. Длина секиры (по форме) 14,0 *см*, ширина лезвия 11,0 *см* (рис. 3).

4. Каменная двухстворчатая литейная форма секиры восточнозакавказского типа. От одной створки сохранился лишь фрагмент. Длина секиры (по форме) 18,5 *см*, ширина лезвия 12,0 *см* (рис. 4).

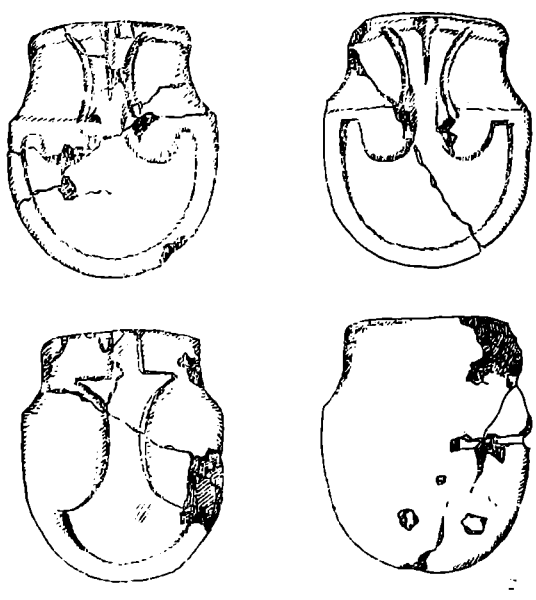


Рис. 2

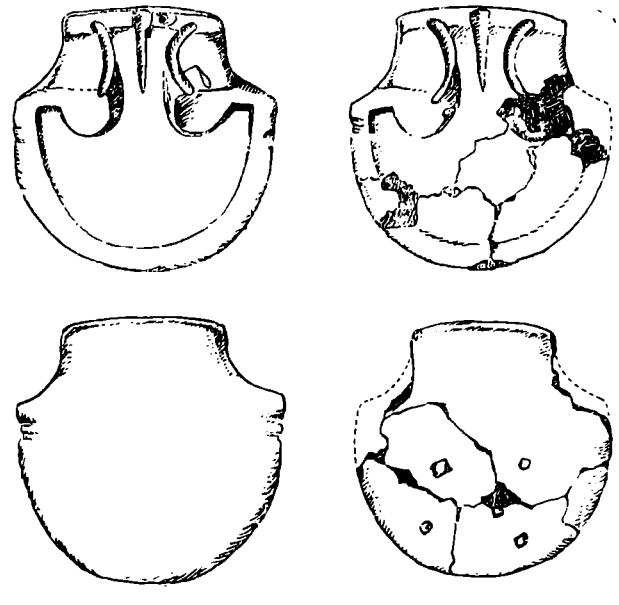


Рис. 3

Рис. 1. Комбинированная каменная литейная форма плоского топора-тесла и долотообразного стержня

Рис. 2. Комбинированная каменная форма для литья секиры восточнозакавказского типа и плоского топора

Рис. 3. Каменная литейная форма секиры восточнозакавказского типа, закрепленная железными скобами

5. Тигель из хорошо обожженной глины, коричневого цвета, полусферической формы с носиком для литья. Высота тигеля 9,0 *см*, диаметр горлышка 12,0 *см*, толщина стенки 1,0 *см* (рис. 4).

6. Тигель из хорошо обожженной глины, коричневого цвета, полусферической формы с носиком для литья. Высота тигеля 7,0 *см*, большой диаметр 13,0 *см*, малый 10,0 *см*, толщина стенки 1,0 *см*.

7. Две ступки; длина первой 8,0 *см*, диаметр 5,0 *см*, длина второй 10,0 *см*, одна сторона выдолблена, чтобы удобнее было держать в руке (рис. 4).

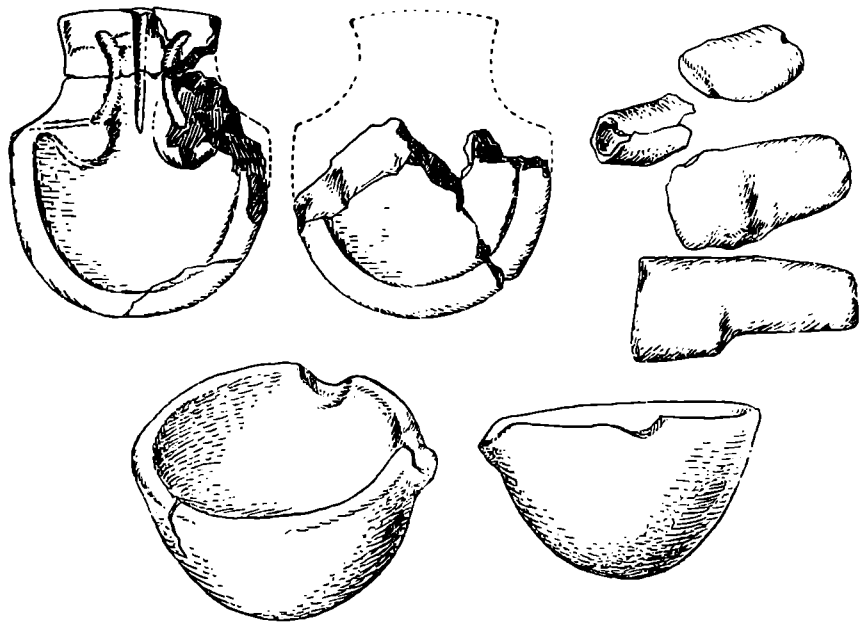


Рис. 4. Каменная литейная форма секиры восточнозакавказского типа, тигли, ступки и глиняная трубочка для вливания металла в форму

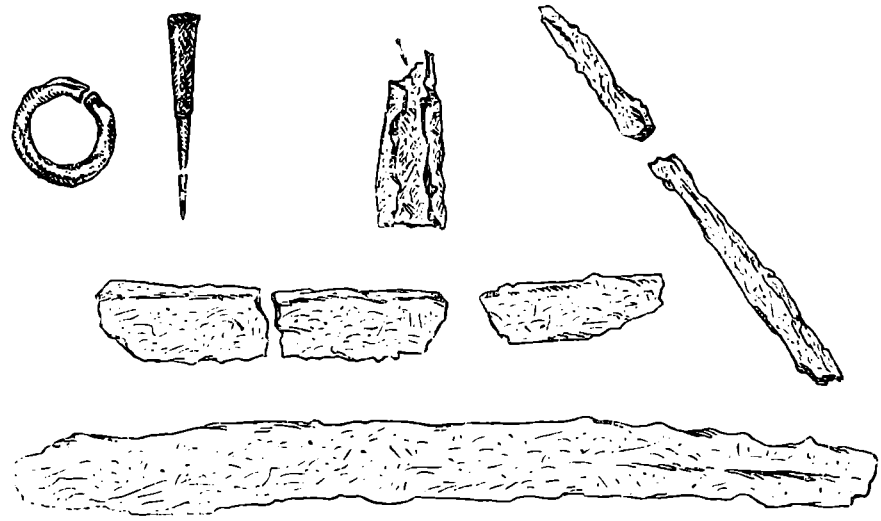


Рис. 5. Бронзовый браслет, бронзовая булавка и фрагменты железных предметов

8. Глиняная трубка, вероятно, для заливки расплавленного металла в форму.

Кроме этих специфических для литейщика предметов в погребении обнаружены:

9. Бронзовый браслет. Диаметр браслета 3,8 *см* (рис. 5).

10. Бронзовая булавка с удлиненной конусообразной головкой и коротким стержнем; на месте их соединения имеется отверстие. Вдоль головки тянутся выемки с елочным орнаментом. Длина булавки 7,0 *см* (рис. 5).

11. Железный кинжал (?). Длина 31,5 *см* (рис. 5).
12. Железный нож (?). Длина 18,0 *см* (рис. 5).
13. Часть втулки железного наконечника копья.
14. Железный стержень неизвестного назначения. Длина 16,0 *см*.
15. Фрагменты керамики (рис. 6).

Обнаруженные в сел. Гантиади литейные формы вырезаны с большой точностью (как объем топора, так и отметки для крепления створок).

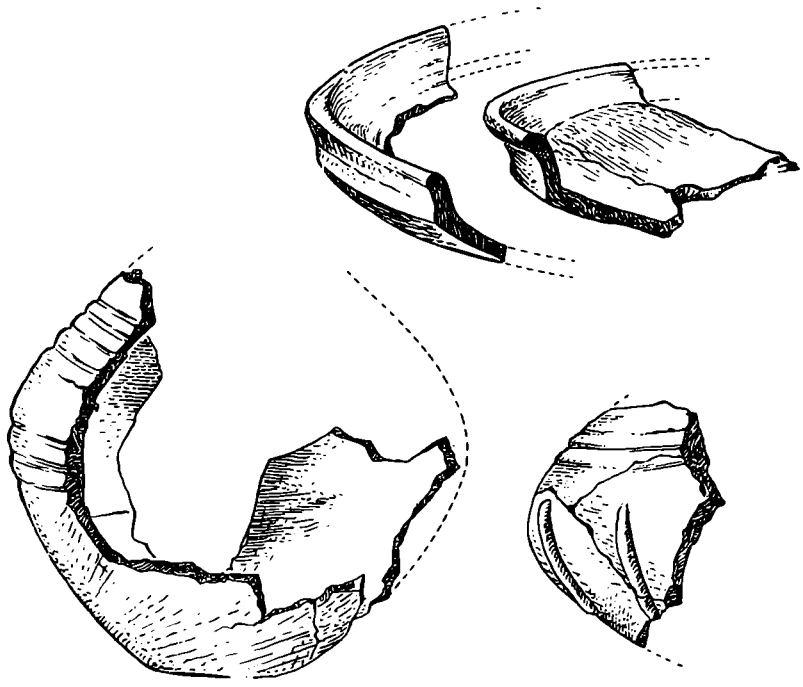


Рис. 6. Фрагменты глиняной посуды из погребения

Природная пористость камня, использованного для формы, и выдолбленные в форме отдушины, видимо, вполне обеспечивали необходимую воздухопроницаемость.

Во время литья металла их устанавливали в вертикальном положении, по-видимому, закапывали в землю литейной системой кверху.

В трех формах, найденных в погребении литейщика, отливались топоры-секиры восточнозакавказского типа (разных размеров), относящиеся к одному и тому же варианту.

Эти топоры характеризуются массивным обушком и округлой лопастью с высокими закраинами, тонким перехватом обушка, сильно выдающимися обушными ребрами и серединным выступом с центральной пуговицей на спинке. Этот вариант топора-секиры восточнозакавказского типа характерен для памятников IX—VIII вв. до н. э. Южной Грузии и северной части Армении (Дманиси, Гантиади, Гора, Ворнак, Кировокан, Степанаван, Ахтала, Алаверды и др.) [1], тем самым хорошо очерчивается локальный район его распространения, одним из производственных центров которого должна быть территория Дманиси — Лалвара (судя по местам находок литейных форм указанного варианта секиры восточнозакавказского типа).

В первой и второй формах из гробницы литейщика отливались плоские топоры-тесла одного и того же типа; по Б. Куфтину они относятся к типу плоских топоров с плечиковидными выступами, узкопяточного разряда, отлитых в односторонней форме [2].

---

[1] С. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 36.
[2] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ, XIII-B, Тбилиси, 1944, стр. 30.

О. Джапаридзе относит их ко второму типу, согласно своей классификации, и местом их распространения считает южные районы Грузии [3].

Судя по местам находок литейных форм топоров с плечиковидными выступами (Муханат-тапа близ Еревана, Мингечаур, Дманисский р-н), местом производства и распространения подобных топоров следует считать Юго-Восточное Закавказье (Южная Грузия, Западный Азербайджан, Северная Армения).

В форме для отливки четырехгранного стержня, вырезанной на одном из боков формы плоского топора, видимо, получали полуфабрикат, из которого изготовляли долото или какой-нибудь другой предмет.

Плоские топоры-тесла с плечиковидными симметричными выступами по бокам являются, вероятно, поздним вариантом плоских топоров и должны быть синхронными с секирами восточнозакавказского типа, распространенными в Южной Грузии и Северной Армении в IX—VIII вв. до н. э. На форме из Гантиади оба типа топора представлены вместе.

Как известно, в Закавказье литейные формы топоров-секир восточнозакавказского типа обнаружены около Ленинакана [4], в Шамхорском районе [5], на Кармирблуре [6], в III слое Цхинвальского «Нацаргора» [7], в Шулаверском ущелье, близ села Опрети [8].

Литейные одностворчатые формы плоских топоров с плечиковидными выступами по бокам в Закавказье обнаружены на Муханат-тапа, близ Еревана [9] и в Мингечауре [10].

В Гантиади, в погребении литейщика находилась бронзовая булавка с удлиненной конусообразной головкой и коротким стержнем.

Эта булавка представляет собой последующее развитие узких и длинных конусообразных булавок, распространенных на территории Юго-Восточной Грузии и Северной Армении в XIII—XI вв. до н. э., но предвосхищает короткие конусообразные булавки с крупными головками (VIII—VII вв. до н. э.) [11].

Обнаруженная в Гантиади булавка относится к переходному типу, хотя и тяготеет более к булавкам последующего типа, исходя из этого ее можно датировать IX—VIII вв. до н. э.

В погребении литейщика было обнаружено также несколько фрагментов глиняной посуды темно-серого цвета, с гофрированной поверхностью, по фактуре и орнаменту характерной для IX—VII вв. до н. э. (Самтавро, Дманиси и др.).

Присутствие в погребении железного ножа, кинжала и части наконечника копья указывает на то, что, видимо, в этот период оружие изготовлялось преимущественно из железа.

Помимо Гантиади, литейные формы были найдены в Шамхорском районе вблизи циклической крепости на глубине 2,5 *м* (было обнаружено не-

---

[3] О. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 297.

[4] А. Калантар. Открытие дохалдского поселения близ Ленинакана. ПИДО, 9, 10, 1934, стр. 167.

[5] S. Hummel. Zur Archäologie Azerbaidžans, Aur. Sept. Ant. VIII. Helsinki, 1933, стр. 233, 234.

[6] А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 185.

[7] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 94 (на груз. яз.).

[8] Д. Бердзенишвили. Вопросы исторической географии Болниси. Сборник исторической географии Грузии, II, Тбилиси, 1964, стр. 7 (на груз. яз.).

[9] Б. Куфтин. Ук. соч., стр. 50, рис. 23.

[10] Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 74.

[11] А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 275, J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, Paris, 1889, стр. 121, рис. 93, 94, 95.

сколько литейных форм, из которых сохранилась лишь одна форма для литья секиры восточнозакавказского типа) [12].

Интересны обнаруженные в Сисиане (Армения) четыре глиняные формы для литья стержней [13].

По-видимому, в этот период создаются большие мастерские, в которых серийно изготавливаются изделия для определенной группы людей; должно быть к этому времени род уже распался. Если бы род все еще был устойчивой единицей, то в могилу вместе с литейщиком не положили бы литейные формы, так как эти предметы при устойчивости рода служат для удовлетворения потребностей всего рода и являются его собственностью [14]. Когда же распадается род, ремесленник становится уже «настоящим» ремесленником — создается особая социально-экономическая категория и изделия его труда или средства производства становятся уже частной собственностью; после его смерти они не наследуются, а как собственность хоронятся вместе с ним. Случаи захоронения с покойником предметов, связанных с его профессией, известны в современной энтографической действительности. Крестьяне, живущие в окрестностях Лоре, клали с покойником его орудия труда (например, кузнецу клали в могилу молот и т. д.).

Означенный период предвосхищает и обусловливает создание раннеклассового общества. В этом первостепенную роль играет характер технологического процесса, а не металл, из которого изготавливается оружие [15]. Только с появлением железа полностью меняются технические навыки литья и создается новый этап в металлургии. В этот период обособляются как отдельные ремесла ткачество и строительное дело [16].

В формах, найденных в Гантиади, как показали результаты спектрального анализа, отливались предметы из высококачественной оловянистой бронзы [17]. Вообще, в позднебронзовый — раннежелезный век в Юго-Восточной Грузии в основном применяется оловянистая бронза [18], также в указанной выше части Северной Армении (Ворнак, Алаверды, район Севанского озера и др.) [19]. Правда, в позднебронзовом — раннежелезном веке оловянистая бронза применялась во многих районах Закавказья и Северного Кавказа, но по составу наиболее схожи предметы из указанной выше территории.

Предметы этого периода, найденные в Юго-Восточной Грузии и в Северной Армении, обнаруживают большое сходство в технологии литья, что, возможно, указывает на существование единого центра металлургии и металлообработки.

Хотя в формах, обнаруженных в Гантиади, отливались бронзовые предметы, с железом здесь были знакомы давно. Одна из гантиадских форм в свое время была сломана, но ее не изъяли из употребления, а закрепили железными скобами (в четырех местах). Железо по сравнению с бронзой намного более упруго и пластично [20].

Знание свойств железа должно было выработаться на протяжении десятилетий, и гантиадский литейщик должен был владеть опытом нескольких поколений, чтобы закрепить форму давно уже известным и испытан-

---

[12] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. И. ГАИМК, 120, М.— Л., 1935, стр. 144.

[13] А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 105.

[14] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 53—60.

[15] R. S. Forbes. Studies in Ancient Technology. VIII, London, 1964, стр. 7.

[16] В. И. Массон. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. ВИ, 5, 1967, стр. 90.

[17] Анализы сделаны в химико-реставрационной лаборатории Гос. музея Грузии.

[18] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, стр. 46.

[19] Там же, стр. 84.

[20] Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 52.

ным способом. Подобное применение железа для означенного времени является пока что единственным и весьма своеобразным случаем.

По-видимому, в Закавказье в первой четверти I тысячелетия до н. э. (судя по находкам литейных форм) крупные очаги металлургии и металлообработки в основном находились в зоне предгорий (Гантиади, Цхинвали, Шамхор, Ленинакан).

П. М. КОЖИН

О ПСАЛИЯХ ИЗ АФАНАСЬЕВСКИХ МОГИЛ

В четырех коллективных могилах афанасьевской культуры с неоднократными захоронениями и следами ограбления [1] найдены обработанные отростки рогов благородного оленя. Это изогнутые окончания рогов с частично или полностью, на протяжении всей длины, вырезанной внутренней компактой. Со стороны широкого конца на разных уровнях от среза три отверстия: два противолежащих и одно в промежутке между ними. Ближе к острому окончанию отростка расположено сквозное отверстие либо узкая поперечная нарезка. Длина целых экземпляров (не учитывая изгиба) — 16—18,5 *см*.

Три из этих предметов подробно описаны и опубликованы в рисунках [2]. Следы употребления на них незаметны из-за плохой сохранности поверхности рога или кратковременности употребления [3].

Роговые предметы аналогичной формы встречаются на обширных территориях [4]: это псалии для конской [5] узды [6]. Большая часть древнейших псалиев изготовлена из рога благородного оленя, некоторые из отрезков трубчатых костей. Предположение о том, что первоначально в качестве псалиев применялись плечевые кости мелких животных [7], не подтверждается материалом, а в бронзовых псалиях, напоминающих «костяные прототипы», ярко проявляются лишь характерные технические и художественно-стилистические особенности бронзового литья карасукской эпохи. Наличие в конской упряжи предметов из оленьего рога можно связать с существовавшей в I тысячелетии до н. э. сопричастностью между оленем и лошадью. Не останавливаясь на теоретическом осмыслении этой связи, можно отметить, что попытки опровергнуть ее на материалах Пазырыкских курганов [8] несостоятельны, тем более что выявленные здесь оленьи маски

---

[1] Могильники: Афанасьева гора, мог. 6; Тесь II, мог. 2, кург. 10; Сыда, мог. I, кург. 16; Сыда I, мог. 1, кург. 9. За возможность ознакомиться с этой последней еще не опубликованной находкой и сослаться на нее приношу глубокую благодарность М. П. Грязнову.

[2] Описание могил и указанных предметов см.: С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927, стр. 69, табл. 1, рис. 11; С. В. Киселев. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси. СА, II, 1937, стр. 90, табл. II, рис. 5; Там же, стр. 84, табл. II, рис. 4.

[3] На костяном предмете, хранящемся в ГИМе (Тесь, мог. 2, кург. 10), в 2 *см* выше отверстия в более тонком конце прослеживается значительная стертость поверхности шириной около 3—3,5 *см*.

[4] Наиболее подробная сводка: К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, I; S. Foltiny. The Ivory Horse Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality. «Bonner Jahrbücher», 167. Köln—Graz, 1967.

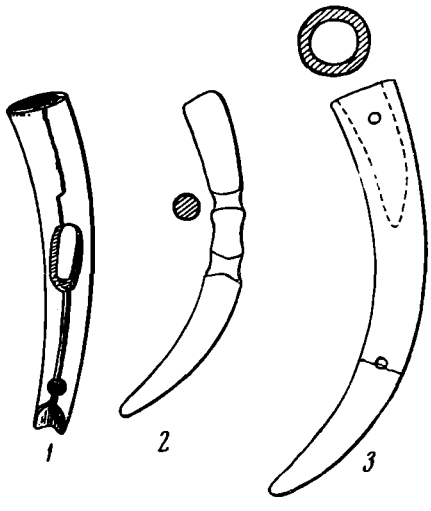
[5] В могильниках, из которых происходят указанные предметы, кости лошади обнаружены неоднократно.

[6] К. Ф. Смирнов. Ук. соч.

[7] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 72.

[8] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 230—231.

на лошадях [9] сопровождаются изображениями оленей на сбруе и ее украшениях. Псалии из отростков рога, применяющиеся в период высокоразвитой металлургии [10], также свидетельствуют в пользу этой связи. Являлись ли оленьи рога, изображения оленя, оленьи маски апотропеями, были ли связаны с представлениями о загробном царстве, где конская упряжка заменяется более легкой оленьей, или с какими-то иными представлениями и ассоциациями, сказать пока трудно. В Венгрии [11], в Китае [12] псалии из рога определенно зафиксированы в комплексах эпохи бронзы [13] (рис.).



Афанасьевские псалии

Для особенно многочисленных венгерских псалиев характерны отверстия посредине для закрепления мягкой узды: рог часто растрескивался возле отверстий от напряжения [14]. У раннечжоуских псалиев система крепления была иная: ремень узды обвязывался вокруг рога, заходя в кольцевые желобки, прорезанные в средней части псалия. Рассматриваемые предметы ближе к последней системе, но три отверстия у широкого края рога напоминают о способе крепления псалиев у лошадей из памятников срубной и андроновской культур [15]. Находка псалиев на черепе лошади в насыпи Комаровского кургана [16] объясняет положение в узде афанасьевских псалиев. Они могли быть обращены широким краем кверху [17]. Через три отверстия в этом конце продевались ремешки разрезанного натрое наносного ремня. Мягкие удила [18] обвязывались вокруг средней части рога. В отверстие или желобок на тонком, нижнем в данном случае, конце рога продевался узкий подгубный ремень. Единичность находок псалиев, не-

[9] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

[10] М. П. Завитухина. Могильник ранних кочевников близ г. Бийска. Археологический сборник ГЭ, 3, Л., 1961, стр. 102, рис. 5, 5, 6; Н. Л. Членова. Ук. соч., стр. 66—67.

[11] A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin de Carpathes. AAH, Budapest, 1953, 111; ее же. Die Herkunftfrage der älteren Hirschgeweihtrensen. AAH, 12, Budapest, 1960.

[12] Фэнси фачу баогао. Пекин, 1962, стр. 41, рис. 23, 5.

[13] В Венгрии представлены псалии особенно разнообразных типов. В Китае иньские псалии — плоские четырехугольные металлические пластинки с круглым отверстием посредине для удил и узкой прорезью для подгубного ремня (M. von Dewall. Pferd und Wagen im frühen China. Bonn, 1964) сменяются чжоускими роговыми. В период раннего (Западного) Чжоу применяются также уздечки-намордники (Синь чжунго-ди каогу шоуху. Пекин, 1961, рис. 28, стр. 59; Cheng Te-k'un. Archaeology in China III. Cambridge, 1963, рис. 33, стр. 268). Разновидности древних уздечек с оценкой их функциональных особенностей рассмотрены в работе: M. A. Littauer. Bits and Pieces. «Antiquity», XLIII, 172, Cambridge, 1969.

[14] A. Mozsolics. Mors en bais... табл. LXXIV.

[15] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 1, 2; Андроновская культура. САИ В-3-2, I, табл. XXXVIII, 30; Н. Н. Чередниченко. Поселение срубной культуры на Луганщине. СА, 1970, 1, стр. 235, рис. 2, 1, 5.

[16] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 95—96, рис. 37.

[17] Обычно на рисунках роговые псалии указанных форм располагают острым концом кверху по аналогии с изображениями на ассирийских рельефах (S. Bökönyi. Reconstruction de mors en bois de cerf et en os. AAH, III, Budapest, 1953).

[18] В тех редких случаях, когда костяки лошадей из могил эпохи бронзы обнаружены непотревоженными, даже при великолепной сохранности костяных, а тем более металлических, псалиев никаких следов удил из металла обнаружить не удается. Единственный реальный в этой ситуации вывод, что удила были кожаные, волосяные или веревочные. Ср. С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 224. Индейцы североамериканских прерий, употребляя изредка железные испанские удила, сами изготовляли удила из конского волоса и сыромятной кожи. Причем последние применялись много чаще (J. C. Ewers. The Horse in Blackfoot Indian Culture. «Bureau of American Ethnology — Bulletin», 159, Washington, 1955).

связанность их с конскими скелетами [19] исключают подробную реконструкцию узды и способов управления лошадью. Реконструкции, предложенные К. Ф. Смирновым [20], показывают значительную качественную разницу между уздой с наносным и подгубным ремнями, близкой к намордннку, и уздой со сдвоенными и строенными нащечными ремнями. Вторая система, очевидно более прогрессивная, вытесняет первую повсеместно. Не исключено, что она изначально связана с металлическими удилами, которые лошадь может грызть. Представляется, что первоначально выработка строгих удил связана с применением лошади в колесничной запряжке, где возница в противоположность всаднику лишен непосредственного контакта с конем, где контакт этот осуществляется лишь с помощью вожжей.

Время появления лошади в качестве упряжного животного нигде точно не фиксируется. Неясно и время одомашнения лошади. Во всяком случае, индоевропейское название лошади относится исключительно к одомашненному виду [21] и все достоверные изображения упряжной и тем более верховой лошади относятся уже ко II тысячелетию до н. э., причем древнейшие из них происходят из ближневосточных памятников. По дальности однодневного колесничного пробега, упомянутого в гимне царя Шульги (около 2000 г. до н. э.), А. Камменхубер [22] полагает, что в царской запряжке должны были быть лошади: другие эквиды не смогли бы в столь короткий срок одолеть указанное в гимне большое расстояние. Скелеты лошадей находят в могилах [23]. А. Салонен, разбирая вопрос о шумерийском термине ANŠE-KUR-RU, применявшемся для обозначения лошади с конца III тысячелетия до н. э., замечает, что до этого времени данный термин мог служить названием другого упряжного животного [24]. В Египте лошадь неожиданно появляется вместе с боевой колесницей [25] незадолго до начала

[19] Могилы часто ограблены, но и в наиболее достоверных случаях находок псалии далеко не всегда сопровождали костяки лошадей. В Комаровском кургане из пары лошадей лишь одна имеет уздечку с двумя псалиями. Но если бы не эта достоверная находка, аналогичные псалии могли бы долго не получить правильной интерпретации. Псалий из мог. 2 кургана 13 Алакульского могильника, обнаруженный в 1938 г., интерпретирован лишь в 1961 г. (К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 60—63) по аналогии с венгерскими находками. Круглые псалии из Трахтемирова, найденные еще более давно (А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. СА, 1964, 1), интерпретированы совсем недавно на основе микенских аналогий, как впоследствии и псалий с поселения Каменка (В. Д. Рыбалова. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи. СА, 1966, 4). В связи с последней находкой предложено удачное расширение датировок этого типа псалиев (там же, стр. 181), первоначально слишком уверенно датированных «временем не позднее XVI в. до н. э.» (А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 303). Этот тип псалиев, несомненно, близок бронзовым колесовидным, но они, даже если принять очень ранние даты для ближневосточных находок (К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 63), доживают до сравнительно позднего времени (ср. И. Венедиков. Тракийската юзда. ИБАИ, XXI, 1957, стр. 35—37). См. также Б. А. Латынин. Архаические круглые псалии с шипами. Новое в советской археологии, МИА, 130, 1965. Ср. А. М. Лесков. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. Памятники эпохи бронзы Юга СССР. Киев, 1967, стр. 17 (соображения о датировке становятся здесь очень неопределенны).

[20] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 50, рис. 3 и стр. 63, рис. 11.

[21] W. Brandenstein. Das Pferd — ein Hauptfrage der indogermanischen Altertumskunde. MAGW, 92. Wien, 1962; J. Huppertz. Рец. M. von Dewall. Pferd und Wagen im frühen China. Bonn, 1964. «Anthropos», 62, Wien, 1967, стр. 970—971.

[22] A. Kammenhuber. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961, S. 12.

[23] H. Behrens. Die neolithisch-frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Berlin, 1964.

[24] A. Salonen. Hippologia accadica. Helsinki, 1955, стр. 19; W. Nagel. Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich. Berlin, 1966.

[25] Все данные свидетельствуют о применении лошади первоначально в колесничной запряжке. Первые достоверные факты применения верховых лошадей относятся лишь к третьей четверти II тысячелетия до н. э. (Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical Lands. Ierusalem, 1963, 1, стр. 218—219). Всадничество не получило широкого распространения в Месопотамии до начала железного века в силу, как думает Ф. Ганчар (F. Hančar. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer

XVIII династии [26]. Упряжь и устройство колесниц уже тогда стандартны [27]. Это определенно не первые эксперименты, не первые этапы в применении лошадей. С XVI в. до н. э. лошадь как транспортное средство на Ближнем Востоке, в Египте, в Южной и Средней Европе [28] употребляется систематически [29]. В Восточной Азии интенсивное использование лошадей начинается в XIV—XI вв. до н. э. [30]

Конструкция колесниц, способ запряжки, система упряжи свидетельствуют о единстве происхождения колесничного транспорта с лошадиной запряжкой в Старом Свете [31]. Афанасьевские псалии принадлежат к наиболее широко распространенному виду евразийских псалиев, и вышеуказанные даты могут определять время бытования афанасьевских псалиев в широких пределах около середины II тысячелетия до н. э.

Свидетельств применения колесного транспорта населением афанасьевской культуры пока не найдено. Древнейшее изображение фургона на стеле из Знаменки [32] так же, как рисунки запряжек на других стелах и плитах, датируются по-прежнему очень широко. С конской запряжкой изображание из Знаменки не связано [33]. Более серьезные намеки на применение конской запряжки относятся к карасукским памятникам, где встречаются псалии и распространены крупные массивные литые полушарные бляшки,

Zeit. Wien — München, 1955, стр. 407—408), высокого развития колесничных транспортных и военных средств. В Греции и в начале I тысячелетия до н. э. применение верховой лошади также эпизодично (J. K. Anderson. Ancient Greek Horsemanship. Berkeley — Los-Angeles, 1961, стр. 6). Характерно, что в Комаровском кургане, в кург. 13 Алакульского могильника и в Быковском кургане № 1 (К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 211, 214, рис. 2) пары лошадей положены рядом, параллельно, головами в одну сторону. Можно полагать что и здесь были захоронены упряжные лошади. Ср. Л. С. Клейн. Происхождение скифов царских по археологическим данным. СА, 1963, 4, стр. 31.

[26] H. von Deines. Die Nachrichten über das Pferd und den Wagen in den ägyptischen Texten. Mitteilungen des Institut für Orientforschung. I. 1, Berlin, 1953, стр. 5—6; F. Schachermayr. Streitwagen und Streitwagenbild im Alten Orient und den mykenischen Griechen. Anthropos, 46, 5—6, 1951; В. И. Авдиев. Военная история древнего Египта. М., 1959, 11; И. А. Лапис. Новые данные о гикососском владычестве в Египте. ВДИ, 1958, 3, стр. 98; F. Schachermayr. Agäis und Orient. Wien, 1967, стр. 60—61.

[27] Упряжь состоит из ошейника, к которому крепится ярмо (H. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938, стр. 38), уздечки и вожжей. На египетских изображениях, правда, очень рано начинает встречаться нагрудный ремень (Y. Yadin. Ук. соч., 1, стр. 186, 188, 192—193 и пр.). Прочие детали упряжи, в том числе постромки, появляются на большинстве территорий много позднее (П. М. Кожин. О сарматских повозках. Древности Восточной Европы. М., 1969).

[28] F. Hančar. Das Pferd... стр. 549, 553—554. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966, стр. 80; П. М. Кожин. Кносские колесницы. Археология Нового и Старого Света. М., 1966, стр. 76, 80—81.

[29] A. Kammenhuber. Ук. соч., стр. 6 сл. Тексты с описанием тренинга лошадей, сведения о регулярной торговле лошадьми и приношениях их в дар восходят уже к XV—XII вв. до н. э. Несомненно, что предыстория этих явлений уходит в еще более отдаленные времена.

[30] Это наиболее широкие пределы датировок иньских памятников Аньяна (Kwang-chih Chang. Relative Chronologies of China to the End of Chou. Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1965, стр. 505; Cheng Te-kun. Archaeology in China II. Cambridge, 1960; L. Ward. The Relative Chronology of China through the Han Period. Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1954; Hayashi Minao. Chariots in the Yin and the Chon Dynasties. «Tōhō gakuhō», 29, Kyoto, 1959). Благодарю М. В. Крюкова за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой редкой работой.

[31] П. М. Кожин. О глиняных моделях колес из Балановского могильника. СА, 1966, 4.

[32] М. П. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакассии. КСИИМК, 1960, 80, стр. 87—88, рис. 20; С. В. Киселев. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник МГУ. М., 1962, стр. 61; Э. Б. Вадецкая. Изображения зверя-божества из Хакассии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

[33] Запряжка бычья. Колеса фургона изображены в виде кружков без спиц и напоминают колеса экипажей, типичные для повозок с бычьей запряжкой (П. М. Кожин. О глиняных моделях колес...).

а иногда и розетки из нескольких бляшек [34]. Благодаря иньским аналогиям можно видеть в этих находках следы хорошо разработанной системы упряжки [35].

Распространение колесниц на территории Южной Сибири, Казахстана, Монголии в карасукское время или хотя бы в самом конце бронзовой эпохи документируется теперь сравнительно большим числом наскальных изображений [36] частей упряжи, сбруи, некоторыми особенностями погребальных ритуалов. Быстрое внедрение колесниц в указанный период на территорию, включающую к тому же большое число высокогорных и трудно проходимых для колесных транспортных средств районов, косвенно свидетельствует о том, что колесницы карасукского времени имели на некоторых территориях какие-то прообразы, связанные с применением либо той же тягловой силы (лошадь, бык), либо со сходной системой запряжки, либо, наконец, с аналогичной конструкцией экипажей. В связи с этим выводом особое значение получают рассмотренные находки афанасьевских псалиев.

Псалии из афанасьевских могил [37] отражают менее совершенную, чем карасукская, систему упряжи и, видимо, могут отмечать момент первого проникновения конской запряжки в Хакасско-Минусинские степи.

---

[34] Э. А. Новгородова. Локальные группы карасукской культуры. Уч. зап. МОПИ, 1963, CXVI; Н. Л. Членова. Карасукские находки в первой излучине Чулыма. КСИА, 1968, 114, стр. 86, рис. 40.

[35] П. М. Кожин. К вопросу о происхождении иньских колесниц. Сборник МАЭ, XXV, Л., 1969; его же. Гобийская квадрига. СА, 1968, 3, стр. 36—37.

[36] Приношу глубокую благодарность В. В. Волкову, А. Г. Медоеву, А. П. Окладникову за возможность ознакомиться со вновь обнаруженными наскальными изображениями, включающими «колесничные» сюжеты.

[37] Внутренняя относительная хронология афанасьевской культуры пока еще не разработана. Нельзя исключить предположение о том, что находки псалиев связаны лишь с поздними афанасьевскими памятниками.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

РАННИЕ МИНУСИНСКИЕ КИНЖАЛЫ

Бронзовые изделия играли выдающуюся роль в развитии культуры Хакасско-Минусинской котловины конца II — начала I тысячелетия до н. э. однако систематизация этого обширного материала еще далека от завершения. Наименее изучено, в частности, карасукское вооружение, своеобразный комплекс которого включает наряду с бронзовыми предметами — вильчатыми копьями, массивными изогнутыми ножами, чеканами и кинжалами, кремневые наконечники стрел. Принадлежа соответственно своему назначению к наиболее подверженной изменениям серии изделий, оружие позволяет наметить конкретные пути культурных связей карасукских племен, а также отметить конвергентность развития некоторых видов оружия в евразийских степях. Несмотря на отсутствие кинжалов в дотагарских могильных комплексах Южной Сибири, типологическое изучение случайных находок позволяет считать, что первые цельнолитые кинжалы появляются здесь в эпоху развитой бронзы, тогда как в андроновских бронзах, пока крайне бедно представленных среди минусинского материала, имеются находки исключительно наконечников копий или крупных ножей.

Карасукские кинжалы представлены двумя группами: выемчатоэфесовые кинжалы и кинжалы «с плечиками». Выемчатоэфесовые кинжалы, впервые выделенные С. А. Теплоуховым и рассмотренные С. В. Киселевым [1] найдены в ряде пунктов по Среднему Енисею (рис. 1, *1*, *3—5*; 2,

[1] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929, табл. 1, *34*; его же. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа», 1929, 6, стр. 543; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири М.— Л., 1951, стр. 122, 124.

3—6) [2]. Для них характерна овальная полая рукоять с широкой односторонней прорезью — желобом, перехваченным двумя мостикообразными перемычками, плоскостное перекрестие, отделяющееся от клинка двумя вырезками, ромбический в сечении клинок. Навершия в виде шляпки грибовидного типа, кольца или бубенца. Отливка производилась в сложносоставных формах с последующей отковкой лезвия, что отчетливо заметно на большинстве экземпляров. Кинжалы делались из прекрасной золотистой бронзы и имеют характерный для карасукских изделий темно-коричневый или темно-зеленый пятнистый налет патины; в желобах сохранились следы деревянных вставок. Выемчатоэфесовые кинжалы по некоторым особенностям формы имеют сходство с изогнутыми карасукскими ножами, что, собственно, и определяет их культурную принадлежность. Так, три кинжала имеют навершия в виде грибовидной шляпки, типичной для крупной группы карасукских изогнутых ножей. Грибовидная шляпка отсутствует на коленчатых ножах, которым свойственны шляпки иных, листовидных очертаний. Единичные экземпляры ножей карасукского времени, заканчивающиеся шляпкой, из Внутренней Монголии — Ордоса, а также МНР и Забайкалья тоже имеют грибовидное навершие. Два кинжала, из дер. Светлолобки и с р. Беи, заканчиваются кольцевым навершием — наиболее распространенным типом навершия на изогнутых карасукских ножах (навершие кинжала из дер. Салбы в виде «смятого кольца» скорее всего надо рассматривать как деформацию) [3]. Наконец, кинжал из дер. Уты имеет своеобразное навершие, которому почти каждый исследователь присваивал новое название «бубенец», «полый шарик», даже «цветок граната». Однако, как бы мы его ни называли, навершие это, при целом ряде выразительных разновидностей, имеет не вполне ясное происхождение и в пределах Хакасско-Минусинской котловины в карасукскую эпоху встречается крайне редко, получая более широкое распространение в раннетагарское время. Зато в восточных областях навершие-бубенец типично для синхронных карасукской культуре бронзовых изделий; встречается оно и на аньянских широколезвийных ножах, где, очевидно, является заим-

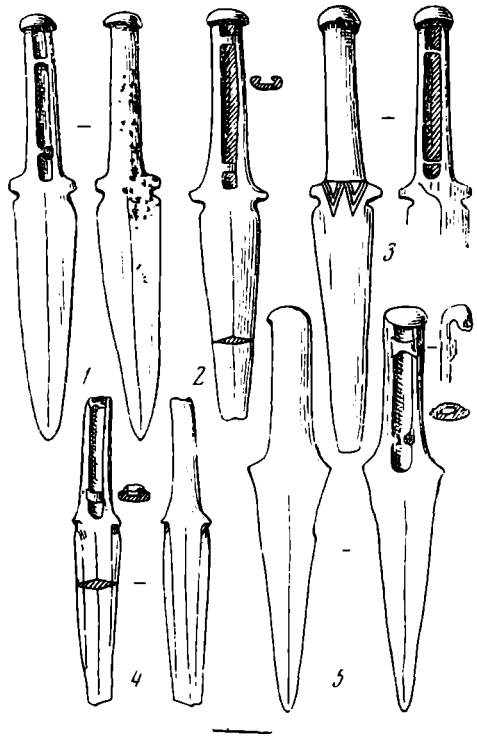


Рис. 1. Карасукские кинжалы из Хакасско-Минусинской котловины

1 — с. Таштып; *2* — местонахождение неизвестно (из Иркутского музея); *3* — дер. Монок (по И. П. Кузнецову-Красноярскому); *4* — дер. Табат; *5* — Минусинский край

[2] Минусинский Гос. музей им. Н. М. Мартьянова, инв. № 930, 931, 932, 958, 960, 965; ГИМ, инв. № 49 439; инв. № кинжала из дер. Монок неизвестен; Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. IV, *2*, *5*; В. В. Радлов. Сибирские древности. I, 2 СПб., 1891, табл. IX, *6*, *11*; F. Martin. L'age du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1895, XXIII, 12—14, 16. И. П. Кузнецов — Красноярский. Минусинские древности. I. Томск, 1908, табл. 1. *5—а*, *б*; С. А. Теплоухов. Опыт классификации... табл. 1, 34; М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», 3, 1928, р. 6, *6*; его же: Бронзовый кинжал с оз. Кото-кель. Верхне-Удинск, 1929, рис. 4; С. В. Киселев. Древняя история... табл. XIII, *4*, *5*, *6*; Г. А. Максименков. Новые данные по археологии района Красноярска. ВИСДВ. Новосибирск, 1961, рис. 1, *16*, *17*.

[3] В. В. Радлов. Ук. соч., табл. IV, *15*, *24*, V, *5*; F. Martin. Ук. соч., табл. II, *2—5*, *7*, *11*.

ствованием с севера [4]. Известно оно и в поздней бронзе Ирана и Кавказа, где принимается исследователями за характерный местный тип [5]. Заметим в связи со сказанным, что возможно не местное, а ордосское изготовление кинжала с бубенцом из дер. Уты: это подтверждается его удлиненными пропорциями, узким желобом, орнаментированностью рукоятки и изящными подрезками перекрестья, наконец, видом навершия. Очевидно, одно из перечисленных наверший украшало и кинжал из дер. Табат, скорее всего, это была грибовидная шляпка. Среди орнаментов на минусинских кинжалах, отметим фестоны из вложенных углов (рис. 1, *3*), которые характерны для изогнутых ножей с грибовидной шляпкой, кольцевым навершием и навершием с тремя кнопками, а также для нескольких наиболее развитых образцов ножей с шипом. Треугольники из вложенных углов имеют, очевидно, западносибирское, андроновско-сейминское происхождение. Округлость рукоятей кинжалов из Уты и Салбы (рис. 2, *5*, *6*) подчеркнута поясковым узором из нескольких рядов тонких нарезок, который, видимо, подражал подлинным обмоткам рукоятей, препятствовавшим соскальзыванию руки на клинок. Этот узор получил очень широкое распространение у ножей с грибовидной шляпкой, где много подовальных и округлых рукояток, редких у ножей прочих групп. На коленчатых ножах тонкие круговые нарезкие вовсе отсутствуют, там они имеют вид имитации грубого шнура. Изящная нарезка рукоятей очень часта в Ордосе, где встречена в разных вариантах, вплоть до того, что рукоять покрывается сплошной гофрировкой [6]. Таким образом, сопоставления наверший и орнаментов выемчатоэфесовых кинжалов и изогнутых карасукских ножей позволяют провести между ними отчетливую параллель.

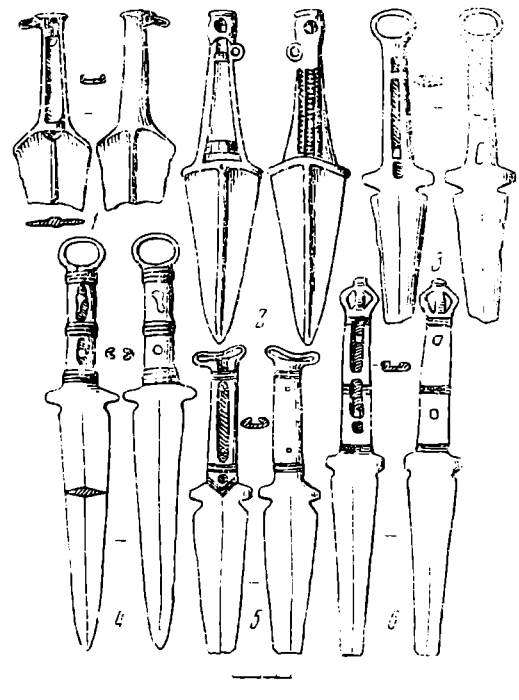


Рис. 2. Карасукские кинжалы из Хакасско-Минусинской котловины

1 — дер. Кривая, *2* — дер. Каптерево; *3* — дер. Светлолобка; *4* — р. Бея; *5* — дер. Салба; *6* — дер. Уты

Кинжалы, сопоставимые с выемчатоэфесовыми, можно видеть в культурах развитой бронзы Тувы, Восточного и Северного Казахстана, Забайкалья и Внутренней Монголии, однако подробно описаны лишь казахстанские экземпляры [7]. Казахстанские кинжалы близко напоминают минусинские грибовидной шляпкой и полой рукоятью, однако перемычки заменены у них рельефными кнопками. Кинжал из пос. Палацы (Восточный Казахстан) [8], несмотря на цельную ру-

[4] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXVI, 35; Э. Новгородова. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири. Монгольский археологический сборник, М., 1962, рис. 1, *6*; B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. BMFEA, XVII, 1945, № 173, 216, 217.

[5] А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа. М.—Л., 1935, рис. 24, *1*, *2*, *4*; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, London. 1941, стр. 171—174.

[6] M. Loehr. Ordos Daggers and Kuives. Artibus Asiae, 12. 1951, табл. II, 4, рис. 1, 2; H. Yeda. The Bronzes of Shang Dynasty and the Sui — Yan Bronzes. Ansient Art of Northern Eurasia. Kyoto, 1954, рис. 30.

[7] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. III, *52*, IX, *140*; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 84, сл., 166, табл. X, *1*, LXVI, *5*, *10*; Г. А. Максименков. Ук. соч., стр. 304, сл., рис. 1, *1—4*. *18*; Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XXIII, *1—5*.

[8] С. С. Черников. Ук. соч., табл. X, *1*.

коять, особенно близок южносибирским общей стройностью пропорций, в отличие от других восточноказахстанских кинжалов, широколезвийных, с расширяющейся в сторону клинка рукоятью и едва выраженными выступами клинка на месте перекрестия. В связи с этим, к вероятному импорту из районов Казахстана можно причислить кинжал из дер. Идра [9]. Он имеет грибовидную шляпку, сильно расширяющуюся к клинку рукоять с двумя симметрично углубленными полями и едва заметное перекрестие. Клинок его значительно превышает рукоять по ширине — все это хотя и синхронизирует идринский кинжал с минусинскими выемчатоэфесовыми образцами, но явственно приближает к казахстанским. Далее, ордосские ранние кинжалы, подобно минусинским, сопоставляются формой наверший и орнаментом с многочисленными ордосскими изогнутыми ножами, близкими карасукским. Кинжалы из степей Внутренней Монголии во многом подобны енисейским, но их выделяет общая удлиненность пропорций, тонкость желобов, обязательное присутствие «оконц», а также богатство орнамента, что вообще характерно для ордосских бронз [10]. На одном кинжале встречены треугольники из вложенных углов. Этот оригинальный экземпляр с бубенцом и прорезной орнаментированной рукоятью относится к группе кинжалов с сильно изогнутой рукояткой [11]. Такая постановка рукоятки вероятнее всего связана с изогнутостью ее у бронзовых ножей, в пользу чего говорит неразработанность перекрестия у этого вида кинжалов и асимметричное размещение рукоятки ближе к одному из плеч клинка. К более развитой форме кинжала с изогнутой рукоятью можно причислить ряд ордосских кинжалов с обычным навершием или навершием в виде объемно выполненной головы животного, имеющих перекрестие в форме нешироких шипов, резко выдающихся по обе стороны за плоскость клинка. Возможно, изогнутость рукоятки ассоциировалась с шеей животного. Сказанное относится и к известному кинжалу с оз. Кото-кёль в Забайкалье, близкому кинжалам со звериными навершиями из Ордоса [12] С другой стороны, один из приводимых в издании М. Лёра ордосских кинжалов [13] настолько сходен с сибирскими экземплярами, что следует предполагать его сибирское происхождение: круглыми заклепками на месте перемычек он напоминает знаменитый «якутский меч» с оз. Сильгумджа [14] и восточноказахстанский кинжал из Баты, а простым ромбическим сечением клинка перекликается с минусинскими кинжалами. Минусинское происхождение несомненно имеет и выемчатоэфесовый кинжал с грибовидной шляпкой из Иркутска [15] (рис. 1, *2*). Он необычайно близок кинжалу из с. Таштып, повторяя его в пропорциях и деталях формы.

Таким образом, группа выемчатоэфесовых кинжалов Хакасско-Минусинской котловины типологически родственна кинжалам Внутренней Монголии, Забайкалья, района Красноярска, а также некоторых районов Казахстана. Несмотря на недостаточную изученность этих областей, можно утверждать, что найденные в них кинжалы — в подавляющем большинстве предметы местного изготовления, которые хотя и несут на себе печать общепринятых в это время и в этой области Азии манеры и методов производства, но имеют в каждом конкретном случае неповторимо автохтонный облик. Серийность изготовления еще не стала отличительной чер-

[9] М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал..., рис. 1; рассматривается как минусинский образец.

[10] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives...; его же. Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies. 53, 2, 1949.

[11] J. Andersson. Hunting Magic in the Anymal Style. BMFEA. 4, 1932, V, 3; M. Loehr. Ordos Daggers..., рис. 1.

[12] М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал, рис. 1; B. Karlgren. Some Weapons NN 183, 227; M. Loehr. Ordos Daggers..., 1 табл. III, *7*, *8*; A. Salmony. Sino — siberian Art. Paris, 1933. табл. XXXVI, *2*.

[13] M. Loehr. Ordos Daggers..., табл. I, *1*.

[14] А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР. т. I, 1955, рис. 47.

[15] Иркутский краеведческий музей, экспозиция.

той бронзолитейного дела, поэтому мы не находим следов массового производства с регламентированными навыками обработки и украшения изделия, что наблюдается уже в раннетагарскую эпоху. Каждый выемчатоэфесовый кинжал, как и его аналог за пределами Минусинского края, имеет индивидуальный облик. Малое количество таких кинжалов по сравнению с прочими предметами карасукской бронзы свидетельствует об известного рода уникальности этого вида оружия, однако не следует забывать и о повсеместном ограблении могил этой эпохи. Обмен оружием, который мы пытались проследить по отдельным ярким образцам, был, по-видимому, невелик даже между смежными районами, во всяком случае имеются очень незначительные его свидетельства. По-видимому, культурные влияния, стимулируемые сходными историко-экономическими условиями существования, были связующим моментом, объединяющим Хакасско-Минусинскую котловину с областями юго-востока в крупную общность, в свою очередь подразделяемую на «культурные очаги» и периферийные «провинции» [16]. Как Забайкалье и территория МНР были культурными провинциями Ордоса — Внутренней Монголии, так район Красноярска был культурной провинцией Хакасско-Минусинской котловины.

С запада к ней примыкала другая подобная общность, круг андроновских и срубных племен, имевший собственные своеобразные бронзовые изделия и, в частности, установившиеся формы кинжалов и кинжаловножей [17]. У наиболее развитых форм своеобразие заключается в способе соединения клинка с оригинальной рукоятью: клинок как бы вставлялся в охватывающую его гарду, составляемую с рукояткой единое целое. Такой способ долго бытовал и в Европе в кинжалах более ранних западных культур. Возможно он имеет древнейшее переднеазиатское происхождение. Большой интерес представляет поэтому нахождение на Среднем Енисее кинжалов близкого типа: с «плечиками», охватывающими клинок, и небольшими закраинами на рукояти. Кинжалы «с плечиками» найдены в южной части Минусинского края (рис. 2, *1*, *2*); к этому же типу относится и кинжал из Канска, также обязанный, по-видимому, своим происхождением югу [18]. Относясь без сомнения к карасукской эпохе, о чем свидетельствуют детали их формы, кинжалы «с плечиками» развивают несколько иную культурную традицию, чем выемчатоэфесовые кинжалы. Их аналогии уводят на запад, к кобанским, талышским, а также иранским бронзам (некрополь тепе Сиалк-Б) [19]. Подобный же способ соединения клинка и рукоятки находим в кинжалах Сосновой Мазы и Среднего Урала: выпуклая борозда гарды как бы охватывает клинок [20]. Большой интерес представляют также аналогии с доскифскими кинжалами Поднепровья [21], также иллюстрирующими древние переднеазиатские переживания в своей форме. Таким образом, минусинские кинжалы «с плечиками» отражают влияние на местную металлургию западных областей, поскольку, благодаря деталям формы, их не приходится считать привозными изделиями. Сейчас мы не в состоянии судить, какими конкретными путями эта форма, связанная в своей основе с переднеазиатскими цивилизациями, проникла в Южную Сибирь. Однако возраст таких кинжалов не следует особенно удревнять по сравнению с выемчатоэфесовыми кинжалами, поскольку обе формы, по-видимому, бытовали и в начале I тысячелетия до н. э.

---

[16] «Минусинский очаг бронзовой культуры» — термин, впервые предложенный Б. Э. Петри в 1926 г.; Б. Петри. Древности озера Косогол. Иркутск, 1926.

[17] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955; В. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960.

[18] Минусинский музей, инв. №№ 962, 964; В. В. Радлов. Ук. соч., табл. XI, *9*.

[19] А. А. Иессен. Из истории древней металлургии Кавказа. ИГАИМК, 120, 1935; М. Н. Погребова. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане. Тр. ГИМ, 37, М., 1960.

[20] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916.

[21] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 135, рис. 90, *1*.

Развитие карасукской культуры Хакасско-Минусинской котловины представляло сложный процесс взаимодействия различных культурно-племенных компонентов. Карасукские могильники Карасук I, Кюргеннер, Малые Копёны состоят из крупных групп погребений, отличающихся погребальным обрядом, керамикой и бронзовым инвентарем. Так, изогнутые ножи, типологически близкие выемчатоэфесовым кинжалам, находят в могильных комплексах, керамикой и обрядом очевидно соприкасающихся с андроновскими (Сухое озеро II, Каменка II), а также в соответствующих группах могил из перечисленных выше классических карасукских могильников. Однако вопрос об андроновском происхождении выемчатоэфесовых кинжалов, излишне прямолинейно поставленный К. Йеттмаром [22], требует дальнейшего рассмотрения. Если андроновско-карасукская керамическая традиция, а также аналогии в погребальном обряде очевидны, что позволяет даже выделять соответствующие карасукские могильные комплексы типа усть-ербинских, то традиция в металлургическом деле не представляется столь же последовательной. Своеобразие карасукских бронзовых изделий, в частности, ножей, позволило в свое время С. В. Киселеву, сопоставившему их с образцами юго-восточных областей, развить теорию восточного происхождения карасукской культуры [23]. Теперь, однако, мы знаем, что только изогнутые ножи, а вместе с ними и выемчатоэфесовые кинжалы находят ордосские аналогии, что не может служить решающим мотивом в вопросе происхождения всей культуры в целом, поскольку прочие ее признаки противоречат этому. Даже для той части карасукской керамики, которая явственно не связывается с андроновской, нельзя предполагать дальневосточное происхождение: сферические и округлых форм неорнаментированные сосуды, находимые в комплексах с изогнутыми ножами с кольцевым расширением и аргиллитовыми бусами и представляющие собой наиболее бедные группы погребений карасукских могильников Карасук I, а также многих могильников из раскопок С. В. Киселева [24], также требуют объяснения своего генезиса. Известно и кратко проанализировано следующее обстоятельство развития карасукской культуры: существование ряда могильников — Бейская шахта, «у Енисейского моста» и других, расположенных в бассейне р. Абакан, чей обряд, керамика, ножи коленчатых форм свидетельствуют о переживании еще более древней, чем андроновская, культурной традиции, а присутствие наряду с оригинальной яйцевидной посудой сосудов классической карасукской формы, украшенных геометрическим узором, подтверждает их синхронность усть-ербинским комплексам — основному ядру классической ветви карасукской культуры. По-видимому, более поздними, хотя и относящимися также к бейской линии развития культуры этого времени, являются могильники Фёдоров улус и Лугавский, принцип орнаментации сосудов которых в виде насечек по венчику напоминает каменноложские сосуды из могильников Карасук VI, VIII, имеющих очевидные предбайновские черты в погребальном обряде. Правомочно ли будет, таким образом, приписать кинжалы «с плечиками» бейской линии развития карасукской культуры, сопоставив их построение с принципом «вкладышевой формы», положенной в основу коленчатого ножа? Нам представляется это вероятным и даже очевидным, хотя еще слишком незначительно разработан вопрос западных связей в карасукскую эпоху. Остается признать, что в настоящее время с гораздо большей долей вероятности можно определить характер формы карасукских кинжалов, чье навершие, орнамент, неразвитая форма перекрестия выполнены по принципу построения изогнутого ножа, а также характер их аналогий, но вопрос происхождения этого вида оружия связан с вопросами происхождения карасукских бронз, сложный путь развития которых соот-

[22] K. Vettmar. The Karasuk Culture and its South — Eastern Antiquities. BMFEA, 22, 1950, табл. 6.

[23] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949.

[24] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник ГМИМ, 6, 2, Минусинск, 1929.

ветствует перипетиям развития далеко не однородной культуры эпохи развитой бронзы на Среднем Енисее.

Надо заметить далее, что развитие послекарасукских типов кинжалов протекало по линии развития перекрестия в самостоятельную деталь, деформации прорезного желоба в декоративный придаток. Навершия по-прежнему повторяли навершия ножей [25]. В то же время развитие минусинских кинжалов все более сближалось с развитием форм кинжалов Причерноморья, яркие аналогии которым, в особенности в «зверином» орнаменте и объемных деталях в виде фигур животных либо частей их тел, имеем уже в первые века развития тагарской культуры Южной Сибири.

[25] Минусинский музей, инв. № 459, 936; F. Martin. Ук. соч., табл. 23, *10* и др.; В. В. Радлов. Ук. соч., табл. VII, *1*, *13*, IX, *8*, XI, *1*.

К. С. ГОРБУНОВА

КИЛИК С КОМАСТАМИ ИЗ РАСКОПОК НА БЕРЕЗАНИ В 1966 г.

Аттическая чернофигурная керамика первой половины VI в. до н. э. не часто встречается на острове Березань. Тем больший интерес приобретают обломки килика с комастами, найденные на северном участке острова в 1966 г.[1] (комасты — участники праздников дионисийского круга в античной Греции).

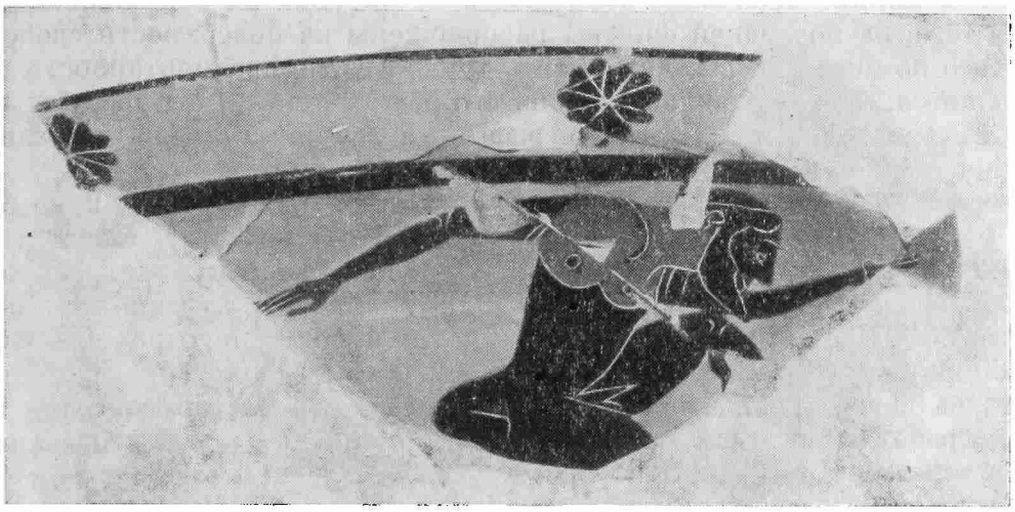


Рис. Чаша с комастами с острова Березань

Глубокая полусферическая чаша со слегка отогнутым венчиком и невысокой широкой подставкой внутри сплошь покрыта черным, местами красноватым лаком. На внешней стороне по венчику довольно широко размещены простые, небрежно исполненные розетки в виде пятен лака с неровными краями, разделенные на отдельные лепестки гравированными перекрещивающимися в центре линиями. Венчик снизу и сверху ограничен узкими полосками черного лака. На округлой поверхности чаши помещены пляшущие комасты. На большом фрагменте — изображенный в профиль комаст, широко расставив руки, приплясывает на месте, высоко подняв левую, согнутую в колене ногу (рисунок). Колено его касается верхней части руки. На втором, меньшем фрагменте — такой же бородатый комаст,

[1] Найден в сероглинистом грунте к западу от кладки № 7. Склеен из мелких кусков. Длина обломка с комастом — 11,8 *см*.

повернутый влево. Перед кистью руки видна ступня ноги скачущего ему навстречу комаста. На третьем фрагменте сохранились лишь части ног (пальцы, часть голени) комаста и обрамленные тремя узкими полосками лака лучи, идущие ко дну чаши. Наконец, четвертый фрагмент — расширяющаяся, довольно плоская конусовидная подставка, покрытая снаружи лаком, а с внутренней стороны украшенная по фону глины узким пояском лака. В центре подставки — конусовидный рельефный выступ с маленьким кружком лака. Нижняя часть чаши снаружи покрыта также лаком, граница лака оттенена пурпуром; от нее отходят суживающиеся к изображению лучи.

Рисунок очень беглый, нанесен кистью, детали прорисованы резцом: пальцы рук и ног, глаза, уши, границы шапки волос и бороды, суставы и мускулы. Грудь и шея покрыты поверх лака пурпуром, граница груди, соски, ключицы процарапаны резцом по пурпуру.

Чаша может быть отнесена к группе ваз с комастами [2]. Они в целом датируются первой [3], иногда второй четвертью VI в. до н. э. [4]

В группе чаш с комастами все мастера безымянны, но они обладают очень яркой индивидуальностью, особенно так называемый мастер КХ, самый ранний и наиболее талантливый мастер из группы [5]. Самому мастеру Бизли приписал 37 ваз, из коих лишь 3 фрагмента принадлежат киликам. Здесь и лекаиды, и кофоны на треножниках, и фрагменты больших ваз, и скифосы, и канфары. К манере мастера КХ Бизли приписал великолепную чашу из Нью-Йорка [6]. Пропорции фигур, применение пурпура, трактовка деталей резцом, оформление нижней части чаши и ножки во многом напоминают рисунок на нашем килике. Однако характер профиля комастов, их прическа, а также композиционное решение рисунка на нью-йоркском килике несколько отличаются от рисунка на березанской чаше. Более того, на последней фигуры расположены на поверхности свободнее, и, хотя о композиции в целом судить трудно из-за фрагментарности килика, кажется, что на каждой стороне его было лишь по две фигуры комастов. Есть отличие и в трактовке розеток и венчика: они на березанском фрагменте исполнены небрежнее и расположены шире.

Черты, отличающие березанскую чашу от нью-йоркской, можно встретить на чашах, которые Бизли относит к третьей группе, иначе говоря к манере мастера КХ, которому дается, однако, и название: Мастер копенгагенской чаши 103 [7]. В эту группу включены только два килика: из Сиракуз [8] и из Копенгагена [9]. Свободное размещение фигур на поверхности и пропорции фигур, рисунок рук, изображение профиля лица в сочетании с деталями, родственными всей группе как самого мастера КХ, так и мастеров, работавших в его манере, роднят березанский килик с названными двумя чашами.

Таким образом, найденный в 1966 г. на Березани килик может быть, на наш взгляд, включен в группу, исполненную мастером копенгагенской чаши 103 в качестве третьего его произведения. Если нью-йоркский килик датируется первой четвертью VI в. до н. э., то березанский килик, отличающийся от него по форме (более широкая и низкая ножка) и по свободной компановке рисунка в целом, хотя и очень близкий ему стилистически,

---

[2] J. D. Beazley. The Development of Attic Black — Figure. Cambridge — London, 1951, стр. 19 сл.; его же. Attic Black — Figure Vase — Painters. Oxford, 1956, стр. 23 сл.

[3] J. D. Beazley. The Troilos Cup. Metropolitan Museum Studies. V, стр. 93; G. M. A. Richter. Текст к CVA, USA. The Metr. Mus. of Art. 2, стр. 1.

[4] A. Greifenhagen. Eine attische schwarzfigürige Vasengattung und die Darstellung des Komos im VI. Jahrhundert, Königsberg, 1923.

[5] J. D. Beazley. ABV, стр. 23—28.

[6] CVA, USA. The Metropolitan Museum of Art, 2, табл. 1 и 36, *1*.

[7] J. D. Beazley. ABV, стр. 28.

[8] Сиракузы 26397. Monumenti antichi publ. per cura della reale Accademia dei Lincei, XIX, 1908, стр. 95, рис. 4.

[9] CVA, Danemark, Copenhague, Musee National, 3, табл. 113, *1*.

может быть датирован немного более поздним временем и отнесен ко второй четверти VI в. до н. э.

Второй четвертью VI в. до н. э. датированы и чаши из Копенгагена и Сиракуз [10]. Они представляют логическое развитие формы и рисунка в пределах одной стилистической группы, во главе которой стоит килик из Нью-Йорка.

Березанский килик — не только очень интересный образец ранней аттической керамики, но и один из наиболее ранних образцов аттической керамики, найденных на острове Березань, ибо аттическая керамика начала второй четверти VI в. до н. э. представлена в наших собраниях единичными экземплярами, а чаша с комастами образец уникальный.

[10] A. Greifenhagen. Ук. соч., стр. 32, хотя эта датировка 550 гг. до н. э. слишком поздняя; вероятно, чаши (все три) могут быть датированы не позднее 570 г. до н. э.

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

ФРАГМЕНТ КРАСНОФИГУРНОЙ ЧАШИ ИЗ НИМФЕЯ

Осенью 1962 г. в Нимфее были найдены два фрагмента краснофигурной чаши. Несомненна близость изображения фигур силена и менады к стилю Сотада — мастера, представленного в Эрмитаже фигурным сосудом в виде головы барана, несколькими фрагментами «ритонов» и массивной

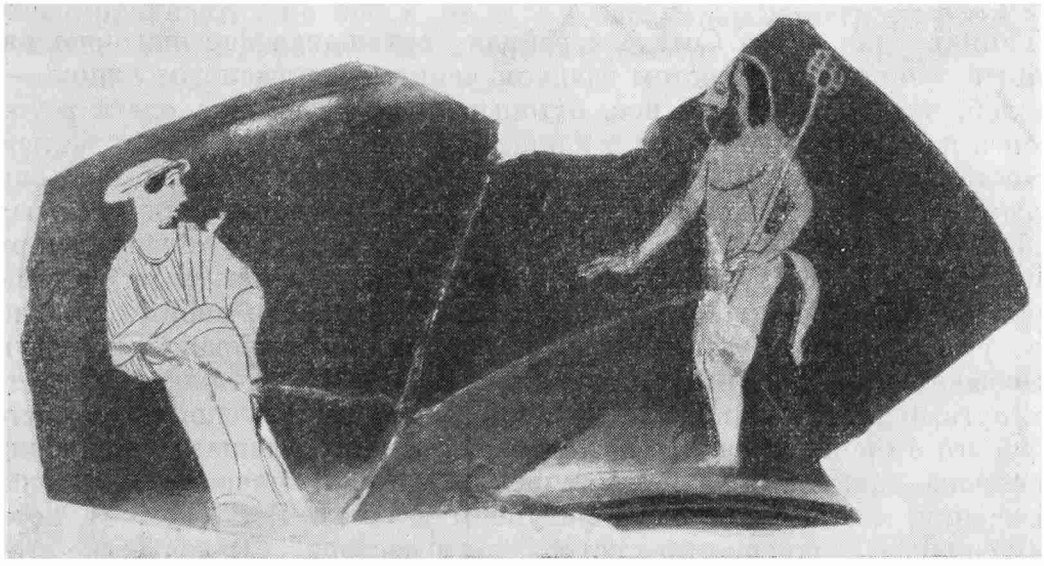


Рис. Фрагмент чаши из Нимфея .

чашей на низкой подставке из бывшего собрания А. В. Новикова с изображением менад и силенов [1]. Это предварительное определение, сделанное в полевых условиях В. М. Скудновой, полностью подтверждается.

Фрагменты (рисунок) принадлежат тонкостенной (не массивной) чаше на низкой, вероятно, слегка профилированной подставке, с выделенным с внутренней стороны широким краем у венчика [2]. Дно и ручки не были найдены, но на обломке с изображением силена с внутренней стороны в нижней части у донышка заметны следы окружности, исполненной двойной резной линией. Следовательно, можно предположить, что донышко чаши

[1] О работах Сотада в Эрмитаже см. Anna Peredolski. Sotades. AM, 53, 1928, стр. 90 сл.

[2] Инв. Нф. 62. 43. Наибольшая высота: 5,8 *см*, длина 11,4 *см*.

было украшено резным орнаментом, как и на упомянутой массивной по форме чаше, отличающейся тяжелыми пропорциями.

Небольшую группу подобных краснофигурных чаш с резным орнаментом выделила в 1939 г. A. D. Ure [3] и поставила их в связь с чернолаковыми чашами, найденными в 1933 г. на Афинской Агоре [4].

Открытие святилищ в Нимфее (1939—1941, 1946 и последующие годы) сопровождалось находками чернолаковых чаш [5]. Богатство, разнообразие и высокое качество исполнения резных орнаментов их поразительно и заслуживает специального исследования. Следует отметить, что по сравнению с первоклассными образцами чернолаковой аттической керамики обломки краснофигурных ваз в Нимфее, в противоположность Пантикапею, представлены крайне скудно.

Тем большее значение и интерес приобретают публикуемые в настоящей заметке фрагменты, которые с полным основанием можно приписать такому выдающемуся афинскому мастеру, каким был Сотад. Имя его, как владельца мастерской, сохранилось на ряде своеобразных сосудов крайне оригинальный формы [6].

Сотад прославился своими миниатюрными чашами с тонкими рисунками по белой облицовке, фигурными вазами вроде мальчика-негра, пожираемого крокодилом, или карикатурного карлика-пигмея, с трудом волочащего за спиной убитого журавля, сосудами в виде астрагала или сфинкса. Широко известны его вазы в форме голов различных животных — барана, кабана, собаки и даже в виде фантастических сочетаний головы барана и мула, кабана и барана. Насыщенные юмором рисунки на этих вазах настолько гармонично сливаются с причудливыми формами сосудов, что невольно возникает мысль, что Сотад-гончар и Сотад-рисовальщик были одним лицом.

Типична для стиля Сотада стройная, сухощавая фигура неподвижно стоящей женщины в простом гладком чепце, с некрасивым лицом — низкий лоб, чуть вздернутый нос, оттопыренные губы. Она одета в тонкий хитон и наполовину закутана в плащ, облегающий тело. Такие застывшие на месте фигуры часто встречаются в рисунках Сотада, но обычно они сочетаются со стремительно бегущими фигурами, раскинувшими в разные стороны руки. Характерны в этом отношении сценки с силенами и менадами. Но в данном случае Сотад представил не обычную сценку преследования или игры между силеном и менадой, а какой-то иной сюжет, по-видимому, связанный с сатирической драмой. Силен изображен не бегущим, как обычно, а внезапно остановившимся, то ли от неожиданности, то ли от испуга, перед женщиной, а может быть и богиней, спокойно повернувшей в его сторону голову. Любопытный мотив застывшего в неподвижности силена, даже привставшего от изумления на цыпочки при виде любовной сценки, можно увидеть на фигурном ритоне в Вене № 4401, который был исполнен в манере этого остроумного мастера [7]. Прообраз же его был создан много раньше другим выдающимся мастером миниатюрного рисунка. Это был Псиакс, запечатлевший около 520 г. до н.э. близкий мотив на эрмитажном алабастре с белой облицовкой [8]. На фрагменте из Нимфея из-

---

[3] A. D. Ure. Red-Figure Cups with Incised and Stamped Decoration I. JHS, 56, 1939, стр. 205 сл.

[4] L. Talcott. Attic Black-Clazed Stamped Ware and other Pottery from a Fifth Century Well. «Hesperia», IV, Athens, 1935, стр. 473. сл.

[5] М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI—III веков до н. э. Ленинград, 1963, стр. 50.

[6] Список произведений Сотада см.: J. D. Beazley. Attic Red-Figure Vase — Painters. Oxford. 1963, стр. 769—773.

[7] CVA Osterreich, 2, табл. 100, *3—6*; J. D. Beazley. ARV², стр. 767, 14.

[8] О. Вальдгауер. Краткое описание собрания античных расписных ваз. СПб. 1914, табл. 2; К. С. Горбунова и А. А. Передольская. Мастера греческих расписных ваз. Ленинград, 1961, рис. 8, стр. 18; J. D. Beazley. Attic Black — Figure Vase — Painters. Oxford, 1956, стр. 293, 12.

менен мастером и привычный для него внешний облик силена; вместо курносого, толстогубого, подвижного демона природы с хитрым выражением на удивленном лице, которое так удачно передается им с помощью почти круглых глаз и высоко поднятых бровей, перед нами некрасивый, будничный тип простолюдина. На звериную сущность этого образа указывают лишь острые уши да длинный лошадиный хвост.

Эти особенности в стиле необычайно тонко исполненного рисунка убеждают меня в том, что чаша из Нимфея была подлинным произведением вазописца Сотада, женские и мужские образы в рисунках которого всегда носили народный характер, даже в мифологических сценках. Таковы — Фетида на фрагменте из Керчи (в Эрмитаже), менады на подписном канфаре из Голухова (в Варшаве), воздушные нимфы облаков и Гефест на Лондонском астрагале, герой Гиппомедон, смело наступающий на змею, пытающуюся ужалить ребенка, или Гесперида, собирающая в подол платья яблоки, на замечательных белых чашах Британского музея. Все они полны очарования, хотя и наделены художником некрасивыми, слегка даже вульгарными чертами лица.

Находка в Нимфее фрагментов, расписанных Сотадом, интересна для нас еще и тем, что она увеличивает число работ этого замечательного вазописца, найденных в Северном Причерноморье. До сих пор был известен только фрагмент с изображением Фетиды, найденный на горе Митридат в Керчи — самое раннее произведение Сотада около 480 г. до н. э., да упомянутая выше чаша (460 г. до н. э.) из собрания А. В. Новикова, бывшего владельца имения в Эльтигене (древний Нимфей). Недавно на горе Митридат были найдены фрагменты еще двух фигурных сосудов, из них один в виде головы барана с великолепным изображением пигмея [9]. Они датируются приблизительно 460 г. до н. э. — временем наивысшего расцвета творчества Сотада. Фрагменты из Нимфея относятся, по-видимому, к более позднему периоду — 455—450 гг. до н. э.

[9] Н. М. Лосева. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945—1958 гг. МИА, 103, 1963, стр. 173, рис. 3, *3*, *4*. Фрагменты хранятся в Музее Изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва).

Ф. М. ШТИТЕЛЬМАН

ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ КИЕВСКОГО МУЗЕЯ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА

В Киевском музее западного и восточного искусства хранится терракотовая протома-односторонка Деметры (или Персефоны), инв. № 168 АТК (высота 38 *см*). Изготовлена она в одной форме из оранжевой, хорошо отмученной глины, в которой четко прослеживаются блестки. Оборотная сторона заглажена. Поступила в музей в составе собрания Б. И. и В. И. Ханенко и была ими приобретена в Керчи (до 1907 г.) [1].

Богиня изображена фронтально, с опущенными вдоль тела руками (рис. 1). Тонкий пеплос, открытый у шеи, скреплен на обоих плечах и подпоясан на талии. Складки одежды ложатся легко и свободно, обрисовывая тело богини. На голове стефана. Волнистые волосы разделены прямым

[1] ДП, VI, Киев, 1907, стр. 19, табл. XIV, *852*. К сожалению, более точных данных об истории находки нет. Но и этот паспорт был утерян и до последнего времени протома числилась в группе греческих памятников без указания находки ее в Северном Причерноморье. В 1956 г. автор, выделив группу аттичных экспонатов музея, найденных в Северном Причерноморье, установил, что описываемая протома была приобретена в Керчи и, следовательно, найдена в Боспорском царстве. См. Ф. М. Штительман. Памятники античного искусства Киевского музея западного и восточного искусства, найденные в Северном Причерноморье. Рукопись. Научный архив КМЗВИ за 1956 г. Ед. хранения 165, оп. 2, д. № 23, стр. 4—6.

Рис. 1. Протома Деметры (после реставрации 1964 г.)

пробором, и два локона с каждой стороны лица спадают на плечи и грудь. Лицо овальное, довольно массивное с крупными чертами. Нос прямой, подбородок округлый, глазное яблоко дано плоско. Веки исполнены рельефно. Лицо богини имеет спокойное и ясное выражение. Поверхность протомы была покрыта белой обмазкой. Следы ее хорошо сохранились на стефане, на волосах, в верхней части лица, на шее и груди. По обмазке была нанесена полихромная роспись. С левой стороны — над лбом, в прядях волос, в углублениях по обмазке прослежена роспись пурпуром. На голове, на темени, небольшое круглое отверстие для подвешивания (рис. 2). Очевидно, протома украшала собой домашний алтарь. Она была разбита на пять

фрагментов и склеена. Утрачена часть волос справа над глазом. На стефане справа небольшой скол. Выкрошка кромки швов, трещины и утраты поверхности загипсованы и восстановлены мастикой. Протома трижды реставрировалась [2]. Она близка аттической скульптуре второй половины V в. до н. э. [3]. Прекрасное скульптурное исполнение и качество глины разрешают предположить, что она была изготовлена в Аттике по форме, повторяющей в глине акропольскую скульптуру, и в результате торговых отношений Греции с Северным Причерноморьем попала в Боспорское царство, где издавна существовал культ местного женского божества, который слился с греческой Деметрой, олицетворявшей богиню земледелия. И позже культ Деметры был также чрезвычайно распространен на территории Боспора [4].

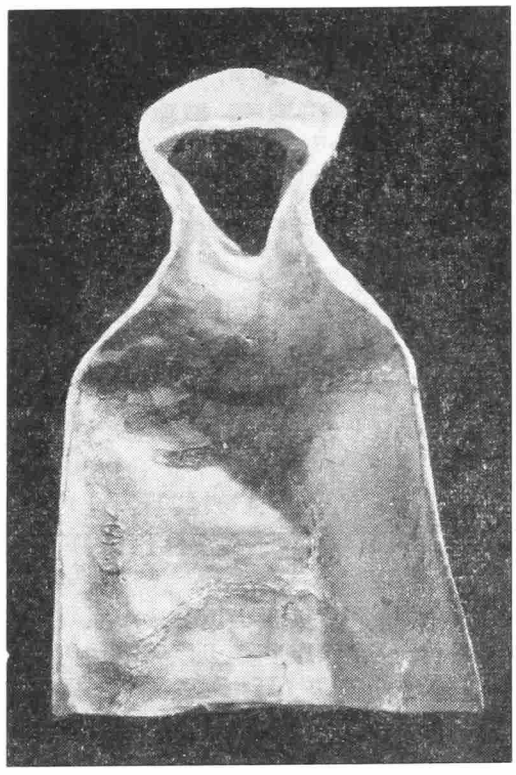


Рис. 2. Протома Деметры (вид сзади)

Хотя прямых аналогий описываемая протома не имеет, но в различных музеях Европы хранятся терракоты, частично и отдаленно напоминающие киевскую. Все они далеко не такого прекрасного строгого исполнения, значительно меньшего размера (10—15 *см*), и многие детали прически и одежды у них иные. К терракотам этой группы относится хранящаяся в Британском музее аттическая терракота конца V в. до н. э., упоминаемая А. Хигинсом [5], хранящаяся в Копенгагене (в Национальном музее) терракота высотой 14 *см*, датируемая примерно 425—400 гг. до н. э. [6]; терракота из Сиракуз высотой 11,5 *см*, изданная Винтером [7]. Протома из Неаполя (Национальный музей), найденная в

[2] Первый раз, очевидно, была произведена склейка сразу же после находки. Швы тогда были склеены яйцом. Почвенные наслоения на поверхности не были удалены. Второй раз, очевидно, после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., когда столярным клеем был вклеен отбитый большой фрагмент туловища и руки справа. Третий раз 10—13 июня 1964 г. старшим реставратором ВЦНИЛКРа (Москва) Г. С. Гурьевым. См. Архив учета и хранения Киевского музея западного и восточного искусства. Акты реставрации за 1964 г., ед. хр. 200, оп. 7, д. 11, стр. 23—25, 28, илл., стр. 29—32.

[3] К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, стр. 196, 205, рис. на стр. 199. Литературу об Эрехтейоне см. там же, стр. 341.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 225; М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 29—30, 60, 75—76, 85, 153; И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э., М., 1963, стр. 48 примеч. 51 с указанием литературы; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 138, 160, 174—176, 214, 225, 255, 286, 288, 376, 405—408; А. А. Передольская. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. СА, XXIV, 1955, стр. 54—73; ее же. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII, 1950, стр. 255—271; ее же. Художественно-историческое значение терракот из кургана Большая Близница. КСИИМК, 1957, 7; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 132; М. М. Худяк. Из истории Нимфея, Л., 1962, стр. 36 сл; В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 87, 195—197; И. Д. Марченко. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории. Тр. ГМИИ, М., 1962, стр. 121—133.

[5] R. A. Higgins. Cataloque of the Terracotas in the Department of Greek and Roman Antiquetes. Britisch Museum. London, I, 1954, стр. 186, табл. 91, *701*.

[6] Danisch. National Museum. Cataloque of terracotas Cupriat, Greek, Etrusco — Italien and Roman by Niels Breitestein. Copenhagen, 1941, стр. 51, табл. 57, рис. 457.

[7] F. Winter. Die antiken Terrakotten, I, Berlin und Stutgardt. 1903, стр. 252.

Канозе (высота 15 *см*), ближе к киевской по общей позе и трактовке лица [8], но значительно хуже ее.

Таким образом, киевская протома Деметры (или Персефоны) не имеет себе подобных в собраниях Советского Союза и за рубежом. Она в значительной мере расширяет наши сведения о полихромных терракотах классической эпохи, найденных в Боспорском царстве и Северном Причерноморье.

---

[8] Там же, стр. 253—254. Благодарю А. А. Передольскую и Л. Ф. Силантьеву за консультацию.

А. С. СКРИПКИН

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ САРМАТСКИХ КОТЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Предметом данной статьи является публикация трех сарматских котлов, находящихся в собрании Волгоградского областного краеведческого музея и представляющих собой случайные находки из различных районов области. Два из них поступили в музей в последнее время. Ввиду сравнительной малочисленности сарматских котлов на территории Нижнего Поволжья, эти находки представляют определенный интерес.

Рис. 1. Бронзовый котел из Нижнего Поволжья (место находки неизвестно)

Рис. 2. Бронзовый котел, найденный у хут. Киляковки

1. Бронзовый литой котел (рис. 1) полусферической формы на полой конусовидной ножке. Место находки и время поступления в музей неизвестны. Край котла слегка скошен внутрь. Обе ручки отломлены, по всей вероятности, еще в древности. Внутри оставшихся обломков имеются просверленные отверстия, следы ремонта. Ниже края котла на 7 *см*, по тулову, проходит валик, имитирующий веревочку. В месте соединения ручек, вниз к веревочке, проходят два валикообразных утолщения с обеих сторон. Общая высота котла 25 *см*, высота ножки 5,5 *см*. Котел слегка сплюснут. Больший диаметр устья 26 *см*, меньший — 20 *см*.

Тулово и ножка отлиты отдельно, затем ножка при помощи двух клепок была прикреплена к котлу. На ножке во время ее изготовления,

в той части, которой она крепится к котлу, отлиты два стержня. В свою очередь в донной части котла были сделаны два отверстия для стержней ножки. Концы стержней заклепывались с внутренней стороны.

2. Небольшой бронзовый литой котел (рис. 2) шаровидной формы на высокой полой ножке. Найден в Среднеахтубинском районе у хут. Киляковки в 1965 г., у обвала берега р. Ахтубы. Край котла скошен внутрь. Литье пористое, по тулову видны следы сглаживания. Котел имеет три ручки, расположенные вертикально на тулове: две — в виде стилизованных фигурок козлов,

Рис. 3. Деталь котла, найденного у хут. Киляковки. Ручка, изображающая лошадь с седлом

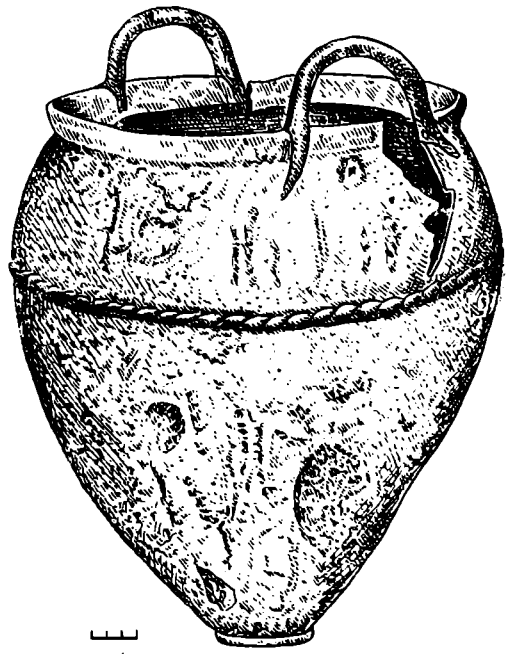


Рис. 4. Бронзовый котел, найденный у хут. Сидоры

которые как бы заглядывают в котел, третья изображает лошадь, на спине которой рельефно изображено седло с приподнятым передним и задним краем, имитирующим луки (рис. 3). Ручка эта испорчена: отсутствует голова и задняя часть лошади. Общая высота котла 25 *см*, высота ножки 12 *см*, диаметр по краю котла 12 *см*.

3. Литой бронзовый котел (рис. 4) с овальным туловом, сужающимся к узкому поддону. Найден во время полевых работ в Михайловском районе у хут. Сидоры в 1965 г. Край скошен внутрь. Котел имеет две круглые в сечении ручки, приваренные к венчику. Ниже края котла на 11 *см* проходит рубчик в виде веревочки. Под ручками имеется по одному небольшому отверстию, одно из которых заделано клепкой. Высота котла 38 *см*, диаметр по краю 26 *см*, диаметр поддона 6,5 *см*.

Все три котла относятся к первым векам новой эры. Первый из них (рис. 1) идентичен котлу, происходящему из богатого сарматского погребения № 8 кург. № 55 Калиновского курганного могильника Волгоградской области [1], причем В. П. Шилов перечисляет несколько таких котлов из районов Нижнего Поволжья. К этому же типу Б. Н. Граков относит котел, найденный при раскопках П. С. Рыкова в 1926 г. в окрестностях с. Харьковки Палласовского района Саратовской области, и датирует его I в. н. э. [2]

Близких аналогий котлу, найденному у хут. Киляковки (рис. 2, 3), мы не знаем. По форме он несколько напоминает котел из кургана, раскопанного П. Берацом у с. Герцог бывшей Саратовской губернии в 1912—

---

[1] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, МИА, 60, 1959, рис. 57, *4*.
[2] Б. Н. Граков. Заметки по скифо-сарматской археологии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, рис. 2.

1913 гг. Котел этот приблизительно таких же размеров со сливом-носиком, ручки отсутствуют. Погребение оказалось разрушенным, однако там же была найдена бронзовая патера, относящаяся к концу I — началу II в.[3] Значительно ближе к киляковскому, особенно в трактовке ручек, котел, найденный в сарматском кургане № 13 у хут. Верхне-Янченкова Богаевского района Ростовской области[4]. Этот котел небольших размеров со сливом-носиком и двумя ручками в виде стилизованных фигурок козлов, имеющих большое сходство с ручками киляковского котла. Разница лишь в том, что ручки, изображающие козлов у котла из хут. Верхне-Янченкова, прикреплены не к тулову котла, а к его венчику. С. И. Капошина датирует сооружение этого кургана концом I в. до н. э. — I в. н. э. Во многом сходна трактовка ручек-козлов киляковского котла с фигурками козлов на кольцевидном навершии из сарматского погребения I. н. э. с. Никольского Енотаевского района Астраханской области[5].

Среди аналогий киляковскому котлу необходимо отметить котел, найденный у с. Трояны бывшей Подольской губернии Балтского уезда[6], и котел из раскопок Н. И. Веселовского у станицы Казанской Кубанской области[7]. Оба котла небольших размеров, на ножках. Первый имеет две ручки в виде стилизованных фигурок лошадей, прикрепленных вертикально к верхней части тулова котла. У котла из станицы Казанской ручки также прикреплены вертикально к тулову и венчику и изображают сильно стилизованных животных. Оба котла по комплексам датируются I в. н. э. Исходя из приведенных аналогий, вероятная дата котла, найденного у хут. Киляковки,— I в. н. э.

Дата котла, найденного в Михайловском районе у хут. Сидоры (рис. 4), не вызывает сомнения. Подобный тип котлов получил широкое распространение в позднесарматское время. Аналогичный котел происходит из кургана F16 у с. Усатово Саратовской области, раскопанного П. Д. Рау[8]. Он найден в комплексе с арбалетовидной и лучковой бронзовыми фибулами, известными в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья II—III вв.[9] Подборку ряда котлов аналогичного типа сделал в своей работе Е. М. Максимов[10].

Бо́льшая часть известных сарматских котлов представляет собой случайные находки. Находки их в комплексах редки. Обычно они встречаются в богатых погребениях, что говорит о значительной их ценности. Это, видимо, связано со сложной технологией изготовления котлов; поэтому они носят следы длительного употребления.

Котел, найденный у хут. Сидоры в Михайловском районе, использовался, видимо, для приготовления пищи, что, на наш взгляд, нельзя сказать о котле, найденном у хут. Киляковки в Среднеахтубинском районе. Он маленьких размеров, вместимость его невелика, а высокая ножка внешне придает ему скорее форму кубка. Расположение ручек вертикально на тулове напоминает во многом зооморфные ручки сарматской керамики. Ряд авторов, определяя значение изображений животных в сарматском искусстве, подчеркивает их культовый характер[11].

---

[3] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 11.

[4] С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, рис. 17.

[5] В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. Сб. «Археологические открытия 1965 года.». М., 1966, стр. 88.

[6] ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, стр. 201.

[7] ОАК за 1901 г. СПб, 1903, стр. 72—73, рис. 146.

[8] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 50—55, рис. 29.

[9] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 41, 51.

[10] Е. М. Максимов. Сарматские бронзовые котлы. СА, 1966, 1, стр. 51—60.

[11] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ГЭ, Тр. ОИПК, I, Л., 1941, стр. 173—218; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из

К. М. Скалон, рассматривая сарматскую керамику с зооморфными ручками, связывает наличие изображений животных на керамике с культом животного, способного оберегать содержимое сосуда [12]. Возможно, котел, происходящий из Киляковки, имел какое-то культовое назначение.

Интересна другая деталь этого котла: ручка, изображающая лошадь с седлом. Существует мнение, что жесткое седло в Евразии появилось не ранее VI в. и что ему, по-видимому, предшествовали различные мягкие приспособления [13]. Предложенная нами дата I в. включает киляковский котел в круг памятников среднесарматского времени, среди которых находки седел отсутствуют. Они неизвестны в более ранних и поздних памятниках сарматского времени. Седло, найденное в кург. № 9 в 1939 г. у с. Бородаевки Саратовской области, относится уже к V—VIII вв. [14]. Трудно судить о конструкции седла, воспроизведенного на киляковском котле, поскольку мы имеем дело с изображением. Однако сам факт изображения лошади с седлом говорит о том, что еще в I в. в состав конской упряжи сарматов входило седло, конструктивные особенности которого нам пока неизвестны.

Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 247—255; Л. Я. Маловицкая. Сарматский звериный стиль. Автореф. канд. дис., Л., 1967, стр. 7; М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства, СА, 1968, 4, стр. 45.

[12] М. А. Скалон. Ук. соч., стр. 216.

[13] С. И. Вайнштейн. Происхождение и развитие форм седла со стременами у народов Евразии. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966, стр. 44—47.

[14] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 130—131, табл. 9.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НАХОДКИ С ГОРОДИЩА ПРИСЛОН

Городище железного века на Верхней Волге у д. Прислон считается одним из важнейших источников для изучения этнической истории племен лесной зоны Восточной Европы [1]. Оно раскапывалось в 1903 г. Н. Е. Макаренко [2] и в 1927 г. Л. А. Евтюховой [3]. Раскопки велись траншеями — две из них заложил Н. Е. Макаренко и семь Л. А. Евтюхова. Нижние горизонты культурного слоя (мощность до 70 *см*) содержат находки раннего железного века, верхние — славянские древности домонгольского времени. Кроме того, в нижних горизонтах и на береговой осыпи собрано большое число каменных орудий времени поздней бронзы.

Городище ныне полностью разрушено. Собранные Н. Е. Макаренко и Л. А. Евтюховой коллекции хранились в Калининском областном и в Ленинском (Талдомском) краеведческом музеях и погибли во время Великой Отечественной войны. Поэтому представляет интерес неопубликованная коллекция, собранная на городище в 1888—1895 гг. и хранившаяся в свое время в Тверском музее [4]. Находки эти тоже не дошли до нас. Однако с планшетов, на которые они были нашиты, были сделаны фотографии, и негативы находятся в фотоархиве ЛОИА АН СССР [5]. Коллекция включает 59 предметов из кости, железа, бронзы и глины и 39 обломков сосудов.

[1] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961.

[2] Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. ИАК, 6, СПб., 1904.

[3] Л. А. Евтюхова. Городище у деревни Прислон. Тр. СА РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 213—219.

[4] В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, стр. 284, 285.

[5] Фотоархив ЛОИА АН СССР негативы III 8575, III 8576, III 8573, III 8571, III 8572, III 8577.

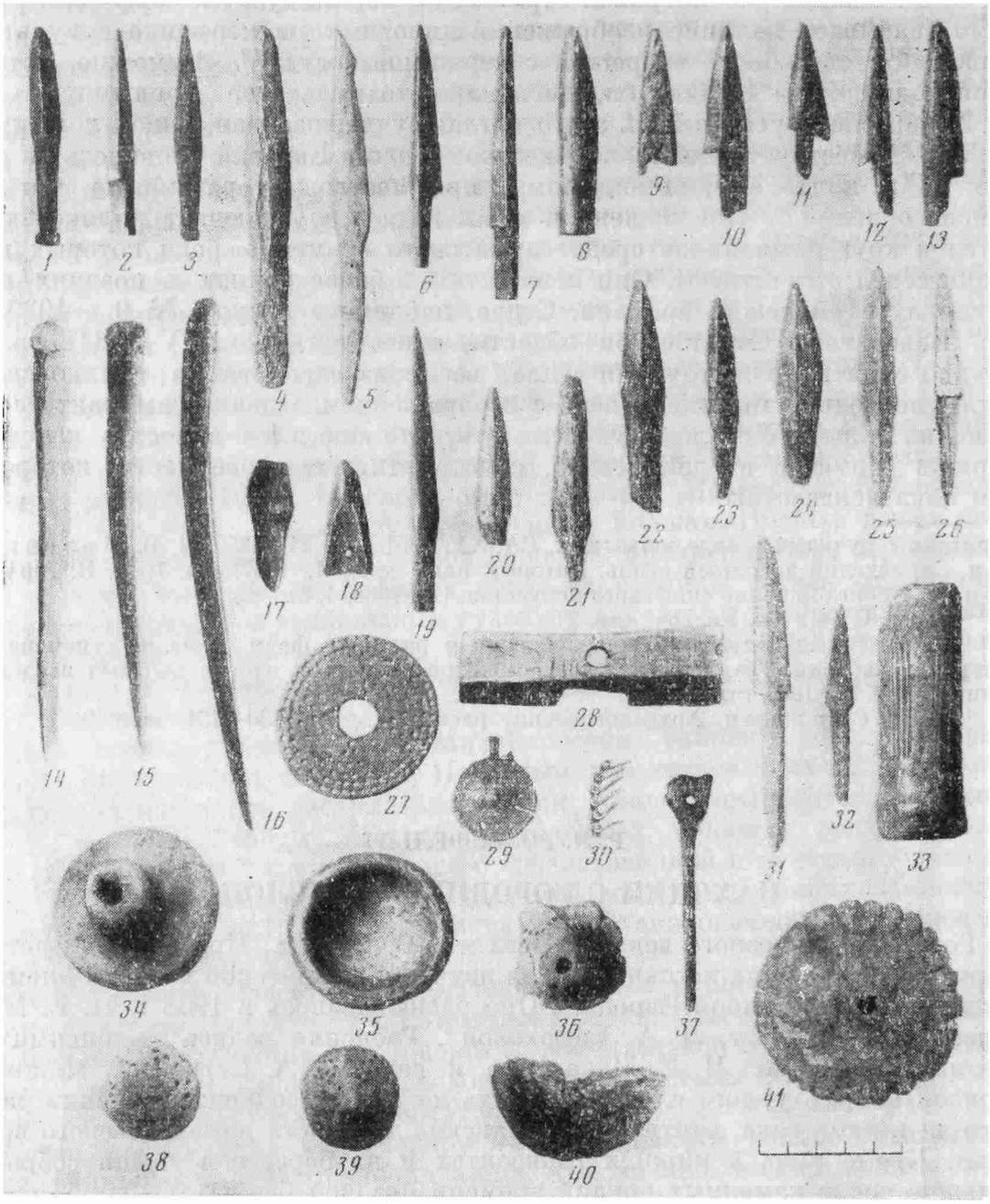


Рис. 1. Находки с городища Прислон

1—13, 17—26, 31—32 — наконечники стрел; *14—16, 37* — проколки; *27* — пряслице; *28* — роговая поделка; *29* — бронзовая серьга; *30* — бронзовое украшение; *33* — ручка ножа; *34, 36, 40, 41* — грузики дьякова типа; *35* — чашечка; *38, 39* — глиняные конусы

Основная масса находок относится к городищенскому времени. Среди изделий из кости больше всего наконечников стрел. Их 30 экземпляров и они разнообразны. Подавляющее большинство стрел относятся ко времени до начала нашей эры. Несомненно ранней является костяная стрела пулевидной формы, втульчатая (рис. 1, *8*). Аналогичной формы железные стрелы есть в первой группе «Частых курганов» под Воронежом, где они датируются IV в. до н. э. Такие же стрелы в скифском мире встречаются и в более ранних комплексах, начиная с VII—VI вв. до н. э., например, в кургане 406 в урочище Горячево и в Старшей могиле[6]. Таким образом, датировка стрел этого типа достаточно широка (VII—IV вв.

[6] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964, табл. 6, *0—6*, *А-6*, табл. 9, *р-2, 3*.

до н. э.). Ясно одно: их не изготовляли в первые века до нашей эры. Среди огромной коллекции костяных стрел с позднедьяковского Троицкого городища (I в. до н. э. — VI—VII вв. н. э.) нет ни одной пулевидной стрелы.

Весьма распространенными на городищах железного века лесной зоны были костяные одношипные черешковые асимметричные стрелы. Они сильно варьируют в размерах и деталях формы, и, по-видимому, употреблялись для стрельбы в рыбу. Это предположение основывается на сходстве наконечников стрел этого типа с головной частью костяных гарпунов с муфточками, постоянно находимых на многих городищах лесной зоны, преимущественно в слоях до начала нашей эры. Асимметричность пера стрел этого типа не позволяла использовать их для стрельбы на дальнее расстояние. Таких стрел в публикуемой нами коллекции пять. Представлены они двумя разновидностями — обычными одношипными стрелами (рис. 1, *9*, *10*, *12*, *13*) и одношипной стрелой с выступом на стороне, противоположной той, на которой расположен шип (рис. 1, *11*). Стрелы этого типа датируются с VI—V вв. до н. э. по первые века нашей эры (городища Щербинка, Успенское, Старшее Каширское, Лужки, Дуна, Калязинское, Наквасино, Тушемля, Мамоново, Мошкены, Петрашуны, Боровский курган, Подмоклово, Борисоглебское, Свинухово, Поддубники, Топорок, Пекуново и др.). На всех этих городищах есть слои времени до начала нашей эры, для которых эти стрелы и характерны.

Существует разновидность костяных наконечников стрел, у которых черешок кончается лопаточкой. Они неизвестны в слоях ранее первых веков до нашей эры. Один экземпляр подобного наконечника встречен на Троицком городище[7]. Очевидно, к началу нашей эры следует отнести три стрелы с лопаточками на черешках, но с пером другого типа, найденные на городище Прислон (рис. 1, *1—3*). Остальные наконечники публикуемой коллекции (рис. 1, *4—7*, *19—26*, *31—32*) бытуют в широком хронологическом диапазоне. Многие из них не закончены и судить об их форме трудно (рис. 1, *5*). Большинство наконечников имеет иволистное перо и миндалевидное сечение. Среди них следует отметить небольшую серию с уступом при переходе от пера к черешку (рис. 1, *6*, *7*, *26*, *31*, *32*). Своеобразен треугольный наконечник с широким основанием (рис. 1, *18*). В основании небольшое отверстие. Аналогичные встретились на Щербинском городище и на городище Круглица. У некоторых стрел этого типа в основании не одно, а два отверстия. Судя по характеру памятников, на которых они были найдены, их следует датировать не позже первой половины I тысячелетия до н. э.

В рассматриваемой коллекции есть три обломка костяных наконечников с массивным коротким миндалевидным в сечении пером, сильно расширенным и утолщенным к черешку, и сравнительно коротким черешком (рис. 1, *17*). Массивность этих наконечников делает маловероятным употребление их при стрельбе из обычного простого лука, который был распространен в железном веке в лесной зоне. Более вероятным кажется их употребление как наконечника стрелы самострела, установленного на звериной тропе. Подобные стрелы найдены на Щербинском, Кунцевском, Старшем Каширском, Борисоглебском городищах Подмосковья, на городище Кропотовском и Круглица. Они изготовлялись не из обычной кости, а из рога. Среди стрел Щербинского городища есть разновидность, у которых черешок кончается лопаточкой. Нахождение их в верхних горизонтах многослойных поселений, с одной стороны, и находки таких же стрел, но без лопаточки на черешке, в ранних слоях и на поселениях только с налластованиями раннего времени позволяет думать, что стрелы без лопаточек на черешке датируются VI—III вв. до н. э., а стрелы с лопаточкой на черешке II в. до н. э. — началом нашей эры.

---

[7] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, 1, рис. 6, *4*.

На городище Прислон встречено костяное долото. Находки предметов этого рода обычны в лесной зоне. Происходящее с городища Прислон долото имеет узкое лезвие, ширина которого равна 5 *мм*.

Значительный интерес представляет и публикуемая нами рукоять ножа. Она роговая, овальная в сечении (рис. 1, *33*). На рукояти орнамент из отрезков параллельных прямых линий, собранных в группы по 4—6 и расположенных вдоль ручки. Такой орнамент на ручках ножей хорошо известен в Подмосковье и отмечен преимущественно на роговых ручках грибовидной формы. Он известен на предметах с Дьякова городища, Старшего Каширского, Успенского и др. Сама ручка рассматривается нами как разновидность ручек с грибовидными навершиями. Их заготовки найдены на городище Прислон Л. А. Евтюховой. На одной из них такой же орнамент.

В публикуемой коллекции три крупных проколки (рис. 1, *14—16*), головками которых являются эпифазы, и 9 малых проколок или их обломков с отверстиями в уплощенной головке (рис. 1, *37*). Интересно роговое пряслице диаметром около 6 *см* с центральным отверстием в 1 *см* (рис. 1, *27*). На одной плоской его стороне орнамент. Это двойной точечный ободок по контуру предмета с четырьмя треугольниками внутри, каждый из которых составлен из 10 точек. Не представляется возможным определить назначение найденного на городище квадратного в сечении рогового брусочка со сквозным отверстием в середине и прямоугольным в сечении поперечным пазом (рис. 1, *28*).

Изделия из глины немногочислены. Это четыре грузика дьякова типа, два глиняных конуса и чашечка. Среди грузиков один обычной формы (рис. 1, *34*), но без насечки по краю. Предмет этот очень напоминает сарматские пряслица (III—II вв. до н. э.), но здесь, на севере, в лесной зоне он возможно относится к более позднему времени. Второй грузик дьякова типа уплощенный (рис. 1, *41*), очевидно, один из ранних по форме. Подобные ему распространены преимущественно на более западных — смоленских и двинских городищах[8]. Там они датируются первыми веками нашей эры. Третий и четвертый грузики — обычной для Подмосковья формы (рис. 1, *36*, *40*), на обоих точечный орнамент. Они также датируются первыми веками нашей эры. Глиняные конусы с городища невысокие (рис. 1, *38*, *39*), назначение их неизвестно. Они как и роговое пряслице, украшены орнаментом из треугольников, составленных из точек. Глиняный сосудик-мисочка (рис. 1, *35*), по-видимому, поздний. Подобные на ранних городищах железного века не встречались.

Изделий из бронзы в коллекции два — ажурное украшение, по-видимому, бракованая отливка (рис. 1, *30*) и умбоновидная серьга (рис. 1, *29*) с петлевидной незамкнутой, отогнутой в сторону дужкой. Конец дужки кончается зерненым треугольником. По краю щитка серьги идет ложнозерненый ободок и вдоль него — перевитой жгут. Умбоновидные серьги, находимые на городищах железного века в лесной зоне, разнообразны, и в настоящее время есть возможность не только определить область их распространения, но и дать их примерную типологию. Та, которая найдена на городище Прислон принадлежит к наиболее ранней разновидности украшений этого рода, которые несомненно были племенными. Нахождение на Троицком городище пары этих серег с петлями, повернутыми в разные стороны, говорит о том, что это были парные украшения и носились по две. Область распространения ранней разновидности сережек этого вида достаточно обширна. Они найдены на шести городищах долины р. Москвы, расположенных между г. Можайском и г. Бронницы, на двух городищах долины р. Пахры, на селище Заречье на р. Угре и, наконец, на городище Прислон. Всего таких украшений найдено более четырех десятков. Предметы эти для городищ железного века относительно поздние и могут

[8] П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 20, *4*, *11*, *13*, *15*.

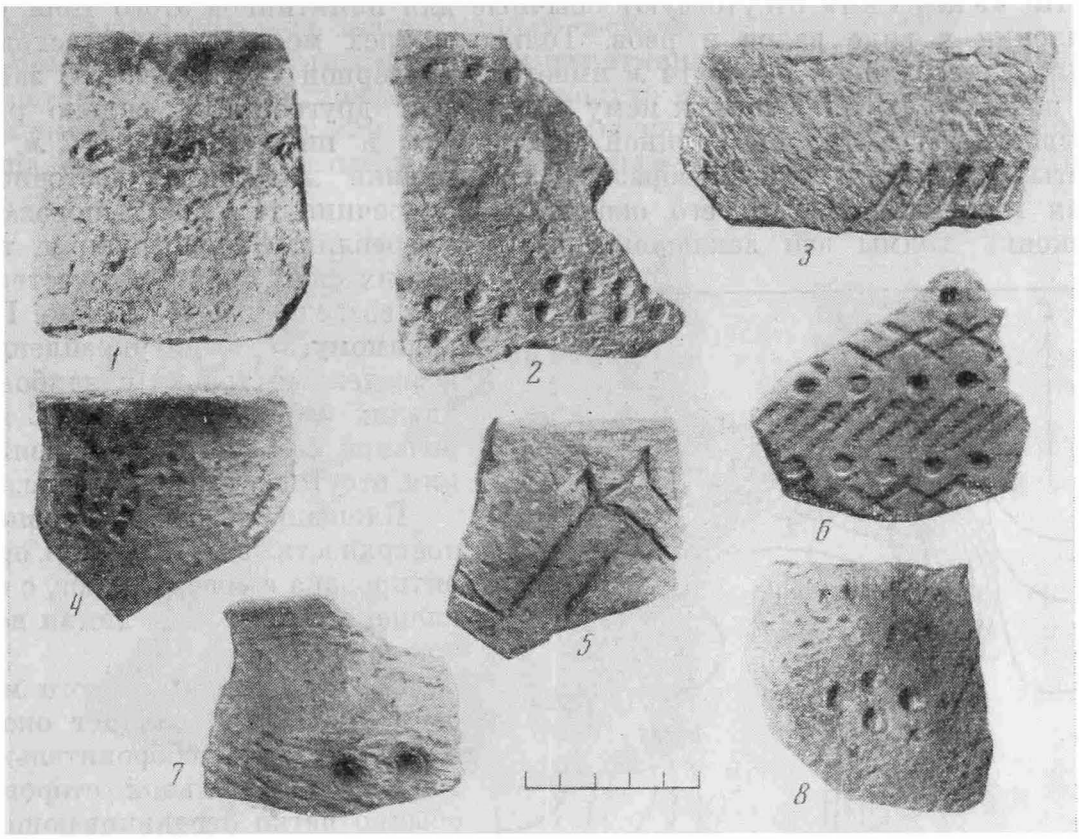


Рис. 2. Лепная керамика с городища Прислон

быть отнесены ко II—V вв. н. э. Это восточнобалтское племенное украшение.

Керамика с городища Прислон почти вся с сетчатой поверхностью. Орнамент — ямочный, гребенчатый, двудольный, ямочный-спиральный (рис. 2, *1—4*, *7*, *8*). Узоры из этих отпечатков собраны в линии, идущие по плечикам сосудов, или собраны в группы, расположенные на той же высоте. Представляет интерес обломок сосуда с орнаментом из прочерченных прямых линий, образующих двойный зигзаг с отвилками на изгибах узора (рис. 2, *5*). Такой же рисунок встретился недавно на обломке сосуда из Дьякова городища. Фрагмент сосуда с таким узором происходит из Минского городища. По недоразумению Е. И. Горюнова усмотрела в этом изображение головы коня [9].

На основании найденных на городище Прислон находок культурный слой этого памятника, относящийся к железному веку, должен быть датирован VI в. до н. э. — III—IV вв. н.э.

[9] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 141, рис. 64, *1*.

Н. В. ТРУБНИКОВА

ГОРОДИЩЕ «УКСЯ СЮТ» У ДЕРЕВНИ МАЛЫЕ ЯУШИ В ЧУВАШИИ

Городище Укся-Сют расположено на мысу, среди оврагов в 0,5 *км* к востоку от деревни Малые Яуши Шумерлинского р-на [1]. По своему внешнему виду и форме укреплений оно отличается от остальных городищ Чувашии.

[1] Как и в предыдущие годы, в 1962 г. работы велись совместно Чувашским научно-исследовательским институтом, Чувашским краеведческим музеем и Государст-

На «Укся Сют» отсутствуют обычные для памятников этого типа укрепления в виде валов и рвов. Только в трех местах видны всхолмления. Одно длиной около 14 *м* имеется в северной части мыса. С запада, почти сливаясь с ним, к нему примыкает другое очень сильно расплывшееся всхолмление длиной около 10 *м* и шириной около 2 *м*. И третье, округлое, курганообразное возвышение имеется у восточного края городища. Высота его около 1 *м*, поперечник 14 *м*. Как показали раскопки, холмы эти заключают внутри деревянные конструкции, так что их специальное искусственное возведение несомненно. По-видимому, это были укрепления, возведенные только в наиболее низких уязвимых точках. С напольной стороны мыса укрепления отсутствуют совсем (рис. 1).

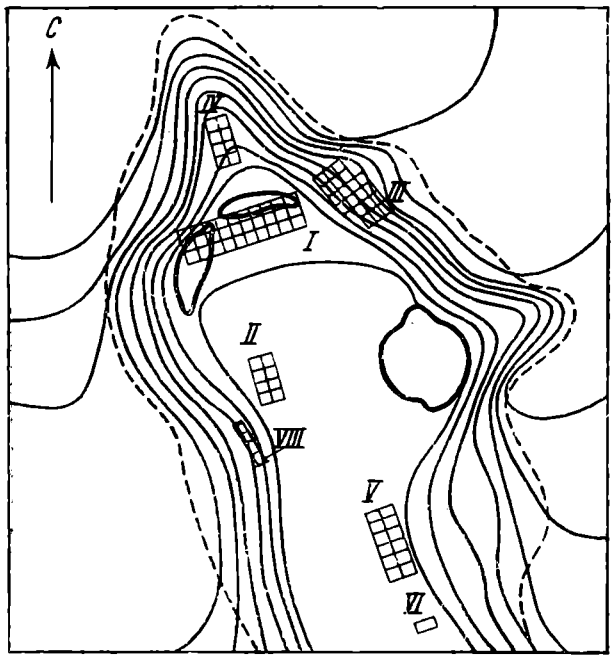


Рис. 1. План городища

Площадь городища ровная, поверхность задернованная, ориентирована с севера на юг, с отклонением на 25° по линии восток-запад.

Высота городищенского мыса в среднем составляет около 8 *м*. Отсутствие оборонительного вала с напольной стороны, обычно четко ограничивающего территорию городища, затрудняет точное определение размеров площади, занятой поселением. По наличию вещественного материала в раскопах и шурфах в среднем она равняется 150 × 30 *м*. Исходя из своеобразия планировки площади городища, закладывались и раскопы.

Всего на площадке городища и его склонах было заложено 8 раскопов, причем в каждом отдельном случае преследовалась цель выяснить назначение и конструкцию насыпей и сооружений, понять планировку поселка. В итоге раскопок оказалось возможным разделить историю этого памятника на несколько периодов.

Древнейший период — догородищенский, связывается еще с неукрепленным поселением. К нему относится большая часть вещественных находок, сделанных на городище, огромное количество керамики. Находки этого периода прослежены по всей площади городища и на его склонах. Они выявлены во всех раскопах и напластованиях от поверхности до материка. Из этого слоя, содержащего древнейшие для этого памятника находки, позднее были насыпаны земляные укрепления.

По характеру находок этот древнейший период связывается с Балановской культурой (рис. 2).

Имеется некоторое количество глиняной посуды, которую по типам орнаментации можно связывать с так называемым Ош-Пандинским периодом, но основная масса находок связывается с периодом «Хула Сюче», еще очень мало исследованным. Находки этого периода составляют осколки кремня, обломки разных глиняных предметов: пряслиц целых и обломков, «крышечек» и большого количества обломков очень разнообразной орнаментированной посуды. Имеются также обломки темно-серых и черных

венным Историческим музеем. В работах участвовали Г. А. Кравченко, Л. М. Костюхина, Д. Д. Гущин. От Чебоксар: А. С. Зерняева, А. Н. Львова; группа школьников 3-й Чебоксарской школы. Руководитель раскопок — Н. В. Трубникова.

лощеных сосудов, а также сосудов грубых с шероховатой поверхностью, имеется группа больших толстостенных сосудов.

Формы посуды известны по другим памятникам этого времени. Обычно это сосуды с невысокой прямой или несколько выступающей вперед шейкой и округлым туловом, или с довольно высоким цилиндрическим горлом. Днища уплощенно-округлые и плоские. Орнаментированы сосуды богато.

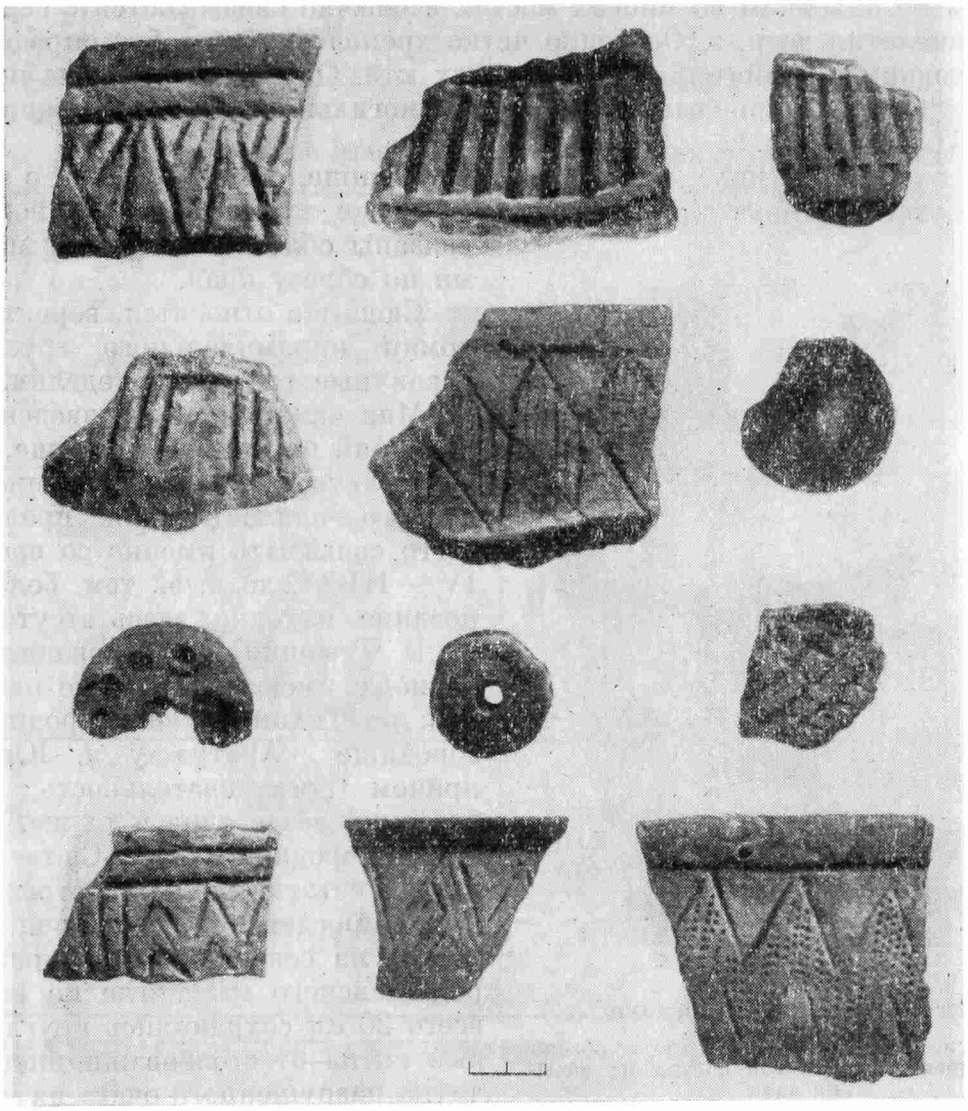


Рис. 2. Находки на городище. Обломки посуды, крышечки, пряслица

Реконструировать их форму и узоры можно по имеющимся целым образцам из раскопок в курганах этого же времени (у д. Мамалаево) [2] и у д. Медя-Касы-Янымово [3].

В догородищенских напластованиях различается группа посуды, отличной от находок периода Хула-Сюче. Это обломки сосудов с рогожным орнаментом (рис. 3, *2*), без узора. И те и другие отличаются от изделий Хула-Сюче более грубой техникой выработки — худшим качеством обжига, более грубой фактурой поверхности и даже цветом. Они не желтые, не красноватые, не оранжевые, как сосуды периода Хула-Сюче, а скорей серые или светло-коричневые. Их, в сравнении с находками первой группы, немного. Они найдены в раскопах I, III, VIII, преимущественно в

[2] Т. А. Кравченко. К вопросу о погребальных памятниках «Хула-Сюч». СА, 1964, 3, стр. 282.

[3] Н. В. Трубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛИЭ, XIX, Чебоксары, 1969, стр. 38—81.

верхнем штыке и лишь в отдельных случаях глубже 0,40—0,60 *м*. Их наличие в насыпи укреплений не дает возможности связывать строительство оборонительных сооружений с временем их бытования — временем первого появления племен носителей рогожной керамики. Мне кажется, создание укреплений следует связывать с несколько более поздним периодом городецкой культуры, который засвидетельствован находкой стеклянной бусины синего цвета с белыми глазками (рис. 3, *1*). Подобные бусы известны по находкам во многих местах и обычно связываются с серединой 1 тысячелетия до н. э. Особенно четко хронология этих бус определяется по находкам в сарматских могильниках юга. Они были найдены при раскопках К. Ф. Смирновым Пашковского могильника № 3, относящегося к IV—III вв. до н. э.[4].

Рогожная керамика, найденная на городище, обычного типа, с клетками среднего размера (рис. 3, *2*). С этим же напластованием возможно связаны обломки венчика с нарезками по обрезу края.

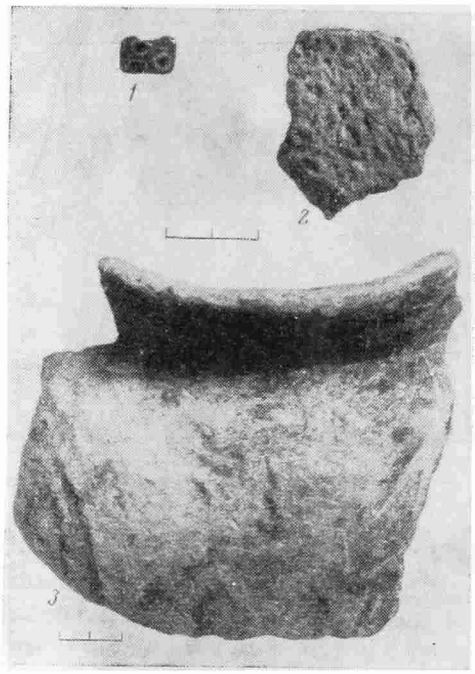


Рис. 3. Находки на городище

1 — бусина; *2* — обломок сосуда с рогожным узором; *3* — обломок сосуда из насыпи вала

Сюда же относятся, вероятно, обломки пирамидального грузила и различные глиняные поделки.

Мне кажется, что возведение укреплений на нашем городище, а следовательно, и время собственно городецкого напластования правильнее всего связывать именно со временем IV — III вв. до н. э., тем более, что поздние находки здесь отсутствуют.

В Чувашии напластования этого периода имеются на ряде памятников: на Тиханкинском городище, на городище «Арату» у д. Юванова, причем последовательность напластований везде одна и та же.

На городище «Укся-Сют» сохранились остатки жилых построек. Они были прослежены в раскопе IV, за валом, на северной оконечности городищенского мыса, где на глубине всего 20 *см* сохранились круглые серые пятна от столбов жилища и остатки разрушенного очага из камней с углями и золой и большим количеством обломков керамики. По-видимому, на этих участках, уже почти на склоне городища, находилось жилое строение. С юга жилище заканчивается небольшой канавкой глубиной около 20 *см*. Эта небольшая деталь, прослеженная раскопками, может оказаться очень интересной. Техника строительства с использованием канавок совпадает с периодом времени, засвидетельствованным описанной выше бусиной с глазками, и широко применялась у племен, расположенных к западу и юго-западу от границ городецкой культуры: у племен юхновских и скифских[5]. В Чувашии пока намечаются следы существования подобного строительного приема на исследуемом нами городище, а также, по-видимому, на городище «Пичке-Сорче». Во всяком случае, так можно истолковать вскрытую на последнем городище под валом более древнюю канаву, а также канаву, пересекающую городище в его центральной части.

[4] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 272—312.

[5] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, 86—128; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 179—199.

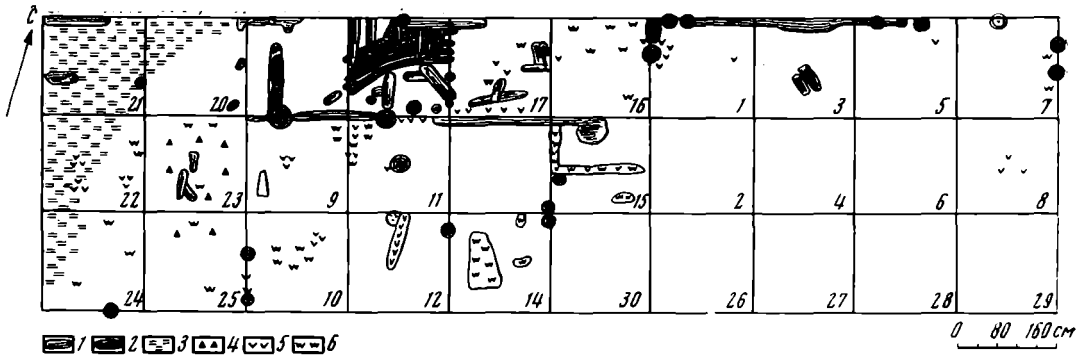


Рис. 4. Сводный план раскопа I (внутренняя конструкция вала)

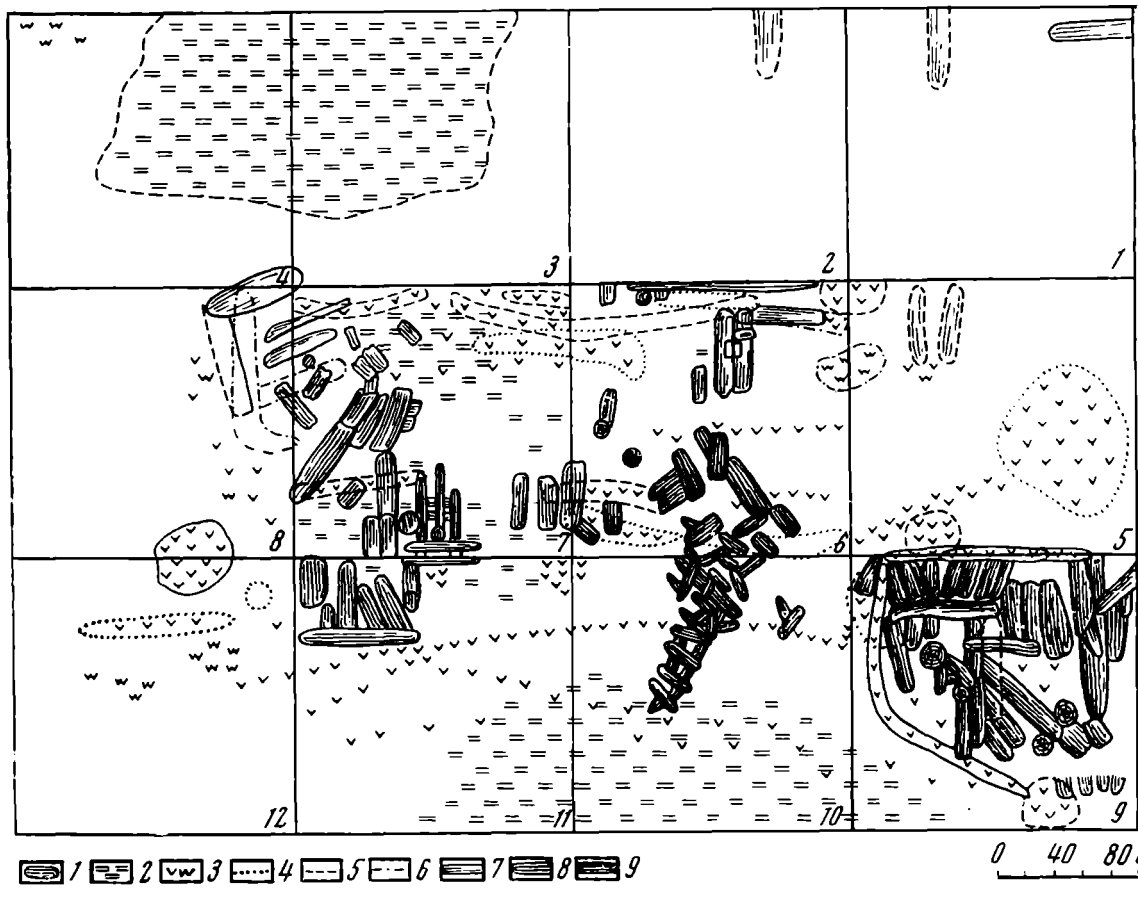


Рис. 5. Сводный план раскопа III (остаки завалившегося тына)

На городище «Укся-Сют» были найдены и фрагменты городецкой керамики, более поздние в сравнении с керамикой «Хула-Сюче», бытование которой следует связывать с периодом описанного выше жилища с канавкой. По-видимому, жилые строения возводились по склонам холма, уже за пределами укрепления.

Наиболее интересной стороной раскопок этого городища явилось исследование его укреплений в раскопах I, III, VII.

Раскоп I был разбит таким образом, что в него вошли северный вал и часть западного (рис. 4). Внутреннее устройство этих валов оказалось одинаковым. Под земляной насыпью заключались специально сделанные деревянные конструкции из бревен, иногда целых деревьев, уложенных на поверхности в виде углов и клеток, укрепленных вбитыми в землю вертикальными стояками и обмазанных глиной (рис. 4). Бревна и глиняная обмазка обожжены; там, где обжиг был менее сильным, деревянные части сохранились хуже (рис. 5) [6].

[6] Повсюду в насыпи вала встречалось много более ранней керамики. Отдельные участки внутри вала казались специально выложенными ею.

Раскоп III был заложен на восточном склоне холма (12 кв.— 48 *м*²) (рис. 4). Мощность культурного слоя здесь достигала 1 *м*, а местами 1 *м* 40 *см*. Чередование слоев на всех квадратах было одинаковым. Под слоем дерна до глубины 60 *см* залегал темно-серый рыхлый культурный слой, прикрывший остатки бревен и обожженной глины до глубины 1 *м* 40 *см*. Вообще же следы угля и золистые вкрапления встречались по

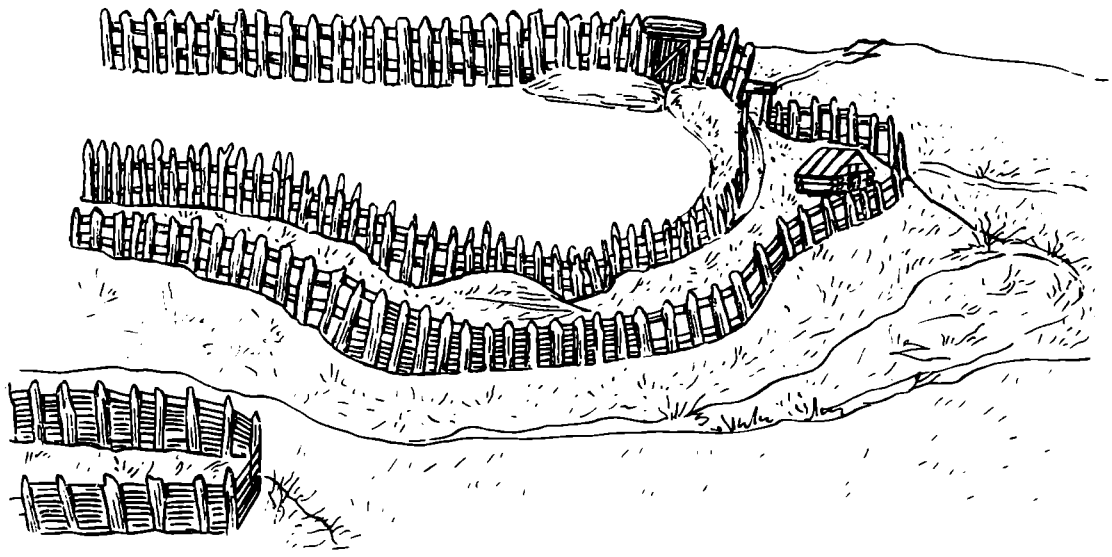


Рис. 6. Реконструкция укреплений городища

всему раскопу начиная еще с 20 *см*; с глубины 40 *см* они стали обозначаться четче, а на кв. 5 и 8 уже на этой глубине выявлены два параллельно лежавших бревна. Ниже, с глубины 60 *см*, большим массивом залегали сильно обожженные бревна. Они залегали в массе, в вертикальном направлении по отношению к склону, реже по горизонтали, довольно правильными рядами. В ряде мест были обнаружены остатки вбитых в грунт столбов и кольев (10—15 *см* в диаметре). На кв. 10 при зачистке попались остатки плетня в виде следов прутьев или веток, переплетенных между собой. Обожженная глина залегала здесь в виде отдельных скоплений, на ряде участков подстилая остатки дерева.

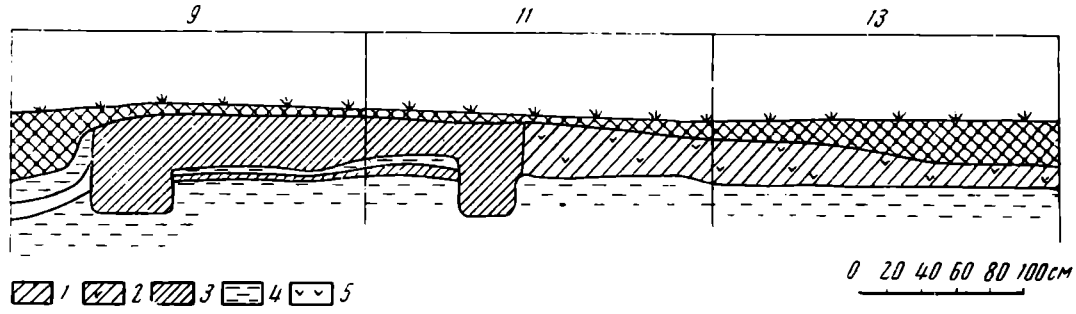


Рис. 7. Раскоп I. Профиль сев. стенки (следы калитки)

Таким образом, мы вскрыли остатки завалившегося по склону деревянного тына, сооруженного из бревен и плетня. Он прикрывал участок между северным валом и восточной насыпью, а обожженная глина укрепляла самый край городища. Возможно, что при каком-то вражеском нападении на городок тын был разорен и сброшен вниз.

По-видимому, кроме того, по склону, приблизительно по середине его высоты проходила дополнительная линия деревянных креплений вторая линия тына (рис. 6). В пользу этого говорят также обгоревшие вбитые вертикально колья и бревна.

Исследуемое городище Укся-Сют с его своеобразными укреплениями относится, по нашему мнению, к сравнительно раннему периоду городец-

кой культуры (середина I тысячелетия до н. э.), когда еще не сложился окончательно стандартный тип укреплений в виде сплошной линии валов.

Между северным и западным валом на поверхности имелся хорошо заметный небольшой перерыв-проход, прослеженный в раскопе и в профиле северной стенки (кв. 9—11), где сохранились следы заполненного землей углубления (около 2 *м* в поперечнике), ограниченного двумя столбами (рис. 7). Причем с наружной стороны укреплений, на склоне, ему соответствует неглубокая ложбина — впадина, спускающаяся вниз к ручью. Соответственно на противоположной стороне оврага имеется след как бы давно заросшей бывшей дороги, проходившей по наклонной плоскости холма от ручья наверх. Можно высказать предположение, что здесь когда-то была калитка, через которую шел спуск к роднику на противоположную сторону оврага.

К юго-востоку от городища, на соседнем мысу, также есть следы древнего поселения (рис. 6). Поверхность мыса здесь совершенно ровная, без всяких признаков земляных укреплений. Среди травы встречаются обломки керамики. У западного склона нами был заложен небольшой раскоп (10 × 2 *м*), показавший наличие здесь очень незначительного культурного слоя с вкраплениями золы, угля и обугленных веток. Черные углистые полосы, напоминающие следы бревен, здесь были обнаружены на глубине 50—60 *см* на материковой глине. До этой же глубины продолжались и отдельные находки в виде обломков посуды, совершенно того же типа, что и в верхнем напластовании на городище. По-видимому, небольшое поселение или, может быть, загон для скота, существовавшие здесь, имели ограду в виде плетня.

Как выясняется, исследованный нами памятник является целым комплексом, включавшим в себя и укрепленную часть, и разбросанные вокруг по склону жилые строения, находившиеся под его защитой, и расположенные рядом огороженные участки.

М. М. МАММАЕВ

ЗООМОРФНЫЕ ПРЯЖКИ УРЦЕКСКОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках Урцекского могильника в 1963 г. Дагестанской археологической экспедицией Института ИЯЛ[1] в каменном склепе № 3 среди многочисленного погребального инвентаря[2] были найдены семь бронзовых поясных пряжек, представляющих значительный интерес. Из них три пряжки были обнаружены при погр. № 3 (рис. 1, *5—7*), остальные четыре,— соответственно при погр. № 5, 6 (рис. 1, *4*), № 7 (рис. 1, *9*) и № 9 (рис. 1, *8*). Еще один обломок и две пряжки (рис. 1, *2—3*) были обнаружены в 1964 г. в насыпи того же могильника.

Все пряжки литые. В плане они имеют круглую форму, несомкнутые, слегка расширяющиеся концы их оформлены в виде стилизованных голов животных. У двух пряжек имеются бронзовые иглы (язычки) с зоостренными концами (рис. 1, *6, 8*). Одна из пряжек (рис. 1, *5*) из погр. № 3 имеет железную иглу. У остальных пряжек иглы не сохранились.

---

[1] Раскопки Урцекского городища и могильника велись ДАЭ в 1960—1964 гг. под руководством В. Г. Котовича. Материалы раскопок хранятся в фондах Института ИЯЛ.

[2] Склеп № 3, представляющий собой семейную усыпальницу, содержал 13 погребений. Ввиду чрезвычайно плохой сохранности костей и отсутствия анатомического порядка костяков, учет количества погребений в склепе производился по отдельным черепам и сосредоточенным вокруг них костям. Так как при совершении очередного погребения кости предыдущего вместе с инвентарем отодвигались в сторону, то отнесение тех или иных находок к определенному погребению условное.

Пряжка из погр. № 5 (рис. 1, *1*) деформирована, один конец ее оброман. Изготовлена она в технике, отличной от других пряжек: после литья фигурные концы ее откованы, а затем на них чеканом и резьбой нанесены изображения животных.

Близкие аналогии описанным пряжкам известны в материалах Хабадинского [3], Ботлихского [4] и Карабудахкентского [5] могильников. Пряжка из Хабадинского могильника по рисунку и технике изготовления, но без

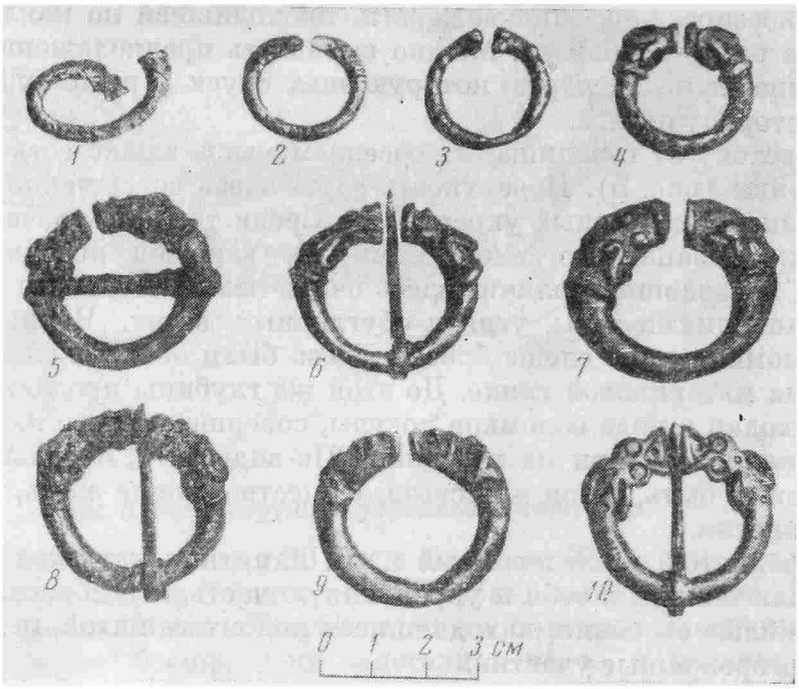


Рис. 1. Зооморфные пряжки Урцекского могильника (*1—9*) и Ботлихского могильника (*10*)

применения чекана, аналогична пряжке (рис. 1, *2*), найденной в насыпи Урцекского могильника.

Две пряжки из Ботлихского могильника (рис. 1, *10*) имеют аналогии с пряжкой из погр. № 5 (рис. 1, *1*). Они литые, фигурные концы их слегка откованы и оформлены в виде изображений животных, видимо, драконов. Глаза животных переданы двумя кружками, нанесенными пунсоном, пасти обозначены треугольными фигурами, нанесенными резцом; прижатые уши овальные, с вырезами в них.

Для заполнения пустоты на изображения чеканом нанесено еще по три точки. Черты животных на этих пряжках переданы более реалистически, чем на пряжках Урцекского могильника, хотя они датируются более поздним временем (IX—XII вв).

Пряжка из Карабудахкента больше всего сближается с пряжкой из погр. № 3, (рис. 1, *6*). Она синхронна урцекским пряжкам.

---

[3] В. Г. Котович, О. Д. Давудов. Отчет о работе 1 отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1966 г. РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, д. 228, стр. 68, рис. 72, *в*.

[4] Раскопки Д. М. Атаева с участием автора в 1962 г. Материалы раскопок могильника не опубликованы.

[5] Пряжка, случайно найденная при строительных работах, хранится у Г. С. Федорова, которому приношу благодарность за ознакомление с ней.

Довольно отдаленной аналогией рассматриваемым пряжкам является также бронзовая пряжка с изображением голов двух грифонов, обращенных мордами друг к другу, обнаруженная в кургане № 19 Ново-Кумакского курганного могильника (VI—IV вв. до н. э.) [6].

Более близкие аналогии урцекским пряжкам в синхронных памятниках за пределами Дагестана не известны. Это обстоятельство позволяет рассматривать их как продукцию местных ремесленников.

Характерной чертой для всех изображений животных на пряжках Урцекского некрополя является их условность. Эти изображения на пряжках из погр. № 3, 6, 7 и 9 переданы при помощи выпуклых Л- и В-образных фигур в сочетании с выпуклыми же шишечками. В расположении шишек нет какой-либо закономерности: одни из них находятся под В- и Л-образными фигурами, другие над ними и т. п.

На концах пряжки из погр. № 9 кроме Л-образных фигур и шишек имеются еще рельефные кружки с поперечными насечками. На утолщенные концы этой же пряжки нанесены такие же поперечные насечки. Пряжка (рис. 1, *5*) из погр. № 3 на концах имеет двойные утолщения.

Животные, изображенные на пряжке из погр. № 5, переданы при помощи прямых пересекающихся линий и точек, нанесенных на фигурные концы. Грива животных передана «елочкой».

На пряжках (рис. 1, *2—3*), обнаруженных в 1964 г., изображения животных еще более схематизированы, стилизация их доведена до крайности и в них едва улавливается сходство с реальным образом животного. Очевидно, все рассматриваемые изображения животных на пряжках Урцекского могильника имели свои более ранние реалистические прототипы и прошли длительный путь развития от реалистической основы к условной стилизации.

При определении датировки урцекских зооморфных пряжек мы исходим не только из материалов погребений, среди которых они обнаружены, но и из всего комплекса инвентаря из склепа № 3, так как этот инвентарь оказался, как уже отмечалось, перемешанным.

Основные предметы из склепа № 3 Урцекского могильника — бусы, костяные наконечники стрел с внутренней втулкой, подвески-колокольчики, подвески в виде колес с расходящимися концами, круглый бронзовый браслет, лопастные, а также кругло- и овальнорамчатые пряжки, железные ножи, красноангобированные сосуды и т. п. — имеют аналогии в материалах Карабудахкентского могильника № 1, относящегося к I—II вв. н. э. [7], Таркинского могильника, датируемого I—III вв. н. э. [8], и Карабудахкентского могильника № 3, датируемого II—IV вв. н. э. [9].

Однако среди инвентаря склепа № 3 отсутствуют зеркала, фибулы и другие вещи более ранних образцов, представленных в Таркинском и 1-м Карабудахкентском могильниках. Поэтому нижнюю дату для зооморфных пряжек Урцекского могильника можно определить концом II в. н. э.

Много аналогий материалам из склепа № 3 дает также инвентарь Большого Буйнакского кургана, датируемого III—V вв. или началом VI в. н. э.[10]

---

[6] М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, 115, 1962, стр. 241, рис. 14, *8*.

[7] К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники Албано-Сарматского времени у сел Карабудахкент. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 167—210, рис. 3—5, 10, 19—21, 26—35.

[8] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 208—225, рис. 8, 9, 11; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—49 гг. МИА, 23, стр. 226—272, рис. 17—22.

[9] К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники, стр. 210—219, рис. 38—40.

[10] A. A. Zakharov. Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 183—216. рис. 27—34; М. П. Абрамова. Большой Буйнакский курган в Дагестане. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 125.

Многочисленные каменные, стеклянные, пастовые и металлические бусы, подвеска в виде двойной секиры, подвески в виде голов животных, пряжки, ангобированные сосуды и т. д., представленные в материалах из склепа № 3 Урцекского могильника, аналогичны материалам из Большого Буйнакского кургана.

Учитывая наличие в материалах склепа № 3 Урцекского могильника вещей, аналогичных вещам из Большого Буйнакского кургана (отсутствующих в материалах Карабудахкентского могильника № 3) и из других раннесредневековых памятников Дагестана и Северного Кавказа, верхнюю дату для урцекских зооморфных пряжек можно определить началом V в. н. э.

Найденные в насыпи зооморфные пряжки по данным стратиграфии и сопровождавшему их керамическому материалу датируются концом II — началом V в. н. э.

Однако, как показывают материалы Ботлихского могильника, зооморфные пряжки Урцекского типа в Дагестане продолжают бытовать и в последующее время, вплоть до XII в. при вторичном использовании.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ, А. П. РУНИЧ

МОГИЛЬНИК № 1 У ЛЕРМОНТОВСКОЙ СКАЛЫ БЛИЗ г. КИСЛОВОДСКА

В 1962 г. при прокладке дороги на молочную ферму совхоза «Южный», расположенного в 4 *км* к юго-западу от Кисловодска, были задеты погребальные камеры.

Камеры строились в несколько ярусов. Первый ярус оказался полностью разрушенным дорогой. Во втором вскрыто 6 катакомб [1]. Некоторые из них были сделаны в песчанике, а часть в плотной слоистой мергелистой глине.

Катакомба № 1. Камера обнаружена в срезе склона. Часть дромоса и свода разрушена бульдозером, а сам склеп на 50—60 *см* был заполнен грунтом. Катакомба в плане имела вид овала размером 152 × × 84 *см*. Средняя высота куполообразного потолка 60 *см*. Дно на 34 *см* ниже входного отверстия. На полу катакомбы обнаружены два скелета — мужской и женский.

Женский костяк лежал вплотную к западной стенке головой на юг, с согнутыми нижними конечностями (рис. 1). В верхней части грудной клетки находились пастовые и стеклянные бусы черного и синего цвета диаметром 3—6 *мм* в количестве 31 штука, а также одна круглая сердоликовая бусина. Здесь же лежала бронзовая арбалетная фибула (рис. 2, *11*).

Рядом с женским костяком находился мужской в скорченном положении, на левом боку, головой на юг. В районе тазовых костей лежал прямой железный нож длиной 14 *см*. Второй нож несколько меньшего размера оказался у колен женского костяка. Между нижними конечностями погребенных стоял сосуд черного цвета с коническими бугорками на тулове и вертикальными вдавленными полосками.

Катакомба № 2. Усыпальница обнаружена по дромосу, хорошо заметному в срезе склона. Размеры катакомбы по осям 126 × 112 *см*. Высота потолка 62 *см*. Входное отверстие шириной 34 *см* и высотой 26 *см* было плотно закрыто плитой из песчаника, в результате чего земля не попала в камеру. Только под входом лежала небольшая кучка песка. Дно катакомбы на 32 *см* ниже уровня входа.

---

[1] А. П. Рунич. Отчеты в ИА АН СССР за 1962 и 1963 г.

В юго-восточной части камеры стояло семь сосудов типа кружек. Две кружки красновато-коричневого цвета имеют небольшое приплюснутое тулово и широкую цилиндрическую горловину, отделенную от тулова валиком. Ручка в виде петельки располагалась целиком на тулове (рис. 3, *5*). Два других сосуда были черного цвета с ручками и коническими бугорками, окаймленными вдавленными линиями. Пространство между этими бугорками заполнено вертикальными вдавленными полосками (рис. 3, *6*). Пятый сосуд аналогичен предыдущим, но с полушаровидными бугорками (рис. 3, *8*). Шестой сосуд того же типа, только ручка его является одновременно трубочкой для слива (рис. 3, *4*). Седьмая кружка была черного цвета, без орнамента (рис. 3, *7*).

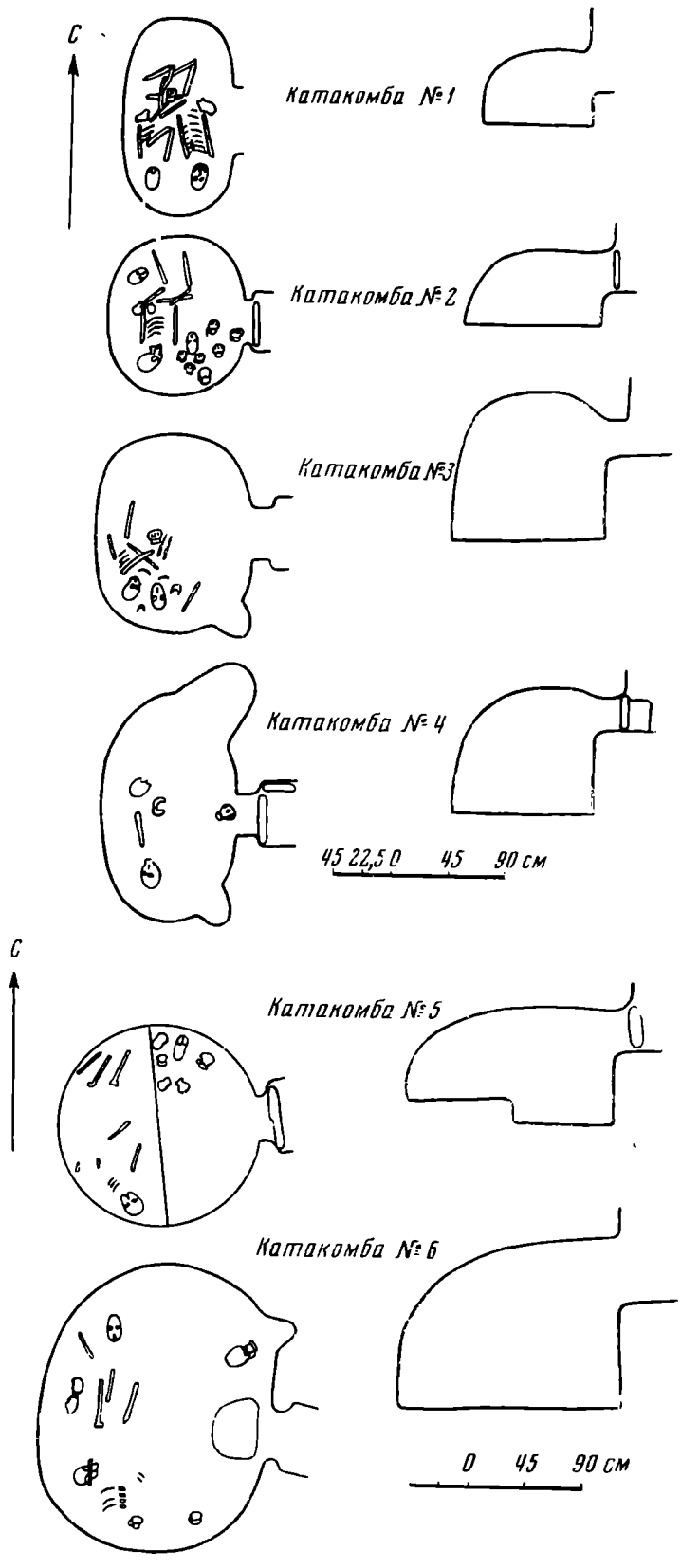


Рис. 1. Катакомбы № 1—6; разрез по горизонтам и вершинам

У западной стенки камеры находился скелет взрослого человека, лежавшего на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юг. За ногами, первого погребенного найдены части скелета ребенка с деформированным черепом. Остатки второго детского черепа обнаружены перед грудной клеткой костяка взрослого человека. Здесь же лежал маленький железный нож, остатки железной фибулы и четыре бусины: сердоликовая цилиндрической формы (рис. 2, *9*), сердоликовая круглая (рис. 2, *10*) биконическая из голубой пасты и синяя бусина.

Катакомба № 3. Камера в плане овальная, шириной от 120 до 158 *см*, высотой 114 *см*. Почти до самого потолка была заполнена грунтом. В юго-восточной стенке имелась ниша шириной 31 *см*, высотой 28 *см* и глубиной 19 *см* (рис. 1). На полу под нишей обнаружены остатки тонкой серебряной пластинки с чешуйчатым орнаментом (рис. 2, *6*).

В юго-западном углу усыпальницы в беспорядочном положении лежали человеческие кости, вместе с которыми находились обломки сосуда

типа кружки черного цвета без орнамента (рис. 3, 7). Под слоем костей зафиксирована подстилка, состоящая из золы и древесного угля.

Катакомба № 4. В конце дромоса этой камеры стояли две плиты. Одна закрывала входное отверстие, другая была зажата между первой плитой и северной стенкой дромоса. Сама катакомба имела в длину 180 *см*. Средняя высота потолка 100 *см*. Размеры входного отверстия 30 × 30 *см*. Пол на 70 *см* ниже входа. В северо-восточной части камеры

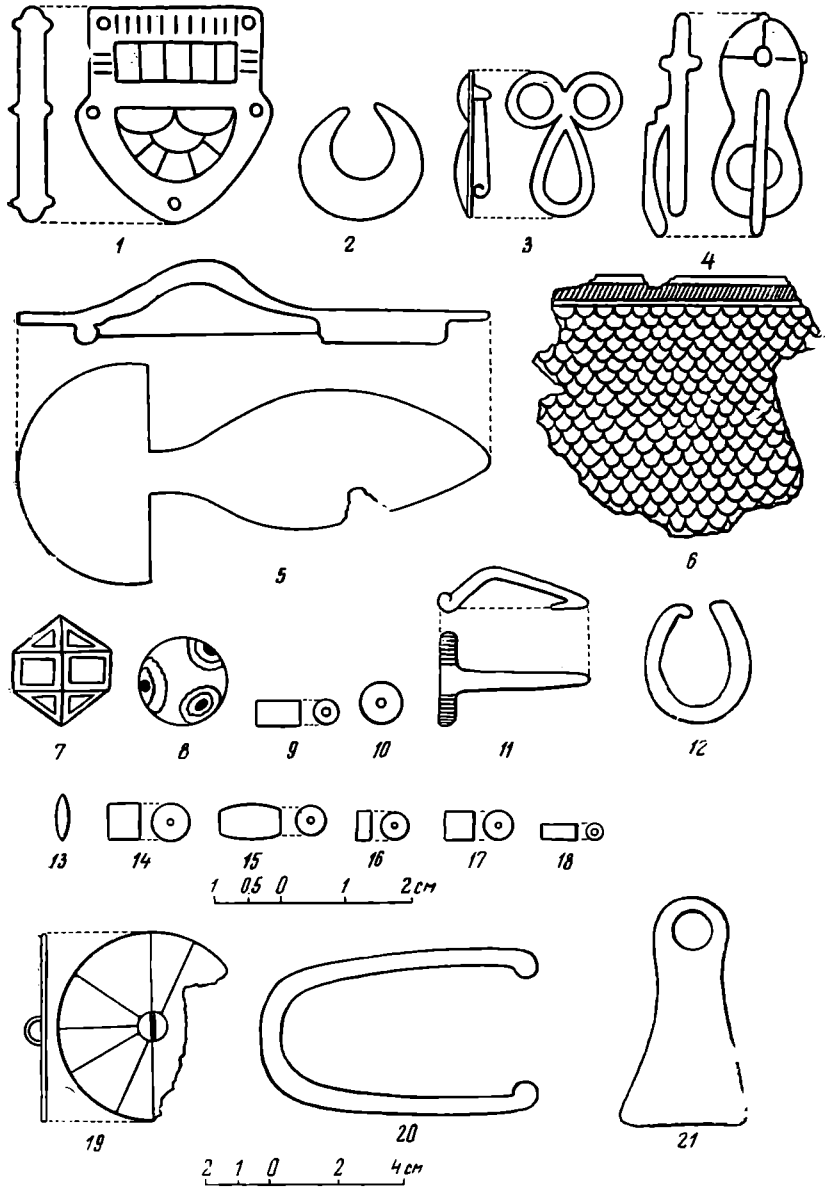


Рис. 2. Украшения

находилась ниша высотой 52 *см*, а в юго-восточной стенке — ниша высотой 32 *см* (рис. 1).

На дне камеры лежали остатки трех черепов. Два из них были деформированы. Здесь же найдены обломки человеческих костей, 18 альчиков, пастовая бусина и поломанные арбалетные фибулы. Под входным отверстием стоял сосуд черного цвета с коническими бугорками и одной ручкой. Рядом были обнаружены следующие предметы: пастовая мозаичная бусина (рис. 2, *8*), шарообразная сердоликовая, биконическая синяя (рис. 2, *13*) и бронзовая застежки с инкрустацией из голубого стекла (рис. 2, *3*).

Катакомба № 5. При зачистке дромоса были найдены: бронзовая пластинчатая фибула с полукруглой головкой (рис. 2, *5*), 31 голубая пастовая бусина цилиндрической формы (рис. 2, *17*), бочковидная из синего

стекла (рис. 2, *15*), цилиндрическая стеклянная зеленого цвета (рис. 2. *16*), четыре пастовые бусины коричневого цвета (рис. 2, *14*) и четырнадцатигранная бронзовая подвеска со следами позолоты и инкрустацией красным стеклом (рис. 2, *7*). Здесь же обнаружены обломки трех сосудов, внутренняя часть какой-то крупной морской раковины, бронзовое колечко (рис. 2, *12*), часть серебряного зеркала (рис. 2, *19*), бронзовый наконечник ножен от меча (рис. 2, *20*) и бронзовый четырехгранный колокольчик с железным язычком (рис. 2, *21*).

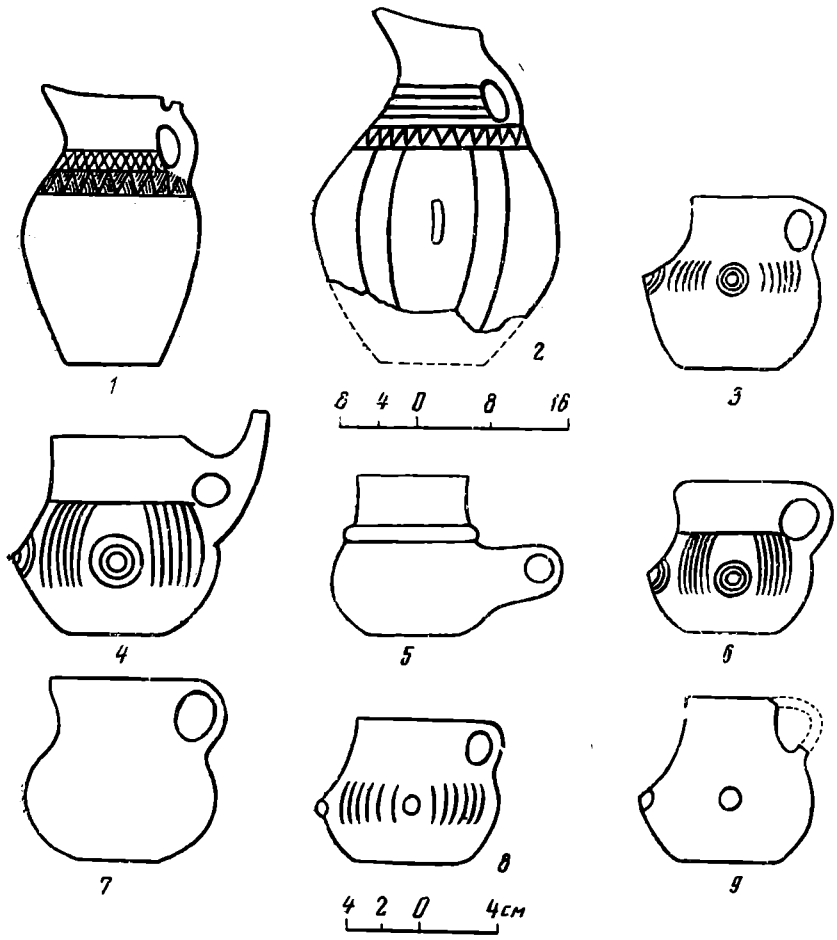


Рис. 3. Сосуды из погребальных камер

Вход камеры плотно закрывала плита (рис. 1). В отличие от других усыпальниц она имела вид правильного круга диаметром 160 *см*. Напротив входа — лежанка, занимающая половину камеры и поднятая от пола на высоту 20 *см*. На лежанке находились три костяка. Два деформированных черепа оказались в северном углу пониженной части катакомбы, а один на лежанке у южной стороны. Многих костей вообще не было. Около черепов, лежавших в пониженной части, находились два сосуда черного цвета. Рядом с женским черепом на лежанке найдено два комплекта серебряных позолоченных калачикообразных серег (рис. 2, *2*). Судя по черепам, в камере были похоронены мужчина, женщина и подросток.

Катакомба № 6. Дромос этой катакомбы обнаружен в срезе склона и прослежен на 250 *см*. При доследовании дромоса найдены раздавленные грунтом два сосуда. Один из них удалось реставрировать. Он имел широко раздутые бока, зауженную горловину и носик для слива. На тулове располагались две ручки. Камера была полностью заполнена грунтом и представляла в плане овал размерами по осям 225 и 175 *см*, ориентированный длинной осью по направлению С — Ю. Дно находилось на 90 *см* ниже вход-

ного отверстия и на глубине 340 *см* от современной дневной поверхности. В северо-восточной стенке была полукруглая ниша высотой 30 *см*, шириной 28 *см* и глубиной 20 *см* (рис. 1). Около ниши лежал на боку крупный сосуд с одной ручкой и носиком-сливом (рис. 3, *1*). Два других сосуда, украшенные коническими бугорками и вдавленными вертикальными линиями (рис. 3, *3*), стояли в юго-восточной части камеры. Рядом с ними обнаружена золотая бляшка от пояса, инкрустированная альмандинами с лицевой стороны, а с обратной стороны заполненная белой пастой (рис. 2, *1*). Точно такая, но сломанная бляшка была найдена в центральной части дромоса. Там же находилась серебряная пряжка с полудрагоценными камнями (рис. 2, *4*).

На дне камеры, на слое древесного угля толщиной 1—1,5 *см* лежали два костяка. Оба черепа деформированы. Положение костей показывает, что катакомба подвергалась ограблению. Только по частям позвоночника и ребрам можно предположить, что погребенные лежали головой на юг.

Таким образом, почти все катакомбы были овальные в плане и ориентированы своей длинной осью по линии С — Ю. В катакомбах № 3, 4, 6 имелись ниши, выдолбленные в стенах и напоминающие ниши Байтал-Чапканского могильника [2]. Кроме того, в камерах № 3, 6 удалось установить наличие подстилки из древесного угля. Подстилки подобного типа были зафиксированы в Березовском могильнике [3]. Несмотря на то что часть катакомб была ограблена в древности и костяки нарушены, положение скелетов в катакомбах № 1, 2, 6, позволяет говорить о южной ориентации погребенных.

Большое место среди всех находок из этого могильника занимает керамика, которую можно разделить на три типа.

К первому относятся три крупных сосуда. Один из катакомбы № 6 имел яйцевидное тулово, раздутое в верхней части, и носик для слива. Тулово соединялось с верхней частью горловины ручкой, имеющей наверху небольшой выступ (рис. 3, *1*). Орнамент состоял из пересекающихся пополам линий и треугольников. Второй сосуд, аналогичный первому, был найден в дромосе катакомбы № 6 в очень плохом состоянии. Третий также находился в дромосе катакомбы № 6 и имел яйцевидное тулово с более раздутыми боками, чем у двух первых. Его горловина, несколько суживающаяся кверху, была украшена параллельными прямыми, проходящими под ручкой, и зигзагообразной линией, от которой вниз к донцу шли налепные валики. На тулове располагались две ручки (рис. 3, *2*).

Ко второму типу относятся сосуды черного цвета с шарообразным туловом и цилиндрической горловиной. Край горловины соединялся с туловом ручкой. Украшались они коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками (рис. 3, *3*, *6*, *8*), но иногда встречаются сосуды и без орнамента (рис. 3, *7*). К этому же типу следует отнести и сосуд, у которого ручка представляет собой трубочку для слива (рис. 3, *4*).

Керамика двух первых типов находит себе ближайшие аналоги на Кызыл-Калинском поселении [4], в могильнике на р. Гиляч [5], в Байтал-Чапканском могильнике [6], а также в могильнике у отстойника озера в г. Кисловодске [7] и датируется V—VI вв.

---

[2] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии. СА, XXVI, 1956, стр. 237.

[3] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 15.

[4] Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, табл. 15, *1*, *2*.

[5] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, рис. 1, *3*, *6*, *7*.

[6] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., стр. 241—244.

[7] В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 15.

Третий тип представлен двумя сосудами красновато-коричневатого цвета (рис. 3, *5*). Они имеют небольшое тулово и широкую горловину, отделенную валиком. Ручка располагалась целиком на тулове. Подобный сосуд был найден А. П. Рунич в Березовском могильнике и датируется V—VI вв.[8]

К этому времени можно отнести серебряную пластинку с чешуйчатым орнаментом (рис. 2, *6*), напоминающую пластинку из Урупа[9]. Четырнадцатигранная бронзовая подвеска со следами позолоты и инкрустацией красным стеклом (рис. 2, *7*) из катакомбы № 5 близка ажурным подвескам серег «с напускной бусиной», относящимся к IV—V вв.[10]. Пластинчатая бронзовая фибула из дромоса катакомбы № 5 (рис. 2, *5*) сходна с фибулами керченских склепов 1-й хронологической группы (последняя четверть IV в.— первая половина V в.)[11]. Там же встречаются и калачикообразные серьги, подобные серьгам из катакомбы № 5[12]. Шарообразные сердоликовые бусы, аналогичные нашим (рис. 2, *10*), обнаружены в погребениях IV—V вв. в верховьях Кубани, в Грузии и Азербайджане[13]. Золотая бляшка, украшенная альмандинами (рис. 2, *1*), из катакомбы № 6 аналогий себе не находит, но предметы с перегородочной и плоскостной инкрустацией часто встречаются в погребениях V в. в Крыму и на Северном Кавказе. В пользу V—VI вв. говорит и наличие деформированных черепов — обычай, отмирающий с началом второй половины I тысячелетия н. э.[14]. Таким образом, рассмотренный погребальный комплекс имеет большое сходство с аланскими памятниками V—VI вв. и, следовательно, может датироваться этим же временем. Значение его состоит в том, что он дает новый материал по истории аланской культуры, в частности ее раннего этапа.

---

[8] Там же, рис. 3, *А-7*.

[9] Т. М. Минаева. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, 68, 1957, рис. 54, *1*.

[10] В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений. МИА, 114, 1963, стр. 131.

[11] И. П. Засецкая. О хронологии погребений эпохи «переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 55.

[12] Там же, стр. 54.

[13] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа. СА, 1959, 3, стр. 51.

[14] Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 88.

Л. ИШХАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ХРАМА В СЕЛЕНИИ ЛЕКИТ

Различным вопросам истории и культуры Кавказской Албании посвящено немалое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых[1], архитектуре же до недавнего времени не уделялось должного внимания. Лет 30 назад памятники ее зодчества научному миру были почти неизвестны. Впервые этот вопрос был поставлен лишь в конце 1930-х — начале 1940-х годов в связи с открытием раннесредневековых храмов в селениях Кум и Лекит.

В 1938—1940 гг. экспедицией, возглавляемой видным и опытнейшим реставратором П. Д. Барановским[2], были выполнены работы по изучению и укреплению базилики в сел. Кум, а также выявлен круглый храм в сел. Лекит (оба в Кахском р-не АзербССР). Памятник был на $^2/_3$ расчищен от

---

[1] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 21—40.

[2] Р. Мустафаев. Архитектурные памятники эпохи Низами. Сб. «Низами», 1, Баку, 1940, стр. 88.

наслоений и растительности, укреплены колонны абсид тетраконха (восточная, частично северная и южная), наружные стены, арки проема (вход в южный придел). Результаты своих исследований П. Д. Барановский опубликовал в небольшой статье [3], высоко оцененной советскими востоковедами [4]. Это была первая специальная работа, посвященная зодчеству Кавказской Албании.

Основное внимание П. Д. Барановский уделил кумской базилике, а храму в сел. Лекит дал лишь краткое описание без чертежей и фотографий. Первая публикация графического материала появилась позднее — сначала схема генерального плана комплекса (в 1950 г.) [5], затем составленная П. Д. Барановским схема реконструкции плана храма (в 1952 г.) [6]. Впоследствии в работах, посвященных истории, искусству и архитектуре Азербайджана, памятник обычно только упоминали, пользуясь описанием и планом П. Д. Барановского [7], дополненным в некоторых работах фотографиями фрагментов храма, которые, однако, не давали о нем должного представления [8]. Это обстоятельство и вызывает необходимость более полной публикации храма в сел. Лекит — уникального памятника Закавказья, и в первую очередь чертежей его обмера [9]. Фотофиксация, частичный обмер, изучение архивных материалов были произведены в 1959 г. в специальной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ) Министерства культуры АзербССР [10].

Храм в сел. Лекит представляет собой центральнокупольное сооружение, заключающее в себе тетраконх — композицию, довольно распространенную в культовом строительстве ряда стран христианского Востока в раннее средневековье [11]. Основой его композиции (рис. 1, 2, 3) служит подкупольный квадрат со сторонами 8,58 *м*, образованный массивными, квадратными в плане устоями 1,75 × 1,75 *м* с трехчетвертной колонкой во внутреннем углу. К каждой стороне подкупольного квадрата примыкают ветви креста-тетраконха в виде абсид, образованных тремя круглыми колоннами диаметром 1,0 *м*. Сохранившиеся на высоту от 0,6 до 2,45 *м* колонны абсид стоят на кубических базах (1,0 × 1,0 × 0,55 *м*), расположенных одной стороной по касательной к кривой абсиды. Позади устоев, по диагональным осям подкупольного квадрата, поставлено по колонне того же диаметра, что и абсидные. Исключение составляет только северо-восточная, несколько меньшего диаметра (0,9 *м*). Тетраконх обрамляла кольцевая стена (тол-

---

[3] П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Лекит. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». Москва — Баку, 1947, стр. 29—33.

[4] М. М. Дьяконов. Рец. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». ВИ, 1948, 9, стр. 119—122.

[5] Л. А. Кальнинг-Михайловская. Охрана и изучение памятников архитектуры. Сб. «Практика реставрационных работ», 1, М., 1950, стр. 32.

[6] А. В. Салам-заде. Абидәләр данышыр. Бакы, 1952, стр. 13.

[7] Всемирная история, 3, М., 1957, стр. 136; История Азербайджана, I. Баку, 1958, стр. 103; К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 302—306; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, I, Тбилиси, 1959, стр. 226—229; Всеобщая история искусств, II, 2, М., 1961, стр. 105; Н. М. Токарский. Архитектура Армении. Ереван, 1961, стр. 140.

[8] Памятники истории Азербайджана. Баку, 1958, стр. 33, 34; СИЭ, I, М., 1961, стр. 355; М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Салам-заде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 31—33; Т. Муратян. Звартноц и памятники типа Звартноц. Ереван, 1963, стр. 102—109, 151, 152, рис. 23, 24.

[9] Для сокращения количества чертежей обмерный материал представлен в виде аксонометрий, дающих более наглядное представление как о памятнике, так и о современном его состоянии, тем более что со времени работ П. Д. Барановского храм сильно зарос, что делает практически невозможным фотографирование его общего вида.

[10] На автора статьи были возложены обязанности главного инженера и автора проекта. Большая помощь в сборе архивного материала была оказана В. Я. Гарником, которому приношу свою глубокую благодарность.

[11] Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис. Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья. Изв. АзФАН, СССР, 7, 1942, стр. 8, 9.

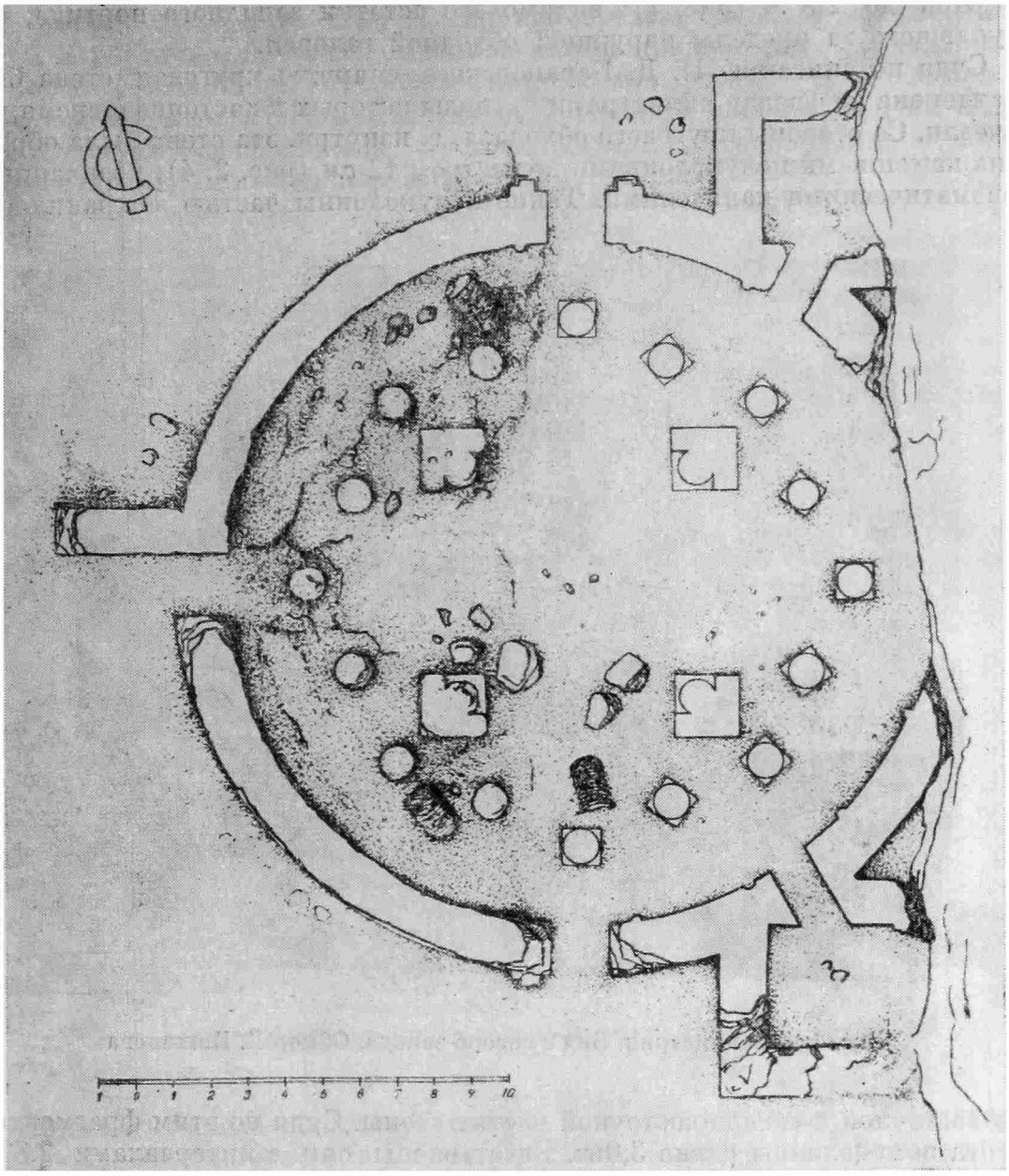


Рис. 1. План храма. Обмер Л. Ишханова

щиной 1,35—1,40 *м*), образующая довольно просторный круговой обход — минимальная ширина его — 1,68 *м*. С СВ и ЮВ к стене примыкали небольшие квадратные в плане приделы (3,30 × 3,35 *м*), с восточной стороны завершавшиеся абсидами. С кольцевым обходом приделы сообщались посредством арочных проемов шириной 1,15 *м*. На участках примыкания приделов к стене обхода, последняя сохранилась почти на восьмиметровую высоту (7,20 *м*), на остальных участках — в пределах 0,75—4,50 *м*. В восточной части храма стена в результате сползня грунта в овраг обрушилась.

Помимо проемов, ведущих в приделы, в стене храма имеются еще три входа, расположенных с небольшим отклонением по трем странам света — с Севера, Запада и Юга [12]. Северный и южный входы (ширина проема 1,58 *м*) были обработаны небольшими пластично трактованными порталами, от которых сохранились основания. Ширина проема западного входа 1,65 *м*. Снаружи к нему, с северной стороны проема, перпендикулярно к круговой стене примыкает фрагмент прямой стены длиной около 3,5 *м*,

[12] Продольная ось храма З-В отклонена от востока к югу на 14°.

высотой до 2,5 *м* (рис. 1); видимо это остатки западного портика, выступавшего за пределы наружной обходной галереи.

Судя по описанию П. Д. Барановского, снаружи круговая стена была расчленена по фасаду пилястрами [13], следы которых в настоящее время уже исчезли. Со стороны кругового обхода, т. е. изнутри, эта стена была обработана каменными полуколонками диаметром 12 *см* (рис. 2, 4), увенчанными призматическими капителями. Такие полуколонны частью сохранились в

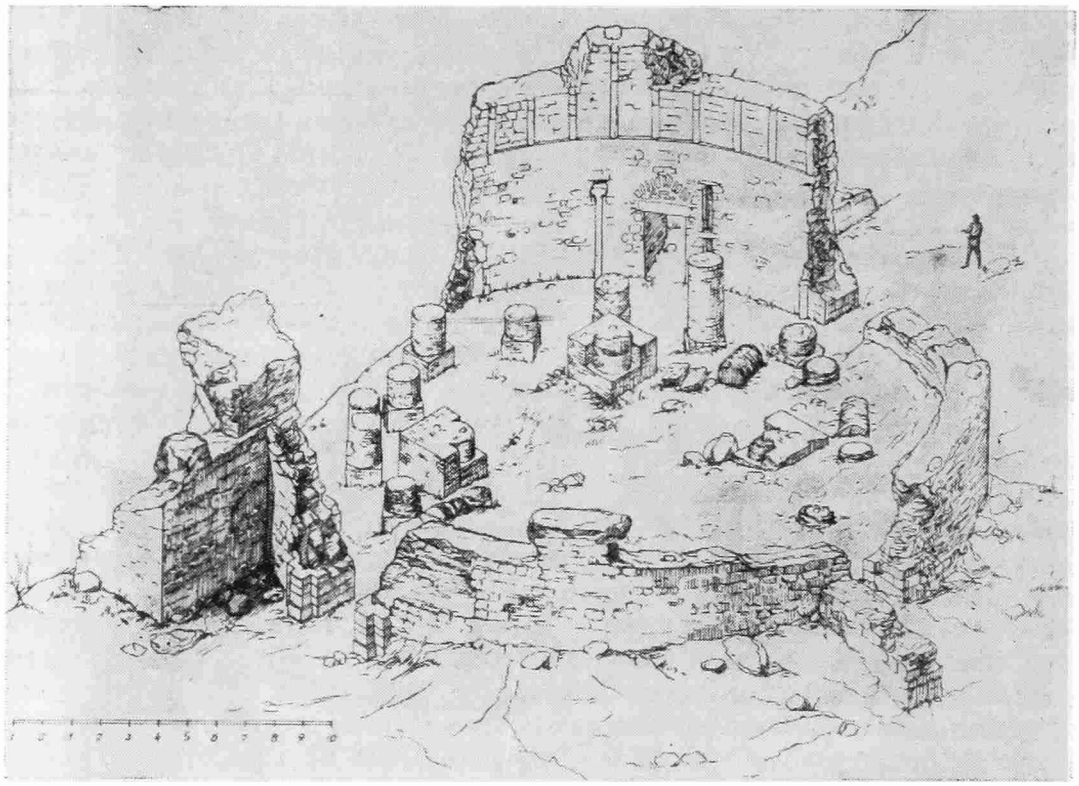


Рис. 2. Аксонометрия. Вид с северо-запада. Обмер Л. Ишханова

юго-восточной и северо-восточной частях стены. Судя по этим фрагментам, высота полуколонны равна 3,0 *м*. Расставлены они с интервалами 2,80—2,85 *м*. Выше их, на расстоянии 4,5 *м* от современного уровня земли, проходит второй ряд полуколонок (рис. 2 и 4), расположенных чаще — с интервалами 0,95—1,00 *м*.

Раскопками П. Д. Барановского были обнаружены фусты сдвоенных каменных колонн, объединенных своеобразной капителью (рис. 5), сходной с капителями пилястр и колонн некоторых памятников Армении IV—VII вв. [14] На стволе одной из них глубокой резьбой нанесен знак, по начертанию сходный с одним из знаков албанского алфавита [15]. Возможно, что он служил меткой-тамгой каменотеса [16].

Наружная кольцевая стена (рис. 4, 6) сложена из булыжного, грубоколотого камня на прочном известковом растворе, в состав которого помимо непросеянного песка входят мелкий щебень и галька. Поверхности стен облицованы тем же камнем серо-зеленоватого и серо-голубоватого оттенков, тщательно подобранным по высоте, при этом ряды имеют различ-

---

[13] П. Д. Барановский. Ук. соч., стр. 32.
[14] Н. М. Токарский. Ук. соч., табл. на стр. 150.
[15] А. Г. Абрамян. Дешифровка надписей Кавказских Агван. Ереван, 1964, стр. 35, табл.
[16] А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVIII вв. М.—Л., 1950, стр. 11.

ную высоту, благодаря чему фасад приобретает бóльшую монументальность, а различие цветовых оттенков камня придает ему особую живописность. Добавим, что использование камня различной расцветки и чередование высоты рядов остается излюбленным приемом зодчих северных областей Азербайджана, преимущественно Ширвана, и в последующее время, особенно в развитое средневековье [17].

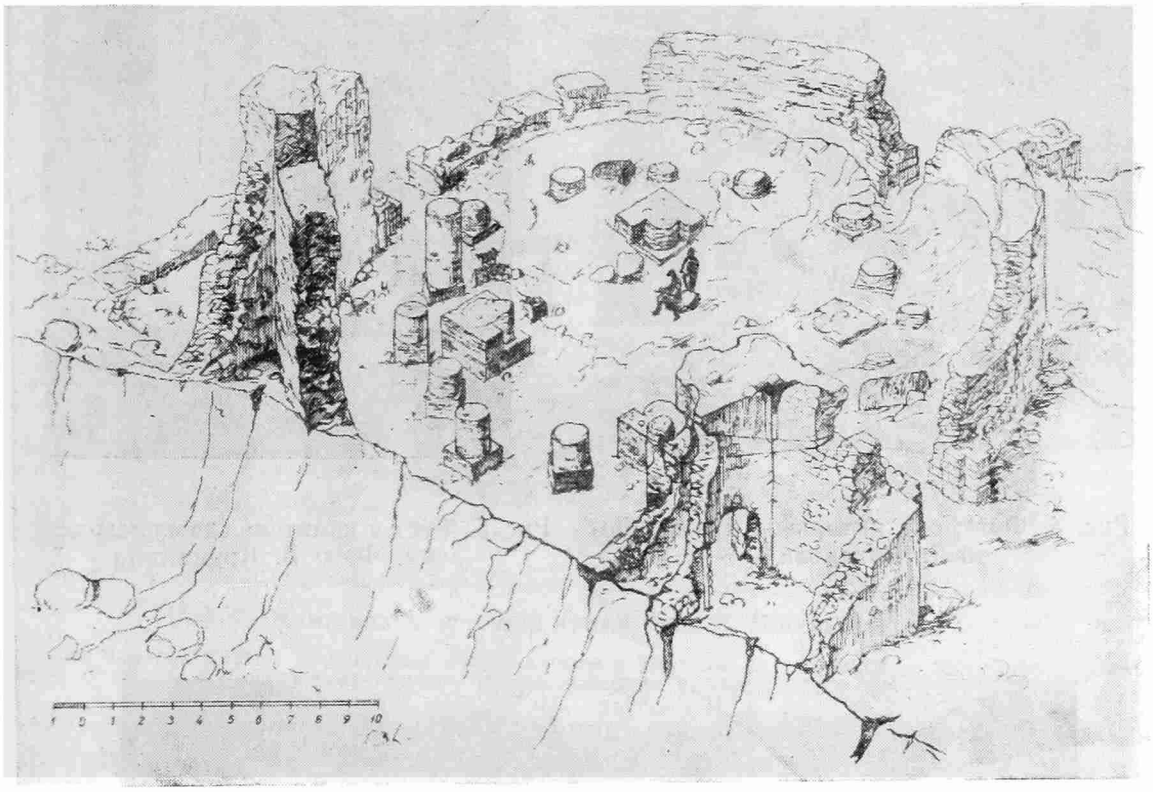


Рис. 3. Аксонометрия. Вид с северо-востока. Обмер Л. Ишханова

Конструктивные узлы тетраконха — устои подкупольного квадрата, колонны абсид, а также арки проемов в стене обхода — выполнены из кирпича, размеры которого колеблются в пределах 26 × 26 × 6,5—32 × 32 × × 8 *см*.

В таком фрагментарном виде сохранился один из немногих памятников зодчества Кавказской Албании. Опыт его реконструкции передан на нашем рис. 7 [18].

Представители этой архитектурной композиции известны и в других областях Закавказья: в Армении Ишхани (VII в.) [19], Звартноц (VII в.), Гагикашен в Ани (XI в.), в Грузии Бана (X в.).

Все они являются переработкой и вместе с тем большим шагом в развитии архитектурного типа тетраконха, широко известного в Присредиземноморье: в Италии (Сан-Лоренцо в Милане, V в., судя по его древней

---

[17] М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Салам-заде. Ук. соч., стр. 204; Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966, стр. 241 и др.

[18] Вырабатывая нашу схему реконструкции храма в сел. Лекит, мы использовали реконструкцию Звартноца, предложенную С. Х. Мнацаканяном. С. Х. Мнацаканян. Новый проект реконструкции Звартноца. Изв. АН АрмССР, обществ. науки, 1959, 9, стр. 53 (на арм. яз.).

[19] Первоначальная композиция храма в Ишхани полностью не выявлена, однако наиболее древние его части, несмотря на позднюю реконструкцию, совершенно исказившую первоначальный облик, все же позволяют предполагать его композиционное родство с данным типом сооружений.

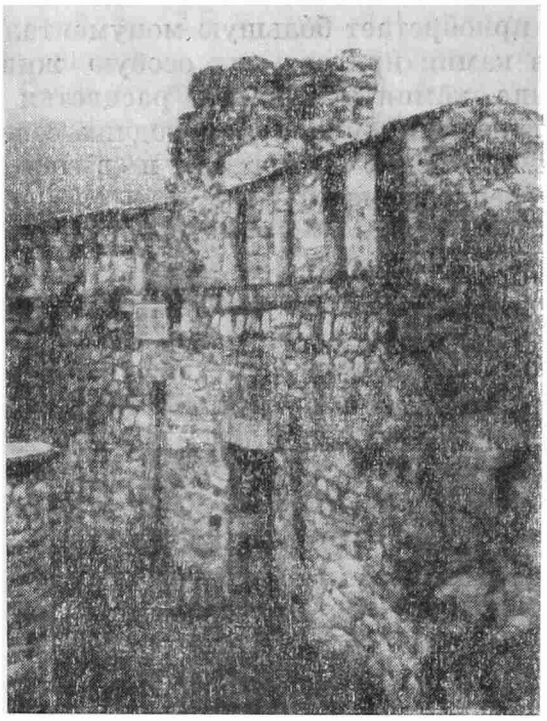


Рис. 4. Фрагмент интерьера храма. Фото Л. Ишханова

Рис. 5. Фуст и капитель сдвоенных колонн. Фото В. Крупинина

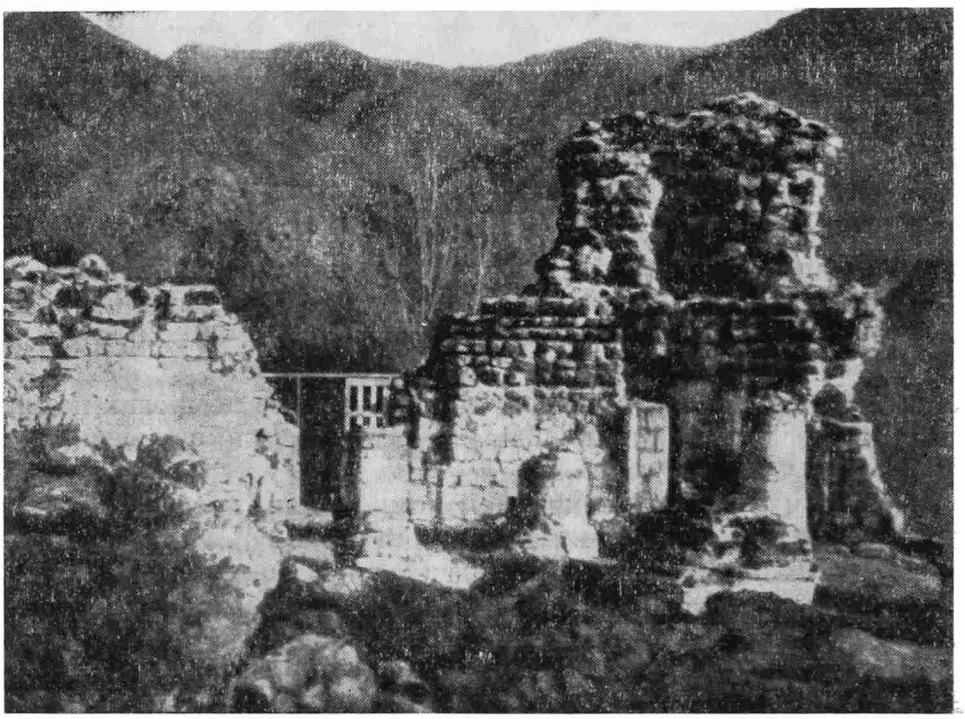


Рис. 6. Фрагмент интерьера храма. Фото Л. Ишханова

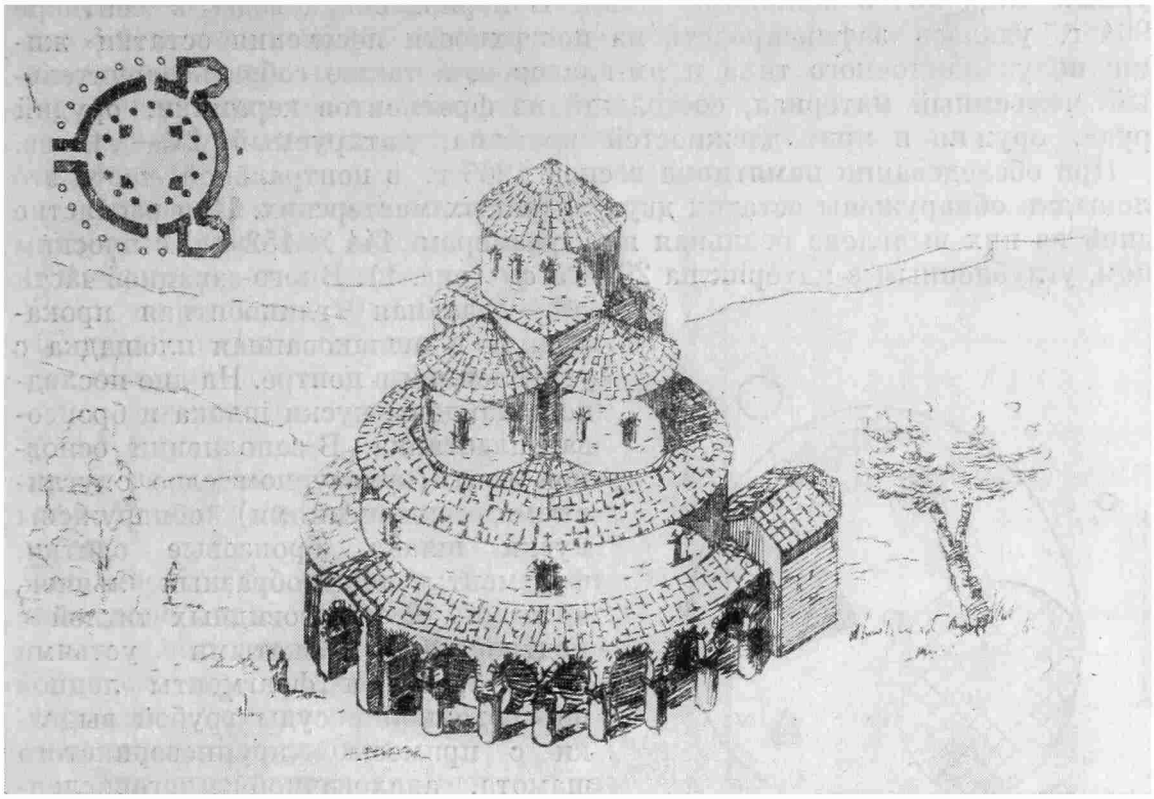


Рис. 7. Схема реконструкции храма. Рис. Л. Ишханова

На плане черным цветом обозначены сохранившиеся участки, штриховкой — восстановленные участки, белым — предполагаемая реконструкция

основе), в Греции (Стоа Адриана в Афинах начала V в.), в Болгарии (храм в Перуштице, VI в.) и в Сирии (Мартирий в Селевкии конца V в. и храм в Босре).

Названные средневековые храмы Закавказья, в основе которых лежит тетраконх, объединяет не только принадлежность одному архитектурному типу, но и определенная стилистическая общность, присущая архитектурно-художественному кругу Закавказья. Это находит себе объяснение в извечной общности социально-экономического и культурного развития стран Закавказья. Вместе с тем в тетраконхах Армении, Грузии и Албании ясно выступают и характерные локальные черты архитектуры каждой из этих стран, связанные издревле складывавшимися местными строительными и художественными традициями.

Настоящая публикация не ставила задачей дать подробный анализ памятника и сопоставление его с другими представителями типологически той же группы храмов. Мы предлагаем вниманию лишь предварительную реконструкцию храма в сел. Лекит — памятника, представляющего исключительный интерес. Наша реконструкция намечает одну из вероятных схем восстановления его первоначального облика.

В. Н. СИДОРОВ, П. Н. СТАРОСТИН

ОСТАТКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛИТЕЙНЫХ МАСТЕРСКИХ ЩЕРБЕТЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Осенью 1964 г. археологической экспедицией Казанского института языка, литературы и истории АН СССР около с. Щербеть Куйбышевского района Татарской АССР на левом берегу р. Бездны (левого притока р. Камы) обнаружено большое селище предболгарского времени. Поверхность этого поселения ныне затоплена Куйбышевским морем, и его куль-

турный слой почти полностью смыт. В период спада воды в сентябре 1964 г. удалось зафиксировать на поверхности поселения остатки жилищ полуземляночного типа и ям-кладовок, а также собрать значительный подъемный материал, состоящий из фрагментов керамики, орудий труда, оружия и принадлежностей костюма, датируемый IV—VII вв.

При обследовании памятника весной 1965 г. в центральной части его площадки обнаружены остатки двух литейных мастерских. При расчистке одной из них выявлена овальная яма размером 144 × 152 *см*, с плоским дном, углубленным в материк на 20—25 *см* (рис. 1). В юго-западной части ее — овальная глинобитная прокаленная и ошлакованная площадка с углублением в центре. На дне последнего найдены куски шлака и бронзовая пластинка. В заполнении основной ямы (культурном слое с углистыми включениями) обнаружены куски шлака, бронзовые слитки, фрагменты ложкообразных льячек, обломки 12 конусовидных тиглей с подтреугольно сжатыми устьями (рис. 2, *8*), и фрагменты лепной плоскодонной посуды грубой выделки с примесью крупнозернистого шамота, аналогичной многочисленным находкам с поверхности селища и керамике памятников Нижней Камы и прилегающих районов Волги, таких как Балымерский Шолом, Именьковское городище, Рождественское селище и др.[1] Около ямы на красном глинистом материке зафиксированы ямки столба и пяти кольев. Возможно, на них держался навес или какие-то приспособления для плавки.

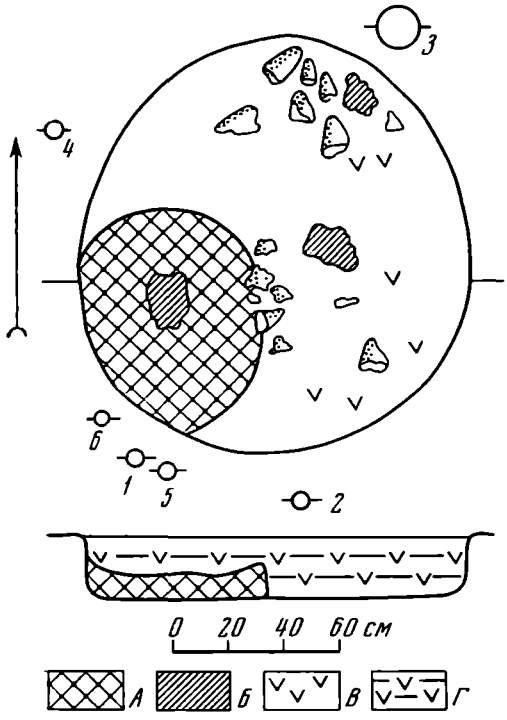


Рис. 1. План мастерской № 1

1—6 — ямы от кольев; *А* — обожж. глина, *Б* — шлак, *В* — угли, *Г* — культурный слой с углистыми включениями

В 15 *м* к востоку от этой мастерской обнаружены остатки второй. Она тоже представляла собой овальную яму размером 180 × 188 *см* с плоским дном, углубленным в материк на 35 *см* (рис. 4). В южной части ее была овальная глинобитная прокаленная площадка размером 96 × 54 *см* с углублением в центре. Поверхность глинобитной площадки очень неровная с соскообразными выступами. В заполнении основной ямы — культурном слое с углистыми и зольными включениями найдены шесть глиняных конусовидных тиглей, два глиняных пряслица усеченно-биконической формы (рис. 2, *3*, *4*); бронзовая В-образная пряжка (рис. 2, *5*), близкая по форме находкам из погребений Серповского могильника[2], из могильников Северного Кавказа[3] и Крыма[4] и характерная для V—VII вв.

---

[1] Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, 61, 1958, стр. 45; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 241—243; В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казаков, Р. К. Валеев. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962, стр. 21—26.

[2] А. Е. Алихова. Серповский могильник. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа», Саранск, 1959, табл. 53, 8.

[3] МАК, VIII, 1900, табл. CIII, 10, стр. 290, рис. 223.

[4] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. II. Одесса, 1907, табл. XV, *8*; табл. XVI, *5*.

Рассматриваемые мастерские связаны с поселением, что хорошо подтверждается находками керамики из заполнения ям, аналогичной по форме и фактуре сосудам с территории селища.

Интересно отметить и клад металлических слитков, обнаруженный к юго-востоку от первой мастерской. Здесь на площади 10 × 8 *м*² собрано 67 трехгранных в сечении с округлыми концами слитков в виде прутьев длиной около 18,5 *см* и весом от 88 до 111 *г* (рис. 2, *9—13*), близких по форме и размерам слиткам из погребений Тураевского могильника в Прикамье [5].

На некоторых слитках заметны мелкие поперечные полоски. Рассматриваемые находки, по-видимому, следует считать кладом сырья. Не исключено, что они использовались и как денежные единицы.

Для определения химического состава металлических предметов, обнаруженных в литейных мастерских, в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения ИА АН СССР был проведен их анализ.

Спектральный анализ проводился по методике, принятой в лаборатории на спектрографе ИСП-22 в дуге переменного тока силой 7,5 А при экспозиции 1 мин., диафрагме 2 *мм* и ширине щели 0,015 *мм* с использованием девятиступенчатого ослабителя [6].

Химический состав пяти стержневидных слитков однородный. Он представляет собой четырехкомпонентный сплав сложной латуни (см. табл., анализы 1—5) [7]. В этих предметах медь была основой сплава (62—64%). Количество олова в нем колеблется от 0,8 до 2%, что достаточно для прида-

Результаты количественного спектрального анализа, характеризующие химический состав металла в предметах, %

№ по порядку	Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Si	Вес, *г*
1	147-66	Слиток стержневидный	62	2	5	30	+	0,08	—	+	—	+	—	0,1	+	105,1
2	148-66	То же	64	1,5	4	30	+	0,08	—	+	—	+	—	0,1	+	99,8
3	149-66	»	62	2	5	30	+	0,1	—	+	—	+	—	0,1	+	102,7
4	150-66	»	64	0,8	5	30	+	0,08	—	+	—	+	—	0,06	+	104,1
5	151-66	Слиток неопределенной формы	62	2	5	30	+	0,1	—	+	—	0,1	—	0,1	+	101,2
6	140-66	То же	68	0,5	0,2	30	+	—	—	+	—	0,1	—	0,6	+	
7	141-66	»	83	0,3	0,1	15	+	—	—	+	—	+	—	0,5	+	
8	142-66	»	97	1,5	0,5	0,05	0,02	0,1	0,5	+	—	+	—	+	+	
9	143-66	»	81	1	1,5	15	+	0,2	—	+	—	+	—	0,2	+	
10	144-66	Остаток металла в тигле	99	0,04	+	0,1	+	—	—	+	+	+	—	0,4	+	
11	145-66	В-образная пряжка	69	2	8	2	+	—	—	+	—	+	—	0,2	+	
12	146-66	Шлак	+	0,01	+	+	+	—	—	+	—	+	—	Много	Основа	

---

[5] В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, стр. 75, рис. 29, *3*.

[6] И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов. О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологических бронзовых предметов. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.— Л., 1963, стр 79.

[7] См. таблицу результатов спектр. анализа.

ния предмету необходимой упругости. Свинец в количестве 4—5% введен для большей текучести металла при отливке в формы, а также для облегчения последующей холодной обработки. В каждом из слитков цинк постоянно присутствует в количестве 30%. Вероятно, подобный состав сплава подсказан древним литейщикам практикой в поисках металла нужного качества. Такие сплавы латуни отличаются легкостью отливки, стойкой антикоррозийностью, хорошо обрабатываются. Что же касается

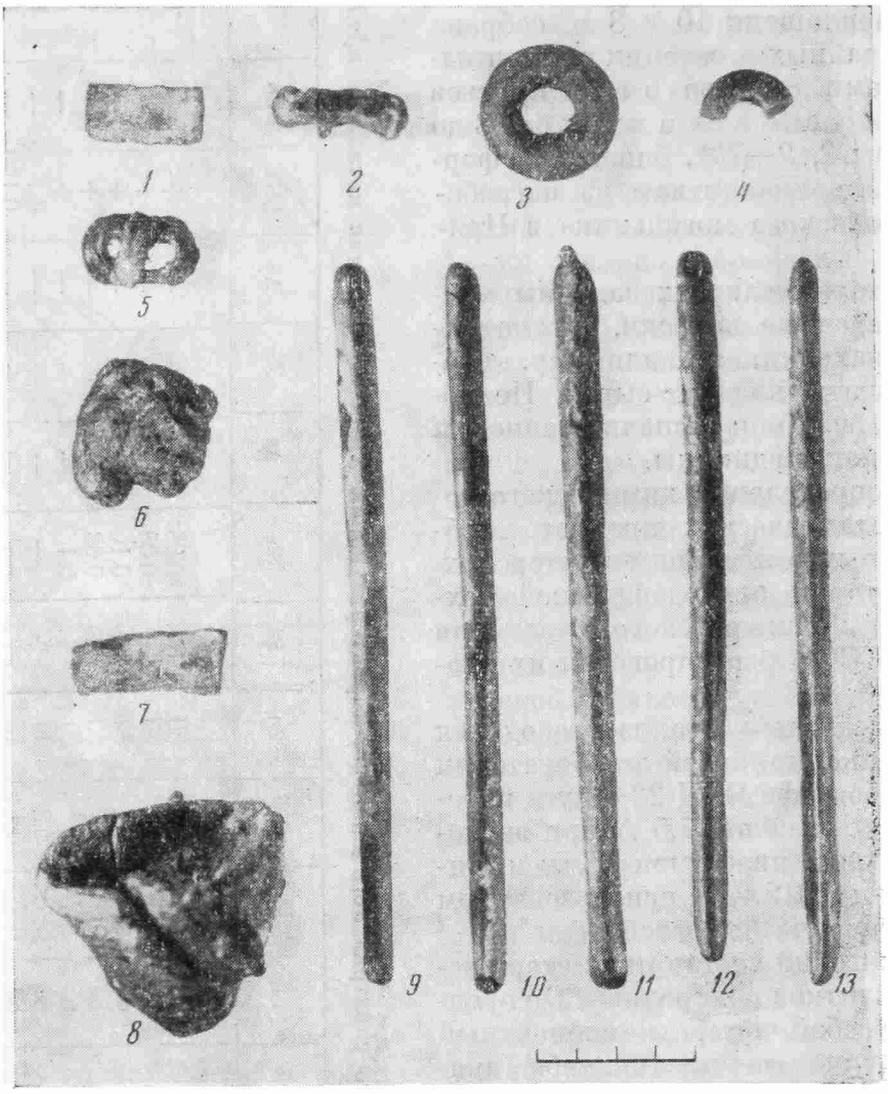


Рис. 2. Находки из мастерских

1, 2, 6, 7, 9—13 — бронзовые слитки; *3, 4* — пряслица; *5* — пряжка; *8* — тигель; *1, 6, 7, 8* — из мастерской № 1; *2, 3, 4, 5* — из мастерской № 2; *9—13* — находки из клада

следов серебра, висмута, никеля и незначительного количества сурьмы (0,08—0,1%) и железа (0,06—0,1%) в составе стержневидных слитков, то они являются примесью, перешедшей в сплав из руды.

Анализ кусочков металла, не имеющих определенной формы (рис. 2, *1, 2, 6, 7*), подтвердил, что по химическому составу они также являются сложной латунью, повторяющей качественные особенности описанного выше сплава, из которого были изготовлены стержневые слитки.

По-видимому, они возникли как отходы производства в процессе

литья. Слиток неопределенной формы (рис. 2, *2*) по химическому составу содержит те же компоненты (анализ 8), но резко отличается от предыдущих кусков металла незначительным количеством цинка (0,05%) и присутствием мышьяка (0,5%). Несомненно, он сохранился от литья обычной бронзы на медной основе с оловом и мышьяком, причем мышьяк в этом количестве (0,5%), возможно, перешел в сплав из руды.

Следует остановиться на своеобразном химическом составе В-образной пряжки, найденной во второй мастерской. По химическому составу она (69% меди, 20% олова, 8% свинца и 2% цинка) относится к сложным оловянистым бронзам. Сплавы этого типа отличаются твердостью и повышенной жидкотекучестью. Изделия из такого сплава хрупки в обращении. Следы золота, обнаруженные в составе металла пряжки, позволяют предполагать, что ее поверхность была позолоченной.

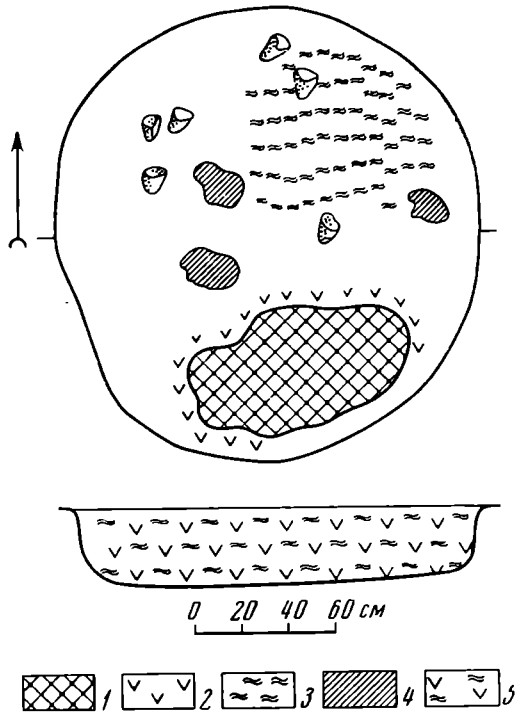


Рис. 3. План мастерской № 2

1 — обожженная глина; *2* — уголь; *3* — зола; *4* — шлак; *5* — культурный слой с углистыми включениями

Химический состав остатков металла в тигле (рис. 2, *8*), а также литейного шлака полностью повторяют химический состав вышеприведенных изделий из латуни и бронзы.

С. А. ИЗЮМОВА

КУРГАНЫ У ДЕРЕВНИ СЛЕВИДОВО

В 1940 г. Г. П. Гроздилов раскопал два кургана (из семи), расположенные в 150—200 *м* к северу от дер. Слевидово Калужского района Калужской области [1].

Крутобокие полусферической формы насыпи высотой 1,35—2 *м*, с остатками ровиков в основании имели разные диаметры: СЮ — 8—14 *м*; ЗВ — 10,8 *м*. В светло-красноватом песке насыпей встречались обломки лепной керамики (простой и чернолощенной), случайно попавшие из слоя поселения середины I тысячелетия н. э., на площади которого они были сооружены.

В каждом кургане оказалось несколько погребений, различных по обряду захоронения — с трупосожжением и с трупоположением. Под насыпями прослеживались кольцевые ровики, глубиной 0,7 *м*, с черносажистым заполнением от сгоревшей деревянной оградки, могильные ямы вводных трупоположений и подзолистые пятна от ритуального костра.

---

[1] Отчет Г. П. Гроздилова о командировке в Калужский район Тульской области в 1940 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 75/1940; д. 78/1940.

Остатки кремации, совершенной на стороне, были собраны и положены в основании будущих курганов на слой темнопепелистой посыпки [2].

«Скопление отдельных мелких кусочков обожженных человеческих костей с угольками», занимавшее площадь 1,5 × 1,5 *м*, обнаружено в первом кургане, в юго-западном секторе, на глубине 125 *см*. Здесь же найдены семь обожженных сердоликовых бус, обломок бронзового перстня (также со следами действия огня) и черепки гончарных сосудов [3]. Погребальный инвентарь трупосожжения — сердоликовые бипирамидальные бусы, решетчатый двупунктирный перстень — вятический, датирующий захоронение не ранее XII в. [4]. Обломки гончарной керамики с линейным, реже волнистым орнаментом, с отогнутыми и завернутыми внутрь венчиками не выходят за рамки указанной даты [5].

В могильной яме первого кургана, размером 2,4 × 1,7 × 0,4 *м*, в слое с мелкими угольками на глубине 1,4—1,8 *м* открыто вводное погребение мужчины и женщины. Оба скелета лежали на спине головой на запад с небольшим отклонением к северу. У нижнего женского костяка найдены на висках семилопастные височные кольца обычного типа (только без боковых колечек) с остатками тканей шерстяной тесьмы темно-бурого цвета, в области шеи — четыре бипирамидальные сердоликовые бусы. Предметы украшения женщины характерны для XII в.

Следовательно, оба погребения первого кургана (с трупосожжением и с трупоположением) были совершены в одном столетии с небольшими промежутками.

Во втором кургане остатки трупосожжения обнаружены в западном секторе на глубине 1,6—1,8 *м*. Они состояли из небольшого количества пережженных человеческих костей, обломков гончарных сосудов, железной дужки деревянного ведра. Среди керамики, сопровождавшей трупосожжение, встречались более ранние типы сосудов с невысокими прямыми или слабо отогнутыми наружу венчиками, датируемые XI—XII вв. [6].

Женское захоронение, совершенное по обряду трупоположения в яме размером 225 × 0,7 × 0,63 *м*, имело более разнообразный набор украшений, включающий, помимо височных семилопастных колец (без боковых колечек) и бипирамидальных сердоликовых бус, две бронзовые серьги с тремя напускными бусами из узелков, шарообразную бусу из прозрачного зеленоватого стекла, бронзовый браслет и железную круглую пряжку с язычком [7].

Присутствие серег с узловатыми бусами, датируемых по монетам X — XI вв. [8], в комплексе с семилопастными височными кольцами и бипирамидальными сердоликовыми бусами позволяет считать время совершения женского захоронения не ранее рубежа XI — XII вв.

Таким образом, материалы, полученные при раскопках Слевидовских курганов, свидетельствуют о том, что у вятичей обряд трупосожжения сохранялся еще и в XII в. и что он в то время сосуществовал с обрядом трупоположения. Аналогичное явление наблюдалось в Добринских курганах Тульской области [9].

---

[2] Сравнение сообщаемых Г. П. Гроздиловым сведений о высоте курганов с глубиной размещения останков кремации позволяет предполагать наличие подсыпки.

[3] Пользуюсь случаем поблагодарить О. И. Давидан за возможность опубликовать материалы, хранящиеся в фондах ГЭ, инвент. № 1551.

[4] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 74—75.

[5] Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округи. СА, 1959, 4, стр. 80, рис. 3, *24—29*; В. А. Мальм. Производство глиняных изделий Ореки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 142.

[6] Н. Н. Воронин, Ук. соч., рис. 3, 19, 21.

[7] Браслета и пряжки среди вещей не оказалось.

[8] И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. САИ, Е1—24, М., 1966, стр. 22; А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 145; П. Н. Третьяков. Ярославская область. АИР, М.— Л., 1941, стр. 78—79, табл. XII, *5*.

[9] С. А. Изюмова. Курганы у с. Доброе Тульской области. СА, 1970, 1.

А. А. ШЕННИКОВ

О «КРЫТЫХ ДВОРАХ» В СТАРОЙ ЛАДОГЕ И БЕЛООЗЕРЕ

Одну из городских усадеб IX—X вв., исследованных в Старой Ладоге, В. И. Равдоникас определил как усадьбу с крытым двором[1]. Л. А. Голубева определила подобным образом две усадьбы XIII в. в г. Белоозеро[2]. Это оказало значительное влияние на представления этнографов об эволюции русской крестьянской усадьбы. Дело в том, что еще с начала прошлого столетия существуют версии о чрезвычайной древности типа крестьянской усадьбы с крытым двором, характерного для северной части Европейской России. В усадьбах этого типа усматривались традиции древних новгородцев и еще более древних славянских, финских и даже германских племен. Выводы В. И. Равдоникаса и Л. А. Голубевой были восприняты этнографами как подтверждение этих версий.

Но с середины 1950-х годов работами Г. Г. Громова, а затем автора настоящей статьи было постепенно выяснено по документам, рисункам и другим источникам, что крестьянские крытые дворы на севере России не столь стары, как это было принято считать. Двухэтажные крытые дворы не ранее XVI в. появились где-то в районе нижнего течения Северной Двины, откуда и распространились затем на запад, юг и восток, до границ ареала, существовавшего в конце XIX и начале XX вв. Одноэтажные крытые дворы не ранее чем с конца XVII в. стали распространяться к юго-западу и югу от ареала двухэтажных[3]. Было отмечено, что староладожские и белоозерские археологические материалы, вопреки мнению В. И. Равдоникаса и Л. А. Голубевой, не доказывают наличия крытых дворов в IX—XIII вв. Однако, несмотря на это, в специальной литературе все еще имеет хождение «новгородская» теория происхождения крытых дворов со ссылками на статьи В. И. Равдоникаса и Л. А. Голубевой. Один из последних примеров — этнографический атлас «Русские»[4]. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть староладожские и белоозерские постройки, выдаваемые за крытые дворы.

Прежде всего уточним понятие «крытый двор». Крестьянская терминология, связанная с этим сооружением, была неустойчива. Но этнографы и другие исследователи крестьянской усадьбы народов Европейской России называют крытым двором вполне определенный тип животноводческого сооружения. Оно имело несколько отделений для разных пород скота и общее помещение, обычно с двумя выходами для удобства вывозки навоза и на случай пожара. Над всеми этими помещениями находился сеновал, в одноэтажном крытом дворе занимавший пространство под крышей, а в двухэтажном — весь второй этаж. При одноэтажном дворе

---

[1] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, 11, 1945, стр. 35—38.

[2] Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 79—82; ее же. Славянские памятники на Белом озере. «Сборник по археологии Вологодской области», Вологда, 1961, стр. 42—44.

[3] Г. Г. Громов. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. СЭ, 1955, № 1; его же. Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. По письменным источникам. В. МГУ, 1965, истор. сер., 6; А. А. Шенников. Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. «Архитектурное наследство», 14. М., 1962; его же. Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. «Архитектурное наследство», 15. М., 1963; его же. О русских крестьянских усадьбах XVI в. Доклады отделения этнографии Географического общества СССР, 2. Л., 1966; его же. О понятии «этнографический комплекс». Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, 3. Л., 1967.

[4] Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, стр. 156—158.

делался еще отдельный сенной сарай, при двухэтажном он не был нужен. На второй этаж двухэтажного двора, а иногда и на сеновал одноэтажного лошадь с возом сена въезжала по наклонному помосту («взъезду», «взвозу»). Для кормления животных сено сбрасывалось вниз через отверстия в перекрытии. Крытый двор обычно пристраивался к жилому дому, хотя иногда стоял и отдельно.

У богатых крестьян крытый двор усложнялся включением скотных изб в первом этаже и клетей во втором. Бедняцкий крытый двор, наоборот, несколько упрощался: исчезали некоторые внутренние членения, сени жилого дома частично или полностью объединялись с общим помещением двора. Но полного объединения всего внутреннего пространства все-таки не происходило.

Специалисты по истории крестьянской усадьбы всегда четко отличают крытый двор от простых помещений для зимнего содержания скота — хлевов, конюшен и т. п., не имеющих внутренних подразделений, независимо от того, пристроены ли они к дому или поставлены отдельно. Их не называют крытыми дворами даже при наличии над ними сеновалов. Тем более не называют крытыми дворами сени, подсенья, подызбицы и избы, хотя и в них сплошь да рядом, временно или постоянно содержался и кормился скот.

Такое разграничение понятий оправдано эволюцией крытого двора. Крытый двор повсюду развивался из нескольких закрытых построек и навесов, сгруппированных вокруг открытого двора, путем постепенного сближения построек и смыкания навесов до образования общей крыши. Этот процесс прослеживается для двухэтажных дворов по документам XVI—XVII вв., а одноэтажные дворы еще продолжали возникать таким путем в XIX—XX вв. на глазах у этнографов. Следы этой эволюции хорошо видны и в способах примыкания двора к дому, и в формах крыши, и в местных названиях отдельных деталей. Общая принципиальная схема этой эволюции выяснена еще в 1920—30-х годах финскими этнографами применительно к финноязычным народам Европейской России. В настоящее время этот процесс прослежен и у русских.

Важно подчеркнуть, что крытый двор формировался путем объединения нескольких построек, а отнюдь не путем расширения и деления какой-либо одной постройки. Предложенная В. И. Равдоникасом гипотеза о развитии крытого двора из сеней [5] ни на чем не основана. Неубедительна и попытка В. В. Пименова подкрепить эту гипотезу этнографическими материалами конца XIX— начала XX вв. [6] Доказано лишь наличие в бедняцких карельских усадьбах сеней-хлевов при отсутствии крытых дворов, но не доказано, что именно из таких сеней-хлевов развивались крытые дворы (сени-хлев — довольно характерная деталь усадьбы крайнего бедняка во всей Европейской России, в том числе и за пределами ареала крытого двора).

Разницу между крытым двором и отдельным помещением для скота признают и авторы атласа «Русские», не называющие крытыми дворами ни отдельные или пристроенные к избам хлевы, ни сени, ни подсенья [7]. Следовательно, для подтверждения версии о древнем происхождении крытых дворов эти авторы должны бы ссылаться на староладожские и белоозерские археологические материалы только в том случае, если бы по этим материалам реконструировались именно настоящие крытые дворы в точном смысле слова. Посмотрим, возможны ли такие реконструкции.

На рис. воспроизведены фрагменты опубликованных чертежей, на которых видны остатки усадьбы с предполагаемым крытым двором в Старой Ладоге и в одной из усадеб в Белоозере.

---

[5] В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 35—36.
[6] В. В. Пименов. Вепсы. М.— Л., 1965, стр. 222—224.
[7] Русские, стр. 140 и 152—153.

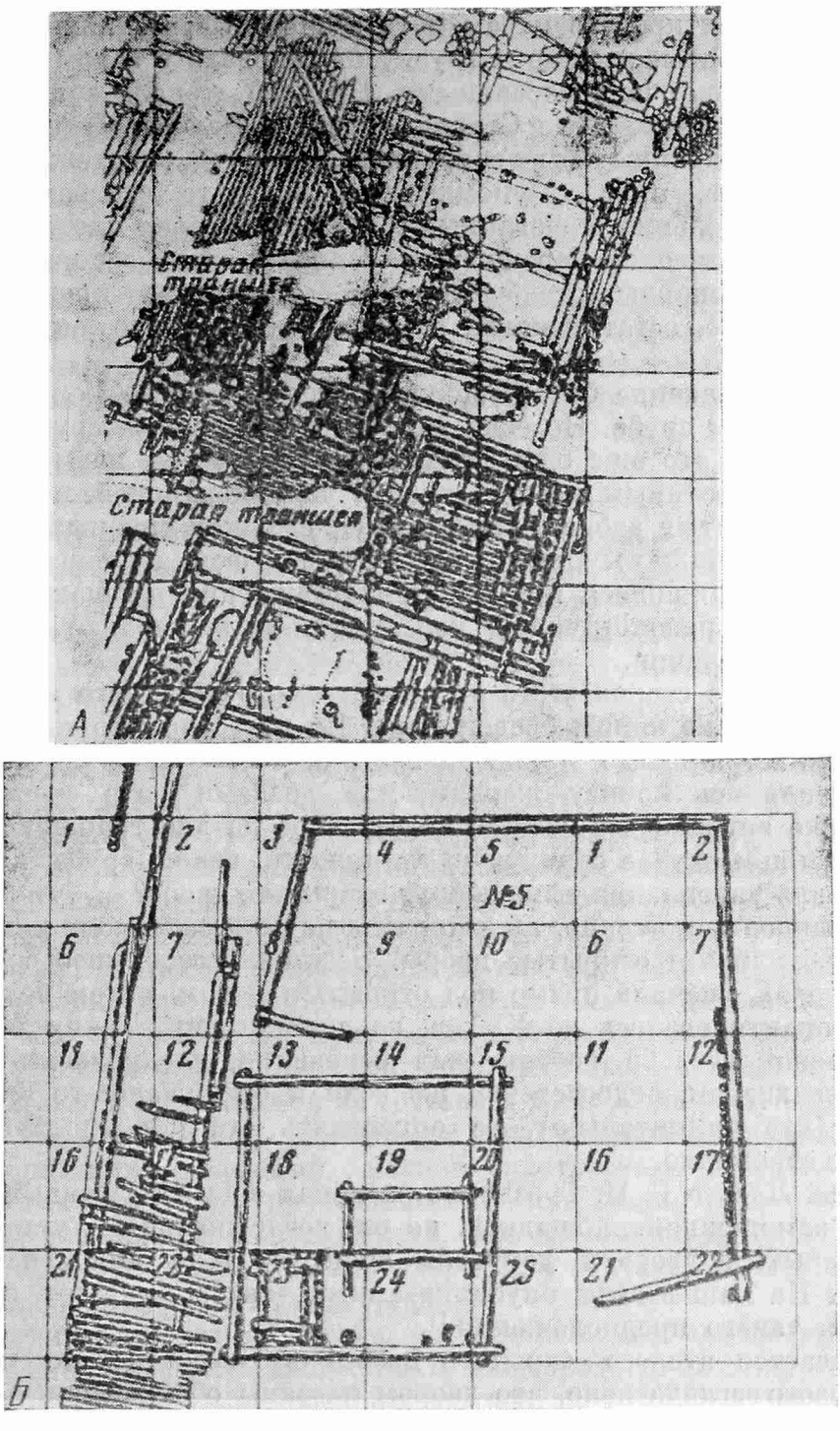


Рис. *А* — фрагмент плана раскопок в Ст. Ладоге (В. И. Равдоникас, 1949); *Б* — фрагмент плана раскопок в Белоозере (Л. А. Голубева, 1960)

В обеих усадьбах крытыми дворами считаются Г-образные площадки, каждая из которых охватывают с двух сторон избу. В Старой Ладоге площадка замощена жердями и не имеет достоверных следов ограждения с боков, в Белоозере площадка не замощена, имеет слой навоза и обложена по краям длинным бревнами, соединенными на углах врубками. Обе площадки не имеют следов каких-либо внутренних подразделений. Следовательно, если даже они имели стены и покрытия, их можно считать сараями, хлевами, конюшнями, но нет оснований называть их крытыми дворами. Однако наличие стен и покрытий тоже еще не доказано.

По этнографическим данным, перекрытия крытых дворов опирались, как правило, не на стены, а на столбы, чтобы можно было, не разбирая

перекрытий, ремонтировать и заменять стены, быстро гнившие от навоза и сырости. Столбы, несшие нагрузку от сеновала с сеном и от крыши со снегом, делались очень массивными. При той степени сохранности дерева, которая характерна для Старой Ладоги и Белоозера, нижние части таких столбов должны бы сохраниться. Но на чертежах их нет. В. И. Равдоникас, правда, упомянул о каких-то столбах [8], но если он имел в виду столбики, показанные у внешних сторон площадки, то они слишком тонки для опор перекрытия, расположены беспорядочно и не там, где нужно (опорные столбы должны бы находится прежде всего на углах). Это скорее, остатки каких-то легких оград, что впрочем, тоже еще не бесспорно.

Бревна, окружающие белоозерскую площадку, Л. А. Голубева считает нижним венцом сруба. Но если действительно имелся сруб при отсутствии столбов, то это еще один аргумент за то, чтобы называть данную постройку пристроенным к дому хлевом или конюшней, а не крытым двором, ибо в крытых дворах, как сказано, несущих срубных стен не делали (в первых этажах). Однако косоугольная форма площадки и неясные, плохо сохранившиеся примыкания ограждения площадки к стенам дома затрудняют реконструкцию перекрытия и заставляют вообще сомневаться в его наличии.

Вдоль одной из сторон этого предполагаемого «нижнего венца сруба» сохранились нижние концы бревен тына. Но известно, что тынины обычно ставились в траншею и прижимались к ее стенке лежачими бревнами, иногда скреплялись понизу жердями или досками [9], а в ответственных случаях даже врубались в бревно, положенное на дно траншеи [10]. Может быть, и в данном случае обнаружен не нижний венец сруба, а какое-то устройство для укрепления тына вокруг открытого двора?

Ни жердяное замощение, ни слой навоза не доказывают наличия покрытий. Мостились и открытые дворы. Бесстойловое зимнее содержание скота во дворах, сначала прямо под открытым небом, потом под легкими навесами, практиковалось до XVI в. во всей России. Таким образом, в староладожской усадьбе вообще нет оснований предполагать наличие крыши над двором, белоозерской же если и было какое-то крытое сооружение (что сомнительно), то определять его как крытый двор — явно преждевременно.

В Старой Ладоге Г. П. Гроздилов раскопал еще одну усадьбу того же времени с замощенной площадкой, но он воздержался от употребления термина «крытый двор» и допустил существование лишь навеса над площадкой. На наш взгляд, опубликованный чертеж не дает оснований даже и для такого предположения [11].

Что касается второго «крытого двора» в Белоозере, то по чертежу [12] с первого взгляда ясно, что двором названы обыкновенные сени или подсенье трехкамерного дома типа «связи», стоявшего посреди открытого двора. Небольшое количество навоза, найденное на полу этого помещения, не представляет собой ничего необычного ни для сеней, ни тем более для подсенья. Полагаем излишним разбирать этот объект подробно, заметим только, что немало таких «связей» найдено в Новгороде, но там археологи не называют сени дворами.

---

[8] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 25.

[9] В. А. Оборин. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.). «Уч. зап. Молотовск. гос. ун-та», 10, 3. Молотов, 1957, стр. 150 и 156; П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 45—46; М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 205—206.

[10] Дополнения к актам историческим, 10. СПб, 1867. Док. № 43, стр. 132.

[11] Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV, 1950, стр. 146, рис. 6.

[12] Л. А. Голубева. Славянские памятники, рис. 1.

Не последней причиной недоразумений является вольное обращение с терминами. В. И. Равдоникас пишет о «крытых дворах, служивших одновременно сенями, хлевом и сеновалом» [13]. Л. А. Голубева сначала называет открытую в Белоозере Г-образную площадку «хлевом и хозяйственным двором», затем делает вывод: «...перед нами — очень интересный дом с крытым двором... (хорошо известный на русском Севере по этнографическим данным)» [14]. Упомянутые сени или подсенье трехкамерного дома она называет «крытый хозяйственный двор или конюшня» [15]. Но тот севернорусский крестьянский крытый двор, который действительно хорошо известен по этнографическим данным, нельзя называть вообще «хозяйственным двором», ибо это узкоспециализированное животноводческое сооружение со строго определенным устройством. Крытый двор не может быть одновременно сенями, хлевом, конюшней и сеновалом, потому что каждое из этих помещений при наличии крытого двора может быть только его частью.

За недоразумениями здесь кроется более глубокое и серьезное непонимание общих закономерностей истории усадьбы. В. И. Равдоникас, исследуя городские усадьбы IX—X вв., привлек в качестве аналогии этнографические материалы о крестьянских усадьбах XIX — начала XX вв. И наоборот, авторы атласа «Русские», говоря о крестьянских усадьбах прошлого столетия, ссылаются на археологические данные городского происхождения и тысячелетней давности. Допустимы ли вообще такие прямые сопоставления фактов, относящихся к разным эпохам и разным классам общества? Да, допустимы, если стоять на позициях И. Е. Забелина, считавшего, что русская усадьба была крайне консервативна в своих формах и что не было принципиальных, качественных различий между усадьбами разных классов населения допетровской Руси [16]. Но не пора ли отнестись ко взглядам И. Е. Забелина критически?

Этнографы, а иногда и археологи до сих пор рассматривают усадьбу преимущественно как «жилище», в то время как на самом деле она, как правило, была прежде всего производственным комплексом. А производственные функции усадеб крестьян и горожан были настолько различны, что это не могло не отражаться на составе и устройстве всех построек и помещений. Различия еще усугублялись неодинаковой планировской сельских и городских поселений, разной плотностью застройки и т. д. Крытые скотные дворы крестьянского типа были просто не нужны горожанам, державшим меньше скота, чем крестьяне, да и нелегко было бы разместить настоящие крытые дворы при той весьма тесной застройка, которая обнаружена в Старой Ладоге.

И действительно, ни в Вологде, расположенной в ареале крестьянского двухэтажного крытого двора, ни в Новгороде и Москве, лежащих в ареале одноэтажного двора, раскопками пока не найдено никаких крытых дворов. Опубликованные описания усадеб посадских людей и других горожан XVI, XVII и начала XVIII вв., равно как и все известные рисунки и чертежи того же времени, изображающие городскую застройку, показывают, что и в эту эпоху крытые дворы в городах были редкостью, и если иногда встречались, то только в тех городах, в окрестностях которых такие дворы к тому времени уже имелись у крестьян (так, есть сведения XVI в. о крытых дворах в Холмогорах и Неноксе; может быть, можно усматривать что-то вроде крытых дворов в некоторых из усадеб Тихвинского посада, показанных на панораме 1678 г.).

---

[13] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, стр. 36.

[14] Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция. стр. 81 и 82.

[15] Л. А. Голубева. Славянские памятники..., стр. 44.

[16] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей прежнего времени. «Отечественные записки», 1851, 1, стр. 150; его же. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. «Древняя и новая Россия», 1878, 3, стр. 198.

Крытых дворов, сколько-нибудь похожих на крестьянские и возникших таким же путем, никогда не было и в усадьбах русских феодалов, которые в отношении животноводческой техники вообще сильно отставали от «черносошных» крестьян северной России (исключение — некоторые крупные северные монастыри). Большие и сложные животноводческие постройки, начавшие появляться у наиболее богатых помещиков в XVIII в. и позже, восходят более к западноевропейским образцам. Как правило, не было крытых дворов и в мещанских усадьбах русских городов XVIII—XIX вв., хотя у самых окраин многих из этих городов в деревнях до сих пор стоят старые крестьянские крытые дворы.

Вообще, по всем данным, крытые дворы в России за все время их существования были специфически крестьянским явлением и лишь в виде исключения встречались в усадьбах других классов. Видимо, надо признать, что в Старой Ладоге и Белоозере не только не найдено крытых дворов, но и не было оснований искать их там. Во всяком случае, найденные там объекты явно не похожи на те сооружения XIX—XX вв., которые принято называть крытыми дворами. При всей ценности этих находок для изучения истории городской усадьбы они не дают оснований делать какие-либо выводы об усадьбах крестьян. Если же для изучения истории собственно крестьянской усадьбы требуется использовать археологические методы, то надо и раскапывать именно крестьянские усадьбы, чего до сих пор, к сожалению, почти не делается.

Критика и библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА ЗА 1968 г.*

Двенадцать книг и отдельных монографий, сборников предварительных отчетов, тематических выпусков трудов и журналов, вышедших в свет в 1968 г., достаточно разносторонне характеризуют успехи среднеазиатской археологии. Как положительное явление следует отметить успешную издательскую деятельность республиканских академий. Так, два монографических сборника были изданы в Алма-Ате, интересный опыт оперативной публикации отчетов был осуществлен археологами, работающими в Туркмении, как и прежде первое место по издательской деятельности занимает Таджикистан. К сожалению, в 1968 г. ни одной книги не было издано в Киргизии, явно недостаточна издательская активность археологов Узбекистана, где имеется значительное число первоклассных материалов, ждущих своей публикации, и прежде всего материалов, добытых многолетними раскопками на Афросиабе. Ведущим жанром среднеазиатской археологической литературы является публикация новых материалов с предварительными комментариями и интерпретацией, что закономерным образом отражает период количественного роста археологии Средней Азии и Казахстана. Монографии А. В. Виноградова и А. М. Мандельштама, содержащие интересные исторические обобщения, также в значительной мере связаны с изучением конкретных памятников и комплексов. Следует надеяться, что в дальнейшем повысится роль обобщающих трудов, сводок и аналитических изысканий, особенно необходимых для объединения усилий научных коллективов, работающих в разных центрах.

История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, 337 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, посвященных 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С. П. Толстова. Сборник содержит 44 статьи, в основном по истории, археологии и этнографии Средней Азии. Ряд статей географически не связан с материалами собственно территории Среднеазиатских республик, но затрагивает круг научных интересов ученого, которому сборник посвящен.

С. П. Толстов — один из первых исследователей Средней Азии, выдвинувших на передний план проблему древней ирригации. Этой проблеме посвящены первые статьи сборника: Э. Мамедова — «Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь» и Б. В. Андрианова «Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования».

В статье Б. В. Андрианова проблема, поставленная им, рассматривается на основе обширного материала как Старого Света (в том числе и Средней Азии), так и на исследованиях в Новом Свете. Автор справедливо отмечает, что имеющиеся материалы не позволяют рассматривать процесс распространения «навыков ирригационного земледелия» как «механическое перенесение этих навыков из одного района в другой». Вместе с тем было бы ошибкой считать, по мнению автора, что в любом локальном очаге древней ирригационной культуры (в частности в Хорезме) проблемы доместицирования растений и изобретения методов орошения решались в полной изоляции (стр. 25). Б. В. Виноградов специально останавливается на связи древней ирригации с совершенствованием орудий труда, что удачно проиллюстрировано двумя таблицами.

Исследования эпохи неолита и бронзы отражены в шести статьях, в которых наряду с публикациями новых памятников этой эпохи (О. Бердыев. Чакмалы-Депе — новый памятник времени Анау IA) и общих обзоров изучения неолита по отдельным

* С целью улучшения информационно-библиографической работы Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР предполагает с 1968 г. выпускать регулярные обзоры монографий и сборников по соответствующей тематике.

районам (Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. К вопросу о неолите Прикаспия; А. В. Виноградов. Неолит Прикаспия) помещено исследование по проблеме сложения земледелия в Хорезме (М. А. Итина. Древнехорезмское земледелие). В последней статье автор устанавливает, что хозяйство живших здесь так называемых тазабагъябских племен являлось комплексным — земледельческо-скотоводческим. Одновременно прослеживаются отдельные этапы прогрессивного развития ирригационных систем в районе обитания этих племен.

Более двадцати статей отведены древностям средневековья. Среди них имеются как публикации новых материалов, так и исследования по ряду различных проблем. Остановимся на последних. В. М. Массон в статье «К вопросу об общественном строе древней Средней Азии» возвращается к проблеме о рабовладельческой формации в ахеменидскую и кушанскую эпохи. Как известно, эта проблема, положительное решение которой было предложено в общетеоретическом плане в связи с вопросом об азиатском способе производства еще в 30-х годах, в настоящее время стала предметом новой дискуссии. Автор статьи привлекает письменные и археологические материалы и, отмечая их общую недостаточность, приходит к выводу, что «следует говорить об эпохе классового общества древней Средней Азии (с VIII—VII вв. по II—V вв. н. э.), как о времени р а з в и т и я рабовладельческих отношений» (стр. 101). Такая формулировка с успехом может быть применена и для средневековья, для эпохи феодализма, едва ли не вплоть до XIX в., учитывая имеющиеся материалы по рабовладению для этого времени.

Археологическими работами последних десятилетий открыт в Средней Азии ряд выдающихся памятников буддизма (храмы, монастыри) с замечательными произведениями искусства. Этому вопросу посвящена статья Б. А. Литвинского «Среднеазиатские народы и распространение буддизма». Автор ограничился обзором письменных источников и лингвистических данных. Материалы почерпнуты им в основном из работ зарубежных (западных и восточных) авторов, в ряде случаев труднодоступных, особенно на местах. Это делает статью весьма полезным пособием для археологов. Приводимые материалы подтверждают мнение К. В. Тревер, что распространение буддизма восходит к греко-бактрийскому времени.

Значительный интерес представляют публикации новых материалов по частным вопросам археологии Средней Азии. Из числа последних отметим исследование М. Г. Воробьевой «Ранние терракоты древнего Хорезма» и Е. Е. Неразик «О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв.».

В сборнике публикуются новые материалы по важному для среднеазиатской археологии разделу — о погребальных сооружениях. Таковы статьи Ю. А. Раппопорта и М. С. Лапирова-Скобло («Башнеобразные хорезмийские оссуарии»), В. А. Лихвид «Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении»), А. Д. Грача («Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии») и А. В. Гудковой «Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере»). В первой из названных статей делается интересная попытка реконструкции древнехорезмийского мавзолея в виде сооружения типа крепостной башни. Одновременно авторы возвращаются к более общему вопросу об оссуарном захоронении с так называемым «выставлением» трупов, что считается показателем принадлежности населения к зороастризму. По нашему мнению, оссуарный тип захоронения в той форме, которую он принял в Средней Азии, имеет весьма мало общего с зороастрийской религией и, во всяком случае, не может считаться показателем распространения этого учения.

Две статьи посвящены средневековой нумизматике: М. Е. Массона «Кладик дирхемов конца X — начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области» и Е. А. Давидович «О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов». В последней статье, автор, на основе анализа монет разных периодов Средневековья (так называемых «мусульманских»), имеющих обычно дату выпуска, обращает впервые внимание на необходимость при их использовании в качестве точного датирующего материала «учета различных особенностей их чекана и обращения». К этим особенностям автор статьи относит: а) анахронизмы как следствие вторичного употребления старых штампов; б) серийные чеканы, продолжавшиеся ряд лет без изменения надписей» (стр. 244). В связи с этими наблюдениями автор справедливо ставит нумизматам в упрек отсутствие пособий по среднеазиатской нумизматике.

Отталкиваясь от нумизматического материала, Т. А. Трофимова публикует интересную статью, связанную с проблемой этногенеза народов Средней Азии: «Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии». В статье, насколько нам известно, впервые дана карта Средней Азии, показывающая на основе краниологического материала распространение искусственной деформации с V—III вв. до н. э. и до IV—V н. э. Автор приводит изображения эфталитских правителей по статье Уйфальви, опубликованной в 1898 г., тогда как последние сводные работы по нумизматике кушан и эфталитов (Гиршмана и Гёбля) дают более обширный материал по затронутому автором вопросу. Было бы интересным привлечь и изобразительный материал по памятникам монументального искусства, например, по скульптуре Халчаяна, помимо приведенной

в статье прорисовки изображений двух персонажей на одном из оссуариев из некрополя Гяур-Калы (Хорезм).

Как было отмечено выше, помимо статей, относящихся собственно к Средней Азии, в сборник вошли статьи, непосредственно не связанные со среднеазиатской тематикой. Таковы, например, статья М. А. Дандамаева «Клинописные данные об Ариях», в которой приводится текст и перевод ряда клинописных документов из знаменитого архива вавилонского торгового дома Мураша (вторая половина V в. до н. э.) о колониях поселенцев в окрестностях Ниппура, выходцев из области Ария (нынешний Герат). До недавнего времени клинописная передача названия этой области из-за неверной транскрибирации понималась неверно, и поэтому они не привлекали к себе внимание исследователей восточноиранских областей. Впервые публикуемые в советской литературе, они представляют определенный интерес и для Средней Азии.

Много интересного найдут для себя археологи Средней Азии в статьях Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова и А. М. Хазанова по скифо-сарматской археологии. Значительная часть сборника отведена этнографическим статьям, посвященным отдельным народам Средней Азии, а также вопросам общего характера. В последних рассматриваются такие проблемы, как вопрос о структуре раннеродового общества (Ю. И. Семенов), вопрос о номадизме в Средней Азии и Казахстана (Т. А. Жданко).

В ряде статей рассматриваются брачные и семейные отношения у отдельных народов (С. М. Абразон — у киргизов, Г. П. Васильева — у туркмен). На материалах всей Средней Азии и Казахстана Н. А. Кисляков рассматривает вопрос о сохранении экзогамных норм в XIX и XX вв. Из числа других статей укажем интересную по новизне материала статью Н. Н. Ершова «Народная медицина таджиков Каратегина и Дарваза».

Отметим, наконец, весьма интересную, специальную статью Н. И. Игонина «Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки». Помещение ее в сборнике, посвященном С. П. Толстову, особо уместно, так как именно в руководимой им Хорезмской археологической экспедиции аэроразведка была применена впервые в Советском Союзе, и ей наука обязана открытием в труднодоступных районах Хорезма многих памятников древности.

Сборник в целом, включая и статьи, о которых, к сожалению, из-за ограниченности объема обзора не упоминалось, представляет весьма значительный вклад в обширную сейчас историко-археологическую и этнографическую литературу по Средней Азии. Сборник одновременно отражает признание советской научной общественностью крупных заслуг в деле изучения истории и этнографии народов Средней Азии С. П. Толстова, краткий обзор трудов которого открывает сборник.

А. М. Беленицкий

«Искусство таджикского народа, в 4». Известия Академии наук Таджикской ССР, отделение общественных наук, 1968, 2(52), Душанбе, 122 стр.

Академия наук Таджикской ССР систематически выпускает сборники «Искусство таджикского народа». Данный номер «Известий» является очередным, четвертым выпуском этой серии. В сборнике, как и в предыдущих выпусках, содержатся статьи по различным вопросам археологии, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства. В данном обзоре мы коснемся лишь статей, связанных с вопросами археологии.

В. А. Мешкерис в статье «Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху» выделяет согдийскую «школу» скульптурного искусства, которую она прослеживает на терракотовых антропоморфных статуэтках. Все статуэтки автор делит на три группы: а) примитивные, б) зрелого стиля и в) стилизованные. Наибольшее внимание уделяется статуэткам зрелого стиля, которые отличаются от примитивных своими пропорциями, соблюдением канона в изображении человека и высоким мастерством исполнения.

Во второй части статьи автор определяет место согдийской «школы» в искусстве Среднего Востока, сравнивая согдийские статуэтки с коропластикой других областей Кушанского царства. Наиболее близкой к согдийской является коропластика Хорезма. С IV—III вв. до н. э. по III в. н. э. она развивалась параллельно с согдийской, к концу же кушанского периода различий становится больше. При сравнении согдийских терракот с маргианскими устанавливается, что маргианские мало восприняли от традиций классического Востока. Среди них преобладают статуэтки эллинизированного типа, которые отличаются от согдийских не только пропорциями, типом лица, костюмом, но и своими пластическими особенностями. Своей работой по выделению согдийских терракот в самостоятельную «школу» и по определению места этой «школы» в искусстве Среднего Востока В. А. Мешкерис подтверждает положение Д. Шлюмберже об едином греко-иранском корне кушанского и парфянского искусства.

Н. Н. Негматов в статье «Эмблема Рима в живописи Уструшаны» сообщает об открытии уникальной стенной росписи во дворце уструшанских царей на городище Калаи Кахкаха I. На стене парадного коридора сохранилась часть росписи, изображающая волчицу, кормящую двух младенцев. Открытое изображение является эмблемой древнего Рима — Капитолийская волчица, кормящая Ромула и Рема. Отмечая находку золотого брактеата в Пенджикенте и сасанидских гемм с аналогичным сюжетом, автор предполагает два пути проникновения сюжета легенды на Восток. Согласно первому, легенда о Ромуле и Реме проникла в Среднюю Азию из Византии в период оживленных среднеазиатско-византийских связей, в VI—VII вв. Второй путь: легенда проникла в Среднюю Азию в кушанскую эпоху в период развитых отношений греко-римского мира со Средней Азией. Проникшее в IV—V вв. в Среднюю Азию христианство, которое получило там довольно широкое распространение, подготовило, по мнению Н. Н. Негматова, религиозную и культурную почву для восприятия различных мифологических представлений западных христианских народов. Такое объяснение кажется малоубедительным: мы практически имеем только один золотой брактеат, оттиснутый с монеты римско-византийского происхождения, и одно живописное изображение на стене. Говорить поэтому о бытовании древнеримской традиции в Средней Азии мы не имеем достаточно оснований. Кроме того, не следует называть эмблему Рима «христианской», как это делает автор на стр. 29, поскольку он сам говорит о том, что версия предания об основателях Рима Ромуле и Реме возникла еще к началу III в. до н. э.

В статье по истории архитектуры С. Г. Хмельницкого «Пештак и Михраб» заново ставится вопрос о происхождении и развитии портала (пештака) в архитектуре Средней Азии. Исследуя доарабскую архитектуру и затем архитектуру мусульманскую, автор показывает связь портала с народной архитектурой и приходит к выводу, что михраб, пештак и айван имеют единый генетический источник.

В разделе «Публикации» помещены две заметки об археологических находках. В первой («Фрагмент росписи из Чильхуджары») У. Пулатов издает фрагмент росписи на стене малого зала средневекового замка Чильхуджра (пос. Шахристан). Сохранность росписи очень плохая и нет возможности судить о ее сюжете, за исключением некоторых деталей. Несмотря на это, автор предлагает сюжетное истолкование, характеризует композиционное построение росписи и колористическое решение, приводит аналогии из памятников «гандхарского» или «кушанского» круга, из росписей Пенджикента и других районов Средней Азии. Для таких выводов нет достаточных фактических оснований, и публикация подобного рода вряд ли может быть использована в дальнейшем как научный материал.

Вторая заметка называется «О редких костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта» (Е. Д. Салтовская). На поселении Тудаи-Калон (II—III—VII—VIII вв. н. э.) в горелом слое над полом найдены фрагменты прямоугольных костяных пластин с изображением, как полагает автор, двух парящих богинь победы Ники-Виктории. Автор подробно останавливается на этом сильно «ориентализированном» образе Ники-Виктории, неоднократно встречающемся на Востоке. Датируется пластина I—IV вв. н. э. Е. Д. Салтовская воздерживается от прямого определения художественной школы изображения — является ли оно заимствованным или местным: скорее всего это синкретический культовый образ, возникший под влиянием индуизма и эллинистических традиций.

В разделе «Библиография», на основании перевода с французского статей Д. Шлюмберже «Descendants non-mediterranéens de l'art grec» и «Art parthe, art greco-romain», дано краткое изложение его концепции о несредиземноморских преемниках греческого искусства (под редакцией и с примечаниями Г. А. Кошеленко и В. А. Мешкерис).

И. Б. Бентович

«Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, 158 стр.

Рецензируемый сборник состоит из 11 статей, охватывающих большой хронологический период от палеолита до позднего средневековья. Он открывается статьей Н. Н. Костенко и Х. А. Алпысбаева «Геологическо-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита», характеризующей климат, фауну, а где возможно, и флору, начиная с позднего плиоцена и кончая современной эпохой.

Инвентарь наиболее раннего здесь Аккульского местонахождения представлен очень архаичными и примитивными формами орудий. Х. А. Алпысбаев дает описание отдельных рубящих орудий (стр. 12—13). Судя по масштабу, орудия имеют примерно одинаковые размеры, хотя в описании автор говорит о крупных и мелких предметах. Не совсем ясно из попредметного описания типологическое разделение группы орудий. В одних случаях Х. А. Алпысбаев называет их «рубящие орудия», в других «рубящие орудия типа чоппингтул» (рис. 2, *3*), но по приведенным рисункам они мало отличаются друг от друга. Необходимо было бы дать общее количество находок,

процентное соотношение орудий и отходов производства. В итоге неясно, чем же собственно более совершенные орудия отличаются от менее совершенных, ибо авторы в заключении пишут, что все изделия обработаны самым простым способом (стр. 13). О тождественности их по технике обработки нижнепалеолитическим орудиям Китая, Бирмы, Вьетнама, Индии и Африки следует говорить более определенно, со ссылками на конкретные памятники. Датировка Аккульского местонахождения шеллем, или шелль-ашелем, кажется нам не совсем обоснованной. Отсутствуют и геологические данные для датировки. Характеристика орудий стоянки ашель-мустьерского времени в урочище Кзылрысбен также дана без выделения групп и типов. Следует отметить и некоторую небрежность в описании, когда речь идет об орудии из целой тальки (стр. 16, рис. 3, *10*), а дается отщеп; у некоторых орудий дана ссылка на рисунки, а рисунки отсутствуют (рис. 3, *13*; рис. 4, *18*).

Исключительно важным памятником является многослойная мустьерская стоянка Валиханова с тремя культурными слоями, погребенными в толще лёсса. Коллекция стоянки представлена 14750 изделиями, среди которых имеются остроконечники, скребла, дисковидные нуклеусы. Особое значение памятника заключается в возможности датировать его геологически, на чем авторы подробно не останавливаются. Стоянка Валиханова, как и позднепалеолитическое поселение Ачисай, связанное с отложениями Голодностепского комплекса, могут стать эталонными памятниками для палеолита Казахстана. Хотелось бы, чтобы в статьях вообще больше внимания уделяли геологическим данным, которые позволяют датировать памятники.

Статья А. Г. Медоева «Стоянка-мастерская у озера Кудайколь» посвящена новым местонахождениям на северо-восточной окраине Сары-Арка, в урочищах Керегетас и Бытеу. А. Г. Медоев по-новому характеризует технические особенности индустрии стоянок, где ведущая роль принадлежит леваллуазским нуклеусам, отщепам и пластинкам (судя по приведенным рисункам), но наряду с этим многочисленны сколы, «...зачастую близкие атипичным заготовкам леваллуа» (стр. 132). Сравнивая инвентарь стоянок, открытых А. Г. Медоевым, с материалами Х. А. Алпысбаева (приведенными выше), мы должны отметить, что находки А. Г. Медоева представляют собой совершенно новые комплексы по их техническим и типологическим характеристикам. Новые памятники охватывают по существу весь нижний палеолит Казахстана и дают возможность судить о нем во всем его обилии и разнообразии.

В статье Г. А. Кушаева опубликованы два погребения эпохи бронзы и два погребения VI—V вв. до н. э. Погребения эпохи бронзы автор относит к переходному периоду между федоровским и алакульским этапами андроновской культуры. В статье М. К. Кадырбаева «Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана» дается классификация основных типов вооружения и конской узды в VII—III вв. до н. э. с разделением на два хронологических периода — VII—VI и V—III вв. до н. э. Автор считает, что для решения проблемы происхождения сакской культуры необходимо пересмотреть периодизацию культур эпохи бронзы. По мнению М. К. Кадырбаева, наблюдается преемственность погребального обряда и керамики некоторых курганов ранних кочевников с памятниками позднеалакульского и замараевского времени, минуя дандыбай-бегазинскую культуру. Этот вывод кажется нам несколько преждевременным, так как для него нет еще достаточных материалов. Одной из основных задач археологии раннежелезного века Казахстана является исследование памятников рубежа и первых веков нашей эры. М. К. Кадырбаев поддерживает гипотезу К. А. Акишева о «ранней монголизации сако-усуньских племен, начавшейся задолго до середины I тысячелетия до н. э.».

М. С. Мерщиев в статье «К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза» публикует результаты работ 1962 г. в западной части предполагаемой цитадели городища Тараза. В статье приводится разрез слоев и классификационная таблица материалов, главным образом керамических. Понимание разреза затрудняется из-за отсутствия плана раскопанных построек. Большие сомнения вызывают предлагаемые М. С. Мерщиевым датировки нижних слоев Тараза: I—III вв.; IV—VI вв.; VI—IX вв. Первая датировка дается по двум фрагментам стенок глиняных сосудов, которые, по словам автора, по обжигу и ангобу «аналогичны керамическим сосудам последующего слоя» (стр. 38). Эти черепки происходят из слоя зольных прослоек толщиной 50 *см*, лежащего на материке, для образования которого не требуется трех столетий. Галечная прослойка, отделяющая этот слой от последующего, идет под стеной здания (фундамент?), а затем выклинивается. IV—VI вв. датируется материал, происходящий из зольного слоя толщиной 1,5 *м*, который являлся заполнением помещения. Дата дается на основании аналогий с памятниками других районов Средней Азии, но все приводимые М. С. Мерщиевым даты аналогий захватывают и VII в. В следующем зольном слое была найдена «медная тюргешская монета второй или третьей четверти VIII в.» (стр. 46). Автор предлагает этот слой отнести к VI — началу IX в. Видимо, более правильно было бы датировать этот слой VIII—IX вв., что подтверждается находкой монеты. Необходимо отметить, что сами раскопки и публикации материала проведены на высоком уровне.

Статья Т. Н. Сениговой называется «Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.)». Автор пишет, что «среди оседлого населения Западного Семиречья

было распространено несколько религиозных течений: манихейство, зороастризм, христианство и буддизм» (стр. 51), что, однако, не всегда в должной мере аргументировано. Так, никаких специфически манихейских признаков на изображении, публикуемом на рис. 1, *1*, нет, а божества светил, как это известно и Т. Н. Сениговой (стр. 54), почитались не только манихеями. Мало убедительно и отнесение к манихеям погребений на Тик-Турмасском некрополе. Бездоказательно также утверждение Т. Н. Сениговой о существовании обычая выварки трупов у зороастрийцев, который является местной особенностью погребального обряда, характерного лишь для проживавшего в Таразе и его округе населения» (стр. 55). Ведь только находка железной «сковороды» даже диаметром 1,5 *м* и большой «вилки» около оссурного захоронения не дает права на столь широкие выводы. Древность такой большой поковки, как эта «сковорода», весьма сомнительна. Не убеждает и выделение в Таразском некрополе буддийских могил. Недостатком статьи является отсутствие указания мест находок публикуемых вещей.

В статье К. М. Байпакова «Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья» излагаются работы специального отряда, изучавшего средневековые городища и поселения Семиречья в 1962—1964 гг. Были произведены раскопки на городищах Кегень, Ак-Там, Агашаяк, Сумбе, Антоновском. Отряд провел разведку в низовьях Или и в районе Приджунгарья, где было открыто и обследовано 20 городищ. Результаты работ очень важны, так как города этого района Семиречья почти не изучались. К. М. Байпаков приходит к выводу, что одна часть поселений Северо-Восточного Семиречья возникла в IX—X вв., а другая — в XI—XII вв.

Ф. Х. Арсланова в статье «Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.)» публикует материалы из раскопок 52 курганов, оставленных кимакско-кипчакскими племенами. В статье помещена сводная таблица материалов из курганов с разделением на два хронологических периода: VII—IX вв. и X—XII вв.

А. Г. Максимова в статье «Средневековые погребения Семиречья» дает публикацию ряда могил XIV—XVI вв., а также погребения с конем в кургане VIII в., в урочище Кызыл-Кайнар Джамбульской области. Автор предполагает, что в кургане погребен воин-карлук, однако не исключено, что это погребение VIII в. может относиться еще в тюргешскому периоду. О. Исмагулов в статье «Материалы по антропологии тюрков Семиречья» рассматривает серию в двенадцать черепов из раскопок погребений тюрков VI—VIII вв., которая «характеризуется всеми морфологическими особенностями промежуточного типа между европеоидной и монголоидными расами» (стр. 126).

Статья Л. Б. Ерзаковича «О позднесредневековом городище Аспара» посвящена археологически мало изученному на территории Казахстана периоду — XIII—XVI вв. На цитадели городища Аспара в Чуйской долине были проведены раскопки верхних слоев, где выявлено два разновременных строительных периода XIII—XIV и XV—XVI вв. Л. Б. Ерзакович привлекает данные письменных источников, которые в сопоставлении с археологическим материалом рисуют картину запустения городов в Чуйской и Таласской долинах в XIII—XIV вв. После XV в. города как центры торговли, ремесла, культуры на территории Чуйской и Таласской долин исчезают.

Такова краткая характеристика статей, опубликованных в сборнике. Те, кто занимается археологией Средней Азии и Казахстана, найдут в сборнике много нового материала, добытого и изученного археологами Казахстана за последние годы. Следует приветствовать оперативное издание этого небольшого по объему, но насыщенного интересным содержанием, сборника.

Г. В. Григорьева, В. И. Распопова

А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, 262 стр.

Археологи, занимающиеся Средней Азией, давно ждали публикации материалов, полученных при раскопках в зоне затопления Чардаринского водохранилища. По докладам участников работ и по диссертациям Л. М. Левиной и М. С. Мерщиева было очевидно, что материал получен интересный и очень важный. Со времени раскопок Г. В. Григорьева, положивших начало нашему представлению о культуре Каунчи, прошло 35 лет, и хотя датировки Г. В. Григорьева были со временем уточнены, сама каунчинская культура все еще ждала своей полной характеристики. Без преувеличения можно сказать, что авторы рецензируемой книги заполнили пробел в наших знаниях об этом важном для Средней Азии районе, причем на материале большой хронологической протяженности (от первых веков до XIII в. н. э.).

Книга состоит из введения, пяти глав и приложения, где дано описание раскопанных курганов.

В главе I «Поселение Ак-Тобе 2» (Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина) публикуется отчет о раскопках этого городища и дается классификация находок. Особенно интересен открытый здесь дворцовый комплекс, исследованный почти полностью. Анализ строительных приемов на этом и других поселениях позволяет авторам высказать

мысль о существовании местной традиции домостроительства. Нельзя не согласиться с авторами в их заключении о невозможности пользоваться для безоговорочных датировок стандартом кирпича, так как он неоднороден для различных районов Средней Азии.

Керамика городища Ак-Тобе 2 рассматривается авторами как комплекс каунчинской культуры первого этапа. Обилие материала и несомненная его одновременность позволяют использовать этот комплекс в дальнейшем как «керамический эталон» культуры Каунчи I. Исключительно важным является обнаружение в одном из помещений дворца погребения, совершенного вскоре после того, как дворец был заброшен. Оно определяет верхнюю границу жизни памятника и позволяет ограничить время бытования керамики Каунчи I концом IV — началом V вв. н. э.

Материалы следующего этапа каунчинской культуры публикуются в главе II «Городище Шаушукум», написанной Г. И. Пацевичем (керамика описана Е. И. Агеевой). Относительная хронология керамики здесь прослеживается хорошо и нет сомнений в том, что здесь мы видим ее дальнейшее развитие. Затрудняет чтение главы отсутствие ссылок на таблицы при описании керамики.

III глава написана М. С. Мерщиевым и посвящена исследованию городища Ак-Тобе 1. Это городище оказалось очень интересным памятником, существовавшим с IV по XIII вв. н. э. На протяжении девяти веков, как полагает автор, памятник менял свой облик, превращаясь из неукрепленного поселения в город-крепость с дворцом в цитадели. Хорошо, что автор избежал соблазна создать непрерывную хронологическую шкалу, справедливо отметив хронологический разрыв между II и III периодами.

Глава IV, написанная А. Г. Максимовой, посвящена раскопкам четырех могильников: Жаман-Тогай, Ак-Тобе, Шаушукумского и Торебай-Тумсык. В первом из них раскопано 9 курганов (из 22), погребения которых отнесены автором к четырем хронологическим этапам: эпохе бронзы, сакскому, рубежу нашей эры и III—V вв. Если первые две датировки не вызывают возражений, то разделение последних двух менее обоснованно и, может быть, хронологически они более близки друг к другу.

Могильник Ак-Тобе находится вблизи городища Ак-Тобе 2. Здесь раскопано лишь 14 курганов из 247. Это не дает возможности судить в полной мере о могильнике, расположенном рядом с поселением, являющимся ключевым памятником каунчинской культуры. Наибольшее число курганов раскопано в Шаушукумском могильнике (57 из 111). Здесь автором отмечаются несколько типов погребений: два типа катакомб, подбои и грунтовые могилы. Рассмотрение материала могильника не по комплексам, а суммарно приводит автора к выводу об общей дате могильника III—V вв. н. э. Однако среди инвентаря погребений имеются предметы, не укладывающиеся в эту дату, что при анализе комплексов было бы выявлено скорее. В катакомбах второго типа найдены мелкие железные наконечники стрел с опущенными жальцами, зеркало сарматского типа, а в грунтовой могиле кинжал с серповидным навершием, т. е. предметы, позволяющие говорить о более ранних погребениях, чем III в. н. э. С другой стороны, поясные накладки и глиняный сосуд из подбоя в кургане 16 позволяют предположить и более позднюю дату. Монета Кавада, обнаруженная в кургане 106, никак не может, как пишет автор, дать «верхнюю границу даты могильника». Она дает только дату кургана, в котором она найдена. Видимо, материал Шаушукумского могильника потребует еще своего детального рассмотрения.

11 курганов могильника Торебай-тумсык фактически почти не дали материала. Очень жаль, что при 91 раскопанном погребении в приложении приводится описание только 13, что значительно снижает ценность публикации могильников.

Авторы книги предложили вниманию читателей и некоторые историко-культурные выводы. Социально-имущественная дифференциация общества для начала V в. н. э. не вызывает удивления и вполне правомочна, а вот каков был строй общества, о котором мы только впервые получили представление, решать, видимо, рано. Так же, впрочем, как и их религиозные воззрения. В целом же вышедшая книга — очень отрадное явление в среднеазиатской археологии, не часто балующей нас в последнее время публикациями материалов, что сильно затрудняет работу всех нас. Надо надеяться, что эта хорошая традиция будет продолжена Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Н. Г. Горбунова

Сборник «Материальная культура Таджикистана», вып. 1, Душанбе, 1968, 243 стр.

Работы по археологии и древней истории Таджикистана, вышедшие за последние 20 лет, печатались в различных изданиях АН ТаджССР в основном в виде отдельных сборников и монографических трудов. Одновременно издавалась специальная серия ежегодников (всего опубликовано 9 выпусков), в которых оперативно освещались результаты экспедиционных исследований. Эти ежегодники получили признание среди специалистов. Рецензируемый сборник начинает новую археологическую серию

Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР. Задачи новой серии определены на стр. 4: «Разработка общих вопросов археологии Таджикистана, проблем древней истории, историографии археологических исследований, публикация и исследования нумизматического материала и на базе его, с привлечением письменных источников, изучение политической и социально-экономической истории, критико-библиографические работы»... Изложенная программа заслуживает всяческого одобрения, но вместе с тем появление этой серии ни в коем случае не должно исключать целесообразности продолжения издания ежегодников.

Первый выпуск «Материальной культуры Таджикистана» состоит из 12 статей, посвященных разным периодам истории, начиная от палеолита и до этнографической современности.

Сборник открывается статьей В. А. Ранова «Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965)» (стр. 5—45). Это обстоятельный историографический обзор исследований на всей территории Средней Азии памятников от нижнего палеолита и до наступления эпохи раннего металла (гиссарская культура). Автор излагает периодизацию истории изучения каменного века, характеризует главные проблемы и показывает достижения в изучении этого раздела среднеазиатской археологии. Большую ценность представляет приложенная библиография. В целом работа В. А. Ранова очень полезна, так как это первый и наиболее полный обзор изучения каменного века Средней Азии. С этой статьей тематически связана публикация А. Х. Юсупова «Стоянка Кум-Тепе», в которой описано одно из неолитических поселений, исследованных в зоне строительства Нурекской ГЭС.

Одна из самых крупных статей в сборнике принадлежит Б. А. Литвинскому «Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел» (стр. 69—115). В ней публикуется значительная коллекция предметов вооружения сакского периода. Автор классифицирует их по типам, рассматривает вопросы хронологии, происхождения и распространения отдельных видов оружия, приводит сведения из письменных источников о названии и употреблении их. Отметим, что не всегда точны и удачны описания оружия (стр. 70, 71, 81), и статья несколько отягощена дополнительными сведениями о вооружении соседних народов, хронологически и территориально далеко отстоявших от Средней Азии. Недостаточно обосновано объединение Памира, Ферганы и Ташкентского оазиса в единый регион (стр. 104). Несмотря на некоторые недостатки, работа Б. А. Литвинского несомненно представляет значительный интерес для разработки истории среднеазиатского оружия.

И. В. Пьянков в заметке «Ктесий о Зороастре» анализирует происхождение сообщения о Зороастре в труде Ктесия и рассматривает этот факт как отражение древней традиции о бактрийской родине зороастризма.

Две статьи посвящены памятникам северо-западной части Ферганы. В работе Н. Н. Негматова «Сомгора (к истории целинного Сомгорского массива)» дано описание древних памятников небольшой долины. Очень подробно охарактеризовано многослойное Сомгорское городище. Вызывает интерес поздний архитектурный комплекс — Гумбаз. Статья Е. Д. Салтовской «О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе» содержит публикацию нескольких небольших памятников. Крупное поселение Тудаи-Калон, раскапывавшееся автором, лишь упомянуто, а из добытых на нем материалов описаны две находки — каменная гиря и льячка. Значительное место уделено горным разработкам Карамазара, откуда на Тудаи-Калон поступал металл для дальнейшей обработки.

Однако предположения автора о происхождении металла и о рудной базе нуждаются в большей аргументации.

У. Пулатов описывает находки деревянной посуды, остатков музыкального инструмента и другие поделки из Чил-Худжны. Комплекс этих деревянных изделий расширяет наши представления о развитии обработки дерева и об утвари раннесредневекового периода.

В статье Э. В. Сайко «Краски глазурованной керамики XII—XV вв.» подробно анализируются разные краски и красители, употреблявшиеся средневековыми мастерами разных районов Средней Азии. Наибольший интерес представляют данные спектрального анализа красок и окрашенных глазурей из Шахи Зинда, Куня Ургенча, Новой Нисы и других памятников.

Этнографическая тематика представлена работой С. Марафиева «Месторасположение и общая планировка городов и крепостей Северного Таджикистана XVIII—XIX вв.». Метрологии посвящены работы А. А. Егани «Новые материалы по метрологии Средней Азии», в которой приводятся данные о расчете мискаля, мана и других мер в XIX в., и А. К. Писарчик «Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями». Они содержат новые данные и несомненно продвинут исследование древней метрологии.

Особый интерес вызывает работа Е. А. Давидович «Клад серебряных монет XVI в. из Бухары». Автор дает подробную публикацию клада, в котором встречен ряд новых типов монет. Анализ их позволил открыть новые факты, характеризующие денежное обращение этого периода и реформу правителя Кучкунчи хана. Небольшое по размерам исследование Е. А. Давидович вносит важный вклад в среднеазиатскую нумизматику.

В целом сборник довольно полно и ярко отражает тематику работ сектора археологии и нумизматики Института истории АН Таджикской ССР. В нем вводятся в науку новые и ценные материалы, имеющие в ряде случаев большое значение для изучения не только этой республики, но и всей Средней Азии. Следует пожелать успехов «новорожденной» серии «Материальная культура Таджикистана» и скорейшего выхода в свет второго выпуска.

Ю. А. Заднепровский

Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1969, 119 стр.

Рецензируемая книга посвящена религиозным верованиям древне-иранских племен (гл. II), а также содержит разбор представлений, связанных с иранским божеством — фарном (гл. III и IV), и переживаний этих верований у таджиков (гл. V). Все эти главы труда Б. А. Литвинского квалифицированно могут оценить только иранисты и историки религии древних иранцев. Не претендуя на это, отметим, что составленная автором сводка сведений о фарне представляется интересной и полезной.

Остановимся подробнее на археологической части и на том, как использованы собранные данные для объяснения смыслового значения конкретных археологических предметов — зооморфных ручек на сосудах.

Основной ареал зооморфных ручек, по Б. А. Литвинскому, — это районы среднего течения Сырдарьи. Вне его известны лишь единичные находки (стр. 3—5). С этим заключением трудно согласиться. Автор упоминает на территории Сев. Бактрии только городище Кейкобадшах, где найдены зооморфные ручки, а также Яван, и почему-то упускает из виду находки в кушанском слое Термеза [1], Зар-Тепе [2], Карабак-Тепе [3]. Автор соглашается с предположением С. С. Сорокина о появлении их здесь в связи с передвижениями кочевников (юечжей). Если это так, то следовало бы объяснить причины отсутствия подобных ручек в посуде, например, Тулхарского могильника, принадлежавшего кочевникам. Во всяком случае, возможность принадлежности зооморфных ручек посуде местного населения Бактрии не может быть исключена. В перечень находок автор не включил по непонятным причинам сосуда из Тали-Барзу [4], Афросиаба [5], Кызыл-Кара [6] и Ходжа-аждувана-Тепе [7] на территории Согда. Особо следовало бы остановиться на материалах Кызыл-Кара, где помимо зооморфных ручек обнаружены очажные подставки в форме головы барана и уникальный сосуд с изображением двух голов барана. На этом же поселении открыто древнее захоронение, возле которого лежал череп барана. Таким образом, здесь выявлен целый комплекс предметов, связанных с культом барана, который заслуживает подробного анализа.

Автор не упомянул также о находках подобных ручек в Хорезме [8] и Джеты-Асаре [9]. В совокупности все известные материалы показывают, что ареал рассматриваемых изделий был значительно бо́льшим и включал территорию от Хорезма и до Сев. Бактрии. Кстати отметим, что в обстоятельной статье М. П. Абрамовой [10] доказано, что зооморфные ручки были широко распространены в Сев. Причерноморье, но что их нельзя считать типичными для сарматов. Из всего сказанного вытекает, что заключение Б. А. Литвинского о распространении рассматриваемых изделий недостаточно обоснованно.

К сожалению, в работе отсутствует классификация сосудов и ручек, не рассмотрена хронология, не выделены типичные формы, не рассмотрена дальнейшая эволюция их и т. п.

Рассмотрим, как решается вопрос о назначении зооморфных ручек. Сначала автор предполагает a priori, что верования, связанные с появлением этих ручек, долж-

---

[1] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. Тр. ТАКЭ, II, 1945, рис. 28.

[2] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 7.

[3] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 104, рис. 70.

[4] Ю. А. Заднепровский, Б. Я. Ставиский. Кушанское царство. В кн. «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй...» М., 1965, рис. 4, на стр. 544.

[5] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афросиаб. КСИИМК, 36, 1951, стр. 140.

[6] В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр. ИМКУ, 1, Ташкент, 1959, рис. 6—8.

[7] О. В. Обельченко. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса — Кампыр-Дувала. Тр. САГУ, 172, 1960, рис. на стр. 24.

[8] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М, 1948, табл. 77.

[9] Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры. Сб. «Матер. культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 59.

[10] М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, 2, стр. 70, 74.

ны быть отражены в Авесте, в иранском эпосе и языке, а также и в древней иконографии (стр. 46). И далее сразу же следует утверждение: «изучение всех этих материалов показывает, что зооморфные ручки не могут рассматриваться вне проблемы символики, связанной с древнеиранским хварном (фарном)», стр. 46. Можно ожидать, что автор приведет обоснования, развернет исследование символики ручек и установит связь их именно с культом фарна. Но к этому вопросу автор возвращается только на стр. 90—91. И здесь также вместо рассмотрения вопроса он ограничивается следующим априорным допущением: «Что касается зооморфных ручек в виде барана на среднеазиатской и сарматской керамике, то и здесь, вообще говоря, возможно два решения: это воплощение фарна или Вэротрагны» (стр. 91).

Это предположение основано на аналогии с сасанидским искусством, в котором баран считается символом фарна (стр. 90). Учитывая распространение культа фарна и наличие в этом культе элементов, связанных с охраной содержимого сосуда, Б. А. Литвинский склоняется к объяснению зооморфных ручек в виде барана, как символа и воплощения именно фарна (стр. 91).

Недостаточно аргументированы и предположения о смысловом значении ручек в виде фигурки кабана, птиц, коня, собаки (стр. 92—94). Предположение о воплощении ручками именно культа фарна остается только допущением, интересной гипотезой, убедительных доказательств в пользу которой не представлено. В свое время К. М. Скалон установила, что зооморфные ручки служили оберегом, защищая сосуд с налитой жидкостью от враждебных сил [11]. Б. А. Литвинский в итоге изучения приходит почти к такому же заключению (стр. 110). Существенных различий в выводах обоих исследователей по сути дела нельзя обнаружить. Новое, что вносит Б. А. Литвинский, состоит в конкретизации, в увязке зооморфных ручек кангюйцев и сарматов с культом фарна (стр. 109). Относительно сарматских материалов М. П. Абрамова отмечает, что этот вывод Б. А. Литвинского вряд ли верен [12]. Что касается среднеазиатских материалов, то нам кажется, что гипотеза Б. А. Литвинского имеет право на существование.

При ознакомлении с работой возникает ряд вопросов: о причинах появления зооморфных ручек именно на рубеже нашей эры, о том, почему автор считает воплощением фарна только зооморфные ручки и исключает из исследования другие изображения (например, барана) и пр.

В заключение отметим, что значительное место в работе занимают лингвистические и этимологические примеры (стр. 18, 19—23, 24, 35, 36, 39, 47—50 и др.), значительную часть которых можно было бы безболезненно сократить.

Ю. А. Заднепровский

---

[11] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК, 1, Л., 1941.

[12] М. П. Абрамова. Ук. соч., стр. 83.

А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 8, 14, 1968, 178 стр.

Монография А. В. Виноградова представляет собой первый обобщающий труд по неолиту огромной области, выходящей далеко за границы собственно Хорезма. Автор привлекает широкий археологический материал, подробно характеризует природные условия, использует новейшие данные точных наук и результаты многолетних работ Хорезмской экспедиции за период 1938—1965 гг. Весьма ценной является разработанная автором методика исследования материала на развеянных стоянках с хронологическим членением археологических комплексов (стр. 21—33). Не менее важной является также разработанная А. В. Виноградовым классификация форм керамики кельтеминарской культуры (стр. 140). Особенно интересны две последние главы монографии, касающиеся проблемы хронологии и некоторых вопросов истории и культуры кельтеминарцев. На основании новых материалов автор выделяет три периода в истории кельтеминарской культуры (стр. 142). Не менее актуален и важен поставленный автором вопрос о территориальных границах Кельтеминара и соотношении его с культурами сопредельных территорий. Совершенно справедливо А. В. Виноградов выделяет группы неолитических стоянок, материал которых не может быть связан с кельтеминарской культурой (например, район Узеней, стоянки Устюрта, Оюклы и др., стр. 156). Автор сужает территорию кельтеминарской культуры, оставляя за нею лишь район Акчадарьинской дельты и прилегающие с востока и юго-востока районы внутренних Кызылкумов. В связи с этой проблемой А. В. Виноградов ставит вопрос о пересмотре выделенных им ранее локальных вариантов Кельтеминара и приводит новые доказательства в пользу существования в эпоху неолита на занятой кельтеминарской культурой территории близкородственных локальных культур (стр. 154). Весьма интересна разработка автором вопросов о понятии «микролитическая

техника», об истоках кельтеминарской культуры, о соотношении последней с суярганской культурой и многие другие.

Остановимся кратко на некоторых общих проблемах и вопросах. Автор совершенно справедливо отмечает, что прослеживаемые им на территории северной части Средней Азии культуры настолько близки и родственны, что их отнесение с единой культурной общности не вызывает сомнения (стр. 158). Таким образом, вместо одной кельтеминарской культуры с несколькими местными вариантами, как он полагал ранее [1], А. В. Виноградов предлагает выделить на этой территории несколько родственных локальных культур.

При этом важно отметить, что будь то отдельные локальные варианты одной культуры или самостоятельные, но исключительно близкие комплексы, связанные единством происхождения, исторического развития и последующего взаимовлиянием, все они объединены тесными родственными узами, отразившимися в большом сходстве их материальной культуры. Последнее обстоятельство позволяет отнести выделенные А. В. Виноградовым группы неолитических культур, обладающих огромным сходством с кельтеминарской, к единой культурной общности (можно назвать ее кельтеминарской). В этом понимании прежнее содержание локальных вариантов кельтеминарской культуры не противоречит новому.

Во многом спорной, на наш взгляд, является проблема хронологии кельтеминарской культуры. Привлекая новый фактический материал, автор по сути дела придерживается старой датировки раннего Кельтеминара — вторая половина IV — конец III тыс. до н. э. (стр. 135—152). При этом А. В. Виноградов ограничивается в основном керамикой и упускает из вида богатый кремневый инвентарь. Последний по своим техническим деталям и типам орудий обнаруживает близкое сходство с индустрией ранних земледельцев юга Туркмении периода позднего этапа джейтунской культуры [2] и частично с ранненеолитическими комплексами. Сходство проявляется в оформлении вкладышей серпов с зубчатым лезвием, боковых скребках и резчиках, в форме и отделке шлифованных тесел (стр. 105), почти тождественных орудиям Чагыллы-Депе (рис. 50, *4—5*), в пластинах с выделенной головкой, оформленных по типу пластин из верхнего слоя Монджуплы-Дерп — Чакмалы (рис. 43, *17—21*; 55, *24*; стр. 43, 94, 119) и в других деталях. Наблюдается сходство и в керамике: в окрашивании сосудов охрой, в наличии орнамента в виде лесенки (стр. 51, 54, 78, 80; рис. 17, *2*; 18, *6*; 32, *10*; 34, *8—9*), характерного для позднеджейтунского поселения Бами [3], и в виде волнистых линий (стр. 139), типичного для расписной керамики юга Средней Азии. Интересно, что и сам автор порою говорит о более ранней датировке Кельтеминара, когда касается вопроса появления сосудов с окрашенными стенками под влиянием культур Южной Туркмении не только в IV тыс. до н. э., но и в более раннее время. В этой связи весьма интересны открытые в Кызылкумах А. В. Виноградовым новые неолитические памятники, которые по технике обработки камня, сочетанию групп орудий, заготовкам, обилию геометрических микролитов и частично по керамике соответствуют раннему Джейтуну. Тем самым они как бы заполняют лакуну между Кельтеминаром и позднемезолитическими комплексами Восточного Прикаспия [4]. Проблема верхней границы кельтеминарской культуры тесно перекликается с вопросом о соотношении Кельтеминара с суярганской культурой. По определению автора, ранний Суярган, представленный материалами камышлинского этапа, обнаруживает поразительное сходство с поздним Кельтеминаром (стр. 174—175). На наш взгляд, это сходство можно объяснить не столько генезисом Суяргана из позднего Кельтеминара, сколько принадлежностью камышлинского этапа к позднему заключительному периоду кельтеминарской культуры. Различия, наблюдаемые А. В. Виноградовым в раннесуярганской керамике, по-видимому, следует относить за счет эволюции, которую претерпевают на всем протяжении развития кельтеминарской культуры как керамика, так и каменный инвентарь, и за счет южных влияний древних земледельцев.

В работах А. В. Виноградова затрагивается ряд вопросов методического характера, вызывающих некоторые возражения. Это вопрос о понятии «микролитическая техника» и о назначении микролитов, о классификации каменного инвентаря и о значении трасологического метода исследования. По определению А. В. Виноградова, «основным исходным моментом микролитической техники является совершенная пластинчатая индустрия и изготовление подавляющего большинства орудий из ножевидных пластин ... и техника рассечения пластины на части и использование сечений с дополнительной обработкой или без обработки» (стр. 161). Нам представляется, что в понятие «микролитическая техника» следует вкладывать комплекс признаков:

---

[1] А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура. Автореф. канд. дис. М., 1957, стр. 9.

[2] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969.

[3] О. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. Ашхабад, 1965, стр. 8.

[4] А. В. Виноградов. Неолит Южных Кызылкумов. Доклад, прочитанный на заседании подсекции неолита Пленума Института археологии АН СССР, 23.IV.1969 г.

вкладышевую технику изготовления орудий, предполагающую применение вкладышей небольших размеров (геометрических микролитов всех форм, разнообразных законченных сечений пластин, микропластин, могущих употребляться только как вкладыши, шириною примерно до 0,8 *см*), нуклеусы с негативами сколов микропластин, микролитические скребочки, используемые только в рукоятке, и др. В зависимости от количества их в той или иной стоянке определяется степень микролитоидности рассматриваемой индустрии. Если микролитические элементы составляют свыше 50%, к такой индустрии можно применить слово микролитическая, если меньше, то нужно говорить о степени микролитоидности данной индустрии. Едва ли следует абсолютизировать и назначение микролитов. Не все микролиты предназначались для одной функции (стр. 168—170). Ведь значение вкладышей и состояло в том, что из них можно было сделать любое орудие, любой длины и формы. Отсюда и многофункциональность вкладышевых орудий, в том числе и пластин со скошенным концом и геометрических микролитов.

Несколько слов о значении трасологического метода исследования. По А. В. Виноградову, последний «может лишь корректировать результаты традиционных методов» (стр. 105). Это не совсем так. Исследуя технику обработки камня и приемы оформления орудий, назначение их в работе, функциональный метод устанавливает первичные и вторичные функции орудий, определяет динамику орудия и его эволюцию во времени. Несмотря на наличие технической традиционности в изготовлении орудий и в их формах, среди них можно наблюдать отклонения в использовании. В изучении же экономики первобытного общества метод микроанализа остается незаменимым, как незаменим типологический метод в раскрытии ряда других сторон истории древних культур.

Нуждается в уточнении составленная автором классификация кремневых орудий. Так, одна часть пластин с выемками отнесена к пластинам с притупленным краем, вторая — к ножевидным с ретушью (стр. 43—45); одни ретушированные пластины включены в серию пластин с притупленным краем, другие — в пластины с ретушью, хотя все они относятся к одному типу — типу пластин с ретушью, которые, в свою очередь, подразделяются на подтипы: с притупленным краем, с выемками, со скошенным концом и т. д. Имеются некоторые неточности и в описании самих орудий.

Однако высказанные выше замечания и разногласия по ряду вопросов ни в коей мере не снижают общего хорошего впечатления, которое оставляет книга А. В. Виноградова. Являясь первой полной публикацией неолитических материалов Хорезма, данная монография заполняет существенный пробел в изучении северных племен Средней Азии. Затронутые в ней проблемы истории, культуры и хронологии археологических комплексов, рассматриваемых автором на широком историческом фоне, заставляют по-новому взглянуть на культурный мир неолитической Средней Азии и ее обитателей.

Г. Ф. Коробкова

«Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8.

Настоящий номер журнала, специально приуроченный к Международной конференции по кушанской проблеме, является тематическим и включает 10 статей и небольших сообщений, а также указатель соответствующей литературы, вышедшей в советский период. Содержание его в целом довольно четко отражает основные направления исследований, которые ведутся в Узбекистане по указанной проблеме. Читатель находит здесь много новых, весьма интересных фактических данных, полученных, главным образом, в результате больших работ на археологических памятниках античного времени, развернувшихся в текущем десятилетии. Они, безусловно, привлекут к себе внимание не только специалистов, но и более широкого круга лиц, интересующихся прошлым Средней Азии.

Прежде чем дать оценку отдельных статей, хотелось бы отметить, что подбор их несколько специфичен и довольно ясно отражает ту точку зрения по вопросу о границах Кушанского государства, которую здесь защищает М. Е. Массон. Очевидно этим объясняется то, что результатам исследований ранних слоев Афрасиаба и памятников кочевого населения Согда посвящены лишь небольшие заметки. Такой акцент может быть понят, но таит в себе определенные опасности, поскольку упомянутый вопрос все же остается дискуссионным.

Номер открывается небольшой статьей И. М. Муминова «К Международной конференции по кушанской проблеме», которая является вводной и соответственно дает лишь общую оценку значения проблемы и важности ее изучения.

Вторая статья — Я. Г. Гулямова — «Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии» содержит в основном общий очерк истории Кушанского государства; вопросы ирригации в ней занимают второе место. У читателя невольно создается впечатление, что перед нами сильно сокращенный вариант какой-то значительно большей по объему работы. Оно усиливается и тем, что излагаемая автором концеп-

ция дана без развернутой аргументации. О последнем приходится особо сожалеть, поскольку это лишает возможности оценить концепции в целом. Следует заметить, что, публикуя данную статью, автор взял на себя серьезное научное обязательство изложить свою точку зрения в другом месте, уже со всеми необходимыми обоснованиями.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на два момента, которые представляются при всех вариантах дискуссионными. Автор полагает, что тохары являются дахами и само название их — вариант этого племенного названия с приставкой (?!) «ар», означающей «великий муж, могущественный, храбрый» и содержащейся также в имени Аршак (стр. 6). Но это вряд ли может быть убедительно с точки зрения лингвистики: случаев передачи названия дахов с начальным «т», равно как и тохар с начальным «д», в известных сейчас источниках не засвидетельствовано. К какому языку принадлежит слово «ар» с указанными значениями автор не говорит, но в иранских и вообще в индоевропейских языках искать его тщетно. Что касается исторических известий, то в них указаний о передвижении дахов в Бактрию и участии их в уничтожении Греко-Бактрийского царства нет. Толкование китайского наименования Бактрии — Дася, как синонима дахов, имевшее некогда некоторое хождение в специальной литературе, уже давно устарело. Далее Я. Г. Гулямов указывает, что «союз племен (или государственное образование) больших юечжей сложился в Восточном Туркестане» (стр. 9). Если это не случайная неточность, согласование с данными источников здесь затруднительно. Следует также выразить сожаление, что результаты многолетних исследований ирригационных систем античного времени, проведенных автором, нашли здесь очень неполное отражение.

Следующая затем статья М. Е. Массона «К вопросу о северных границах государства „великих кушан“» отличается наличием весьма обширной аргументации. Автор последовательно выступает против мнения, что в состав Кушанского царства входила почти вся Средняя Азия и считает более правильным определить его северные границы в соответствии с северными пределами Тохаристана в широком его понимании.

Справедливо указывая на возможность различного толкования ряда реже привлекавшихся известий письменных источников, М. Е. Массон склонен придавать особо важное значение свидетельствам нумизматики. Приведенная им здесь сводка данных о находках кушанских монет в разных областях Средней Азии представляет большой интерес и дает в целом довольно убедительную картину. Тем не менее, при настоящем уровне наших знаний рассматриваемый вопрос все же приходится считать еще весьма неясным и дискуссионным. Пока нет данных о внутреннем устройстве и системе управления кушанского государства (особенно в период его наибольшей экспансии). Монеты сами по себе не могут служить достаточно твердой основой для окончательных заключений, так как политическое подчинение не обязательно должно было сопровождаться утерей права на собственный выпуск денежных знаков. Материалы, которыми мы располагаем, весьма ограничены, и опыт последних десятилетий подсказывает необходимость соблюдать осторожность. Здесь уместно напомнить, что в последние годы, благодаря раскопкам больших масштабов, обнаружены совершенно неизвестные ранее монеты местного чекана ранне-средневековой Осрушаны и Тохаристана. Новые раскопки могут дать и иные неожиданности.

При отсутствии других известий не может быть оставлено без должного внимания указание о границах «Кушаншахра» в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра». Здесь в качестве крайних областей его фигурируют Пешвар, Каш, Согд и горы Чачстана. Упоминание последних, вне зависимости от их конкретной локализации, уводит нас при всех вариантах интерпретации далеко на север от границ Тохаристана. Следует учитывать и косвенные данные, в частности попытки кушан активно вмешиваться в события, происходившие в Восточном Туркестане. Доступ в него для крупных военных сил практически возможен был только через Фергану. Очевидно, решение этого, безусловно очень важного, вопроса — дело будущего, когда появятся дополнительные данные. Видимо, нет еще достаточных данных и для того, чтобы установить южные пределы Кангюя.

Третья большая статья — Г. А. Пугаченковой «К изучению памятников Северной Бактрии» содержит обзор основных результатов раскопок экспедиции Института искусствознания на целом ряде археологических памятников Южного Узбекистана. Частично они уже нашли свое отражение в печати (например, Халчаян), но многое публикуется впервые. Наиболее перспективным памятником бесспорно является городище Дальверзин-Тепе, где уже на первом этапе работ получены весьма важные результаты. Автор считает, что это городище — первоначальная столица кушан и приводит даже ее древнее название — Ходзо (стр. 32). Неясно, однако, откуда почерпнуто оно.

Последняя статья — М. Рахманова «О театральном искусстве кушанской эпохи» написана на узбекском языке, вследствие чего доступна далеко не всем читателям. Рассматриваемые в ней вопросы носят специальный характер и многое, как признает автор, пока остается в пределах предположений. Хотелось бы отметить, что здесь полезным было бы также обращение к материалам из Восточного Туркестана.

Следующие затем 5 небольших сообщений посвящены конкретным памятникам и носят в основном публикационный характер. Сообщение Б. А. Тургунова «Айртам-

ский могильник» содержит предварительную характеристику итогов работ 1966 г. на этом очень интересном памятнике. Предлагаемая автором датировка исследованных погребений не вызывает сомнений, хотя не вполне ясно, почему он назван памятником «бактрийского и кушанского времени» (стр. 53). Следует отметить, что ямы с уступами довольно многочисленны (как и подбои) в территориально близком кочевническом Бабашовском могильнике.

Заметка О. В. Обельченко «Лявандакская пряжка» посвящена интересной находке, сделанной при раскопках кургана № 16 Лявандакского могильника. Может быть не следовало бы акцентировать, что именно пряжка уточняет датировку, но оценка ее как важного памятника искусства кочевников античного времени, безусловно, правильна. В связи с этим хотелось бы отметить, что прямоугольные пряжки с изображением верблюда (но лежащего) найдены также в упоминавшемся выше Бабашовском могильнике. Очень своеобразен новый памятник, описанный в заметке Л. И. Альбаума и Г. Агзамходжаева «Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом». Видимо, здесь следует предполагать вторичное использование постройки, первоначальное назначение которой пока неясно. Но факт обнаружения своеобразного склепа сам по себе чрезвычайно интересен.

Небольшая заметка Ю. Ф. Бурякова и М. Тагиева «О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба» является единственной работой, отражающей многолетние исследования ранних культурных напластований городища древнего Самарканда. Она носит, в сущности, информационный характер, но содержит новые фактические данные, существенные для понимания древней истории города. Несколько полнее по объему публикуемых материалов сообщение Н. И. Крашенинниковой «Разрез крепостной стены древнего Кеша». Хотя проведенные автором работы носили ограниченные масштабы, они дали довольно четкое представление не только об истории фортификационных сооружений, но и о стратиграфии памятника. Следует надеяться, что они будут продолжены и расширены.

Завершается номер библиографическим указателем Б. В. Лунина «История и памятники материальной культуры кушанского периода в советской литературе». Автор указывает во введении, что не претендует на исчерпывающий учет всех работ и, естественно, делает определенный акцент на вышедшие в Узбекистане.

В целом опыт выпуска тематического номера журнала «Общественные науки в Узбекистане» следует признать удачным и ценным начинанием.

А. М. Мандельштам

А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР, № 145, Л., 1968, 184 стр.

Настоящее издание является шестым томом трудов Таджикской археологической экспедиции и первой монографией, специально посвященной памятникам эпохи бронзы на территории Таджикистана. На юго-западе республики в Бишкентской долине, в двух могильниках античной эпохи — Тулхарском и Аруктауском — было обнаружено несколько весьма ранних погребальных комплексов. Их публикация и исследование даны в рассматриваемой книге.

Судя по стратиграфическим наблюдениям, наиболее ранними могилами являются встреченные в Тулхарском могильнике ямы с углублением в южной части и с надмогильным сооружением из семи камней. Углубление содержало золу и обломки человеческих костей, перекрытые крупными камнями. Поблизости, на дне ямы, расположен выполненный из камней знак в виде свастики или «колеса с четырьмя спицами». Иногда на дне ямы встречаются также мелкие обломки грубой, слабо обожженной керамики (стр. 57—58). Эти погребения с обрядом трупосожжения А. М. Мандельштам склонен ориентировочно относить к XIV—XIII вв. до н. э. (стр. 98—99). О том, что памятники этого типа были распространены сравнительно широко, свидетельствуют раскопки одного из курганов с земляной насыпью в могильнике Бабашов на правом берегу Амударьи, где также обнаружено углубление с пеплом и знак в виде свастики (стр. 96).

Наиболее яркий и выразительный вещевой материал дали в Тулхарском могильнике ямы «со спуском», каковой комплекс А. М. Мандельштам не без оснований предлагает выделить в особую бишкентскую культуру (стр. 132). Здесь представлены скорченные погребения различной ориентации как одиночные, так и парные, с четкими признаками неодновременного захоронения особей различного пола. В состав погребального инвентаря входят глиняные сосуды как лепные, так и сделанные на гончарном круге, кости барана, бронзовые и медные ножи, кинжалы, круглые зеркала (обычно без ручки), булавки (в том числе с биспиральным и лопаточковидным навершием), бусы и некоторые другие предметы. Примечательно расположение погребенных мужского пола на правом боку, а женщин — на левом. Весьма интересны выложенные из камня миниатюрные очаги: в мужских могилах — квадратные, в женских — овальные (стр. 54). Весь комплекс А. М. Мандельштам склонен датировать в пределах XIII—IX вв. до н. э. (стр. 92). Видимо, к

числу более поздних захоронений принадлежат могилы варианта «Б» с прямоугольным углублением, выложенным камнями в средней части могильной ямы, куда помещены кости как будто уже расчлененного скелета (стр. 55, 93).

Наконец, наиболее поздним комплексом в Тулхарском могильнике являются погребения в катакомбах, где погребенные помещались также в скорченном положении, а в число инвентаря входили глиняные сосуды, бусы и кости барана (стр. 58). Ориентировочная датировка этого комплекса — IX — VIII вв. до н. э. (стр. 94). Судя по глиняным сосудам, к этому времени относятся и погребения в яме, расположенной внутри каменной ограды (стр. 58—59, 94). В Аруктауском могильнике ранний комплекс представлен погребениями под каменной насыпью, иногда вполне отчетливо являющейся результатом разрушения круглой или прямоугольной ограды. В одном случае погребенный располагался в яме под каменной насыпью (стр. 59—60). Ориентировочная датировка ранних аруктауских погребений — последняя треть II — начало I тыс. до н. э. (стр. 95). В приложении к книге помещены статьи И. В. Богдановой-Березовской о химическом составе металлических предметов и Т. П. Кияткиной о краниологических материалах.

Следует отметить, что как раскопки всех указанных комплексов, так и их публикация осуществлялись А. М. Мандельштамом весьма тщательно и с большой обстоятельностью. Возможно, правда, для удобства читателей следовало бы осуществить привязку к номерам погребений их классификации, предлагаемой в главе второй. Весьма подробно разработаны А. М. Мандельштамом вопросы хронологии (глава III, стр. 61—95). Отметим, что возможно более осторожной датой для бишкентской культуры (могилы со спуском) была бы вторая половина II тыс. до н. э. (ср. стр. 91).

Открытие могильников эпохи поздней бронзы в Южном Таджикистане представляет первостепенный интерес для древней истории Средней Азии и соседних стран. Так, находки керамики, сделанной на гончарном круге, указывают скорее всего на наличие в Бактрии в это время местного центра высокоразвитой оседло-земледельческой культуры (ср. стр. 93). Можно согласиться с выводом А. М. Мандельштама, что аналогии этой керамики в посуде мургабского варианта комплекса Намазга VI имеют скорее всего хронологическое значение (стр. 130), а не генетическое, как это полагают некоторые исследователи [1]. Поселение этих оседлых земледельцев северной Бактрии с сырцовой архитектурой было недавно открыто Л. И. Альбаумом в районе Термеза.

Исследованные А. М. Мандельштамом могильники принадлежат не оседло-земледельческому, а скотоводческому населению, с иными культурными традициями. Исследуя историко-культурное место этих комплексов, А. М. Мандельштам отмечает их северные связи, уходящие в зону высокого пояса евроазиатских степей, что наложило, в частности, определенный отпечаток на формы металлических изделий (стр. 135—136). Особенно показательны в этом отношении пластинчатые браслеты из погребения под каменным курганом Аруктауского могильника, имеющие отчетливые андроновские параллели и совершенно отличные от массивных браслетов комплекса Намазга VI. Вместе с тем в книге достаточно убедительно разработан вопрос об аналогиях южнотаджикистанских могильников с обрядами, отраженными в древнеиндийской погребальной традиции. Это касается и вопроса кремации (стр. 102—105), и символов колеса и свастики (стр. 106), и связи правой стороны с мужским полом, а левой — с женским (стр. 113), так же как и форм круглого и квадратного очага-алтаря (стр. 126) [2]. Все это делает вполне обоснованным постановку вопроса о связи погребений с обрядом кремации и бишкентской культуры с племенами индоязычной общности и традиций (стр. 136). Если исходить из тезиса о последовательном расселении сначала индоязычных, а затем ираноязычных племен, логически допустимо сопоставление с последними комплексов с захоронениями в катакомбах, как более поздних в исследованных могильниках (стр. 140).

Как бы то ни было, совершенно ясно, что памятники, открытые в южном Таджикистане, могут с полным правом привлекаться при рассмотрении проблемы расселения индо-иранских племен. В этой связи особый интерес представляют могильники II — начала I тыс. до н. э. в северном Пакистане, недавно раскапывавшиеся итальянскими и пакистанскими археологами [3]. Здесь, наряду с трупоположением, представлена также и кремация, иногда с помещением пепла в специальную урну. Обряд погребения в могильнике Кателай 1 — наличие на дне могилы ямы, предназначенной для захоронения и перекрытой каменными плитами, отчетливо перекликается с вариантом «Б» ям со спуском (стр. 55) и таким типом южнотаджи-

---

[1] Б. А. Литвинский. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, 4, стр. 125—126.

[2] Не исключено, что такая дифференциация формы культового очага восходит еще к глубинным традициям энеолитической эпохи. См. о круглых прямоугольных жертвенниках-очагах. И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 89—90.

[3] G. Stacul. Preliminary Report of the Pre. Buddist Necropolis in Swat «East and West», 1966. 1—2; «Ancient Pakcistan», III, Peshawen, 1967.

кистанских погребений, как яма с углублением в южной части (стр. 57). Совершенно ясно, что перед нами явления большого территориального диапазона.

К сожалению, вопрос о происхождении скотоводческих комплексов, открытых в южном Таджикистане, остается в значительной степени открытым (стр. 130—132, 135—136). Вместе с тем эти комплексы еще раз указывают на время поздней бронзы в Средней Азии как на эпоху больших этнических сдвигов, в которых приняли участие как срубные и андроновские племена (и западные и восточные), так и целый ряд других групп племен степного круга. Существенно, что именно в этот период в таком комплексе, как Намазга VI, появляются новые черты, чуждые местной оседло-земледельческой традиции (знак свастики, ранее совершенно неизвестный, обряд частичного трупосожжения, могильники, обособленно расположенные в стороне от поселений). Накопление новых материалов и их вдумчивая и осторожная интерпретация, удачным образцом чего является рассматриваемый труд, несомненно будут способствовать успешной разработке этой одной из узловых проблем древней истории азиатского материка.

В. М. Массон

Каракумские древности. Ашхабад, 1968, вып. I, 64 стр., 11 рис; вып. II—70 стр. +26 рис.

Многолетние исследования археологических памятников в южной Туркмении отмечены в последние два года знаменательным событием: в 1967 и в 1968 гг., вскоре после завершения летнего полевого сезона, были изданы сборники отчетов о раскопках. Надо приветствовать эту оперативность и, к сожалению, незнакомую нам быстроту доведения результатов работ до научной общественности. Поскольку состав отрядов и ассортимент археологических объектов в зоне орошения третьей очереди Кара-Кумского канала им. В. И. Ленина оставались в течение двух лет неизменными, мы рассмотрим оба сборника совместно, по авторам статей и объектам работ. Надо отметить, что оба сборника содержат не только отчеты о раскопках. Треть (6 и 18) статей посвящена предварительной камеральной обработке полученных материалов. Оба сборника открываются краткими вступлениями «От редактора», принадлежащими перу В. М. Массона.

Результатам работ отряда по изучению памятников эпохи неолита посвящены отчеты его начальника О. Бердыева «Изучение памятников эпохи неолита» (вып. I, стр. 9—17) и «Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе» (вып. II, стр. 10—17). Первый отчет содержит описание раскопок на уже известных поселениях джейтунской культуры — Чопан-Депе и Тоголок-Депе, а также характеристику разведочного шурфа на вновь открытом поселении этой культуры Песседжик-Депе. Особенно интересными следует считать результаты раскопок Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе, изложенные во втором выпуске. После сезона 1968 г., во время которого было вскрыто значительное по площади здание типично джейтунской планировки на первом поселении, появились объективные данные для того, чтобы считать появление общинных домов не в раннем энеолите, а еще в неолите. Что же касается второго поселения, то оно по-своему также примечательно — впервые в южнотуркменистанской археологии появилась реальная возможность установления истоков технических достижений того времени, в частности металлургии и ткачества, и, добавим от себя, прямоугольного формованного кирпича. В связи с этим несколько неожиданно звучит тезис о том, что поселение было оставлено людьми с преимущественно скотоводческим хозяйством. Названные отрасли производства могли возникнуть, развиться и совершенствоваться только в условиях оседло-земледельческого хозяйства. Следует напомнить автору раскопок, что Чакмаклы-Депе в планировочном отношении не одиноко — в одну группу с ним надо включать и верхний слой Монджуклы-Депе, раскопанный А. А. Марущенко в 1959 г.

Статьи Г. Ф. Коробковой «Производственный инвентарь поселений Чопан-Депе, Тоголок-Депе и Песседжик-Депе» (вып. I, стр. 54—62) и «Орудия труда с неолитического поселения Песседжик-Депе по данным функционального анализа» (вып. II, стр. 61—67) полностью соответствуют своим названиям. Автор на основании специального анализа серии предметов, прослеживает (в первой статье) эволюцию в технике обработки камня и в наборе орудий труда, которая намечалась им же ранее для второго этапа джейтунской культуры [1]. Ряд признаков, по мнению автора, характеризует хронологическую тенденцию в развитии орудий. Во второй статье выдвигается мнение, что Чопан-Депе, Тоголок-Депе и Песседжик-Депе можно рассматривать в качестве автаркичного оазиса, при глубоком внутреннем единстве всей джейтунской культуры.

Статьи начальника отряда по изучению памятников эпохи бронзы А. Я. Щетенко «Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе»

[1] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореф. канд. дис., Л., 1966.

(вып. I, стр. 18—29) и «Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе» (вып. II, стр. 18—24) сочетают в себе полевые отчеты с предварительным осмыслением материалов раскопок. Им вводятся в научный оборот находки с пяти новых памятников. Стратиграфическая шурфовка одного из них — Елен-Депе — дала принципиально важные результаты: была установлена максимальная мощность культурных слоев времени Намазга II (восемь строительных горизонтов и обнаружен круглый алтарь геоксюрского типа с центральным отверстием [2]. Последнее является неоспоримым аргументом в пользу мнения о единстве идеологических представлений эпохи энеолита у населения всей Южной Туркмении.

Раскопки поселения Тайчанак-Депе дали богатую коллекцию предметов времени раннего Намазга V. В целом они показывают поразительную близость находкам с поселений протогородского типа Намазга-Депе и Алтын-Депе, что может указывать на то же культурное единство всей подгорной полосы, независимо от того, где жили люди — на большом или на маленьком поселении. Вызывает некоторое сомнение справедливость мнения автора о том, что ряд мелких поселений этого района времени Намазга V — Тайчанак-Депе, Шор-Депе и Коша-Депе — были оставлены в результате переселения их жителей на Намазга-Депе. Возможно, в данном случае население названных поселков не влилось в коллектив «намазганцев», а ушло в какие-то другие места, для определения которых еще недостаточно данных.

Предварительной обработке костных остатков из поселений, раскопанных А. Я. Щетенко в 1967 г., посвящена статья Н. М. Ермоловой «Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана» (вып. I, стр. 48—53). Автор показывает ошибочность мнения И. Дюрста (1908 г.) об отнесении костей эквид к домашней форме вида; все они принадлежали кулану, который наравне с джейраном представлял основной объект охоты древнего населения подгорной равнины Копетдага. Отмечается как особо интересная находка кость двугорбого верблюда из Шор-Депе, отнесение которой как к дикой, так и к домашней формам вида, является пока затруднительным.

В сборник включена статья И. С. Масимова «Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз» (вып. II, стр. 25—29). Разведочный стратиграфический шурф показал, что основные слои памятника Коша-Депе сложились в эпоху Намазга IV и V. В кратких выводах автора (стр. 28) заметно сильное влияние статьи А. Я. Щетенко из того же выпуска (стр. 24).

Обстоятельная статья Г. Н. Лисициной «Растительность Южной Туркмении» в VI—I тысячелетиях до н. э. по данным определения углей» (вып. II, стр. 51—56) посвящена определению экологических условий, в которых жило древнее население этих мест. На основании многих специальных анализов автор приходит к выводу, что с неолита до эпохи поздней бронзы состав определенных пород деревьев полностью соответствует современным. А ряд изменений — таких как обезлесение северных склонов Копетдага, запустение многих оазисов и огромных обжитых областей (Машеди-Мисрианская равнина) — является результатом постоянных и существенных гидрографических изменений и деятельности людей.

Исследованию памятников античного (парфянского) времени посвящена группа статей: В. Н. Пилипко «Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе» (вып. I, стр. 30—35), Г. А. Кошеленко и В. Н. Пилипко «Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы» (вып. II, стр. 30—35) и В. Н. Пилипко «Раскопки парфянского сельского поселения в геоктепинском районе» (вып. II, стр. 36—38). К этим основным статьям примыкают по тематике отчет А. Губаева и Г. А. Кошеленко «Изучение античных и раннесредневековых памятников» (вып. I, стр. 36—42) и заметки Т. И. Берлина, Л. А. Лелокова и Ю. А. Рузавина «Особенности стенописей Мансур-Депе» (вып. II, стр. 47—50).

Особенно примечательными и имеющими большое научное значение надо считать раскопки Мансур-Депе, начатые более 10 лет назад; только сейчас было установлено, что в недрах холма были скрыты остатки замечательного и редкого сооружения — парфянского святилища, которое пока ориентировочно можно относить ко II—I вв. до н. э. Северная часть комплекса позволяет судить об исходном типе сооружения, которое в сасанидское время представлено своеобразным храмом-киоском — чортаком. Разведки и раскопки парфянских памятников геоктепинского района, которые еще не позволяют делать существенных исторических выводов, показывают, что территория Парфиены в античное время была плотно заселена.

Средневековые памятники изучались в районе Геок-Депе (указанная статья А. Губаева и Г. А. Кошеленко) и, в основном, в районе Артыка-Баба-Дурмаза. Об этом рассказывают статьи А. Губаева «Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка» (вып. II, стр. 39—42) и Е. Атагарриева «Обследование средневековых памятников и раскопки на городище Чугондор» (вып. I, стр. 43—47) и «Раскопки на городище Чугондор» (вып. II, стр. 43—46). Отчет А. Губаева, начальника отряда по изучению раннесредневековых памятников, не содержит каких-либо примечатель-

[2] В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений Анауской культуры. СА, 1962, 1, стр. 48—49.

ных мыслей и носит формальный характер; оттуда даже трудно извлечь фактические данные. Видимо, это можно объяснить тем, что работа на поселениях раннесредневекового периода, по справедливому мнению редактора сборника В. М. Массона, идет замедленными темпами. Более обстоятельны оба отчета Е. Атагаррыева, начальника отряда по изучению позднесредневековых памятников. На поселении Чугондор, которое принято отождествлять со средневековым городом Куфеном, в 1967 г. им в разных местах были заложены шесть раскопов. Они дали доброкачественный материал: оборонительную стену из обожженного кирпича (раскоп № 1), караван-сарай (№ 2), колодец на шахристане (№ 3), жилые помещения (№ 4) и множество первоклассных предметов древнего ремесла. В 1968 г. были заложены еще два раскопа, которые выявили части древней, по-видимому, жилой планировки. Нам представляется, что эти раскопы следовало бы нумеровать не сызнова, а продолжать нумерацию предыдущего года раскопок и впредь придерживаться порядковой нумерации, независимо от года раскопок.

Подводя итоги сказанному, следует отдать должное инициативе и энергии двух лиц — ответственного редактора сборников В. М. Массона и одного из его участников А. Я. Щетенко, благодаря которым это издание увидело свет. Это издание — поучительный и достойный подражания пример для многих крупных экспедиций, особенно новостроечных; именно так надо доводить полевые отчеты до научной общественности, а не забивать ими портфели редакций, где они стареют и занимают места серьезных работ. Однако ответственному редактору будущих сборников полевых отчетов следует тщательнее их отбирать, чтобы не получалось почти полного совпадения статей там и в ежегодных сборниках «Археологические открытия», издаваемых Институтом археологии АН СССР под редакцией академика Б. А. Рыбакова, что можно отметить для некоторых отчетов в рецензируемых «Каракумских древностях».

И. Н. Хлопин

Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Вып. 3(53). Душанбе, 1968.

Известия АН Таджикской ССР (отделение общественных наук) имеют периодичность 4 выпуска в год. В 1968 г. один из выпусков 3(53) был почти полностью посвящен археологии и связанным с ней вопросам.

Окрывает выпуск статья В. А. Ранова «О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии», посвященная проблеме выделения отдельных технических традиций в каменном веке, за которыми, как полагают, скрываются локальные культуры. Хорошо знакомый с работами подобного рода в зарубежной литературе, автор предпринял попытку рассмотреть под этим углом зрения палеолит Средней Азии и выделяет для среднего и верхнего палеолита три локальных группы. Следует надеяться, что последующее накопление фактов уточнят нынешние представления о характере сложения и развития палеолита Средней Азии.

Чрезвычайно важной проблеме посвящена статья И. В. Пьянкова «Саки». Нам представляется, что автор пошел единственно правильным путем: он стремится установить значение этого термина у древних авторов, пользовавшихся им. Исследуя персидские надписи ахеменидского времени, он приходит к следующему выводу: во времена Кира персы вошли в соприкосновение с кочевым племенем, обитавшим на востоке Средней Азии, для которого самоназванием было «саки». Позднее этот термин стал собирательным и им называлось как это племя, так и остальные, близкие по культуре к нему. Вместе с тем появились термины для обозначения отдельных племен. Данная терминология была позднее воспринята греками, для которых персы в течение долгого времени были основным источником сведений о Средней Азии [1].

Интересный материал публикуется в статье А. Д. Бабаева «Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире». Здесь, начиная с 1962 г., был открыт ряд могильников, древнейшим из которых является Чильхона. Автор датирует его III—I вв. до н. э., отмечая очень большую близость и в обряде погребения и в погребальном инвентаре с восточнопамирскими сакскими могильниками.

Гончарные печи античной Бактрии почти совершенно неизвестны, поэтому не может не привлечь внимания статья Х. Мухитдинова «Гончарный квартал городища Сакоснохур», в которой опубликован довольно значительный материал по этой слабо разработанной теме. Автором в стратиграфическом раскопе вскрыто 9 гончарных печей. По своим конструктивным особенностям они близки печам Мервского оазиса (поселение Джин-Депе, I в до н. э.— I в. н. э.) и печам первых веков нашей эры Хорезма. Автор датирует печи нижнего горизонта греко-бактрийским временем, а верхнего — временем ранних кушан. Не подлежит сомнению чрезвычайная важность подобного открытия. Городище Саксанохур, часть материалов которого только

[1] Близкие взгляды развивает и М. А. Дандамаев. М. А. Дандамаев. Поход Дария против скифского племени тиграхауда. КСИНА, 61, 1963.

что опубликована и в журнале «Советская археология» [2], видимо, действительно относится в своих ранних слоях к греко-бактрийскому времени. Однако и в публикации Х. Мухитдинова, и в большой статье Б. А. Литвинского и Х. Мухитдинова не приводится керамический материал из раннего слоя. Сравнение керамики Саксанохура с уже опубликованной керамикой Айя-Ханум могло бы помочь в решении проблемы датировки.

В статье А. Мухтарова «Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан)» опубликованы две интересные капители, найденные при земляных работах в 1958 г. и ставшие известными археологам в 1965 г. К сожалению, довольно плохое качество иллюстраций не позволяет получить полного представления об этих действительно интересных архитектурных деталях. Соглашаясь с датировкой их кушанским временем (т. е. первыми веками нашей эры), заметим, что вряд ли подобные капители стоит называть коринфскими. Более правильным был бы термин — «композитная капитель». Ни в коем случае нельзя считать, как это делает автор, что «включение в композицию капители человеческих подражаний в виде полуфигур или бюстов было отличительной особенностью кушанского, парфянского и гандхарского зодчества». Подобного характера капители достаточно широко распространены и на западе, и их отличия от греко-римской архитектуры не типологические, а стилистические. Непонятна терминология автора: гандхарское искусство — это ведь также искусство кушанского времени, почему оно противопоставляется кушанскому искусству?

В статье Б. А. Литвинского «Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии» автор привлекает этнографические материалы для истолкования некоторых особенностей погребального обряда могильников Ферганы III—VII вв. н. э. Внимание автора привлекают следующие черты погребального обряда — оставление пищи для покойного [3], снабжение его монетой и т. п.

В статье Т. М. Атаханова «Средневековое городище Туткаул (VII—XII вв. н. э.)» публикуются материалы раскопок, проведенных автором летом 1963 г. Древнейшие слои — VII—VIII вв. встречены только в 3 из 5 заложенных автором раскопов, причем строительные остатки зафиксированы только в двух из них. Это дает автору основание говорить о том, что в VII—VIII вв. территория городища была сравнительно небольшой. Расцвет городища приходится на IX—XII вв. Из слоев этого времени происходит и основная масса находок. Отметим, что иногда автор настолько осторожно излагает свои мысли, что понять его становится невозможным.

Выяснению истории дворца Хульбкуских правителей посвящена статья Э. Гулямовой «Этапы истории хульбкуского дворца». Автор выделяет два основных строительных периода. Конец первого связан с пожаром, после которого произошла очень значительная перепланировка всего комплекса. Отсутствие чертежей затрудняет понимание доводов автора. Вопрос, который решается в статье, настолько важен для истории хульбкуского дворца, что, с нашей точки зрения, стоило бы пойти на некоторое расширение объема работы.

В статье М. А. Бубновой «К истории добычи полезных ископаемых на Памире» приведена краткая информация о результатах работ на «крыше мира», в долине Базар-Дара и Курган-Тае. Отряд провел сплошное обследование указанных долин и обнаружил рудники, связанные с добычей серебра. Особенно важно, что наряду с исследованием рудников проводились раскопки как бытовых, так и погребальных памятников, расположенных в непосредственной близости. Большое значение имеют находки в рудниках датируемых предметов (в том числе горного инструмента), что дает реальные основания для воссоздания общей картины рудных промыслов в конкретном микрорайоне. Предполагается, что заселение труднодоступной долины Базар-Дара связано в первую очередь именно с добычей серебра, что представляется вполне вероятным.

В статье «Нумизматические заметки» Е. А. Давидович рассматривает новые монетные находки, и при интерпретации их приходит к весьма важным выводам, касающимся отдельных эпизодов из политической истории Средней Азии в эпоху средневековья. Большой интерес имеют ранее неопубликованные монеты Самарканда, показывающие, что наряду с общегосударственными монетами, в XIII в. имелись и узколокальные эмиссии.

Рецензируемый выпуск заканчивается статьей А. Л. Хромова, в которой приводятся историко-лингвистические исследования, касающиеся согдийских и памирских диалектов.

Заканчивая обзор статей настоящего сборника, нельзя не признать определенное значение подобных изданий. Вместе с тем хотелось бы видеть в таких выпусках хотя и предварительную, но достаточно широкую публикацию нового археологического материала, сопровождающегося соответствующими иллюстрациями. Во всяком

---

[2] Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, 2.

[3] Несколько иную трактовку этого распространенного по всей древней Средней Азии обряда см.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1964, стр. 107 сл.

случае, до сих пор мы сталкиваемся с таким положением, когда первая по-настоящему полная публикация к моменту выхода во многом теряет свою новизну, а нарастающий поток информации все более усугубляет такое положение. Отсутствие ежегодного информационного сборника по археологии Средней Азии все более затрудняет общее изучение прошлого страны.

Г. А. Кошеленко, В. И. Сарианиди

Палеолит и неолит СССР. Том. 5. Под ред. П. И. Борисковского. Материалы и исследования по археологии СССР, № 131. «Наука». М.— Л., 1965.

Пять сборников «Палеолит и неолит СССР», выходящие в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», заслужили всеобщее признание у нас и за рубежом. В них были опубликованы такие работы, как статья А. Н. Рогачева «Многослойные стоянки костенковско-боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине», ставшая этапной для изучения верхнего палеолита в СССР, статья Н. З. Паничкиной об уникальной шелльской стоянке, Сатанп-даре, первой в СССР, остающаяся до сих пор образцом статья В. П. Любина «Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии», где впервые в СССР древнепалеолитические материалы анализировались по-новому, с учетом методов Ф. Борда. Второй выпуск «Палеолита и неолита» (МИА, 39) был целиком переведен на французский язык, а статья А. Н. Рогачева из третьего выпуска (МИА, 59) подробно излагалась разными авторами на английском и французском языках. Каждый сборник этой серии был настоящим событием в науке. Обобщающие статьи, где каждый раз по-новому трактовались вопросы общего порядка, чередовались с полной публикацией важнейших памятников каменного века СССР. Сборники были часто местом полемики (см. споры А. Н. Рогачева и П. И. Борисковского в МИА, 59, полемическую статью В. А. Городцова об Ильской стоянке в МИА, 2), но никогда не были рупором одного направления в науке. Все это предъявляет особые требования и к рецензируемому, пятому тому. На его страницах помещены работы по палеолиту Кавказа и средней полосы восточной Европы, по каменному веку Белоруссии, Поволжья, Подонья, Казахстана, Прибайкалья и далекого Сахалина. Уже одна широта географического охвата не может не вызывать интереса у читателя. Все его статьи посвящены крайне важным вопросам изучения первобытности — методике исследования материала, хронологии, выявлению этнокультурных регионов. К достоинствам рецензируемого тома относится и то, что его авторы затронули ряд дискуссионных проблем, которым мы и посвящаем последующие страницы.

Сборник открывается статьей В. П. Любина «К вопросу о методике изучения древнепалеолитических каменных орудий». В. П. Любину более чем кому-либо другому мы обязаны перенесением в нашу литературу понятия «леваллуа» из зарубежной, где это понятие бытует уже давно. У нас же до недавнего времени леваллуазские ядрища относились к дисковидным, пластины считались признаком верхнепалеолитической техники, а леваллуазские острия вовсе не выделялись.

В. П. Любин излагает предложенные Ф. Бордом и М. З. Паничкиной критерии разделения древнепалеолитических ядрищ на леваллуазские и нелеваллуазские и предлагает свои принципы подразделения, согласно которым основным отличием леваллуазского ядрища от нелеваллуазского является расположение и количество ударных площадок и параллельность снятий. В этом определении опущена одна черта, которую отметил еще Ф. Борд: оббивка всего ядрища (не только площадки) до скалывания заготовок.

Классификация автора леваллуазских ядрищ, противопоставляемая им классификациям Ф. Борда и М. З. Паничкиной, могла бы быть совмещена с ними. Термин Ф. Борда «нуклеус для пластин» почти всегда адекватен термину М. З. Паничкиной «четырехугольный нуклеус», а «нуклеус для острий» — треугольному нуклеусу. «Нуклеусы типа Джрабер» являются локальным типом, свойственным Кавказу: они не встречены на Ближнем Востоке, в Африке, во Франции.

Гипотеза о происхождении леваллуазских нуклеусов через веерообразные из дисковидных у В. П. Любина не основана на материале. Переходные формы между дисковидными, леваллуазскими и веерообразными нуклеусами объясняются тем, что дисковидные ядрища в процессе обработки могли неоднократно переоформляться в веерообразные, в леваллуазские и снова в дисковидные. В. П. Любин называет изобретение леваллуазской техники «актом всемирно-исторического значения», который вызвал «изменения всего общественного строя». Этому противоречит то обстоятельство, что большинство мустьерского населения Европы употребляло вплоть до начала верхнего палеолита нелеваллуазскую технику. Лишь на Ближнем Востоке из леваллуа возникла эмирийская верхнепалеолитическая культура, в Европе же культуры ориньякского пути развития возникли из нелеваллуазских культур. Видимо, обе техники были одинаково прогрессивны сравнительно с более ранней техникой раскалывания.

По вопросу о разделении заготовок на пластины, отщепы и острия В. П. Любин, следуя в основном за Ф. Бордом, предлагает параллельно с существующим высчи-

тывать еще один индекс пластин: он допускает, что к пластинам можно отнести более короткие заготовки, чем те, у которых отношение ширины к длине 1 : 2, но насколько более короткие, он не пишет. Уделив основное внимание технике раскалывания, В. П. Любин в отношении типологии орудий ограничился лишь переводом французских терминов и беглыми замечаниями о некоторых типах. Читатель должен верить на слово, что Кендарасы III — это верхний ашель, а Каркуста-Кау — мустье. Это очень снижает убедительность выводов автора.

Как известно, Ф. Борд пришел к заключению, что в мустьерское время на территории Юго-Западной Франции развивались различные археологические культуры: Кина, Фераси, зубчатое мустье, мустье с ашельской традицией, типичное мустье. Развитие первобытной техники шло в разных культурах независимо и разными путями. Основой этого построения является развитая типология, включающая 62 типа. Одновременно Ф. Борд предложил количественный учет типов. К сожалению, сейчас распространилось вульгарное представление, будто суть взглядов Ф. Борда в статистике («статистический метод Борда»). В. П. Любин, уделив особое внимание статистике (практически индексам типов и групп типов), а суть их уместив в одном абзаце (стр. 75), невольно способствует широкому хождению таких представлений. «Бонч-Осмоловский,— пишет он,— первым из советских и зарубежных ученых... провозгласил... статистический метод обработки материалов.., и заложил его основы». Если, как это делает В. П. Любин, называть «статистическим методом» количественный учет заготовок типов и групп типов, то этот метод до Г. А. Бонч-Осмоловского употребляли А. и Ж. Буиссони и Д. Пейрони. Г. А. Бонч-Осмоловский в своих взглядах был прямо противоположен не только Борду, но и его предшественнику, во многом его предвосхитившему, Д. Пейрони, пытаясь представить все разновидности мустье Франции звеньями одной цепи.

Неясна позиция автора по вопросу о соотношении разных методов изучения нижнего палеолита: наиболее перспективным он считает функциональный и экспериментальный, но наиболее приемлемым и результативным — экспериментальный и типологический. Видимо, следует учитывать цели исследования: для исследования исторического основным является типологический метод, а прочие вспомогательными. Напротив, для изучения истории техники экспериментальный метод вместе с функциональным более важен.

Даже при отмеченных недостатках работа В. П. Любина сыграет значительную роль в ознакомлении специалистов по палеолиту СССР с приемами количественного изучения техники нижнего палеолита, что является совершенно необходимой, первостепенной задачей. Ввиду того что до войны нижнепалеолитические памятники в СССР были очень немногочисленны, а советские исследователи в значительной степени изолированы от своих зарубежных коллег, наметилось отставание от международного уровня, в советской литературе имели хождение суждения, что весь мустьерский инвентарь сводится к двум-трем типам; многие пещерные многослойные памятники раскапывались или трактовались как однослойные; мустье относили к риссу и миндель-риссу, а не к вюрму. Наилучший способ преодолеть отставание — не повторять пути, уже проделанного другими, а критически усвоить передовые методы. В решении этой задачи рецензируемая работа В. П. Любина наряду с его другими статьями сыграет большую роль.

И. И. Коробков в статье «Нуклеусы Яштуха» пытается проследить сосуществование различных традиций раскалывания камня у древних обитателей горы Яштух. Статья очень трудна для восприятия из-за непоследовательности изложения и неясности терминологии. Даже главный свой термин «традиция» он употребляет в разных смыслах: ашель Яштуха — это своеобразная техническая традиция (стр. 109), ладьевидные нуклеусы с круговой площадкой — следствие особой традиции (стр. 96), существует еще и леваллуазская техническая традиция (стр. 110). Деление нуклеусов на бесконечное число типов и традиций особенно запутанно: ладьевидные нуклеусы или нуклеусы с круговой площадкой определяются на стр. 98 и делятся на две группы: протоладьевидные и ладьевидные, а на стр. 101, 102 они подразделяются уже по-другому. Невозможно понять, какие из этих понятий более широкие, какие более узкие, как они соотносятся между собой.

Автор столь дробно разделил нуклеусы на типы, что обычно тип представлен 2—3, редко 6—8 экземплярами; и все эти многочисленные типы связаны генетически: из чопперовидных нуклеусов на основе дисковидного скалывания складывается левалуазская техника; из веерообразного скалывания с подправленной и скошенной площадки развивается леваллуазская техника, из многогранников развиваются ядрища леваллуазской формы, есть примеры «наложения техники скалывания, характерной для многогранников, на технику дисковидную», т. е. мустьерскую, хотя мустьерская техника происходит от чопперовидных нуклеусов на основе скалывания с горизонтальной площадки.

На наш взгляд, автор, строя генеалогические древеса, забыл правило, что, если нужно доказать, что из типа А произошел тип Б, необходимо иметь более ранние памятники, где есть только тип А, памятники промежуточные по времени, где есть тип А и Б или переходные типы от А к Б, и памятники более поздние, где есть только тип Б. Поэтому все генеалогии традиций, типов и приемов им фактически не

обоснованы. Вместо указанного правила автор пользуется другим: доказательством происхождения типа А от типа Б являются промежуточные формы между А и Б. Поскольку один и тот же нуклеус в процессе скалывания с него заготовок мог многократно превращаться из леваллуазского в диск, а из диска — обратно в леваллуазский, ясно, что этого доказательства недостаточно.

Если вместо деления, предлагаемого в тексте, и классификации в таблице на стр. 109 взять подписи под рисунками, то мы получим реальную классификацию: 1) чопперовидные нуклеусы; 2) многогранные нуклеусы; 3) веерообразные нуклеусы; 4) нуклеусы одноплощадочные ашельские; 5) дисковидные ядрища. Это деление нелеваллуазских ядрищ — основной положительный итог статьи И. И. Коробкова.

Введенная автором группа новых терминов: «нуклеус с круговой площадкой», «ладьевидный нуклеус», «леваллуазский двусторонний нуклеус с круговой площадкой» не помогает ясному различению леваллуазских и нелеваллуазских форм, ибо предлагаемые им критерии — «уплощающее скалывание» и «круговая площадка» неопределенны и недостаточны.

В итоге автор пришел к выводу о сосуществовании на Яштухе двух различных техник раскалывания: пластинчатой и непластинчатой. Если бы автор ограничился только этим выводом, то приведенные им аргументы можно было бы считать достаточными. Но он пытается убедить нас в существовании и яштухской ашельской культуры нелеваллуазской фации, перерастающей в нелеваллуазский вариант культуры мустьерского времени, чего уже сделать на одних нуклеусах нельзя, не рассматривая типологию орудий. Ведь леваллуазские и нелеваллуазские нуклеусы могут сочетаться в одной культуре, чему много примеров дает мустье Франции или мустье Приазовья. Можно усомниться в существовании особой леваллуазской традиции на этом памятнике. Независимость существования пластинчатой техники (или леваллуазской, по И. И. Коробкову), а не сосуществование ее в одних и тех же памятниках с нелеваллуазской, может быть доказано только анализом всего материала (а не одних нуклеусов).

Работа Л. М. Тарасова, в отличие от работ В. П. Любина и И. И. Коробкова, является суммированием нескольких отчетов о доследовании Гагаринской стоянки. Как известно, С. Н. Замятин раскопал в Гагарине остатки малого жилища, по нашим представлениям предназначенного для одной семьи. Шурфовка, проведенная Л. М. Тарасовым, показала отсутствие иных жилищ. В этом — основной итог доследования стоянки. Пока осталось неясным, врезана ли линза культурного слоя жилища в супесчанистый суглинок от уровня верха этого суглинка. Правда, показано залегание культурных остатков вне жилища, что имеет меньшую ценность, так как вне жилища расщепленные камни растащены по двум геологическим слоям: опесчаненного суглинка (до 40 *см*) и подстилающим супесь линзам песка (15—40 *см*), что свидетельствует о переотложении культурных остатков, которые Л. М. Тарасов почему-то называет «культурным комплексом».

Л. М. Тарасов заложил траншею в непосредственной близости от жилища, где он обнаружил две ниши в жилище, не замеченные С. Н. Замятниным. Опубликованные здесь чертежи содержат погрешности. Так, на плане (рис. 5) видно, что одна из ниш (восточная) сильно разрушена и ее контур на две трети показан пунктиром; на разрезах те же самые края показаны как сохранившиеся — сплошной линией. Можно только догадываться, основываясь на плане западной ниши, что она составляла часть жилища, как писал Л. М. Тарасов в более раннем отчете [1]. Сначала Л. М. Тарасов называет их хозяйственными ямами, но в конце статьи неожиданно дает другую трактовку: оказывается, в этих нишах (или ямах, согласно автору) помещались опоры жилища. В расположении костей и бивня в этих нишах автор видит «гнездо» или «конструкцию», хотя «конструкции» они не составляют уже потому, что разновременны: бивень лежит поверх культурного слоя, а плита — в средней его части, и они даже не соприкасаются между собой и с другими осколками костей и бивня.

Описание орудий не вносит нового по сравнению с образцовой публикацией С. Н. Замятнина. Л. М. Тарасов, правда отмечает два новых типа орудий: микроскребок, представленный единственным экземпляром (в действительности это микропластинка с поперечной ретушью), и пластину с притупленным краем (она встречена в коллекции С. Н. Замятнина, только менее крупных размеров). Описание орудий излишне многословно и местами неточно.

Так, автор отнес к наконечникам с боковой выемкой пластину с ретушью и незаконченные пластинки с притупленным краем: отщеп с ретушью он определил как выемчатый скребок. Более серьезным недостатком является то, что автор не пользуется типологическим методом для сравнения Гагарина с другими стоянками. Описывая статуэтку, Л. И. Тарасов полагает, что некоторая асимметрия ног дает основание говорить об изображении идущей женщины, но ведь она (и другие статуэтки Гагарина) вся слегка асимметрична: голова, груди, руки, ягодицы, жировые наплывы на бедрах. В истолковании женских статуэток он неточно пересказывает

---

[1] Л. М. Тарасов. Конструкция палеолитического жилища в Гагарино. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 23.

И. П. Ефименко и А. П. Окладникова. Определения автора противоречивы: с одной стороны, найденная им статуэтка передает конкретный женский образ, «возможно..., с ...индивидуальными портретными чертами» (стр. 134), с другой стороны, женский образ — это сумма абстрактных понятий, и древний скульптор не мог передать портретные черты лица (стр. 137).

Пространная работа Н. Н. Гуриной «Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии», по словам автора, излагает первые результаты еще далеко не законченного обследования этой территории в 1957—1961 гг. Самым значительным достижением является открытие палеолита в этой части Белоруссии.

Остатки палеолитического времени были обнаружены Н. Н. Гуриной на стоянках у оз. Свитязь, у дер. Крумплево, Неман XVIII, Черешля VII. К палеолитическим же следует отнести и ряд стоянок, определенных ею, как мезолит: Черешля VI, хутор Семенов, Новоельня XIV, Неман VI, Бор (ранний комплекс). Однако в анализе памятников мазовшанского цикла она основывалась на устаревшей работе Л. Савицкого [2] и не учла (хотя знает их) работ С. Круковского, Р. Шильда, Я. К. Козловского, В. и М. Хмелевских. Н. Н. Гурина делит памятники на тип Свидры I (Свитязь) и Свидры II (Крумплево). Но даже по схеме Л. Савицкого стоянка у оз. Свитязь — поздняя, плудской стадии по схеме С. Круковского — Р. Шильда (наконечники стрел с выделенным черешком). Р. Шильд в рецензии на предварительную публикацию этого материала [3] отметил смешанность материала [4]. Н. Н. Гурина допускает смещение разновозрастных находок лишь применительно к Свитязю: для Крумплева она допускает синхронность мазовшанских материалов и мезолитических форм, а аналогичные стоянки у дер. Семеново, Неман XVIII, Черешня VII, Бор (ранний комплекс) считает мезолитическими. Н. Н. Гурова утверждает, что истоки культур мазовшанского цикла следует искать в костенковско-боршевском районе, не ссылаясь на автора этой гипотезы — Л. Савицкого и не аргументируя этого положения заново. На самом деле среди стоянок Среднего Дона нет ни одной (не исключая и Боршева II), которая хотя бы в какой-то степени напоминала культуры мазовшанского цикла.

Основной методический промах данной работы — это то, что смешанные комплексы рассматриваются как целостные, одновременные. И когда Н. Н. Гурина пишет «о несомненной преемственности мезолитической культуры от позднепалеолитической» (стр. 200) или что «неолитическая культура имела местные корни» (стр. 202), то эти суждения ошибочны, ибо основаны на недостоверных материалах. То же относится и к ее выводу, что «в эпоху мезолита северо-западная Белоруссия входила в большую культурную область... от Черного до Балтийского морей» (стр. 202). Н. Н. Гурина не учла опыт польских коллег, расчленивших мезолит на ряд культур, и смешала две группы памятников: с разносторонними треугольниками, пластинками с притупленным краем, со скошенными остриями и другую — с развитыми формами трапеций.

Типологические определения Н. Н. Гуриной нередко вызывают сомнения; так, например, ее аренсбургские наконечники ничего общего с подлинными формами этой культуры не имеют и даже друг на друга не похожи; то, что она называет резчиками,— это и отщепы, и пластины без ретуши, и острия с притупленным краем; наконечником стрелы назван обломок пластины с ретушью с брюшка; пластинки с ретушью отнесены к резцам, проколки спутаны со свидерскими наконечниками; введя термин «лошкарные инструменты», она дальше не вспоминает о нем.

Вызывает удивление, что в статье игнорируются работы не только польских археологов, но и советских — И. В. Тюриной, И. И. Артеменко, Ю. В. Кухаренко, В. Д. Будько — по территории Белоруссии. Что касается неолита, то основного материала — керамики — имеется мало, а сами фрагменты мелки и невыразительны. Составляла ли «северо-западная Белоруссия, Латвия и восточная Польша ...единую этнокультурную область» и стоит ли эти черепки сопоставлять «скорее всего с сосудами днепро-донецкой культуры, восточной Польши и Литвы», неясно и после сборов Н. Н. Гуриной.

В статье И. В. Гавриловой «Типы наконечников стрел эпохи неолита и бронзы костромского Поволжья» дается их описание, называются места находок и приводятся соображения о хронологии и этнокультурной принадлежности наконечников стрел. В итоге проведенного анализа И. В. Гаврилова приходит к выводу, «что некоторые их формы могут быть датирующими» (стр. 212) и что «наконечники стрел могут быть также и одним из этнических признаков» (стр. 213).

Однако бросается в глаза, что И. В. Гаврилов на равных правах оперирует и такими понятиями, как «беломорская», «каргопольская» и другие культуры, определенными М. Е. Фосс по территориальному признаку, когда под одним термином объедп-

---

[2] L. Sawicki. Przemysl świderski i stanowiska wydmowego Swidry Wielkie 1. «Przeglad arhceologiczny», 1935. v. 1. Poznan.

[3] Н. Н. Гурина. Новые мезолитические памятники лесной полосы европейской части СССР. СА, 1960, 1.

[4] R. Schild, H. Wieckowska. O tak zwanym przemyśle świdelo — tardenuaskim. «Archeologia Polski», VI, 2, 1961.

нялась группа памятников с находками различной этнической принадлежности [5] и культурами Волго-Окского междуречья, каждая из которых была определена А. Н. Брюсовым как этнически однородная группа памятников. В статье не учтена и критика выделенных А. Я. Брюсовым археологических культур [6].

Не ясны и вопросы хронологии. Принимая наконечники треугольной формы за датирующие, т. е. бытующие короткий промежуток времени, И. В. Гаврилова не учитывает, что если в Турбинском могильнике они относятся ко второй половине II тыс. до н. э., то на юге эти изделия найдены на памятниках (Александрия и др.), надежно датированных Д. Я. Телегиным III тыс. до н. э., примерно на тысячу лет раньше. Треугольночерешковые наконечники отнесены И. В. Гавриловой к середине II тыс. до н. э. на основании их находок на таких стоянках, как Галдарея III, Верхняя Лопшеньга. Но ведь известен целый ряд поселений с находками стрел этого типа, бытовавших в начале II и во второй половине III тыс. до н. э. (III Старо-Мазиково, II Щербетовская и др.).

Указанные замечания снижают ценность статьи И. В. Гавриловой — работы, где поставлены важные вопросы для понимания истории неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР.

В. П. Третьяков обосновывает противоположную точку зрения на этноспецифичность каменных орудий в лесном неолите в статье «К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья». В частности, он опровергает мнение А. Я. Брюсова о наличии особого набора каменных орудий, свойственных лишь белевской культуре, и утверждает, что такие же орудия встречались и в Посожье и в верховьях Волги уже с другой керамикой. Он также, вслед за М. Е. Фосс, отмечает, что орудия, связываемые обычно с волосовской керамикой, на самом деле распространены шире, чем последняя, например, на ряде поселений с льяловской и рязанской керамикой. В. П. Третьяков полагает, что существование сходных каменных орудий у разных культур (белевская и валдайская) вызвано, по-видимому, наличием богатых запасов кремня на всей этой территории. Находки же сходных каменных орудий в волосовских и рязанских древностях, как и причины переживания «волосовских» орудий, изобретенных льяловцами, в волосовское время оставлены без объяснения. Вызывает сомнение лишь то обстоятельство, что В. П. Третьяков пользовался неудовлетворительной типологией каменных орудий своих предшественников.

Центр тяжести статьи В. П. Левенка «Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону» — в обстоятельной публикации этого богатого памятника, самого южного из известных памятников льяловского типа.

Литологически автором выделены нижний горизонт (по наличию раковин), средний (серовато-зеленый слоистый нанос) и верхний (бутоватый, глинистый). Средний горизонт по материалу разделен на два яруса. Недостатком публикации является отсутствие указаний мощности горизонтов и ярусов, кроме того, метровая (а часто и более мощная) толща культурного слоя не была при раскопках разделена на условные «горизонты взятия», что является необходимым условием в методике исследования поселения такого типа.

Устанавливая этнокультурную принадлежность и время существования различных материалов Долговской стоянки, В. П. Левенок провел большую работу, сравнивая древности Долгого с памятниками эпохи неолита и палеометалла в Европейской части СССР. Находки из верхнего горизонта им были разделены на несколько групп и отнесены к деснинско-сожской, ямной, марьяновской, полтавкинской и другим археологическим культурам. Основное внимание В. П. Левенок уделил материалам нижнего и среднего горизонтов, представленных большой коллекцией орудий труда из кремня и кости и керамикой. Им был сделан вывод о культурной близости этих находок с ямочно-гребенчатым неолитом Волго-Окского междуречья и о значительном влиянии, которое испытывали племена центральных районов Европейской части СССР и, в частности, обитатели Долгого со стороны «населения Прибалтики и северной Европы» (стр. 250). Если мы можем согласиться с первым тезисом В. П. Левенка, то второй вызывает возражения. Бросается в глаза выборочность приведенных автором аналогий, простота типов изделий, отсутствие среди них таких надежных этнокультурных показателей для эпохи неолита, как орнаментация керамики, типы жилищ и т. п. В. П. Левенок, увлекшись северными аналогиями, почему-то не обратил внимания на древности Урала, где в свое время также были найдены серии вещей эпохи неолита, чрезвычайно сходных с прибалтийскими, что неоднократно отмечалось в литературе, и с материалами Долговской стоянки. Остродонные же сосуды в эпоху неолита изготовлялись носителями всех охотничье-рыболовческих культур на территории Европейской части СССР. Указанное сходство некоторых изделий было бы правильнее объяснять конвергентностью развития в силу одинакового их назначения и одинакового материала (кость). Кроме того, говоря о северном влиянии на центральные районы Европейской части СССР, В. П.

[5] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952.

[6] М. Е. Фосс. Рец. на кн.: А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. ВДИ, 1953, 2; О. Н. Бадер Древнейшая история Прикамья. М., 1963, стр. 37.

Левенок не учел, что целый ряд из указанных им в Прибалтике памятников (Лаймасмяги, Акали, Кулламяги) датируются более поздним временем, чем стоянки Долгое и аналогичные ей поселения.

В статье Л. П. Хлобыстина «Древнейшие памятники Байкала» публикуются одна палеолитическая стоянка (Лударская III) и одна стоянка голоценового времени без керамики, Лударская I, раскопанные автором. На основе этих материалов, привлекая детально анализируемые им материалы слоя XI Улан-Хады и других стоянок Восточной Сибири, Л. П. Хлобыстин предлагает новую периодизацию каменного века для территории от устья р. Белой до Забайкалья. На наш взгляд, прежде чем выделять этапы культурной истории, следует определить археологические культуры, к которым приложима такая периодизация, чего Л. П. Хлобыстин не делает (да это и невозможно сделать за скудостью материалов). Если иметь в виду под неолитом этап развития хозяйства, а именно — сложение производящего хозяйства, то, конечно, Улан-Хада не неолит и ссылки Л. П. Хлобыстина на Иерихон неправомерны, ибо в Иерихоне нет глиняной посуды, но есть земледелие и скотоводство, и неолит Сибири с керамикой следует называть субнеолитом. Если же выделять этапы культурной истории, то имея в виду близость культуры Улан-Хады последующим этапам развития культуры охотников и рыболовов, можно считать ее неолитом. Критерии выделения этапов развития культуры у разных советских авторов разнородны (например, до сих пор нет согласия, выделять ли мустье в средний палеолит или считать мустье подразделением нижнего палеолита). Нам кажется, что критерием для установления культурного этапа является его всеобщность, наличие его в разных археологических культурах, и для нас мезолит не потому отдельная эпоха, что в это время сложился новый тип хозяйства, новые общественные формы, а потому, что это период орудий геометрических очертаний, зафиксированных и под Гамбургом, и в Восточной Африке, и в Индии, придающих своеобразие культуре этого периода.

Р. В. Козырева в статье «К истории культуры раковинных куч на о. Сахалине» производит разбор материалов нескольких стоянок юго-восточной части Сахалина. На их основе выделяется два этапа (группы) в развитии культуры, существовавшей здесь в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.: ранний — сусуйского типа и поздний — типа стоянки у с. Верхняя Саммосава. Отмечая влияние культур эскимосского круга, имевшее место на ранних этапах развития культуры раковинных куч, автор не приводит доказательств этого. Вероятнее предполагать, что имело место не влияние, а общность, обусловленная сходным развитием хозяйства в рассматриваемых районах и в более северных палеоэскимосских культурах, которая была нарушена связями с культурами Северного Хоккайдо, приведшим к сложению доайнской охотской культуры. Статья Р. В. Козыревой вошла в состав книги «Древний Сахалин», уже вызвавшей отклики в печати[7].

Г. Ф. Коробкова в статье «К вопросу о технике расщепления камня и изготовления орудий (по материалам Усть-Нарыма)» выделила пять типов ядрищ на этой одинокой до сих пор неолитической стоянке: аморфные, конусовидные, карандашевидные, клиновидные и подушечковидные. Если уточнить эту классификацию (аморфные ядрища — это предварительно оббитые ядрища до снятия с них пластин; карандашевидные «те же конические, но более совершенной формы», а подушечковидные — это клиновидные, у которых пластинки скалывали с обеих узких краев) и свести ее к двум типам (конические и клиновидные), то с Г. Ф. Коробковой можно согласиться.

Общим недостатком не только работ данного сборника, но и вообще советских работ по палеолиту является «поштучное» описание материала, позволяющее автору раздуть описание коллекции, указывая признаки, не имеющие классификационного значения. Описание конкретных орудий вместо типов исключает типологический анализ. Этим недостатком особенно грешат работы Л. М. Тарасова и Н. Н. Гуриной.

В новом томе «Палеолита и неолита СССР» читатель найдет и разработку общих вопросов, и обширные публикации. Жаль только, что и в этом томе нет работ, посвященных общим вопросам и теоретическим построениям по неолиту СССР.

Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков

---

[7] См. рец. Р. С. Васильевского в Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1968, 6, 2, стр. 132/133.

W. Chmielecwski. **Civilization de Erzmanowice.** Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1961.

Изученная еще Ф. Ремером Нетопежова пещера у Ежмановиц, недалеко от Кракова, привлекла внимание советских ученых. Она упоминается в монографии П. П. Ефименко «Первобытное общество», на сходство орудий этой пещеры с остриями верхнего слоя Тельманской стоянки в Костенках обратил внимание А. Н. Рогачев. Он выразил мнение, что это сходство дает основание «предполагать наличие уже в среднюю пору верхнепалеолитического времени каких-то форм общения племен среднеев-

ропейского и восточноевропейского районов»[1]. В. Хмелевский, проведя новые полевые исследования в Нетопежовой, согласился с мнением А. Н. Рогачева.

Выделению археологической культуры, называемой ежмановицкой по имени наиболее исследованного памятника — пещеры Нетопежовой, посвящена специальная работа В. Хмелевского. Из 85 страниц этой книги лишь 15 являются описанием материала и 15 страниц — описанием геологических условий залегания культурных остатков, остальная же, бо́льшая часть книги — предлагаемое автором решение ряда общих вопросов на материалах этой пещеры и других памятников.

Очень существенна первая глава (стр. 5—14), где автор дает свое определение термину «культура» (культура — сумма всех типов, имеющихся в сходных комплексах и изменяющихся в определенных временных и пространственных пределах). Культура, добавляет он, является в то же время выражением некогда существовавших человеческих групп, которые производили и использовали одни и те же предметы. Касаясь тождества этноса, языка и культуры, автор считает преждевременными категорические суждения по этому вопросу. Он отдает предпочтение термину «культура» перед термином «индустрия», так как теперь об археологических культурах палеолитического времени дают представление не только набор каменных орудий («индустрия»), а еще и тип жилища, некоторые моменты, позволяющие судить о верованиях и т. д.

Вторая глава — «Стоянки ежмановицкой культуры» (стр. 15—47) — содержит характеристику памятников, которые автор относит к ежмановицкой культуре. Описываются материалы из слоев Нетопежовой пещеры, как добытые самим автором в 1956—1958 гг., так и происходящие из более ранних раскопок и опубликованные в работах Л. Козловского, Л. Савицкого и С. Круковского. Вместо обычного подробного описания найденных орудий, как это принято в советской археологической литературе, или как это бывало в томах серии Archives de l'Institut Paléontologie Humaine, автор избирает полутабличную форму описания материала. Полностью табличной ее назвать нельзя, так как нет группы признаков, наличие или отсутствие которых отмечалось бы в определенной графе против того или иного типа или вещи. Первоначально орудия разбиты по группам по функциональному признаку (острия, ножи, резцы и т. д.), а внутри групп — на типы, например: «11. Острия пластинчатые вытянутые (листовидные острия) с краями частично прямыми и без ретуши. Тщательная ретушь верхних концов и оснований, верхние концы и основания приостренные... 3 и 5». Последние цифры обозначают число орудий данного типа, найденных при раскопках автора и при раскопках Л. Козловского и Ф. Ремера. Дается также ссылка на таблицу, где данный тип изображен. Подробнее всего описаны листовидные острия. Автор выделяет еще орудия с выемками,— но это листовидные острия с выемчатыми краями; поперечные ножи,— но это обломанные листовидные острия с забитыми концами; резцы,— но это листовидные острия с резцовым сколом. Орудие на рис. XVII-5 производит впечатление не резца, а отщепа с поврежденным концом и случайным резцовым сколом; нельзя отнести к категории резцов орудие (XV-3), ведь лезвия резца и в этом случае нет, а есть несколько коротких фасеток, напоминающих забитость, повреждения. В итоге приходится отметить, что в пещере Нетопежова были найдены только острия, поврежденные, незаконченные или целые, и заготовки — пластины и отщепы.

Острия В. Хмелевский подразделяет на 11 типов (с № 4 по № 14 и 15 — средние части поломанных наконечников). Казалось бы, при такой дробности достигнуто точное типологическое разделение, позволяющее сравнивать эту группу орудий с подобными же орудиями с других стоянок. Но практически получается, что В. Хмелевский указал подтипы и даже подразделения внутри подтипов, а сами типы оказались невыделенными. Обратим внимание на следующие номера классификации: 8 и 9 (табл. VIII, № 1 и 3). Эти две вещи нельзя отнести к разным типам: они тождественны, разнясь только пропорциями; (VIII-1) стройнее, более натянут, чем (VIII-3). Основания у типа 8 могут быть и приостренными, и округленными. Напротив, № 10 и 11 отнесены автором к разным типам именно потому, что у № 10 концы округлые, а у № 11 — приостренные; пропорции же, напротив, во внимание не принимаются (под № 11 числится орудие 10—3 — укороченных пропорций и 10—5 удлиненных пропорций). Из этого примера ясно, что разделение на типы проведено по случайным признакам. Пожалуй, этот список можно было бы принять за простое перечисление с целью информировать, что было найдено Л. Козловским и Ф. Ремером, а что — В. Хмелевским, если бы он не был единственным во всей работе, а единицы классификации не были названы типами.

Разница между набором каменных орудий в 6-, 5- и 4-м слоях очень невелика.

Классификация инвентаря Тельманской стоянки также несовершенна: сходные острия — широкие и асимметричные (XIX-2 и XIX-6) отнесены к разным типам; укороченных пропорций острие (XIX-7) опубликовано вверх ногами в качестве ножа, хотя подобные короткие острия с широким основанием многочисленны и хоро-

---

[1] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки костенковско-боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1958, стр. 133, ср. стр. 130.

шо выделяются. П. И. Борисковский и П. П. Ефименко - часть их отнесли к остроконечникам; разновидность острий с шипом отнесена к типу листовидных скребел, хотя само наличие шипа говорит за родство этого типа с семейством острий. Хотя автор имел возможность просмотреть коллекцию, он повторяет ошибку П. И. Борисковского и П. П. Ефименко, утверждая будто в верхнем слое нет скребков, а они там есть.

Далее описываются: одно острие из пещеры Кожарна, два острия из пещеры Мамутова, одно острие из пещеры Сакажиа (Грузия), одно острие из грота Пекарна, пять острий из Шведмости, одно острие из Тышнова. Эти единичные, лишенные часто стратиграфии находки и составляют то дополнение к комплексу находок в Нетопежовой, которое позволяет автору говорить о ежмановицкой культуре.

В силу особых условий, из Нетопежовой мы знаем лишь одну категорию вещей — каменные наконечники. Естественно, что приходится говорить не о тождестве Тельманской и Ежмановиц, а о тождестве наконечников Тельманской и наконечников Ежмановиц. А это делает любые заключения о сходстве самих культур ненадежными. Если речь идет о сходстве пяти-семи типов скребков, трех-четырех типов резцов, пяти-семи типов наконечников, нескольких типов проколок, острий с притупленным краем, долотовидных орудий, то очень мало вероятно, чтобы сходство такого большого числа типов было результатом конвергенции, и также, что сходные типы развились независимо. Но если речь идет о сходстве трех типов, конвергенцию исключить нельзя, и примеров такого конвергентно возникшего сходства сейчас уже существует много.

Вслед за Г. Мюллер-Беком мы полагаем, что все найденные в Нетопежовой острия относятся к одному типу, называемому «острие Ежмановице». Он существует в трех разновидностях: а) с выпуклыми краями, наибольшая ширина в средней части; б) с выпуклыми краями, наибольшая ширина в нижней трети, в) с прямыми краями (рис. 1, *а—в*). Различная степень обработки (отретуширован верхний конец, отретушировано основание, отретушированы оба конца, острие отретушировано только со спинки, острие отретушировано со спинки и с брюшка, острие отретушировано плоской ретушью) произвольно сочетается с формой орудия и не может служить основанием для дробного подразделения. Острия Тельманской стоянки относятся к разным типам: 1) острия с черешком; 2) ладьевидные (разновидность б — с шипом); 3) по-видимому, острие Ежмановице; сомнение вызывает лишь то обстоятельство, что нет разновидности *в*. Типология группы острий в Тельманской и Ежмановице различна, прежние мнения о сходстве основывались на наличии в обеих стоянках сходных групп орудий [3], но не сходных типов орудий. Мы здесь не касаемся вопроса, было ли одинаковым употребление острий в обоих случаях.

Поскольку острия типа Ежмановице были найдены не на стоянке, а на месте охоты на медведей, то это обстоятельство серьезно подкрепляет мнение, пока лишь предположительное, что они были наконечниками копий. Ладьевидные орудия, наконечники с черешком и третий тип острий (острия Ежмановице?) в Тельманской были найдены в жилище, поэтому нет уверенности, что даже острия с черешком служили наконечниками, а не ножами или кинжалами; ладьевидные орудия, судя по их морфологии, явно не наконечники копий. Итак, уже одно отсутствие в Ежмановицкой полного набора орудий исключает возможность сближения ее с Тельманской на основании фактов, а не в качестве предположения. Единственная группа орудий, присутствующая на обеих стоянках, типологически различна и свидетельствует против сходства этих двух стоянок.

Однако какое значение можно придавать тому факту, что и на Тельманской стоянке и в Ежмановицах есть острия одного и того же — ежмановицкого — типа?. Как известно, можно разделить любой набор типов орудий на типы специфические, встречающиеся только в данной археологической культуре, и на вещи, широко распространенные в самых разных культурах [4]. Мы склонны скорее отнести ежмановицкий тип острия ко второй группе, и доказательства тому собраны В. Хмелевским в его монографии. Он продемонстрировал частую встречаемость этого типа, отметив их присутствие в целом ряде культур: раннее солютре Франции, Ранис, селетская культура, пещера Сакажия, порожистая часть Днепра. Это соображение также ослабляет позицию В. Хмелевского, утверждающего однокультурность Тельманской стоянки и Ежмановиц на основе одних только острий. Поэтому мы не решаемся примкнуть к мнению автора рецензируемой работы. Мы не видим оснований и не соглашаться с его точкой зрения — ведь нельзя исключить возможность того, что неизвестные нам пока резцы и скребки Ежмановиц похожи на скребки и резцы Тельманской. Состояние наших знаний таково, что ни той, ни другой точке зрения пока нельзя отдать предпочтения.

[2] П. П. Ефименко, П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 года). МИА, 59, стр. 207—212.

[3] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки костенковско-боршевского района, стр. 133.

[4] Разбор этого вопроса на материале Авдеева и Костенок см. М. Д. Гвоздовер. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки, КСИА, АН СССР, 82, 1961; ср. Janusz K. Kozłowski. Uwagi o genezie podstawowych kompleksow kulturowych gornego paleolitu. III, Symposium paleolityczne. Krakow, 1967.

Третья глава — «Хронология ежмановицких комплексов» (стр. 48—69). Геологический слой 7, заключающий в себе культурный слой 6,— это светлый суглинок, насыщенный окатанными обломками скальной породы, в одном случае этот обломочный материал составляет выраженную прослойку, лишенную связующего материала — суглинка. Обычно такие слои в пещерах связывают с климатом холодным (когда происходит десквамация или выпадение щебня из стен и потолка под влиянием смены температуры) и влажным (под влиянием текучих вод происходило окатывание щебенчатого материала). Манера описания стратиграфии, выбранная автором, такова, что в общей нумерации следуют и геологические слои, и археологические, которые с точки зрения стратиграфии особой единицей не являются, а составляют прослой, обычно состоящий из большого количества угля.

Геологически выше 7-го слоя следуют два слоя плейстоценового возраста и два слоя голоценовые, но сюда еще добавляются два археологических слоя, поэтому по нумерации В. Хмелевского получается 6 слоев. 6-й слой — это темного цвета культурный слой, насыщенный древесным углем — углем лиственницы и сосны. Этот слой методом C^{14} был датирован в Гронингенской лаборатории: 38.160±1250 лет — GRO 2181. Выше (внутри грота) шел слой 5-а (археологический), подобный слою 7; ┼ перед гротом лежал слой 5 (геологический) коричневатой глины, почти лишенный обломочного материала. Слой 4, залегающий на слое 5,— опять культурный слой черного цвета. Выше следует лёсс, со значительным количеством обломочного материала (слой 3). Слои 2-й и 1-й — подпочва и почва голоценового времени. Автор так интерпретирует верхнюю часть разреза: 1 и 2 — голоцен, слой 3 — последний холодный период, или Вюрм III по схеме Г. Гросса, слой 5 — период улучшения климата (Вюрм II/III), слой 7 — период холодного и влажного климата (Вюрм II)), слой 8 — время более теплого и довольно влажного климата (Вюрм I/II).

Лет 8—10 назад казалось, что дата в 38 тыс.— слишком древняя, что она расходится с геологической интерпретацией, данной автором. Тогда считалось, что интерстадиал Вюрм I/II кончается 30 тыс. лет назад [5]. Однако В. Хмелевский в интерпретации геологических данных оказался прав и не пошел ради соответствия общепринятой схеме на иное толкование данных. Теперь, после накопления материалов и появления новых дат, стало очевидно, что конец потепления Вюрм I/II нужно относить к более раннему времени, чем раньше [6], так как подобралась целая серия слоев с указаниями на холодный климат во время их образования, имевших дату от 31 до 38 000 лет. Ряд геологов склонны вовсе отрицать существование гетвайгского интерстадиала, но большинство все-таки признают его, хотя и в виде суммы более мелких, чем интерстадиал, колебаний климата. Таким образом, Нетопежова относится к тем немногочисленным пока памятникам Центральной Европы, которые имеют общепринятую геологическую датировку и радиокарбоновую дату, согласующуюся с геологией пещеры.

В главе четвертой — «Отличительные черты ежмановицкой культуры» — дается сравнение ежмановицкого набора орудий (из Нетопежовой) с орудиями солютрейской, селетской и костенковско-стрелецкой культур, содержащими двусторонне обработанные острия. Поскольку иных орудий, кроме листовидных острий, из Нетопежовой неизвестно (а материалом из Тельманской стоянки автор, хотя и относит ее к той же культуре, здесь не пользуется), то главным аргументом в пользу различия с селетской и солютрейской культурами служит наличие и в той, и в другой резцов, скребков, острий с притупленным краем и прочих орудий верхнепалеолитического облика, отсутствующих в Нетопежовой.

Мы согласны с конечным выводом В. Хмелевского, но в его доказательствах видим противоречие. Ведь, как он сам полагает, отсутствие скребков, проколок и тому подобных верхнепалеолитических орудий является свойством лишь Нетопежовой, где носители ежмановицкой культуры не жили, а охотились, а не свойством ежмановицкой культуры. Если бы удалось найти стоянку ежмановицкой культуры, то были бы найдены и скребки, и резцы, и иные типы орудий. Поэтому не следует считать различием ежмановицкой культуры и селета (или солютре, или стрелецкой культуры) отсутствие резцов и скребков. Это же относится к утверждению автора, что Тельманскую и Ежмановице сближает отсутствие скребков и пластинок с притупленным краем.

В пятой главе автор, оговорив недостаточность материала и возможность иных решений, предлагает свой вариант происхождения ежмановицкой культуры: район от Тюрингии до Кракова был занят в гетвайгское время и в Вюрме II родственными охотничьими коллективами, в инвентаре которых существенную роль играли двусторонне обработанные острия. В итоге развития, последовательные моменты которого представляют Мауэрн, Ранис, 2—6-й слой Нетопежовой, возникает ежмановицкая культура. Культура Мауэрн — Ранис генетически связана с ежмановицкой культурой.

---

[5] H. Movius. Radiocarbon Dates and Upper Paleolithic Archaeology in Central and Western Europe. Current Anthropology, 1960, I, 1, стр. 359.

[6] A. Laroi-Gourhan. Chronologie des grottes d'Arcy-sur-Cure. Gallia-Prenistoire, Paris, 1965, VII.

В значительном территориальном разрыве между Мауэрном и Нетопежовой автор видит подтверждение своей модели развития палеолитической культуры, излагаемой в заключительной главе (отсутствие границ и территорий у культур, постоянные передвижения коллективов на большие расстояния). Доказательствами в пользу своей гипотезы автор считает наличие в Мауэрне и в Ранисе острий типа Ежмановице, наличие острий типа Мауэрн и острий типа Ежмановице в Моравии (Пшедмости и Пекарна), наличие моравского радиолярита в Нетопежовой.

На наш взгляд, аргументы, приводимые В. Хмелевским в пользу такого происхождения ежмановицкой культуры, недостаточны. Мауэрн и Ранис близки территориально, но из этого не следует их однокультурность. Это необходимо специально аргументировать. Точно так же и наличие острий в Мауэрне и Ранисе, с одной стороны, и в Ежмановицах, с другой, не есть доказательство их генетической связи. Острия с территории Моравии и Силезии, сходные с емжановицкими, очевидно (по крайней мере, острия Держислава, как полагает Я. Козловский [7]), относится к селетской культуре и не имеют отношения ни к Ранису — Мауэрну, ни к Нетопежовой.

Касаясь дальнейшей судьбы ежмановицкой культуры, автор предполагает ее участие в образовании костенковской культуры и культуры, представленной верхним слоем Александровки (Костенки IV) на территории Русской равнины, смешение с культурой, представленной пещерой Машицка, с последующим образованием в результате этого слияния свидерской культуры. Такое заключение нам представляется противоречащим всему облику монографии — солидной, основанной на фактах, лишенной соблазнительных и легковесных гипотез. Так, автор видит элементы ежмановицкой культуры в солютрейской ретуши листовидных острий и наконечников с боковой выемкой костенковской культуры. Однако эти элементы известны в виллендорфской культуре гораздо раньше времени Костенок I, примерно одновременно с Нетопежовой (Виллендорф II, начиная с 5-го слоя — острия с ретушью с брюшка, в 9-м слое — наконечники с боковой выемкой). Ножи с подтеской костенковского типа также представлены в 9-м слое Виллендорфа II, и их нет нужды связывать с ежмановицким острием с поперечным концом, тем более что он не имеет ничего общего в принципе с костенковским: на его конце площадка, как это хорошо видно на рисунке, а не лезвие, что характерно для костенковских ножей. Равным образом можно только гадать, как развивалась ежмановицкая культура в посленетопежовское время и дожила ли она до свидерской культуры, так как в Польше нет памятников этого времени.

Заключение занимает пять страниц, но оно очень насыщено выводами и именно в нем, а не во вступлении раскрыта концепция развития культуры верхнего палеолита, защищаемая В. Хмелевским. Он полагает, что хотя в верхнем палеолите и существовали археологические культуры, но они не были связаны с определенной территорией подолгу, поэтому культуры не имели определенных границ: носители той или иной культуры были все время в движении, причем передвигались на такие большие расстояния, как, скажем, от Кракова до Воронежа. Причина таких передвижений — изменения климата в пределах последнего оледенения — резкие похолодания и заметные потепления, вызывавшие передвижение стад животных и человеческих коллективов, для которых эти животные были главным источником пищи. Отсюда и наличие памятников одной и той же культуры в удаленных друг от друга сотнями километров пунктах или наличие в одном пункте (здесь В. Хмелевский ссылается на хорошо ему известные материалы Костенок) памятников разных культур. Заодно с другими вопросами социального порядка автора излагает свою реконструкцию палеолитической охоты на пещерных медведей в Нетопежовой пещере.

В подтверждение своей концепции развития культуры автор ссылается на широко известную работу С. Н. Замятнина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» [8], где утверждается, что локальные различия в материальной культуре возникли исторически. Как известно, этим С. Н. Замятнин не хотел сказать, что они появились вместе с началом человеческой истории как ее непременное качество; напротив, он полагал, что они появились сравнительно поздно, как результат исторического процесса — расселения человека по территории всего земного шара, в области с менее благоприятными природными условиями, чем Африка или Юго-Восточная Азия, в процессе приспособления к этим новым природным условиям. Но, как известно, уже в среднем ашеле человек жил в Англии, довольно близко к леднику, оставляя незаселенной только лежащую к северу Шотландию, и если следовать логике, то к этому времени — к древнему и среднему ашелю — и следовало бы относить появление локальных различий в культуре, если они вызываются приспособлением к более суровым условиям; но, по С. Н. Замятнину, локальные различия не могли существовать и не существовали в ашеле и даже в мустье: лишь в верхнем палеолите появились не археологические культуры, а три большие области, различавшиеся по материальной культуре, а археологические культуры, по С. Н. Замятнину, появились лишь в мезолите и неолите.

---

[7] J. K. Kozłowski. Paleolit na Gornym Slasku. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1964, стр. 171—176.

[8] Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Тр. ИЭ, нов. сер., XVI, М., 1951, стр. 97.

Поэтому напрасно В. Хмелевский противопоставляет взгляды С. Н. Замятнина тем, кто в локальных различиях культуры видит отражение локального своеобразия природных условий. Концепции эволюции социального устройства палеолитических людей на протяжении всего древнего палеолита, излагаемой В. Хмелевским, как не имеющей прямого отношения к ежмановицкой культуре, мы касаться не будем, тем более что она умозрительна и не основана на фактах (например, вряд ли можно привести фактические доказательства тому, что экономика древнепалеолитических людей не способствовала ни увеличению количества членов одной группы, ни ее внутреннему делению, ни образованию более крупных социальных объединений).

Мы коснемся лишь имеющего прямое отношение к теме вопроса: действительно ли изменения климата обусловливали постоянные передвижения стад животных и охотничьих коллективов, для которых эти стада были почти единственным источником существования. Действительно, климат в эпоху вюрмского оледенения постоянно менялся, то становясь более мягким, влажным, когда появлялись леса с участием широколиственных, то более холодным и влажным — тогда преобладали хвойные леса, то еще более суровым и сухим — тогда леса исчезали, и даже в Перигоре или около Биаррица появлялась сухая степь с полынью и сайгой. Но последнее крупное передвижение животных — появление мамонтовой фауны (предположительно из Сибири) имело место задолго до начала верхнего палеолита — в начале Вюрма (или даже в начале Рисса, по Ф. Борду). Смена интерстадиальных условий на условия стадиальные не имела характера катастрофы, и палеолитические охотники могли оставаться на месте, а не мигрировать: если в фауне и увеличивался процент лесных видов или, наоборот, процент северного оленя или горного козла, то это вряд ли заставляло палеолитических людей куда-нибудь передвигаться: ведь они всегда охотились не на одного, а на несколько видов животных. По материалам многослойных пещер Юго-Западной Франции мы достоверно знаем, например, что значительное похолодание, появление холодолюбивых видов — песца, мускусного овцебыка, лемминга, тюленя не заставило мигрировать к югу ни ориньякцев, ни перигордийцев; в мустьерское время, в начале вюрмского оледенения, на юге Франции не появилось ни одной культуры из бассейна Сены или с берегов Темзы.

Круг фактов, которые могли бы подтвердить рисуемую автором картину постоянных передвижений на очень далекие расстояния, ограничен: по сути дела это лишь принадлежность, по мнению В. Хмелевского, к одной культуре Нетопежовой и Тельманской. Вряд ли сам автор именно миграцией объясняет сходство Гуры Пулавской на Висле, Кремса на Дунае, Амвросиевки в Донбассе и Тельманской (второй слой) на Дону. Тождество Тельманской стоянки и Нетопежовой также пока не может быть доказано, о чем мы говорили ранее.

Складывается впечатление, что отсутствие границ между археологическими культурами, постоянное движение охотничьих коллективов на большие расстояния — все это призвано лишь объяснить одно — тождество Тельманской и Ежмановиц, но не находит подтверждения в материалах с наиболее точно изученных территорий.

Вряд ли и факты, добытые в Костенках, преимущественно благодаря работам А. Н. Рогачева в последние годы, подтверждают тезис В. Хмелевского о постоянных передвижениях на большие расстояния. Ведь как ни многочисленны костенковские стоянки, они относятся к столь значительному отрезку времени, что не исключена возможность их отнесения (по крайней мере, части их) к хронологическим этапам разных культур. Тогда вполне допустимо, что в основе костенковский район был местом обитания (возможно, чересполосного) двух-трех культур, подобно сосуществованию перигордийской и ориньякской культур во Франции или культуры Ишталлошко-Пешко и селетской в Венгрии, или селетской культуры и культуры Кшепице-Кехнец в Моравии и Словакии, развитие которых было два или три раза осложнено приходом нового населения на протяжении десяти тысяч лет, если не более.

«Культурную пестроту» в Костенках, применительно к Александровке, А. Н. Рогачев объясняет так: «Различия типов жилищ, приемов обработки кремня, камня и кости и различный состав инвентаря этих, очень близких друг к другу по времени, памятников (верхнего и нижнего слоев Александровки.— *Г. Г.*) были объяснены... принадлежностью оставивших их общин к различным племенам, обитавшим в одно и то же время на Русской равнине без тесной связи друг с другом[9]. Согласно его представлениям, в то же самое время в Костенках обитало и третье племя — носители костенковско-авдеевской культуры. Синхронность эта доказывается влиянием, оказанным костенковскими художниками на стиль мергелевой же скульптуры верхнего горизонта Александровки. Этому же исследователю принадлежит мысль о том, что район Среднего Дона в силу его срединного положения на Русской равнине и ряда других причин занимал по сравнению с остальными районами исключительное положение в том отношении, что туда часто приходили племена с юга (из Крыма, Закавказья, с Северного Кавказа). Напротив, Средний Днестр является районом, где развитие культуры не прерывалось на протяжении всего верхнего палеолита.

На первый взгляд действительно может показаться, что Костенки свидетельствуют об отсутствии устойчивых границ у верхнепалеолитических культур. Но ведь

[9] А. Н. Рогачев. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. КСИА, АН СССР, 92, 1962, стр. 9.

территории, где можно убедиться в наличии или отсутствии границ, пока что почти не исследованы. Можно лишь сказать, что на Нижнем Дону развивались иные культуры [10] и что территория распространения костенковских культур не доходила до Нижнего Дона. Далее, четкие границы и ограниченная территория распространения свойственны большинству верхнепалеолитических культур (виллендорфская, гамбургская, аренсбургская, зиргенштейнско-фогельхердская, молодовская, липская и др). [11]

Понимание В. Хмелевским морфологии кремня, внимание к деталям и к второстепенному материалу, а не только к «роскошным» остриям вызывает восхищение. Автора характеризует стремление выяснить не абстрактные ступени развития палеолитической культуры, а конкретные события и их участников — археологические культуры. И это общая беда, а не его вина, что он из-за дефектности материала вынужден порой строить слишком смелые гипотезы, отступая от своего главного принципа — видеть на первом месте археологическую культуру. В. Хмелевский, профессионально обращаясь с геологическими факторами, смог точно датировать исследуемый им памятник и надежно обосновать предлагаемые определения возраста.

Публикация В. Хмелевского безусловно займет почетное место среди палеолитических монографий. Вероятно, со временем удастся очертить территорию распространения ежмановицкой культуры, выяснить ее облик, т. е. найти на стоянке скребки, резцы и прочие орудия тех типов, которые были в употреблении у людей — носителей этой культуры. Нам кажется, что уже имеющиеся материалы не оставляют места надеждам на то, что типологический облик ежмановицкой культуры будет тот же самый, что и тельманской культуры, и что подтвердится гипотеза, что район от Кракова до Воронежа был местом обитания блуждающего племени ежмановско-тельманцев или что ежмановицкое население ушло из-под Кракова на Дон.

Если для ежмановицкой культуры неизвестен ее полный облик и территория распространения, то тельманская культура ждет от своих исследователей лишь определения ее территории.

Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев

---

[10] М. Д. Гвоздовер. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона. Вопросы антропологии. 27, М., 1967, стр. 82—100.

[11] Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.— М., 1968, стр. 158.

Jakob Ozols. Die baltische Steinkistengräberkultur.— Vorgeschichtliche Forschungen, 16, Berlin, 1969. 135 стр., 84 табл. и 3 карты

В эпоху поздней бронзы и раннего железа в Юго-Восточной Прибалтике и Фенно-Скандинавии получают широкое распространение могильники с захоронениями (по обрядам ингумации и кремации) в каменных ящиках. Эти памятники с территории Эстонии и Латвии стали объектом исследования в рецензируемой книге. Подобные древности привлекали внимание прибалтийских исследований еще в XIX в., но особенно много раскапывалось каменных курганов в первой половине XX в. К настоящему времени им посвящены сотни научных статей и заметок, разбросанных по самым различным изданиям. В 1950—60 годах написаны интересные исследования, обобщающие данные по отдельным областям ареала прибалтийских каменных ящиков — М. Х. Шмидехельм по северо-востоку Эстонии, Э. Штурмса и Я. Я. Граудониса по территории Латвии [1]. Теперь Я. Озолс попытался собрать, систематизировать и обобщить все, что накоплено наукой по эстонско-латышским захоронениям в каменных ящиках.

Работа состоит из небольшого авторского введения, исследовательской части, занимающей 46 стр., обширного каталога, в котором собраны данные по 120 могильникам и 33 поселениям (в каталог включены еще 2 поселения культуры текстильной керамики с территории Латвии). Очень насыщенная иллюстративная часть (84 таблицы + 3 карты), дает детальное представление об устройстве курганов и каменных ящиков, погребальной обрядности, планах городищ, вещевом и керамическом материалах и о распространенности памятников на рассматриваемой территории.

На основе некоторого своеобразия в устройстве погребальных памятников и поселений Я. Озолс выделяет в прибалтийской культуре каменных ящиков три локальные группы и с самого начала ведет исследование раздельно по этим областям. Первой, самой обширной по территории и по числу выявленных и исследованных памятников (88 могильников и 15 поселений), является группа, названная Я. Озолсом лифляндской. Она охватывает всю северо-восточную Латвию. Ее юго-западной

---

[1] М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 18—48; Ed. Sturms. Die Steinkistengräberkulturen Nordlettlands. Acta Instituti Baltici, 1, Hamburg, 1950; Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.

границей было поречье Даугавы. Основными признаками этой группы являются распространение земляных курганов с кольцом из валунов, сложенным в основании, и устройство каменной вымостки при сооружении погребальных ящиков. Поселениями здесь были городища с искусственными земляными укреплениями. Анализ находок позволил автору определить время захоронений в каменных ящиках этой группы периодом от поздней бронзы (последняя четверть II и первая половина I тысячелетия до н. э.) до конца II — начала III в. н. э.

Вторая группа насчитывает всего 7 могильников и 10 поселений и локализуется юго-западнее первой, в бассейне реки Лиелупы (главным образом, в Екабпилском, Елгавском и Бауском районах Латвии). По устройству каменных ящиков и инвентарю эта группа, названная исследователем земгальской, во многом сходна с лифляндской, но в отличие от последней здесь курганы не сооружались. Погребальные памятники земгальской группы не имеют каких-либо наземных признаков. Умершие хоронились в каменных ящиках, устраиваемых в грунте. Поселения, синхронные этим погребениям, как правило, не укреплены и находятся поблизости от кладбищ. Только в виде исключения встречаются здесь городища и единичные курганы.

Третью группу составляют памятники Эстонии (25 могильников и 8 городищ), известные, главным образом, в ее прибрежной полосе или на островах. Как и в лифляндской группе, погребальными памятниками здесь были курганы. Одним из отличительных признаков является строительный материал. В эстонской группе для сооружения курганов и каменных ящиков использовался известняк, который широко распространен на побережье Эстонии. Известняк использовался и для сооружения городищенских укреплений. В отличие от лифляндских эстонские курганы насыпались из камней и земли. Основания их образуют один или несколько концентрических кругов из известняка. Ящики для захоронений сооружались в курганах (по два-три ящика в каждом). Для эстонской группы исследуемой культуры характерны укрепленные жилые городища, а также тщательно укрепленные городища-убежища с очень тонким культурным слоем. Время захоронений в каменных ящиках этой группы определяется исследователем I тысячелетием до н. э. и началом нашей эры. Я. Озолс подчеркивает, что между лифляндской и эстонской группами имеется широкая пограничная полоса, что упрочивает их дифференциацию.

После характеристики трех локальных групп прибалтийских погребений в каменных ящиках Я. Озолс исследует общие вопросы этой культуры. Показателем единства прибалтийской культуры, по мнению автора, являются стандартность могильных ящиков и однородность эволюции их и погребальной обрядности. Для всех трех групп исследуемой культуры характерно господство изделий из камня и кости. В течение всех периодов этой культуры широко распространены были каменные топоры, разнообразный кремневый инвентарь (скребки, пластины, наконечники стрел и т. п.), костяные булавки, проколки, острия, шилья, серпы. Большинство металлических изделий (литейные формы и бронзовые отливки обнаружены на многих поселениях) рассматриваемой культуры имеет скандинавские аналогии, что свидетельствует о постоянных связях между Юго-Восточной Прибалтикой и Скандинавией.

Прибалтийская культура каменный ящиков — сложное явление, сформировавшееся в результате взаимодействия культуры местных неолитических племен с культурами пришлого населения под влиянием культур соседних племенных групп. Исследуемая культура имеет бесспорное родство с синхронными скандинавскими древностями (культура Dolchzeit). В связи с этим некоторыми исследователями было высказано предположение о миграции населения из Скандинавии в Юго-Восточную Прибалтику. Автор рецензируемой книги не обнаруживает каких-либо материалов, которые свидетельствовали бы о появлении захоронений в каменных ящиках в Эстонии и Латвии в результате переселения сюда скандинавских колонистов. Он считает, что культурное развитие в Скандинавии и Юго-Восточной Прибалтике шло параллельно. В основе скандинавских и прибалтийских древностей, характеризуемых захоронениями в каменных ящиках, лежат местные неолитические культуры, на которые наслоилась культура ладьевидных топоров. Однако, если в Скандинавии, благодаря лучшей исследованности памятников неолита и бронзы, процесс эволюции древностей Dolchzeit из культуры могильников типа Schonen очевиден и прослеживается в деталях, в Прибалтике это сделать пока не удается. Этому мешает, как полагает Я. Озолс, слабая изученность культуры ладьевидных топоров в Юго-Восточной Прибалтике. К настоящему времени здесь собрано всего не более 200 ладьевидных топоров, которые не дают возможности выявить роль их носителей в истории поздненеолитического населения.

В эволюции прибалтийской культуры каменных ящиков заметная роль принадлежит также воздействию со стороны лужицкой культуры. В верхних горизонтах рассматриваемой прибалтийской культуры, наряду с местной глиняной посудой, появляется и относительно широко распространяется тонкостенная, хорошо обожженная керамика типичных лужицких форм — профилированные горшки, совершенные миски, сосуды и чашки с ушком, часто украшенные желобчатым орнаментом. Влияние лужицкой культуры проявляется также в распространении некоторых типов каменных и бронзовых орудий труда и в некоторых технических приемах бронзового литья. Одновременное воздействие лужицкой культуры ощущается в Скандинавии и Юго-Западной Финляндии. Не соглашаясь с мнением исследователей, отрицающих мигра-

цию лужицких племен в области восточнопрусской и прибалтийских культур I тысячелетия до н. э., Я. Озолс утверждает, что лужицкое воздействие было серьезным культурным событием, связанным с заметными изменениями в культурах Восточной Пруссии, Юго-Восточной Прибалтики и Фенно-Скандинавии, которое невозможно объяснить при отрицании лужицкой миграции. При этом остается бесспорным, что лужицкая волна переселенцев нигде не вытеснила носителей местных культур. Не исключено, отмечает далее исследователь, что воздействие лужицкой культуры в известной части осуществлялось посредством торговых связей, путем создания торговых колоний в областях, где заметно воздействие этой культуры.

Что касается распространения на эстонско-латышской территории текстильной керамики, то автор фиксирует относительно позднее ее появление в памятниках прибалтийской культуры каменных ящиков. Ядром культуры текстильной керамики, по-видимому, были Волго-Окское междуречье и прилегающие к нему земли. Эта керамика постепенно распространяется на запад. Процент текстильной керамики в Прибалтике постепенно растет, но все же в областях прибалтийских захоронений в каменных ящиках она встречается в небольшом числе и спорадически. Исключением являются два поселения Латвии — Кивты и Лейманишки.

Вопрос об этнической принадлежности прибалтийских захоронений в каменных ящиках в рецензируемой работе не исследуется. Лишь в заключении Я. Озолс присоединяется к неоднократно высказываемому мнению о принадлежности культур боевых топоров индоевропейцам. В Латвии древнейшими индоевропейцами, замечает исследователь, были балты, почему лифляндскую группу прибалтийской культуры каменных ящиков можно считать балтской. Я. Озолс обращает здесь внимание на совпадение северной границы ареала лифляндской группы с позднейшей языковой границей между балтами и прибалтийскими финнами. В Эстонии и отчасти в Латвии индоевропейцы — носители культуры боевых топоров или их потомки оказались ассимилированными финно-уграми. К сожалению, работа Я. Я. Граудониса, в которой предложена более детальная племенная дифференциация латышских могильников с каменными конструкциями [2], осталась неизвестной автору рецензируемой книги.

По работе можно сделать только замечания частного характера. Так, названия выделяемых трех групп исследуемой культуры не всегда оправданы. Название эстонской группы, географически соответствующей современной Эстонии, возражений не вызывает. Зато наименование северолатвийской группы лифляндской явно неудачно. Памятники этой группы не имеют никакого отношения к этногенезу ливов и территориально не связаны с землей ливов. Может быть, и третью группу не стоило называть земгальской. Ведь памятники этой группы вряд ли связаны с историей ранне-средневековых земгалов.

В корректурном дополнении Я. Озолс отмечает, что названная выше монография Я. Я. Граудониса вышла в свет уже тогда, когда рецензируемая книга печаталась и ее автор уже не смог внести какие-либо коррективы. Сравнивая каталог памятников Я. Озолса с перечнем и описанием их в книге Я. Я. Граудониса, можно заметить, что каких-либо существенных пропусков в рецензируемой книге нет. Так, в лифляндской группе Я. Озолс дает описание захоронений в каменных ящиках, расположенных в 88 пунктах, в книге Я. Я. Граудониса в той же части Латвии характеризуется только 48 могильников. К земгальской группе в рецензируемой книге отнесено 7 грунтовых могильников с каменными ящиками, Я. Я. Граудонис к этим могильникам добавляет еще три. О двух из них (Клабатены и Розены) имеется лишь краткая информация в рукописном фонде Музея истории Латвийской ССР. Захоронения третьего могильника открыты на Леясдопельском поселении, и сведения о них уже появились в печати до выхода в свет книги Я. Я. Граудониса. Некоторые добавления можно сделать и к каталогу могильников лифляндской группы. Так, среди 88 пунктов этого каталога нет могильника у хут. Ракты. Сведения о нем имеются в статьях Л. В. Ванкиной и К. Озолы [3], которые остались неизвестны автору рецензируемой книги.

Сделанные замечания ни в коей мере не умаляют большой научной значимости книги Я. Озолса. Работа является хорошей сводкой по прибалтийской культуре каменных ящиков, что нужно расценивать как очень важный факт. Книга строго скомпанована и хорошо издана. По всем своим данным она могла бы быть одним из томов «Свода археологических источников СССР» — издания весьма актуального для советской археологии. Бесспорно, что книга Я. Озолса привлечет внимание специалистов по археологии Восточной Европы и стран, примыкающих к Балтийскому морю.

В. В. Седов

---

[2] Я. Я. Граудонис. Об этнической принадлежности могильников с каменными конструкциями на территории Латвии. Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966, стр. 42—50.

[3] Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 66—71; K. Ozola. Cesu novads pirmatnējā kopienas un agrā feodālisma laikā. Cēsis senāk un tagad. Rīgā, 1960, стр. 8.

И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху Бронзы. М., 1967

Проблема культур шнуровой керамики все еще остается одной из самых острых проблем первобытной археологии. Об этом свидетельствует возросшее число работ, среди которых в последнее время особой популярностью пользуются исследования о локальных группах и культурах ареала шнуровой керамики. Книга И. И. Артеменко посвящена среднеднепровской культуре — одной из наиболее ярких, своеобразных и в то же время наименее изученных культур шнуровой керамики.

Начиная с 1956 г. И. И. Артеменко провел десять экспедиций, давших великолепный материал и много ценных наблюдений. В результате впервые за всю историю изучения среднеднепровской культуры появилась возможность дать полную и разностороннюю ее характеристику.

Раздел книги о территории распространения среднеднепровской культуры основан на большом количестве памятников. Убедителен вывод, что в период своего расцвета среднеднепровская культура занимала большую территорию, охватывая весь верхний и значительную часть среднего Днепра и его многочисленные притоки. Карта памятников с густо расположенными пунктами хорошо подтверждает мысль автора о плотной заселенности Поднепровья и о том, что среднеднепровские племена в эпоху ранней бронзы были здесь если не единственным, то основным населением.

Общее число исследованных им погребений достигает 200. Таким образом, только количество погребальных памятников раскопками И. И. Артеменко было увеличено примерно вдвое. Среди них особое значение имеет впервые обнаруженный бескурганный грунтовой могильник у с. Стрелица, насчитывающий более 100 захоронений. Это позволило автору нарисовать ясную картину погребального обряда среднеднепровских племен на верхнем Днепре, отметить ряд черт и деталей, значение которых в полной мере будет оценено при работе по выявлению общих закономерностей в развитии различных культур шнуровой керамики.

Огромное количество посуды, кремневых и каменных орудий, украшений из кости, рога и янтаря и, наконец, металлических изделий дало автору возможность составить полное представление о характере материальной культуры, а в ряде случаев и об истоках отдельных ее элементов. С полным основанием И. И. Артеменко говорит о связях среднеднепровского населения с племенами Прибалтики, Кавказа, Подунавья и культурами Центральной Европы.

До работ И. И. Артеменко среднеднепровская культура почти не располагала изделиями из металла, что очень затрудняло ее датировку и приводило к искаженному представлению об уровне развития в целом. И. И. Артеменко обнаружил более 30 бронзовых предметов, среди них орудия труда, оружие и украшения. Эти вещи впервые дали твердую основу для определения хронологии среднеднепровской культуры, а их химические анализы позволили установить центры, откуда поступали готовые изделия. По всей вероятности, автор прав, когда высказывает предположение о возможности местного бронзолитейного производства.

Большая серия каменных и кремневых изделий, оказавшаяся в распоряжении автора, позволила ему дать четкую классификацию орудий, а также свободно судить о количественном взаимоотношении различных типов орудий. В результате И. И. Артеменко приходит к убедительному выводу о важной роли каменного инвентаря в хозяйстве среднеднепровских племен и о том, что техникой производства этого инвентаря, и особенно кремневых изделий, они владели в совершенстве.

Интересным наблюдением, позволяющим говорить о специфике и своеобразии хозяйственной направленности носителей среднеднепровской культуры, является наблюдение о широком распространении кремневых клиновидных топоров — почти обязательной принадлежности как мужских, так и женских захоронений.

На основании большого нового материала, а также используя старые коллекции, автор характеризует керамический комплекс среднеднепровской культуры. Работа И. И. Артеменко дает возможность получить представление обо всех бытующих формах посуды и их количественном соотношении, к тому же не обобщенно, а дифференцированно, для различных районов распространения среднеднепровской культуры.

Особо следует остановится на разделе книги, посвященном поселениям. До работ И. И. Артеменко поселения по существу не были известны. Это приводило к тому, что среднеднепровские племена воспринимались как сугубо скотоводческое, подвижное, чуть ли не кочевое население, не имевшее постоянных мест обитания. И. И. Артеменко лишь на верхнем Днепре обнаружил и обследовал около 50 поселений. После этого удалось также определить культурную принадлежность и отнести к среднеднепровской культуре большое количество поселений на среднем Днепре. В урочищах Козинцова гора, Борок Семеновский, Завалье, Лючин и др. были произведены различные по масштабам раскопки, позволившие судить о топографии поселений, характере культурного слоя и типе жилищ.

Материалы, полученные при раскопках поселений, совершенно по-новому осветили хозяйство и быт племен среднеднепровской культуры. Большое количество долговременных поселков, наземные глинобитные жилища с прочными каменными очагами неопровержимо свидетельствуют о полной оседлости их обитателей. Убе-

дительно показаны большая роль земледелия, состав стада, куда кроме крупного рогатого скота входят лошадь и свинья, выявлен тип скотоводческого хозяйства, носящего отнюдь не кочевой, а приселищный характер. Интересны результаты химических и палеоботанических анализов почв, взятых во время раскопок различных памятников. Они позволили автору говорить о том, что среднеднепровские племена жили только в лесных и лесостепных районах и что климатические условия в этих районах в эпоху бронзы были близки к современным. Наконец, новые материалы дали автору право подтвердить и обосновать предположение о культурной, а возможно, и этнической близости племен среднеднепровской культуры и памятников сосницкого типа, бытующих в последующий хронологический период в левобережье Днепра, на Десне и Сейме. Этот вывод получил важное историческое звучание, поскольку в последнее время большинство археологов и лингвистов, как советских, так и зарубежных, с памятниками сосницкого типа, составляющими восточную группу большой тшинецко-комаровской исторической общности, склонны связывать наиболее древнее проявление славян.

И все же не только восхищение бесспорно блестящими результатами работ автора в области изучения среднеднепровской культуры побуждает отозваться на его книгу. В равной степени это вызвано желанием обратить внимание на ряд очень спорных, а иногда и явно неверных положений, имеющихся в работе и касающихся важных сторон рассматриваемой в ней культуры. Наибольшие возражения вызывают вопросы хронологии и периодизации.

Начало среднеднепровской культуры И. И. Артеменко относит к 2400 г. до н. э. лишь на том основании, что в предшествующий период на территории Среднего Поднепровья жили племена развитого триполья, датируемого Т. С. Пассек концом IV — началом III тысячелетия до н. э. (стр. 99). В настоящее время до определения нижней границы среднеднепровской культуры имеются значительно более твердые основания. Известно, что на территории Среднего Поднепровья после развитого триполья бытует позднетрипольская культура городского и софиевского вариантов. Позднее триполье хорошо датируется и металлическими кинжалами и радиокарбоновым методом, при этом его верхняя дата не выходит за рамки 2200—2100 вв. до н. э.[1] Стратиграфическое залегание слоя среднеднепровской культуры над позднетрипольским на могильниках софиевского типа свидетельствует о том, что начало среднеднепровской культуры должно относиться к последующему времени[2].

Само по себе некоторое удревнение среднеднепровской культуры не имело бы такого значения, если бы И. И. Артеменко не делал из этого очень ответственных и далеко идущих выводов. Он пишет: «Сложение среднеднепровской культуры, как свидетельствуют об этом археологические материалы, происходило значительно раньше, чем сложение «культур шнуровой керамики Средней Европы» (стр. 116). Археологические материалы ряда европейских шнуровых культур имеют большое количество дат, полученных по C^{14}. В частности, для Германии это 2564±110; 2150±75; для Голландии 2602±55; 2314±70; 2370±12; 2618±32 и т. д.[3]. Таким образом, у нас нет никаких оснований говорить о том, что среднеднепровская культура древнее западноевропейских культур шнуровой керамики. Игнорировать эти факты вряд ли следует.

Особую неудовлетворенность вызывает предложенная автором периодизация памятников среднеднепровской культуры. Как известно, Т. С. Пассек в развитии среднеднепровской культуры выделила два этапа: более ранний, стретовский, и более поздний, гатнинский[4]. В работе эта периодизация полностью отвергается и заменяется новой. В качестве раннего этапа И. И. Артеменко выделяет группу погребений из Черкасской и Киевской областей, а памятники стретовского и гатнинского этапов считает одновременными и относит к позднему периоду среднеднепровской культуры. Отвергая прежнюю периодизацию, давно принятую и широко известную в литературе, следовало бы начать с ее глубокой и аргументированной критики. В работе этого нет. А ведь попытайся автор сделать это, он столкнулся бы с хорошо продуманной, стройной системой доказательств и, отсылая за ними читателя к работе Т. С. Пассек, нужно было отметить, что ее периодизация в

---

[1] В. Г. Збенович. Про кинджали усатівського тику. Археологія, XX, Київ. 1966, стр. 44.

[2] В. О. Круц. Новий могильник софіївського типу біля с. Завалівка на Дніпрі. Археология, XXI, Київ, 1967, стр. 127.

[3] M. Behrens. C^{14} Untersuchungen an Substanzen aus dem Mitteldeutschen Neolithikum «Ausgrabungen und Funde», 6, 1961, ср. 313; его же. C^{14} Daten für das mitteldeutsche Neolithikum, Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, 46, 1962, стр. 43; его же; Berichtigtes und ergänztes Schema mitteldeutscher neolithischer C^{14} — Daten. Ausgrabungen und Funde», 1965, 1, стр. 2; G. Kohl, H. Quitta. Berlin-Radiokarbondaten archäologischer Proben I., Ausgrabungen und Funde», 1963, 6, с р. 291.
R. W. Ehrich. Chronologies in Old World Archaeology, Chicago-London, 1965, стр. 389, 390, 395.

[4] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947.

настоящее время находит большое количество новых подтверждений. Наиболее интересным из них, пожалуй, является выделение так называемого «общеевропейского горизонта» шнуровых культур. Многие исследователи — Л. Килиан, К. Струве, М. Бухвальдек, Я. Махник и др. на различных территориях и на большом материале выделили памятники, относящиеся к наиболее архаическому периоду культур шнуровой керамики, получившему название «общеевропейского горизонта». С этим горизонтом прекрасно синхронизируется основная масса памятников, выделенных Т. С. Пассек в ранний стретовский этап. С другой стороны, архаичность погребений, выделяемых И. И. Артеменко в качестве древнейшего этапа среднеднепровской культуры, вызывает сомнения. Главное доказательство автора заключается в том, что якобы имеются три случая стратиграфии, при которой памятники вновь выделяемой древнейшей группы лежат ниже и перекрываются «стретовскими». Однако все три случая ни о чем не говорят. 1. В Гатном вообще отсутствует стратиграфия погребений среднеднепровской культуры. 2. В кургане № 43 Яцковицкого могильника в насыпи лежит погребенный с баночным сосудом, орнаментированным налепным валиком (по-видимому, захоронение срубной культуры), а под ним, на материке безынвентарное погребение. 3. В кургане № 44 того же Яцковицкого могильника безынвентарное погребение перекрывается захоронением с сосудом яйцевидной формы, многочисленные аналоги которому имеются в ямной культуре, в частности в верхнем слое Михайловского поселения.

Другим основанием для выделения древнейшего этапа и отнесения погребений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом на Черкащине, к наиболее раннему периоду среднеднепровской культуры И. И. Артеменко считает сходство характерных для этих погребений круглотелых сосудов с яйцевидными горшками ямной культуры, по мнению автора, их прототипами. Впечатление о сходстве этих сосудов очень субъективно, но даже если бы такое сходство существовало, само по себе оно не является доказательством их генетической преемственности.

Стремление И. А. Артеменко объединить памятники стретовского, гатнинского и днепродеснинского типов в один (поздний) этап представляется шагом назад в изучении среднеднепровской культуры по сравнению с тем, что сделала Т. С. Пассек, выделившая эти этапы. Единственное доказательство, которое приводит автор в пользу предполагаемой им одновременности стретовского и гатнинского этапов, заключается в том, что в могильнике Ходосовичи (в одном могильнике, но в разных погребениях) обнаружены сосуды обоих типов. Но не говорит ли это о том, что в Ходосовичах имеются погребения различных хронологических этапов. Чем иным, как не хронологическими различиями, можно объяснить, что в одних погребениях этого могильника инвентарь отсутствует вовсе или представлен исключительно кремневыми долотовидными топорами, а в других состоит из большого количества металлических изделий, плоскодонных сосудов с гусеничным (катакомбного типа) орнаментом, втульчатых наконечников копий и т. д. Не замечая этих различий, автор игнорирует процесс развития культуры, просуществовавшей (по мнению самого И. И. Артеменко) около 1000 лет.

Точка зрения И. И. Артеменко на сложение среднеднепровской культуры также вызывает возражения. По мнению автора, эта культура возникла на основе ямной в правобережных районах Среднего Поднепровья, а затем продвинулась к северу и северо-востоку и заняла ту большую территорию, на которой она известна. В поисках исходной области сложения среднеднепровской культуры автор находился под влиянием распространенного сейчас мнения о том, что вообще все шнуровые культуры имеют южное, точнее, юго-восточное происхождение. Однако здесь нужно четко различать два события: появление шнура как орнаментального мотива и распространение культур шнуровой керамики, или культур боевых топоров. Вопрос о том, где и когда зарождается шнуровая орнаментация, как будто бы действительно решается в пользу южнорусских степей и связывается со среднестоговской энеолитической культурой. На основании импортов трипольской керамики этапов BI и BII и других сопоставлений эта культура датируется второй половиной IV—началом III тысячелетия до н. э.[5]

Большинство европейских культур шнуровой керамики датируется самым концом III — первой половины II тысячелетия до н. э. Таким образом, между среднестоговской культурой и культурами шнуровой керамики разрыв более чем в 500 лет и, видимо, никакой прямой связи. Если согласиться с этим, то исчезнет гипноз южного происхождения среднеднепровской культуры, тем более что ее родство с ямной культурой маловероятно. Основное доказательство генетической связи ямной и среднеднепровской культур И. И. Артеменко видит в сходстве их погребального обряда, керамики и другого инвентаря. Этот широко распространенный в археологии метод доказательств генетической связи различных культур вообще редко достигает цели. Во-первых, потому, что представление о сходстве и различии всегда расплывчато и субъективно, и, во-вторых, потому, что сходство в материальной культуре в равной, если не в большей степени, может служить доказательством хронологической, стадиальной близости (не обязательно полной синхронности)

[5] Д. Я. Телегин. Основные черты и хронология среднестоговской культуры. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 87.

двух соседящих групп населения. Так, по-видимому, было и в случае с ямной и среднеднепровской культурами. Наличие курганного обряда, широко распространенного в ранний период бронзового века, само по себе не может служить показателем сходства. Другие черты погребального обряда — ориентировка, положение скелетов и т. д. существенно различаются, в чем признается и сам автор (стр 113). Важным представляется тот факт, что в погребальном обряде среднеднепровской культуры большую роль играет огонь, известны случаи трупосожжения, часты кострища в насыпях и на материке, обычна зольная подсыпка. Культ огня, широко распространяется в среде оседлых земледельческих племен, абсолютно несвойствен носителям ямной культуры. Несвойственны ей и грунтовые могильники типа Стрелицы.

Большое значение в доказательстве генетической связи ямной и среднеднепровской культуры автор придает керамике. По мнению И. И. Артеменко, яйцевидные сосуды легко и логично трансформируются в шаровидные кубки с высокой прямой шейкой, выделяемые ими в раннюю группу. О времени распространения этих сосудов уже шла речь. Здесь же можно добавить, что трансформация остродонной керамики ямной культуры на всей территории ее распространения более или менее идентична и состоит в уплощении дна, уменьшении высоты и появлении более резкой профилировки тулова. Кроме того, если между ямными горшками и шаровидными сосудами черкасской группы памятников все же можно отметить какое-то сходство, происходящее, вероятно, в результате территориального контакта, то все остальные наиболее ранние и наиболее типичные керамические формы среднеднепровской культуры — высокогорлые кубки, шаровидные амфоры и биконические горшки — ничего общего с ямными сосудами не имеют.

Представляется, что больше различий, чем сходства, имеется и в другом инвентаре. Например, очень показательно, что среди кремневых изделий среднеднепровской культуры основное место занимают топоры-тесла, количество которых действительно огромно и на поселениях, и в погребениях. Вместе с тем ни в одном из многочисленных погребений ямной культуры таких топоров не найдено. Резко отличается и набор металлических изделий, которые у среднеднепровских племен все же более тяготеют к западным центрам.

По своей сути эти культуры не просто различны, а чужды друг другу. Что общего у носителей ямной культуры — типичных степняков, кочевников и скотоводов, с оседлыми земледельцами-лесорубами, не выходящими за границы лесной и лесостепной полосы?. Между тем в основе генетической линии развития в первую очередь должна лежать общность хозяйственного уклада и идеологических представлений. Поэтому и в вопросе происхождения среднеднепровской культуры, очевидно, более права Т. С. Пассек, предполагающая, что в основе сложения этой культуры находятся оседлые, земледельческие племена лесостепной Украины. Напрасно автор недостаточно внимателен к мысли, довольно широко распространенной в советской и в польской литературе, о связи среднеднепровской культуры с трипольем [6].

Далее автор бездоказательно отрицает возможность каких бы ни было генетических связей днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры с местным неолитом.

Между тем существует интересное и обоснованное мнение М. В. Воеводского о заметной роли неолитических племен Дёсны и Сейма в сложении среднеднепровской культуры [7]. Новые материалы, полученные И. И. Артеменко во время раскопок на верхнем Днепре, пожалуй, подтверждают мнение М. В. Воеводского и, во всяком случае, заслуживают самого внимательного анализа под этим углом зрения.

Наконец, о взаимоотношении среднеднепровской и фатьяновской культур. Автор критикует А. Н. Лавданского, К. М. Поликарповича, М. Е. Фосс, Д. А. Крайнова и других исследователей, не умеющих иногда различить, к какой из культур относятся те или другие памятники, и отмечающих наличие между среднеднепровской и фатьяновской культурами каких-то не ясных, но тесных и, возможно, родственных связей. Сам автор ограничивается указанием на то, что среднеднепровская и фатьяновская культура были соседями и оказывали влияние друг на друга, чем, по мнению И. И. Артеменко, и объясняется их сходство, существующее якобы только на пограничной территории. Очевидно, все было значительно сложнее. Большое количество новых материалов из раскопок автора могло бы послужить основой к серьезной постановке интересного и важного вопроса о взаимоотношениях среднеднепровской и фатьяновской культур.

В целом же работа И. И. Артеменко, основанная, что необходимо подчеркнуть еще раз, в значительной степени на новых, полученных им самим материалах, не только необычайно расширила представление о среднеднепровской культуре, но во многом существенно изменила его. Все это дает уверенность, что книга составит заметный вклад в решение проблемы шнуровых культур.

С. С. Березанская

---

[6] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, 2, 1944; Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 50: J. Machnik. Uwagi o zwiazkach kultury ceramiki sznurowes z kultura trypolska, «Sprawozdania zpposiedzen komisijj odzdziału PAN w Krakowe». Styczenczerwiec, 1963.

[7] М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949.

В. А. ПАЗУХИН

КАК ВСЕ ЖЕ ОТЛИВАЛИ САРМАТСКИЕ КОТЛЫ

В журнале «Советская археология» № 1 за 1966 г. напечатана статья Е. К. Максимова о сарматских бронзовых котлах [1]. Автор выделяет в «сарматский тип» котлы без поддона с коническим дном [2], бытовавшие в сарматское время на Нижнем Поволжье и сопредельных областях. Автор рассматривает также вероятные с его точки зрения приемы отливки котлов, причем в этой чисто металлургической стороне вопроса допускает неточности и явные ошибки [3].

Справедливо отметив необходимость раскисления меди перед добавкой олова, Е. К. Максимов пишет, что для этого «вводились в металл фосфор и кремний»..., а «для улучшения литейных свойств добавлялись небольшие количества цинка, до 0,01% (!) и свинца до 2%» [4]. Такая добавка к меди свинца, понятно, полезна для жидкотекучести, а столь малая доля цинка, явно случайная примесь, при медном литье не сказывается. Что касается упомянутых раскислителей для меди, то остается лишь предположить неудачное выражение мысли у автора: фосфор был открыт только в 1669 г., а впервые о добавке фосфористой меди при медном литье сообщалось в 1876 г. [5]; применение же кремния, вернее кремнистой меди, стало возможным только в конце прошлого века с распространением электроплавки. Автор преувеличивает опасность загрязнения сплава оловянной изгариной от неумения древними литейщиками хорошо раскислять медь; прекрасное качество многих заведомо не кованых древних отливок опровергает это: слой раскаленных углей в тигле над расплавленной медью обеспечивал достаточное раскисление и защиту ее от выгорания олова. Наконец, по Е. К. Максимову, древние котлы содержат лишь до $2^1/_2$% олова так что накопиться изгарине в сплаве неоткуда; чем меньше в нем олова, тем труднее оно окисляется вследствие снижения активности. Даже в 10%-ной бронзе, как показали опыты почти столетней давности, после шестикратной переплавки содержание олова уменьшилось только на 1,6% [6].

Малые добавки олова в сарматской меди для котлов Е. К. Максимов объяснил излишней твердостью и хрупкостью более богатой им бронзы. Однако даже вхолодную можно хорошо ковать 6%-ную бронзу, а с меньшими обжатьями и, так называемую в прошлом, мягкую пушечную бронзу с 8% олова. Казалось бы, для котлов вполне была пригодна прочная и ковкая 6%-ная бронза. В новое время вплоть до распространения в быту алюминиевой посуды кухонную посуду делали медной, а не бронзовой; медь всегда была существенно дешевле бронзы и, кроме того, податливее при ковке или иной обработке. Но медь, даже перегретая, плохо заполняет формы, она недостаточно жидкотекуча, хотя не потому, что в ней много кислорода, как пишет Е. К. Максимов, а по природной повышенной вязкости, которую резко снижают даже малые примеси. Еще В. Биринггуччио в XVI веке писал о необходимости для тонких отливок добавлять к меди для жидкотекучести «маслянистые и разъедающие вещества, как то: олово, возгон (вероятно окись цинка), белый мышьяк (окись) или реальгар, буру, селитру [7]. В наше время для медного фасонного литья добавляет 0,38% фосфора или 1% цинка или столько же олова. Но примеси даже 0,2% олова или мышьяка улучшают литую медь [8]. Отсюда, к чести древних литейщиков, нужно признать, что 2% олова, которые они добавляли к меди, были достаточны для хорошего заполнения форм и получения хороших отливок. Избыток олова означал бы неоправданную трату драгоценного в те времена металла. И напрасно Е. К. Максимов пишет о существенном снижении от такой добавки температуры плавления меди, а с ней и необходимого перегрева, указав, что бронза плавится при 700—800°. Только 25%-ная бронза нацело расплавляется при 800°, а при

---

[1] Е. К. Максимов. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. СА, 1966, 1, стр. 51—60.

[2] Почему сарматские медники отливали свои котлы без поддонов Е. К. Максимов не написал, хотя по всей вероятности единственной причиной было появление железных треножников, с которыми отпала надобность приливать литые поддоны к котлам-заготовкам (К. Ф. Смирнов. Сарматы. М., 1964, стр. 132).

[3] Нет необходимости останавливаться на таком явном недоразумении как фраза «...котлы отливались из поликристаллической руды» (Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 58).

[4] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 58.

[5] H. C. C. de Ruoltz-Montchel, H. de Fontney. Sur les Application industrielles du phosphur de Cuivre et du Bronze phosphore. C. R. Ac. Sc. LXXXIII, Paris, 1876, p. 783—5.

[6] E. O. Curry. On the Manners and Customs of the Ancient Izish; Introduction by W. K. Sullivan, London, 1873, стр. 7.

[7] V. Biriguccio (De la) Pirotechnia, Venize, 1540, Trad, by C. S. Smith, H. T. Gundi, NI., 1959, bib. VIII, Ch., VI, p. (121), 332—3.

[8] E. A. Lewis. Effect of Impurities on Commersial Copper. I. Sos, Chem. Ind, XXII, Lond., 1903, p. 135.

820° начинается лишь оплавление 10%-ной бронзы, которую нужно нагреть до 1000°, чтобы всю расплавить; наконец, с $2^1/_2$% олова медь плавиться в промежутке 1000—1060°, а точка плавления чистой меди — 1083°. Замечу, что ходячее представление о надобности сильного перегрева бронзы для жидкотекучести сложилось именно от существенного перепада температуры от начала до конца плавления.

Но по общему правилу чем сильнее перегрет металл, тем больше он насыщается газами и тем пузыристей выходит литье. Отсюда видно, сколь важно для распознания условий отливки древних сплавов оценка их пористости (что возможно по сопоставлению истинной и объемной плотностей) и ее распределения, для чего нужно просвечивание поделки. Плотные на глаз древние отливки показывают опытность литейщиков, которые знали, что медь вредно перегревать. Поэтому они обходились малыми тиглями для заливки за раз только одной формы, которую выгоднее было, чем медь, получше прогреть. И, следуя древнейшему опыту медники-кустари, например, в Японии и теперь перегревают глиняные формы докрасна, то есть до 700—800°. Так что перегрев металла зависит от способов литья и, конечно, от сложности отливки; например, при медном фасонном литье, формы, теперь обычно земляные, должны быть сухими, а медь перегрета на 200°; бронзу отливают в сухие и в сырые формы, перегревая ее соответственно на 250 и 300°. Перегрев же на 100—150°, как написано у Е. К. Максимова был бы достаточен для литья меди или бронзы только в формы простые и подогретые.

Е. К. Максимов пишет: «Модель, по которой производилась формовка, лепилась из глины с последующим обжигом или вырезалась из дерева. Вряд ли для приготовления таких крупных моделей применяли воск» [9]. Он был бы прав, если бы речь шла об объемистой сплошной отливке, например, пушки без канала; но для котла выплавляемая модель воспроизводит по стержню, то есть по модели полости, тело (стенки) котла, а деревянная, скажем, модель котла воспроизводит весь его наружный объем, так что к ней нужен еще стержень, который в наше время формовали бы в особой отрицательной форме — стержневом ящике.

Единственное известное мне обоснованное указание на древнее литье в земляные формы относится к тяжелым четырехугольным слиткам с Кипра [10]. Подобные открытые формы могли легко сделать отпечатком на песке или на глине плоских предметов или их моделей [11].

Для отливок посложнее земляные формы в древности нигде не применялись; они получили распространение не раньше XII—XIV вв. [12]. Первое свидетельство о них у Биринггуччио: *«Если нужно много изделий одного рода* (подчеркнуто мною — *Б. П.*) то применяют для формовки землю»... т. е. «мелкий ровный песок с третью золы от бараньих костей и $^1/_{12}$ долей муки, смоченных мочой или вином», которую набивают в деревянные или бронзовые опоки [13]. В наше время такая формовка тоже применяется, главным образом, при массовом литье по одному модельному комплексу, т. е. самой модели и к ней модельных ящиков для стержней; тогда только оправдываются расходы на тщательное изготовление их вполне точными, гладкими и окрашенными, чтобы не прилипала земля.

С XII—XIII в. в Дагестане, в ауле Кубачи и его округе появились в быту котлы, которые с тех пор и до нашего времени отливали в земляные формы. Для сравнения с предположениями Е. К. Максимова напомним основные черты этого древнего промысла сохранившегося неизменным еще в 1929 г. [14].

Моделями служил набор котлов строго установленных исстари размеров и веса — от 1,1 до 14,4 *кг*, которые всегда тщательно обтачивали кругом на простейшем станке. Их полушарная форма и прямой широкий воротник с вырезами упрощали формовку. В верхней опоке набивали наружную форму по опрокинутому на поддон котлу. Перевернув опоку и укрепив на ней нижнюю опоку, в котел и в нее доверху набивали местный супесок. Вновь опрокинув обе опоки, снимали верхнюю и подвешивали ее для просушки над горном, а затем снимали котел со стержня, набитого в нем, и нижнюю опоку ставили на горн. После просыхания и прогрева форм опоки скрепляли; раздували затем горн, чтобы расплавить в тигле отвешенную заранее медь. С готовой меди снимали жар, а потом войлоком — начисто шлак, и заливали форму. Остаток меди разливали в малые формы для ножек, ручек и др. Всю работу кончали за шесть часов, а четыре уходило еще на обрубку литника, обточку и отделку котла.

В противоположность дагестанским, дошедшие до нас древние котлы, даже однотипные, все разные; каждый более или менее отличается от прочих и по орнаменту и по форме, и по размерам. Чем больше котел, тем вероятнее отливка его по особому заказу; наоборот, тем менее вероятна формовка котла в земле по готовой модели из целого набора их в запасе.

Формовка в земле сарматских котлов была бы затруднена из-за утолщенного венчика, присутствие которого на модели не позволит вынуть ее из формы (см.

[9] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 59.
[10] H. Cateing. Cypriot Bronze Work in the Mycenean Word.
[11] John Evans. Ancient Bronze Implements. Lond., 1881 стр. 427, 428.
[12] L. Aitchison. A. History of Metals, I, Lond., 1960, стр. 74.
[13] V. Bringuccio. Ук. соч., стр. 328.
[14] Е. М. Шиллинг. Кубанцы и их культура. М., 1949, стр. 62—63.

рис. 4 у Е. К. Максимова), соответственно, венчик на стержне мешает пустить его в форму. Помехи можно устранить съемным и разрезным венчиком на модели и на стержне; но проще было отказаться от земли.

По Е. К. Максимову сарматские котлы формовали в земле с разъемом формы по большому кругу, так как у котлов там часто, но не всегда находится валик веревочкой; по автору валик происходит от оттиска «веревочки» по стыку формы, чтобы скрыть литейный шов; но выполнить это невозможно, не открывая формы, так что литейный шов лишь переместился бы на котле с гладкой стенки на валик; следов же зачистки шва на валике еще никто не замечал, не видел их и я на котлах из коллекции в ГИМ. Так что валик не подтверждает предположение разъемной формы.

На сарматских котлах Е. К. Максимов замечал следы (снаружи и внутри) от сглаживания, иногда сплошного, былой формы и стержня. Однако формовка в земле, предполагаемая Е. К. Максимовым, возможно только с гладкой моделью, чтобы ее после расталкивания можно было вынуть, не повредив формы. Последнюю иногда приходится исправлять и, местами, сглаживать, причем в руках опытного формовщика гладилки не оставляют следов. Наоборот, воск или сало, чаще их смесь, которые удобно накладывать на стержень промятыми лентами или пластинами, нужно обязательно сглаживать, так же как и стержень, если его лепили от руки, так что следы сглаживания на котлах не в пользу земляной формы.

Стержень для последней обязательно сперва обжигают, а плавкую модель можно вылепить по стержню, только лишь высушенному, чтобы обжечь вместе с глиняной формой после выплавления модели, что, понятно, проще. Форма и стержень после обжига должны быть пористыми для свободного выхода газов, а стержень — не слишком прочным, чтобы его легко выбить из отливки. Для пористости издавна, например, по Биринггуччио к формовочной глине добавляли до $^2/_3$ мелкой шерсти или навозу, а для стержня кроме того еще половину и больше золы.

На рис. 4 в статье Е. К. Максимова стержень изображен лишь стоящим в форме между жеребейками (распорками), но без знака (род шипа) и притом разрезным, соответственно поперечному литейному шву, который автор видел внутри сарматских котлов. По такому же признаку, например, на котлах из Соломахи и Аксютинец, В. А. Шрамко заключил об отливке их в разъемные формы [15], но в таком случае литейный шов был бы снаружи, а не внутри котлов и заметен по следам зачистки, которых нет на них.

На котле из погр. № 2 кургана В[4] у хут. Шульц, отлитом вместе с ручками, очевидно, в глиняной форме Е. К. Максимов заметил заклепанные дырочки и признал их следами жеребеек [16], жеребейки же не были надобны при столь широких и устойчивых форме и стержне. Жеребейки, показанные на рис. 4 в статье Е. К. Максимова, вряд ли можно поставить в земляную форму со стержнем в ней; столь же трудно опустить в земляную форму стержень, допустим без венчика, с жеребейками, приклеенными к нему смолой. Но в таком случае неизбежны зазоры между жеребейками и формой; большие зазоры были бы залиты медью, не оставив следов от жеребеек на котле, а в малых зазорах медь, проникнув только по краям, оставила бы на котле ямки.

На схематическом разрезе формы в статье показано кроме литника еще шесть выпоров-прибылей, по Е. К. Максимову, они нужны на всей площади опоки [17]. Для заливки в земляную форму медь нужно сильнее перегревать (см. выше), так что газов в такой форме выделяется больше, чем в форме глиняной; но и в таком случае для выхода газов достаточны проколы земли в опоке спицами; прибылей же не делают, довольствуясь литником, потому что усадка при застывании бронзы невелика, а перегретая медь, застывая, даже растет в объеме, иногда на 1,6% от микропористости обусловленной запоздалым выделением водорода. Вероятно обходились только литником и древние литейщики; на дне котлов бывает заметен только один след от литника.

При заполнении формы выгоднее, чтобы струя не ударяла в верхушку стержня во избежание размыва его и разбрызгивания меди; для того от литейной чаши делают до четырех литников, как, например на отливках из Сибири [18] и литейных отходах в Британии [19]. Древние медники нашли другой способ: они иногда не доливали формы, так что котел выходил без дна, которое отливали отдельно, очевидно, по плавкой модели проема на котле, а затем приливали к котлу. Так они поступили с котлом из Еремеевки, который описывается в статье Е. К. Максимова [20].

Готовые ручки тоже чаще приливали к котлам, даже отлитым по выплавляемой модели. Изучение древних литых котлов не может быть полным и глубоким без привлечения современных методов исследования литья.

---

[15] В. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Диссертация. Харьков, 1953, стр. 198—204.

[16] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 56.

[17] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 59.

[18] З. А. Шагаев. Историко-типологическое исследование изделий древних сибирских литейщиков. Краев. записки Алтайского кр. м., I, Барнаул, 1956, стр. 260, рис. 2.

[19] L. Evans. Ук. соч., стр. 451—452.

[20] Е. К. Максимов. Ук. соч., рис. 2,*1*.

Э. А. Рикман. «Памятник эпохи Великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты», Кишинев, 1967, 136 стр., 49 рис.

Появлению рецензируемой книги предшествовал ряд статей, посвященных предварительным сведениям или отдельным вопросам, возникшим при изучении этого важного черняховского памятника [1]. За годы раскопок (1954—1957 гг.) на поселении вскрыто 1312 $м^2$, а на относящемся к нему могильнике — 2830 $м^2$ (362 погребения), что составляет, по мнению автора, более половины всего древнего кладбища.

Будешты не являются первым столь масштабно исследованным памятником. Исчерпывающие или почти исчерпывающие раскопки черняховских памятников начались в СССР после Великой Отечественной войны и были осуществлены в Поднепровье.

Однако следует отметить, что о молдавских полях погребений до раскопок Г. Б. Федорова и Э. А. Рикмана по сути дела почти ничего не было известно. В настоящее время благодаря усилиям молдавских ученых их численность приближается к нескольким сотням [2].

Однако раскопанных на широкой площади памятников не так много. Будештский могильник и поселение являют собой самый крупный по масштабам изученности черняховский памятник Молдавии.

Книга состоит из очень краткого введения, описания девяти вскрытых наземных жилищ, характеристики найденных на поселении и могильнике материалов, куда входит и сообщение о находке гончарной печи. Завершает первую часть книги заключение (стр. 39—42). Последующие 42 страницы содержат описание погребений изученной части могильника. Книга проиллюстрирована 49 рисунками, где представлены находки и планы захоронений.

Следует отметить слишком мелкий масштаб сосудов, об облике которых при неважном качестве клише бывает трудно судить.

Выводы автора сводятся к следующим основным положениям: черняховская культура оставлена в Молдавии разноэтничным населением. Время ее существования конец II — рубеж IV—V вв. н. э. Земледельческое население, оставившее эту культуру, жило в наземных, нередко большого размера домах, что по мысли автора, свидетельствует «о неизжитости семейно-родовых отношений» (стр. 41). Гибель Будештского комплекса, как и других черняховских памятников Молдавии, Э. А. Рикман связывает с нашествием гуннов. Эти выводы из-за краткости их изложения звучат несколько декларативно.

Следует отметить нечеткость классификации Э. А. Рикманом черняховского комплекса керамики. Отсутствие сводной типологической таблицы и ссылок на рисунки при выделении типов делает непонятным принцип распределения посуды по типам и видам. Керамика объединена в два больших отдела: лепная и сделанная на кругу. В обзоре керамики автор уделяет «основное внимание... целым сосудам». Вся лепная посуда в основном разделена Э. А. Рикманом на две группы: горшки и миски. Поскольку нет ссылок на рисунки, читателю трудно догадаться, с каким типом горшков автор отождествляет, например, «сосуды стройных пропорций с венчиками и туловами различных форм» (стр. 20, 21). При этом сказано, что горшки подразделяются на три типа, а в описании приводится только два.

Заслуживает внимания итоговое наблюдение автора, что «разнообразие лепной посуды — признак развитости керамического производства» и что в Молдавии прослежен «устойчивый набор форм, такой же, как в других районах распространения этой культуры» (стр. 20—22).

Описанию гончарной керамики предшествуют ее статистические подсчеты по обломкам (неясным остается, учтены ли в приведенной таблице целые сосуды?). Здесь автор проявляет, на наш взгляд, ненужную оригинальность, выделяя группы керамики по цвету. Известно, что нередко при раскопках встречается сосуд, который имеет одну сторону более прожженную и отличающуюся по цвету от другой. Кроме серого и красного цвета сосудов, обособленных на таблице Э. А. Рикманом (стр. 19, табл. II), на черняховских памятниках встречаются довольно часто черные сосуды и изредка желтоватые. Почему бы тогда и их не выделить в особые группы? К сожалению, Э. А. Рикман не перевел цифры в проценты для большей наглядности, чтобы выяснить, как соотносятся на поселении разные группы посуды, и как на могильнике [3]. Не разъяснил также автор и то, что он понимает под гладкой посудой, в

[1] Э. А. Рикман. Могильник первых столетий нашей эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, 1; его же. Жилища Будештского селища. МИА, 32, 1960; его же. Раскопки у с. Будешты МИА Ю-З СССР и РНР. Кишинев. 1961; его же. Погребальные обряды Будештского могильника. МИАЭ МолдССР, Кишинев, 1964.

[2] «История Молдавии», I. Кишинев, 1965, см. карту на стр. 42.

[3] Подсчеты в процентах соотношений группы гончарных и лепных сосудов на могильнике, сделанные по целым формам сосудов, вряд ли можно считать показательными.

частности, входит ли сюда кухонная керамика, представленная преимущественно горшками, или понятие «гладкая» является синонимом «лощеная»?

При описании типов круговой посуды автор книги также злоупотребляет определениями, ничего не говорящими для характеристики данного типа или вида сосудов: стройные, изящные и т. д. Горшки он распределяет по видам, хотя разница между отдельными гончарными формами огромная, а миски — по типам и видам. Хотя и закономерно искать истоки и отмечать аналогии в сарматских дако-гетских и античных областях отдельным формам рассматриваемой керамики, необходимо было бы определеннее подчеркнуть единство не только лепного, но и гончарного черняховского керамического комплекса на всей территории распространения культуры. Следовало бы объяснить, как он мог сформироваться в одинаковых формах при отсутствии этнического единства, о котором говорит Э. А. Рикман.

Подчеркнув положение, что для правильного понимания этноса, оставившего памятники, «первостепенное значение имеет анализ погребального обряда» (стр. 41), Э. А. Рикман присоединился к не особенно убедительной версии Г. Б. Федорова о генетической связи обряда трупосожжения с дако-гетским погребальным ритуалом. При этом оба автора не пытаются объяснить, каковы истоки такого же в деталях обряда в областях, где не было и в помине фракийцев во все исторические времена, например, в северных областях Украины. Очень шаткими являются и ссылки на антропологию. Имеющиеся отдельные захоронения с трупоположениями в Румынии еще не дают достаточных оснований для веских антропологических выводов. На самом Будештском могильнике из 231 погребения с трупоположениями удалось взять всего 35 черепов, не говоря уже о том, что могильник не во всех своих звеньях представляется одновременным. Наконец, должен быть принципиально решен вопрос, могут ли отдельные чужеродные вещи в контактных областях разноэтничных культур служить надежным показателем этнической принадлежности данного конкретного комплекса, по остальным показателям вполне совпадающего с основными, присущими всей культуре признаками. Достаточно ли обломков пяти крышек для урн и сходства отдельных лепных сосудов в погребениях с керамикой гето-дакийских романизированных областей[4] для утверждения, «что карпо-дакийская культура II—III вв. н. э. типа Поянешты была той основой, на которой формировались памятники типа Будешты» (стр. 41). Вопрос о чертах сходства черняховской и сарматской культур разрабатывался для Молдавии самим автором и решался по-иному, чем в работах Г. Б. Федорова, не видевшего принципиального различия в этносе населения обеих культур и объяснявшего появление обряда трупоположения в культуре полей погребений влияниями сарматских племен[5]. Кстати, обычай перекрывать погребенного в могиле камнями скорее объяснim сарматским, судя по материалам И. И. Гущиной, чем германскими, влиянием (стр. 42).

Э. А. Рикман справедливо различает памятники типа Бокан и Будешт, несмотря на признание существования в черняховской культуре сарматского этнического начала[6]. Очевидно, в Будештском могильнике, помимо сходства отдельных керамических форм и вещей с сарматским инвентарем, мы имеем и сопоставимые с сарматскими черты погребального обряда. Однако как бы ни старался автор подчеркивать все малейшие признаки сходства с сарматской культурой, во-первых, процент погребений с такими чертами остается ничтожно малым; во-вторых, сочетаются эти черты с типично черняховским обрядом, оставаясь, как и находки отдельных этнически чуждых по своему происхождению вещей, изолированным явлением среди массы самобытных особенностей. Здесь уместно обратиться к классификации захоронений Будештского могильника, в которой проглядывает тенденция автора во что бы то ни стало подчеркнуть многообрядовость черняховских погребений с трупоположениями и тем самым доказать разноэтничность населения Будештского памятника. Для того чтобы показать неосновательность и отсутствие единого принципа при распределении всех захоронений Будештского могильника на типы, достаточно привести перечень их названий: I. Трупосожжения в урнах: кальцинированные кости обнаружены вместе с обломками сосудов (114 погр.); II. Захоронения кальцинированных костей (12 погр.); III. Ямы с остатками трупосожжений и тризны (5 погр.); IV. Вытянутые трупоположения, ориентированные по направлению

---

[4] Об упоминании в качестве связующего элемента таких повсеместно в Восточной Европе употребляемых вещей, как названные Э. А. Рикманом бусы и фибулы, вообще не приходится говорить всерьез.

[5] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. ИМФ АН СССР, 4, Кишинев, 1956, стр. 49—63; его же. Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, стр. 97—100; его же. Об обряде погребения как историческом источнике. Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962, стр. 154—159.

[6] Э. А. Рикман. Памятники позднесарматского времени Молдавии. Доклад на скифо-сарматском секторе ИА АН СССР 17.X.1962; И. И. Гущина. О сарматах в юго-западном Крыму. СА, 1967, 1, стр. 43.

СЮ, с отклонениями (51 погр.); V. Вытянутые трупоположения в ступенчатых ямах, ориентированные по направлению СЮ (4 погр.); VI. Костяки со скрещенными ногами, ориентированные по направлению СЮ, с отклонениями (6 погр.); VII. Костяки с подогнутыми ногами, ориентированные по направлению СЮ, с отклонениями (13 погр.); VIII. Вытянутые костяки, ориентированные по направлению ЮС, с отклонениями (2 погр.); IX. Вытянутые костяки, ориентированные по направлению ЗВ, с отклонениями (31 погр.); X. Костяк, ориентированный по направлению СЗ-ЮВ со скрещенными ногами (1 погр.); XI. Вытянутый костяк в ступенчатой яме, ориентированный по направлению ЗВ (1 погр.); XII. Скорченные костяки, ориентированные по направлению ЗВ (2 погр.); XIII. Скорченные костяки в непрослеживаемых ямах, ориентированные по направлению ВЗ (3 погр.); XIV. Вытянутый костяк спиной вверх в непрослеживаемой яме (1 погр.); XV. Остатки костяков в непрослеживаемых ямах (30 погр.); XVI. Остатки костяков в ямах со ступеньками (заплечиками), ориентированных по направлению СЮ, с отклонениями (23 погр.); XVII. Ямы, ориентированные по направлению СЮ (с отклонениями) с остатками трупоположений (33 погр.); XVIII. Ямы, ориентированные по направлению ЗВ, с остатками трупоположений с отклонениями (9 погр.); XIX. Погребения неясного характера (5 погр.); XX. Погребения черепов (14 погр.); Погребения кочевников (2 погр.).

Что касается первых двух групп, здесь мы усматриваем у автора лишь пренебрежение к общепринятой терминологии (урновые, ямные захоронения). Обозначение третьей группы звучит не вполне понятно. Тризна — погребальный пир, справляемый по умершему. Находки отдельных вещей и обломков посуды в погребениях с сожжением отнюдь еще не является свидетельством «тризны». Такие заупокойные приношения, как найденные в могилах третьей группы пряслица, бусы и пр., никак не подходят под понятие тризны. В других черняховских могильниках, на соседних румынских землях и на Украине нередко керамика из подобных погребений хранит следы дополнительного обжига в результате попадания в погребальный костер. Этот факт тоже скорее может свидетельствовать, что попавшие в ямные сожжения обломки керамики были приношениями умершему, но отнюдь не вместилищами еды для живых, хоронивших покойного. Остатками тризны и поминания умершего скорее всего, судя по этнографическим аналогиям, возможно считать находки керамики из культурного слоя могильника, в частности описанные Э. А. Рикманом в разделе «Закопанные в ритуальных целях сосуды».

Что касается погребений с трупоположениями, то вся группа их расклассифицирована без выдерживания единого принципа. При классификации явления, имеющие общие черты, подводятся под общее им всем понятие или понятия и далее уже начинается более дробное распределение по более мелким признакам. Если допустить в приведенном перечне групп погребений с трупоположениями, что Э. А. Рикман за основу распределения выбрал позу погребенного, то этому окажутся противоречащими погребения, обособленные по устройству или ориентировке ямы. Если же считать, что решающим моментом, там где это возможно определить, принимаются ориентировка ямы или погребенного, то и в этом случае увидим неувязки. Что, например, тогда понимать под группой XV, когда за основу выделения определенного типа принимается субъективная особенность археолога, не проследившего те или иные могильные ямы (XV)? Неточности терминологического типа мы усматриваем в том, например, что в группу погребений с вытянутыми костяками (IV) попадают захоронения с руками, уложенными на тазе или животе (погр. № 96, 98 и др.). Что значит «остатки трупоположений» в ямах с ориентировкой ЗВ, послужившие основой для их обособления, когда в могилах с ориентировкой СЮ, где наиболее часто встречаются поврежденные или разрушенные погребения, таковые захоронения не удостоились разделения (см. погр. № 98, 116, 359 и др.). Выделение в самостоятельные группы отдельных погребений (X—XIV) по мелким, не всегда существенным признакам, необоснованно увеличивает число классификационных групп. Такие единичные, выходящие из ряда могилы или могли быть выделены в группу исключений, или же объединены в качестве подтипов с большими разделами, поскольку, с нашей точки зрения, объединение по господствующим ориентировкам представляется наиболее верным.

Пользоваться не приведенными в стройную систему материалами Э. А. Рикмана неудобно: для того чтобы найти нужное погребение приходится просматривать их все, так как справочный регистр отсутствует. На приведенном плане нет соответствия распределению на группы в тексте. Например, в многочисленной группе IV на плане вместо трупоположения под № 11 мы видим значок, обозначающий захоронение сосуда, а погр. № 195, принадлежавшее по описи к той же группе с ориентировкой СЮ, на плане показано как широтно ориентированное. № 143, который отнесен в тексте к погребениям со скрещенными ногами, на плане обозначен значком в виде ромба, долженствующим обозначать погребение черепа и т. д. и т. п. Найти на плане некоторые погребения иногда почти невозможно из-за отсутствия связи в тексте описания захоронения с квадратом, где была сделана находка.

Принципиально важным представляется вопрос о том, все ли могилы в Будештах принадлежат единой культуре, кроме двух, обособленных Э. А. Рикманом как кочевнические (№ 182, 191). Дело в том, что, во-первых, как отмечает сам автор

книги, на селище, прилежащем могильнику, найдены остатки других эпох (поздней бронзы, железного века, славянский раннекруговой горшок и позднекочевнические материалы, стр. 11, 27). Во-вторых, именно в серии черепов Будештского могильника антрополог М. С. Великанова смогла почерпнуть из немногих (менее 10% всех погребений) черепов, взятых археологами, шесть экземпляров, сопоставимых с астраханско-сарматскими краниологическими сериями [7]. При этом, с археологической точки зрения, некоторые из них или маловыразительны в отношении их принадлежности к черняховской культуре, или же явно выпадают из ряда, например, погр. № 291, ориентированное головой совершенно необычно на ЮВ и не содержащее инвентаря, погр. № 279 и 340 со скрещенными ногами и, наконец, погребение № 330, обращенное головой на запад, в сильно скорченной позе. В-третьих, если вспомнить другие черняховские могильники далекого Поднепровья или близкой Будештам Румынии, то на них не раз отмечались погребения чуждых хронологически и этнически групп населения, которое склонно было выбирать места для своих кладбищ по тем же признакам, что и черняховцы. Так, погребения эпохи бронзы и черепки на поселении, связанном с могильником, отмечены в самом Черняхове. То же явление прослежено на нижнеднепровском могильнике у овчарни совхоза Приднепровского. Следует обратить внимание на то, что сильнейшая степень скорченности и положение рук некоторых лишенных инвентаря погребенных (ладони перед лицом) из Будештского могильника совершенно нехарактерна и не находит аналогий в типичных по инвентарю других черняховских могилах, где встречаются обычно лишь слегка подогнутые ноги (см. погр. № 175, 185, 186, 257, 348 356, 362, лишенные инвентаря).

На наш взгляд, в пределах раскопанной на могильнике площади были явные захоронения эпохи бронзы, возможно, большее, чем отмечено, число кочевников. Кстати, погр. № 235, описанное в книге по группе XII черняховских захоронений, не без оснований в отчете Э. А. Рикмана за 1955 г. фигурировало в числе кочевнических. О невозможности относить к черняховским погр. № 291 как по антропологическим данным, так и по отмеченной уже нехарактерной ориентировке, и, добавим, по изолированному в общем своему положению на площади могильника, выше уже было сказано. В данном случае археологические наблюдения над рядом упомянутых выше могил ставят под сомнения и усредненные цифры антропометрических измерений, приведших М. С. Великанову к выводу о существенном сарматском компоненте и об этнической неоднородности населения черняховской культуры Молдавии [8]. Более тщательное отчленение разновременных захоронений Будештского могильника, относящихся к эпохе бронзы, а возможно сарматских, предшествующих черняховским, определенно наличествующих позднекочевнических, привело бы и автора книги и антрополога к представлению о более едином составе населения, оставившего черняховскую культуру. Эти соображения, впрочем, не должны приводить к выводу о смешении понятий «единство культуры» и пресловутая «расовая чистота». Как раз в областях Молдавии, через которые проходили многие народы, создавались большие предпосылки для этнических смешений путем смешанных браков, естественной ассимиляции и т. п. Однако и при этом положении Э. А. Рикману не следовало, на наш взгляд, столь категорически ссылаться на антропологические доказательства в пользу гетской принадлежности части захороненных в Будештах людей, поскольку предположение М. С. Великановой о том, что «средиземноморский тип», представленный в погребениях Малаештского и Будештского могильника, теоретически «весьма вероятен у гетов» [9], высказано в очень осторожной форме.

Многие из указанных выше недостатков книги Э. А. Рикмана могли бы быть устранены при хорошем редактировании. Однако редактор книги В. В. Кропоткин, видимо, не потребовал у автора постраничного оглавления с указанием мест расположения описаний отдельных погребений и рисунков, с ним связанных, не потребовал исправления многочисленных ошибок в плане и в описании погребений, указаний на то, где именно данное захоронение показано, не говоря уже об унификации с планом выделенных Э. А. Рикманом типов. Оказались пропущены или (в трех замеченных случаях) просто дублированы номера погребений, не нашедшие отражения в опечатках (погр. № 117 на стр. 59 и 70; № 298 на стр. 53 и 66). В описании погр. № 279 на стр. 66 дается ссылка на рис. 20, *2*, а в подписи под рисунком сказано, что это погр. № 276. Для большинства номеров на рисунках 36—49 нельзя установить происхождение вещей — что именно найдено на селище, а что на могильнике. Отмечены два рис. 49 и т. д.

Отсутствие логики в классификации керамики и в типологии обряда погребения будештских материалов, а также неудобство пользования книгой являются глав-

---

[7] М. С. Великанова. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. Тр. ИЭ, 71, М., 1961, стр. 32, 33.

[8] М. С. Великанова. Ук. соч., стр. 51. Характерно, что описанные явления отсутствовали в Малаештском могильнике, более однородном по антропологическому составу.

[9] Там же.

нейшими недостатками работы Э. А. Рикмана. Мы сочли возможным обратить внимание в рецензии на указанные недостатки и недоделки книги в расчете на будущее, так как надеемся на появление последующих монографических публикаций широко раскопанных различными исследователями черняховских памятников. При появлении новых трудов в данной области археологических знаний указанные недочеты книги Э. А. Рикмана, надеемся, будут учитываться, поскольку без детального изучения различных сторон культуры полей погребений вопросы об истоках и развитии славянской культуры, какой бы стороной ее ни касались черняховские памятники, разрешить в полном объеме будет невозможно.

Э. А. Сымонович

Е. А. ГОРЮНОВ

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Славянские древности третьей четверти I тысячелетия, впервые обнаруженные в Средней и Восточной Европе еще на рубеже прошлого и нашего веков, длительное время оставались неопределенными. Как бесспорно славянские, они стали фигурировать в литературе лишь начиная с 30-х годов. Систематическим исследованиям эти древности были подвергнуты только в послевоенные, главным образом, 50 и 60-е годы.

Проблематика ранней истории славян обширна и сложна, и хотя в ее разработке уже достигнуты немалые успехи, многое еще предстоит выяснить. Так, до сих пор остается неразрешенным вопрос об истоках раннеславянской культуры, и пока приходится довольствоваться спорными гипотезами о пшеворском, зарубинецком или черняховском ее происхождении. Спор идет и о характере славянских древностей VI—VIII вв., о том, что им более присуще — общность или местные отличия. До конца невыясненными являются и другие вопросы — о времени и путях заселения славянами той или иной территории, об эволюции раннеславянской культуры, ее компонентах, о связях славян с другими этническими группами, об их отношении к Римскому миру. Но все эти вопросы в той или иной мере разрабатываются как в советской, так и зарубежной литературе.

1

В чешской литературе попытки заполнить лакуну между памятниками римско-провинциальной культуры IV и отчасти V в., с одной стороны, и достоверно славянскими, так называемыми городищенскими древностями IX—X в., с другой, были сделаны еще археологами начала нашего века. Но в силу разных причин, прежде всего, из-за малочисленности находок, эти изыскания не были успешными.

Еще в конце прошлого и самом начале нашего века А. Йирой была собрана для Пражского музея в различных местах Праги (Бубенеч, Велеславин и др.) коллекция керамики. По мнению А. Йиры, эта керамика имела переходный «римско-городищенский» характер [1].

Мнение о прямой преемственности городищенской культуры от римско-провинциальной разделялось крупными археологами И. Пичем [2] и И. Аксамитом [3]. Причем И. Аксамит основывался на результатах своих раскопок в Праге-Михле, где была встречена как городищенская, так и римско-провинциальная (добжиховская) керамика и, кроме того, обломки сосудов переходного, по его мнению, типа. Однако поскольку стратиграфия в Михле не позволяла с уверенностью говорить, что здесь не было двух хронологически различных слоев, и поскольку для Михле не находилось соответствий, заключение И. Аксамита вызвало возражения, в частности, со стороны Э. Шимека [4].

Отрицая генетическую связь между обеими культурами, Э. Шимек считал, что так называемая переходная керамика И. Аксамита, хотя и действительно появилась в добжиховское время, но составляет все же самостоятельную группу (он назвал ее

---

[1] J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen der ältesten slawischen Besiedlung im Bereich der Tschechoslowakei. AR, XVIII, 1966, стр. 168.

[2] J. L. Píč. Kotázce o původu type hradištního. PA, XVIII, 1899, стр. 393.

[3] J. Axamit. Nové přispěvky archeologické. PA, XXVIII, 1916; стр. 139—143.

[4] E. Šimek. Čechy a Morava za doby římské. Praha, 1923, стр. 224—231.

велеславинской), которая, будучи связана в своем развитии с городищенской керамикой, показывает, что последняя зарождается в V в. в контакте с римско-провинциальной. Этот вывод является скорее умозрительным, чем строго доказанным, так как в распоряжении Э. Шимека находилось крайне мало подтверждающих данных.

Успехи первобытной славянской археологии в Чехословакии стали ощутимы в начале 30-х годов, когда получили известность аваро-славянский могильник в Девинска Нова Вес (Словакия) [5] и случайно открытый могильник с трупосожжением у Ланжгота, расположенный при слиянии Моравы с Дыей. Четыре неорнаментированных урны из разрушенных погребений Ланжготского могильника попали в Венский музей и были опубликованы Р. Питтиони. По обряду захоронения и типологии находок Р. Питтиони датировал Ланжгот VI — началом VII в. Этническая принадлежность погребений оставалась для него неясной, но он допускал, что они могут оказаться славянскими [6]. В 1936 г. Й. Поуликом были произведены пробные раскопки на могильнике у Велатиц (Моравия), давшем погребения в урнах, которые на основании аналогий с керамикой из Девинска Нова Вес были отнесены к VII в. [7].

Наконец, в конце 30-х годов вопросы этнической атрибуции и датировки лепной керамики из погребений с трупосожжением из сборов А. Йиры и И. Аксамита были обстоятельно рассмотрены И. Борковским. Эту керамику он назвал пражским типом, понимая под ним более или менее высокие горшки, вылепленные от руки, с наибольшим расширением в верхней трети тулова, с коротким, слегка наклоненным внутрь или отогнутым наружу венчиком, орнаментированные только за редким исключением. Утверждая, что посуда пражского типа является славянской по принадлежности, И. Борковский основывался на близости ее к городищенской керамике, на совместных находках той и другой керамики и, наконец, на обряде сожжения, с которым эта форма керамики связана. Он высказал мысль, что прототип «пражского» горшка возникает еще в латене под кельтским влиянием, вероятно, в культуре полей погребений, но собственно пражский тип появляется в позднеримский период, возможно, уже в III в. и доживает до VI в. [8].

Сейчас, однако, уже нет сомнений, что раннеславянская керамика в Чехословакии была не столь однообразна, как полагал в свое время И. Борковский, и что ее даты следует ограничить концом VI—VIII в. Стало очевидно, что формы пражского типа не были единственными в этой керамике, а наряду с ними имелись, например, различные миски, горшки с загнутым внутрь краем, горшки с коническим туловом, широкой горловиной и относительно узким дном и др. В связи с этим некоторые исследователи (З. Ваня, Я. Эйснер и др.) отнесли к пражскому типу весь этот набор лепной посуды. Представляется, что такое расширенное определение посуды пражского типа вряд ли оправдано, т. к. общая шапка «пражский тип» скрывает наличие керамических форм, имеющих различное происхождение и, возможно, датировку. Именно из этих соображений Й. Поулик рассматривает «пражский тип» лишь как одну из форм ранней славянской керамики в Чехословакии (I стадия). По терминологии Д. Бялековой, Й. Земана и др. вся эта керамика — «раннеславянская».

В 50—60-х годах раскопкам подверглись несколько раннеславянских погребений и могильников. Материалы многих из них еще полностью не опубликованы. Могильники третьей четверти I тысячелетия были исследованы в Южной Моравии и Западной Словакии, в то время как в Чехии обнаружены только отдельные погребения этого времени. Сведения о моравских погребальных памятниках содержатся главным образом в работах Й. Поулика [9]. Наибольший интерес представляет могильник в Пржитлуках, расположенный в пойме левого берега Дыи, на незначительном всхолмлении, поднимающемся примерно на 2 *м* над уровнем реки.

Всего здесь было обнаружено 436 погребений с трупосожжением и несколько с трупоположением, относящихся, по Й. Поулику, к трем фазам могильника — римско-провинциальной (III в. по двучленной фабуле с тетивой), «пражского типа» и городищенской. Погребения с керамикой пражского типа встречены под курганами и между курганами. Городищенские погребения во всех случаях были связаны с курганами. Курганные насыпи — низкие, расплывчатые. Всего их оказалось около ста. Под одной насыпью находилось обычно несколько погребений с трупосож-

---

[5] J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, стр. 239—250; его же Popelnicové hroby z doby hradištní na Slovensku, PA XXXX, нов. сер. IV—V, 1934—1935, стр. 82—90.

[6] R. Pittioni. Frühgeschichtiche Brandgräber in den March-Thaya-Auen. «Germania», 18, 1934, стр. 130—133.

[7] J. Poulík. Nové slevanské vyzkumy na Moravě. Vznik a počatky Slovanů. I, Praha, 1956, стр. 239 сл.

[8] I. Borkovský. Nejstarší slovanská keramika ze střednich Čech, PA. XLI. 1936—1938, стр. 97—108; его же. Staroslovanska keramika ve středni Evropě, Praha, 1940; J. Zeman. Ук. соч., стр. 171—173; J. Peulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948. стр. 13—16, 89.

[9] J. Poulík. Staroslovanská Morava. стр. 15—19, 89—94; Jižní Morava zemč dávných Slovanů, Brno, 1948—1950; стр. 32—51; Staroslovanské monilové pohrebiště v Pritlukach na Moravé. AR III, 1951, стр. 97—100; Nové slavanské výzkumy..., стр. 239—258; Staří Morovane buduji svůj stát, Gottwaldov, 1960, стр. 30—39, 193—196.

жением — урновых и безурновых. Й. Поулик полагает, что курганы представляют собой семейные усыпальницы. Урны с прахом помещались в небольших ямках на глубине 0,3—0,6 *м*. Автор отмечает случаи, когда в одной ямке находилось две урны. Встречены прямоугольные, обложенные деревом камеры с несколькими урнами внутри. Погребения вне курганов составляли как бы группы, в которых насчитывалось до 40 урн.

Славянскую керамику из Пржитлукского могильника Й. Поулик разделил на две основные группы. В первую вошли лепные сосуды пражского типа, несколько отличающиеся один от другого по величине и профилировке венчика, изготовленные преимущественно из глины с примесью песка. Некоторые из них имеют орнамент из волнистых и горизонтальных линий, нанесенный небрежно, или, как пишет Й. Поулик, «неумело». Ко второй группе относится керамика более совершенная, изготовленная на ручном гончарном круге из хорошо промешанного теста с примесью песка или с характерной для городищенской керамики добавкой слюды. Орнамент на сосудах этой группы в общем тот же, что и на керамике пражского типа — те же пояски из волнистых линий, горизонтальные бороздки,— но более четкий, выразительный.

Типологические особенности керамики послужили для Й. Поулика основанием для различной датировки. «Пражский тип» он отнес к V—VI вв. На VII—VIII вв., по его мнению, падает развитие гончарной керамики. О датировке лепной керамики V в., как он полагает, говорят находки железной пряжки и обломков гребней.

Эти находки, однако, могут быть датированы и более поздним временем. Овальная железная пряжка из урны кургана 3 действительно находит аналогии в могилах эпохи переселения народов (V в.), например, в Праге-Кобылисах, Винаржицах и др. Но с неменьшей вероятностью она может быть отнесена к VI или даже VII—VIII вв. Такие пряжки есть в могильнике у Девинска Нова Вас и других аваро-славянских могильниках этого времени. Обломки гребней из Пржитлук, двусторонних, с пластинами, дающими в сечении сегмент, австрийский археолог Г. Митша-Мерхейм сопоставил с гребнями из Жданиц VIII в. (Чехия). По его классификации гребни этого типа появляются не раньше VII в. [10].

Явно не к V в., а по крайней мере к концу VI—VII вв. относятся такие находки из погребений с керамикой пражского типа, как сдвоенные глазчатые бусы, аналогичные найденным в Девинске Нова Вес, трехлопастный наконечник стрелы, обломок аварского бронзового фалара [11]. По-видимому, различие во времени между ранними и поздними славянскими захоронениями из Пржитлук гораздо меньше, чем полагал Й. Поулик. Очевидно и то, что различная техника изготовления не всегда может явиться достаточным доказательством разновременности керамики. Совместные находки лепной и ранней кружальной керамики хорошо известны в ряде случаев, более того, такие находки являются скорее правилом, что не отрицает и Й. Поулик. Нет сомнений в том, что лепная керамика с появлением ручного круга далеко не сразу вышла из употребления. Волнистый орнамент на лепной керамике появляется несомненно под влиянием кружальной, а не наоборот. Можно полагать, что орнаментированные сосуды пражского типа в Пржитлуках одновременны орнаментированной кружальной керамике, а не только лепной посуде без орнамента, как думает Й. Поулик. Кроме того, некоторые лепные горшки из Пржитлук приближаются по форме к так называемой дунайской керамике (яйцевидное тулово, отогнутый венчик), что явно предполагает их взаимосвязь. Другими словами, лепная керамика из Пржитлук скорее всего относится к VII—VIII вв., а не к более раннему времени.

Материалы словацких раннеславянских могильников в последнее время были опубликованы Д. Бялековой [12], Л. Красковской [13], В. Будински-Кричкой [14] и др. Могильники в большинстве сильно разрушены. Инвентарь могильников Кошуты и Мостова, которые Д. Бялекова рассматривает как самые ранние (V—VI вв.), исчерпывается всего лишь несколькими обломками урн. Все прочие погребальные памятники, лучше сохранившиеся и давшие больше керамики, по Д. Бялековой, возникают не ранее VI в.

Среди словацких могильников несколько особняком стоит Потворице. Остальные

[10] M. Mitscha-Marheim. Neue Bodefunde zur Geschichte des Langobarden Slawen im Osterreichischen Donauraum. Beiträge zur ältern europäischen Kulturgeschichte II. Klagenfurt, 1953, стр. 355—376.

[11] J. Werner. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern. «Germania» 38, 1960, стр. 114—120.

[12] D. Bialeková. Příspěvok k štúdiu počiatkov slovanskeno osidlenia na juhozápadnom Slovensku. Študijné zvesti AU SAV 6. 1961, стр. 123—128; ее же. Nové včasnoslovanské nalezy z juhozápadného Slovenska. SLA, X/I, 1962, стр. 97—148.

[13] L. Kraskovská. Slovanské popolnicové pohrebisko v Stupave. SLA, IV/I, 1956, стр. 163—167; ее же. Staroslovanské popolnicové pohrebište na «Borovej» při Moravskom Sv. Jáne. PA, XLIII, 1947—48, стр. 116—119.

[14] V. Budinský-Krička. Slovanské popelnicové pole z doby predhradištnej vo Vyčapoch-Opatovciach, okr. Nitra. Historia Slovaca V (Eisnerov sbornik), Bratislava 1947, стр. 135—152; его же. Staroslovanský mohylnik v Kralovskom Chemci na východnom Slovensku AR. II. 1950, стр. 70—74; его же. Slovanské nohyly na východnom Slovensku. SLA, VI/I, 1958, стр. 138—205.

мало чем отличаются от погребальных памятников Моравии и, по всей видимости, соответствуют им по времени.

При раскопках могильника Потворице в 1961 г. было обнаружено 15 урн с прахом, стоявших в ряд (по линии З-В) таким образом, что каждая следующая урна была меньшей высоты, чем предыдущая (такая же картина наблюдалась и в Абрахаме). Все урны вылеплены от руки и не орнаментированы. Две из них, горшок и миска, оказались довольно архаичной формы, со слегка загнутым внутрь краем. Д. Бялекова находит им аналогии в керамике римского времени и эпохи переселения народов, в частности, лангобардской. Одна урна из Потворищ напоминает тисский тип керамики Подунавья, другая может быть названа пражским типом. Остальные по пропорциям отличаются от пражского типа — наибольший диаметр у них приходится на половину высоты. В урне 3 находились небольшое железное долото, пострадавшие в огне бусы и бронзовая спиралька, возраст которых трудно определить.

По Д. Бялековой, Потворице относится к VI в. на основании керамики, сделанной без помощи гончарного круга. Точно так же, исходя из соотношения количества лепной и кружальной керамики, Д. Бялекова, Й. Земан, Л. Красковская и др. пытались датировать и все другие раннеславянские могильники Словакии и Моравии. Они полагали, что могильники Ступава, Старый Бржецлав, Матушково, содержавшие только урны, относятся к более раннему времени — V—VI в., а могильники, в которых лепные и кружальные сосуды количественно представлены одинаково — Вычапы-Опатовце, Ланжгот и др. датируются VI—VII вв. [15]. Это не лишено, конечно, вероятности, но нельзя не отметить, что эти датировки далеко недостаточно обоснованы, особенно, когда речь идет о V веке.

Раннеславянские поселения, известные на территории Чехословакии, не имеют укреплений. Они расположены на склонах первых надпойменных террас, на дюнах, обычно в пределах пойм небольших рек. Более или менее освещены в литературе поселения Пржитлуки и Брно-Писарки в Моравии, Прага-Бубенеч и Бржезно в Чехии, Сомотор, Победим, Нитрианский Градок, Силадице, Пиештани и др. в Словакии [16].

Единственным типом жилищ в это время являлись полуземлянки, подквадратные в плане, с длиной стен 2,5—4 *м*, углубленные в землю до 1 *м*, с печами-каменками и, возможно, открытыми очагами, выложенными камнями. Каменки, как правило, находятся в северо-восточном или северо-западном углу жилища, в некоторых случаях они имеют предпечную яму. Они однотипные, обычно прямоугольные или квадратные в плане, сложены из мелких и крупных камней без скрепляющего раствора. Каменки, как пишет Л. Скружный [17], сооружались на уровне пола, иногда находились в углублении, или их под был приподнят над полом на 0,15—0,30 *м*.

Пол жилищ нередко представляет собой утрамбованную глину. В полу вдоль стен обычно в углах жилища и посередине у стен, размещаются ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Около жилищ, а иногда внутри их, располагаются хозяйственные ямы (погреба) — колоколовидные или полусферические.

В последние годы усиленно дебатируются результаты раскопок И. Плейнеровой в Бржезно (Чехия) [18]. Там было открыто 70 жилищ, 447 ям различного назначения, не считая столбовых, 78 погребений. Но раннеславянская керамика была обнаружена только в 10 жилищах-полуземлянках и 20 хозяйственных ямах. Среди прочих жилищ — несколько энеолитических и бронзового века, 13 полуземлянок — шестистолбовых и с 1—3 столбами, площадью 8,5—12 $м^2$ — германских (эпохи переселения народов), славянские полуземлянки VIII — начала X в. Погребения относятся к унетицкой культуре и лишь одно (?) к VIII—IX вв.

Рассматривая вопрос о хронологическом соотношении германских и раннеславянских компонентов в Бржезно, И. Плейнерова пришла к выводу о синхронности тех и других. О возможности симбиоза германцев и славян, по ее мнению, свидетельствует: 1) случаи находок раннеславянских черепков в заполнении несомненно германских жилищ (VI, VIII, XIII) и наоборот, германская керамика была найдена в славянских полуземлянках; 2) жилище VIII сочетает как элементы так назы-

---

[15] J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen..., стр. 178—179.

[16] J. Poulík. Staří Morované..., стр. 34—35; его же. Staroslovanská Morava, табл. V, *1—4*; D. Bialekova. Nové včasnoslovanské nálezy.., стр. 97—145; L. Kraskovska. Slovanské sídliská v Pomoravé, PA LII, 1961, стр. 477—482; J. Pastor. Staroslovaneké zemnice v Somotore. AR, IV, 1957, стр. 827—829; R. Turek. K počátkům Prahy. PA (Pravěk) XLIII, 1947/48, стр. 65—70; J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen..., стр. 187—188; I. Pleinerová Výzkum osady z doby stěhování národů a z doby slovanské v Březně u Loun. AR. XVII, 1965, стр. 518—520, ее же. Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlund Březno bei Louny. «Germania», 43, 1965, стр. 135—137; ее же. Poznatky a problémy výzkumu v Březně. AR, XIX, 1967, стр. 660 сл.; ее же. Zur relativen; Chronologie der Keramik vom Prager Typus auf Grund der Siedlungsgrabund Březno bei Louny. AR, XX, 1968, стр. 645—666.

[17] L. Skružný. Příspévek k třídení a chronologii sloavnských otopných zařízení na území ČSSR, PA LIV, 1963, стр. 234—266.

[18] I. Pleinerová. Ук. соч.

ваемого шестистолбового германского дома, так и славянской полуземлянки с множеством столбовых ямок в полу; 3) славянские жилища стояли обособленно от германских; 4) в технике изготовления славянской и германской керамики наблюдались общие черты.

И. Плейнерова датирует керамику пражского типа в Бржезно по германской керамике первой половиной VI в. По ее мнению, на территории Чехии в начале VI в. германцы мирно сожительствовали со славянами. Примерно на это время падает окончательное заселение Чехии славянами, явившимися сюда с полуземлянками, печами-каменками и керамикой пражского типа.

Несмотря на то, что аргументы, приведенные И. Плейнеровой достаточно весомы, до конца они все же не убеждают. Разновременные находки на селище не были стратиграфически отделены друг от друга. Обломки сосудов пражского типа встречены во всех условно выделенных И. Плейнеровой слоях. Возможно, что в жилище VIII и не смешались различные строительные приемы и особенности его имеют другое объяснение. Тем более, что множество ямок в полу вовсе не характерно для славянских полуземлянок. Наконец, миски, близкие по форме германским (I и II типа по З. Ване), обычны в раннеславянских памятниках.

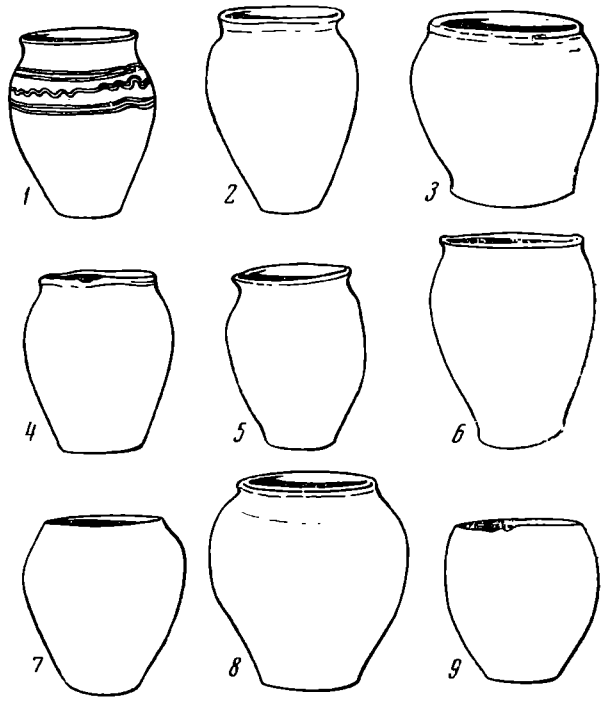


Рис. 1. Раннеславянская керамика из Словакии (по Д. Бялековой)

Раннеславянская керамика, помимо селищ и могильников, была обнаружена в нижних слоях некоторых городов — Ключева [19], Порани [20], Старого Коуржима [21], Либушина, Поганско [22] и др. Стратиграфически выделить чистые горизонты раннеславянской керамики на этих городищах пока не удалось. Некоторые исследователи (Й. Земан и др.) полагают, что раннеславянская керамика не имеет прямого отношения к городищам, укрепленные поселения возникают в основном в IX в. [23].

Инвентарь славянских поселений и могильников третьей четверти I тысячелетия состоит почти из одной керамики (рис. 1). Более ранние из селищ содержат только лепную керамику, большей частью неорнаментированную. Керамика с орнаментом составляет незначительный процент или вовсе отсутствует. Среди лепной керамики преобладают горшки пражского типа, несколько варьирующие по величине и профилировке. Кроме них в раннеславянской лепной посуде имеются: 1) горшки с раздутым туловом, наибольший диаметр которых приходится на половину высоты и несколько выше, с коротким венчиком, довольно резко отделенным от плечиков; 2) горшки с коническим туловом широкой горловиной и относительно узким дном; 3) сосуды с наибольшим расширением в верхней половине, с загнутым внутрь краем (эти сосуды ближе всего германским V—VII вв.); 4) горшки, у которых высота всегда превышает максимальный диаметр, приходящийся на их середину, венчик более или менее отогнут, величина бывает различной; 5) горшки, напоминающие тисский тип аварской керамики; 6) миски, классифицированные З. Ваней (I типа — с загнутым внутрь краем, II типа — конические с прямыми стенками) [24]; 7) сковороды и др.

Раннеславянскую керамику можно разделить не только по форме, но и составу теста, способу обработки поверхности. Многочисленную группу составляют сосуды,

[19] J. Kudrnáč. Slovanská obydlí na hradišti v Klučové. AR, VII, 1955, стр. 61—65, 73—75.

[20] J. Waldhauser. Nález pražkého typy na hradišti. «Poráň» u Jičina. AR, XVII, 1965, стр. 253.

[21] M. Šölle. Dokončeni výzkumu slovanské akropole na Staré Kouřimi, AR, VII, 1955. стр. 82—83.

[22] J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen..., стр. 185—186.

[23] J. Zeman. Beginn der slawischer Besiedlund in Böhmen, Siedlund und Verfassund Bohmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, стр. 4,

[24] Z. Váně. Misy..., стр. 186.

изготовленные из хорошо промешанной глины с примесью песка и слюды, с обмазанной отмученной глиной наружной поверхностью. Не менее характерна посуда из грубого теста с примесью песка или дресвы (иногда и песка, и дресвы).

Нет сомнения в том, что раннеславянская керамика сочетает в себе как признаки предшествующего времени, так и поздние, которые остаются и в городищенской керамике. Д. Бялекова предполагает, что одной из наиболее ранних форм славянской керамики были горшки с загнутым внутрь краем [25]. Действительно, такие горшки были распространены в римский период и эпоху переселения народов. Миски I и II типа по классификации Вани имеют не менее архаичную форму. Но в отношении сосудов пражского типа этого сказать нельзя. Они имеют мало общего с керамическими формами римского времени в Польше, Германии, Украине, не говоря уже о Чехословакии.

С конца VII по IX вв., с распространением гончарного круга, лепная посуда постепенно выходит из употребления. Ранняя гончарная керамика — это горшки так называемого дунайского типа, имеющие яйцевидное тулово и отогнутый наружу, косо срезанный или закругленный венчик, изготовленные на ручном гончарном круге из отмученной, нередко смешанной с песком глины. Керамика хорошо обожжена. Чаще всего ее украшают многорядные волны, заключенные между поясками из горизонтальных бороздок, или ряды наколов в сочетании с многократной волной. Орнамент наносился гребенчатым штампом.

Происхождение горшка дунайского типа еще не выяснено [26], но, по всей видимости, пражский тип не был его исходной формой, т. к. в Девинска Нова Вес, Вычапох-Опатовцах и др. памятниках тот и другой тип керамики по времени совпадают, встречаются совместно. К тому же велики типологические отличия между ними. Я. Эйснер предполагал, что эта керамика зарождается в позднеримский период в Подунавье [27].

Развитие славянской керамики в Моравии в раннесредневековое время было прослежено Й. Поуликом [28]. К ранней группе он отнес лепную неукрашенную керамику, в основном пражского типа, ко второй (VII — VIII вв. до IX в.) — посуду дунайского типа. Дунайский тип Й. Поулик рассматривает как модификацию пражского, что, как об этом уже говорилось, вряд ли справедливо.

С конца VIII до конца IX вв. для Моравии характерна так называемая блучинская керамика. Горшки блучинского типа отличаются от остальной городищенской или «великоморавской» керамики главным образом по профилировке венчика, который приобретает «карниз», и орнаментации, состоящей из одинарных, довольно размашистых волн и горизонтальных бороздок, размещающихся не только под венчиком, но зачастую почти на всем тулове [29].

Примерно с начала IX в. до середины XI в. в Северо-Западной Чехии получили распространение так называемые забрушанский и либочанский типы керамики, которым посвящена специальная работа З. Вани [30]. К забрушанскому типу он относит горшки с более или менее выраженным ребром в верхней половине тулова, а также «бутылки» — низкие, с ребром на половине высоты. Они украшены горизонтальной елочкой, нанесенной штампом, ниже которой идут бороздки. Орнамент размещается над ребром, которое обычно выделено двумя глубокими бороздками, одна из них проходит по одной стороне ребра, другая — по другой. Либочанский тип — это горшки с острым ребром, отделяющим горловину от тулова.

В это же время в Моравии был распространен дольневестонický тип горшков, хорошо обожженных, со сглаженной поверхностью, орнаментированных на горловине и плечиках широкими желобками, а в Моравии и Словакии так называемая моравская керамика, к которой принадлежат классические городищенские горшки, украшенные многорядными волнами в сочетании с горизонтальными линиями, наколкой [31].

Эволюционная связь между дунайской и моравской керамикой бесспорна, она выражается в близости форм и орнаментации той и другой керамики. Преемственность раннеславянской и городищенской культур прослеживается не только по керамике. Городищенские поселения сохраняют планировку раннеславянских. И для городищенской культуры основным типом жилищ остаются подквадратные полуземлянки с печкой-каменкой в углу. Каменки доживают до конца XII — начала XIII в., хотя в IX—X вв. их начали сменять глинобитные печи [32].

Обряд трупосожжения сохраняется до IX в., но погребения с трупоположением нередко встречаются и раньше, в конце VIII. В великоморавский период, т. е. в IX в., господствует уже трупоположение. Могильные ямы IX в. прямоугольные, обложены

---

[25] D. Bialeková. Nové včasnoslovanské nálezy..., стр. 131—132.

[26] J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen..., стр. 185.

[27] J. Eisner. Devínska Nová Ves, стр. 253—261.

[28] J. Poulík. Staroslovanská Morava, стр. 14—32; его же. Jižní Morava..., стр. 53—55.

[29] Там же, стр. 19—22.

[30] Z. Váňa. Slovanská keramika zabrušanskeho typu v severozapádních Čechach. PA, LII, 1961, стр. 465—478.

[31] J. Eisner. Rukověť... стр. 205—210.

[32] L. Skružný. Ук. соч., стр. 257—260.

деревом. В Моравии известны подкурганные могильные ямы с нишами, в которые помещали покойника [33]. Х. Прейдель указывает на связь этих погребений с шахтовыми могилами аваров, что, по его мнению, свидетельствует о значительном аварском влиянии на моравскую знать в это время [34].

В настоящее время почти все чехословацкие исследователи сошлись в том, что на территории Чехословакии славяне не автохтонны, а пришли сюда, вероятно, через Моравские ворота из Северного Прикарпатья, своей прародины. Спор идет о границах последней, этнической атрибуции отдельных археологических культур времени славянского расселения. Предполагается, что Моравия и Словакия благодаря своему географическому положению были заселены славянами раньше, чем Чехия.

В письменных источниках отсутствуют прямые упоминания о пребывании славян в Чехии, Моравии или Словакии в начале или середине I тысячелетия. Поэтому решающее слово при решении вопроса о времени заселения Чехословакии славянами принадлежит источникам археологическим.

В настоящее время славянские древности ранее VI в. пока в Чехословакии не известны. Причем, к VI в. многие памятники можно отнести лишь с оговоркой, так как основанием для такой датировки почти всегда является типология керамики. На конец V — середину VI в. относится приток в Чехию керамики и фибул «эльбского» (elbgermanischen) происхождения, в чем сказалось, согласно Б. Свободе, культурное влияние Тюрингского государства [35]. К первой половине VI в. относится несколько могильников из Южной Моравии и Средней Чехии, имеющих между собой много общего в керамике и металле. Это Жаратице, Вельке Павловцы, Ключев и др. Мужские погребения обычно содержат разнообразное оружие (мечи, скрамасаксы, копья и пр.).

В мужских и женских могилах неизменно встречаются кости животных и домашней птицы [36]. Среди инвентаря имеются так называемые Rippengefässe. Обычно это миски (типа AI по Б. Шмидту) [37] с «ребристым» орнаментом, грубые горшки, напоминающие керамику тисского типа аварских могильников. Нет сомнения в том, что эти погребения лангобардские. Это подверждается сообщением Прокопия о том, что перед 568 г. лангобарды владели землей ругиев, т. е. современной Южной Моравией [38].

Й. Поулик, основываясь на своей датировке сосудов пражского типа, высказал мнение, что в Южной Моравии преобладали в это время (V — VI вв.) славяне, которые находились в подчинении у германских племен или дружин. Другими словами, в это время в Южной Моравии германцы — это всего навсего «недолговременная оккупационная власть» [39].

Я. Эйснер, И. Плейнерова, Й. Земан и др. склонны считать, что славянская волна из Северного Прикарпатья шла в начале VI в. В это время на территории Чехословакии оставалось германское население, видимо, уже сильно поредевшее, которое вскоре после прихода славян отошло на запад или было ассимилировано последними [40].

Как и мнение Й. Поулика, этот вывод является однако не больше, чем предположением, поскольку начало заселения Чехословакии славянами пока можно определить лишь приблизительно — VI в., не точнее.

Имеется также предположение, высказанное И. Вернером и др., что славяне занимают Чехословакию лишь после ухода германцев, во второй половине VI в. [41]

В чехословацкой литературе господствует мнение, что распространение славян на территорию Чехии, Моравии и Словакии, а также Нижней Австрии, предшествует вторжению авар в Карпатскую котловину и с ним не связана. Однако пока этот тезис не обоснован уточненной хронологией раннеславянских древностей. Не лишено вероятности и предположение, отстаиваемое некоторыми авторами (И. Вернером и др.), что славяне были оттеснены сюда аварами, вторгшимися в конце 50-х годов VI в. на Нижний Дунай и в Восточное Прикарпатье.

[33] J. Poulík. Staroslovanská Morava, стр. 70—80.

[34] H. Preidel. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Bähmes und Mähres, I, München, 1954, стр. 82—112; J. Eisner. Devinska Nová Ves. SLA III, 1955, 311.

[35] B. Svoboda. Die Chronologie der Völkerwanderungzeit it Böhmen. Chronologie prehistorique de la Tchecoslovaquie. Prague, 1956, 159—165.

[36] B. Svoboda, K problémům stěhováni národů v Čechach. PA, LIII, 1962, стр. 174—195; J. Pouík. Staroslovanská Morava, стр. 105—110, 187—188; его же. Jizňi Morava..., стр. 45—51; J. Kudranáč. Pohřebiště z doby stěhování národů v Klučově. AR, IV, 1952, стр. 109—112, рис. 66—71.

[37] B. Schmidt. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle (Saale), 1961, табл. 7, 8.

[38] J. Poulík. Iizňí Morava..., стр. 50.

[39] J. Poulík. Staroslovanská Morava, стр. 107—109, 188.

[40] J. Eisner. Rukověť..., стр. 92—100; I. Pleinerová. Germanische und slawische Komponenten..., стр. 126—128; J. Zeman. Zu den chronologischen Fragen..., стр. 188—189; его же. Zu den Fragen der Interpretation der ältesten slawischen Denkmäler in Böhmen. AR, XX, 1968, стр. 667—673.

[41] J. Werner. Die Langobarden in Pannonien (Beiträge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde vor 568). München, 1962, стр. 143.

2

Изучение славянских раннесредневековых древностей в Германии было начато еще в середине XIX в. Р. Вирховом. В 1901 г. классификацию славянской керамики, основанную на стратиграфии городища Ривенд (окр. Бранденбург), сделал А. Гётце [42]. Эта керамика была разделена им на три хронологические группы или стиля. К первой группе — раннеславянской VI—VIII вв.— были отнесены лепные горшки со слабо отогнутым венчиком, с шероховатой поверхностью, как правило, неорнаментированные. Ко второй группе (VIII—X вв.) А. Гётце отнес гончарные сосуды с резко отогнутым наружу венчиком, украшенные волной, зигзагом и др. Третья группа отличается от второй главным образом по орнаментации. А. Гётце предполагал, что начало славянского переселения в Хафельланд относится к более позднему времени, чем V в., которым датировался ряд германских могильников — Бутцов, Гарлитц и др.

Классификация А. Гётце и особенно его датировки не были достаточно убедительными, поскольку основывались лишь на типологии керамики и отчасти стратиграфии лишь одного памятника. Многими немецкими археологами вплоть до начала второй мировой войны, когда на Средней Эльбе были открыты славянские памятники, давшие только лепную керамику (Дессау-Мозигкау и др.), отстаивалось мнение о появлении славян на территории Германии только в VIII или IX вв. Так, П. Купка писал, что нельзя назвать достоверно славянские древности VI, VII и VIII вв. во всей восточной Германии, включая Альтмарк [43].

К 1937 г. относится капитальная работа Г. Кнорра, посвященная славянской керамике между Эльбой и Одером [44]. Приняв гётцевское деление керамики на три группы или стиля — ранне-, средне- и позднеславянскую, Г. Кнорр несколько изменил хронологию последних. При этом время группы II и III он определил по монетам, встреченным вместе с керамикой при раскопках. Группу I, о которой можно было сказать лишь немногое, Г. Кнорр датировал как и А. Гётце, VII—IX вв., вторую группу — IX—X вв., третью группу — X—XII вв.

Керамика I группы, согласно Г. Кнорру, характерна для всей Восточной Германии. Развившаяся на ее основе в конце IX в. группа II дает два основных керамических типа. Один из них, реберчатый или биконический с линейным орнаментом типичен для севера, другой тип — так называемый саксонский горшок с эсовидным профилем, украшенный волной,— для юга. Средняя Эльба, где встречены оба типа, являлась, по всей видимости, их пограничьем. Северную керамику Г. Кнорр связывал с лютичами, южную — с сербами [45].

О славянских древностях третьей четверти I тыс. на Средней Эльбе писал в начале 50-х годов Т. Фойгт. Их исследование в то время ограничивалось небольшими пробными раскопками, при которых была найдена грубая, вылепленная от руки, неукрашенная керамика. Т. Фойгт мог с полным правом сравнить ее с керамикой пражского типа. Он датировал свой материал VII в. [46].

Систематическое изучение раннеславянской культуры началось здесь лишь в последние годы. Проведенные изыскания показали, что селища и могильники с трупосожжением, давшие исключительно лепную керамику, являются наиболее ранними достоверно славянскими памятниками. Они занимают главным образом междуречье Эльбы и Заалы. Вопрос об их абсолютной датировке и, вместе с тем, о времени заселения славянами этой территории до сих пор остается открытым. Письменные источники как будто позволяют предполагать, что проникновение сюда славян начинается в VI в. [47]. Однако для датировки этим временем раннеславянских древностей на территории ГДР пока нет достаточных оснований. Более того, те из находок, которые являются датирующими, относятся лишь к VII и VIII вв. Таких находок пока известно немного. Из Мершвитц происходит обломок трехчастного гребня с полукруглыми в поперечном сечении пластинами. По Т. Фойгту его время — рубеж VII и VIII вв., В. Шмидт относит гребень (по орнаменту и форме) к первой половине или середине VII в. [48]. В разрушенном могильнике Прютцке (окр. Бранденбург) вместе с горшком — урной пражского типа была найдена балтийская фи-

---

[42] A. Götze. Die Schwedenschanze auf des Klinke bei Reiwend, Kreis Westhavelland, Nachrichten über deutsche Altertumsfunde, XII, 1901, стр. 17—26.

[43] B. Krüger. Dessau — Mosigkau. Ein frühslawischer Siedlungsplats im mittleren Elbegebiet. Berlin, 1967, стр. 6—7.

[44] H. Knorr. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Mannus — Bücherei. 58, Leipzig, 1937.

[45] H. Knorr. Ук. соч., стр. 207—209. Примеч. 23 на стр. 219—220.

[46] B. Krüger. Ук. соч., стр. 6—7.

[47] H. Knorr. Ук. соч., стр. 207; B. Krüger. Zur Nordwestausbreitung der frühslawischen Keramik im weiteren Elbe — Saale — Gebiet. Varia archaeologica, 16, Berlin. 1964, стр. 219—227.

[48] B. Schmidt. Die späte Volkerwanderundszeit in Ostthüringen und das Einzungsgebiet der Slawen in Mitteldeutschland. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther — Universität, Halle — Wittenberg III. 4. 1954. стр. 486—796.

була конца VII — начала VIII в.[49]. В раннеславянском погребении близ Дрезден — Стетцш находился трехлопастный наконечник стрелы, скорее всего аварского происхождения и времени — конца VI — VII в.[50].

В 1967 г. Б. Крюгером был опубликован едва ли не единственный в настоящее время раннеславянский памятник, раскопанный почти полностью. Речь идет о поселении Дессау-Мозигкау, на котором было вскрыто 44 жилища — полуземлянки, принадлежащие, как полагает Б. Крюгер, пяти фазам поселения[51]. Инвентарь этого селища наряду с типично раннеславянской керамикой состоит из нескольких поде-

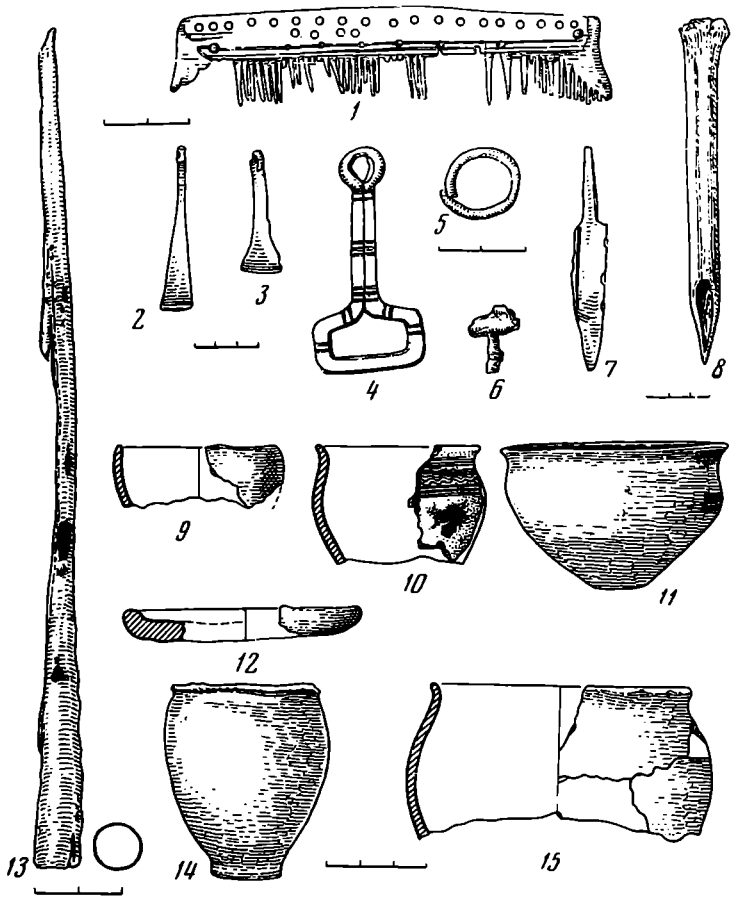


Рис. 2. Находки с селища Дессау-Мозигкау (по Б. Крюгеру)

лок из кости и металла (рис. 2). Некоторые из них датируются вполне определенно. Это, прежде всего, подпружная пряжка, изготовленная из четырехгранного железного прута, заканчивающаяся небольшой круглой петлей. Подобные пряжки имеются во франкских древностях конца VII — начала VIII вв.[52]. Крупный (длиной 20,5 *см*) наконечник копья со втулкой, по мнению Б. Крюгера, напоминает франкские, так называемые Ango. Далее, нож, рукоять которого была закреплена при помощи заклепок (Klappmesser), имеет аналогии в германских памятниках VII в.[53]. Наконец, трехчастный гребень с циркульным орнаментом и полукруглыми в сечении пластинами тоже относится к VII—VIII вв. Б. Крюгер находит ему параллель в Любиче (Великопольша), где такой точно гребень встречен вместе с керамикой пражского типа и шпорой VII—IX вв.[54]

Датировка по радиокарбону жилища 6 (пятая фаза) дала 590 г. ± 80, жилища 16 (третья фаза) — 628 г. ± 120.

---

[49] W. Unversagt, J. Herrmann. Das slawische Brandgräber von Prützke, Kr. Eberswalde. AuF, III, 2, 1958, стр. 107—110, табл. 15; W. Unversagt, Zur Armbrustsprossenfibel von Prützke, Kr. Branden — Land. AuF, V, 1960, стр. 147.

[50] J. Herrmann. Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland. Berlin, 1965, рис. 4 (верхний); W. Coblenz. Zur Ur — und Frühgeschichte von Land und Burg Meissen. Meissen, 1966, стр. 29, рис. 21.

[51] B. Krüger. Dessau — Mosigkau, стр. 16—42.

[52] Там же, стр. 111—112, табл. 3.

[53] Там же, стр. 75, рис. 41, 48.

[54] Там же, стр. 79, рис. 41, 65, табл. 2, *а*.

Б. Крюгер относит вторую — пятую фазы поселения к VII в., а его возникновение (первую фазу) — к VI в. Такая датировка первой фазы вряд ли приемлема, так как автор обосновывает ее лишь несколькими обломками германской керамики эпохи переселения народов (так называемой тюрингской миски, Kumpfen и др.), которые могли оказаться здесь случайно, тем более, что славянский слой в Мозигкау подстилался германским V (и VI?) вв.

Селище Дессау-Мозигкау находится вблизи Мозигкау — предместья г. Дессау, на обращенном к долине Эльбы склоне небольшого холма. Б. Крюгер полагает, что жилища-полуземлянки располагались на поселении полукругом, открытым к Эльбе. Все они были углублены в землю на 0,5—0,7 *м*, а иногда только на 0,1 *м*, и имели подквадратные, реже прямоугольные в плане очертания; их углы часто закруглены. Площадь жилищ составляла около 16 $м^2$. Б. Крюгер считает, что жилища имели открытые очаги и только в одном из них, 11-м, была печь-каменка.

Очаги представляли собой небольшое углубление в полу, обложенное со всех сторон камнями. Иногда камни шли полукругом. Очаги сооружались из более или менее крупной гальки, которая в изобилии имеется в окрестности селища. В качестве материала для очагов употреблялись и обломки жерновов. Следует отметить, что очаги, описанные Б. Крюгером, очень напоминают разрушенные печи-каменки и, возможно, являлись таковыми. Вблизи очагов находились ямы диаметром около 1 *м*, глубиной 0,6—0,7 *м*, предназначенные для хранения запасов. В углах жилищ и под средней частью стен были прослежены ямки от столбов. В углу, где был очаг, столбовых ямок, как правило, нет. Ямки располагались не впритык со стенками, а на некотором от них расстоянии. Вход в жилище Крюгер определяет по расположению столбовых ямок. В жилище № 8 были сооружены из камней ступени при входе. В двух полуземлянках вход представлял собой пологий скат (Eintrittsrampe). По наблюдениям Крюгера, жилища имели вход чаще всего с южной стороны. При этом они могли лучше обогреваться и освещаться солнцем. Очаг находился, как правило, в заднем правом от входа углу.

Полуземлянки существовали в течение всего раннего средневековья, однако с X—XI вв. их мало-помалу вытеснили наземные жилища.

Славянские городища третьей четверти I тысячелетия пока не найдены. Правда, на отдельных городищах (например, Ландеберг, Хильдасбург и др.) была обнаружена лепная керамика пражского типа, что, по мнению Г. Кнорра, доказывает относительно ранний возраст этих укреплений. Версия Г. Кнорра была, однако, отклонена П. Гриммом [55], Б. Шмидтом [56] и др. исследователями.

Для П. Гримма она неубедительна потому, что обломки лепной керамики простых форм стратиграфически на городищах не отделяются от среднеславянской керамики, но встречаются совместно с последней. П. Гримм указывает, что среднеславянская и позднеславянская керамика в какой-то части неорнаментирована и подчас не отличается типологически от обломков сосудов пражского типа. Поэтому лепная неорнаментированная керамика из городищ может относиться не только к раннему, но и к среднему периоду раннесредневековой славянской культуры. Это подтверждают также, по мнению, П. Гримма, наблюдения Латтаушке на городище вблизи Мозигкау, которое относится к IX—X вв. и перекрывает селище с пражским типом керамики.

В настоящее время на территории ГДР найдено и обследовано около 20 раннеславянских погребальных памятников. Они концентрируются в междуречье Эльбы и Заале и на Средней Эльбе; севернее р. Хафель они неизвестны. О могильниках писали Т. Фойгт [57], В. Гоффманн [58], Б. Шмидт [59], И. Херрманн [60], Б. Крюгер [61] и др. Могильники в большинстве почти полностью разрушены и сохранили по 2—3 погребения. Самый крупный из них — Мозигкау — Цоберберг с 45 урновыми погребениями.

Все раннеславянские погребения были бескурганными с трупосожжением, урновые и безурновые. Два наиболее ранних курганных могильника у Заринген и Гетц (окр. Бранденбург) датируются по керамике VIII—IX вв. [62] Урны с прахом или просто пережженные кости помещались в небольшие округлые ямки (диаметром 0,4—0,6 *м*, глубиной 0,4 — 0,8 *м*). Иногда в одну ямку ставили 2—3 урны. Урнами служили

---

[55] P. Grimm. Archäologische Beitrage zur Siedlungs — und Verfassungsgeschichte der Slawen im Elb — Saalegebiet. In: Siedlund und Verfassund der Slawen Zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960, стр. 15—26.

[56] B. Schmidt. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland, стр. 42.

[57] Th. Voigt. Die frühesten Slawen. AuF III, 1958, стр. 284—287; его же. Zur Herkunftsfrage der Brandgräbergruppe mit slawischen Kulturgut vom 6—8. Jahrhundert im Elbe — Saale — Gebiet. PZ XXXVII, 1959, стр. 157—159.

[58] W. Hoffmann. Frühslawische Brandgräber im mittleren Elbgebiet. Jahresschrift für mitteldeutsche Vergeschichte, 46, 1932, стр. 325—344; его же. Die früheslawischen Brandgräberfelder im mittleren Elbgebiet. PZ, XXXVII, 1959, стр. 169—174.

[59] B. Schmidt. Die späte Völlkerwanderundszeit in Mitteldeutschland, стр. 79—82.

[60] J. Herrmann. Ук. соч., стр. 8 сл.

[61] B. Krüger. Frühslawische Grabfunde aus Sausedlitz, Kr. Delitzsch. AuF, II, 1966, стр. 93—96.

[62] K. H. Marschalleck. Frühslawische Grabhügel bei Saaringen und Götz. Kr. Brandenburg (Havel). AuF I, 1956, с p. 168—174.

горшки, реже миски. Известны случаи, когда урны прикрывались сверху плоским камнем или крупным обломком сосуда (Мозигкау-Цоберберг, Пауснитц). В двух погребениях — одном из Мозигкау-Цоберберг, другом из Мершвитц — урна была обложена со всех сторон небольшими валунами. Костные остатки определялись далеко не всегда. Урна единственного погребения из Саудерлитц содержала прах взрослого и ребенка. Двойное захоронение дает также Мозигкау-Цоберберг. Пережженные кости погребения I из Пауснитц принадлежали женщине. Здесь же оказались кости овцы или козы. В урне второго погребения оказались кальцинированные кости лошади. Погребальный инвентарь невелик. Он состоит из лепной керамики, близкой пражскому типу. Изредка встречаются низкие неукрашенные миски, а также пряслица. Из погребений происходят наконечник стрелы, обломок гребня, балтийская фибула, о которых выше уже шла речь.

Керамика раннеславянских памятников в бассейне р. Эльбы была рассмотрена в последнее время Б. Крюгером [63], Т. Фойгтом [64], В. Хоффманном [65], Б. Шмидтом [66], а также чешскими археологами З. Ваней [67] и Я. Эйснером [68]. Славянская керамика этого времени была исключительно лепной, как правило, неорнаментированной; керамика с орнаментом встречена только на селище Дессау — Мозигкау и связанном с ним могильнике Мозигкау-Цобергер. Среди раннеславянской керамики преобладают горшки пражского типа нередко с довольно выраженными плечиками.

Заслуживает внимания монография Э. Шульдта, в которой дан анализ средне- и позднеславянской керамики, происходящей почти из 600 памятников округа Мекленбург [69]. Автор выделил 11 хронологических и территориальных групп этой керамики, связав их с известными по письменным источникам племенными общностями.

Наиболее ранняя из них, по Е. Шульдту, суковская группа, названа им по городищу Суков, округ Тетеров, в нижних слоях которого эта керамика была встречена. Суковскую керамику по форме можно сравнить с Swebentöpfen римского времени и пражским типом. Она представлена грубо вылепленными от руки неорнаментированными горшками с шероховатой поверхностью. Их горловина шире дна, максимальный диаметр располагается под самым венчиком, коротким и едва отогнутым наружу. Суковскую группу Э. Шульдт, а также Г. Кейлинг [70], относят к VII в., полагая, что она предшествует фельбергской керамике (Feldberger gruppe), бытовавшей на той же территории и с которой (особенно неукрашенной фельдбергской керамикой) она довольно близка.

Связь с раннеславянской керамикой по Э. Шульдту имеют и 1—2 варианты керамики менкендорфской группы конца VIII и IX вв. Другие варианты этой группы — с биконическим профилем — характерны для северной среднеславянской керамики этого района, а также Польши, на что указал впервые еще Г. Кнорр. Биконическая керамика в Приэльбье исчезает на рубеже X и XI вв.

В южной среднеславянской керамике господствуют горшки саксонского типа, имеющие эсовидный профиль. Иногда эти горшки по профилю приближаются к биконическим, с ребром в верхней трети, распространенным на севере ГДР и Польши. В Верхней Лужице высокие сосуды саксонского типа бытуют вплоть до XI и начала XII вв. Горшки этого типа близки к одной из форм раннеславянской керамики и имеют, видимо, местное происхождение. В Нижней и Верхней Лужице, Южном Бранденбурге с конца VII до IX в. (по И. Херрманну до XI в.) была распространена керамика торновского типа — биконическая, с коротким отогнутым венчиком, украшенная выше ребра желобками. Ареал торновской керамики охватывает, помимо Лужицы, Силезию (городища Кленица, Гостынь, Попеншице), частично Великопольшу (Бониково).

Близость раннеславянских памятников бассейна р. Эльбы и Чехословакии, по мнению многих немецких исследователей, позволяет предполагать, что именно из Чехословакии шел один из путей славянского заселения поречья Эльбы. Чехословацкий археолог З. Ваня пришел к выводу, что славянское движение в бассейн Эльбы длилось несколько веков и началось в эпоху переселения народов, возможно, в VI в., после ухода германского населения. Расселение славян на этой территории, по его мнению, могло идти не только с юга, но и с востока — из современной Польши [71]. При этом З. Ваня сопоставляет раннеславянские памятники междуречья Эльбы и

---

[63] B. Krüger. Dessau — Mosigkau, стр. 43—42.

[64] Th. Voigt. Zur Herkunfsfrage der Brandgräbergruppe ..., стр. 157—168.

[65] W. Hoffmann. Die früheslawischen Brandgräberfelder ..., стр. 169—174.

[66] B. Schmidt. Zur Keramik des 7. Jahrhunderts zwischen Mein und Havel. PZ, 43/44, 1965—1966, стр. 167 сл.; его же. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland, 113—114.

[67] Z. Váňa. Die Keramik der slawischen Stämme in Ostdeutschland, Vznik a počáthy Slovanú III. Praha, 1960, стр. 123—168.

[68] J. Eisner. Rukovet' ..., стр. 213—245.

[69] E. Schuldt. Die Slawische Keramik in Mecklenburg. Schriften der Sektion für Vor — und Frühgeschichte. 5, Berlin, 1956.

[70] M. Keiling. Keramikfunde aus einer frühslawischen Siedlund von Gramonshagen, Kr. Schwerin. AuF, 10, 1965, стр. 187—191.

[71] Z. Váňa. Die Keramik der slawischen Stämme ..., стр. 124—135.

Заалы с силезскими городищами (Кленицей и др.). Но они разновременны, причем польские памятники относятся к более позднему времени и имеют разительные отличия. Силезские городища тяготеют к памятникам типа Торнова, но соотношение тех и других еще предстоит выяснить. Бесспорно славянские памятники VI—VII вв. в Польше почти не исследовались.

По мнению других исследователей, например, Т. Фойгта, славянское движение на запад могло быть вызвано нажимом со стороны аваров [72]. Косвенное подтверждение этого предположения дает погребение из Дрезден-Стетцш, в котором вместе с горшком пражского типа был найден аварский наконечник стрелы. Представляется, что гипотеза, высказанная Т. Фойгтом, вполне допустима. Согласно письменным источникам, авары трижды обрушивались на франков. Если нельзя точно сказать, откуда были направлены первые два удара, то направление третьего очевидно. В 567 г. авары, объединившись с лангобардами, разбили гепидов и захватили Восточную Паннонию. В 568 г. после ухода лангобардов в Италию, авары овладевают всей Паннонией. Таким образом, путь авар к франкам в 596 г. с наибольшей вероятностью прошел из Среднего Подунавья к Моравским Воротам и далее вдоль Судет к Эльбе [73]. Как известно, концом VI в. есть основания датировать раннеславянские памятники в Чехословакии. Авары прошли, стало быть, в 596 г. через славянскую землю, что и делает вероятным их нажим на славян. Авары могли принудить славян выступить в качестве союзников на своей стороне, или опустошали их землю и тем самым заставляли их отойти на северо-запад.

Возможно также, что славяне, попавшие под аварский гнет после 568 г., могли и без прямого насилия со стороны авар переселиться за Судеты — «подальше» от авар. Наконец, не исключено, что славянское передвижение на запад было вызвано уже первыми набегами авар на славян, т. е. произошло еще в 50-х годах VI в. По письменным источникам, авары, обосновавшиеся перед захватом гепидской Паннонии на Нижнем Дунае и в Восточном Прикарпатье, в 558—562 гг., опустошая славянские земли, доходили до верховьев Прута, Днестра и даже Западного Буга [74].

3

Славянские памятники VI—VIII вв. на территории Польши, как и Германии, известны пока что в небольшом числе. Это можно объяснить тем, что в Польше археологов привлекали до сих пор главным образом городища, которые в массе датируются самым концом I тысячелетия. В третьей четверти I тысячелетия их было, видимо, еще немного. Кроме того сказывается и то, что раннесредневековые поселения в Польше в большинстве случаев существовали непрерывно в течение нескольких веков. При этом далеко не всегда удается стратиграфически отделить «раннее» от «позднего» и найти «одновременное». Первыми славянскими памятниками, исследованными в Польше, были именно такие долговременные поселения — Гнезно, Бискупин, Ополе, Бытом и др. Их нижнюю границу польские археологи отнесли, хотя и без видимых оснований, к VII или VIII вв.

В 30-е годы были раскопаны и опубликованы немецкими археологами Э. Петерсеном и К. Лангенхеймом два силезских городища Кленица и Гостынь [75]. Керамика этих городищ, в отличие от посуды пражского типа — лепной и слабо профилированной,— биконическая и с эсовидным профилем. Она была названа Я. Эйснером типом Кленица — Сырыния. По мнению Э. Петерсена, эта керамика имеет отчетливые германские элементы. Биконические «вазы» он связывал с франкской керамикой. Розетки, нанесенные штампом, украшавшие отдельные горшки из Кленицы, вполне аналогичны, по Э. Петерсену, узорам на германской лощеной керамике III—V вв. и так называемым Krausen V в. Кленица и Гостынь были датированы VII в. Полагая, что эти городища славянские, Э. Петерсен основывался на письменных источниках. По его мнению, севернее Карпат в VII в. славяне находились под германским господством. Отсюда — восточно-германские элементы в славянской керамике.

Сомнений в том, что оба названные городища славянские, по-видимому, нет, хотя против мнения Э. Петерсена казалось бы и говорит тот факт, что бесспорно славянские памятники VII в. как в самой Польше (Шелиги, Мендзыборов и др.), так и за ее пределами, резко отличны по керамике от силезских городищ. Но эти отличия в действительности являются местными и хронологическими. Оба городища относятся не к VII в., как полагали Э. Петерсен, К. Лангенхейм, а вслед за ними многие польские археологи — И. Косшевский, К. Яждже вский, В. Генсель и др., а к VIII—IX вв., возможно даже к X в. В этом убеждает уже типологический анализ керамики городищ. Среди последней — кружальной развитых форм — имеются горшки и миски, украшенные под венчиком 1—3 валиками и пояском из косых от-

---

[72] Th. Voigt. Die frühen Slawen, стр. 284—287.

[73] Там же, стр. 285—286.

[74] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 133.

[75] K. Jaźdźewski. Uwagi o chronologii ceramiki zachodoniosłowiaskiej z wczesnego średniowiecza. Prz. Arch., X, 1958, стр. 156—158, табл. V, VI.

печатков гребенки. Подобная керамика известна в ряде памятников IX—X вв. Великопольши — поздний слой Боникова I (X—XI вв.) [76], Гнин (VIII — середина XIII в.) [77] и др., а также в Гнездовском могильнике [78], в Ключеве [79] и др.

Кроме того, на указанных городищах найдены горшки саксонского типа (по Кнорру II стиль) — с эсовидным профилем, с раздутым в верхней трети туловом, узким дном. Часть керамики имеет гребенчатый орнамент. Орнамент из розеток обычен для западнославянской керамики X—XI вв. Наконец, отдельные керамические формы — биконические, украшенные выше ребра под самый венчик желобками, близки моравской керамике дольневестоницкого типа (IX—X вв., по Й. Поулику) и особенно торновской керамике Германии (VIII—X вв.). В пользу датировки городищ VIII—X вв. говорит и калачевидное кресало развитой формы, найденное в Гостыни.

Данные о раннесредневековой культуре VII—XII вв. в Польше впервые были суммированы И. Косшевским [80]. «Раннепольская» культура была им рассмотрена в трех аспектах — материальном, духовном и социальном. Однако использованные при этом источники — письменные и археологические, относились главным образом к IX—XII вв. Характеризуя раннесредневековые памятники в Польше, И. Косшевский делил их на две территориальные группы, отличающиеся между собой, прежде всего по керамике. Одна из них — северная, занимавшая Поморье, Куявию, Северную и Среднюю Великопольшу, часть Нижней Силезии; другая — южная, охватывавшая остальную Силезию, Южную Великопольшу, также Малую Польшу. К какой из этих двух групп принадлежит Мазовия для автора было в то время неясно. В северной группе, по И. Косшевскому, в VII—X вв. преобладала биконическая (или реберчатая) керамика, вылепленная от руки и только изредка гончарная. В «северной» орнаментации различается несколько мотивов — зигзаг, волны, кресты, кружки. Распространен перегородчатый орнамент. Орнамент наносился двух- и четырехзубым гребенчатым штампом и размещался выше ребра. Для Южной Польши этого же времени типичны сосуды с яйцевидным туловом, с более или менее отогнутым наружу венчиком, украшенные преимущественно волнами в сочетании с горизонтальными бороздками.

Городища VII—X вв. располагались на мысах и обрывистых берегах озер и рек. Обычно они защищены валом (иногда двойным и тройным) только с наиболее доступной стороны, с наполья. Но изредка вал был и кольцевым. Поверх вала сооружался частокол.

И. Косшевский различает три основных типа жилищ для раннего средневековья Польши: полуземлянки — округлые и четырехугольные в плане, наземные столбовые жилища с плетеными стенами (халупы) и, наконец, срубные или бревенчатые жилища (избы). Последние, как он полагал, появляются в VIII в.

Примечательно, что автор смог назвать только четыре поселения, в которых были обнаружены полуземлянки. Причем сомнительно, что все из описанных Косшевским полуземлянок были жилищами. Некоторые из них не имели ни очага, ни печи и были округлыми, что позволяет видеть в них постройки скорее хозяйственного назначения.

В работе 1955 г. И. Косшевский вновь рассмотрел характер раннесредневековых памятников, но только одной Великопольши [81]. Автор, вслед за Р. Якимовичем, разделил раннее средневековье на два подпериода: допястовский (600—950 гг.) и раннепястовский (950—1100 гг.). Допястовские памятники — в основном городища, обнесенные частоколом, а жилища на них — это, главным образом «просторные дома столбовой конструкции». К керамике этого времени относятся горшки и биконические «вазы» типа Кленища — Сырыния, миски цилиндрические и широко открытые конические со слегка отогнутым наружу краем.

В этой работе И. Косшевский отстаивает выдвинутую им еще в 1923 г. гипотезу о непрерывности энтогенетического процесса в Польше в первых трех четвертях I тысячелетия. Он полагает, что в славянских раннесредневековых древностях следует видеть продолжение римско-провинциальной пшеворской культуры, что славяне, а не германцы (готы, вандалы или гепиды) составляли основную этническую массу в римский период на территории Польши. Этой точки зрения поддерживаются многие польские археологи — К. Яжджевский, В. Генсель и др. [82]. Однако при слабой

---

[76] Z. Hołowinska. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Bonikowe. Poznań, 1956, рис. 17*b*; рис. 19*h* и др.

[77] W. Hensel. Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej. I, Poznań, 1950, стр. 61—64, рис. 46 и др.

[78] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 107, рис. 79.

[79] I. Kudrnáč. Vývoj slovanského osídlení mezi pražským Povltavím, Labem Sázavou a Výrovkou. PA, LIV/2, 1963, стр. 179, рис. 3.

[80] I. Kostrzewski. Kultura prapolska. Poznań, 1947, стр. 80—115.

[81] I. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wroclaw, 1955, стр. 266—273.

[82] В. Генсель. Археологические исследования и проблема возникновения польского государства. СА, 1969, 2, стр. 87.

изученности раннеславянской культуры третьей четверти I тысячелетия, которая имеет место в Польше, точка зрения И. Косшевского не имеет под собой достаточных оснований. Ее обоснование подчас ограничивается чисто априорными рассуждениями или ссылками на типологическую близость отдельных керамических форм, хронологически не связанных между собой.

В обобщающих работах В. Генселя, опубликованных в 50-х годах [83], различаются 5 фаз развития ранней средневековой керамики: А (IV—VI вв.), В (VI—VIII вв), С (VIII — середина X в.), Д — (середина X—XI вв.), Е (XI — середина XIII в.). Представляется, что вряд ли возможно выделить первую фазу, к которой автор отнес лишь несколько случайных находок. Культура этого времени, как он это полагает, продолжает римские традиции. «Окончание» римско-провинциального периода в истории культуры падает, по его мнению, на VI в. К VI в. он относит и начало раннего средневековья (Бониково, где была встречена шпора с крючковато загнутыми зацепами). Корни гончарной керамики этого времени уходят якобы в IV—V вв.

Одновременно с И. Косшевским и В. Генселем вопросами хронологии раннесредневековой керамики занимались З. Раевский [84] и К. Яжджевский [85]. Первый из них полагает, что развитие этой керамики в Польше (без Малопольши и части Силезии) прошло три фазы. Первую древнейшую (375—600 гг.) характеризовала лепная, только в редких случаях орнаментированная керамика, довольно однообразная. Во второй или средней фазе (600—950 гг.) появляются сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге, с отпечатками оси последнего на днищах. Наконец, в третьей фазе (950—1100 гг.) в употребление входит совершенная гончарная керамика, хорошо обожженная.

Раннесредневековая керамика из Малой Польши и Силезии, по З. Раевскому, соответствует двум хронологическим отрезкам: 375—950 гг.— I и 950—1300 гг.— II. Впрочем, как он полагает, возможно и другое ее (керамики) членение: 375—550 гг.— I, когда бытует лепная и гончарная так называемая серая керамика; 550—950 гг. — II, когда появляется керамика, подправленная на круге; 950—1300 гг.— III, когда керамика в основном изготовлялась на круге с быстрыми поворотами. Следует сказать, что славянская атрибуция серой гончарной керамики далеко не доказана. Поэтому керамика I фазы, охватывающей 370—600 гг., вряд ли может быть связана с посудой последующего времени.

Вслед за И. Косшевским, З. Раевский выделяет две керамические провинции в раннесредневековой Польше — северную, с биконическими формами, и южную — со «стройными» формами.

К. Яжджевский считает, что римско-провинциальная культура в Польше была разноэтничной и, следовательно, среди керамики этой культуры можно найти славянскую. Он различает три параллельно развившихся «направления» или «течения» (nurtow) римско-провинциальной (или «венедской» по его терминологии) керамики. Первое — это лепная, орнаментированная только за редким исключением керамика — пшеворская или типа сидлеминских курганов. Второе «направление» характеризуется лепной керамикой позднелатенских традиций (типичны трехручные миски), третье — гончарной, так называемой серой керамикой, которая доживает, согласно автору, в Силезии и Великопольше до V — начала VI вв. Славянская средневековая керамика, по мнению К. Яжджевского, связывается, прежде всего, с лепной пшеворской, но поскольку уже в VII в. среди славянской посуды имеется и гончарная (например, в Кленице, Гостыни и др.), то, видимо, можно предполагать и влияние серой керамики. Сближая раннесредневековую керамику с посудой пражского типа, К. Яжджевский обосновывает ее хронологию по датировкам Й. Поулика (V — первая половина VI в.).

Однако сейчас чехословацкие археологи датируют, и не без оснований, керамику пражского типа концом VI—VIII вв. Кроме того, далеко не все формы, которые К. Яжджевский рассматривает как пражские, можно безоговорочно отнести к таковым (например, из Садзажевич). Некоторые из них, возможно, и не являются славянскими. Силезские городища относятся не к VII в., как думает К. Яжджевский, а к более позднему времени.

В последние годы в Польше был опубликован материал ряда памятников, относящихся ко второй половине I тысячелетия. В Малой Польше это селища Иголомя

---

[83] W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnosrodniowieczna. Warszawa, 1956, Археологические исследования. стр. 85 сл.; Historia kultury materiałnej dawnej Słowiańszczyzny. Poznań, 1957; Studia i materialy..., I. Poznań 1950; II Poznań 1953; Z badan nad polska ceramika wczesnośredniowieczna, Sprawozdania archeologiczne, II. Wrocław. 1956, стр. 160—167; Forschungsprobleme der polnischen Keramik des frühen Mittelalters. PZ. XXXVII, 1959, стр. 199—210.

[84] Z. Rajewski. Zur Frage der Chronologie der frühmittelalterlichen Keramik in Polen. PZ, XXXVII, 1959, стр. 195—198.

[85] K. Jaźdźewski. Ук. соч., стр. 150—192.

Восток и Парк [86], Стжижов [87], Борки [88], Жернике Дольне [89], курганные могильники в Дахнове [90] и Липско [91].

В Иголоми, расположенной под Краковым, было обнаружено несколько жилищ — полуземлянок с печью-каменкой в углу. Полуземлянки были подквадратными, со столбовой конструкцией стен. Каменки имели в плане подковообразную форму. Керамику Иголоми Я. Махник разделил на две группы. Первую (раннюю) группу составляют лепные или подправленные на круге горшки, изготовленные из грубого теста, трех типов — А, В, С, отличающихся между собой по пропорциям. Максимальный диаметр у них меньше высоты и приходится на ее половину или верхнюю треть, орнамент волнистый.

Хронологию керамики I группы Я. Махник определяет исходя из того, что, с одной стороны, эта керамика отсутствует в позднеримских комплексах, а, с другой, формы ее менее развитые, чем у керамики X—XI вв. Таким образом, по его мнению, бытование керамики I группы относится к VI (возможно, VII — IX вв.). Однако сходство посуды I группы с дунайской керамикой, появляющейся в конце VII в., говорит не в пользу такой датировки. То, что среди раннесредневековой керамики из Иголоми имеется кружальная, Я. Махник объясняет местной традицией позднеримского гончарного центра. Но, очевидно, что этот вывод построен на неточной датировке керамики.

Керамику, аналогичную иголомской, дали три других малопольских селища — Жернике Дольне, Борки и Стжижов. Селище в Борках было расположено на дюне. Жилища оказались размытыми и развеянными, но было обнаружено десять развалов каменок. Собранную на поверхности дюны керамику — подправленную на круге, украшенную волной, К. Беленин датировал VI — VII вв.

В Стжижове было открыто две полуземлянки. Одна из них — узкая и вытянутая, суженная на одном конце, с округлым очагом, вымощенном камнями, возможно, не являлась жилищем. Другая — обычное углубленное жилище, квадратное в плане, с длиной стен около 4 *м*. В северо-западном углу обнаружен развал глиняной печи, видимо, с прямоугольным основанием, с подом, выложенном обломками сосудов. Л. Раухут относит селище Стжижов к рубежу VII и VIII—X вв.

В Дольне Жернике были произведены небольшие раскопки. Наряду с керамикой IX—XIII вв. здесь встречены обломки сосудов, изготовленных от руки или лишь подправленных на ручном круге (31 обломок), близких дунайскому типу. Б. Завадская сравнивает их с керамикой Иголоми, Борков, а также аваро-славянских могильников Словакии.

В Дахнове раскопано два кургана, имевшие под насыпями углистый слой мощностью до 0,3 *м*, и в нем — почти дотла сгоревшие четырехугольные деревянные камеры. Остатки трупосожжения и керамика, большей частью подправленная на гончарном круге, встречены выше горелого слоя. Оба кургана датированы VIII—IX вв.

Почти во всех курганах, раскопанных в Липско, на горизонте или в насыпи обнаружен слой мощностью около 0,25 *м*, состоявший из остатков погребального костра, перемешанных с мелкими обломками пережженных костей. В основании двух курганов оказались сгоревшие деревянные конструкции с остатками трупосожжения внутри, представлявшие собой сруб. В одном случае погребальная камера была сооружена из бревен, достигавших в длину 7 *м*, в другом — из бревен, имевших длину 2 *м*. По керамике, преимущественно гончарной, с линейным и волнистым орнаментом, и шпоре с зацепами, загнутыми внутрь, могильник в Липско датирован VII—X вв. Из силезских памятников к началу раннего средневековья польские археологи относят городища Кленица и Гостынь, о которых уже шла речь.

Две полуземлянки (размером 5×2,6 *м* и 5,2×3 *м*) были раскопаны на селище Хоруля 8 [92]. Встреченная там керамика неоднородна — дунайского типа, которой по

[86] I g o ł o m i a. I. Osada wczesnośredniwieczna. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961; J. M a c h n i k, Zagadnienie chronologii najstraszej wczesnośredniowiecznej ceramiki w Igołomie. «Sprawozdania archeologiczne», III, 1957, стр. 314—324; L. G a j e w s k i. Sprawozdanie z prac badawczych, prowadzonych w.r. 1957 w. Igołomie pow. Proszowice. «Sprawozdania archeologiczne, VIII, 1959, стр. 18 сл.

[87] L. R a u h u t. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Stryżowie, pow. Hrubieszów. WA, XXIV, 1957, стр. 113—129.

[88] K. B i e l e n i n, Badania archeologiczne na wydmie «Borki» nalezacej do gromady Brzegi, pow. Kielce. Sprawozdania archeologiczne IV, 1957, стр. 101 сл.

[89] B. Z a w a d z k a. Osada wczesnosredniowieczna w Zernikach Dolnych pow. Busko — Zdroj. WA, 27, 1961, стр. 240—245.

[90] A. D z i e d u s z y s k a, I. K a m i e ń s k a. Wczesnośredniowiezne kurhany ciatopalne z Dachnowa, pow. Lubaczów. Mat. arch., I, Krakóv, 1959, стр. 326—331.

[91] M. D r e w k o. Sprawozdanie z badań przeprowadzonych w 1955 r. na wczesnośredniowiecznym cmentarzysku kurhonowym we wsi Lipsko, pow. Zamojski. «Sprawozdania archeologiczne», III. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1957, стр. 165—168; е г о ж е. Prace wykopaliskowe na wczesnośrodriowiecznym cmentarzysku kurchanowym we wsi Lipsko, pow. Zamość. «Sprawozdania archeologiczne», II, Wrocław, 1956, стр. 82—84.

[92] I. S z y d ł o w s k i. Sprawozdanie z badań na osadzie z VI—VII wieku w miejsc. Chorula, pow. Krapkowice. WA, XXIV, 1957, стр. 53—70.

времени, видимо, отвечает аварская бляшка от пояса, и серая гончарная керамика. Н. Шидловский, опубликовавший эти древности, датирует их одним временем — концом VI — началом VII в.

К рубежу VII и VIII вв. относит И. Шидловский городище Мендзышвечу в подножье Силезских Бескид [93]. Оно расположено на мысу и защищено валом только с наполья (городище с поперечным валом по терминологии И. Косшевского). Датировка памятника основывается на шпоре с крючковато загнутыми внутрь зацепами. Но подобные шпоры (варианты А и В по Я. Жаки [94]) бытуют вплоть до X в. В Германии они встречены вместе с фельдбергской керамикой VIII—IX вв. [95], в Курдванове под Краковом — с керамикой дунайского типа конца VII — VIII вв. [96] Одна такая шпора происходит из Кенджыно (Поморье) VII—IX вв. [97], две из второго комплекса Рипнева I (Волынь) VIII—IX вв. [98]. Против датировки городища концом VII в. говорит и керамика — гончарная в большей части.

Из мазовских древностей третьей четверти I тыс. получили освещение в литературе городище и связанное с ним селище Шелиги (1 и 2), селища Шелиги 3, Цеканово 2, Мишевко 3 [99], бескурганный могильник Мендзыборов [100], погребение в Немпорент [101], одиночный курган в Слупно [102].

Городище Шелиги — мысового типа с одним поперечным валом. Оно было вскрыто на всей площади. Площадь городища имела размеры 75×25 *м*. Вдоль ее юго-западного края обнаружено несколько скоплений обожженных камней, представлявших собой, по мнению В. Шиманского, разрушенные очаги. Они располагались между двумя параллельными друг другу рядами ям от крупных столбов. Расстояние между рядами не превышало 2 *м*. Столбовые ямы, находившиеся на одной линии, и развалы очагов встречены и в противоположном, северном конце городища. Ряды столбовых ям В. Шиманский рассматривает как следы оборонительных конструкций. Отчетливо выраженные жилища на городище не обнаружены. На селище, примыкающем к городищу, было раскопано несколько ям, которые по размерам и очертаниям могут быть признаны за жилища-полуземлянки. В некоторых из них находились развалы каменных печей или очагов.

Керамика Шелиги 1 и Шелиги 2 — лепная и сделана на ручном гончарном круге. В. Шиманский разделил ее на десять групп. Наиболее многочисленная из них первая, в которую вошли горшки корчакского типа. Помимо керамики на этом поселении встречены различные вещи из металла — пальчатая фибула с двумя округлыми выемками для альмандинов на нижнем ромбическом щитке, браслет с утолщенными концами, ромбовидные подвески с пунсонным орнаментом, пинцеты, пружинные ножницы, кузнечные клещи и др. (рис. 3). В. Шиманский датирует Шелиги 1, 2 — городище и селище — одним временем — второй половиной VI — первой половиной VII в.

На селище Шелиги 3 было обнаружено лишь две небольшие ямы, видимо, хозяйственного назначения и скопление мелких камней. На селище Мишевко 3 исследовано три сильно разрушенных жилища-полуземлянки, имевшие прямоугольные очертания, с каменными очагами, или, возможно, печами, ориентированные по странам света с небольшими отклонениями. На селище Цеканово 2 оказалось два таких жилища. По керамике, аналогичной той, что была встречена на городище Шелиги, все три селища В. Шиманский отнес к началу раннего средневековья.

На могильнике в местечке Мендзыборов раскопано три бескурганных погребения. Два из них представляли собой небольшие округлые ямы, на дне которых находилась урна с прахом. Урны обоих погребений корчакского типа. Третье погребение также ямное, но безурновое. Могильник относится к VI—VII вв.

Из Неппорент происходит всего одна урна, по форме напоминающая горшки

[93] I. Szydłowski. Prace wykopaliskowe we wczesnośredniowiecznym grodzisku w Miedzyświeciu, pow. Cuszym. Acta Archaeologica Carpatnica VI, 1964, стр. 56.

[94] J. Zák. Najstarsze ostrogi zachodniosłowianskie. Warszawa — Wroslaw, 1959.

[95] J. Herrmann. Kultur und Kunst der Slawen... рис. 10 и 11.

[96] A. Krauss. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Kurdwanowie koło Krakowa w latach 1954—1955. «Sprawozdania archeologiczne. Wrocław, 1957, стр. 91, рис. 28.

[97] A. Urbańska. Sprowozdanie z badan wykopaliskowych na wczesnośredniowiecznym grodzisku w Kedrynie, pow. Kołobrzeg. «Sprawozdania archeologiczne», XIV, 1962, стр. 157, рис. 3.

[98] В. В. Аулих. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев 1) Львовской области. МИА, 108, 1963, стр. 377, рис. 9 — *1, 2*.

[99] W. Szymański. Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza (zespol osadniczy z XI—VII w.). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957; его же. Ergebnisse auf dem Burgberg Szeligi, Kreis Prock in den Jahren 1959—1960 durch geführten Forschungen. «Archaeologia Polona», V, 1962, стр. 76—85.

[100] W. Bernat. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w m. Międzyborów, pow. Gtodzisk — Masowiecki; L. Rauhut, Naczynie wczesnośredniowiecznego cmentarzyska ciałopalnego w.m.Międryborow, pow. Zyzardow. WA, XXIV, 1957, стр. 383.

[101] L. Rauhut. Wczesnośredniowieczny grob ciałopalny ze wsi Nieporęt. pow. Wołomin. WA, XXIV, 1957, стр. 328.

[102] W. Szymański, Szeligi pod Płockiem ... стр. 211—216.

корчакского типа. Курган из Слупно содержал сгоревшую деревянную камеру, сооруженную из бревен диаметром 0,25 *м*, длиной около 1,4 *м*, которая находилась в основании насыпи. Здесь же встречено большое количество обожженных камней. В. Шиманский датировал курган по керамике временем городища Шелиги.

В Великопольше наиболее ранними славянскими памятниками являются селища Лубич [103], Крушвица [104], Полановице [105], Уйшице [106], Котове [107]. Ряд случайных нахо-

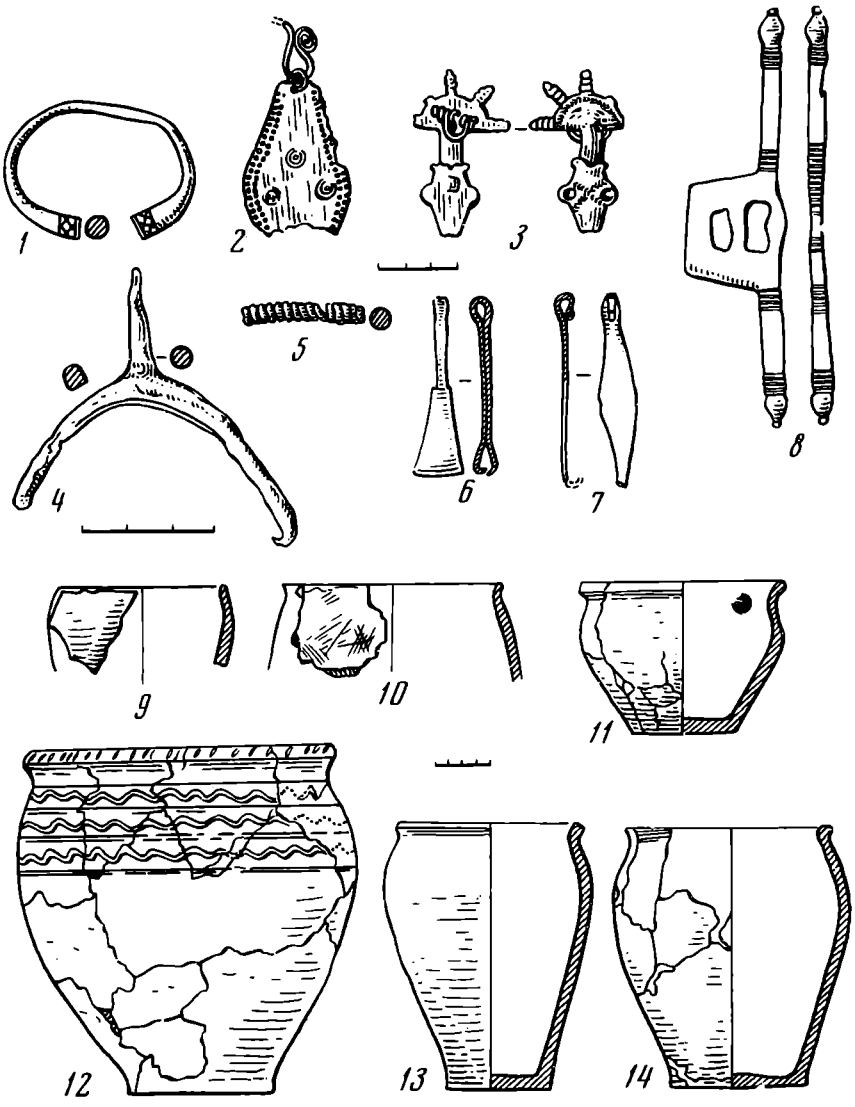


Рис. 3. Находки с поселения Шелиги под Плоцком (по В. Шиманскому)

док, возможно, относящихся к третьей четверти I тыс., был опубликован В. Генсе лем [108]. Раннеславянские слои удалось выявить при раскопках городищ Бискупин 4 [109] и Бониково [110]. Поселение Бискупин 4 — многослойное. Оно датировано суммарно VII—XI вв. Предполагается, что его оборонительные укрепления — валы, частокол и засека — были возведены на рубеже VIII и IX вв.

Бонikову посвящена монография Э. Головинской, написанная по материалам раскопок 1951—1953 гг. Городище расположено в некогда сильно заболоченной долине

---

[103] B. Zielonka. Zabitki z osadu wczesnośredniowieczhej w m. Lubicz, pow. Torun, WA, XXVI, 1959, 1960, стр. 243 сл.

[104] A. Cofta—Broniewska, E. Springer, K. Tymienicka. Wyniki prac terenowych w 1960 roku w Kruszwicy, pow. Jnowrocław, «Sprawozdania archeologiczne», XIV, 1962, стр. 224—262, рис. 9.

[105] A. Cofta—Broniewska, E. Springer, K. Tymieniecka. стр. 244—262.

[106] L. Leciejewicz. Ujście we wczesnym średniowieczu. Polskie badania archeologiczne. 8, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

[107] A. Lipińska. Wczesnośredniowieczna półziemianka w Kotowie, pow. Nowy Tomyśl. Fontes Archaeologici Posnanienses XII, Poznań, 1961, 216—219.

[108] W. Hensel. Studia i materiały ..., Poznań, 1950; II, Poznań, 1963.

[109] W. Hensel. Studia i materiały ..., I, 44—47.

[110] Z. Hołowinska.Wczesnośredniowieczne grodzisko w Bonikowe.

р. Обры на левом ее берегу. Оно дважды расширялось и имеет с восточной, наиболее доступной стороны три разновременных вала. Городище было вскрыто не на всей площади, а раскапывалось траншеей шириной 5 *м*, прошедшей через все валы. З. Головинская утверждает, что укрепленному поселению предшествовало неукрепленное, культурный слой которого был уничтожен при сооружении валов и сохранился лишь ниже основания последних. В слое IV встречены обломки лепной и подправленной на круге керамики, пряслица, обломок бронзовой фибулы и, кроме того, зерна хлебных злаков, кости домашних и диких животных. Автор считает, что этим находкам одновременны шпора с крючковато загнутыми внутрь зацепами, еще одна бронзовая фибула, пинцет, нож с валютами, найденные за пределами слоя IV. Возникновение открытого поселения она относит к VI в. Его конечная дата определяется временем сооружения оборонительных укреплений, судя по керамике — IX в. Керамику селища З. Головинская разделила по форме на четыре группы. К первой группе относится слабо профилированная керамика, напоминающая сидлеминскую. Венчики слабо отогнуты и косо срезаны, плечики едва выражены, на днищах — отпечатки оси ручного круга. Ко второй группе отнесены сосуды с плавно отогнутым венчиком и конически сужающимся ко дну туловом (с эсовидным профилем), орнаментированные одинарной волной под венчиком. Третью группу составляют биконические сосуды с простым слегка отогнутым наружу венчиком, украшенные выше ребра валиками (2 экз.). Наконец, IV группа состоит из сосудов с изломом, отделяющим венчик от тулова.

Славянская принадлежность керамики не вызывает сомнений. Эта керамика находит себе аналогии в ряде славянских памятников — таких, как силезские городища, городища Торнов, Форберг и др. (Южный Бранденбург, Верхняя и Нижняя Лужицы).

Однако этого нельзя сказать о металле, прежде всего, фибулах обычного римско-провинциального типа. Обращает внимание, что на сравнительно небольшой площади здесь было встречено 5 поделок из металла, которые на раннеславянских поселениях единичны или вовсе отсутствуют. Скорее всего, фибулы происходят из слоя IV—V вв., который здесь был полностью уничтожен. Об этом же говорят обломки гончарной серой керамики, встреченные на городище, а также в его окрестностях.

К несомненно раннеславянским памятникам в Великопольше принадлежит Полановице. Там была раскопана всего одна полуземлянка и встречена керамика пражского типа. В Лубиче и Крушвице 9 и 17 наряду с керамикой пражского типа имеется более профилированная, иногда с изломом тулова в верхней трети, изготовленная на ручном круге (IX—X вв.).

На селище в Котове раскопана одна четырехугольная полуземлянка размером 3,1×1,3—1,5 *м*, в северо-западной части которой находился очаг, сложенный из мелких камней. По краям углубления прослежены небольшие столбовые ямки. Керамика из жилища — лепная, слабо профилированная. Она имеет аналогии среди керамики поселения Бониково. Полуземлянка в Котове датирована серединой I тысячелетия (фазой А по В. Генселю).

Уйсьце находится на границе Великопольши с Поморьем, на р. Нотец. В нижних слоях этого селища (слои IV—V), по Л. Лециевичу VII—X вв., обнаружены две полуземлянки с каменными очагами и остатки четырех срубных или бревенчатых жилищ. Избы были рублены в обло. Между бревнами была прокладка из мха. Под нижним венцом, в углах, находились сосновые плахи-подставки. Пол был земляным. Добытая керамика — преимущественно реберчатая, изготовленная на ручном гончарном круге. Ребро излома — острое или несколько скругленное, как правило, приходится на верхнюю половину тулова. Орнамент всегда располагается над ребром. Это многорядная волна, заключенная между горизонтальными бороздками, косые отпечатки гребенки и т. д.

Датировка пятого слоя VII в. основана на шпоре с крючковато загнутыми внутрь зацепами (по Я. Жаки III группа, вариант В). Однако, как уже отмечалось, хронология раннесредневековых шпор разработана пока недостаточно.

В Поморье славянские памятники ранее VIII в. почти неизвестны. Аналогом селища Уйсьце по керамике является селище Колобжег [111], городища Кенджыно [112], Голаньтшы [113], Барды [114], основные слои которых относятся к VIII—X вв.

В заключение обзора польской литературы остановимся на одной из последних работ И. Костшевского, в которой автор вновь возвращается к вопросу о генезисе раннесредневековой культуры в Польше [115]. Его позиции в этом вопросе не изменились.

---

[111] L. Leciejewicz, W. Łosinski. Badania archeologiczne w Kolobrzegu w 1958. «Sprawozdania archeologiczne» VI. 1960, стр. 47.

[112] A. Urbańska. Sprowozdanie z badan wykopaliskowych ... стр. 154—161.

[113] W. Łosinski. Badania wykopaliskowe Stacji Archeologicznej Kolobrzeg JHKM PAN w 1961 roku. «Sprawozdania archeologiczne», XV, 1963, стр. 177—184.

[114] W. Łosiński. Sprawozdanie z badan archeologicznych ekspedycji wykopaliskowej JHKM PAN w Swielubiu i Bardach. pow. Kolobrzeg, w 1962 roku. «Sprawozdania archeologiczne», XVI, 1964, стр. 153—169.

[115] J. Kostrzewski. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1965.

Свой основной тезис — то, что славяне на территории Польши автохтонны, И. Косшевский подкрепляет здесь сравнительным анализом керамики, жилищ погребального обряда римско-провинциальной (пшеворской) и раннесредневековой культур. Эти культуры отделены друг от друга самое малое двумя веками и поэтому их сопоставление мало в чем может убедить. Существенны и отличия между ними. Они особенно заметны в керамике и погребальном обряде.

Вопрос об этнической принадлежности пшеворской культуры является спорным. В этой культуре хорошо выражены германские элементы. Возможно, она и не может быть отождествлена только с германцами, но что именно в этой культуре можно связать со славянами, пока не выяснено, и это также не позволяет безоговорочно согласиться с мнением И. Косшевского.

Подводя итоги тому, что уже сделано при изучении раннеславянской культуры Средней Европы и нашло отражение в литературе, можно констатировать, что на территории Чехословакии, Южной Польши, Восточной Германии эта культура отличается значительным единообразием (повсеместно один тип жилища, один погребальный обряд, однотипная керамика) и имеет лишь незначительные местные отличия. Своеобразие имеют славянские древности на севере Польши и Германии, но они отвечают несколько более позднему времени, чем лесостепные памятники.

Наиболее ранние достоверно славянские памятники — это бескурганные могильники с трупосожжением и открытые поселения с углубленными жилищами, в одном из углов которых, чаще всего северо-восточном, размещалась печь-каменка. Памятники эти датируются главным образом по типологии керамики — лепной, слабо расчлененной, неорнаментированной — второй половиной VI—VII в.

С. А. Созина. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. М. 1969. Институт Латинской Америки АН СССР, тираж 500 экз.

Монография С. А. Созиной — первая в советской, да, пожалуй, и в зарубежной историографии, обобщающая работа о социально-экономических институтах муисков Колумбии в доиспанский период. В научный оборот вводится совершенно новая для нашего читателя, крайне интересная и оригинальная культура древней Америки, во всем ее многообразии, сложности и противоречивости. А это очень важно именно в данный момент, поскольку древнеамериканские материалы призваны сыграть далеко не последнюю роль в решении ряда крупнейших теоретических проблем древней истории человечества. Написанная хорошим литературным языком, книга С. А. Созиной отличается похвальной четкостью структуры и последовательностью изложения, следуя в данном случае традициям многих советских исторических исследований, посвященных характеристике древних цивилизаций и культур [1].

В структурном отношении рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении, озаглавленном «Вторжение в „Долину Замков"», дается краткий очерк завоевания территории муисков испанцами. Написанный живо и интересно, в хорошем популярном стиле, он как бы подготавливает читателя к последующему восприятию сложного материала исторических источников. Здесь вызывает лишь возражение тезис автора о том, что у ацтеков культ солнца воплощался в Кецалькоатле (стр. 19). Хорошо известно, что последний считался в пантеоне древних мексиканцев богом ветра, а также покровителем культуры, науки и искусства [2]. Мне кажется явно преувеличенной и та роль, которую сыграла в Конкисте легенда об отождествлении индейцами конкистадоров с «сынами солнца» (стр. 19). Хотя эта версия имеет широкое хождение в зарубежной и отечественной литературе, не исключено, что сама легенда была во многом инспирирована католическими монахами для ускорения христианизации индейцев. Если все индейские народы восприняли Э. Кортеса, Ф. Писарро, Х. Кесаду и других конкистадоров как «сыновей солнца», то почему же тогда юкатанские майя, у которых был весьма популярен бог Кецалькоатль и существовало поклонение солнцу, с первой же встречи оказали испанцам весьма ожесточенное сопротивление. Как известно, майя боролись с чужеземцами свыше двадцати лет. Видимо, быстрая гибель индейских государств объясняется совсем иными причинами — особенностями социально-политической структуры, общей исторической обстановкой, не говоря уже о громадной разнице в вооружении и военной тактике обоих враждующих лагерей.

Первая глава — историографическая — посвящена характеристике важнейших письменных источников, исторических и этнографических исследований XIX—XX вв. и археологических работ. Автор весьма удачно осуществляет критический анализ испанских хроник, выясняя в каждом конкретном случае их достоверность и пригодность для исторических построений. Нельзя не согласиться и с авторской оценкой

---

[1] В этом плане монография о муисках очень напоминает мне недавно вышедшую и весьма интересную работу: Н. Б. Кочакова. Города-государства йорубов. М., 1968.

[2] A. Caso. El Pueblo del Sol. México, 1953, стр. 37—41.

весьма распространенной на Западе со времен У. Прескотта точки зрения о некоем романтическом, «рыцарском» характере Конкисты и наделении ее исполнителей эпитетом «благородных странствующих рыцарей» (стр. 38). С. А. Созина вполне справедливо подвергает этот тезис уничтожающей критике. Интересны мысли о «вкладе» испанской средневековой цензуры в историографию Конкисты: урезывание, «исправление» и запрет на публикации целого ряда неугодных королю и церкви хроник (стр. 22). Весьма отрадно, что в историографический отдел монографии включен также очерк об археологическом изучении культуры муисков. Автор кратко излагает итоги важнейших исследований по археологии Колумбии, справедливо отмечая крайнюю их недостаточность для освещения сколько-нибудь широких проблем. Тем не менее, на мой взгляд, даже принимая во внимание вышесказанное, археологические источники, в отличие от данных хроник, использованы автором далеко не полностью. Мне кажется, что археологические материалы призваны сыграть решающую роль в освещении по меньшей мере трех важнейших проблем культуры муисков: ее происхождение, проблема города (наличие его или отсутствие) и проблема социального и имущественного расслоения по данным могильников.

Что касается первой проблемы, то автор предпочел сослаться на гипотезу Переса де Баррадоса, В. Крикеберга и В. Лемана о приходе предков муисков из Центральной Америки в результате сложного перемещения с севера на юг целой группы народов и племен: в VI в.— ольмеков и в XII в.— ацтеков (стр. 45). Сам факт неоднократных переселений и передвижений больших этнических массивов на территории Америки, в том числе и в Мезоамерике, давно доказан и не вызывает особых сомнений. Однако тезис о приходе предков муисков в Колумбию из Центральной Америки без дополнительной археологической аргументации выглядит крайне неубедительно. Нельзя принимать на веру и высказывание о якобы имевшем в VI в. переселении ольмеков, вызвавшем цепную реакцию войн и передвижений племен Центральной Америки в южном направлении. Ольмеки сами по себе одна из крупнейших загадок американской археологии; многое еще остается неясным относительно их происхождения, основных этапов развития, хронологии и т. д. Тем не менее в настоящее время общепризнанно, что «исторические ольмеки» испанских и индейских хроник появляются как активные участники мезоамериканской истории не ранее VIII в. В то же время знаменитая археологическая культура Ла Венты, называемая по традиции «ольмекской», переживает свой расцвет в конце I тысячелетия до н. э. — первых веках нашей эры. Таким образом, сама дата VI в. н. э. для подобного переселения представляется маловероятной.

Во второй главе речь идет о хозяйстве муисков: в ней рассматриваются природные условия страны, содержится пространная характеристика земледелия, ремесел и торговли муисков. В целом выводы автора, основанные на обильных фактах, выглядят весьма убедительно. Вряд ли приходится сомневаться, что ключ к пониманию высокого развития местной культуры следует искать в наличии интенсивного ирригационного и террасового земледелия, высокой агротехнике и успехах селекции.

Однако никак нельзя согласиться с таким, например, утверждением автора: «Отмеченное Ф. Энгельсом на материале народов Старого Света первое крупное общественное разделение труда — т. е. выделение массы скотоводческих племен из среды земледельческих — не имело место в истории муисков. В древней Америке мы наблюдаем своеобразный путь. Здесь расширение сферы производительной деятельности произошло за счет отделения ремесла от земледелия» (стр. 66). На мой взгляд, первому общественному разделению труда по Ф. Энгельсу в истории Нового Света соответствует выделение земледельческих племен из массы охотников, рыболовов и собирателей и появление, тем самым, центров с производящей экономикой [3]. Но дело даже не в этом. С. А. Созина ссылается на высокий уровень развития ремесла среди ювелиров и гончаров муисков (стр. 66—74). Однако хорошо известно, что ювелиры-ремесленники обслуживали главным образом нужды двора и культа, и в товарном производстве их продукция занимает весьма скромное место. Что же касается гончаров, то сам автор за недостатком фактов вынуждена была признать: «К сожалению, трудно сказать, превратилось ли гончарное производство у муисков в профессию, выделились ли гончары-муиски из среды общинников...» (стр. 74). Таким образом, тезис об отделении ремесла от земледелия в обществе муисков выглядит явно преждевременным. Более того, для древней Америки в целом, так же как и для большинства раннеклассовых обществ Ближнего Востока и Африки, было как раз характерно соединение ремесла и земледелия в рамках сельской общины и притом в течение весьма длительного времени уже после появления государства [4].

Третья глава — «Социальный строй и зарождение государственности» — наиболее крупный и важный по содержанию раздел рецензируемой монографии. Автору в целом удалось правильно оценить уровень социально-политического развития общества муисков и сопоставить его с соответствующими социальными структурами из других

[3] В. И. Гуляев. Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики. СЭ, 1966, 1.

[4] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, 1, М., 1968, стр. 463, 464.

областей Америки и Старого Света. Можно полностью присоединиться к следующему выводу С. А. Созиной, как бы подводящему общий итог ее исследованию: «В середине XVI в. муиски переживали переходную стадию развития, находясь между первобытнообщинными и классовыми формами общественных отношений» (стр. 91). Не вызывает возражений и высказывание о том, что общество муисков «стояло на пороге цивилизации» (стр. 89). Но автор вдруг проявляет странную непоследовательность и уже несколькими строками ниже уверяет читателя в том, что «цивилизация (разрядка моя — *В. Г.*) муисков не частный случай в древнеамериканской истории, а типичный для Нового Света образец раннеклассовой государственности (разрядка моя — *В. Г.*), формировавшейся в специфических исторических условиях» (стр. 91). Развивая дальше это положение, С. А. Созина со всей категоричностью подчеркивает, что «территориально-политические объединения» муисков можно определить «как примитивные государства», «варварские государственные объединения» (стр. 92). В качестве наиболее близкой параллели обществу муисков автор называет варварские королевства древних германцев, исследованные А. И. Неусыхиным (стр. 142) [5]. Последний, в частности, пишет: «Варварское королевство раннего периода — еще не государство в смысле наличия в таком королевстве аппарата политического господства одного класса над другим, что объясняется отсутствием резко выраженного социального государства, какого-либо класса внутри такого королевства» [6]. На мой взгляд, такие термины, как «варварское государство», «варварское королевство», только запутывают суть вопроса. По-видимому, именно наличие такой путаницы в нашей литературе, при сложности и трудности самой проблемы становления ранних этапов государственности, и привело автора рецензируемой монографии к ряду непоследовательных высказываний. Необходимо крайне бережно относиться к таким основополагающим понятиям, как «цивилизация» и «государство». По всей совокупности имеющихся сейчас данных можно говорить о том, что муиски находились на пороге цивилизации накануне сложения государственности, что, как было показано выше, признает, кстати, и автор монографии. Между тем за последнее время и в популярной и специальной литературе зачастую термин «цивилизация» прилагается чуть ли не к любой древней культуре, начиная со времен неолита (напомню знаменитую полемику Г. Чайлда со сторонниками существования города и цивилизации в неолитическом Иерихоне). Возможно, такое употребление данного термина в сугубо популярных журнальных статьях и в книгах и допустимо, но автору специальной монографии следует помнить, что Л. Морган и Ф. Энгельс [7] (а позднее и Г. Чайлд) [8] понимали под цивилизацией культуру классового общества со сложившимся государством. Важнейшие признаки цивилизации — наличие городов и письменности — сохранили все свое значение до сих пор. Между тем, как признает сам автор (стр. 50—51), у муисков не было ни городов, ни письменности, хотя какие-то тенденции к формированию и того и другого уже намечались. Отсюда следует, что культура муисков соответствует протогородскому уровню развития, как его определяет, например, В. М. Массон [9] или же протоклассическому периоду в схеме развития древних культур Мезоамерики. Тот факт, что муиски по своему социально-экономическому уровню стояли на ступень ниже, чем майя, ацтеки и инки, отнюдь не снижает общей важной роли этой культуры в истории доколумбовой Америки. Известно, что наиболее трудным и плохо изученным периодом до сих пор остается период перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому. И безусловная заслуга автора состоит в том, что она представила своего рода эталон, модель для изучения этого сложного переломного момента в истории народов Америки — культуру муисков. Более того, материалы по муискам имеют немаловажное значение и для решения многих общих проблем древних обществ Старого Света. У всех, безусловно, свежи в памяти оживленные дискуссии по «азиатскому» способу производства, прошедшие в 60-х годах в ряде гуманитарных институтов АН СССР. Несмотря на богатство новых исторических фактов и оригинальные суждения, прийти к единству взглядов о характере древнейших государственных образований Азии и Африки не удалось, хотя дискуссии эти и принесли несомненную пользу. Причем одной из причин отсутствия согласованного решения справедливо считают недостаток сравнительного материала из других регионов древнего мира и, в частности, из Америки. Следует со всей прямотой сказать, что решить архисложную проблему «азиатского» способа производства только на американских материалах тоже невозможно: по степени археологической изученности и освещению письменными источниками доколумбовы культуры Нового Света во многом уступают еще Древнему Востоку. Однако известную помощь в данном вопросе американские источники могут и должны ока-

---

[5] А. И. Неусыхин. Переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. ВИ, 1967, 1.

[6] Там же, стр. 81.

[7] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 156—178.

[8] Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 29—32.

[9] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 165—190; кстати, этот автор тоже неправильно употребляет здесь термин «цивилизация».

зать. Только совместные усилия большой армии ученых-специалистов по самым различным регионам древнего мира могут привести к успешному решению поставленной задачи. Вот почему каждая работа, посвященная анализу какой-либо конкретной культуры или цивилизации, имеет, помимо всего прочего, и большое теоретическое значение. Это своего рода весомый слиток чистого металла фактов, очищенный от лишних примесей и накипи. Именно с такой точки зрения и следует оценивать новую монографию С. А. Созиной, представляющую несомненный вклад в советскую американистику [10].

В. И. Гуляев

[10] Я сознательно опускаю здесь разбор четвертой главы монографии С. А. Созиной о религии муисков, поскольку целиком согласен с основными выводами автора. Главные же итоги исследования, содержащиеся в заключении, разбирались мной при анализе соответствующих глав.

А. В. Цыркин. Русско-мордовские отношения в X — XIV вв. Саранск, 1968. 112 стр., илл., тир. 1500 экз.

Тема русско-мордовских отношений, несмотря на свою «традиционность» в русской и советской историографии, не нашла еще полного и всестороннего освещения.

Рецензируемая книга написана в основном на археологическом материале. Широко привлечены данные письменных источников, а также этнографии. Взаимоотношения Руси и мордовских племен рассматриваются на фоне исторических событий всей Восточной Европы X—XIV вв.

Во «Введении» автор дает довольно полный очерк археологического изучения памятников мордовских племен. Затем последовательно рассматриваются хозяйство и общественный строй мордвы X—XIV вв. (глава I), русско-мордовские политические (глава II) и экономические (глава III) отношения, культурные связи (глава IV). В этих главах излагается и концепция автора о славянской колонизации мордовских земель. Глава V посвящена мордовскому элементу в культуре восточных славян. Здесь в качестве особого сюжета рассматривается вопрос о происхождении сохи. К книге приложен список основной литературы по теме и объяснение некоторых терминов и географических названий, встречающихся в тексте. В структуре книги вызывают возражения лишь разные хронологические рамки отдельных глав и разделов (X—XIV, VII—XIV, X—XVII вв.) и название главы III «Русско-мордовские взаимоотношения в VII—XIV вв.»: вряд ли для периода VII—VIII вв. можно говорить о р у с с к о - мордовских отношениях.

Казалось бы, что русско-мордовские связи в книге будут рассмотрены достаточно полно и широко на основании данных различных источников, а сама книга явится новым вкладом в изучение проблемы взаимоотношений Руси с неславянскими народами Восточной Европы. Однако эти надежды не оправдываются, и по прочтении книги остается чувство неудовлетворенности и даже раздражения. Причина этого в серьезных методических упущениях автора, в поверхностном, а подчас и недобросовестном отношении к исследуемому материалу, в многочисленных фактических ошибках и противоречиях.

Рассматривая экономические связи славянских племен и Руси с мордвой, автор отнес к славянским древностям предметы с эмалью (стр. 50, 56), крестообразные и антропоморфные фибулы (стр. 56), славянское производство которых весьма проблематично. Он также считает славянскими усатые перстни (стр. 51 и др.), типичные для финно-угров, от которых эти украшения проникли и в славянскую среду [1]. К числу вещей, характеризующих русский экспорт в мордовские земли, отнесены сердоликовые бусы как бипирамидальные, так и иных форм (стр. 56 и др.). Между тем хорошо известно, что эти бусы являлись предметами восточного импорта [2]. Бесспорно русскими автор считает фактически все типы стеклянных бус и бус с золотой прокладкой (стр. 63—64). Однако известно, что лишь часть их была предметом русского производства, другие же — импортные с востока [3], о чем свидетельствуют результаты анализа стеклянной массы, из которых изготовлялись эти бусы. Никак не могли быть изготовлены на Руси фарфоровые бусы, найденные в Гагинском могильнике (стр. 68): изготовление фарфора в XIV в. на Руси не было известно. Без какого-либо обоснования русскими изделиями объявляются пружинные ножницы из Кельгининского могильника (стр. 60), костяные гребни (стр. 56) и другие вещи. Весьма сомнительно и, во всяком случае, не обосновано автором русское производство витых браслетов, столь часто встречающихся в мордовских могильниках как

[1] Н. Г. Недошивина. Перстни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 3. Тр. ГИМ, 43. М., 1967, стр. 258.

[2] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 2. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 152—155.

[3] Там же, стр. 168—172.

раннего, так и позднего средневековья (стр. 64—65, 67 и др.). Все это не может не создавать искаженного представления о характере и масштабах экономических связей Руси с мордовскими племенами. Следует заметить, что автор обычно не дает ясной типологической характеристики предметов, категории которых часто распадаются на ряд разновидностей. Этим же страдают и другие его работы по рассматриваемой проблематике.

Одним из основных положений рецензируемой книги является тезис о славянской колонизации мордовских земель, о переселении сюда весьма значительных групп славянского, а затем — русского населения. Этот тезис распространяется не только на рязанское течение Оки, где мы действительно имеем многочисленные археологические свидетельства славянской колонизации, сопровождаемой вытеснением и ассимиляцией местного населения (которое в книге то рассматривается как родственное мордве, то безоговорочно причисляется к мордве-эрзе), но и на всю занятую мордвой территорию. Первую «волну славянских поселенцев» автор усматривает уже в IV—VI вв. (а если судить по таблице на стр. 79, то во II—IV вв.). Он считает, что со временем приток славян в мордовские земли увеличивается, достигая максимума в XII—XIII вв., которые «прошли под знаком активной славянской колонизации мордовских земель» (стр. 47). В подтверждение этого тезиса приводятся следующие соображения: 1) проникновение славянских и русских вещей на территорию мордвы, которые, по мнению автора, «проникали вместе с людьми» (стр. 53); 2) появление и распространение в мордовских могильниках обряда трупосожжения; 3) наличие в мордовских могильниках трупоположений с западной, северо-западной и юго-западной ориентировкой.

Бесспорно, что в мордовских могильниках X — XIV вв. и даже более раннего времени встречаются вещи славянского и русского происхождения. Однако их не так много, как это представляется автору, и все они могли попасть на территорию мордвы исключительно путем торговли, причем не обязательно непосредственной. Что касается керамики, то сосуды, которые с большей или меньшей степенью вероятности можно интерпретировать как славянские или изготовленные по славянским традициям, в мордовских могильниках насчитываются буквально единицами и отнюдь не могут свидетельствовать о массовом переселении славян в земли мордвы.

Самые серьезные возражения вызывает доказательство славянской колонизации мордовских земель путем привлечения случаев трупосожжений и трупоположений с западной, юго-западной и северо-западной ориентировкой в мордовских могильниках. Следует заметить, что эти особенности в обряде погребения рассматриваются автором сначала как русское влияние на погребальный обряд мордвы (стр. 75, 76, 78), а затем — как определенный признак для выделения славянских и русских погребений в мордовских могильниках (стр. 77, 78, 80). Анализируя сводную таблицу захоронений в мордовских памятниках IV—XIV вв. (стр. 79), автор прямо пишет: «Из 898 исследованных погребений (речь идет о погребениях в 9 мордовских могильниках XI—XIV вв.— *В. З., Ю. К.)* 127 имеют западную ориентировку, что составляет 14% от общего числа могил. Известно, что число славянских погребений в могильниках VIII—X вв.... составляло 16—17%. Сравнивая эти данные с числом русских погребений в более поздних памятниках, сам по себе напрашивается вывод, что приток русских колонистов в мордовские края сохранился на том же уровне, что и в VIII—X вв.» (стр. 80. Разрядка наша). Итак, в VIII—XIV вв. среди мордовского населения жили от 14 до 17% русских (или славянских) колонистов! Но это еще не много. А. В. Циркин сообщает, что в могильниках муромы X в. «доля славянских могил составляла уже 75%» (стр. 61).

А. В. Циркин как будто согласен с общепринятым положением, что сам факт трупосожжения не говорит об этнической принадлежности погребенного, что для решения этого вопроса необходим анализ деталей погребального обряда и комплекса вещей (стр. 76). Однако это остается только декларацией. Такого анализа мы не найдем ни в рецензируемой работе, ни в других работах автора, посвященных русско-мордовским взаимоотношениям. Без всяких попыток как-то проанализировать особенности мордовских трупосожжений и вещевого материала при них он огульно зачисляет все случаи трупосожжений в разряд славянских погребений или в число захоронений, произведенных под влиянием славянской погребальной обрядности (выбор той или иной точки зрения, вероятно, предоставляется читателю: сам автор поочередно настаивает на них обеих). А. В. Циркина не смущает тот факт, что трупосожжения в мордовских могильниках появляются уже в то время, для которого о погребальном обряде у славян вообще нет единого мнения среди археологов. Он делает вид, что ему не известна иная и достаточно хорошо обоснованная точка зрения о появлении обряда кремации в рязано-окских могильниках[4]. В возможности самостоятельного зарождения обряда трупосожжения у финно-угров вообще и у мордвы в частности автор не хочет и думать.

Не убеждают и многочисленные ссылки на работы, вышедшие в начале 50-х

---

[4] В. В. Седов. Рязано-окские могильники. СА, 1966, 4.

годов [5]. Ведь археология не стоит на месте, накапливаются новые данные, в связи с этим меняются точки зрения, совершенствуются методы исследования. Кроме того, ни один из цитируемых им авторов не пытался причислить все случаи трупосожжений в мордовских могильниках славянам. В этом плане делались лишь осторожные предположения.

Без тщательного анализа всех особенностей обряда трупосожжения у мордвы, всех комплексов вещей, встреченных вместе с кремациями, без широкого сопоставления этих данных со случаями трупосожжений у других народов Восточной Европы, в том числе и финно-угорских, точка зрения автора по рассматриваемому вопросу звучит совершенно неубедительно.

Еще менее убедителен тезис автора о славянской принадлежности захоронений с западной, северо-западной и юго-западной ориентировкой, встреченных в мордовских могильниках. Следуя своему «методу», А. В. Циркин причисляет все погребения с такой ориентировкой к славянским или возникшим под славянским влиянием, независимо от того, относятся ли они ко II—IV или XIV вв. (см. табл. на стр. 79). Его не смущает тот факт, что трупоположения с западной ориентировкой у мордвы встречаются на несколько веков раньше, чем у славян. Конечно, никакого анализа сопутствующего материалам не делается. В результате из уже упомянутой таблицы явствует, что в Селиксенском могильнике II—IV вв., не учитывая 34 «неопределенных» захоронений, 70 оказываются совершенными по мордовскому обряду, а 39, или около 40%, связываются «с русским» (!) обрядом погребения. Абсурдность этого положения не требует доказательств.

Впрочем, даже если полностью принять все положения автора, из них не будет вытекать вывод о нарастании темпов «переселения славян» в мордовские земли и о максимуме колонизации в XII—XIII вв. (стр. 47). Из той же таблицы явствует, что для II—X вв. А. В. Циркин связывает со славянами 24,3% всех погребений в мордовских могильниках, а для XI—XIV вв.— только 15,2%. О наиболее же интенсивном «переселении славян» будет свидетельствовать все тот же Селиксенский могильник II—IV вв.

Совершенно ясно, что вся теория автора о славянской колонизации мордовских земель оказывается построенной на неприемлемых посылках и в таком виде не может быть принята.

Неубедительными и в значительной степени непонятными представляются соображения автора о влиянии русского домостроительства на жилища мордвы, подтверждаемые причудливым сочетанием свидетельств Ибн-Русте, отрывочных и плохо поданных археологических данных и этнографических наблюдений XIX—XX вв. (стр. 81—85).

В главе IV автор рассматривает вопрос о влиянии мордовской культуры на культуру восточных славян. Здесь по археологическому материалу он пытается проследить проникновение мордовских вещей в различные районы древней Руси. Метод для выделения мордовских вещей у А. В. Циркина достаточно прост: если та или иная вещь (или просто похожая на нее) встречается в мордовских памятниках, то значит она «типична для мордвы», значит ее находки на Смоленщине, под Псковом, Великими Луками или на Черниговщине есть результат торговли мордовских «купцов», показатель влияния мордовской культуры на культуру древнерусских племен. Мордовским влиянием на культуру восточных славян объявляются «серебряная пряжка с язычком, напоминающая мордовские сюльгамы наиболее простого типа» из быв. Черниговской губернии (стр. 91), кольцевые застежки-фибулы различных типов, сделанные из бронзы и железа (стр. 97, 98), трапециевидные привески, найденные в различных районах Восточной Европы, которые сравниваются с мордовскими только на основании их формы (стр. 91, 92, 96, 97), спиральные перстни (стр. 92), широкие пластинчатые гривны с привесками (стр. 92, 94) и др. Большинство украшений из кург. у с. Цурковка (у автора везде — Цуровка) и некоторые — из кург. у с. Акатово на Смоленщине, раскопанного Е. А. Шмидтом, также объявляются мордовскими (стр. 96 и рис. 13, *4*). Не будем утомлять читателя опровержением этих положений. Заметим лишь, что если не все, то подавляющее большинство предметов, перечисленных в разделе о проникновении мордовских вещей в славянские земли, не могут считаться мордовскими. Часть из них — общефинноугорские украшения, изготовленные мерянскими или муромскими мастерами, часть может быть связана с весью или другими финскими народами Восточной Европы. Другие — балтские по происхождению или принадлежат к типам, не имеющим этнических границ. Только предвзятым отношением к материалу можно объяснить привлечение всех этих вещей для характеристики «мордовского элемента в культуре восточных славян».

В этой же главе автор развивает совершенно неприемлемую гипотезу о происхождении сохи. Он считает, что это пахотное орудие возникло «у финно-угорских

---

[5] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья МИА, 28, 1952; А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953; его же. Рязанская земля, М., 1961.

народов в условиях плотных задернованных почв», что «славяне, равно как и другие народы, двузубой сохи, вероятно, не знали», что русские, придя на земли Волго-Окского междуречья, позаимствовали соху у местного финно-угорского населения, очевидно,— и у мордвы (стр. 102). Здесь же высказывается мысль, что само русское название «соха» произошло, очевидно, из мокшанского «сока» — термина, служащего для обозначения двузубой сохи.

Археологические находки сошников, наиболее ранние изображения сох на миниатюрах, этнографические данные убедительно свидетельствуют о том, что древнейшим типом сохи были так называемые коловые сохи, совершенно не приспособленные для работы на «плотных задернованных почвах», но удобные для работы на подсеках и маломощных лесных землях. Ныне это известно всем, кто хотя бы поверхностно знаком с литературой по истории пахотных орудий. Ф. Теплоухов, на которого ссылается автор в подтверждение своей гипотезы, говорил о «чудском» происхождении не сох вообще, а одной из их разновидностей, причем разновидности весьма поздней — о курашимке, наконечники которой отдаленно напоминают некоторые недатированные наральники, найденные в быв. Пермской губернии. Автор приписывает мнение о финно-угорском происхождении сохи Д. Зеленину и даже ссылается на него (стр. 102). Но это совершенно не верно. Д. Зеленин всегда резко возражал против этой точки зрения и прямо говорил о великорусском происхождении сохи [6], что находит прямое подтверждение в свете новых данных, в том числе археологических. Приведенная на стр. 102 работы А. В. Циркина цитата из книги Д. Зеленина «Русская соха, ее история и виды», «обрезанная» с двух сторон, взята как раз из возражений Д. Зеленина Ф. Теплоухову по поводу «чудского» происхождения сохи! Приходится только удивляться, как автор «не заметил» этого, а также сказанные несколькими строками ниже слова: «Теперь финны пашут большей частью двуральной сохой, которую, бесспорно, они позаимствовали от русских» [7]. Впрочем, начало этой фразы А. В. Циркин также приводит, но без кавычек. Все это можно объяснить только недобросовестным отношением автора к использованным и цитированным работам. «Некоторые сведения из мокша-мордовской филологии», приводимые А. В. Циркиным, доказывают лишь, что мокшанское название сохи «сока» заимствовано из русского языка (стр. 102). Кстати, следует указать еще на несколько несообразностей в книге, относящихся к истории сельского хозяйства. По мнению А. В. Циркина, слово «рало» было заимствовано славянами от римлян (стр. 101), плужные ножи или чересла служили для «разрыхления земли», а не для вертикального отрезания пласта земли при плужной вспашке (стр. 18), что полба (двузернянка, эммер), один из древнейших злаков, «в другие районы» (очевидно, Восточной Европы) была завезена из Среднего Поволжья (стр. 18) и др. Автор пишет, что конопля у мордвы называется «кенаф» и название это было заимствовано мордвой у русских (стр. 101). Между тем, по данным словарей, у мокши конопля называется «каньф» [8], а у эрзи — «кансть» [9]. Кенафом же, одинаково по-русски и по-эрзянски, называется лубяное растение из семейства мальвовых. Факт находок на каком-либо древнем поселении зерен культурных растений сам по себе еще не доказывает наличия пашенного земледелия, как пишет автор на стр. 16.

Нельзя пройти мимо фактов вольного обращения автора с используемой им литературой. О том, как А. В. Циркин «препарировал» слова Д. Зеленина, приписав ему точку зрения, против которой он всегда выступал, мы уже говорили. Приведем еще несколько примеров. На стр. 94 автор, характеризуя нагрудное украшение из цепочек с подвешенными к ним привесками в виде «гусиных лапок» из Гнездовского могильника, которое он считает мордовским, приводит в подтверждение своего мнения слова В. И. Сизова в следующей редакции: «Подобные украшения употребляются до сих пор у мордвы и носят названия сюльгамы». На самом деле на той странице, на которую ссылается А. В. Циркин, у В. И. Сизова мы читаем: «Подобного рода украшения встречаются нередко в Лядинском и Михайловском могильниках, в Тамбовской губернии и некоторых других местах, населенных финскими племенами» [10]. Смысл искажения цитаты ясен: речь идет о мордовских элементах в культуре восточных славян, и автору во что бы то ни стало хотелось сделать рассматриваемое украшение (которое никак не является сюльгамой) мордовским, а не вообще финно-угорским.

Очевидно, с той же целью искажена цитата из работы В. В. Гольмстен на стр. 51. Вместо «...в финских могильниках», как сказано у В. В. Гольмстен [11], автор пишет «...в мордовских могильниках».

---

[6] Д. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 108—110, 121 сл.

[7] Там же, стр. 110.

[8] Русско-мокшанский словарь. М., 1951, стр. 222.

[9] Эрзяно-русский словарь. М., 1949, стр. 89.

[10] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 81 (год издания в рецензируемой работе указан не точно).

[11] В. В. Гольмстен. Лунницы императорского российского исторического музея. М., 1914, стр. 16 (страница в рецензируемой работе указана не верно).

Реконструкция обряда погребений с кремацией в Крюково-Кужновском могильнике на стр. 77 почти дословно взята из работы К. А. Смирнова «Русский элемент в культуре мордвы» [12], однако ссылку на эту работу дать автор не считает нужным.

На стр. 78 А. В. Циркин указывает, что погребения Старосотенского могильника, ориентированные головой к западу (и в большинстве — лицом к югу), не имевшие сопровождающего инвентаря, могли «принадлежать русским, жившим особой колонией». При этом он ссылается на публикацию А. Е. Алиховой, хотя она, как известно, в осторожной форме высказывала предположение об этих погребениях как о совершенных по мусульманскому обряду. Никакой оговорки по этому поводу автор не делает. Многочисленность подобных примеров говорит сама за себя.

Неоднократно автор, анализируя письменные источники, делает выводы, отнюдь не следующие из материала. В качестве примера можно привести интерпретацию сообщений летописи о Пургасе и Пуреше. Автор утверждает, что в 1228 г. «Пуреш попросил помощи у Юрия, и совместными усилиями они разбивали войска мордовского князя Пургаса и болгарского князя», что «владимиро-суздальские князья давали ему (Пурешу — *В. З.*, *Ю. К.*) льготы, снабжали его оружием и войском». Победу Пурешева сына над Пургасом он приурочивает к моменту возвращения пургасовой мордвы после неудачного похода на Нижний Новгород (стр. 40). Предполагаемая борьба между Пургасом и Пурешем интерпретируется как борьба за объединение в с е й мордвы под властью одного из этих князей (стр. 22). Территория, подвластная Пургасу и Пурешу, определяется автором точно, без всяких оговорок, как вполне ясная. Пуреш называется мокшанским князем, Пургас — эрзянским, им оказывается подвластной в с я мокша и в с я эрзя (стр. 21—22, 40). Возникновение терминов «инязор» и «оцязор» («большой хозяин», «князь») без какой-либо аргументации и в то же время без тени сомнений относится к XIII в. (стр. 20). Многие другие нерешенные или дискуссионные вопросы преподносятся А. В. Циркиным как бесспорно ясные. Так, «Арта» арабских источников без всяких оговорок (и, конечно, доказательств) отождествляется с мордвой-эрзей (стр 14, 91).

Многое в книге вызывает недоумение. Так, на стр. 7, касаясь расселения мордовских племен в древности, автор пишет: «Особо выделяются могильники рязанского течения Оки, которые принадлежали р о д с т в е н н о м у (разрядка — *В. З.*, *Ю. К.*) мордве населению». Но уже несколькими строками ниже они характеризуются как мордовские. Та же линия проводится и далее (стр. 56, 74 и др.). На стр. 53 горшок из погр. 507 Крюково-Кужновского могильника называется славянским, на следующей странице — местным, т. е. мордовским. На стр. 58 говорится, что «вопрос о месте изготовления сердоликовых бус в археологической литературе не решен». На стр. 67—68 этот вопрос оказывается вполне решенным и даже указываются центры их производства на Руси: Киев, Радомысл, Новгород, Старая Ладога. В табл. на стр. 79 дата Кузьминского и Борковского могильников определяется как IX в., а на стр 109 и 110 — VII в. В обоих случаях дата дана не верно. Подобные примеры можно было бы умножить.

Многие вещи на рисунках сильно искажены, иногда до неузнаваемости. Так, далеко не точно передана форма фибул из Борковского могильника (рис. 6, *3—4*). Совершенно не похожи на оригинал коса-горбуша из Старшего Кужендеевского могильника (рис. 1, *9*), височные привески из Максимовского могильника (рис. 6, *6*), семилопастные кольца из находок на Борковской дюне (рис. 4, *12—22*), семилучевые височные привески и ожерелье с язычковыми подвесками из погр. 507 Крюково-Кужновского могильника (рис. 7, *1—2*, *4*). Особенно не повезло сосуду из этого же погребения: в книге он воспроизводится дважды (рис. 5, *3* и рис. 7, *3*), оба раза поразному, причем без соответствия оригиналу. Серпы типа рис. 1, *8*, вопреки утверждению автора, в Ош-Пандо найдены не были.

Надо заметить, что автор имеет обыкновение давать изображение не конкретной вещи, а некоего обобщенного типа. Поэтому один и тот же рисунок у него часто обозначает предметы, найденные в различных пунктах (например, рис. 1, *8*; 4, *14—18*; 6, *8—13*; 8, *4—6*; 13, *3*, *14*, *17—20*, *23—24*). Такой метод публикации археологического материала нам представляется недопустимым.

Нельзя не отметить низкого качества карт как в отношении полиграфического и художественного исполнения, так и с точки зрения содержания. Так, если судить по карте «Восточная Европа в X в. и область расселения мордвы» (рис. 2, стр. 21), ни сама мордва, ни мурома, ни меря, ни западно-финские племена в число финно-угорских племен не входили. Зато территория расселения Волжских болгар почему-то оказалась обозначенной тем же условным знаком, что и финно-угорские племена. На карте размещения кладов монет на территории древней мордвы обозначена лишь часть этих памятников, известных в настоящее время. Тяжелое впечатление производит карта «Направление культурных связей мордвы со славянами в X—XIV вв.» (рис. 12, стр. 90), где территория расселения мордвы указана далеко не точно, а толстые темные извивающиеся стрелы, обозначающие направление культурных связей, напоминают щупальца осьминога.

Немало в книге и других фактических ошибок и неточностей. Так, автор утвер-

[12] К. А. С м и р н о в. Русский элемент в культуре мордвы. Ульяновск, 1957, стр. 5.

ждает, что Ибн-Хаукаль и Ибн-Русте путешествовали по землям мордвы, причем первый ни много, ни мало, как 21 год (стр. 14, 81). «Шляг» (вспомним слова вятичей, обращенные к Святославу: «Козарам по шлягу от рала даем») называется единицей обложения в древней Руси (стр. 111), известное Мощинское городище помещается «близ Киева» (стр. 77). Автор считает, что вятичи восприняли обряд трупоположения лишь в конце XIII в. (стр. 80). К сожалению, этот печальный список можно было бы увеличить в несколько раз.

Не украшают книгу такие выражения, как «сами поляне... экономически зависели от варягов» (стр. 29), «кривичи не раз сбрасывали древнерусское иго» (стр. 30), «гробы-колодки» (стр. 80) и т. п.

Очень плохо выверен довольно большой научный аппарат книги. Многие ссылки оказываются неверными: раскрывая указанный автором труд на нужной странице, мы часто не находим там соответствующих рисунков, таблиц, фактов (см., например, примеч. 3 на стр. 61, примеч. 1 на стр. 94, примеч. 3 на стр. 66 и мн. др.).

В основной библиографии почему-то нет ни одной работы П. Д. Степанова, одного из крупных советских археологов, много работавшего над проблемами древней истории мордвы. В то же время здесь мы найдем работу Г. Я. Меркушкина «Развитие науки в Мордовии», не имеющую никакого отношения к теме книги.

Все сказанное не позволяет согласиться с той высокой оценкой, которая дана книге в «Предисловии», написанном ответственным редактором ее Г. А. Федоровым-Давыдовым, в частности — с его словами об особой ценности археологической части исследования (стр. 5). Работа, имеющая так много методических и фактических ошибок, основанная на поверхностном изучении материала и во многом искажающая действительное положение вещей, не может считаться удачной. Использование рецензируемой книги в качестве учебного пособия для студентов (книга имеет подзаголовок «Учебное пособие») скорее принесет вред, чем пользу: такое учебное пособие будет неверно ориентировать читателей и научит студентов, как не надо вести научное исследование. В заключение нам хочется привести весьма поучительные для каждого научного работника слова акад. В. А. Энгельгардта о долге ученого: «Его первый долг и обязанность — недоверие к собственным результатам, беспощадная проверка их, поиски возможных путей, которые могли бы их опровергнуть. Верхоглядству, легковерию, предвзятым мнениям нет места в научном творчестве».

В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов

Хроника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

С 7 по 9 ноября 1969 г. в чехословацком городе Брно проходил II Международный симпозиум по моравской нумизматике. Организаторами симпозиума являлись Нумизматическая комиссия при Институте истории Чешской Академии наук, Нумизматическое отделение Моравского музея и Брненское отделение Чехословацкого нумизматического общества. Проведение подобных симпозиумов у моравских нумизматов становится традицией. Первый симпозиум состоялся в городе Брно в 1964 г. [1].

Почему именно Моравия стала объектом столь пристального внимания чехословацких нумизматов? Дело в том, что Моравия в течение многих столетий чеканила свою собственную монету, что вместе с характерными чертами денежного обращения создало на территории государства самостоятельную, отличную от других денежную область. С другой стороны, монеты во многих случаях являются основным источником при исследовании экономической, а иногда и политической и культурной истории Моравии.

Поэтому во время первого симпозиума было решено в дальнейшем проводить симпозиумы, посвященные отдельным вопросам монетного дела и денежного обращения, чтобы таким образом была постепенно изучена вся история денежного хозяйства Моравии.

На симпозиуме 1969 г. объектом тщательного изучения стал XIII век. Выбор этого хронологического периода не случаен. Он объясняется, главным образом, тем обстоятельством, что моравская чеканка XIII в. занимает значительное место в средневековом монетном деле Европы. Для этого периода характерен массовый интенсивный выпуск монеты, создание собственного моравского монетного типа. Размах монетной деятельности в XIII в. был обусловлен социально-экономическими переменами в общественном положении Моравии, когда она выдвигается вперед в области хозяйственной жизни и торговли.

В задачу второго нумизматического симпозиума входило изучение расцвета моравского монетного дела в XIII в. не только с точки зрения нумизматики, но и его связей с социально-экономическим развитием этой области в указанный период, а также использование данных геральдики и прикладного искусства для объяснения монетных типов.

Организаторы симпозиума так умело подготовили его программу, что денежное обращение Моравии предстало на широком историческом фоне и в тесной связи с денежными системами других стран.

Естественно, что такая постановка, казалось бы, очень специального вопроса вызвала большой интерес как у чехословацких ученых, так и у нумизматов других европейских стран. Симпозиум превратился в представительный форум чехословацких ученых, где в тесном контакте плодотворно работали нумизматы, историки-медиевисты, историки искусства.

На симпозиуме присутствовали также директор берлинского Мюнц-кабинета проф. А. Зуле, д-р Арнольд из Дрездена, д-р Ш. Варнке из Гиссена (ФРГ), д-р С. Суходольский и Ю. Клечковская из Польши, директор Мюнц-кабинета в Вене д-р Б. Кох, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея Н. А. Соболева.

Вопросам хозяйственного развития Моравии в XIII в., а также обзору ее политической жизни и правового положения в составе чешского королевства были посвящены доклады доцентов И. Држимала, И. Мезника, канд. истор. н. З. Шимечка.

Большинство докладов, естественно, касалось собственно нумизматических проблем. Центральное место занял доклад заведующего отделом нумизматики моравского музея д-ра И. Сейбала, посвященный моравским денариям и брактеатам XIII в. Докладчик отметил, что в связи с переменами, происшедшими в хозяйственной жизни Моравии в конце XII — начале XIII в., потребовалось изменить и существующую денежную систему. Упадок стоимости монеты, наблюдавшийся в этот период, был бесспорным доказательством постепенного отживания старой денариевой систе-

[1] Sbornik I. Numismatického symposia 1964. Brno, 1966.

мы, представленной в Моравии чеканкой удельных князей. Монетный кризис достиг такого уровня, что не только заграничные, но и местные торговцы предпочитали более устойчивую иностранную монету отечественной. Необходимо было приступить к упорядочению монетных отношений в стране. Основной предпосылкой новой организации монетного дела явилось, с одной стороны, получение достаточного количества сырья для монет, с другой — применение новой техники чеканки. Созданию единой монетной системы в Моравии благоприятствовало и то обстоятельство, что к 1197 г. моравские земли объединились в единое политическое целое. Вскоре после этого началась чеканка нового типа монет — двухсторонних денариев типа пфеннига. До последнего времени они не были классифицированы. На основании изучения нового материала из кладов И. Сейбал выделил отдельные типы этих монет. Примерно с середины XIII в. появляются моравские брактеаты. Новая техника чеканки, примененная при их производстве, позволила значительно ускорить и увеличить выпуск монеты. И. Сейбал, классифицируя брактеаты, пришел к выводу, главным образом на основе изучения недавних находок, что брактеаты так называемого среднего типа являются позднейшими, своеобразными предшественниками общей для Чехии и Моравии монеты.

Брактеаты поздних выпусков, предшествующие чеканке крупной полноценной серебряной монеты, явились темой доклада д-ра Я. Гасковой. Поделился своими наблюдениями над техникой чеканки брактеатов доцент Ф. Цах.

Общую картину европейского монетного дела XIII в. обрисовали в своих докладах проф. А. Зуле и Н. А. Соболева. Останавливаясь на основных проблемах развития товарно-денежных отношений в Центральной Европе, докладчики отмечали, что эти отношения в XIII в. развивались по двум направлениям. Во-первых, увеличивалось общее количество монет в обращении. Этому способствовали, в конечном результате, и порча денария и выпуск брактеатов. Во-вторых, в обращении появились, с одной стороны, денежные единицы более мелкие, чем денарий, с другой,— слитки, обслуживающие крупную внутреннюю, а также международную торговлю.

Находки слитков в Моравии немногочисленны. Д-р И. Петрил, который описал некоторые слитки и наметил пути их исследования, к сожалению, лично не смог присутствовать на симпозиуме.

Большой интерес и дискуссию вызвал доклад д-ра П. Радомерского «Замечание по вопросу о примитивных платежных средствах в XIII веке». По мысли П. Радомерского, недостаток металлической монеты в обращении, который наблюдался в XIII в., возмещался различными вещевыми заменителями ее. К последним, в частности, относятся найденные при раскопках стеклянные колечки, хранившиеся как клад в глиняном кувшине. П. Радомерский считает, что они употреблялись в качестве самого мелкого платежного средства.

Вопросам метрологии моравских денег посвятили свои чрезвычайно содержательные доклады д-р С. Суходольский и И. Панек. И. Панек обращается к проблеме веса моравской гривны на рубеже XIII и XIV вв. Наибольший интерес вызвала та часть его доклада, в которой он разбирает теоретические основы расчета величины весовой единицы, опираясь на вес отдельных монет. По мнению автора, указанный вес монеты следует определять из взвешивания сохранившихся экземпляров, несколько увеличивая его, учитывая стираемость монет в процессе обращения. Увеличение, однако, должно быть пропорционально не весу, а поверхности монеты. Зависимость эта представлена в специальной формуле.

Доклад, прочитанный С. Суходольским, также касается теоретических проблем метрологии монет. Автор размышляет об использовании в нумизматике средних весов: арифметического, медиального и модального. Докладчик утверждает, что каждый из них имеет свои преимущества и недостатки, поэтому использование их должно варьироваться в зависимости от стоящих перед исследователем задач.

Проблеме развития горного дела и деятельности монетных дворов в Моравии XIII в. были посвящены доклады Р. Вермоузека и проф. И. Пошваржа.

Проф. И. Шебанек и д-р Ц. Галова темой своих докладов выбрали геральдику. Они детально рассмотрели изображения на моравских монетах, отметили разнообразие типов и высокое художественное мастерство резчиков.

Как уже отмечалось выше, моравское монетное дело развивалось параллельно с развитием монетного дела в других европейских странах и в тесном контакте с ним. Это положение подчеркнул в своем выступлении д-р К. Турнвальд.

Наконец, словацкий ученый И. Глинка, Ю. Клечковская из Польши и д-р Б. Кох рассказали об иностранной монете, обращавшейся в Моравии в XIII в. Б. Кох отметил, что широкое проникновение в XIII в. австрийских пфеннигов в южную Моравию, наряду с южной Чехией, является свидетельством хозяйственных и торговых связей между Австрией и указанными областями.

На заключительном заседании симпозиума присутствующие единодушно отметили его исключительную полезность, высокий научный уровень докладов, а также прекрасную организацию симпозиума. Подобные симпозиумы по различным проблемам моравской нумизматики намечено проводить и в дальнейшем один раз в пять лет.

Н. А. Соболева

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ

В октябре месяце 1968 г. в Праге состоялся I Международный симпозиум по палеоэтноботанике, организованный по инициативе директора чехословацкого сельскохозяйственного музея д-ра Зденека Темпира. Основной целью этого совещания была встреча специалистов разных стран, занимающихся определениями остатков культурных растений, собранных при археологических раскопках, и историей земледелия, для обмена мнениями по ряду вопросов. На симпозиум было приглашено 30 человек от 13 стран, в том числе 4 человека от СССР, однако непосредственное участие в его работе приняло 12 человек.

Участники симпозиума заслушали серию докладов, посвященных самым разнообразным вопросам, связанным с историей культурных растений, и обсудили целый ряд предложений по координации палеоэтноботанических исследований.

Участниками симпозиума было внесено и обсуждено предложение о систематической публикации полной библиографии, касающейся истории земледелия и культурных растений, а также методическим вопросам определения остатков культурных растений. Необходимость создания такой библиографии продиктована разбросанностью специальных статей в самых различных изданиях. Полный список работ за каждый истекший год возможно регулярно публиковать в сборнике «К ранней истории сельского хозяйства» (ГДР). Было высказано также другое пожелание того же порядка о создании международной библиографии по истории земледелия. Конкретно по этим предложениям было принято решение начать уже в 1970 г. публикацию ежегодной библиографии, сначала только для территории Европы. Соответственно для обработки материалов отдельных стран были предложены конкретные исполнители, в частности для СССР — проф. Ф. Х. Бахтеев (ВИР, Ленинград), хотя эта работа предполагает безусловно привлечение широкого круга специалистов.

Первые сообщения должны поступить до 1 апреля 1969 г. к доктору К. А. Егеру (Humboltuniversitat Berlin, 104 Berlin, Invalidenstr. 43 DDR).

Затем было внесено предложение по поводу составления и публикации специальных карт распространения культурных растений. Оно возникло в связи с информацией специалиста из Франции доктора Я. Я. Хамердинкера, представившего на обсуждение симпозиума уже составленные карты к проектируемому атласу по истории важнейших культурных растений. Поскольку продемонстрированные карты были слишком обобщенными и содержали некоторые неточности, участники симпозиума приняли единодушное решение о необходимости составления для научных целей карт распространения культурных растений в крупном масштабе для отдельных исторических периодов и различных территорий.

К картам должно быть составлено приложение в виде списка мест находок растительных остатков (область, район), указания вида растения, количества найденных остатков (число, вес, процентное соотношение), археологической датировки, указания времени находки, имени определившего и соответствующей литературы.

В первую очередь составление карт опять-таки должно касаться территории Европы. Для некоторых стран — Польша, Чехославакия, Венгрия, ФРГ — такие карты уже сейчас находятся в работе. Участниками симпозиума также были намечены конкретные исполнители этого задания по каждой отдельной стране. Для территории СССР были рекомендованы профессора Ф. Х. Бахтеев, М. М. Якубцинер и А. И. Мордвинкина (ВИР, Ленинград).

Третий вопрос касался чисто методических проблем критериев определения растительных остатков, находимых при археологических исследованиях. Специалистам, занимающимся каким-либо определенным видом растений, было предложено составить исчерпывающие характеристики для плодов и семян отдельных видов с признаками различия родственных форм, с изображением и описанием, пригодным для определения именно ископаемых, обуглившихся или нарушенных остатков. Это необходимо для достижения единства и точности в определении. Для успешного выполнения этой задачи международной рабочей группой, выбранной на совещании, к осени 1970 г. должен быть подготовлен черновой вариант плана, который будет разослан всем заинтересованным специалистам в разные страны с целью получить предварительные замечания и высказывания. Окончательное обсуждение основных критериев определения и вопрос о возможной публикации их должны быть вынесены на 2-ой симпозиум по палеоэтноботанике, который предполагается провести в 1971 г.

Помимо указанных выше проблем был также поставлен вопрос о необходимости составления палеоботанических архивов. Участниками симпозиума была вынесена рекомендация о составлении в отдельных странах центрального палеоботанического архива, в котором должны храниться карточки с изображениями находок (особенно важными являются фотокарты), даты сбора, определения и литературы. Особенно это важно для неопубликованных находок. Архив имеет своей целью облегчить работу по поискам фактического материала, разбросанного в литературе и архивах отдельных учреждений и лиц. Первые архивы такого порядка уже сделаны в некоторых учреждениях Чехословакии, Венгрии и ФРГ.

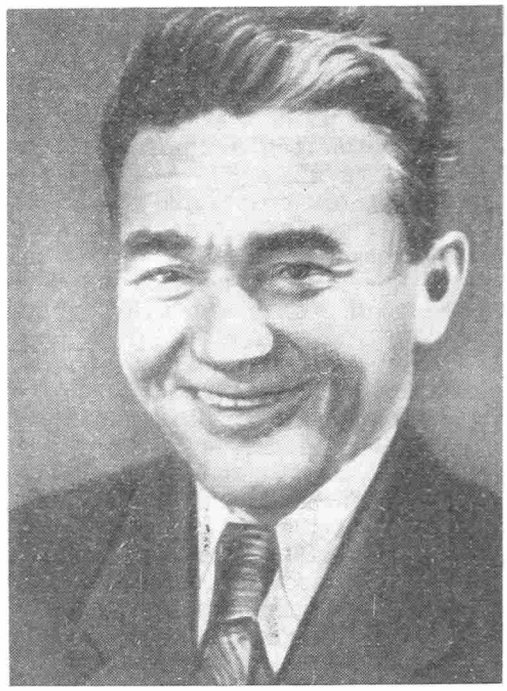
На симпозиуме было принято решение о создании интернационального общества палеоэтноботаников (IAP — International Assotiation Paleoetnobotany). Это общество

не имеет постоянных членов и президента и не должно присоединяться к какой-либо другой организации. Принятая форма работы будет заключаться в периодических собраниях — симпозиумах, на которых будут ставиться наиболее актуальные вопросы. Симпозиумы должны проводиться в разных странах, и страна, принимающая гостей, должна представить для ведения всех дел своего секретаря. Темы предстоящего симпозиума будут согласовываться в промежутках между ними и координироваться международной рабочей группой.

Материалы симпозиума с отчетом секретаря первого собрания Зденека Темшира и краткими текстами представленных на заседаниях докладов опубликованы в журнале «Acta museorum Agriculturae» (Pragae, 1968, 1—2) и разосланы всем лицам, приглашенным на симпозиум, независимо от их участия в его работе. Вместе с журналом было разослано письмо с предложением о сотрудничестве и информацией, что очередной симпозиум намечено провести в 1971 г. в Будапеште, приурочив его к празднованию 75-летия Будапештского сельскохозяйственного музея.

Создание интернационального общества палеоэтноботаников представляет очень серьезный шаг на пути развития международных научных связей. В последнее время работы по изучению остатков не только культурной, но и дикорастущей флоры, собираемой во время археологических раскопок, приобретают все большее значение в связи с широким изучением древнеземледельческих культур и истории земледелия. Этой проблемой занимается сравнительно ограниченный круг специалистов, которые подчас сталкиваются с огромными трудностями в своей работе. Для определений такого рода нехватает хороших атласов, нет палеоботанических карт, фактический материал разбросан в самых разных изданиях. Решения, принятые на первом симпозиуме IAP, на котором, к сожалению, присутствовало очень мало народу, направлены на ликвидацию многих пробелов, представляют большой интерес и должны быть учтены при планировании работ, проводимых в лаборатории естественных методов и в группе по изучению истории земледелия Института Археологии АН СССР, а также в республиканских институтах Академии наук.

Г. Н. Лисицына



С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

6 декабря 1969 г., немного не дожив до 60 лет, ушел из жизни заведующий отделом Херсонесского историко-археологического музея, кандидат исторических наук Станислав Францевич Стржелецкий.

С. Ф. Стржелецкий родился 26 сентября 1910 г. в г. Севастополе. С юных лет он горячо интересовался историей и археологией. Древности, которых так много хранит в себе земля Крыма, увлекли юношу, и с 15-летнего возраста до самой смерти жизнь Станислава Францевича посвящена изучению этих памятников. С 1925 г. он участвует в работе Севастопольского музея краеведения, где под руководством П. П. Бабенчикова и В. П. Бабенчикова получает первые практические навыки археологической и музейной работы. В 1930 г. С. Ф. Стржелецкий поступил в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, а через два года вместе с группой наиболее способных студентов был зачислен в аспирантуру Государственной Академии Истории Материальной культуры. После окончания аспирантуры в 1938 г. поступил на работу в Херсонесский историко-археологический музей. Вся дальнейшая судьба Станислава Францевича неразрывно связана с деятельностью музея.

Как ученый Станислав Францевич обладал широким кругозором, умением охватить большой круг материалов. Он в совершенстве знал историю античного и средневекового Херсонеса, много сделал для изучения периода поздней бронзы и раннего железа в юго-западном Крыму.

Ярко проявились дарования С. Ф. Стржелецкого в полевой работе. Он предложил целый ряд новых практических приемов ведения раскопок античного и средневекового города. Сочетая их с лучшими традиционными методами, он вел раскопки с ювелирной точностью, добиваясь каждый раз выдающихся результатов. Образцами работ, проведенных на самом высоком научном уровне, являются исследования клеров Гераклейского полуострова, раскопки таких крупных и сложных археологических комплексов как таврское поселение Уч-Баш, могильник в совхозе «Севастопольский». Впрочем, любые начинания на древних памятниках Станислав Францевич умел превратить в серьезное научное исследование. Примером этому могут служить реставрация и консервация оборонительных сооружений, проводившаяся под его руководством Херсонесским музеем. В ходе этих, казалось бы чисто технических работ, он сделал ряд ценных наблюдений, которые позволили уточнить старые и предложить новые датировки стен Херсонеса.

На базе блестяще проведенных раскопок Станислав Францевич строил и свои глубокие исторические исследования. Монография «Клеры Херсонеса Таврического», где всесторонне рассмотрено сельское хозяйство эллинистического Херсонеса, является серьезным вкладом в советское и мировое антиковедение. В небольшой по объему, но содержательной работе «Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху», С. Ф. Стржелецкий не только подвел итоги изучения древнего города за все годы раскопок, предложил новую периодизацию истории Херсонеса, но и наметил дальнейшие пути его исследования, основные проблемы, стоящие перед учеными. Во всех своих работах Станислав Францевич с присущей ему принципиальностью и страстностью отстаивал

свое мнение, пусть иногда спорное, но всегда свежее, оригинальное, будящее мысль.

Станислав Францевич всегда помогал молодым начинающим археологам. Он не жалел своих сил и времени; каждый, кто обращался к нему за помощью, уходил обогащенный новыми знаниями, новыми идеями. Им фактически была создана, хотя и не оформленная официально, целая школа практической археологии, в которой начинали свою деятельность, получали ценные навыки полевой и научной работы десятки археологов-античников. Все сотрудники такой крупной научной организации, как Херсонесский музей в его нынешнем составе, являются учениками Станислава Францевича. У него учились методике археологического исследования и многие из тех, кто сейчас работает в других музеях, высших учебных заведениях и пр.

Свою любовь и привязанность Станислав Францевич отдал Херсонесу. Все успехи в исследовании этого замечательного памятника за последнее время были связаны с его именем. Трудно представить себе Херсонес без него, так же как и его мы не могли представить без Херсонеса.

Светлая память о Станиславе Францевиче навсегда сохранится в сердцах тех, кто работал с ним бок о бок, в сердцах всех тех, кто его знал.

В. Н. Даниленко

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

19 февраля 1970 г. в Москве скончалась Ольга Александровна Кривцова-Гракова — известный специалист в области первобытной археологии, долголетний сотрудник Государственного исторического музея и Института Археологии АН СССР.

Ольга Александровна родилась 6 октября 1895 г. в Одессе в семье профессора Новороссийского, а позднее Юрьевского Университета. В 1915 г. она поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, в 1920 г. перевелась оттуда в Московский университет и в 1922 г. окончила его под руководством профессора В. А. Городцова. В том же году молодая исследовательница стала сотрудником Исторического музея, где проработала свыше 30 лет. С 1944 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1959 г. О. А. Кривцова-Гракова была одновременно и старшим научным сотрудником сектора неолита и бронзы ИИМК — нынешнего Института Археологии АН СССР.

Первая публикация Ольги Александровны была посвящена погребениям поздних кочевников Оренбургской области (ТСА РАНИОН, IV, 1928), но уже в эти годы на всю жизнь определился основной круг ее интересов — памятники бронзового века на территории СССР. О. А. Кривцова-Гракова провела около 15 экспедиций, раскапывая поселения и могильники этого времени. В 1926, 1928 и 1929 гг. она возглавляла экспедиции ГИМ в Пензенскую, Ивановскую и Владимирскую области. Тогда были исследованы Горкинский могильник фатьяновской культуры (ТГИМ, ЦIII, 1938) и стоянки срубной культуры у сел Мокшан и Пустынь (ТГИМ, XII, 1941). В дальнейшем полевые работы Ольги Александровны проходили главным образом в двух районах — в Казахстане и Нижнем Поднепровье. В Кустанайской области в 1930—1938 гг. она исчерпывающе исследовала уникальный комплекс андроновской культуры — поселение, могильник и жертвенное место у села Алексеевки (ТГИМ, XVII, 1947), а в 1948 г. раскопала здесь другой андроновский памятник — Садчиковское поселение (МИА, № 21, 1951). На Украине О. А. Кривцова-Гракова в 1937 и 1938 гг. принимала участие в раскопках курганов около Никополя, издав потом материалы о погребениях эпохи бронзы (МИА, № 15, 1962), а позднее изучала два поселения рубежа бронзового и железного века — на Белозерском лимане (раскопки 1947 г., издано в КСИИМК, XXVI, 1951) и на р. Обиточной (раскопки 1949 г.). В 1945 г. Ольга Александровна продолжила работы В. Ф. Смолина на известном Абашевском могильнике в Чувашии.

Как полевой исследователь О. А. Кривцова-Гракова отличалась тонкой наблюдательностью, тщательностью и аккуратностью. Еще при раскопках в Пензенской области ею, едва ли не первой в СССР, была разработана методика изучения больших полуземляночных столбовых жилищ конца бронзового века. Впоследствии эта методика была блестяще применена в Алексеевке, Садчиковке и воспринята многими нашими археологами, участниками этих раскопок. Обрабатывая и публикуя добытые коллекции, Ольга Александровна продолжала одно из основных направлений деятельности своего учителя В. А. Городцова — классификацию и систематизацию материалов по бронзовому веку СССР. В этой связи она изучала параллельно и многочисленные коллекции, собранные в ГИМ и в других музеях. В итоге появились первая подробная публикация комплекса Бородинского клада («Бессарабский клад». 1949), статьи о генетической связи ямной и катакомбной культур (ТГИМ, VII, 1938), о пе-

риодизации и хронологии фатьяновских могильников (КСИИМК, XVI, 1947). Наблюдения, сделанные в этих работах,— например, деление фатьяновской культуры на московскую, ярославскую и чувашскую группы — вошли в основной фонд достижений советской археологии.

Особенно важные выводы содержат труды О. А. Кривцовой-Граковой, посвященные позднему бронзовому веку степной полосы СССР — срубной и андроновской культурам. Опираясь на материалы своих раскопок в Алексеевке, на Белозерском лимане и Обиточной, обобщив все имевшиеся к тому времени данные о памятниках Нижнего Поволжья, Подонья, Поднепровья, она не только систематизировала древнюю керамику и бронзовые орудия, но и подошла к решению существеннейших исторических вопросов. Большинство выдвинутых ею положений не поколеблено до сих пор. Так, было доказано, что андроновская культура в Казахстане не сменилась карасукской, а дожила до финала бронзового века и сыграла важную роль при формировании культуры савромат. Анализ керамики позволил говорить о сложении срубной культуры на основе памятников ямного и полтавкинского типов в Среднем Поволжье и о продвижении ее носителей на запад — на Дон, Днепр, в Причерноморье. Изучение металла показало, что сначала медные изделия поступали в Поволжье и Причерноморье с Кавказа, затем — с Урала, и только позднее здесь возник местный своеобразный комплекс бронзовых орудий, хорошо известный нам по кладам Юга СССР. Эти выводы имеют большое значение для понимания как самого бронзового века, так и киммерийской проблемы, начала скифской истории и т. д. Весь этот обширный круг тем рассмотрен в книге «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (МИА, № 46, 1955), достойно завершившей тридцатилетнюю исследовательскую работу О. А. Кривцовой-Граковой.

Нельзя не сказать и о плодотворной деятельности Ольги Александровны в Историческом музее. Ее заботами приведены в порядок накапливавшиеся годами колоссальные коллекции из памятников III—II тысячелетий до н. э., ею выработаны принципы показа этих материалов в залах музея. В период эвакуации Московского университета в Ашхабад и Свердловск Ольга Александровна исполняла обязанности доцента Исторического факультета и читала на кафедре археологии лекции по бронзовому веку.

Все вместе взятое обеспечивает О. А. Кривцовой-Граковой почетное место в истории нашей археологии. Те же, кому посчастливилось с нею работать — в поле, в музее, в Академии наук — навсегда запомнят этого скромного, высоко порядочного человека.

А. А. Формозов

В. И. ЦАЛКИН

10 марта 1970 г. в возрасте 66 лет скончался Вениамин Иосифович Цалкин.

Научная деятельность Вениамина Иосифовича, начало которой относится к 1927 г., была первоначально связана с изучением морских млекопитающих, а затем диких копытных животных. В 1946 г. Вениамин Иосифович перешел на работу в Институт археологии (тогда Институт истории материальной культуры) АН СССР, где возглавил палеозоологический кабинет. Основные труды В. И. Цалкина за последние 25 лет относятся к области палеозоологии и лишь отдельные работы посвящены вопросам систематики и морфологии диких копытных. Им напечатано около сотни научных работ, в число которых входит 7 книг (последняя, восьмая, находится в печати). Важнейшие работы: «Сибирский горный козел» (1950), «Горные бараны Европы и Азии» (1951), «Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси» (1956), «Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (1960), «К истории животноводства и охоты в Восточной Европе» (1962), «Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии» (1966), «Древнейшие домашние животные Восточной Европы» (в печати).

Мы много и часто говорим о плодотворности содружества наук, о роли естественных наук в развитии гуманитарных, но редко случается, что крупные ученые-естественники принимают участие в работах гуманитариев, а еще реже, что они ставят все свои знания на службу другой, далекой от них отрасли знания, как это сделал Вениамин Иосифович. В результате его научной деятельности определение и статистическая обработка остеологических материалов превратилась в важный источник изучения социально-экономической жизни древних обществ. Работы такого характера не новы, они ведутся уже более 100 лет. И дело не только в массовости обработанного материала (исследованы сотни тысяч костей), и не только в усовершенствовании методики, ставшей более точной, чем применявшаяся ранее. Дело в том, что Вениамин Иосифович, благодаря широте своих знаний и соответственно широте научного подхода к исследуемому материалу, поставил и отчасти решил сложнейшие вопросы экономической жизни в древности на территории нашей страны. Труды В. И. Цалкина заполняют многие пробелы в истории развития производительных сил общества. Это вопросы одомашнения животных, процесс породообразования, динамика развития скотоводства и т. д.

Большой хронологический диапазон исследований Вениамина Иосифовича (от неолита до позднего средневековья) и большой географический охват памятников — почти на всей территории СССР — поставили изучение проблемы истории охоты и скотоводства на прочный, подлинно научный фундамент. Вместе с тем, стремясь к наибольшей полноте характеристики собранных данных, Вениамин Иосифович был очень осторожен в своих выводах. Долгое время он подходил к исследуемому материалу только как зоолог. Но постепенно в его работах появляется все больше и больше исторических выводов, все больше он пытается воссоздать конкретные природные и исторические условия жизни населения, о котором дает представление тот или иной археологический памятник. Животноводство и охота — важнейшие отрасли хозяйст-

венной деятельности древних обществ — изучены, благодаря трудам Вениамина Иосифовича Цалкина, с большой глубиной. Много нового узнали не только археологи, но и зоологи и географы о былом распространении млекопитающих, об исчезновении тех или иных видов в результате изменения ландшафта или уничтожения их человеком.

Вениамин Иосифович уделял много внимания вопросу о породообразовании сельскохозяйственных животных, но лишь подошел к решению этой проблемы, не успев сделать необходимые заключения. Это произошло потому, что остеологические особенности различных пород даже современных домашних животных изучены настолько мало, что дать больше, чем это сделано В. И. Цалкиным, может только целенаправленная совместная деятельность многих ученых. А Вениамин Иосифович работал, к сожалению, один. Конечно, он был участником «незримого коллектива» советских и иностранных ученых, занимающихся теми же, что и он, или близкими проблемами. Но у него не было непосредственных помощников, которые могли бы разрабатывать отдельные темы большой и сложной проблемы. Не оставил он и преемника в центральном археологическом учреждении страны. Вместе с тем большое количество ученых-зоологов постоянно пользовались его консультациями.

Работая в археологическом учреждении, В. И. Цалкин был связан с широким кругом биологов нашей страны. В течение всей своей жизни он оставался на позициях классического дарвинизма и мужественно боролся за прогресс в биологической науке, против гегемонии того направления, которое получило название «лысенковщины». Вениамин Иосифович был тесно связан с московским обществом испытателей природы. На посту вице-президента МОИП и заместителя главного редактора Бюллетеня МОИП его застала смерть. В годы самоуправства в биологической науке МОИП во главе с В. Н. Сукачевым стал одним из центров борьбы за свободное высказывание мнений, за принципиальную научную дискуссию. Вениамин Иосифович был верным помощником В. Н. Сукачева, и их совместная деятельность во многом способствовала сохранению лучших традиций русской биологической науки.

Эта сфера деятельности В. И. Цалкина особенно наглядно продемонстрировала роль нравственного принципа в научной работе. Не занимая никаких административных постов, даже вытесненный из области непосредственных занятий биологией, скромный научный работник оказал большое влияние на развитие отечественной биологии, так как не только смог разобраться в научной и этической стороне происходившего тогда спора, но и вступил в борьбу с ложью, передергиванием фактов, невежеством, нетерпимостью. Об этом с благодарностью вспоминали на гражданской панихиде молодые и старые ученые, приехавшие из разных городов страны, чтобы проститься с В. И. Цалкиным.

Вениамин Иосифович был общительным, доступным и отзывчивым человеком, интеллигентом в том значении этого слова, которое выражается в неравнодушии ко злу, в чуткой совести, в уважении достоинства окружающих.

А. А. Насимович, А. Л. Монгайт

Г. И. АНДРЕЕВ

27 апреля 1970 г. неожиданно скончался кандидат исторических наук археолог — специалист по дальнему Востоку и Сибири Гаральд Иванович Андреев — человек кипучей энергии, энтузиаст своего дела.

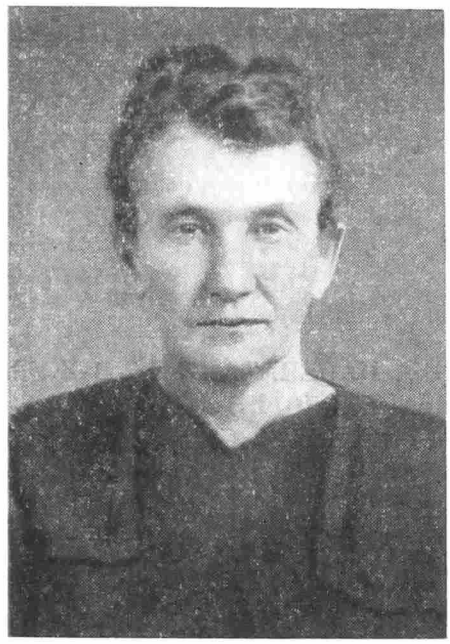
Гаральд Иванович родился 2 октября 1926 г. в Куйбышеве в семье военнослужащего. Поступив в школу на Волге, он продолжал учиться в Монголии. Здесь его застает Великая Отечественная война. В 1942 г. он вступил в ряды Красной Армии, учился в школе авиационных механиков и авиатехническом училище, затем служил некоторое время в системе военно-воздушных сил. После демобилизации окончил школу-десятилетку в Будапеште и поступил на исторический факультет Московского университета. Его дипломная работа «Керамика Приморья и Нижнего Амура до XIII века», по отзыву члена-кор. АН СССР С. В. Киселева, явилась «первым научным исследованием керамики Дальнего Востока».

По окончании МГУ мы видим Гаральда Ивановича аспирантом в стенах Института истории материальной культуры АН СССР. Здесь под руководством С. В. Киселева им была написана кандидатская диссертация на тему «Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до н. э.». Эта работа основана на самостоятельных археологических исследованиях стоянок в заливе Петра Великого. Живой и любознательный по своей натуре, Гаральд Иванович после защиты диссертации работает не только на Дальнем Востоке — в составе различных экспедиций участвует в исследованиях на р. Онон в Забайкалье, у Кондуя в Приаргунье, на Северном Кавказе в Чечне и Северной Осетии. Однако главные интересы Гаральда Ивановича всегда были прикованы к Дальнему Востоку. Детальное изучение таких памятников, как поселения Зайсановка, Валентин-перешеек, Псухун, Судзухе 2, 3, 5 и др., позволили ему выделить зайсановскую и южноприморскую культуры, очень важные для изучения древней истории крайнего востока Азии. Им были отвергнуты мнения о длительном переживании неолита в Приморье (вплоть до появления железа) и получены первые данные о местном бронзолитейном производстве. Итогом этих изысканий явился почти завершенный труд «Раннеземледельческие поселения Южного и Восточного Приморья».

Последнее время Гаральд Иванович работал в Эвенкии — в бассейнах рек Нижней и Подкаменной Тунгусок, где им, по сигналам геологов, были обнаружены чрезвычайно интересные комплексы каменной индустрии. Можно смело сказать, что Гаральд Иванович стоял перед важным археологическим открытием. Смерть помешала ему завершить начатую работу.

Г. И. Андреев является автором около 30 печатных работ, все они посвящены археологии Дальнего Востока и Эвенкии. Исключительно жизнерадостный, с чувством добродушного юмора, большой знаток природы — страстный рыболов, охотник и следопыт, — он умел остроумно фантазировать и в самое обыденное дело вносить живительную шутку. Таким он и останется в сердцах друзей и сотрудников.

Ю. С. Гришин, В. И. Марковин



О. С. ХОВАНСКАЯ

В числе исследователей, занимавшихся археологией волжских булгар, одно из первых мест принадлежит Ольге Сергеевне Хованской, скоропостижно скончавшейся 22 июля 1964 г. О. С. Хованская родилась в Петербурге 29 ноября 1889 г. После окончания гимназии училась на Бестужевских курсах по специальности химия. До революции она работала химиком-лаборантом на Тульском оружейном, а затем на Куйбышевском трубочном заводе. В 1924 г. окончила исторический факультет Самарского университета, а в 1928 г. Высшие курсы археологии, истории и этнографии при Самарском университете. Много лет работала со своим учителем В. В. Гольмстен, в частности по изучению булгарских городищ Самарской луки. За период 1931—35 гг. ею был опубликован ряд работ по химии, в числе которых особо интересны исследования по анализу глин Татарии. В годы Великой Отечественной войны она была командиром-инструктором ПВХО Осовиахима. С 1943 по 1954 гг. О. С. Хованская состояла старшим научным сотрудником Государственного музея ТАССР. Ей принадлежит ряд экспозиций исторического отдела, получивших высокую оценку музейной общественности. Одновременно она участвовала в исследованиях Болгарской, а позднее Куйбышевской экспедиции Ин-та археологии АН СССР, работавшей в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Здесь она руководила работами по изучению оборонительной системы города Болгары, гончарной слободы, изучала общественные бани XIV века, выявив особенности системы водоснабжения и канализации. Тогда же ею была проведена разведка и был открыт ряд новых памятников эпохи бронзы и железа. Результаты ее исследований, частично опубликованы в трудах Куйбышевской экспедиции, в серии МИА ИА АН СССР. Человек широкого образования и высокой культуры Ольга Сергеевна оставила о себе светлую память среди всех, кто с ней встречался. Она была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны» и почетной грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР.

А. П. Смирнов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1970 ГОД

Х. П. Абдулаев. Новые данные о Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря 2 256

Г. Б. Авалишвили. Погребение литейщика из могильника с. Гантиади (Юж. Грузия) 4 183

В. П. Алексеев. Популяционная структура человечества и историческая антропология 3 12

М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. О датировке вала и рва Новгородского острога 4 54

Г. И. Андреев Каменные изображения из Тувы 4 168

Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев. Существовала ли тельманская культура 4 269

Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич. Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска 4 222

Я. Н. Безносиков. Некоторые итоги археологических исследований Коми филиала АН СССР 1 306

А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, Г. В. Григорьева, В. И. Распопова, Н. Г. Горбунова, Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон, И. Н. Хлопин, Г. А. Кошеленко, В. И. Сарианиди. Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана за 1968 г. 4 245

С. С. Березанская. И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы 4 278

В. Бжания, В. Егоров, В. В. Пачулиа. Исторические памятники Абхазии их значение и охрана 2 281

З. А. Билимович. Два бронзовых таза из Семибратных курганов . . . 3 128

А. В. Бодянский. Находка раннескифских вещей в Днепровском Надпорожье 2 221

А. И. Болтунова. Inskriptiones Graecae urbis Romae. Curavit L. Moretti. Fasciculus primus (1—263) 1 284

П. И. Борисковский. Памяти Фридриха Энгельса 3 3

С. А. Булатович. Клад Кизикинов из Ольвии 2 222

Г. К. Вагнер. Fridrich Möbius. Westwerkstudien 3 288

Б. А. Василенко. Заметки о гераклейских клеймах 3 217

М. П. Ваулина. Фрагменты деревянного саркофага с резным карнизом из Керчи 3 228

В. Б. Вилинбахов. По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова . . 1 294

А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина. Литейные формы из Лявлякана . . . 2 125

В. Б. Виноградов. Раннесредневековый могильник у с. Харачой в горной Чечне 2 244

В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии 3 20

И. С. Винокур. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV в. н. э. 2 238

И. С. Винокур, Э. А. Сымонович. Третья подольская историко-краеведческая конференция 2 292

Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк, В. А. Вознюк, В. А. Юшин. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии 1 175

Ю. Н. Воронов. Раннеэнеолитическое поселение у Цебельды в Абхазии . 4 172

А. С. Воскресенский. Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья 1 263

С. А. Высотский. Древнерусская азбука из Софии Киевской 4 128

Н. И. Гаген-Торн. О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве» 3 283

В. Генсель, У. Дымачевский, А. Дымачевский, С. Гильчерувна. Результаты польских археологических исследований на городище Стырмен округ Русе в Болгарии (1962—1968) 3 233

Н. Г. Горбунова. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы 1 77
К. О. Горбунова. Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. 4 199
Е. А. Горюнов. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе 4 289
Н. Л. Грач. Мраморная скульптура из Горгиппии 1 245
Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков. Палеолит и неолит СССР т. 5 . . . 4 264
В. И. Гуляев. С. А. Созина. Мунски. Еще одна цивилизация древней Америки 4 307
И. И. Гущина. Находки скифского времени из Прикубанья 1 241
В. А. Джорбенадзе. Археологические исследования в Грузии в 1968 г. . 3 291
Ян Домбровский. Проблемы восточных связей лужицкой культуры . . 3 76
А. Ф. Дубынин. Городище Кузнечики в Подмосковье 1 152
В. П. Дудкин. К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке 1 272
Л. А. Ельницкий. Скифские легенды как культурно-исторический материал 2 64
С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Находки новых бронзовых статуэток в Армении 2 157
К. И. Зайцева. Расписная курильница-урна из Ольвии 3 109
Ю. Н. Захарук. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки 2 8
Ю. М. Золотов. О Трояне «Слова о полку Игореве» 1 261
В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов. А. В. Циркин. Русско-мордовские отношения в X—XIV вв. 4 310
С. А. Изюмова. Курганы у с. Доброе Тульской области 1 191
С. А. Изюмова. Курганы у д. Слевидово 4 237
Л. Ишханов. К изучению храма в с. Лекит 4 227
И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация 2 18
И. С. Каменецкий. О показателе массивности отщепов 3 270
М. Н. Клапчук. Археологические исследования на территории и в окрестностях Караганды в 1958—1966 гг. 4 153
Л. С. Клейн. К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур 1 49
Л. С. Клейн. По поводу информации о методике американских археологических исследований 1 298
Л. С. Клейн. Проблема определения археологической культуры 2 37
Л. С. Клейн, С. С. Миняев, Ю. Ю. Пиотровский, О. И. Хейфиц. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ 2 298
В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева (Кусургашева). Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала 3 26
П. М. Кожин. A Niederlander, R. Lacam, J. Arnal. Le gisement neolithigue de Roucadour 1 278
П. М. Кожин. О псалиях из афанасьевских могил 4 189
Л. В. Кольцов. Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы . . 1 221
Л. В. Копейкина. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань 3 198
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов. Уфимская конференция по этногенезу башкир 2 294
О. Ю. Круг. Определение технологических характеристик сыродутного процесса получения железа по археологическим шлакам 1 268
И. Т. Кругликова. К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского . 1 3
М. Ф. Косарев, Н. Л. Членова. Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. 1 . . . . . 2 276
Г. А. Копеленко. О новых зарубежных работах по подводной археологии 1 287
Н. З. Кунина. Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея 3 224
А. А. Куратов. О каменных лабиринтах Северной Европы 1 34
И. К. Лабутина (Голупова). Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова 2 93
В. А. Леквинадзе. Гантиадская базилика 3 162
В. Ю. Лещенко. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья 3 136
Г. Н. Лисицина. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. 3 53
Г. Н. Лисицина. Международный симпозиум по палеоэтноботанике . . 4 318
В. Е. Максименко. Сарматские погребения в дельте Дона 2 224
М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимощук. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. 4 112

М. М. Маммаев. Зооморфные пряжки Урцекского некрополя 4 219
В. И. Мамонтов. Материалы Потиморской стоянки 2 136
В. И. Марковин. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии . . . 4 83
Г. Н. Матюшин. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на южном Урале 4 160
Г. И. Матюшкина. Крест мастера Серапиона 3 250
А. А. Медынцева. Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской 4 141
А. Г. Мухаммадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае 3 149
А. Л. Нечитайло. Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской . . 2 145
Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика 1 130
А. П. Окладников, Л. А. Файнберг. Hans gearg Bandi. Urgeschichte der Eskimo 3 276
С. Н. Орлов. Мастерская каменного века в среднем течении реки Мсты 1 87
В. А. Пазухин. Как все же обливали сарматские котлы 4 282
С. П. Пачкова. Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж 1 140
А. А. Передольская. Фрагмент краснофигурной чаши из Нимфея . . . 4 201
М. Н. Петров. Стоянки развитого неолита в северном Приильменье . . 2 211
С. А. Плетнева. По поводу статьи Л. Н. Гумилева и И. Эрдели «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в середине века» . . . 3 279
Н. Д. Праслов. Вопросы первобытной археологии на Международном рабочем совещании по теме «Лесс — перегляциал — палеолит Средней Европы» 1 303
Г. А. Пугаченкова. Мечеть Ну-Гумбед в Балхе 3 241
Д. С. Раевский. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея 3 90
Э. А. Рикман. Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии 2 180
И. Г. Розенфельдт. Керамический комплекс городища Кузнечики . . . 1 165
Р. Л. Розенфельдт. Сессия Отделения истории АН СССР и Пленум Института археологии АН СССР 2 285
Р. Л. Розенфельдт. Находки с городища Прислон 4 209
Э. В. Ртвеладзе. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар 3 253
А. П. Рунич. Катакомбы Рим-горы 2 198
С. С. Савкевич, И. А. Шакс. К вопросу о возможности использования ИК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах 1 265
В. И. Сарианиди. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана 4 19
В. В. Седов. О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке 2 265
В. В. Седов. Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа 3 272
В. В. Седов. Jakov Ozals. Die bältische Steinkistengräberkultur 4 275
В. Н. Сидоров, П. Н. Старостин. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения 4 233
Р. А. Симонов. О методологии изучения математики Древней Руси . . 3 254
А. С. Скрипкин. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской обл. 4 206
Н. А. Соболева. Международный нумизматический симпозиум 4 316
Н. И. Сокольский. Виноделие в азиатской части Боспора 2 75
Ю. П. Спегальский. Церковь Василий на Горке в Пскове 2 252
И. Л. Станкевич. Раскопки Марлык-Тепе (обзор публикаций) 2 261
И. Л. Станкевич. Сравнительная характеристика керамических комплексов некоторых иранских памятников III—II тыс. до н. э. 3 67
В. Ф. Старков. Кошкарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье 1 97
В. С. Стоколос. О стратиграфии поселения Кипень 3 193
С. В. Студзицкая. Изображения человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) 1 19
Я. И. Сунчугашев. О древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине 3 181
Э. А. Сымонович. Э. А. Рикман. Памятники эпохи Великого переселения народов 4 285
Д. Я. Телегин, В. А. Круц. Следы могильника среднеднепровской культуры у с. Любеч на Днепре 4 178
Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. 4 95
Ю. В. Титов. Об орнаменте керамики типа Сперингс 1 224

М. А. Тиханова, К. Т. Черняков. Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье 3 117
В. П. Третьяков. Майданская стоянка волосовской культуры (по раскопкам 1966 г.) 3 175
Т. Н. Троицкая. Курган большереченской культуры 3 213
И. В. Трофимов. О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевской лавры 4 74
Н. В. Трубникова. Городище «Укся сют» у д. Малы Яуши в Чувашии . 4 213
И. М. Тюрина. Неолит Верхнего Поднепровья 3 43
А. П. Уманский. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье 2 169
Н. Е. Урушадзе. Опыт художественно-бронзового анализа и реконструкции бронзового пояса из Самтавро 1 67
Г. А. Федоров-Давыдов. К столетию со дня рождения В. И. Ленина . . 2 3
Г. А. Федоров-Давыдов. Понятие «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Д. Кларка . . . 3 258
В. Ф. Филатова. Каменные орудия неолитических поселений с керамикой типа сперингс в Карелии 4 3
В. А. Фисенко. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-западного Прикаспия 1 58
А. А. Формозов. Об историческом месте неолитической культуры левобережной Украины 1 280
А. А. Формозов. О термине «мезолит» и его эквивалентах 3 6
Н. А. Фролова. К вопросу о денежном обращении Боспора в III в. до н. э. 4 33
А. М. Хазанов. Характерные черты сарматского военного искусства . . 2 52
А. М. Хазанов. Некоторые спорные вопросы истории сложных луков . 2 273
С. О. Хан-Магомедов. Джума-мечеть в Дербенте 1 202
М. Д. Хлобыстина. Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников 1 121
М. Д. Хлобыстина. К изучению минусинских культовых древностей . . 3 186
М. Д. Хлобыстина. Ранние минусинские кинжалы 4 193
Д. С. Цвейбель. Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе 1 227
Н. Н. Чередниченко. Поселение срубной культуры на Луганщине . . . 1 233
Е. В. Черненко. A. Sondgrass. Early Greek Armour and Weapons . . . 2 263
Н. А. Черницын. Тотемный знак на гальке 2 216
А. П. Чернын. Хронология мезолитических памятников Поднестровья . 1 9
И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчик 2 109
Л. А. Чиндина. Керамика могильника «Релка» на средней Оби 1 248
Г. Н. Чубинашвили. В редакцию журнала «Советская археология» . . 1 301
Г. К. Шамба. Погребение II в. н. э. из Мацесты 2 232
О. Г. Шапошникова. Погребение скифского воина на Ингуле 3 208
О. Г. Шапошникова. Об одной группе керамики из верхнего слоя Михайловского поселения 4 180
Г. Н. Шендаков. О пряслицах срубной культуры 1 238
А. А. Шенников. О «крытых дворах» в Старой Ладоге и Белоозере . . . 4 239
Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г. 1 109
Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова 3 102
Б. А. Шрамко. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии 2 217
Ф. М. Штительман. Протома Деметры из Киевского музея западного и восточного искусства 4 203
А. Н. Щеглов. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма 1 254
А. Л. Якобсон. Взаимоотношения армянского и грузинского средневекового зодчества 4 41
Г. И. Андреев 4 326
Д. М. Атаев 3 296
И. А. Гзелишвили 2 306
П. П. Ефименко 1 310
Ю. Костшевский 2 305
О. А. Кривцова-Гракова 4 322
Д. Н. Лев 3 298
В. П. Петров 1 313
С. И. Руденко 2 303
С. Ф. Стржелецкий 4 320
О. С. Хованская 4 326
Н. В. Хоштария 3 295
В. И. Цалкин 4 324

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Сб. «Античные города Северного Причерноморья»
АИР	— «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг.»
АП	— Археологічні пам'ятки Українськоі РСР
АЭБ	— Сб. «Археология и этнография Башкирии»
ВАН СССР	— Вестник Академии наук
ВАУ	— Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ВИ	— «Вопросы истории»
ВИСДВ	— Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВССА	— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВЦНИЛКР	— Всесоюзная центральная лаборатория консервации и реставрации
ГМИМ	— Государственный музей им. Н. М. Мартьянова
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДП	— Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ЗОРСА РАО	— Записки Отдела русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН КАзССР	— Известия Академии наук Казахской ССР
ИБАИ (ИАИ)	— Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК	— Известия Государст. академии истории материальной культуры
Изв. АН АрмССР	— Известия Академии наук Армянской ССР
Изв. ОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР
Изв. ЮОНИИ	— Известия Юго-Осетинского научно-исследоват. института
ИИРЯ	— Сб. «Источниковедение и история русского языка»
ИМФ	— Известия Молдавского филиала Академии наук
ИРИ	— Институт русского искусства
КМЗВИ	— Киевский музей западного и восточного искусства
КОКМ	— Карагандинский областной краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УРСР
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры: АН СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН
МАА	— Материалы по археологии Абхазии
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАЦНЕ	— Вестник Отделения общественных наук АН Грузинской ССР
МДАПВ	— Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА ю-з СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской народной республики
МИАЭ	— Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР
МКА	— Материальная культура Азербайджана
МЭ	— Материалы по этнографии
НИИИЯЛ	— Научно-исследоват. Институт истории, языка и литературы
НПЛ	— Новгородская первая летопись
НСНРПМ	— Новгородская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИСП	— Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху»
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— «Советская этнография»
Тр. АИЯЛИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории
Тр. АС	— Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
Тр. ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ИИА	— Труды Института истории, археологии и этнографии
Тр. ГМИИ	— Труды Государственного музея изобразительных искусств

Тр. ОНТЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
Тр. ОИПКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Уч. зап. КНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
Уч. зап. МОПИ — Ученые записки Московского Областного педагогического института
Уч. зап. НИИЯЛ — ДагФАН СССР — Ученые записки Дагестанского филиала Академии наук СССР
Уч. зап. Новг. ГПИ — Ученые записки Новгородского государственного педагогического института
Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛИЭ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
Фонды ВУАК — Фонды Всеукраіньского археологічного комітету
ЭСФ — Энциклопедия славянской филологии
AAH — Acta archaeologica hungricae
AJA — American Journal of Archaeology
A u F — Ausgrabungen und Funde
AR — Archologické rozhledy
ARV² — J. D. Beazley. Attic Red-Figured Vase-Painters. Oxford, 1942.
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
INKM PAN — Institute of the History of Material Culture — Polish Academy of Sciences
JHS — Journal of Hellenic Studies
MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
MatArch — Materialy archeologiczne
PA — Památky archeologické
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society (Cambridge)
Prz — Arch — Przeglad archeologiczny (Posnaú)
PZ — Prähistorische Zeitschrift
SCIV — Studii şi cercetari de istorie veche
SLA — Slovenska archeológia
WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. Ф. Филатова (Петрозаводск). Каменные орудия неолитических поселений с керамикой сперрингс в Карелии 3
В. И. Сарианиди (Москва). Древние связи южного Туркменистана и северного Ирана 19
Н. А. Фролова (Москва). О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. . 33
А. Л. Якобсон (Ленинград). Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества 41
М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев (Москва). О датировке вала и рва Новгородского острога 54
И. В. Трофимов (Москва). О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры 74

Публикации

В. И. Марковин (Москва). Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии 83
Б. В. Техов (Цхинвали). Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. . . . 95
М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимощук (Ленинград). Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. 112
С. А. Высоцкий (Киев). Древнерусская азбука из Софии Киевской 128
А. А. Медынцева (Москва). Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской 141

Заметки

М. Н. Клапчук (Делятин). Стоянка Караганда 15 153
Г. Н. Матюшин (Москва). Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале 160
Г. И. Андреев (Москва). Каменные изображения из Туры 163
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Ранненеолитическое поселение у с. Цебельда в Абхазии 172
Д. Я. Телегин, В. А. Круц (Киев). Остатки могильника среднеднепровской культуры у с. Любеа на Днепре 178
О. Г. Шапошникова (Киев). Об одной группе керамики из верхнего слоя Михайловского поселения 180
Г. Б. Авалишвили (Тбилиси). Погребение литейщика из могильника с. Гантиади (Южная Грузия) 183
П. М. Кожин. (Москва). О псалиях из афанасьевских могил 189
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Ранние минусинские кинжалы 193
К. С. Горбунова (Ленинград). Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. 199
А. А. Передольская (Ленинград). Фрагмент краснофигурной чаши из Нимфея 201
Ф. М. Штительман (Киев). Протома Деметры из Киевского музея западного и восточного искусства 203
А. С. Скрипкин (Волгоград). Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области 206
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Находки с городища Прислон 209
Н. В. Трубникова (Москва). Городище «Укся Сют» у дер. Малые Яуши в Чувашии 213
М. М. Маммаев (Махачкала). Зооморфные пряжки Урцекского могильника 219
Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич. (Ташкент, Пятигорск). Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска 222
Л. Ишханов (Баку). К изучению храма в селении Лекит 227
В. И. Сидоров, П. Н. Старостин (Казань). Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения 233
С. А. Изюмова (Москва). Курганы у дер. Слевидово 237
А. А. Шенников (Ленинград). О «крытых дворах» в Старой Ладоге и Белоозере 239

Критика и библиография

Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана за 1968 г. . . . 245
Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков (Ленинград). Палеолит и неолит СССР, т. 5 264
Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев (Ленинград). W. Chmielewski. Civilization de Erzmanowice 269
В. В. Седов (Ленинград). Jakob Ozols. Die bältische Steinkistengräberkultur . 275
С. С. Березанская (Киев). И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы 278

В. А. Пазухин (Москва). Как все же отливали сарматские котлы? 282
Э. А. Сымонович (Москва). Э. А. Рикман. Памятник эпохи Великого переселения народов 285
Е. А. Горюнов (Ленинград). Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе 289
В. И. Гуляев (Москва). С. А. Созина. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки 307
В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов (Москва). А. В. Циркин. Русско-мордовские отношения в X—XIV вв. 310

Хроника

Н. А. Соболева (Москва). Международный нумизматический симпозиум . . 316
Г. Н. Лисицына (Москва). Международный симпозиум по палеоэтноботанике 318
С. Ф. Стржелецкий 320
О. А. Кривцова-Гракова 322
В. И. Цалкин 326
Г. И. Андреев 327
О. С. Хованская 328
Указатель статей 328

SOMMAIRE

Articles

V. F. Filatova (Pétrozavodsk). Outils en pierre des stations néolithiques à céramique de type Sperrings en Carélie 3
V. I. Sarianidi (Moscou). Anciens rapports entre la Turkménie du Sud et l'Iran du Nord 19
N. A. Frolova (Moscou). A propos du problème de la circulation monétaire au royaume de Bosphore au III-me siècle avant notre ère 33
A. L. Yakobson (Léningrad). Rapports des architectures arménienne et géorgienne du Moyen Age 41
M. Kh. Aléchkovsky, L. E. Krasnorétchiev (Moscou). Sur la datation du rempart et du ravin de la fortification, dite «ostrog» à Novgorod 54
I. V. Trofimov (Moscou). Sur les principes de la restauration des monuments du monastère de Troitzko-Serguiyevsk 74

Publications

V. I. Markovine (Moscou). Sépultures de l'époque du Bronze découvertes aux environs du village d'Eghikal (Ingouchétie) 83
B. V. Tékhov (Tzkinvali). Fouilles de la nécropole de Tli en 1966 95
M. V. Malevskaïa, P. A. Rappoport, B. A. Timochtchouk (Léningrad). Fouilles effectuées sur le territoire du site de Lénkovtzy en 1967 112
S. A. Vyssotzky (Kiev). L'alphabet slave de la cathédrale Sainte Sophie de Kiev 123
A. A. Médyntzéva (Moscou). Inscriptions portant le nom du peintre Stéphan, de la cathédrale St-Sophie de Kiev 141

Notices

M. N. Klaptchouk (Déliatin). Station de Karaganda-15 153
G. N. Matuchine (Moscou). La station et la sépulture néolithiques près de Davlekanovo (Oural Sud) 160
G. I. Andréev (Moscou). Les images en pierre de Toura 168
I. N. Voronov (Soukhoumi). La station néolithique près du village Tsébelda en Abkhazie 172
D. Ya. Téléguine, V. A. Kroutz (Kiev). Vestiges de la nécropole de la culture du Dniepr moyen près du village Liubetch sur le Dniepr 178
O. Chapochnikova (Kiev). Sur un groupe de céramiques trouvées dans la couche supérieure de la station de Mikhailovskoïé 180
G. B. Avalichvili (Tbilissi). Sépulture d'un maitre fondeur trouvé dans la nécropole du village Gantiadi (Géorgie du Sud) 183
P. M. Kojine (Moscou). Sur les tiges verticales retenant les mord de la bride découvertes dans les tombeaux d'Affanassiévo 189
M. D. Khlobystina (Léningrad). Anciens poignards de Karasouk 193

K. S. **Gorbounova** (Léningrad). Cylix aux scènes des festins des fouilles sur l'ile de Bérézan en 1966 199
A. A. **Pérédolskaia** (Léningrad). Un frament de la coupe aux figures rouges provenant de Nymphée 201
F. M. **Chtitelman** (Kiev). Protomé de la déesse Déméter du musée des arts occidentaux et orientaux à Kiev 203
A. S. **Skripkine** (Volgograd). Trouvailles fortuites des chaudières sarmates sur le territoire de la région de Volgograd 206
R. L. **Rozenfeldt** (Moscou). Trouvailles provenant de la gorodichtché de Prislon 209
N. V. **Troubnikova** (Moscou). La gorodichtché d'Ouksia-Sut près du village de Malyié-Yaouchi à la Tchouvachie 213
M. M. **Mammaièv** (Makhatchkala). Boucles zoomorphes trouvées dans la nécropole d'Ourtzek 219
G. E. **Aphanaciev, A. P. Rounitch** (Tachkent). Nécropole N 1 près du rocher de Lermontov aux environs de Kislovodsk 222
L. **Ichkhanov** (Bakou). Sur l'étude du temple an village Lekite 227
V. I. **Sidorov, P. N. Starostine** (Kazan). Vestiges des ateliers de fonderie datant du Haut Moyen Age sur le lieu de Pétablissement non-fortifié de Chtcherbiet 233
S. A. **Izioumova** (Moscou). Tumuli près du village Slévidovo 237
A. A. **Chennikov**. (Léningrad). Sur les «cours couvertes» à Staraïa Ladoga età Beloozero 239

Bibliographie

Revue des publications sur l'archéologie de l'Asie Centrale et du Kazakhstan parues en 1968 245
G. P. **Grigoriev, V. P. Tretiakov** (Léningrad). Paléolithe et néolithe en U. R. S. S., t. v 264
N. K. **Anissioutkine, G. P. Grigorièv** (Léningrad). W. Chmielewski. Civilization de Erzmanowice 269
V. V. **Sedov** (Moscou). Jakov Ozols. Die bältische Steinkistengräberkultur . . 275
S. S. **Bérézanskaia** (Kiev). I. I. **Artioménko**. Les tribus des régions du cours supérieur et moyen du Dniepr à l'époque du Bronze 278
V. A. **Pazoukhine** (Moscou). Comment moulait-on les chaudières sarmates? . 282
E. A. **Symonovitch** (Moscou). E. A. Rikman. Monument de l'époque des Grandes invasions des peuples 285
E. A. **Gorunov** (Léningrad). Les monuments anciens slaves archéologiques dans les publications tchécoslavaques, allemandes et polonaises 289
V. I. **Gouliaev** (Moscou). S. A. Sozina. Les Muiscas. Une civilisation de plus de l'ancienne Amérique 307
V. M. **Zoubareva, I. A. Krasnov** (Moscou). Les relation russe—mordoviens . . 310

Chroniques

N. A. **Soboléva** (Moscou). Symposium international de numismatique 316
G. N. **Lissitzina** (Moscou). Symposium international de paléobotanique . . . 318
S. F. **Strjéletzky** 320
O. A. **Krivtzova-Grakova** 322
V. I. **Tzalkin** 324
G. I. **Andréev** 326
O. S. **Khovanskaia** 327

Технический редактор *Г. А. Аверкиева*

Сдано в набор 15/VII 1970 г. Т-14784 Подписано к печати 20/X 1970 г. Тираж 2500 экз.
Зак. 909 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Уч.-изд. л. 34,8 Усл. печ. л. 29,4 Бум. л. 10½
2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.